

Ростислав Станков

ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ТЕКСТЫ
И ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ МОРАВИЗМОВ

*На Румяна Павлова,
която ме въведе в света
на палеославистиката*

Ростислав Станков

ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ТЕКСТЫ
И ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ МОРАВИЗМОВ

София • 2016

Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

*На корицата: изображение на св. Седмочисленици
от манастира „Св. Наум“, Охрид.*

© 2016 Ростислав Станков

© 2016 Университетско издателство „Св. Климент Охридски“

ISBN 978-954-07-3914-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Великая Моравия	11
Великая Моравия и филология	53
Киевские листки	53
Проблема лексических моравизмов	59
Суффикс <i>-bstvij-</i> и префикс <i>vy-</i> : проблема двух морфологических моравизмов	67
ЛЕКСИЧЕСКИЕ „МОРАВИЗМЫ“ В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПОРЫ	73
Усовершенствование методики выявления „моравизмов“	139
Слово <i>непрнагънь</i>	151
<i>БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЕ</i> ПАПЫ ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА И ЧЕШСКИЙ ИЗВОД „ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО“ ЯЗЫКА	161
ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЙ ПЕРЕВОД <i>ХРОНИКИ</i> ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА И „ЧЕШСКОЕ“ ВЛИЯНИЕ	200
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	273
СОКРАЩЕНИЯ	287
СОКРАЩЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ И ТЕКСТОВ	289
СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ	290
ЛИТЕРАТУРА	292
ИНДЕКС СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ	311
РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	319

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящей книги легло несколько статей, посвященных проблеме лексических моравизмов в древних славянских текстах, расширенных и дополненных в основном за счет наблюдений над *Хроникой* Георгия Амартола. Когда в 2006 г. автор направил свое внимание к этой проблематике, он вовсе не подозревал к каким результатам и выводам придет впоследствии. В его намерениях было только желание „разоблачить“ чрезмерное злоупотребление так называемыми лексическими „моравизмами“ некоторыми современными авторами. На начальном этапе исследования, автор полагал, что по крайней мере несколько лексем можно с уверенностью отнести к моравизмам, но в ходе работы оказалось, что подавляющая часть слов, определяемых как моравизмы, не имеет право на такое определение.

Возобновившиеся во второй половине XX столетия споры вокруг локализации Великой Моравии вместе с анализом лексических „моравизмов“ заставляют нас серьезно задуматься и по-новому взглянуть на начало славянской письменности. Ряд утвердившихся в современной науке мнений восходит к XIX в., когда в борьбе за эмансипацию от немецкого политического и культурного господства в Чехии первостепенная роль отводится чешскому языку, как средству, хранящему историческую и культурную память народа. Патриотизм и стремление к самоутверждению вызвали на передний план не только чисто научный интерес к истории и культуре, но методы и средства, не просто выходящие за рамки строгого научного исследования, а ставящие дополнительные препятствия перед наукой. Достаточно вспомнить мистификации вроде Краледворской и Зеленогорской рукописей. Казалось бы, подобные методы и средства можно отнести только за счет романтической эпохи становления славистики, но это далеко не так. Правда, в наше время уже не прибегают к таким грубым фальсификациям, но желание присвоения чужой культурной традиции не исчезло.

Стремление присвоения чужой культурной традиции зарождается в конце XIX в. после того как дискуссия о языке, на котором славянские первоучители перевели Евангелие, подошла к своему концу, и было установлено, что язык этот следует называть *древнеболгарским* (далее ДЯ). Тенденция эта набрала силу в XX столетии, и не видно ей конца и края. В этом плане центральное место занимает переводная книжность в *Slavia Orthodoxa*. Вокруг ряда древних больших по объему переводных текстов долгие годы идут споры о времени и месте их появления. В фокусе этих споров находится лексический критерий, введенный в обращение А. И. Соболевским и непосредственно связанный с проблемой лексических моравизмов. О том,

что данный критерий не в состоянии разрешить спорные вопросы переводной книжности, мы писали не раз. Не является исключением в этом отношении и настоящее исследование, которое не ставит перед собой цель решения всех вопросов, связанных с древнейшим периодом славянской письменности, но оно должно послужить этой цели, показывая, что основания, на которых держится ряд традиционных мнений в палеославистике, не имеют под собой почвы и являются плодом определенных амбиций, лежащих в стороне от строгой науки.

Выражаем свою искреннюю благодарность коллегам, прочитавшим книгу в рукописи, – М. Спасовой, С. Богдановой, Ц. Ралевой, А.-М. Тотомановой, Т. Славовой. Своими советами они помогли улучшить работу и устранить некоторые погрешности.

ВВЕДЕНИЕ

Non fingendum aut excogitandum,
sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat.

Фрэнсис Бэкон

Egressus vero venit primo ad Bulgaros, quos divina
cooperatrice gratia sua praedicatione convertid ad fidem.

Моравская легенда, IV¹

В своем замечательном труде К. Куев поставил перед собой задачу проследить судьбу древнеболгарской рукописной книги прежде всего в плане выявления ее миграционных процессов. С горечью автор заключает, что судьба древней болгарской письменности отражает нерадостную историю болгарского народа². Проявляя исключительное благородство характера, К. Куев пишет: „... готови сме да простим едни или други „прегрешения“ на този или онзи пътешественик, на този или онзи събирач на ръкописи, щом като той е успял да ги запази от унищожителния ход на събитията. Нашата литература е загубила извънредно много и затова днес трябва да бъдем благодарни на всички онези, които са успели да спасят нещо от някогашните нейни придобивки, постижения“³.

Нерадостная судьба древнеболгарских рукописей, к сожалению, имеет свое современное продолжение. Уничтожение древнеболгарской книги на протяжении нескольких столетий в наши дни приобрело иной характер – под видом „научных“ исследований пытаются вычеркнуть многие крупные памятники из числа древнеболгарской книжности. Яркий тому пример стремление современной русской научной традиции присвоить древнерусской письменности такие переводные тексты, как *Хроника* Георгия Амартола (ХГА), *Пандекты* Никона Черногорца (ПНЧ), *Пчела*, *Пролог*, *Житие Андрея Юродивого* (ЖАЮ) и др. Главным основанием для подобных спекуляций, как правило, является отсутствие болгарских списков того или иного произведения. Тенденцию, заложенную в трудах А. И. Соболевского, продолжают его последователи: В. М. Истрин (отнесшийся сначала довольно скептически к идее Соболевского, но впоследствии активно использовавший ее в своих наблюдениях над ХГА), А. М. Молдован (издавший ранний перевод ЖАЮ) и др.

---

¹ Теодоров-Балан 1934: 203.

² Куев 1986: 9.

³ Куев 1986: 8.

Кроме указанного, прямого, подхода существует также несколько иной вид „литературной кражи“, а именно, – тот или иной текст не вырывается из древнеболгарской письменности, но происхождение его приписывается другой письменной традиции. Данный, второй, тип „литературной кражи“ связан прямым образом с начальным периодом становления древнеболгарской книжности во второй половине IX столетия. Все здесь упирается в проблему так называемых „моравизмов“. Определение „так называемый“ употреблено неспроста. Мы уже писали, что многие „моравизмы“ таковыми не являются, считая при этом, что лишь малая толика может претендовать на такое обозначение, но этого не достаточно для того, чтобы приписывать происхождение некоторых текстов „моравской“ письменной традиции, чье существование, на наш взгляд, крайне сомнительно⁴. Эта тенденция нашла свое лексикографическое воплощение в *Slovník'e jazyka staroslověnského*, который по существу претендует на то, чтобы представить словарный фонд Моравской миссии, хотя половина (а то и больше) его словарного состава приходится на *Супрасльскую рукопись* (СР). Более того, отдельные историки на полном серьезе пытаются возвысить в культурном отношении Моравскую миссию за счет древнеболгарской письменной традиции. О чем, собственно, идет речь? Византия оказала влияние на формирование культуры Великой Моравии посредством Кирилла и Мефодия, которые, будучи византийцами, были носителями культурного „универсализма“. Впоследствии наследство Кирилла и Мефодия среди южных и восточных славян „трансформировалось“. Выясняется, что эта „трансформация“ выражается в потере „универсализма“ Кирилла и Мефодия и подпадании под одностороннее прикрепление к византийской цивилизации, которая, таким образом, совершенно неожиданно, оказывается „неуниверсальной“ вопреки тому, что сами Кирилл и Мефодий являются носителями именно византийской, а не какой-нибудь иной культурной традиции. Дефиниция „a paradoxical situation“ вряд ли оправдывает авторов данной концепции⁵. Иными словами, культура Византии в одно и то же время про-

⁴ Станков 2006а; 2006б; 2006в; 2008а. Теперь мы думаем, что в связи с проблемой местонахождения Великой Моравии встает вопрос о правомерности самого термина „моравизм“.

⁵ Vavřínek, Zástěrova 1982: 188: „... a paradoxical situation arose: the countries for which Slavonic culture had originally been created, and where the Cyrillo-Methodian mission actually carried out its activity – including above all Moravia but also Bohemia, Poland and Pannonia – have since then seen their evolution permanently attached to the sphere of Western Latin culture. On the other hand, the cultural achievement of the Cyrillo-Methodian mission has become the heritage of the southern and eastern Slavs; in this new environment, however, it underwent a transformation, manifested – in contrast to the universalism that was characteristic of Constantine and Methodius – by a one-sided adherence to Byzantine civilization. Thus Slavonic literature and the Slavonic liturgy became a means of incorporating the southern and eastern Slav nation into the spiritual sphere of the Byzantine Commonwealth“.

являет себя как „универсальная“ и „неуниверсальная“. Причем такое двоякое поведение византийской культуры обладает странной избирательной способностью: „универсализм“ ее проявляется в отношении Моравии, а ее „неуниверсализм“ – в отношении южных и восточных славян. Включение Богемии и Польши в один ряд с Моравией и Паннонией, когда идет речь о миссии Кирилла и Мефодия, вряд ли удачно. Очевидно, что заключение цитированных авторов выходит за пределы строгой науки.

Великая Моравия

О Великой Моравии писано столько, что сказать что-либо новое по этому вопросу практически невозможно. По этой причине наше внимание в случае будет направлено лишь на самые важные моменты. Проблематика настоящего изложения обязывает нас затронуть вопрос о местонахождении Великой Моравии. Считают, что до конца 60-х гг. XX столетия этот вопрос казался одним из немногих сравнительно ясных вопросов славистики⁶. Традиционно название Великая Моравия относится к Моравии – области между Чехией и Словакией по течению р. Морава (левый, северный приток Дуная). Центральные части этого государства были заключены в треугольнике между реками Дия, Дунай и Морава⁷.

С конца 60-х – начала 70-х гг. И. Боба на основе тщательного анализа источников обосновал теорию, согласно которой Великую Моравию следует искать южнее Дуная⁸. Казалось бы, это должно было бы взбудоражить славистическую науку и вызвать оживленную дискуссию. На деле вышло иначе. За немногими исключениями (в виде положительной или отрицательной оценки) на теорию Бобы отреагировали „каменным молчанием“. Причиной тому, прежде всего, национализм и монопольные научные интересы⁹. Принятие теории Бобы практически выводит из употребления огромную научную литературу (историческую, археологическую и лингвистическую), посвященную истории Центральной Европы в IX в., поэтому ученые просто предпочитают игнорировать ее¹⁰. Отдельные авторы счита-

⁶ Младенова 1999: 15.

⁷ Младенова 1999: 15.

⁸ Boba 1967; 1971; 1985a; 1985b; 1985c; 1986.

⁹ Bowlus 1987: 552–553: “The “Boba thesis” has nevertheless remained controversial, attracting some enthusiastic praise, some bitter condemnation, and much stony silence. For various reasons, among them nationalism and vested scholarly interests, many West Slavic scholars refuse to acknowledge Boba’s work”.

¹⁰ Bowlus 1987: 553: “Since this scholarship has been based on the assumption that ninth-century Moravia was located in what is now Czechoslovakia, Boba’s revisionism threatens to make

ют, что интерпретация источников, предложенная И. Бобой, является нечто совершенно новым в науке¹¹.

Проблема местонахождения Великой Моравии, однако, далеко не нова. Спор по этому вопросу шел еще на заре становления славистики между И. Добровским и В. Копитаром. Этому посвящена отдельная статья С. Бонаццы¹², чья цель выявить как раз „новое“ в интерпретации моравской проблемы И. Бобы. Отметим здесь основные моменты работы С. Бонаццы. Дискуссия между Добровским и Копитаром нашла отражение в их переписке и в их публикациях. Добровский локализирует Кирилло-Мефодиевскую миссию севернее Дуная в противовес Копитару, считавшему, что миссия имела место южнее Дуная, в Паннонии. При этом Копитар подчеркивал, что Моравия – название города (*Stadt*)¹³.

В 1824 г. Копитара поддержал историк Ф. Блумбергер, который в обширной рецензии на книгу Добровского¹⁴ локализует древнюю Моравию в Паннонии, особо подчеркивая, что в Моравии и Чехии святые братья упомянуты в Календаре Мисала и Бревиария лишь в середине XIV в.¹⁵ Добровский отреагировал на рецензию Блумбергера в двух своих работах¹⁶, в критике Блумбергера он видит дух Копитара (*den Geist Kopitars aufzuspüren*)¹⁷. На замечание Блумбергера о позднем упоминании Кирилла и Мефодия в чешских и моравских календарях Добровский ответил, что имена святых братьев упоминаются в самых старых чешских хрониках Козьмы и Далими-

---

obsolete much of the literature about the history of Central Europe in the ninth century, and many historians, archaeologists, and linguists who have written extensively on this topic prefer simply to ignore his ideas”. В своих изысканиях Ч. Боулус пытается согласовать „восточную политику“ (*Ostpolitik*) короля Арнульфа (887–892) с историей древней Моравии. По его мнению, „восточная политика“ Арнульфа гораздо лучше согласуется с теорией И. Бобы, нежели с взглядами ученых, локализирующих Моравию на территории современной Чехии и Словакии. Отношение к книге Бобы не изменилось и в начале XXI в.: “To be sure, Boba’s book found virtually no echo among those archaeologists, to whose work and conclusions the author had given such a cavalier treatment. To this day, no archaeological refutation of Boba’s arguments has been produced, despite the extraordinary explosion of ‘Moravian’ studies in both Slovakia and the Czech Republic. The impression one gets from some of the most recent literature on this subject published by archaeologists using historical sources, is that Boba’s book was never published, or, if it was, that it had no relevance for the archaeological research currently going on in Moravia” (Curta 2009: 243–244).

¹¹ Младенова 1999: 16; этих же взглядов придерживается автор и в недавно вышедшей своей работе: Младенова 2010–2011: 16.

¹² Bonazza 2008.

¹³ Kopitar 1813: 138; цитировано по: Bonazza 2008: 163, 164; см. также Boba 1971: 11, который тоже считает, что Моравия имя города.

¹⁴ Dobrovský 1823.

¹⁵ Blumberger 1824: 220; цитировано по: Bonazza 2008: 166–167.

¹⁶ Dobrovský 1925; 1926.

¹⁷ Bonazza 2008: 166.

ла¹⁸. В цитате, предложенной Бонаццей, Добровский указывает, что Козьма Пражский сообщает о крещении князя Борживоя архиепископом Моравским Мефодием¹⁹. (Это лаконичное сообщение повторяется в четырех местах хроники, а само событие приурочено к 894 г.²⁰) Далее в цитате из сочинения Добровского сказано, что в 1035 г. аббат Сазавского монастыря, Прокопий, упоминает святых братьев как основателей греко-славянского ритуала, а в 1097 г. латинские монахи (*lateinischen Mönchen*) вынуждены были признать, что епископ Кирилл является основателем славянской письменности. В середине XII в. некий градчанский монах отмечает, что Кирилл и Мефодий, после того как создали болгарскую книгу, проповедовали Евангелие в Моравии.

В 1827 г. Блумбергер написал статью о Моравской легенде. В ней автор локализирует архиепископию Мефодия южнее Дуная („in der Nähe der Donau und dießseits der Save“ – „вблизи Дуная по эту сторону Савы“)²¹. Автор также перечисляет места эвентуального захоронения Мефодия²². В этой работе Блумбергер цитирует статью Копитара от 1813 г., где недвусмысленно сказано, что Моравия (Морава) это город²³.

После смерти Добровского в 1829 г. споры о местонахождении Моравии затухают, точнее – эта проблема в медиевистике уже не затрагивается. Утверждается мнение, что Кирилло-Мефодиевская Моравия это Моравия в Чехии – мнение, восходящее к позднему Средневековью. Это отождествление проведено в хронике Козьмы и утверждено чешским историком XVIII в. Яном Иржи Стршедовским (*Sacra Moraviae historica sive Vita SS Cyrilli et Methodii*, Sulzbach 1710). В XIX в. другой чешский историк, Ф. Паллацкий, в своем труде *Geschichte von Böhmen* (Prag 1836–1867) принимает это уже традиционное толкование²⁴.

В основе того, что гипотеза Копитара и Блумбергера не оставила следа в истории славистики (точнее, затерялась в огромном литературном пространстве), лежит, по мнению Бонаццы, отношение В. Ягича, который в своей *Истории славянской филологии* вообще не упоминает статью Копитара о *Житии Климента* (ЖКО), из двух рецензий Блумбергера первую обошел молчанием, а вторую отметил довольно странным образом²⁵. Далее Бонацца пишет, что Копитар и Блумбергер критически настроены к мне-

¹⁸ Bonazza 2008: 167.

¹⁹ Dobrovský 1826: 3f.; цитировано по: Bonazza 2008: 167.

²⁰ Младенова 1999: 69.

²¹ Blumberger 1827: 73; цитировано по: Bonazza 2008: 167.

²² Blumberger 1827: 49; цитировано по: Bonazza 2008: 167.

²³ Blumberger 1827: 71; цитировано по: Bonazza 2008: 168.

²⁴ Bonazza 2008: 169.

²⁵ См.: Ягич 1910: 128; Bonazza 2008: 169.

нию Добровского, принятому безрезервно Ягичем²⁶. На основе проведенных параллелей между Блумбергером и Бобой Бонацца приходит к выводу, что интерпретация последнего не нова, а восходит к трудам Копитара и Блумбергера²⁷.

Вернемся к Ягичу, чье поведение во всей этой истории, действительно, достойно удивления. Ягич не мог не знать о полемике между Добровским и Копитаром, поскольку именно он издал их корреспонденцию²⁸. В его капитальном труде *История славянской филологии* можно уловить лишь отголо-ски дискуссии между Добровским и Копитаром:

„С Добровским продолжался в переписке спор относительно деятельности Кирилла и Мефодия и происхождения церковно-славянского языка. Заметим, что Копитар, которого очень беспокоили формы как *ношьть*, *рожденъ* (одно время он полагал, что это могла бы быть позднейшая переделка), когда убедился в первоначальности этих звуковых сочетаний, старался примирить и этот факт со своей теорией: „*dico ergo, coeptam esse a Methodio literarum in Slavis qui iam habebant christianismum a Germanis, ergo in Karantanis, sed continuatam post 24 primos annos per tria-quattuor saecula in Bulgaris, Serbis, Russis*“ (Письма 484). Это была собственно мысль Вука (ib. 532). Копитар подошел тут очень близко к истине, не будь только постоянно загораживавшего ему путь карантанизма (сл. Письма I 510. 514), пристрастие к которому заставляло его расширять границы болгарского владычества очень глубоко в Паннонию, чтобы только спасти свою теорию! Главный аргумент его в пользу карантанизма состоял в часто повторяемых словах, число которых мало по малу увеличивалось, он говорил о них как о своих паннонских „*Sprachargumente*“. Этих аргументов Добровский не мог удовлетворительно опровергнуть, он прибегал только к различным оговоркам, которые еще сильнее раздражали Копитара и толкали его в сторону карантанизма (сл. Письма 545). Его объяснения были иногда прямо произвольны. Он находил, напр., что упоминаемые в легенде св. Климента болгары жили не в Мизии, а в Паннонии, под *Mogavos* искал город Штирии *Marburg* (ib. 541. 549) и т.д.“²⁹.

Возможно, Ягич отнесся пренебрежительно к мнению Копитара (Блумбергера Ягич упоминает лишь в связи с тем, что, по словам Добровского, тот является подставным лицом, за которым скрывается сам Копитар³⁰) о локализации Моравии из-за крайнего его „паннонизма“ (или „карантанизма“). „Паннонизм“ Копитара приводил к тому, что им высказывались

²⁶ Bonazza 2008: 170.

²⁷ Бонацца 2008, 170–172.

²⁸ Ягич I–II.

²⁹ Ягич 1910: 198–199; см. также: Ягич I: 484, 510, 514, 541, 545, 549.

³⁰ Ягич 1910: 128.

неточные в лингвистическом отношении мнения и комментарии о тех или иных языковых фактах в средневековых славянских рукописях. По всей видимости знаменитый славист в данном случае допустил серьезную ошибку, имевшую далеко идущие последствия для развития славистики.

После статьи Бонаццы остается впечатление, что И. Боба едва ли не позаимствовал свою теорию у Копитара и Блумбергера. Сам Боба пишет, что его исследование является результатом изучения средневековой истории восточной части Центральной Европы и было для него самого неожиданностью. Читая источники, связанные с историей средневековой Польши, Богемии, Венгрии и Хорватии, он установил, что представления об истории Богемии и Моравии не основаны на надежных свидетельствах³¹. Автор рассматривает свое исследование как введение в историю Моравии, нежели как решение всех вопросов и проблем³². У нас нет оснований сомневаться в правдивости слов И. Бобы.

Остановимся на самом названии Великая Моравия. Данное название известно из сочинения Константина Багрянородного *De administrando imperio* (главы 13, 38, 40, 42³³, DAI). Как было сказано, обычно его относят

³¹ Boba 1971, Preface: “The study presents the unexpected outcome of enquiry into the resources for the study of the medieval history of East Central Europe. While reading sources for a planned survey of medieval Poland, Bohemia, Hungary, and Croatia, it became apparent to me that many current presentations of the history of Bohemia and Moravia were not based on viable evidence”.

³² Boba 1971, Preface: “My study is more of an introduction to the problems of Moravia’s history than a set of final definitions and solutions”.

³³ Constantinus Porphyrogenitus III: 81, 170, 173–174, 177; Moravcsik, Jenkins 1949: 64–65, 172–173, 176–177, 182–183: *καὶ πρὸς τὸ μεσημβρινὸν μέρος ἡ μεγάλη Μοραβία, ἧτοι ἡ χώρα τοῦ Σφενδοπλόκου (and on the south side great Moravia, the country of Sphendoplokos); ἐλθόντες ἀπεδίωξαν οὗτοι τοὺς τὴν μεγάλην Μοραβίαν οἰκοῦντας (came and in their turn expelled the inhabitants of great Moravia); τὸ Σέρμιον ἐκεῖνο τὸ λεγόμενον, ἀπὸ τῆς Βελεγράδας ὁδὸν ἔχον ἡμερῶν δύο, καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε ἡ μεγάλη Μοραβία, ἡ ἀβάπτιστος, ἦν καὶ ἐξῆλειψαν οἱ Τοῦρκοι, ἧς ἦρχε τὸ πρότερον ὁ Σφενδοπλόκος (Sirmium by name, a journey of two days from Belgrade; and beyond lies great Moravia, the unbaptized, which the Turks have blotted out, but over which in former days Sphendoplokos used to rule); Ἰστέον ὅτι ἀπὸ Θεσσαλονίκης μέχρι τοῦ ποταμοῦ Δανούβεως, ἐν ᾧ τὸ κάστρον ἐστὶ τὸ Βελέγραδα ἐπονομαζόμενον, ἔστιν ὁδὸς ἡμερῶν ὀκτώ, εἰ καὶ μὴ διὰ τάχους τις ἀλλὰ μετὰ ἀναπαύσεως πορεύηται. καὶ κατοικοῦσι μὲν οἱ Τοῦρκοι πέραθεν τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ εἰς τὴν τῆς Μοραβίας γῆν, ἀλλὰ καὶ ἔνθεν μέσον τοῦ Δανούβεως καὶ τοῦ Σάβα ποταμοῦ. (From Thessalonica to the river Danube where stands the city called Belgrade, is a journey of eight days, if one is not travelling in haste but by easy stages. The Turks live beyond the Danube river, in the land of Moravia, but also on this side of it, between the Danube and the Save river); Ср. русский перевод: „а с южной – ... Великая Моравия, т.е. страна Сфендоплока“ (Константин Багрянородный: гл. 13; здесь и далее текст цитируется по электронному изданию, без указания на страницы бумажного издания); „явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день“ (Константин Багрянородный: гл. 38); „Сирмий, на расстоянии двух дней пути от Белеграда, а от сего места – Великая Моравия, некрещеная, которую опустошили турки и которой правил прежде Сфендоплок“ (Константин Багрянородный: гл. 40); „Долж-*

к Моравии – области между Чехией и Словакией по течению р. Морава³⁴. Точного местоположения Великой Моравии Константин не указал. Тем не менее, чешские ученые запросто отождествляют Великую Моравию с чешской Моравией. Приведем характерную цитату, демонстрирующую это отождествление: „Наименование „Великая Моравия“ ввел в оборот Константин Багрянородный в сочинении „Об управлении империей“ (гл. 13, 38, 40). Это обозначение затем появилось в легенде Успение Кирилла (XIII в.)... Так образовалась в 874-885 гг. Великоморавская держава, что нашло отражение в упоминавшемся сообщении Константина Багрянородного, впервые употребившего название „Великая Моравия“³⁵. Количество примеров можно увеличить. Что важнее в случае, так это то, что современные комментаторы сочинения Багрянородного делают то же самое без особого сопротивления: „Государство западных славян в бассейне Среднего Дуная, возникшее в конце VIII – начале IX в. и достигшее расцвета в 60–80-х годах IX в. Определение „Великая“ в источниках, современных ей, не встречается“³⁶. Далее в том же самом комментарии сказано: „Особенно важно сходство локализаций Великой Моравии в гл. 13 и 40, где она помещена западнее „Сирмия“ на Саве (совр. Сремска Митровица), т.е. также южнее областей первоначального расселения венгров в междуречье Дуная и Тисы и в Задунавье (южнее Дравы)“³⁷. Как видно, текст Константина Багрянородного никоим образом не позволяет отождествлять Великую Моравию с областью в Чехии и Словакии. Затем комментатор высказывает предположение, что сведения о местоположении Великой Моравии получены Константином от мадьяр в разное время. Однако, если сами мадьяры считали, что разгромленная ими Великая Моравия находилась южнее областей их первоначального расселения, возникает вопрос, почему автор комментария, Г. Литаврин, несмотря на очевидное противоречие, без обиняков локализирует Великую Моравию в современной Чехии и Словакии? Ответ прост: в силу укоренившейся традиции.

но знать, что от Фессалоники до реки Дунай, на котором находится крепость по названию Белеград, путь занимает восемь дней, если путешествовать не в спешке, а с отдыхом. Турки живут по ту сторону реки Дунай, в земле Моравии, а также по сю сторону, между Дунаем и рекой Савой“ (Константин Багрянородный: гл. 42). Позднее, в XIII в., название Великая Моравия появляется и в средневековой болгарской письменности (Чешмеджиев 2001: 174–175).

³⁴ Любопытно, что в 41 главе, посвященной Моравии, рассказывается о том, как Сфендоплек на смертном одре призвал своих троих сыновей к единению, продемонстрировав силу единения тремя палками, которые можно сломать в отдельности, но нельзя сломать одновременно (Constantinus Porphyrogenitus III: 175–176; Moravcsik, Jenkins 1949: 180). Подобная история рассказывается и о последнем хане Великой Болгарии – Кубрате.

³⁵ Гавлик 1985: 96, 99.

³⁶ Константин Багрянородный: комментарий 5 к гл. 13.

³⁷ Константин Багрянородный: комментарий 5 к гл. 13.

Особого внимания заслуживает гл. 42, так как споры вокруг этого места не утихают и по сей день. Прочитируем текст Багрянородного из книги П. Юхаса в болгарском переводе: „От Солун до река Дунав, на която се намира град Велеград (Белград – П.Ю.), има осем дни път, ако не се върви бързо, а с почивки. А отвъд реката Дунав, именно в земята Моравия, а също и по-нататък – между реките Дунав и Сава, обитават тюрките“³⁸. Перевод в книге П. Юхаса не совсем точен, наречие *πέραθεν* ‘по ту сторону’ правильно переведено словом *отвъд*, а вот наречие *ἐνθεν* ‘по эту сторону’ – переведено *по-нататък*, что означает ‘дальше’; лишним является слово *именно*, которого нет в оригинале. На основании этого перевода сочетание „отвъд реката Дунав“ толкуется как указание на то, что Моравия находится севернее Дуная³⁹. При этом И. Бобу обвиняют в некорректном толковании источников: „Същото наречие обаче се използва като фундаментален аргумент, когато се цитират Фулденските анали, защото Фулда се намира северно от Дунав, а там също се говори за Моравия „отвъд Дунав“. Целият контекст във Фулденските анали обаче противопоставя княжествата на Прибина, което е южно от Дунав, на княжеството на Растица, което е *отвъд*, т.е. северно от Дунав (*trans Danubium*). По подобен начин анализира този пасаж и И. Боба, който обаче изважда израза *trans Danubium* от контекста му и се позовава на това, че Фулда се намира северно от Дунав и следователно *trans Danubium* би трябвало да се тълкува като южно от Дунав“⁴⁰. Заметим, что здесь нет указаний на то, где именно И. Боба толкует подобным образом выражение *trans Danubium*.

В Фульдских анналах имя Прибины и его княжества нигде не упоминается. Основным источником сведений о нем (поздние хроники не в счет) является *Conversio Bagoariorum et Carantanorum* (гл. 10, 11, 12, 13)⁴¹. В главе 10 читаем: *In cuius spacio temporis quidam Priwina exulatus a Moimaro duce Maravorum supra Danubium venit ad Ratbodum*. И. Боба не комментировал прямым образом этот отрывок в своей книге, лишь упоминает, что около 838 г. Прибина нашел убежище при дворе Ратимара (Ratimar) из Верхней Паннонии, а не с той стороны Дуная⁴². Зато текст комментировал его издатель М. Кос, который считает, что между Моравией Моймира (Моймара) и

³⁸ Юхас 2000: 20.

³⁹ Младенова 2010–2011: 27: „За непредубедения читател тук *отвъд реката Дунав* означава еднозначно – не от тази страна на реката, от която се намира Солун. Може би не е нужно да подчертаваме, че Солун е разположен южно от Дунав“.

⁴⁰ Младенова 2010–2011: 27.

⁴¹ Kos 1936: 126–140. Текст *Conversio* цитируется по doc-файлу в Интернетe.

⁴² Boba 1971: 134–135: “Privina and his son, in fact sought protection at Ratimar’s court sometime around 838, but they moved to his realm from *Pannonia superior* and not from beyond the Danube”. М. Кос уточняет, что бегство Прибины датируют по-разному: с 830 по 838 г.

землями Прибины лежит Дунай⁴³. Автор справедливо обращает внимание на то, что Дунай должен лежать между землями Моймира (Моймара) и землями Прибины. В таком случае неясно почему на картах земли Моймира (Моймара) значатся на северо-западе от современной Словакии, а земли Прибины связываются с территорией Нитры. Оба княжества оказываются севернее Дуная!

О связи Прибины с Нитрой говорится в 11 главе *Conversio*: (Cui quondam Adalrammus archiepiscopus ultra Danubium in sua proprietate loco vocato Nitrava consecravit ecclesiam)⁴⁴. Текст поставлен издателем в скобки не случайно, так как данное предложение является поздней интерполяцией⁴⁵. М. Кос предполагает, что цитированный текст был на полях как глосса в одном из самых древних списков *Conversio*, и вставлен в основной текст поздним переписчиком. Такое предположение, однако, практически недоказуемо и, следовательно, оно бесполезно. Само название Нитра тоже вызывает сомнения: в другом списке значится *uitraua*. Все гипотезы, построенные на таком ненадежном свидетельстве, рискуют оказаться сочинительством. Поэтому неправомерно называть Прибину князем Нитры, которого Моймир (Моймар) прогнал с его земель⁴⁶. Ведь даже если признать вышеупомянутое предложение частью текста *Conversio*, то Прибина получил Нитру после того как Моймир (Моймар) прогнал его с его владений. В этом отношении позиция И. Бобы выглядит солиднее, автор обоснованно доказывает, что связь Прибины с землями, находящимися на территории современной Словакии (Брно, Братислава, Нитра), является результатом работы поздних средневековых хронистов, в частности, Иоганна Авентинуса⁴⁷. Как отмечает Боба, Прибина даже не был моравянином⁴⁸. Тем более парадоксально, что его имя напрочь привязано к Великой Моравии, а сам Авентинус называет его: *Brynon qui et Privina*⁴⁹.

Два слова об этимологии имени. О. Н. Трубочев со ссылкой на словен. **prijebiš* ‘внебрачный’ реконструирует исходную форму как **prijěbina* на

⁴³ Kos 1936: “V dobi Ratbodovega upraviteljstva je prišel k temu na Donavo (supra Danubium), pregnan od moravskega kneza Mojmira, neki Pribina. “Supra Danubium” kaže, da je delala mejo med Mojmirovo Moravsko in upravnim področjem prefecta Ratboda. Prejkone je Pribina na današnjih nižeavstrijskih tleli šel preko Donave”.

⁴⁴ Kos 1936.

⁴⁵ Kos 1936, со ссылкой на М. Вейнгарта.

⁴⁶ Младенова 1999: 31: „Пропьденият от Моймир княз на Нитра Прибина намира убежище при франките...“. Подобные утверждения являются *общим местом* (топосом): “*Nitrava* (the present day Nitra in Southwestern Slovakia) which had been the property of Prince Pribina expelled from there in 833 by the Moravian ruler Mojmir” (Vavřínek 2010: 772, со ссылкой на 11 главу *Conversio*).

⁴⁷ Boba 1971: 134–135.

⁴⁸ Boba 1971: 40, примеч. 24; 134, примеч. 71.

⁴⁹ Boba 1971, 134.

том основании, что о Прибине якобы доподлинно известно его внебрачное происхождение⁵⁰. Л. Гавлик, на которого ссылается Трубачев, считает, что Прибина был побочным сыном Моймира, о чем свидетельствует его титул *filius ex alia coniuge*. Где засвидетельствован этот титул неясно, во всяком случае в главном источнике сведений о Прибине, *Conversio*, его нет. Л. Гавлик указал также на работу Я. Сиеклицкого, но тот относительно Прибины пришел к совсем другим выводам. Во-первых, форма Прибина – неправильная, правильной является форма *Prwina* (*Prwina*), т.е. Привина⁵¹. Во-вторых, анализ главного источника о Прибине, *Conversio*, ясно показывает, что Прибина до его изгнания Моймиром не владел независимой территорией⁵². В-третьих, относительно происхождения Прибины Я. Сиеклицкий высказывает две гипотезы: он был членом династии Моймира, а Нитра стала его наделом (автор при этом не отмечает вставочный характер того предложения *Conversio*, где говорится о Нитре и Прибине), или же он принадлежал к роду племенных князей, сохранивших свое высокое общественное положение в централизованном государстве Моймира⁵³.

Как видно, этимология имени Прибины Трубачева не имеет достаточно оснований и сомнительна по двум причинам: 1) в источниках читается *Prwina*, *Prwina* (сей факт игнорируется, к тому же отсутствует убедительное объяснение редукции имени на славянской почве и изменение *b > w*; игнорируются также другие варианты имени в источниках на латинском языке); 2) реконструкция наталкивается на словообразовательные трудности: суффикс *-ina* присоединяется только к отыменным основам, а это обязывает рассматривать форму **prijebina* как образование от предполагаемого deverбатива **prijebь*⁵⁴ (единственное исключение, когда суффикс *-ina* присоединяется к глагольным основам, связано с образованиями во мн. ч. типа рус. *крестины* < **kr̥stiny* < **kr̥stiti*⁵⁵); остается возможность рассматривать данную форму как префиксальное образование от **jebina*⁵⁶ (обычно *pri-* присоединяется к глагольным основам, гораздо реже к именным типа *прпѣтънъ*, *прнскръвьнъ*⁵⁷, ср. также рус. *пригород*), но у нас нет уверенности в том, что элемент *pri-* в *Prwina* является приставкой.

⁵⁰ Трубачев 2002: 42; со ссылкой на: Гавлик 1976: 170.

⁵¹ Sieklicki 1962: 116, 144.

⁵² Sieklicki 1962: 118 и след., 144.

⁵³ Sieklicki 1962: 137–143, 144.

⁵⁴ См. ЭССЯ 8: 188, при **jebati* не отмечено никаких производных. Правда, подобная лексика редко входит в лексикографические источники. Нет подобного образования и в коротком словаре Дрюммонда и Перкинса (Drummond, Perkins 1973), а также и в словаре В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (2008).

⁵⁵ SP 1: 122.

⁵⁶ Слово зафиксировано в польском языке: Мокиенко, Никитина 2008: 76.

⁵⁷ Цейтлин 1971.

Я. Сиеклички считает, что имя восходит к праслав. *rygvъ ‘первый’⁵⁸. Связь имени с праслав. *rygvъ не лишена оснований, так как не встречается препятствий со стороны словообразования. Относительно семантической стороны можно привести болг. *първина* ‘первая любовь (о женщине и о мужчине)’⁵⁹. Такая этимологизация возможна, если считать имя Прибины славянским, но как раз в этом мы не можем быть уверены.

По мнению И. Добрева, родовое поместье Прибины было расположено в паннонской Нитре (Нитраве), которая не имеет ничего общего со словацкой Нитрой. Подмена Кирилло-Мефодиевской Моравы западнославянской Моравой привела к подмене паннонской Нитры словацкой Нитрой в сознании ученых, занимающихся кирилло-мефодиевской проблематикой⁶⁰. В то же время Добрев считает, что Прибина не был знатным человеком (*quidam Privina*), но называет его отцом князя Коцеля; при этом высказано предположение, что Прибина был ставленником болгарского государства⁶¹.

И. Боба находит своеобразную связь между Прибиной и Святополком: обоим была предоставлена территория, которой они на практике не могли управлять. Прибина в 846 г. получил Нитру, а Святополк в 898 г. – Богемии⁶². Так или иначе, но связь Прибины с Нитрой вряд ли можно считать доказанной, более того, она, скорее всего, результат деятельности средневековых хронистов, чья работа была закончена учеными XIX и XX вв.

То, о чем пишет М. Младенова (см. здесь примеч. 39), имеет отношение к событиям 855 г., нашедшим отражение в Фульдских анналах: в ответ на бунт Ростислава король Людовик двинул свой экспедиционный корпус против него. Ростислав укрепился в хорошо защищенном городе. Людовик опустошил Моравскую область, после чего отступил в Баварию. Отступающая армия была преследована Ростиславом, и много поселений по ту сторону Дуная (*trans Danuvium*) было разрушено⁶³. И. Боба подчеркивает, что

⁵⁸ Sieklicki 1962: 118.

⁵⁹ БЕР VI: 73, *първи*.

⁶⁰ Добрев 2007: 343.

⁶¹ Добрев 2007: 343–344.

⁶² Boba 1971: 71.

⁶³ Rex quoque Hludowicus in Sclavos Margenses contra Rastizen ducem eorum sibi rebellantem parum prospere ducto exercitu sine victoria rediit, malens adversarium firmissimo, ut fertur, vallo munitum ad tempus dimittere quam militum suorum periculose pugnando damna sustinere. Magnam tamen provinciae partem praedis et incendiis vastavit exercitus non parvamque multitudinem hostium castra regis invadere cupientium usque ad internitionem delevit, sed non impune; quia post reditum regis Rastizes cum suis insecutus plurima trans Danuvium finitimorum loca praedando vastavit (AF: 45–46; Boba 1971: 37, примеч. 16). Ср. русский перевод: „Король Хлудовик повел свое войско в земли моравских славян против их взбунтовавшегося герцога Растица, однако успеха он не добился и, не одержав победы, вернулся обратно, поскольку его противник, как рассказывали, некоторое время находился под защитой очень прочных укреплений, отчего войско короля в результате тяжелой битвы могло понести серьезные потери.

описание не упоминает переход через Дунай ни одной из обеих армий. Даже если бы такой переход был описан эксплицитно, предлог *trans* сам по себе не указывает на направление перехода: с севера на юг или с юга на север. Предложение утверждает только, что опустошенные районы находились вдоль и по ту сторону Дуная. Из текста не ясно, означает ли *trans Danuvium* южнее или севернее Дуная и находятся ли разрушенные поселения вблизи Вены, Братиславы, Белграда. Решающее значение имеет место написания текста – Фульда. Поскольку Фульда расположена севернее Дуная, то выражение *trans Danuvium* должно указывать на земли южнее Дуная. Описание того же события в другой хронике (*Herimanni Augiensis chronicon*), написанной южнее Дуная в Рейхенау, также встречается выражение *trans Danuvium*. Но сей факт особого значения не имеет, так как эта часть хроники взята из Фульдских анналах⁶⁴. Что касается 42 главы сочинения Константина Багрянородного, то И. Боба рассматривает его в сопоставлении с описанием главы 40. Так как описание начинается с Солуни, то Дунай, по ту сторону которого расположены Венгры, охватывает участок от Белграда до Траянова моста, описанного в главе 40. Это участок реки, разделяющий венгров от болгар. Однако венгры занимают также территории южнее Дуная, но только те, которые находятся на западе от Белграда, между Савой и Дунаем. Утверждение, что венгры живут в земле Моравии, относится к территориям как севернее Дуная, если смотреть со стороны Белграда, так и к территориям южнее Дуная, а именно – на западе от Белграда и на севере реки Сава. То же самое расположение Моравы дано Константином и в главе 40⁶⁵.

Однако значительную часть земли герцога войско предало огню и грабежам и полностью уничтожило большое число врагов, которые хотели ворваться в королевский лагерь. Это не осталось безнаказанным, так как после возвращения короля Растиц со своими людьми последовал за ним и на другой стороне Данувия (*Дунай*) разорил очень много пограничных деревень“ (Фульдские анналы). Комментаторы русского перевода предполагают, что укрепленный город Ростислава – это крепость Девин, которая находится на окраине современной Братиславы (комментарий 137). Предположение основано, видимо, на том, что под 864 г. упоминается об осаде Ростислава Хлудовиком в городе под названием Довина (*Dowina*), расположенном по ту сторону Дуная (*ultra Danubium*) (AF: 62). Оправдано ли подобное отождествление, трудно сказать. В Фульдских анналах под 871 г. упоминается еще „древний“ или „прежний“ город Ростислава (*urbem antiquam Rastizi*) (AF: 74). В. Вавркинек считает, что этот же город упоминается и под 869 г. (*ineffabilem Rastizi munitionem*) (AF: 69), но автор отождествляет его с мифическим Велеградом (ныне Staré Město) (Vavřínek 2010: 781).

⁶⁴ Boba 1971: 38.

⁶⁵ Boba 1971: 81: “Since the description starts with Thessalonica, the Danube, beyond which are the Hungarians, is the section of that river between Belgrade and the Bridge of Trajan, as defined in chapter 40. This is the stretch of the river that separated the Hungarians from Bulgars. However, the Hungarians also occupied territories south of the Danube, but only those that were west of Belgrade, namely, between the Sava and the Danube. The statement that the Hungarians live “in the land of Moravia” refers to the territories both north of the Danube as visualized from Belgrade and

Кроме того, с этим местом связана еще одна проблема: так как в данном случае венценосный автор говорит о земле Моравии⁶⁶, возникает вопрос, не о двух ли Моравиях идет речь? Проблема осложняется еще и тем, что Константин Багрянородный в книге о церемониях византийского двора (*De cerimoniis*) среди прочих владык Балканского региона упоминает и архонта Моравии⁶⁷. К этому необходимо добавить и найденную в начале 90-х годов печать, которую, согласно восстановленной надписи на реверсе, приписывают Ардалесту Диогену, протоспатариию и стратегу Моравы. Издатели печати не исключают связь Ардалеста Диогена с архонтом Моравии в *De cerimoniis*⁶⁸. Данной проблеме отдельную статью посвятил С. Пириватрич, который задался вопросом, есть ли разница между ἡ χώρα Μοραβία и ἡ μεγάλη Μοραβία в DAI⁶⁹. Л. Гавлик высказал мнение, что термин ἡ χώρα Μοραβία в DAI означает совсем ограниченную область „старой“ Моравии и Нитры, которая с 833 г. входила в ее состав. Район Нитры с середины XVI в. обозначался как „нижняя Моравия“. Термин же ἡ μεγάλη Μοραβία в DAI подразумевает территорию Моравского княжества, расширенного в сторону Паннонских низин после завоеваний князя Святополка⁷⁰. С. Пириватрич, с основанием на наш взгляд, не согласен с идеей Гавлика. По его словам, сведения о расположении Великой Моравии в 40 главе DAI не удовлетворительны, сведения же в 13 главе недостаточно надежны, чтобы их можно было бы толковать в том ключе, в каком предлагает Гавлик. Сведения из 42 главы не дают оснований думать, что в DAI автор разграничивает землю Моравию и Великую Моравию⁷¹.

Все же, исходя из выражения *Великая Моравия*, С. Пириватрич допускает существование еще одной Моравии, но не отождествляет эту предполагаемую Моравию с Моравией, упомянутой в *De cerimoniis*⁷². Поиски этой второй Моравии привели к тому, что автор невольно вступает в противоречие с самим собой, когда говорит о том, что география в DAI в основном

also south of the Danube, namely west of Belgrade and north of the river Sava. The same location of former Morava, and now of Hungary, was given in Constantine's chapter 40".

⁶⁶ Такое употребление встречается еще в 41 главе: *περὶ τῆς χώρας τῆς Μοραβίας*. Ἰστέον ὅτι ὁ Μοραβίας ἄρχων ὁ Σφενδοπλόκος ἀνδρείος καὶ φοβερός εἰς τὰ πλεσιάζοντα αὐτῷ ἔθνη γέγονεν· (Constantinus Porphyrogenitus III: 175, 19–21; Moravcsik, Jenkins 1949: 180,1–3); Of the country of Moravia. The prince of Moravia, Sphendoplokos, was valiant and terrible to the nations that were his neighbours, p. 181; рус. перевод: „О стране Моравии. Да будет ведомо, что архонт Моравии Сфендоплок был мужественен [и] страшен соседним народам“ (Константин Багрянородный: гл. 41).

⁶⁷ *εἰς τὸν ἄρχοντα Μωραβίας* (Constantinus Porphyrogenitus I: 691, 11).

⁶⁸ Пириватрич 1997: 173, 183, примеч. 37.

⁶⁹ Пириватрич 1997: 185–186.

⁷⁰ Navlík 1993; цитировано по: Пириватрич 1997: 186.

⁷¹ Пириватрич 1997: 186.

⁷² Пириватрич 1997: 186–187.

совпадает с ареалом внешнеполитических интересов Византии и что в этот ареал входят обе Моравии, одна ясно выраженная, другая – молчаливо⁷³. В итоге эта вторая Моравия, согласно автору, должно быть некая Балканская склавиния.

В поисках этой Моравии С. Пириватрич цитирует и болгарские источники, в которых говорится о Великой Моравы, паннонской Моравы и верхней Моравы: Кърназ фнлософъ... Мефодію брѣтъ ѹго, архієписк моравы панонскіє... Кланментъ оученикъ ѹго єписк велікіє морѣвн *Синодик царя Борила* 202a5, 12–13, 14–15⁷⁴; Ѡ Ра(с)тислава княза, велікіє Морѣвы (в Львовском списке Морѣвѣж) *Успение Кирилла*⁷⁵; отьць нашъ Методіи, архієпископъ вышнѣж Моравы (вар. вышнюю Моравоу) *Проложное Житие Кирилла и Мефодия*⁷⁶; ѡца наго. мефодіа. архпа вышнѣж морѣвн *Ассеманиево евангелие* (AE) 145b21–22⁷⁷. С. Пириватрич приравнивает определения *верхняя* и *великая*, локализуя эту Моравию традиционно на территории Чехии и Словакии. Обе традиции (византийская и славянская) показывают, что определения *верхняя* и *великая* употребляются относительно какой-то другой Моравии, при этом допускается возможность независимого происхождения обеих традиций⁷⁸. Отождествляя „верхнюю“ и „великую“ Моравию с Моравией в Чехии и Словакии, С. Пириватрич оставил без комментария сведение из *Синодика царя Борила*, где Мефодий назван архиепископом Моравы Паннонской (сходные сведения дает и *II Житие Наума* (II ЖН), о чем ниже). Каким образом это сведение соотносится с традиционной локализацией Великой Моравии? Как это согласуется с тем, что с середины XVI в. (1556) Нитру располагают в „нижней Моравии“? С. Пириватрич считает последний термин слишком „молодым“, чтобы можно было бы на него положиться⁷⁹. Если согласиться с таким доводом, получится, что одну и ту же Моравию (поскольку Нитру связывают с Великой Моравией) в разное время называют то „верхней“, то „нижней“.

Вопрос о „верхней“ Моравии издавна волновал исследователей. Еще Копитар и Добровский ломали голову над этим местом *Проложного Жития Кирилла и Мефодия*, но им был известен только вариант архієпископъ вышнюю Моравоу. Копитар исправляет чтение на вышню Моравъ, видя в нем

⁷³ Пириватрић 1997: 192: „Географија списа DAI углавном се поклапа са простором спољнополитичких интереса Царства, и у њега улазе обе Моравије, једна изрично, друга прећутно“.

⁷⁴ Божилов, Тотоманова, Билярски 2010: 150.

⁷⁵ Лавров 1930: 156.

⁷⁶ Лавров 1930: 100.

⁷⁷ Vajs, Kurz: 292; AE: 145621–22.

⁷⁸ Пириватрић 1997: 193–194.

⁷⁹ Пириватрић 1997: 194, примеч. 73.

дат. ед. Добровский в форме Моравъ от Морва видит дв. ч. Эту точку зрения воспринимают Ганка и Шафарик, Шафарик даже ищет две „верхние Моравы“⁸⁰. Копитар в 1838 г. понял, благодаря записи в календаре АЕ, что речь идет о род. ед. После обнаружения варианта *архнѣпнскопъ вышнаѣ Моравы* выясняется, что имеет место среднеболгарская мена юсов, о чем писал и В. Ягич⁸¹. Он также приводит примеры из *Шестоднева* Иоанна Экзарха Болгарского, где вм. *ѣ* в род. встречается *ѣ*. Й. Райнхарт (в рецензии на труд О. Кронштейнера) считает, что *вышнаѣ моравън* в АЕ должно означать „верхняя Моравия“ (‘oberes Mähren’) ⁸². На Райнхарта ссылается и Й. Схакен, попытавшийся в небольшой статье опровергнуть теорию И. Бобы⁸³. Особое внимание этому словосочетанию уделяет и Х. Бирнбаум, для которого оно является „непреодолимым“ аргументом против взглядов Бобы. Бирнбаум даже утверждает, что данное сочетание корреспондирует с греч. *τῆς ἄνω Μοραβίας*, отражающим „византийскую географическую ориентацию“, перешедшую затем и в славянский эквивалент⁸⁴. Откуда появился вариант *τῆς ἄνω Μοραβίας* – непонятно.

Авторы, ссылающиеся на указанное словосочетание, так и не смогли толком объяснить, почему оно должно в обязательном порядке указывать на Моравию в Чехии и Словакии. Никто из них не обращает внимания на название „нижняя Моравия“, соотнесенное со словацкой Нитрой. Аргумент С. Пириватрича, что это название позднее и несущественно, не может удовлетворить серьезного исследователя. Зато сам С. Пириватрич смело ссылается на греческий кодекс Афонского монастыря Св. Пантелеймона, составленный в середине XIX в., и на Паисия Хиландарского, автора второй половины XVIII в.⁸⁵ На Паисия ссылается и Х. Бирнбаум: Паисий, во многом ошибавшийся, в случае, однако, ясно разграничивает две Моравы и указывает, что Кирилл и Мефодий были епископами не в Сербской Мораве, а в другой Мораве⁸⁶. Ссылка на Паисия Хиландарского демонстрирует

⁸⁰ Шафарик II/2: 280–281: „Земли, занятые ими [тремя славянскими ветвями, – Р.С.] и лежащие по обеим сторонам Дуная, прежде имели одно общее имя, т.е. Великая Моравия или „вышнѣ Моравѣ“ (двойств. число), для отличия от „Нижней“ или Булгарской Моравии. В них обитали Славяне, родственные по наречию и нравам, и видимо отличавшиеся от Хорутанских и Булгарских“. Далее автор пишет, что славянских обитателей этого края „лучше всего можно причислить к Мораванам и Словакам; „в обеих Вышних Моравях“, лежащих по обеим сторонам Дуная, владели одни и те же Моравские... князья, прежде всего Прибина, князь Нитранский, потом, сын его, Коцел, напоследок Святополк“; „язык обитателей этого края явно показывает, что они были Мораване и Словаки“ (с. 282).

⁸¹ Jagić 1913: 176–177.

⁸² Reinhart 1990: 259–260.

⁸³ Schaeken 1993: 329.

⁸⁴ Birnbaum 1993: 338.

⁸⁵ Пириватрић 1997: 191, примеч. 66; 193, примеч. 72.

⁸⁶ Birnbaum 1993: 337.

бессилие оппонентов И. Бобы, которые цепляются и за соломинку: Бирнбаум ссылается лишь на одно словосочетание, вырывая его из общего контекста. Вот что сказано о деятельности святых братьев в истории Паисия: Кирилл и Мефодий отправились к Клименту, бывшему в то время архиепископом в Охриде, и там вместе с пятью философами (Климентом, Саввой, Наумом, Эразмом, Ангеларием) собирали слова из всех славянских языков (болгарского, сербского, русского, „московского“, словенского, лашского), и так „составили“ псалтирь, евангелие и другие книги. Далее Паисий продолжает: „Но стї Кирилъ ѿ Меѳодїа послѣдждѣ бїли поставлѣни єпѣкпи въ Морѣва славѣномѣ, не сѣрбска Морѣва, що ѿде презъ Шѣмадїа, но дрѣга Морѣва, прї Сѣкїань морѣ, що са назїва морѣ Балтинское, при Бранъдиѣвѣра, ѿ тамо са испѣрво ѿзъишле бѣлгари, а ѿни, що са тамо ѿстѣли, нарицают се славѣни. Тамо бїли за нѣколко (врѣме) єпїскопствовѣли ѿ зчїли ѿни славѣни вѣрѣ хрїтїанскою; ѿ тако послѣжде порѣди тогѣ народа нарѣкли пїсмо кнїги словѣнски. ѿ тако кой наро^д чатѣ тїе кнїги, тако се нарицают ѿбщо словѣнски; но грѣци, како испѣрво знаѣли, бѣлгарски кнїги кажѣть. а не ѿнако до нїна“⁸⁷.

Видно, что полагаться на Паисия Хиландарского не следует, так как у него все перепутано. Добавим еще, что Паисий отождествляет Мефодия с неким иконописцем, который был у хана Омуртага (Муртагона) в Тырново (!), где нарисовал ему картину Страшного Суда, после чего хан принял крещение. Бирнбаум прошел мимо того, что другая Морава, которую Паисий, кстати, связывает с болгарами, расположена у озера Балатон, а это весьма далеко от современных Микульчиц. Автор не обратил внимания также на то, что у Паисия название Морава в первом случае обозначает место, а не страну, а во втором – реку! В этом плане сведения из *Истории* Паисия стоят ближе к позиции И. Бобы, чем к взглядам его оппонентов.

Обратим внимание еще на одну деталь. Название *Морѣва* не является эквивалентным соответствием греч. *Μοραβία*, как считают Бирнбаум и Схакен, так как греческое слово может обозначать и страну, тогда как славянское – только реку или город. Славянские источники в ряде случаев показывают, что *Морѣва* обозначает город (см. выше). Во II ЖН к названию прямо присоединено слово *градъ*, о чем в свое время писал И. Боба: *Меѳодїе же отложн жалостъ прїнаго брата своего Кирїлла и прїемъ отъ блаженнаго Андїїана папѣ распствѣнїе и съ всѣмы зченныи отнде въ Паноннѣ въ градъ Морѣвѣ*⁸⁸. Поэтому и определения *взышнѣна*, *вѣлнѣна* уводят нас совсем в другую сторону. В болгарской традиции определения типа *верхний* (в современном болгарском *горни*) и *нижний* (совр. *долни*) относятся к названиям населенных пунктов

⁸⁷ Иванов 1914: 69.

⁸⁸ Теодоров-Балан II: 136; Иванов 1931: 312.

и местностей, но не к странам. Определение *великий* в болгарской традиции тоже связано с обозначением городов или характеристикой местностей (ср. данные из книги Л. Тасевой на велни, велникъ, горьнин, дольнин⁸⁹; топонимы со словами възьшинн и малъ представлены слабо⁹⁰; ср. также Велико Търново, Велики Преслав).

В средневековых документах встречается название Морава, которое обозначает населенный пункт и реку. В грамотах сербских князей и королей 14 раз отмечено это название. Пять из них Л. Тасева относит к болгарским территориям⁹¹. В тексте грамоты князя Лазара 1382 г. упоминается топоним Морава, затем сказано, что все было написано в Мораве, в месте называемом Жича: *Н оу Здрьлатон трьгъ на Мораве н съ вродомъ... Сѣ вса напнсаше се въ Моравѣ мѣстѣ рекомѣмъ Жичѣ*⁹². В грамоте деспота Бранковича 1428–29 гг. упоминается „верхняя Морава“: *Н оу Горнон Моравѣ село Обръва, село Лѣсковла...*⁹³. Поэтому възьшина и велника Морава вряд ли могут относиться к Моравии, расположенной в Чехии и Словакии. Возникает вопрос об отношениях между определениями велника и *μεγάλη*. Не исключено, что греческое определение возникло под влиянием славянского.

В поисках второй Моравии С. Пириватрич ссылается на Лорхские фальсификаты. Автор этих текстов, известный как Пилигрим (или епископ Пассау), в 974 г. получил грамоту от Бенедикта VII, подтверждающую его архиепископское достоинство и определяющую границы его диоцеза в рамках „нижней Паннонии и Мизии, которые являются провинциями Аварии и Моравии“ (*in inferioris Pannoniae atque Mesiae regiones, quarum provinciae sunt Auaria atque Maravia*)⁹⁴. С. Пириватрич пытается ответить на вопрос, что означало понятие Моравия в представлениях Пилигрима. Для этой цели автор анализирует политическую географию всех лорхских фальсификатов и приходит к заключению, что под термином *Maravia* Пилигрим подразумевал бывшее Моравское княжество, а не какую-то Моравию, тождественную Мизии, как можно было бы ожидать⁹⁵. Что же получается? Пилигрим знает Великую Моравию севернее Дуная, производит на свет фальсификаты, где говорит именно об этой Моравии, а в итоге получает архиепископское достоинство в нижней Паннонии и Мизии, которые являются провинциями Аварии и Моравии, согласно цитированному выше тексту. Ср. еще: *Auaria*

⁸⁹ Тасева 1998: 162–163, 170, 176–177, 185–186.

⁹⁰ Тасева 1998: 170 (възьшина ннѣ), 222, 229 (малн мраморѣне).

⁹¹ Тасева 1998: 227; Новаковић 1912: 413, 477, 635, 764, 770.

⁹² Новаковић 1912: 764.

⁹³ Новаковић 1912: 335.

⁹⁴ Пириватрић 1997: 195.

⁹⁵ Пириватрић 1997: 197: „*Maravia* је у Пилигримовима списима бивша Моравска кнежевина, а не нека *Maravia* која је истоветна са Мезијом, како би се могло сматрати“.

atque Mauaviae regionum quoque inferioris Panoniae sive Mesiae⁹⁶. Аргумент, что Пилигрим последовательно разграничивает античные географические названия от современных ему названий, не убедителен до конца, поскольку и сам С. Пириватрич вынужден признать, что у Пилигрима выражения не всегда достаточно ясны⁹⁷. И. Боба отметил, что исследователи истории Моравии отвергают тексты Пилигрима на том основании, что они поддельные, а представления о географии их автора весьма смутны⁹⁸. Как бы то ни было, из этих текстов видно, что немецкие духовники и во второй половине X в. продолжали интересоваться нижней Паннонией так же, как и во времена Мефодия, чья архиепископия, согласно источникам, находилась в Мораве Паннонской, а не в районе болотистых Микульчиц.

В связи с проблемой местонахождения Моравии весьма интересно высказался О. Н. Трубочев: „В составе чешских земель, входящих в нынешнюю Чехо-Словакию, находится Моравия (чеш. *Morava*). Источники X в. нередко говорят о Великой Моравии. На основе, по-видимому, чисто умозрительного заключения, что эпитет *Великая* мотивирован исключительно идеологией и политикой средних веков и никаких других отличий в себе не заключает, историки нового времени отождествили Великую Моравию той эпохи и современную Моравию. Похоже, что это было заблуждением, которое сейчас только начинает проясняться“⁹⁹. Далее: „Признаюсь, мне как читателю эти высказывания не проясняют суть дела. Если бы я знал только эти две цитаты¹⁰⁰, то и тогда у меня с полным правом зародилось бы сомнение относительно авторства византийского императора, который будто бы „впервые“ назвал так государство, заметим, уже просуществовавшее к его времени почти целый век. Кроме того, над страницами историков витает молчаливая презумпция, что прежде страна называлась (как и сейчас) Моравия, потом она возвысилась, и венценосный сочинитель назвал ее за это Великой Моравией“¹⁰¹; „Константин Багрянородный имел в виду не общеизвестную Моравию, которая всегда была и по-прежнему остается Моравией. Но это отнюдь не означает, что „Великая Моравия“ – историческая фикция. Просто дело в том, что, как показывают некоторые новые разыскания, Великая Моравия находилась в другом месте, значительно дальше на юг“¹⁰². В общем О. Н. Трубочев склоняется к гипотезе И. Бобы, обоснованной в начале 70-х годов XX в. (независимо от мнения своих предшест-

⁹⁶ Пириватрић 1997: 195.

⁹⁷ Пириватрић 1997: 197: „не увек најјаснијих израза“.

⁹⁸ Boba 1971: 10.

⁹⁹ Трубочев 2002а: 261.

¹⁰⁰ Автор имеет в виду и мнение Г. Э. Санчука: Санчук 1985: 7.

¹⁰¹ Трубочев 2002а: 262.

¹⁰² Трубочев 2002а: 262.

венников, Копитара и Блумбергера), согласно которой Великая Моравия находилась в Славонии, в районе древнего Sirmium (Срем)¹⁰³. Особо нужно выделить то „немаловажное культурно-историческое обстоятельство, что памятник великоморавской эпохи „Закон судный людем“ специально говорит о виноградниках¹⁰⁴, а последних вплоть до самого начала XI в. к северу от Дуная не было, тогда как с очень раннего времени славился своими винами Срем“¹⁰⁵.

Многие авторы, пишущие о Великой Моравии, говорят о виноградном деле как об отрасли ее хозяйства. Так, Й. Поулик (со ссылкой на М. Беранову) пишет: „... главным компонентом производства было земледелие... К земледелию присоединялось и садоводство, огородничество и выращивание винограда“¹⁰⁶. Однако в своем труде М. Беранова сообщает, что в районе Микульчицах было найдено большое количество косточек дикой высококоравинной разновидности винограда, в то время как количество косточек облагороженного сорта незначительное. В итоге М. Беранова заключает, что в VII–VIII вв. в Словакии виноградное дело было слабо развитым, в IX в. оно расширилось в области Великой Моравии, но все еще не достигло хорошего качества. В X в. виноградное дело известно и среди чехов, но о его уровне нельзя высказать определенное мнение¹⁰⁷. Как видно, И. Боба справедливо не связывает происхождение *Закона Судного людем* (ЗСЛ) с территориями современной Чехии и Словакии¹⁰⁸.

„Кроме того, – пишет далее Трубачев, – житие Мефодия гласит, что Мефодий наследовал престол св. Андроника, а последний был как раз епископом Сирмиума (Срема), древней столицы провинции Pannonia Secunda и Западной Иллирии“¹⁰⁹; „Связь обоих первоучителей славян с Моравией

¹⁰³ Boba 1971.

¹⁰⁴ „ѣ... аще ли кто стьбълье наї тьрныи хотѣ пожещи на своенъ ннвѣ. възгнѣтнть огнь. то же огнь прошедъ възжеть чюжо нѣвоу наи виноградъ... Новгородский список 1280 г. л. 339об, (ЗСЛ (К): 38, 121); еі... аще ли кто стьбълье наи тьрныи хотѣ пожещи на своен ннвѣ възгнѣтнть огнь. тъ же огнь прошедъ възжеть чюжо ннвоу ли чюжо виноградъ... Устюжский список начала XIV в., л. 58–58об (ЗСЛ (К): 50–51, 147–148).

¹⁰⁵ Трубачев 2002а: 262; Boba 1971: 150–151: “The *Zakon* makes reference to monasteries and vineyards, and reflects an economy based on money (payment of fines in coinage). The earliest monasteries attested in present day Bohemia and Slovakia date from the late tenth and early eleventh centuries only. There were no vineyards north of the Danube before the early eleventh century. Legend has it that the first vineyard in western Slovakia (considered to have been part of the Moravian realm) was planted by Saint Svorad in the eleventh century. Saint Svorad came to the neighbourhood of Nitra from Pannonia”.

¹⁰⁶ Поулик 1987: 114.

¹⁰⁷ Beranová 1980: 226.

¹⁰⁸ Boba 1971: 150–152.

¹⁰⁹ Трубачев 2002а: 263; см. Boba 1985b: 35. И. Боба (1985а: 21) также указывает на разногласия среди ученых, с одной стороны, о епископском достоинстве Мефодия, с другой

несомненна, но, как указывает нам И. Боба, свидетельства о деятельности Константина **к северу от Дуная** отсутствуют и в целом, например, чешская традиция этого святого носит посмертный характер, знает его только как **Кирилла** (монашеское имя Константина!)¹¹⁰. О. Н. Трубочев также считает, что гипотеза И. Бобы „подкрепляется свидетельствами франкских источников о том, что баварские военные операции против Моравии были нацелены, собственно говоря, **на район, где Сава сливается с Дунаем** (то есть Срем, Белград, историческая Нижняя Паннония)¹¹¹.

В свое время как раз против этого аргумента выступила М. Младенова: „... Франкските кралски анали, Фулденските анали, Баварския географ, анонима Гал и документа *De conversione Vagoariorum et Carantanorum*. От тях е очевидно, че Моравия е водила войни с франките през години, през които българската държава не е воювала с тях. Следователно Моравия не може да се локализира в Сирмиум, който по това време е част от българската държава“¹¹².

Данное мнение, видимо, основано на трудах В. Златарского, считавшего, что указанные территории были под властью болгар на протяжении IX–X вв.¹¹³ Франкские анналы сообщают о попытках разрешить пограничные споры между болгарами и франками в 824–826 гг., затем о походах Омурта-

---

стороны, – о месте его епископства и даже о самом существовании его епископства.

¹¹⁰ Трубочев 2002а: 263; см. Boba 1985с: 63: “The fact remains that Bohemian sources in Latin refer to “Cyril”, while the Bulgarian sources and the CPD [Дуклянская хроника, – Р.С.] know the same person under the name of “Constantine”. The “Czech tradition” is, obviously, a “posthumous” literary reflection of sources created initially in Rome after the death and beatification of Constantine. Sources originated in Bohemia do not know Constantine, but Cyril. It was on his death-bed that Constantine became a monk and, as a monk, assumed the new name of Cyril. Any living tradition in a country where Constantine was active would remember the name of Constantine. Any sources using the name Cyril exclusively must be based on sources – written or oral – derived from Rome or regions where the veneration of St. Cyril began or was adopted long before the final separation of the two Patriarchates. In regions where Constantine was both remembered as a preacher and later venerated as a saint, the two names remained in use in sources: Constantine and Cyril. It was, therefore, in places where Constantine had been seen and remembered – among the Romans, the Glagolasi and the Bulgarians – that his veneration originated. This veneration was transplanted to Prague, Olomouc, Cracow and other places north of the Danube only during the 14th century by the “Glagolasi”, refugee monks and priests from Dalmatia who brought with them the use of Old Slavonic language in liturgy”. См. ниже цитату из Кристиановой легенды (здесь примеч. 184). На это указывает и красивая иллюстрация в книге А.-Э. Н. Тахиаоса с видом на Велеград в Моравии, где изображена церковь *Kyriilka* (*Кирилка*) (Тахиаос 2005: 113).

¹¹¹ Трубочев 2002а: 263.

¹¹² Младенова 1985: 33. М. Младенова продолжает защищать традиционную точку зрения на местонахождение Великой Моравии, опираясь, однако, на тенденциозные в этом отношении исследования чешских авторов (см. Младенова 1999).

¹¹³ Златарски I/1: 316. Сомнения по поводу мнения Златарского высказывает и И. Добрев (Добрев 2007: 341–342).

га вверх по течению р. Драва под 827 и 829 гг., есть сведения также о болгарском посольстве к немецкому императору в 832 г. В. Златарски считает, что после Омуртага область в районе Сирмиума (ныне Сремска Митровица) между реками Сава и Дунай находилась под болгарской властью в IX–X вв. При этом Златарски ссылается на Дж. Бэри. Однако сам Бэри пишет, что болгарская власть была восстановлена после болгарского похода в Паннонию в 827 г. Далее сказано, что в IX в. болгары были соседями франков и, *кажется*, владели как Сирмиумом, так и Сингидунумом (Белградом)¹¹⁴. Сведения франкских анналов не позволяют выяснить до конца вопрос о том, когда Сирмиум входил в состав Болгарии, а когда – нет. Мнение о его включении в болгарские владения в IX–X вв. основано на догадках и остается в рамках гипотезы. Ведь сам Златарски обращает внимание на то, что неизвестно, был ли заключен мирный договор между франками и болгарями. По этой причине никак нельзя разделять уверенность знаменитого историка, что Сирмиум окончательно вошел в рамки болгарского государства¹¹⁵. Вот как описывает эти события П. Шафарик: „Хотя современные летописцы ничего определенно не говорят об изгнании Булгарь из Паннонии, однако же, судя по некоторым событиям последующего времени, открывается, что господство их продолжалось сдѣсь не долго. Только небольшая область, находящаяся между Дравой и Савой, или Сремь, часть восточной Угрии, начиная от Пешта и Матры до верховьев Тисы, и край между Сербской Моравой и Тимокомь, оставались и въ последующее время въ ихъ владѣній, до самаго прибытія Мадыаровъ. Въ этѣ-то Булгарскіе земли ушель Прибина, Моравскій князь (831), а вскорѣ за нимъ и Ратимиръ, тоже Славянскій князь, напрасно искавшие тамъ помощи противъ своихъ враговъ и притѣснителей“¹¹⁶. Сведения об этом, как было указано выше, содержатся в 10 главе *Conversio*: некто Прибина, изгнанный князем мораван Моймиром (Моймаром) по ту сторону Дуная, пришел к Ратбоду. Затем между Ратбодом и Прибиной возникли разногласия и он, испугавшись, вместе с сыном Коцелом бежал в Болгарию, а еще через некоторое время перешел в страну Ратимара¹¹⁷. Болгарский историк П. Коледаров специальное внимание обращает на проявления сепаратизма среди славянских племен в районе Восточного Илирика, что приводило к возникновению „буферных“ зон, обитатели которых, не будучи в состоянии отстаивать до конца свою независимость, были вынуждены последовательно подчиняться то немецко-

¹¹⁴ Bury 1912: 365: “and seem to have held both Sirmium and Singidunum”; Bury 1915: 141: „и изглежда да са владели и Сирмиум (Срем) и Сингидунум (Белград)“.

¹¹⁵ Златарски I/1: 316.

¹¹⁶ Шафарик II/1: 286.

¹¹⁷ Kos 1936: “Interim exorta est inter illos aliqua dissensio, quam Priwina timens fugam iniit in regionem Vulgariam cum suis et Chozil filius eius cum illo. Et non multo post de Vulgariis Ratimari ducis adiit regionem”.

му императору, то болгарскому хану¹¹⁸. О буферном характере моравского княжества писал и И. Боба¹¹⁹. П. Коледаров считает, что судьба Восточного Илирика, в особенности Паннонии, оставалась нерешенной на протяжении всего IX в.: за право владеть ею спорили немецкий император и болгарский хан. В зависимости от превосходства немецкого или болгарского владыки в землях бывшего Восточного Илирика автор выделяет три периода: 1) 800–838 – превосходство болгарского хана; 2) 838–896 – превосходство немецкого императора; 3) после 896 г. – паритет между правителями Болгарии и новосозданного Венгерского государства. Опираясь на сведения в *Conversio*, Коледаров называет Ратимара болгарским ставленником, к которому в 833 г. в Паннонской Склавонии бежал Прибина со своим сыном Коцелом, после того как с их земель прогнал их князь Моймир (Моймар); Людовик Немецкий назначил Прибину правителем марки в районе р. Сала в Верхней Паннонии, а в Нижнюю или Восточную Паннонию (Срем) выдвинул в качестве своего ставленника Моймира (Моймара)¹²⁰.

Как видно, определение границ средневековых государств не всегда очень просто и во многих случаях имеет приблизительный характер. Это можно увидеть и на картах в трудах по истории. Так, Сирмиум (Срем) в начале IX в. во времена Крума и Омуртага включается историками в рамки болгарского государства, а во второй половине IX в. при Борисе – нет (см. карты Болгарии начала IX в. и второй половины IX – начала X в.¹²¹). При этом не совсем ясно, когда именно Сирмиум вошел в состав болгарского государства и когда он вышел из него. Толкование сведений ЖКО как политический акт со стороны папы, на наш взгляд, малоубедительно¹²² (см. ниже). По мнению Х. Ланта, опорное возражение, что, „как всем известно“, болгары владели этой территорией в IX в., опровергнуто М. Еггерсом. Болгарское присутствие, скорее всего, было спорадическим и кратковременным¹²³.

Немаловажное значение имеет тот факт, что власть моравского князя Святополка в землях севернее Дуная установа пята лет спустя смерти Мефодия¹²⁴. И. Боба опирается на хронику Регино, епископа Кремоны, и

¹¹⁸ Коледаров 1987: 166.

¹¹⁹ Boba 1984: 36.

¹²⁰ Коледаров 1987: 168, 169.

¹²¹ История II: 140–141, 292–293.

¹²² Младенова 1999: 16 (со ссылкой на Вавржинека).

¹²³ Lunt 1996: 947: “He [Еггерс, – P.C.] has demolished the stock objection that, “as everyone knows”, the Bulgars were firmly in charge of this area (along with Sirmium and most of Serbia) for the whole period. In fact, he shows, references to Bulgars in the border zones indicate rather that their presence west of today’s Serb-Bulgar frontier was sporadic and short-lived”.

¹²⁴ Boba 1971: 9, 61. К этому мнению присоединяется и П. Коледаров (1987: 172).

на хронику Козьмы Пражского, который как будто знал, что Святополк получил Богемию от Арнульфа в 890 г. Таким образом, территории севернее Дуная не могли входить в Великую Моравию¹²⁵. Особо следует отметить, что Регино, описывая события последнего десятилетия IX в., располагает Моравию между Каринтией и Болгарией: в это время появились мадьяры, ставшие врагами Арнульфа, которые опустошали земли каринтийцев, мораван и болгар¹²⁶.

В то же время Фульдские анналы под 884 г. сообщают о союзе Арнульфа и болгар против Святополка. Святополк отправил послов к Арнульфу с угрозой, что не заключит с ним мирный договор до тех пор пока тот не откажется от поддержки болгар. Там же сказано еще, что год назад болгары опустошили княжество Святополка¹²⁷. Переговоры не принесли желаемого результата, после чего Святополк вторгся в Паннонию, разорив ее полностью, убивая безжалостно, как волк. Эти сведения согласуются с данными хроники Регино, т.е. земли Святополка лежат между владениями Арнульфа и землями болгар. Трудно представить себе, что болгары опустошили Великую Моравию, расположенную на территории Чехии и Словакии. Что касается Святополка, то он по всей вероятности вторгся в Верхнюю Паннонию. Восточная политика Арнульфа согласуется с теорией И. Бобы гораздо лучше, нежели с традиционным расположением Великой Моравии¹²⁸.

О. Н. Трубачев возразил лишь против интерпретации И. Бобы, что название Великая Моравия должно означать 'более ранняя, первоначальная': „Такие пары, как *Scotia maior* 'Ирландия' – *Scotia minor* 'Шотландия' интересны тем, что указывают направление породивших их миграций, направление освоения: оно всегда шло в направлении, указанном компонентом „великий“ в смысле '**новый, вновь освоенный**'. Никакого политического

¹²⁵ Boba 1971: 9: "... do not preclude the possibility that Moravia proper could have covered areas north of the Danube, but such a region could not have included the valley of the northern Morava River. This is evident from the *Reginonis chronicon* (s.a.) and from Cosmas, the chronicler of Bohemia. Cosmas seemed to know that Sventopolk had received Bohemia in fief from Arnulf and had taken control over an area between Bohemia, the river Odra, and the river Gran/Hron in the east. Thus, the area north of the Danube between Bohemia (as of the eleventh century) and the river Gran in Western Slovakia could not have included Moravia proper".

¹²⁶ Boba 1971: 61, примеч. 72.

¹²⁷ AF: 112: Quo audito Zwentibaldus dux misit nuntios ad eum, ait illi: 'Inimicos meos sustentas; si eos non dimiseris, nec me tecum pacificatum habebis'. Alteram etiam occasionem adversus eum protulit: 'Tui homines in vitam meam nec minus in regnum meum dolose cum Vulgaris conciliaverunt', qui priore anno suum regnum vastavere. – Узнав об этом, князь Святополк отправил послов к нему (Арнульфу), заявив: „Ты поддерживаешь моих неприятелей, если ты их не отстранишь, я не заключу с тобой мир“. Он обратил внимание и на другой случай, говоря: „Твои люди против моей жизни и моего княжества лукаво заключили союз с болгарями, которые год назад опустошили мое княжество“.

¹²⁸ Более подробно эта линия развита в работах Ч. Боулуса (Bowlus 1987).

„величия“ или возвеличения этот эпитет, разумеется, не включает...¹²⁹ Другие параллели: континентальная Бретань → Великобритания, Малороссия → Великороссия. Первоначальное название Моравия соответствует области между Чехией и Словакией по течению р. Морава, название Великая ‘более поздняя, вновь освоенная’ – вторично¹³⁰.

В заключение О. Н. Трубачев пишет: „Прочной парности между Моравией и Великой Моравией, однако, видимо, не установилось (отсюда – недостающее закрепление за просто Моравией определения „Малая“) да и обозначение *Великая Моравия* исторически оказалось недолговечным, скорее эфемерным. Тем не менее, номинация эта (*Моравия* → *Великая Моравия*) имеет несомненную дописьменную предысторию, скрытую от глаз письменной истории. Во всяком случае ни о каком „авторстве“ Константина Багрянородного, всего лишь **употребившего** обозначение *Μεγάλη Μοραβία*, не может быть речи. Перед нами – остаточный след древнего славянского этнического передвижения от Среднего Подунавья на юг, на Балканы.

Эпизод с Моравией и Великой Моравией интересен не только тем, что с его помощью многое в кирилло-мефодиевской эпохе нам видится яснее и не так, как прежде. За ним стоит несравненно более глубокий, собственный индоевропейский временной фон...¹³¹

Бесспорно параллели Трубачева интересны, но они относятся к названиям стран. По этой причине с ними трудно согласиться, поскольку, как было сказано выше, часть славянских источников указывают на город Мораву. Можно согласиться с Трубачевым в том плане, что название Великая Моравия у Константина Багрянородного нельзя связывать с „величием“ государства. О Мораве как о стране говорится в *Похвальном слове Кириллу и Мефодию* (ПСКМ), но сочетание Моравская страна стоит во мн. ч.: *въ западыннхъ же Паноньстѣхъ и Моравьскахъ странахъ*¹³²; *дошьдзшю же ѣмъ въ странѣ Моравскы*¹³³. Само ПСКМ, вероятно, написано после *Жития Кирилла* (ЖК) и *Жития Мефодия* (ЖМ), где подобных выражений нет, а автор его локализует себя на юге: *кына оубо хвалы въздамы вама, троужышнма сѧ толнко хѧ радн възвсточыннхъ и западыннхъ и съверьскыннхъ странахъ*¹³⁴. Такая локализация говорит болгарском происхождении ПСКМ, но судить о географических познаниях его автора трудно.

¹²⁹ Трубачев 2002а: 264.

¹³⁰ Трубачев 2002а: 265.

¹³¹ Трубачев 2002а: 265.

¹³² Лавров 1930: 84.

¹³³ Лавров 1930: 85.

¹³⁴ Лавров 1930: 86.

Обозначение Моравская земля встречается в *I Житии Наума* (I ЖН):
 Ი Морáвскаа зѣмла, ꙗ́коже въ прорѣкль стын Меѳодіе архіепіскопъ. за безаконіа дѣлама дѣль нѣхъ, і ересы. н за нзгнаніе правобѣрныхъ ѿць. н за стрѣтн нѣже пріеше ѿ еретікъ. нмже ѡны вѣроваше, въ скорбѣ мѣстѣ пріеше ѿ вѣа. Не по мнозѣ же лѣтѣхъ пріидоше Оугрн певнскіи ѣзыкь. н поплѣннше зѣмлю н н Опоустнше ю. нѣже вѡ не поплѣннше Оугрн. то въ Блзгары вѣждаше. н ѡста зѣмля нѣхъ поуста Оугромъ въ влѣсть¹³⁵. Как видно, эти сведения перекликаются с данными в ДАІ Константина Багрянородного и в хронике Регино. Они также указывают на то, что Моравская земля находилась между землями мадьяр (угров) и болгар. Й. Заимов относит эти сведения из I ЖН к правобережному притоку Дуная, к Балканской Мораве¹³⁶.

***

О епископстве Мефодия тоже писано немало. И в этом случае многое зависит от интерпретации источников. Дабы не быть голословными, приведем пару примеров. Посмотрим, как Ф. Дворник интерпретирует неизвестную 8-ю главу ЖМ). Для начала приведем текст¹³⁷:

посълавъ же Коцель къ апостолнкоу просн Меѳодіа блженаго оучнтеля нашего, да взн н нмоу ѡпоустнлъ. н рече апостолнкъ: не тебе еднномуу тѣкѣмо, нз н всѣмъ странамъ словѣнскымъ сзлю н оучнтель ѿ ба н ѿ стго апостола Петра, първаго настольннка н ключедържца црствню нбсьномуу. н посъла н, напнсавъ епнстолню сню: Андранъ еппъ н рабъ божи н Ростнслав н Стопзлкоу н Коцелю. Слава въ възшнхъ боу н на земан ннръ, въ челоуѣцѣхъ блговоленнѣ. ꙗко о васъ дхѡвннѣ слзшахомъ, нзнна же жадахомъ съ желаннѣмъ н млтвою вашего радн спсenniа, како есте въздвнглъ гѣ срца ваша нскатн нго н показалъ вамъ, ꙗко не тѣкѣмо вѣрою, нз н блгынн дѣлаз достонтъ слоужнтн боу; вѣра во без дѣлз мъртва естъ, н ѡпадаютъ тн, нже са мнать ба знающе, а дѣлаз са нго отъмѣтають, не тѣкѣмо бо оу сего стльскаго стола проснете оучнтеля, нз н в блговѣрнаго црѣ Мнханла. да посъла вамъ блжнаго фнлософа Костантнна н съ братъмъ, дондеже мзи не доспѣхомъ. она же, оувѣдѣвъша апльскаго стола достояща ваша странъ, кромѣ канона не створнете ннѣсоже, нз къ намъ прндосте н стго Кнмента моцн несоуче. мзи же, трѣгоувою радостъ прннмъше, оумзслнхомъ нспытавъше посълатн Меѳодіа, сщъше н съ оученнкъ, сноу же нашего, на странъ ваша, моужа же сзвѣршена разоумъ н правобѣрна, да взн оучнтъ, ꙗкоже есте проснлн, сзказаѣа кзннкъ въ ꙗзыкѣ вашъ по всемоу црквнномуу чнноу нспзлнъ, н съ стоу мзшею, рекъше съ слоужбою, н крыщеннѣмъ, ꙗкоже есте

¹³⁵ Иванов 1931: 307.

¹³⁶ Заимов II: 391.

¹³⁷ Текст цитируется по: Лавров 1930: 73–74; ср. также: Успенский сборник, 105г8–106в30 (УС: 193–194).

философъ началъ Константинъ бжнню блгодатью и з(а) млтвы стго Кланмента. такоже же аще ннз кзто възможесть достонно и правовѣрно съказати, сто и блгно бмь и намн и всею кафолнкнню и апльскою црквю боудн, да възите оудовь заповѣдн бжнн навзикан. съ же едннз храннтн обзычан, да на мзшн пьрвѣе ѣтотуть аплз и еванглане рнмьскзы, таѣе словѣньскзы, да са испланнтъ кннжьное слово, іако възхваалатъ га всн іазыцн. и дурогонде: всн възглатъ іазыкзы разлчннзы велчѣа божнн, іакоже дастъ нмъ стзін дхъ ѡвѣщаватн. аще же кзто ѡ съвбранзінхъ вамъ оучнтель и ѣшющнхъ слоухъ и ѡ нстннзы ѡвращающнхъ на бладн наѣнетъ, дьрзнуѡвъ, інако развращатн взн, гада кннгзы іазыка вашего, да боудеть отзлоуѣенъ не тзкзмо възсоуда, нз (в УС: въз соу даны) и цркве, донде са исправнтъ. тн бо соутъ взлцн, а не овьца, іаже достонтъ ѡ плодъ нхъ знатн и храннтн са нхъ. Взн же ѣада възлюбленна, послочшанте оученнн божнн і не ѡрннѣте казаннн црвннаго, да се ѡвращете нстннннн поклоннтеле бжнн, оцю нашемоу нбьсномоу съ всьмн стзіннн, амннь ✠ -- Прннатъ и Коцьлз съ велнкоу ѣстью и пакзы послза и кз апостолнкоу и .к. мвжъ ѣстьнзы ѣадн, да н емъ стнтъ на епѣство въз Паноннн, на столъ стго Андроннка апла ѡ .о., іеже и възистъ¹³⁸.

Прежде всего, необходимо уточнить, что данный отрывок считается доказательством существования буллы Адриана II, несохранившейся в латинском оригинале¹³⁹. Коцел обращается к папе, чтобы тот направил к нему епископа и учителя в христианстве. Сначала Дворник использует эту несохранившуюся в оригинале буллу, чтобы заключить, что Ростислав до этого обратился с подобной просьбой первоначально к Риму. Однако Николай I (858–867), будучи слишком зависимым от франков, отказал Ростиславу в его просьбе. После этого Ростислав был вынужден обратиться к Константинополю¹⁴⁰. Далее, рассуждая о том, что вынудило святых братьев покинуть Моравию и отправиться в Рим, и о том где и когда появилась славянская литургия, Дворник замечает, что неоправданно думать, будто бы согласие Рима на славянское богослужение было дано едва в конце 869 г., когда Адриан II отправил „свою“ буллу к трем славянским правителям¹⁴¹. Комментируя ситуацию, возникшую после смерти Кирилла в Риме, Дворник пишет, что положение спас Коцел своим обращением к папе Римскому, опять опираясь

¹³⁸ См. перевод на русский язык в: Сказания: 97–98.

¹³⁹ Dvornik 1964: 196, примеч. 6: “The Latin text of this bull is not preserved. We have only a Slavonic version of the document in Methodius’ biography. Its genuineness is, however, generally accepted by specialists”.

¹⁴⁰ Dvornik 1964: 196–197: “We can deduce from a bull of Hadrian II that Rastislav had first approached Rome with the same request. Nicholas I (858–867), however, was too dependant in the support of the Franks, and he rejected Rastislav’s request... Rebuffed by the Rome, Rastislav turned toward Byzantium”.

¹⁴¹ Dvornik 1964: 202: “It is also unwarranted to think that consent to this innovation [Office, Gospels, Mass into Old Slavonic, – P.C.] was only given toward the end of 869 by Pope Hadrian II in the bull sent to the Slavic rulers Rastislav, Koцel, and Svatopluk”.

все на тот же текст 8-й главы ЖМ¹⁴². И, наконец, в четвертый раз опираясь на тот же текст, Дворник сочинил рассказ о том, как папа составил план воздвижения церковной иерархии, независимой от немецких епископов и подчиненной Риму. Согласно этому плану, Мефодий был отправлен в качестве папского легата к Коцелу, Ростиславу и Святополку с известной уже буллой, утверждающей славянское богослужение, чтобы получить одобрение славянских князей этому плану. Заручившись их поддержкой, Мефодий возвратился в Рим и был рукоположен архиепископом Сирмия, который был епархией митрополита Западного Иллирика до нашествия варваров¹⁴³.

Как видно, один и тот же текст может служить для всевозможных интерпретаций. Комментировать „дедукцию“ Дворника мы здесь не будем¹⁴⁴, но его рассказ о папском плане заканчивается высказыванием, что юрисдикция Мефодия была расширена и распространялась над Паннонией и Моравией¹⁴⁵. *Последнее утверждение Дворника не основано на каком-то определенном документе*. Когда речь идет об юрисдикции Мефодия, полезно напомнить деталь, связанную с ЖКО. В нем ясно сказано, что Мефодий был рукоположен в епископы Моравы Паннонской, в латинском переводе Ф. Миклошича¹⁴⁶, переиздававшемся неоднократно, однако, оригинал передан неточно (гл. 10): Μεθόδιον... ἐπίσκοπον Μοράβου τῆς Πανονίας – Methodium... episcopum Moraviae et Pannoniae¹⁴⁷. На это обстоятельство впервые обратил внимание И. Боба, автор правильно заметил, что некоторые недоразумения в современной историографии связаны с произвольной „поправкой“ Миклошича, которая привела к тому, что название города (Μοράβος) было возведено в ранг страны (Moravia)¹⁴⁸. Сведения из ЖКО

¹⁴² Dvornik 1964: 206: “The situation was saved by the direct intervention of Kocel, the Pannonian prince. The brothers must have been in touch with him during their stay in Rome. He seems to have learned about the death of Constantine-Cyril, because the biographer of Methodius says (chap. 8) that Kocel dispatched an embassy to the Pope asking him to send Methodius back to him”.

¹⁴³ Dvornik 1964: 207: “So it happened that Methodius was sent as papal legate to Kocel, Rastislav, and his nephew Svatopluk with the Slavic liturgy, which was intended to act as a bond tying their countries together and to Rome. He disclosed to them also the Pope’s plan to erect a new hierarchical organization in their countries independent of the Frankish bishops and directly dependent to Rome. After securing the approval of the papal plan from the Slavic rulers, Methodius returned to Rome and was ordained archbishop of Sirmium (Srem), which had been the see of the metropolitan of Western Illyricum before the barbarian invasions”.

¹⁴⁴ Подробные комментарии см. в: Сказания: 149–156.

¹⁴⁵ Dvornik 1964: 207: “Methodius’ jurisdiction was extended over Pannonia and Moravia”.

¹⁴⁶ Miklosich 1847.

¹⁴⁷ PG 126: col. 1197–1198C.

¹⁴⁸ Boba 1967: 91–92. Д. Чешмеджиев считает, что это место можно перевести как „Паннонская Моравя“ или „Паннонская Моравия“, все прочие толкования лишены смысла (Чешмеджиев 2001: 176). Приводя это место, Н. Шиваров неправильно говорит о *Моравии*, когда в тексте ясно сказано *Моравя*, а это не одно и то же (Шиваров 1989: 124). В примечании к этому месту Н. Шиваров заметил, что автор жития хотел этим подчеркнуть, что речь идет не

совпадают с данными из II ЖН, источника, которым полностью пренебрегают в исследованиях, посвященных деятельности Мефодия¹⁴⁹, или если им пользуются, то только для того, чтобы вызвать удивление у искушенного читателя (см. ниже высказывание Гавлика); ср.: *Мефодїа же архїєпископа Моравъ н вѣсть Панонїе рѣкоположы; Мефодїе... отнде въ Паноннъ въ градѣ Моравъ*¹⁵⁰.

К сожалению, недоразумения в литературе можно встретить и после того как И. Боба сделал уточнение относительно ЖКО. Так, А. Стойкова, излагая разные точки зрения на вопрос о местонахождении Моравии и епископстве Мефодия, пишет: „Според тях [сторонников Паннонской локализации древней Моравии, – Р.С.] град Сирмиум носел славянското име Морава и в този смисъл трябва да се разбира и съобщението на Климентовия житиеписец Теофилакт Охридски, когато казва, че папата рѣкоположил Методий за „архиепископ на Морава Панонска“, а не за „архиепископ на Моравия и Панония““¹⁵¹. Сторонники „Паннонской гипотезы“ не толкуют высказывание житиеписца Мефодия (как считает А. Стойкова), а ссылаются на него именно в том смысле, что житиеписец говорит о Мораве Паннонской, а не о Моравии и Паннонии, как это получилось в латинском переводе Миклошича. А. Стойкова присоединяется к традиционной точке зрения, считая ее более правдоподобной и подкрепленной более убедительными доказательствами¹⁵². На фоне сказанного, слова автора, что „Паннонская гипотеза“ заслуживает внимания, поскольку она предлагает новое прочтение источников, звучат неубедительно. И. Боба не предлагает какую-то свою произвольную интерпретацию источников, он возвращается к источникам в отличие от остальных, строящих свои теории на предвзятых мнениях.

В противовес И. Бобе защитники северного местонахождения Моравии порой очень своеобразно цитируют источники: „Наконец, мы не можем игнорировать тот факт, что и сам центр моравского государства, очевидно, носил название Морава, как об этом упоминает один из источников, в котором говорится, что Мефодий ушел „въ град Моравоу“, известный еще и как

о Моравии, находящейся в то время в пределах Болгарии (Шиваров 1989: 129, примеч. 33). У Шиварова можно отметить и другие несообразности: если Мефодий был назначен архиепископом в Сирмиум, то ссылка на археологические раскопки под руководством Й. Поулика лишена смысла, так как эти раскопки производились и производятся в совсем другом месте (Шиваров 1989: 120).

¹⁴⁹ Boba 1967: 93. Так, Б. Н. Флоря, А. А. Турилов и С. А. Иванов включили в свою монографию только I ЖН, в котором нет данных о Мефодие (Флоря, Турилов, Иванов 2000: 278–292).

¹⁵⁰ Теодоров-Балан 1934: 136; Иванов 1931: 312.

¹⁵¹ Стойкова 1995: 114–115.

¹⁵² Стойкова 1995: 116.

„urbs Rastizi“ (у современных Микульчиц; Ann. Fuld. ad. 870). Сюда, вероятно, относится и титул Мефодия как „архнепнскопъ Моравы“ и „archiepiscopus Marabensis ecclessiae“ от 880 г. По всей вероятности, название мораван и их государства были очень тесно связаны с названием их центра¹⁵³. Как видно, Л. Гавлик, автор сего высказывания, сваливает в одну кучу данные II ЖН и Фульдских анналах и отождествляет все это с современными Микульчицами. Во II ЖН нигде не говорится о Ростиславе и его городе. В примечании тот же автор пишет: „Город „Morava“ относится к Паннонии, но в данном случае речь идет о названии церковного округа, где действовал Мефодий, который с 880 г. называется Моравским“¹⁵⁴. Название относится к Паннонии, а Гавлик отождествляет его с Микульчицами. Это не интерпретация источников, а полный произвол. Заметим, что те же самые данные Фульдских анналов В. Вавржинек относит к мифическому Велеграду (Staré Město) (см. здесь примеч. 63). Вавржинек даже предполагает, что там находилась резиденция архиепископа Мефодия. Статья Вавржинека построена на принципе „гипотеза на гипотезе“ и изобилует выражениями типа „различные косвенные указания позволяют нам допустить“ („various indirect indications allow us to assume“), „следовательно, кажется весьма вероятным“ („therefore, it seems very likely“)¹⁵⁵, поэтому ее вряд ли следует признать убедительной. Зато относительно II ЖН Вавржинек пишет, что это ненадежный исторический источник позднего происхождения, что житие компиляция нескольких, вероятно, греческих текстов, что город под названием Моравы является авторским недоразумением¹⁵⁶, т.е. налицо попытка просто отмахнуться от неудобных источников, не вписывающихся в предварительно заданную концепцию. Странно звучат слова автора, что термин *Моравы* того времени может обозначать только реку, регион вокруг реки и его обитателей. Региону вокруг реки вместе с его обитателями не противоречит термин *город* (см. об этом выше). В случае Вавржинек сослался на работу З. Гауптовой¹⁵⁷. З. Гауптова сделала краткий обзор существующих мнений о I и II ЖН, добавив к ним некоторые наблюдения над языком этих текстов. Заодно рассмотрено и III ЖН, являющееся, по всей вероятности, пере-

¹⁵³ Гавлик 1976: 166.

¹⁵⁴ Гавлик 1976: 166, примеч. 29.

¹⁵⁵ Vavřínek 2010: 771.

¹⁵⁶ Vavřínek 2010: 773: “This legend, however, is of a very late origin (the only preserved manuscript dates from the 16th century); it is a compilation of several, probably Greek, texts and it is not very reliable as a historical source. It seems very probable that the mention of the “city of Morava” originated from the author’s misunderstanding. In the contemporary sources the term Morava and its various derivatives were used only for the river, the region around it and the people inhabiting this land”.

¹⁵⁷ Hauptová 1986.

водом с пространного греческого ЖН, у которого имеется и сокращенная греческая версия. I ЖН почитается за древнейшее оригинальное сочинение, посвященное Науму; высказываются также предположения, что его автор составил и несохранившееся ЖКО¹⁵⁸. Сложнее обстоит дело со II ЖН. Об источниках этого жития нет единого мнения среди ученых. Й. Иванов высказывает предположение о переводе с греческого или о компиляции по греческим источникам¹⁵⁹. Картина составления II ЖН у В. Н. Златарского настолько сложна, что ее следует признать необидительной: текст восходит к XVI в., его автор использовал пространное греческое ЖН, ЖКО Феофилакта Болгарского, греческую службу Науму, ЖК, воспоминательную надпись на стенах храма¹⁶⁰ (лишь последнее предположение не лишено некоторого интереса). Оба жития (I и II ЖН) проложные по типу¹⁶¹, поэтому отнесение второго к XVI в. также представляется сомнительным. В стемме Е. Траппа II ЖН зависимо от греческого текста ЖКО и, возможно, от народного предания¹⁶². З. Гауптова считает, что II ЖН, вероятно, не является извлечением из ЖКО Феофилакта; автор предполагает использование краткого извлечения из ЖК и ЖМ (*stručného výťahu z moravských Životů*), которым пользовался также и Феофилакт Болгарский при составлении ЖКО¹⁶³. Отмечая сходство II ЖН и греческую версию ЖКО, З. Гауптова комментирует сведения о том, что Мефодий был назначен епископом Паннонской Моравы. По мнению Гауптовой, автор ЖКО выказывает признаки неуверенности: он не знает, городом ли в Паннонии является Моравия или отдельной страной, где вообще она находится¹⁶⁴. Подобное мнение высказал в свое время А. Милев, издавший греческий текст ЖКО вместе с его переводом на болгарский язык. Выше была дана цитата из 10 главы ЖКО, приведем ее болгарский перевод: „А лично великия Методий, макар много да се отказвал и да не се съгласявал, папата ръкоположил за моравски епископ в Панония“¹⁶⁵). В примечании к этому тексту А. Милев пишет следующее: „Изразът *ἐπίσκοπον Μοράβου Πανονίας* е неточен и показва, че авторът на житието не е имал ясна представа за географското положение на Моравия и Панония. В случая той смята, че *Μοράβος* е град, а Панония – държава. На други места пък смята и Моравия за държава. Погрешното предаване на

¹⁵⁸ Иванов 1931: 308; Иванова 1992: 172; Hauptová 1986: 81 (Гауптова не затрагивает вопрос о составлении автором I ЖН и Жития Климента Охридского).

¹⁵⁹ Иванов 1931: 311.

¹⁶⁰ Златарски 1925.

¹⁶¹ Иванова 1992.

¹⁶² Трапп 1974: 166.

¹⁶³ Hauptová 1986: 83; ср. также оба резюме на с. 85 и 86.

¹⁶⁴ Hauptová 1986: 83: “Autor si také není jist, zda Morava je město v Panonii, nebo země, a kde vůbec leží”.

¹⁶⁵ Милев 1966: 79, греческий текст на с. 78,20–22; 83 – греческий текст на с. 82,33–34.

географските имена на Великоморавия се тълкува като доказателство, че авторът на гръцкото житие е живял вече след падането на Великоморавия и че не е бил изобщо там. А оттук и заключението, че не е бил ученик на Климент, който би му дал по-точни сведения. Мин превежда с *episcorum Moraviae et Panoniae* „епископ на Моравия и Панония“¹⁶⁶. Преди всичко отбележим неточен превод: Моравия вм. Морава; т.е. А. Милев отождествява форму *Μόραβος* с формой *Μοραβία* (Моравия), которой вообще нет в тексте, а это не одно и то же; эта операция последовательно проведена во всех случаях, где встречается название *Μόραβος*, лишь один раз использовано прилагательное *моравски*. Во-вторых, А. Милев практически приписывает автору жития свои собственные представления и знания о Моравии.

Там, где оба названия встречаются параллельно в тексте, для автора ЖКО Панония является страной, Морава (*Μόραβος*) – частью или центром этой страны. В тех случаях, когда название Морава встречается самостоятельно, нельзя утверждать, что речь идет о стране. Приведем примеры: *Μεθόδιος, ὃς τὴν Πανόνων ἐπαρχίαν ἐκόσμησεν ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου γενόμενος* – „Методий, който украсил Панонската епархия, като станал архиепископ на Моравия“¹⁶⁷; *Ἐπεὶ δὲ καιρὸς ἦν Μεθοδίῳ τῆς ἐπὶ τὴν Πανονίαν ὁδοῦ καὶ ἔδει λοιπὸν ἐπὶ τὴν τῆς χώρας ταύτης ἐπίσκοπὴν ἀπιδεῖν* – „А когато настъпило време за Методий да тръгне на път за Панония и трябвало най-сетне да насочи поглед към епископията на тази страна“¹⁶⁸; чуть ниже сказано: *Ὡς δὲ τὸν Μοράβον καταλάβοι, αὐτὸ τοῦτο ἐπίσκοπος ἦν* – „Когато пристигнал в Моравия, той станал истински епископ“¹⁶⁹.

Некоторые сомнения вызывает текст, где говорится о Ростиславе, как о князе Моравы, в то время как владыкой Паннонии был Коцел: *Ἀμέλει καὶ τῷ τότε ἄρχοντι Μοράβου Ῥασισθλάβῳ καθ' ἐκάστην οὐ διέλειπε παραινῶν καὶ ταῖς θείαις ἐντολαῖς ῥυθμίζων αὐτοῦ τὴν ψυχὴν, ἀλλὰ καὶ τὸν τῆς Πανονίας συμπάσης κρατοῦντα, Κοτζέλης ὄνομα τούτῳ* – „Естественно, че той не само не преставал ежедневно да поучава тогавашния моравски княз Ростислав и да възпитава душата му с божествените заповеди, но и възпитавал и напътствувал владетеля на цяла Панония, който се казвал Коцел“¹⁷⁰. Но и в этом случае Морава противопоставляется „всей Паннонии“ (τῆς Πανονίας συμπάσης). В остальных случаях встречается только название Морава (*Μόραβος*): *Σφεντόπλικον, ὃς μετὰ Ῥασισθλαβον ἤρξε Μοράβου* – „Светополк, който бил княз на Моравия след Ростислав“; *Γοράσδης, ὃν καὶ προφθάσας ὁ λόγος ἐν τοῖς μάλιστα τῶν Μεθοδίου ὁμιλητῶν ἀπηρίθμησεν, ὃς καὶ ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου παρ' αὐτοῦ τοῦ ἀγίου τὰ τελευταῖα ζῶντος*

¹⁶⁶ Милев 1966: 150, примеч. 31.

¹⁶⁷ Милев 1966: 78,20–22; 79.

¹⁶⁸ Милев 1966: 86,16–17; 87.

¹⁶⁹ Милев 1966: 86,21–22; 87.

¹⁷⁰ Милев 1966: 88,4–7; 89.

ἀνεκέρυττετο. – „Горазд, когото нашият разказ още по-рано причисли към най-известните Методиеви ученици и който бил провъзгласен за архиепископ на Моравия от самия светец“; Γοράσδης ... ὃν ἐκ Μοράβου γενόμενον... ἢ μὲν ἀρετῇ Μεθοδίου τῷ θρόνῳ δέδωκεν – „Горазд, ... когото Методиевата добродетел поставила на престола, понеже произхождал от Моравия“¹⁷¹.

Как бы мы ни относились к сведениям данного источника, пренебрегать ими нельзя. Возвращаясь к вышеуказанной статье Вавржинека, отметим, что она полезна в одном отношении: из нее становится ясно, что поздние средневековые чешские хронисты стремятся каким-то образом связать чешскую культуру с именами Кирилла и Мефодия, т.е. подтверждается мнение И. Бобы о посмертном почитании Кирилла чешской традицией.

Попытку оспорить слова в ЖМ (гл. 8), что Мефодий был назначен папой архиепископом на престол св. Андроника в Сирмиуме, сделал Д. Калхоус. В итоге, Калхоус считает, что инспирацию этих слов в ЖМ следует искать в римской традиции; сочетание *престол св. Андроника* отличается от римского титула *престол св. Петра* только именем святого. Этим житиеписец ссылается на папу и отстаивает древность епископства Мефодия вместе с правом на его существование¹⁷². Ссылаясь на английский вариант статьи Д. Калхоуса¹⁷³, которым мы не располагаем, Ф. Курта пишет, что слова житиеписца не следует интерпретировать в том смысле, что резиденция Мефодия находилась в Сирмиуме, а как стремление папы защитить права Мефодия от претензий Зальцбургского архиепископа, сама идея реставрации древней епархии служила специфическим интересам папства в его конфликте с Византией относительно Иллирика¹⁷⁴. Таким образом Калхоус, по мнению Курты, подрывает эффективно один из основных аргументов И. Бобы. Что автор ЖМ пользовался латинскими источниками, не новость, спекуляции на эту тему существенного значения иметь не могут. В данном конфликте (оставляем пока в стороне Константинополь) стороны ясно обозначены, с одной стороны папа, с другой – Зальцбургский архиепископ, а между ними Мефодий. Если Моравия находилась на севере от Дуная, весьма странно ожидать, что автор ЖМ будет искать „вдохновение“ (inspiration) в папских формулах, касающихся совершенно другого региона. В такой ситуации место Мефодия остается за пределами данного конфликта, претензии к нему со стороны Зальцбургского архиепископа теряют всякий смысл. О том,

¹⁷¹ Милев 1966: 90,26–27; 91; 98,6–8; 99; 110,21–24; 111.

¹⁷² Kalhous 2008: 51.

¹⁷³ Kalhous 2009.

¹⁷⁴ Curta 2009: 246–247: “... the passage must be interpreted not as an indication that Methodius resided in Sirmium, but as an illustration of the papal concerns to defend Methodius’s rights against the rival claims of the archbishop of Salzburg... the idea of restoring an archdiocese of ancient origin served the specific interests of the papacy in the circumstances surrounding the ninth-century conflict with Byzantium over Illyricum”.

что аспирации Зальцбургского архиепископа были направлены в сторону Паннонии, становится ясно также, как было отмечено выше, и из лорхских фальсификатов. С версией автора ЖМ согласуются и другие источники. Феофилакт Болгарский, автор ЖКО, располагает епископство Мефодия в Мораве Паннонской. Вернемся к Константинополю. В контексте сказанного, небезынтересно обратить внимание на одну статью Г. Острогорского, в которой рассматривается проблема византийского фона Моравской миссии. Нашествие славян отторгло Балканский полуостров от византийской власти. С 680 г. Византия пытается путем организации фем восстановить свой контроль над полуостровом. К середине IX столетия Византии удалось укрепить свою власть над южной частью полуострова и над более удаленными береговыми районами, доступными морским силам империи. Таким образом, полуостров был разделен на две части: внутреннюю часть занимало Первое болгарское царство вместе с другими славянскими племенами, неподпавшими под власть Византии, в контролируемых империей периферийных регионах постепенно шел процесс эллинизации. Иконоборчество привело к разрыву между Римом и Константинополем: Рим отвернулся от Византии и обратился к государству франков, Константинополь отторг отдельные зоны от юрисдикции Рима, среди которых Иллирик с центром Солунь. Угроза франко-болгарского союза вынудила Ростислава обратиться за помощью к Византии. При организации Моравской миссии Византия поддержала славянское богослужение в противовес влиянию соседнего франкского королевства¹⁷⁵. Правда, не совсем ясно, где Острогорский локализует Моравию, но картина, обрисованная им, показывает, что и в этом случае зоной, где переплетаются интересы противоборствующих сил, является северо-западная часть Балканского полуострова – между Болгарией и королевством франков. Нет смысла подвергать слова житиеписца Мефодия свехинтерпретации.

Остановимся на вопросе о булле Адриана II. Приведем краткое резюме комментария Б. Н. Флори¹⁷⁶. Считают, что кроме ЖМ булла Адриана II сохранилась и в ПСКМ. Ученые сопоставили эту буллу с буллой Иоанна VIII от 880 г. Ряд авторов видели в булле Адриана II фальсификат, составленный учениками Мефодия на основе текста буллы 880 г. Однако сторонники этого мнения не поддержали свои сомнения текстами из других документов папской канцелярии того времени. (Заметим вскользь, что скептики не обязаны доказывать подделку буллы Адриана II, поскольку отсутствует оригинальный латинский текст, и Б. Н. Флоря неправ упрекать их за это. Это защитники существования буллы должны доказывать ее существование.)

¹⁷⁵ Ostrogorsky 1965.

¹⁷⁶ Сказания: 149–151.

М. Кос проделал необходимую сопоставительную работу и пришел к заключению, что текст буллы Адриана II в ЖМ и в ПСКМ обнаруживает ряд формул и выражений, характерных для документов папской канцелярии. (Надо все же заметить, что эти формулы в славянских текстах часто переданы в сокращенном виде, что, на наш взгляд, снижает ценность наблюдений М. Коса.) По мнению Флори, работа М. Коса показала, что в ЖМ и ПСКМ мы действительно имеем дело с пересказом подлинной буллы Адриана II. При этом, по наблюдениям Коса, формулы папских документов более правильно переданы в ПСКМ, а не в ЖМ. Работа М. Коса получила признание большинства исследователей, лишь немногие остались при тезисе о подделке буллы Адриана II в ЖМ и ПСКМ. Дискуссионными остаются два взаимосвязанных вопроса: 1) какая из двух сохранившихся версий лучше передает подлинный текст буллы; 2) не включают ли дошедшие до нас тексты (прежде всего текст ЖМ), наряду с текстом, восходящим к булле, более поздние вставки. На второй вопрос Б. Графенауэр и П. Раткош дали утвердительный ответ. Относительно первого вопроса мнения разделились: Р. Марсина считает, что подлинный текст буллы сохранился в ПСКМ, а С. Сакач считает текст буллы в ПСКМ поздней тенденциозной переработкой текста ЖМ, осуществленной в Болгарии в конце IX в.

Схематическое сопоставление буллы Адриана II в ЖМ и ПСКМ с буллой Иоанна VIII от 880 г.¹⁷⁷ обнаруживает ряд совпадений и расхождений. По мнению Флори, именно ПСКМ показывает, что мы имеем дело с порядком изложения, принятым в папской канцелярии: общее установление об одобрении славянского письма сопровождается необходимым обоснованием цитатами из Священного Писания, после чего следуют конкретные предписания. В ЖМ этот порядок нарушен: конкретные предписания вклиниваются между установлением об одобрении славянского письма и его обоснования соответствующими цитатами. Производит впечатление близость подборки обосновывающих цитат в буллах Адриана II и Иоанна VIII; в булле Иоанна: Пс. 116:1, Деян. 2:11, Посл. Филип. 2:11, I Посл. Коринф. 14:4; в булле Адриана в ПСКМ: Пс. 116:1, Посл. Филип. 2:11, Мт. 18:19–20; в булле Адриана в ЖМ: Пс. 116:1, Деян. 2:11. На наш взгляд, существование буллы Адриана II нельзя считать доказанным до тех пор, пока не отыщется ее латинский оригинал¹⁷⁸, в противном случае мы становимся свидетелями

¹⁷⁷ Сказания: 153.

¹⁷⁸ Послание Адриана II из 8-й главы ЖМ дважды переводилось на латинский. Разное понимание славянского текста, где говорится о духовном чине Мефодия, привело к расхождению в латинских переводах. Строить какие-либо гипотезы на этих переводах нельзя (см.: Бильбасов 1868: 5–6). Произвольное толкование источников продолжается и в наши дни. Так, В. Вавржинек считает буллу Адриана II несомненным фактом (Вавржинек 2012: 16). В то же время в его интерпретации фактов можно усмотреть некоторое противоречие: с одной

ненужных спекуляций. Так, А.-Э. Н. Тахиаос (со ссылкой на Ф. Дворника) считает, что „смысл буллы заключался в полном восстановлении папской юрисдикции над западным славянским миром и в ограничении вмешательства в его жизнь архиепископов Зальцбурга и Регенсбурга“¹⁷⁹. С одной стороны, булла утверждает славянское богослужение и славянские книги (согласно ЖМ), с другой стороны – восстанавливает папскую юрисдикцию над западным славянским миром (часть которого почему-то оказывается в Паннонии) и ограничивает сферу влияния архиепископов Зальцбурга и Регенсбурга, которые стремились не допустить славянское богослужение в церкви. Неудивительно, что такой противоречивый документ не сохранился.

Порядок изложения в ПСКМ ближе к порядку изложения в булле 880 г., чем в ЖМ, но делать какие-то определенные выводы из этого нельзя. Обычно авторство ПСКМ приписывается Клименту Охридскому, но есть мнение, что его следует искать среди трех великих авторов болгарского Золотого Века: Климента Охридского, Константина Преславского, Иоанна Экзарха¹⁸⁰. Для настоящего изложения вопрос об авторстве ПСКМ не является существенным.

Что касается ЖМ, то время составления его обычно пытаются приурочить едва ли не к первым годам после смерти Мефодия, а местом возникновения определяют Моравию в традиционном смысле. Высказывалась гипотеза о болгарском происхождении ЖМ, но ее, как правило, отвергают. Так, по мнению Д. Чешмеджиева моравская гипотеза возникновения ЖМ выглядит солиднее, чем болгарская гипотеза¹⁸¹. Статья Б. Н. Флори, на которую ссылается Д. Чешмеджиев, представляющая собой набор общих рассуждений в духе традиционных представлений о Великой Моравии, едва ли является наилучшим аргументом в этом плане, тем более, что для Флори вопрос о месте возникновения ЖМ вообще не стоит; ср.: „Как известно кирилло-мефодиевские традиции зародились не в Первом Болгарском царстве, а в Великой Моравии, где соответствующая сумма представлений была зафиксирована в Пространных житиях солунских братьев¹⁸² и откуда

стороны, Адриан II дал разрешение на славянскую литургию, но не предпринял никаких действий для освобождения из немецкого заточения Мефодия, и его план создать славянское паннонско-моравское архиепископство претерпел крах (с. 14); с другой стороны, Иоанн VIII, чью буллу Вавржинек даже и не упоминает в цитированной статье, явился именно тем человеком, предпринявшим решительные действия по освобождению Мефодия и реализации идеи славянского архиепископства (с. 14–15). Некоторые авторы даже „цитируют“ начало буллы Адриана в латинской реконструкции: *Gloria in excelsis Deo* (Шиваров 1989: 118, 119).

¹⁷⁹ Тахиаос 2005: 138–140.

¹⁸⁰ Спасова 1996: 73–75.

¹⁸¹ Чешмеджиев 2001: 17, со ссылкой на: Флоря 1988: 159.

¹⁸² Здесь ссылка на: Vavřinek 1963.

эти представления были перенесены в Болгарию учениками Мефодия¹⁸³. Таким образом, мнение о солидности моравской гипотезы происхождения ЖМ в случае обосновано посредством ссылки на ссылку. Такую аргументацию нельзя принять всерьез, тем более, что работы Вавржинека, как и большинство работ чешских авторов, страдают определенной тенденциозностью (ср. выше высказывание Вавржинека о кирилло-мефодиевской культуре в Моравии и о той же самой культуре в Болгарии, примеч. 5).

Традиционное представление о локализации Великой Моравии приводит Флорю к тому, что факты, противоречащие этому представлению, просто переворачиваются наизнанку. Так, данные *Кристиановой легенды*, сообщающие о том, что болгары приняли христианство раньше мораван, что при южной локализации Великой Моравии вполне возможно, интерпретируются как взятые из славянского жития Климента Охридского, а болгарские ученики Климента, таким образом создали новую версию о деятельности святых братьев; ср.: „Следует отметить в этой связи, что в чешской „Легенде Кристиана“, памятник конца X – начала первой половины XI в., дважды¹⁸⁴ повторяется утверждение, что болгары приняли христианство раньше мораван¹⁸⁵ ... Все эти данные, взятые вместе, автор „Легенды“ мог заимствовать лишь из славянского жития Климента. Очевидно, что

¹⁸³ Флоря 1988:159.

¹⁸⁴ Ср.: “Moravia, regio Sclavorum, antiquis temporibus fama memorante creditur et noscitur Christi fidem percipisse, Augustini, magnifici doctoris, ut aiunt, temporibus. Bulgri vel Bulgari attamen longe ante eadem potiti referuntur gracia. Siquidem Quirillus quidam, natione Grecus, tam Latinis quam ipsis Grecorum apicibus instructus, postquam Bulgri crediderant, aggressus est in nomine sancte Trinitatis et individue Unitatis eciam supradicte genti, Moravie degenti, fidem domini nostri Iesu Christi predicare. Et cooperante divina gracia, postquam illos Christo lucratus erat, eciam apices vel characteres novas comperit et vetus novumque testamentum pluraque alia de Greco seu Latino sermone Sclavonicam in linguam transtulit. Missas preterea ceterasque canonicas horas in ecclesia publica voce resonare statuit, quod et usque hodie in partibus Sclavorum a pluribus agitur, maxime in Bulgariis, multaque ex hoc anime Christo domino acquiruntur” – „Моравия, земля славянская, приняла, как верят, согласно устному преданию, веру Христову в древние времена, во времена, как говорят, прославленного учителя Августина. Однако булгры или болгары якобы достигли эту милость еще раньше этого. Так как некий Кирилл, родом грек, образованный в равной мере как в латинском, так и в самом греческом, когда до этого болгары приняли веру, взялся во имя св. Троицы и неделимого Единства проповедовать веру нашего Господа Иисуса Христа вышеупомянутому народу, обитающему Моравию. И с помощью Божией милости также, после того как сначала приобрел их от Христа, новые знаки и письменна изобрел и Ветхий и Новый Завет вместе с другими книгами с греческого и латинского на славянский язык перевел. Кроме этого он постановил мессу и другие канонические часы петь в храме на простонародном языке, как это делается в землях славянских и до сего дня, прежде всего в Болгарии, и поэтому много душ приобретает Господь Христос“ (Legenda Christiani: 12; только латинский текст: <<http://www.clavmon.cz/clavis/FRRB/chronica/LegendaChristiani.htm>>).

¹⁸⁵ Сведения о том, что Кирилл и Мефодий были крестителями болгар, имеются и в других источниках (Чешмеджиев 2001: 87–88).

рассказ о Кирилле и Мефодии в этом житии в основных чертах совпадал с рассказом Феофилакта. Таким образом, новая версия биографии солунских братьев возникла в среде болгарских учеников Климента в 1-ой половине X в.¹⁸⁶ Комментатор издания *Кристиановой легенды* считает, что текст „явно повествует о двух крещениях Моравии – о древнем, и о втором времени Кирилла“. Комментатор также отмечает, что о деятельности Кирилла и Мефодия до их прихода в Моравию рассказывает *Болгарская легенда* (т.е. ЖКО), сведение же из *Кристиановой легенды* свидетельствует о том, что традиция этого мнения еще более древняя¹⁸⁷. Как видно из текста, автор легенды сначала говорит о какой-то славянской Моравии, затем упоминает более раннее принятие христианства болгарами. Это событие он связывает с именем Кирилла, который изобрел алфавит и перевел Священное Писание, после чего помещает „вышеупомянутый“ народ, т.е. болгар, в Моравию.

Итак, „новая“ версия биографии святых братьев возникла из несохранившегося славянского жития Климента! А сами чехи уже в конце X – начале XI в. успели позабыть, когда они точно приняли христианство и кто был их учителем (создатель славянской азбуки это „некий Кирилл“, чье имя в латинской транскрипции легенды звучит как „Квирил“!). Возникновению своему данная „новая“ версия обязана, скорее всего, свободной интерпретации фактов. В оправдание Флори можно сказать, что в случае автор ссылается на работу Я. Пекаржа¹⁸⁸, оставшуюся нам недоступной.

С другой стороны, аутентичность самой *Кристиановой легенды* ставится под сомнение. Существуют три мнения по этому вопросу: 1) легенда аутентична и восходит к X в.; 2) легенда представляет собой позднюю подделку XII–XIII вв.; 3) легенда подделка, восходящая к XIV в.¹⁸⁹ Р. Вечерка считает легенду подлинной. Сравнивая сведения в чешских источниках о характере славянского литургического языка, автор пришел к выводу, что информация легенды, связывающая начало славянской письменности с Болгарией, однозначна, точна и отвечает в большей степени действительному положению вещей; это ставит появление памятника в непосредственную временную близость к событиям, о которых в нем рассказывается, т.е. не позднее середины XI в. После этого в Чехии начинает господствовать представление о „русском“ характере славянского литургического языка. По мнению Вечерки, эта новая идея возникла в результате династических связей между чешскими Пржемыслами и русскими Рюриковичами. Об этом свидетельствует освящение алтаря русским святым Бориса и Глеба

¹⁸⁶ Флоря 1988: 163.

¹⁸⁷ *Legenda Christiani*: 138.

¹⁸⁸ Пекарж 1903: 1–2, 20–23.

¹⁸⁹ Večerka 1976: 132.

в 90-х годах XI в.¹⁹⁰ В соответствии с этим некоторые поздние чешские источники считают Мефодия русским¹⁹¹. Оставляем в стороне вопрос о подлинности легенды, но нельзя не отметить, что данные самой легенды вместе с историческими фактами, указанными Вечеркой, говорят очень сильно в пользу мнения И. Бобы о том, что чешская традиция почитания Кирилла является посмертной (см. выше). Необходимо отметить и то, что в последнее время возникают серьезные сомнения в том, что во время Кирилла и Мефодия существовало славянское богослужение¹⁹²; текст ЖМ не мог возникнуть во время Моравской миссии, так как для канонизации необходим определенный срок¹⁹³.

Защитники традиционного местонахождения Великой Моравии уповают на археологию, точнее на археологические находки, обнаруженные в районе северной р. Морава, где Богемия соединяется со Словакией. Подробно обсуждать археологические находки мы не будем, поскольку это не входит в задачи настоящего исследования. Остановимся на самом главном.

Так, И. Бобу (заодно с его сторонниками) обвиняют в том, что он пренебрегает археологическими доказательствами, освобождая себя от этой обязанности под тем предлогом, что он сам не археолог¹⁹⁴. Автор данного обвинения, которая тоже, кстати, не специалист в области археологии, ссылается на свою монографию¹⁹⁵, но без указания на страницу. Во-первых, в указанной монографии нам не удалось обнаружить то место, где сказано, что И. Боба отказывается комментировать археологические находки под предлогом, что сам он не археолог. Во-вторых, нам неизвестно, чтобы И. Боба вообще где-нибудь в своих исследованиях прибегал к этому „аргументу“. Более того, в его монографии есть специальный раздел, правда, небольшой, посвященный археологии, который мы здесь вкратце резюмируем¹⁹⁶. Сам Боба не сомневается в важности археологии при исследовании средневековой истории, но археологи должны сначала прийти к определенным заключениям в рамках археологической науки, а затем дополнять свои наблюдения историческими фактами¹⁹⁷. Относительно находок в Чехии и

---

¹⁹⁰ Večerka 1976: 134–136.

¹⁹¹ См. также: Чешмеджиев 2001: 123–124.

¹⁹² Станчев 2008.

¹⁹³ Jovčeva 2014.

¹⁹⁴ Младенова 2010–2011: 29: „Ролята на археологическите сведения за установяване на местонахождението на Велика Моравия принципно се игнорира от застъпниците на теорията за южна локализация на Велика Моравия. Както вече отбелязахме на друго място, И. Боба се „освобождава“ от необходимостта да взема предвид археологическите находки с мотива, че не е специалист в тази област“.

¹⁹⁵ Младенова 1999.

¹⁹⁶ Boba 1971: 139–144.

¹⁹⁷ Boba 1971: 139: “There is no question about the importance of archaeology for the study of

Словакии это правило не всегда соблюдается. Духовная и материальная культура народа, жившего в IX в. в долине северной Моравы, выраженной в похоронных ритуалах и типологии сакральных строений, интерпретируется не на основе сопоставимого и точно определенного (well-identified) археологического материала соседних регионов, а со ссылкой на Кирилло-Мефодиевскую миссию и на информацию, известную из письменных источников по Моравской истории. На этой же основе культура носителей этой цивилизации определяется как славянская, хотя такое заключение не проистекает и не может проистекать из конкретного материала, собранного в Микутьчицах, Поганско и в других местах¹⁹⁸.

Поэтому трудно согласиться с мнением, что И. Боба понимал археологию примитивно и относился к ней с презрением¹⁹⁹. И если И. Боба не археолог, то на основе трудов археологов он указал на существенные противоречия, которые не увязываются с идеей, что древняя Моравия находилась в районе долины северной реки Морава. Какой бы язык ни говорили носители этой цивилизации, их материальная и духовная культура, отражающаяся в доступных артефактах, уже на первый взгляд выглядит кочевой, что подтверждается при детальном анализе²⁰⁰. Далее Боба ссылается на труды того самого Л. Гавлика, который, как мы видели, любопытным образом интерпретирует исторические источники. В декоративном дизайне местных ремесел Гавлик обнаруживает черты византийско-балканских мотивов рядом с мотивами южного кавказско-персидского происхождения. Сопоставление могил на севере Дуная в долине р. Морава с кладбищами типичных аварских регионов проделал Б. Шоке, обнаруживший поразительную аналогию между двумя ареалами как в области материальной, так и в области духовной культуры. Его исследование выявляет кочевнический характер обеих культур²⁰¹.

---

medieval history. But archaeologists should first arrive at conclusions within the limits of archaeological science itself and only then implement their observations with historical facts”.

¹⁹⁸ Boba 1971: 140: “The spiritual and material culture of the people of the ninth century in the northern Morava valley, as expressed in burial rites and the typology of sacral edifices, has been interpreted, not on the basis of comparable and well-identified archaeological material from neighboring regions, but with reference to the Cyrillo-Methodian mission and the information known from the written sources on Moravian history. Finally, on the same basis, the ethnic composition of the carriers of the civilization in the northern Morava River valley has been defined as Slavic, although this conclusion is not, and cannot be, derived from the concrete material assembled in Mikulčice, Pohansko, and elsewhere”.

¹⁹⁹ Curta 2009: 241: “his understanding of archaeology was at best primitive... and worst, dismissive”.

²⁰⁰ Boba 1971: 140: “Whatever language the people of the new civilization spoke, their material and spiritual culture, as reflected in the artifacts available, appears at first sight, and increasingly upon careful scrutiny, to be nomadic”.

²⁰¹ Boba 1971: 140–141: “A comparative study of the graves north of the Danube in the Morava River valley with cemeteries of typical Avar regions was made by B. Szóke, who found a striking

В связи с тем, что мораване известны как воинствующий, конный народ, то характеристики археологической культуры на севере Дуная не только не противоречат, но даже подкрепляют теорию, что весь комплекс был Моравским. Однако есть и другие вопросы, нуждающиеся в ответе: например, почему комплекс ограничен небольшой территорией, если предполагается, что „Великая Моравская держава“ представляет собой однородное наднациональное образование, покрывающее половину центральной Европы?²⁰² Весь археологический комплекс представляет собой поселения военно-княжеского типа, пригодные для временного пристанища, воздвигнутые в затопленных болотистых районах рек Морава и Дия. Соответствующие сельские селения еще не найдены, а характер комплекса еще раз внушает, что речь идет о территориально ограниченной чужой военной оккупации²⁰³.

Что касается тех нескольких сакральных зданий на севере Дуная, мнения расходятся как относительно хронологии, так и относительно типологии строений. Расхождения в датировке зависят от события, которого археологи считают решающим в истории Моравского христианства: баварская (ирландско-шотландская) миссия до 863 г. или Кирилло-Мефодиевская миссия после указанной даты. Одна и та же церковь датируется одними началом IX в. и связывается по стилю с церквями на Западе, в то время как другие относят ее к последним десятилетиям IX в. и к далматинскому или византийскому стилю. С тем же успехом строения можно датировать XI или XII в.²⁰⁴

И, наконец, самое главное при интерпретации археологического материала долины северной р. Морава связано не с политикой или принад-

---

analogy between the two areas in both material and spiritual culture. His study brings out the “nomadic” nature of both cultures”.

²⁰² Боба 1971: 141: “Since the Moravians are known to have been a militant, horse-riding people, the characteristics of the archaeological culture north of the Danube would not contradict, but would rather support, the theory that the whole archaeological complex was Moravian. There are, however, other questions to be answered e.g., why should the complex have been limited to a relatively small area, if the “Great Moravian Empire”, a supposedly homogeneous, supratribal entity, covered half of central Europe?”

²⁰³ Boba 1971: 141: “The entire archaeological complex represents military-princely settlements of a refuge type, established in the marshly inundation terrain of the rivers Morava and Dyja. No corresponding village settlements have yet been discovered, and the nature of the complex suggests, once more, a territorially limited foreign military occupation”.

²⁰⁴ Boba 1971: 142: “As for the several sacral edifices north of the Danube, opinions still differ as to both the chronology and typology of the buildings. The differences in suggested dates depend on which event archaeologists consider to be the turning point in the history of Moravian Christianity: a Bavarian (Iroscothian) mission before 863 or the Cyrillo-Methodian mission after that date. The same church is dated by some in the earlier part of the ninth century and connected in style with the churches used in the West, while by others it is dated in the last decades of that century and regarded as being Dalmatian or Byzantine in style. By the same method, the edifices could just as well be dated in the eleventh or twelfth centuries”.

лежностью его определенному этносу, а с его хронологией. Весьма многозначительно отсутствие какого бы то ни было эпиграфического материала севернее Дуная. Это не позволяет определить язык населения или дату, на которой можно было бы основать точную хронологию. Единственным письменным свидетельством, на котором можно строить догадки, является византийская монета времен Михаила III²⁰⁵. На фоне сказанного еще более странно звучат слова, что самая большая трудность перед археологическими исследованиями в Моравии – отсутствие информации о точной датировке пластов – преодолена, так как в Микульчицах найдена золотая монета императора Михаила III, надежно датирующая весь археологический пласт в эпоху Кирилла и Мефодия²⁰⁶. Ссылаться на одну единственную золотую монету в качестве письменного свидетельства, в то время как сторонники северной локализации Моравии приписывают ей создание большей части богослужебного славянского корпуса, просто несерьезно. Отсутствие эпиграфики в районе северной Моравы выявляет тот простой и очевидный факт, что народ, обитавший эти земли, не был письменным народом. Отсутствие эпиграфики лишней раз говорит нам о том, что археологи и историки ищут Великую Моравию не в том месте, где она когда-то находилась. 17 июня 2014 г. в Кирилло-Мефодиевском научном центре Болгарской АН д-р Мартин Гусар из Словакии прочитал лекцию на тему: „Important archaeological monuments and finds regarding Christianity in the territory of Great Moravia“. Среди прочих находок лектор показал фотографии осколков керамической посуды с глаголическими буквами, обнаруженные в Блатнограде (Mosaburg/Zalavár) в Венгрии. Эти находки вполне согласуются с фактом разгрома Моравии венграми, локализуя ее в землях между венграми и болгарами. Каким образом их можно связать с северной локализацией Моравии лектор, естественно, не объяснил. Еще В. Н. Татищев писал: „Сие о Моравии смешенное с болгары потребно от истории изъяснить“²⁰⁷ (неслучайно И. Боба поставил эти слова в качестве эпиграфа к своей монографии, дипломатично опущенные в хорватском издании²⁰⁸).

---

²⁰⁵ Boba 1971: 143: “The main problem in the perusal of archaeological material from the northern Morava River valley, however, is not its political or ethnic interpretation, but its chronology. Unfortunately, but significantly, there is no epigraphic material from north of the Danube which would give any basis for defining the language of the population or a date on which to base any exact chronology. The only written evidence on which one can base a surmise is a Byzantine coin of Emperor Michael III”.

²⁰⁶ Младенова 2010–2011: 31: „Най-голямата трудност пред археологическите проучвания – липсата на информация за точната датировка на пластовете – в Моравия е преодоляна, тъй като в находището в Микулчице е открит златен солид на император Михаил III, който надеждно датира целия археологически пласт точно към времето на Кирил и Методий“.

²⁰⁷ Татищев II: 301, примеч. *.

²⁰⁸ Boba 1986.

Выступление И. Бобы на XI съезде славистов вызвало дискуссию. Вот что пишет по этому поводу О. Н. Трубачев: „Именно в таких случаях должна вступать в силу лингвистическая реконструкция (типологическая и этимологическая). Сказанное могло бы иметь прямое отношение к большому вопросу о Великой Моравии, ясность в котором нужна, но она трудно достижима, поскольку исследователи замыкаются в аргументации церковно-исторической, текстологической, чрезмерно обобщая ее и примешивая, к сожалению, сюда свои национальные чувства, которые, разумеется, не хотелось бы задевать. Лингвисты практически не участвовали в обсуждении узкого вопроса о названии и локализации Великой Моравии (хотя уже в двух лингвистических докладах на открытии съезда Великая Моравия фигурировала), и это при том, что историческое языкознание способно сказать здесь свое слово. А все дело в неправомерном отождествлении Моравии (историческая область по реке Мораве между Чехией и Словакией) и Великой Моравии. Кульминацией на съезде был доклад американского историка И. Бобы, который за последние двадцать лет стал знаменит своим тезисом о южном, паннонском расположении Великой Моравии. В дискуссии чешские и словацкие историки с редким единодушием отстаивали тождество Моравия = Великая Моравия, но запомнилось и резкое выступление старика Герберта Гальтона, который напомнил один неотразимый контраргумент, сославшись на то, что Константин Багрянородный, впервые, кстати, упоминающий о Великой Моравии, помещает ее к югу от *Τούρκοι*, то есть ‘венгров’ в его терминологии. И. Бобу упрекают в том, что он не филолог, чего он и сам не отрицает, но я не услышал убедительной филологической критики в его адрес, в том числе и от филолога Х. Бирнбаума, выступившего со специальным докладом „Где был центр моравского государства?“²⁰⁹.

На этом оставим археологов в покое, пусть они продолжают ломать копья, а мы перейдем к другим вопросам, связанным с Великой Моравией. Паннонская гипотеза Копитара, Блумбергера и Бобы, как правильно заметил О. Н. Трубачев, со всей серьезностью ставит вопрос об этническом характере Великой Моравии Кирилло-Мефодиевской эпохи. В последние годы над этой проблемой работает М. Еггерс, который считает, что Великая Моравия играла роль буфера между Болгарией и империей франков. Более того, мораване не принадлежат к западнославянской группе, как принято считать, а к южнославянской. Миссия Кирилла и Мефодия была направлена против политической экспансии империи Карла Великого²¹⁰. В середине 90-х годов М. Еггерс издал свою диссертацию, в которой поставил вопрос о реальности „Великоморавской державы“²¹¹. Автор критически обследовал все свидетельства: франкские анналы, славянские агиографические тексты,

²⁰⁹ Трубачев 2002б: 340–341.

²¹⁰ Eggers 2007.

²¹¹ Eggers 1995.

византийские источники, лингвистические и археологические данные²¹². В книге ясно показано, каким образом средневековые историки, отталкиваясь от известного факта присутствия Святополка в чешских землях, связали Мораву с Моравской долиной и привязали Мефодия к первым чешским правителям. Позднее писатели создали согласованный сценарий, который с 1830 г. перерос в фикцию „Великая Моравия“²¹³. В рецензии на книгу Еггерса Х. Лант сделал несколько замечаний относительно трудов И. Бобы. По словам Ланта, большинство работ за последнее столетие являются бесплодной вторичной спекуляцией относительно деталей конкурирующих предположений. В этой литературе не уделяется внимание данным источников²¹⁴. В этом плане Лант оценивает работу Бобы положительно. При этом не следует говорить о „тезисе“ или „теории“ Бобы как будто ее можно отстоять или отбросить в целом, бесполезно искать в деталях ошибки Бобы и на этом основании постулировать корректность традиционной теории²¹⁵. Владения Ростислава/Растицы никогда не были определены географически, детальный анализ неясных контекстов тоже ничего не дает. Первоначальное владение Святополка/Звентибальда тоже нигде не определено. Документированный факт, что Святополк в 890 г. присоединил Богемию к своему государству, не говорит нам ничего о местонахождении его первоначального владения²¹⁶. Аргументы Бобы, что Мефодий обладал властью преимущественно в рамках старых территорий Римской империи, что означает – южнее Дуная, в целом оставляют без внимания, но они до сих пор не опровергнуты²¹⁷. Относительно работы самого Еггерса Лант пишет, что его интерпретация локализации Моравии правдоподобна, но недоказуема из-за двусмысленности и несогласованности, которые допускают другие правдоподобные, но также недоказуемые комбинации²¹⁸. Сам Лант признает, что на некоторые вопросы просто нельзя ответить из-за неточных данных, а другие допускают два или три правдоподобных решения²¹⁹.

²¹² Lunt 1996: 945.

²¹³ Lunt 1996: 945.

²¹⁴ Lunt 1996: 946.

²¹⁵ Lunt 1996: 946: “It is misleading to speak of “Boba’s thesis” or “theory” as though it stands or falls as a whole; it is meaningless to point to details where Boba is clearly mistaken and declare that “tradition” is correct”.

²¹⁶ Lunt 1996: 946: “Morava, the domain of Rastislav/Rastiz ... *is never defined geographically* – nor, it turns out, can an unambiguous definition be teased from the vague contexts. Further, the initial domain of Sventopulk/Zwentibald ... is nowhere defined. The recorded fact that Sventopulk in 890 added Bohemia to what was obviously an extended realm tells us nothing about the location of his original patrimony”.

²¹⁷ Lunt 1996: 946: “Boba’s arguments that Methodius had authority chiefly within the old Roman territories, and therefore south of the Danube, have been summarily dismissed but not refuted”.

²¹⁸ Lunt 1996: 947: “Eggers’s interpretations are plausible but, in my opinion, unprovable because of ambiguities and inconsistencies that allow other plausible but unprovable combinations”.

²¹⁹ Lunt 1996: 947: “... it is time to concede that – because of the inadequate evidence – some

Великая Моравия и филология

Киевские листки

В своей книге И. Боба затронул также проблему филологических доказательств северной локализации Великой Моравии²²⁰. Здесь остановимся только на *Киевских листках* (КЛ), поскольку этот памятник, как правило, считается древнейшим славянским письменным памятником, восходящим непосредственно к Кирилло-Мефодиевскому периоду, но при этом мы не ставим перед собой задачу решения всех проблем, связанных с КЛ.

Не будучи филологом, И. Боба заметил, что в филологических исследованиях, посвященных КЛ, очень много противоречий²²¹. Особо здесь отличился А. И. Соболевский. Рассматривая лексику КЛ в сопоставлении с *Беседами* Григория Двоеслова, Соболевский выделил слова, общие для обоих текстов, переводящие одни и те же латинские слова, и приписал перевод КЛ и *Бесед* одному и тому же лицу²²². В более поздней работе автор привел словарный материал из *Легенды о св. Вацлаве*²²³ (тогда еще не изданной) и пришел к выводу, что все три текста переведены одним и тем же лицом: „Мы имеем редчайшие словарные данные, ... , свойственные вообще или только в указанном значении исключительно Киевским Отрывкам и Беседам. Они связывают эти памятники друг с другом так тесно, что необходимо считать их за труд одного лица“²²⁴; „Недавно появился на ученой арене новый памятник, ценный для нас особенно потому, что он принадлежал перу того же переводчика, который трудился над Киевскими Отрывками и над Беседами. Это церковнославянский перевод „Легенды“ о св. Вацлаве Чешском...“²²⁵.

Связав таким образом судьбу КЛ с Моравией (в традиционном понимании), Соболевский продолжил свои открытия. В другой небольшой заметке он пришел к выводу, причем в весьма категорических выражениях, что родиной КЛ является Польша: „Если есть возможность говорить о славянском богослужении в Польше в XI в., есть также возможность видеть в дошедших до нас Киевских Отрывках – памятник именно польской письменно-

questions simply cannot be answered, while others admit two or three equally plausible solutions”.

²²⁰ Boba 1971: 144–156.

²²¹ Boba 1971: 145: “On the basis of linguistic analysis (prompted by historical presuppositions), the origin of the *Leaflets* was placed variously in Bohemia, Pannonia, Slovakia, The Carpathian region, Bohemia-Moravia-Slovakia, Moravia-Pannonia, on “the banks of the Danube”, and in Macedonia”.

²²² Соболевский 1900: 159–160; Соболевский 1910а: 92–94.

²²³ Выше эта легенда упоминается под именем *Кристианова легенда*.

²²⁴ Соболевский 1910а: 94.

²²⁵ Соболевский 1910а: 95.

сти этого времени. Исправное употребление носовых гласных не позволяет нам связывать этот текст ни с Чехией, ни с Паннонией; фантазировать о какой-то южно-славянской территории в XI в. с говором сохраняющим носовые гласные и имеющим западно-славянские *z* и *ц* из *dj* и *tj* мы считаем излишним²²⁶. А. И. Соболевский и не заметил, что отнес к польской традиции вместе с КЛ еще и *Беседы* Григория Двоеслова и *Легенду о св. Вацлаве*. В другой своей работе Соболевский пишет о *Беседax*, как о памятнике чешского происхождения²²⁷.

Отметим позицию В. Ягича. В ответ на соображения Л. Гейтлера, что правильный ДЯ КЛ исключает возможность связывать их с славянским севером из-за *ц* и *z* вместо *ц* и *жд*, Ягич подчеркнул, что правильность церковнославянского (по его терминологии) языка в КЛ сама по себе, а чехизмы (моравизмы или паннонизмы) сами по себе. „Церковнославянский“ язык в Моравии был пришлым, поэтому язык КЛ не есть действительный живой язык Моравии или северной Паннонии X в. Однако в КЛ, как в зеркале, отражаются следы их исторических связей с живым языком Моравии (или Северной Паннонии) IX либо X в., независимо от того, что сохранившаяся рукопись написана на севере или на юге (в Македонии, Далмации, на островах Адриатики). Южное происхождение списка кажется Ягичу более вероятным, хотя в нем уцелели остатки его северного оригинала²²⁸. В 1890 г. Ягич опубликовал КЛ. В этой публикации Ягич уже определенно высказался в пользу чешско-моравско-словацкого происхождения памятника, саму рукопись датирует XI в., а ее протограф относит к концу IX в.²²⁹ Как видно, позиция Ягича терпит развитие.

В. Облак, как и В. Ягич, пришел к выводу, что КЛ были написаны на моравской земле, *ц*, *z* из **tj*, **dj* – моравизмы²³⁰. С этим не согласился Б. М. Ляпунов, который специально подчеркивает последовательность рефлексов *ц* (< **tj*) и *z* (< **dj*) в КЛ. Это обстоятельство заставляет его тяготеть к мнению Миклошича и Фортунатова, что в КЛ отражается особый „старославянский“ говор. Автор ищет этот говор в придунайских областях, близких к Моравии или Чехии²³¹. Ляпунов обращает внимание на то, что

²²⁶ Соболевский 1910а: 109.

²²⁷ Соболевский 1910б.

²²⁸ Ягич 1884: 138; цитировано по: Нимчук 1983: 63–64.

²²⁹ Jagić 1890: 1–2, 5, 44; цитировано по: Нимчук 1983: 64.

²³⁰ Oblak 1896; см. также: Нимчук 1983: 65.

²³¹ Ляпунов 1896: 940: „Так бы действительно можно было думать, если бы при этих *ц* и *z* не соблюдались с замечательной правильностью другие характерные особенности старославянского языка, известные нам из других памятников, если бы *ц* и *z* проводились непоследовательно (так обыкновенно бывает при списывании подлинника, написанного на одном родственном языке, представителем другого) и если бы, кроме *ц* и *z*, были здесь еще какие-нибудь „моравизмы“ или „чехизмы“, которых, однако, нет“; с. 942: „Так как место рас-

невозможно убедительно объяснить, каким образом моравинин или чех мог сохранить разницу между носовыми и неносовыми, *e* и *ь*, и в то же время последовательно заменить *um*, *жд* (если бы они были в оригинале) на *ц*, *з*²³². Впоследствии Б. М. Ляпунов вообще отказался категорически определять родину КЛ²³³.

На статью Ляпунова отреагировал В. Ягич, который не принял идею о поиске какого-то особого „церковнославянского“ диалекта. Язык КЛ правильный „церковнославянский“ с некоторыми вкраплениями одного из переписчиков: *ц* вм. *um* (< *tj), *з* вм. *жд* (< *dj), *шч* вм. *um* (< *skj, *stj). Вопрос о родине КЛ имеет две стороны: 1) происхождение первоначального текста мисала; 2) КЛ в нынешнем виде. По первому пункту Яги высказал мнение, что следует иметь в виду Далмацию с некоторыми соседними областями позади нее, Паннонию с прилегающей к ней юго-западной областью и, наконец, Моравию с определенной частью Чехии. Болгария (Ягич делит ее на Восточную часть и Македонию) полностью исключается²³⁴. Относительно второго пункта Ягич считает, что Далмацию и Паннонию следует исключить, т.е. остается только Моравия. При этом Ягич соглашается с Ляпуновым, что язык КЛ нельзя определить как древний (скажем X в.) словацко-мораво-чешский²³⁵. Далее сказано, что первоначальный текст мисала происходит из паннонско-словенского языкового ареала, что подтверждается значительным лексическим пластом²³⁶ (ср., например, *ннюкость*, которое не является моравизмом, как считает В. Ф. Мареш).

Мнение В. Ягича не вступает в противоречие с идеей о южной локализации древней Моравии. Даже более, оно допускает (если связать КЛ с Чехией) возможность того, что чешская традиция не восходит непосредственно к деятельности Кирилла и Мефодия, а является более поздней.

На этом история изучения КЛ не прекращается. Им посвящено много публикаций и несколько монографических исследований²³⁷. Как и Грунский в свое время, Схакен большое внимание уделил диакритическим зна-

---

пространения и родина старославянской группы говоров остаются вопросами еще не решенными (если и признать, что южная половина ее живет в некоторых говорах болгарских, что, однако, еще не доказано), то ничто не мешает нам предположить, что северная половина доходила до Дуная и составляла как бы мост к группе чешско-моравской; возможно, что эта северная половина говоров старославянских исчезла во время мадьярского нашествия, частью ассимилировавшись с говорами словацко-моравскими“; см. также: Нимчук 1983: 65–66.

²³² Ляпунов 1896: 941.

²³³ Нимчук 1983: 66.

²³⁴ Jagić 1898: 6.

²³⁵ Jagić 1898: 6.

²³⁶ Jagić 1898: 12; см. также: Нимчук 1983: 66–67.

²³⁷ Грунский 1904; Нимчук 1983; Schaeken 1987.

кам²³⁸. Его наблюдения, также как и наблюдения Грунского в этом направлении, не получили всеобщего одобрения²³⁹. Схакен на сей раз высказал предположение, что КЛ написаны в конце IX – начале X в. и отражают переходный словацко-хорватский диалект. Такая датировка, на наш взгляд неубедительна, потому что она опирается на некоем переходном словацко-хорватском диалекте, чье существование остается гипотетическим. И если аргументы Схакена убедили У. Федера, то М. Мак Роберт справедливо замечает, что существование такого переходного диалекта сомнительно²⁴⁰. Слабым местом является как раз то, что в поисках этого диалекта Схакен опирается на свой анализ диакритических знаков²⁴¹. Мысль о переходном диалекте отбросил и Х. Лант. Лант присоединился к традиционному мнению о древности КЛ, не находя достаточно данных для точной датировки, предполагая промежуток между 950 и 1020 г.²⁴²

Особняком стоит монография И. Хамма²⁴³, ставящая под сомнение аутентичность КЛ. Согласно Хамму, КЛ написаны в середине XIX в. известным чешским фальсификатором В. Ганкой. Подозрения в этом плане высказывались и до И. Хамма. Первым, кто осторожно высказался против аутентичности КЛ и указал на Ганку, был В. И. Ламанский²⁴⁴, который колебался, считать ли моравскими *ц*, *з* (из **tj*, **dj*) из-за отсутствия прочих моравизмов. Свои подозрения и колебания Ламанский выразил в письме к профессору Киевского университета Т. Д. Флоринскому²⁴⁵. В этом письме Ламанский предположил, что цель подделки доказать введение Кириллом и Мефодием в Моравии и Паннонии латинского богослужения.

Принято считать, что мнение Хамма опровергнуто исследователями²⁴⁶; по словам Федера, Схакен даже сделал это мастерски (*disposes of masterfully*)²⁴⁷. Аргументация Схакена, однако, оказалась неубедительной для М. Мак Роберт²⁴⁸. Трудно высказать определенное суждение по этому вопросу. Уникальность языка рукописи, не поддающаяся классификации и вызвавшая столько противоречивых мнений среди специалистов, последовательный характер отдельных явлений (например, *ц* < **tj*, *з* < **dj*) – неволь-

²³⁸ Schaeken 1987: 43–78.

²³⁹ MacRobert 1989.

²⁴⁰ Veder 1988; MacRobert 1989.

²⁴¹ MacRobert 1989.

²⁴² Минчева 1995: 256; в энциклопедии не указано, где Лант опубликовал свою рецензию на книгу Схакена.

²⁴³ Hamm 1979.

²⁴⁴ Німчук 1983: 81.

²⁴⁵ Німчук 1983: 82–83.

²⁴⁶ Минчева 1995: 258.

²⁴⁷ Veder 1988: 252.

²⁴⁸ MacRobert 1989.

но наводят на мысль о подлоге. До сих пор неизвестно, каким образом памятник объявился в Киеве в начале 70-х годов XIX в. Дарственная надпись на форзаце рукописи („Въ Библіотеку Кіевской Духовной Академіи. Іерусалимъ. 2 Маія 1872 г.“) нам ничего не говорит. В ответ на письмо Ламанского Флоринский пишет: „На днях я повидался с Н. И. Петровым²⁴⁹ и узнал от него, следующее. Никакого письма или официальной бумаги Антонина, объясняющих обстоятельства открытия глаголических листков миссала и поступления их в Академию, не сохранилось. У ректора Академии Филарета были письма арх. Антонина, но куда они исчезли, никто не знает. На листке, служащем оберткой для глаг[ол.] листков, рукой Антонина написано „Іерусалимъ, 1872 г.“, и эта запись пока остается единственной датой о месте и времени находки... Моравизмы отрывков и мне всегда казались подозрительными, но сама рукопись, по-видимому, не внушает подозрений. Если это и подделка, то во всяком случае очень искусная... В прошлом году такие же справки о глаголических отрывках наводил у Н. И. Петрова и А. И. Соболевский²⁵⁰. Существует предположение, что Антонин (в миру А. И. Капустин) прислал КЛ не прямо в библиотеку, а ректору Филарету, с которым он был в дружеских отношениях и долгое время состоял в переписке²⁵¹.

Как видно, на основе надписи на форзаце рукописи, процитированной неполностью, Т. Д. Флоринский относит Иерусалим и дату 2 мая 1872 г. к месту и времени находки²⁵². Предположения, что рукопись принесена из Иерусалима, высказывались на III Археологическом съезде в 1874 г.²⁵³ Уже после смерти Антонина А. И. Соболевский высказал догадку, что КЛ были приобретены либо в Палестине, либо на Синае²⁵⁴. Сейчас это мнение получило широкое распространение и является господствующим, но оно так и не подтверждено никакими фактическими данными. В основе догадки Соболевского лежит факт, что Антонин с 8 августа по 18 сентября 1870 г. описывал греческие рукописи в монастыре св. Екатерины на Синае, среди которых выявил 38 славянских текстов²⁵⁵. Сам Антонин, однако, о своей находке ничего не сказал²⁵⁶, иначе В. В. Нимчук не преминул бы об этом заявить²⁵⁷. Б. Л. Фонкич, ссылаясь на дневник Антонина, пишет, что, скорее

---

²⁴⁹ Составитель описи рукописей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии, в котором дано второе по счету краткое описание КЛ; см.: Петров 1877: 348–349; цитировано по: Нимчук 1983: 6.

²⁵⁰ Нимчук 1983: 83–84.

²⁵¹ Нимчук 1983: 4–5.

²⁵² Так считает и М. Младенова (Младенова 1999: 107).

²⁵³ Нимчук 1983: 12.

²⁵⁴ Нимчук 1983: 13.

²⁵⁵ Нимчук 1983: 8.

²⁵⁶ Антонин 1873.

²⁵⁷ Нимчук 1983: 8–9.

всего, КЛ приобретены Антонином в 1870 г. во время посещения им монастыря св. Екатерины на Синае²⁵⁸. Вот, что пишет Антонин в записи от 14 ноября 1870 г.: „... усилие разобрать письмо принадлежащих мне 7-ми пергаменных глаголических листков... сидел над глаголицей до полночи. Научился-таки читать ее“²⁵⁹. Эта запись говорит о том, что в ноябре 1870 г. КЛ были в руках у Антонина, но не сообщает нам ничего о времени и месте их приобретения. Заметим, что все семь тетрадей дневника Капустина не являются его автографом, а копией, приготовленной императорским Русским православным палестинским обществом в самом конце XIX в.²⁶⁰ Вопрос о времени, месте и способе приобретения КЛ остается открытым, вряд ли на него когда-нибудь будет дано удовлетворительное объяснение.

Оставляя в стороне вопрос об аутентичности КЛ, нельзя не отметить еще раз уникальность их языка. Она проявляется в последовательности языковых явлений и в четко выраженной норме в выборе и сочетании языковых признаков. Поэтому неудивительно, что при попытках найти объяснение этому уникальному характеру языковой нормы КЛ высказывались не только различные, но и довольно противоречивые мнения о времени и месте возникновения текста, соответственно дошедшей до нас рукописи²⁶¹. Своеобразие КЛ в текстовом, литургическом и языковом отношениях не позволяет рассматривать их ни как часть древнеболгарского канона, ни как текст „моравско-паннонской“ деятельности Кирилла и Мефодия. По мнению А. Минчевой, КЛ не отвечают в достаточной степени великоморавской системе²⁶² литературного языка, постулированной В. Марешом и Р. Вечеркой²⁶³. Об этом пишет и М. Младенова, обращая внимание на возможность „сознательного внесения западнославянских черт в текст КЛ, который опирается на южнославянский протограф“²⁶⁴. (К вышеупомянутому слову *пншт*, можно прибавить *пншта*, чье значение в КЛ обнаруживает связь с южнославянским ареалом, но никак не с чешским²⁶⁵.)

²⁵⁸ Фонкич 1972: 82.

²⁵⁹ Фонкич 1972: 82.

²⁶⁰ Фонкич 1972: 82, примеч. 3.

²⁶¹ Минчева 1995: 254. Обзор противоречивых мнений можно найти у В. В. Нимчука (Німчук 1983: 62 и далее; см. также: Минчева 1995: 256–257).

²⁶² В ней норма последовательно определяется сочетанием древнеболгарских черт и местных языковых признаков.

²⁶³ Минчева 1995: 256–257.

²⁶⁴ Младенова 1999: 107.

²⁶⁵ Ср.: да ѿкоже нѣн еси невьскъѣѣ пища насънтѣѣ (Німчук 1983: 114; SJS III: 43). В древнеболгарском *пншта* употребляется в значении ‘еда, пища’, с тем же значением заимствовано в русском (Фасмер III: 270); чеш. *píce* ‘корм, фураж’ не увязывается с цитированным контекстом из КЛ; значение ‘еда, пища’ характерно преимущественно для южнославянского ареала (БЕР V: 278).

Если КЛ нельзя безусловно отнести к периоду Кирилло-Мефодиевской деятельности в Моравии, то и чешская традиция не может быть привязана к начальному периоду славянской письменности. Ее, скорее всего, можно отнести за счет влияния со стороны Киевской Руси во второй половине XI в. Не случайно в конце XI в. в пресловутом Сазавском монастыре был освящен алтарь первым русским святым, Борису и Глебу²⁶⁶. Вполне возможно, что вопрос о связях между Киевской Русью и Чехией стоит совсем не так, как его поставил в свое время А. И. Соболевский, считавший, что чешская традиция оказывала влияние на древнерусскую помимо древнеболгарской.

Проблема лексических моравизмов

О лексических моравизмах в древних славянских письменных памятниках писано сравнительно много²⁶⁷. Число лексем, относимых к моравизмам, в разное время и в разных работах варьировало. Отметим здесь лишь некоторые моменты, так как основная часть нашей работы направлена именно на анализ отдельных лексических моравизмов. Надо специально оговорить, что термин лексический моравизм используется нами в самом широком смысле: лексема, содержащая в себе какую-либо западнославянскую (чешскую или словацкую) характеристику. Методика выявления моравизмов, как правило, страдает многими недостатками.

Часто к проблеме обращался В. Ф. Мареш: „Следует отметить также, что в старославянский язык, а при его посредничестве и в живые славянские языки проникло определенное количество слов чешского²⁶⁸ (моравского) происхождения, хотя оно и не поддается определению, так как фонетический и словообразовательный облик этих слов носит общеславянский характер“²⁶⁹.

Непонятно, зачем необходимо выдвигать постулат, который нельзя ни проверить, ни доказать. В. Ф. Мареш считал также, что некоторые слова являются кирилломефодиевскими терминами: *всьепогън*, *оплатъ*, *папежь*, *рваннѣ* (вин. мн.), *прѣфацнѣ*, *мышѣ* и др.; ср. также *цвѣтънаѣ недѣѣла*²⁷⁰.

Писал о моравизмах и А. С. Львов: „Наличие западнославянских слов в памятниках церковнославянской письменности, бывших в употреблении в древней Руси, а также в сочинениях, написанных древнерусскими книжниками, как будто не подлежит сомнению. Проникновение этих слов на Русь

²⁶⁶ Boba 1971: 152–153; Večerka 1976: 134–136.

²⁶⁷ Пенкова 1995: 719–722.

²⁶⁸ Почему „чешского“, а не, скажем, словацкого происхождения?

²⁶⁹ Мареш 1961: 2, 17; В. М. Мареш ссылается на К. Горалека (Horálek 1948: 118–119).

²⁷⁰ Мареш 1961: 21.

обычно объяснялось так: памятники, составленные или переведенные в Моравии, после 885 г. были принесены учениками Константина и Мефодия в Болгарию, и только оттуда проникли в Киевскую Русь²⁷¹.

Против такого пути проникновения моравизмов в письменный язык Древней Руси иногда выступали ученые, мало что смыслящие в лексической проблематике, как например, Н. Н. Никольский: „Такие слова, как *папежь, оплатокъ, перегъбы, сустуги, кмети*, могли не путешествовать в Болгарию. Если бы наша письменность до конца XI в. была в зависимости только от Болгарии, то трудно также было бы объяснить, почему язык нашей летописи не знает целого ряда слов и оборотов, встречающихся у писателей времени царя Симеона...“²⁷².

Справедливо А. С. Львов обратил внимание на то, что *перегъбы* и *сустуги* не являются западнославянскими словами²⁷³. Комментируя мнение Н. К. Никольского, А. С. Львов писал: „Словом, проводится мысль, что Киевская Русь могла иметь сношения с Великой Моравией или Чехией уже не позднее X в. и оттуда получать непосредственно памятников старославянской письменности. Данное мнение считается убедительным поскольку признается, что Троицкий список Хроники Георгия Амартола является переводом, выполненным в XI в. древнерусскими книжниками. В этом памятнике, несомненно, значительное количество слов западнославянского происхождения. Однако убеждение о русском переводе этого памятника пока не подкреплено бесспорными доводами и требует еще специальной проверки, как недавно указал на это А. Достал“²⁷⁴.

Как известно, мысль о прямых контактах (помимо Болгарии) Моравии и Киевской Руси впервые высказал А. И. Соболевский²⁷⁵. Недавно Соболевский даже получил исключительно положительную оценку: „Несмотря на ряд неточностей, заслуживает внимания его новаторская, до сих пор применяемая оценка словарного состава на основе лексических слоев, с помощью которых можно привести локализацию текста или установить переводческую школу“²⁷⁶. Его труды оцениваются как новая эпоха „в исследованиях церковнославянских памятников чешского происхождения и памятников, переведенных с латыни“²⁷⁷. Методика Соболевского в связи с

²⁷¹ Львов 1965а: 199.

²⁷² Никольский 1930: 14–15; цитировано по: Львов 1965а: 200.

²⁷³ Львов 1965а: 200–201.

²⁷⁴ Львов 1965а: 200; см.: Dostál 1963: 375–384. Позднее А. С. Львов, отмечая спорность происхождения перевода Хроники, все же включил ее в состав древнерусских переводов XI в.; см.: Львов 1968: 320.

²⁷⁵ Соболевский 1900: 150–217.

²⁷⁶ Чермак 2008: 12.

²⁷⁷ Чермак 2008: 17.

„лексическим критерием“ заключает в себе очень много слабостей, что видно из наших работ, посвященных переводным памятникам средневековой славянской письменности.

Первоначально А. С. Львов относился с необходимой осторожностью к идее Соболевского: „Например, нет сомнения в том, что „Беседы папы Григория римского (Двоеслова)“ являются западнославянским (чехо-моравским) переводом с латинского на старославянский язык, по-видимому, не позднее XI в. Многочисленные лексические, графические, морфологические и синтаксические чехо-моравизмы даже в русском списке XIII в. этого памятника свидетельствуют об этом²⁷⁸. Но при этом ряд графических и лексических черт памятника трудно объяснить без восточноболгарского посредничества“²⁷⁹.

В то же время А. С. Львов допускал возможность существования текстологических моравизмов в текстах классических древнеболгарских памятников. Так, признавая, что ѣднѣзъ в смысле ‘некий’ широко употребительно почти во всех славянских языках, А. С. Львов считает, что данное слово вошло в евангелия в Моравии вместо етеръ²⁸⁰. Подобным моравизмом является и слово мнѣа, известное и болгарским говорам, на что указал и сам А. С. Львов²⁸¹. Необходимо особо подчеркнуть, что выделение подобных текстологических моравизмов при наличии их в болгарском языке и его говорах лишено смысла, так как практически недоказуемо. У А. С. Львова, как и у его предшественников, можно обнаружить и другие противоречия: „Обращает на себя внимание и такой факт, что внесенная из речи мораван лексика в звуковом отношении приспособлялась к южнославянской фонетической системе“²⁸².

Рассуждение страдает некоторой непоследовательностью: с одной стороны, в Моравии взамен непонятных для мораван слов в евангельские и другие тексты включались слова из речи мораван, а с другой, – эти же самые „моравские“ слова в звуковом отношении приспособлялись к особенностям „южнославянской“ фонетики. Сразу вслед за этим А. С. Львов соглашается с В. Ф. Марешом, что ѣдѣла цвѣтънаѣа вошло в памятники „старославянской“ письменности из речи мораван, но и это выражение, видите ли, звучит „по-южнославянски“²⁸³. Это не смущает А. С. Львова, который продолжает: „Эти и другие подобные факты являются лишним доказатель-

²⁷⁸ А. С. Львов ссылается на указанную работу А. И. Соболевского и на: Mareš 1963.

²⁷⁹ Львов 1965а: 199; ср. стемму *Бесед* у Мареша, согласно которой из Моравии текст распространился в Болгарию и в Русь в отдельности, Mareš 1963: 419.

²⁸⁰ Львов 1966: 98.

²⁸¹ Львов 1966: 60, 62, 64–65.

²⁸² Львов 1965б: 271.

²⁸³ Львов 1965б: 271–272; см. также: Mareš 1956; Минчева 1999.

ством того, что моравская церковная иерархия, пошедшая на включение моравизмов в тексты церковных книг, южнославянское произношение любого слова считала нормой для славянских церковных книг²⁸⁴.

Эту идею А. С. Львов развил и в своей книге, присвоив ей даже качество одного из выводов исследования²⁸⁵. Во-первых, у нас нет никаких данных о том, что считала „моравская церковная иерархия“; во-вторых, проще запомнить значение определенного количества иноязычных слов, чем свои же слова перedelывать на чужой фонетический лад – процедура, в общем-то лишняя здравого смысла; в-третьих, такой подход, в чем мы убедимся по ходу дальнейшего изложения, предоставляет исследователю возможность полного произвола, так как на выдуманных А. С. Львовым основаниях всю лексику классических древнеболгарских памятников можно объявить моравской по происхождению, поскольку идея Львова стирает всякое различие между моравским и древнеболгарским словом. Ведь сам Львов в цитированной статье сетует на то, что „строгие принципы выделения подобных моравизмов Ягич не разработал“²⁸⁶.

Не случайно то, что в литературе в моравизмы зачисляются слова и выражения, не являющиеся исключительной принадлежностью „моравского“ языка: *животъ*, *мнса*, *рачнтн*, *идннъ*, *цвѣтънаа недѣля* и др. Как уже было отмечено, со времени поднятия проблемы моравизмов число последних варьирует. В одном из последних исследований, посвященных этому вопросу, количество моравизмов было сведено к числу 17: *балнн* ‘врач’, *вѣко* ‘веко’, *всьемогы* ‘всемогущий’, *господа* ‘постоялый двор’, *дрьколь* ‘палка, дубина’, *комзканнн* ‘причастие’, *комзкатн* ‘причащать’, *маллжена* ‘супруги’, *мнлосръднн* ‘сострадание, милость’, *мъннхъ* ‘монах’, *мыша* ‘месса’, *непрназнъ* ‘дьявол’, *олътарѣ* ‘жертвенник, олтарь’, *папежь* ‘папа’, *рѣснота* ‘истина’, *рѣсотнвз* (точнее *рѣсотнвнъ*) ‘истинный, достоверный’, *тнмѣно* ‘ил, тина, грязь’, *тнмѣннн* ‘ил, тина, грязь’²⁸⁷. Любопытно, что Я. Гутянова не включила в данный перечень такие слова, как *ашоуѣ* ‘без причины’, ‘напрасно’, *взсждъ* ‘причащение’. М. Младенова указывает на слова в КЛ: *вальство*, *взсждъ*, *всьемогы*, *законьннкъ* ‘монах’, *мышѣ*, *оплатъ*, *папежь*, *прѣфацинѣ*, *рованнн*, *рѣснота*, *взрѣснтн* (сА), *рѣсотнвнъ*, *оутагнжтн*, *ходатанствоватн*²⁸⁸; к моравизмам обычно относятся еще слова, чье происхождение связывается с древневерхненемецким: *мъннхъ*, *внскоупъ*, *къмотра*²⁸⁹.

Порой то или иное слово в состав лексических моравизмов попадает весьма странным образом. Типичным случаем являются слова *рѣснота*

²⁸⁴ Львов 1965б: 272.

²⁸⁵ Львов 1966: 296.

²⁸⁶ Львов 1965б: 263.

²⁸⁷ Huťanová 1998: 76–98.

²⁸⁸ Младенова 1999: 110–112.

²⁸⁹ Младенова 1999: 110.

‘истина’, *ръснотнвнъ* ‘истинный’, безоговорочно принимаемые за моравизмы многими авторами. Так, Я. Гутянова, коротко излагая мнения авторов, писавших об этих словах, отмечает, что Соболевский в своей работе от 1900 г. твердо закрепил их за кругом памятников великоморавского происхождения²⁹⁰. В указанной работе Соболевского об этих словах ничего не сказано по той простой причине, что они вовсе и не упоминаются. Впервые на них обратил внимание В. Ягич в связи с текстологией Псалтири, Евангелия и Апостола и их синонимами *нѣтна*, *нѣтннъ*. Ягич считал, что первоначально в Псалтири, Евангелии и Апостоле присутствовали только *нѣтна*, *нѣтннъ*, которые позднее, по всей вероятности, в Паннонии были заменены на *ръснота*, *ръснотнвнъ*. В труде Ягича содержатся только текстологические указания употребления этих слов; автор отметил, что *ръснота*, *ръснотнвнъ* довольно часто встречаются в *Синайской Псалтири* (СПс), единичные случаи есть в других списках Псалтири; из евангельских текстов они присутствуют только в *Карпинском евангелии*, болгарском памятнике XIII в., и т.д.²⁹¹ В данном случае Ягич в своих рассуждениях очевидно исходит из презумпции, что в каком-либо тексте может присутствовать только одно слово, синонимия исключается. Такая постановка вопроса неудовлетворительна. В высказывании Ягича отсутствуют какие-нибудь языковые характеристики рассматриваемых слов. Правда, Я. Гутянова со ссылкой на работу Ягича от 1884 г. (с. 46) пишет, что *ръснота* попало в переводы в Паннонию, так как следы корня *ръсн-* до сих пор существуют в словенском языке; для Ягича *ръснота* в *Карпинском евангелии* является примером того, как скоро в переводе самого употребительного текста стали исправлять и заменять отдельные слова²⁹². Такой работы Ягича в списке литературы у Я. Гутяновой нет, ее так и не удалось идентифицировать. Так или иначе, но Ягич не объяснил, каким образом и по какой причине *ръснота*, *ръснотнвнъ* попали в текст Псалтири, Евангелия и Апостола в Паннонии. Это обстоятельство отметил А. С. Львов, добавляя, что основанием для такого заключения может послужить существование слов *resnica* ‘истина’, ‘правда’, *resnota* ‘серьезность’, *resni* ‘серьезный’ в словенском языке – остальные славянские языки не знают подобных слов с подобными значениями. Львов соглашается с Ягичем, что *нѣтна*, *нѣтннъ* первичные слова, а *ръснота*, *ръснотнвнъ* – вторичные, отмечая в то же время, что невозможно установить какую-либо семантическую разницу между *ръснота* и *нѣтна*: они употребляются в одних и тех же оборотах речи. Вместе с этим рядом с Паннонией появляется и Моравия: „Признание того, что слова *ръснота* и *ръснотнвнъ* вошли в Син. пс.

²⁹⁰ Huťanová 1998: 95.

²⁹¹ Jagić 1913: 352–353.

²⁹² Huťanová 1998: 95.

в Моравии или Паннонии, требует допущения, что этот памятник не только переписывался в этих краях, но подвергался редакционной сверке, так как мы не имеем права считать, что *ръснота* и т.п. могли войти в текст церковных книг по произволу одного переписчика. Некоторые данные, частично приведенные выше, позволяют судить, что редакционная сверка в Моравии действительно происходила. Остается непонятным, для чего следовало включать слово *ръснота* рядом с *нѣтна* для передачи одного и того греческого слова, если между разбираемыми словами отсутствует семантическая разница²⁹³. Еще более непонятно, каким образом *ръснота* могло быть вставлено в текст Псалтири в Моравии, если в чешском и словацком языках это слово не оставило следов? Далее, разбирая употребление слов *ръснота* и *нѣтна* в СПс, Львов приходит к заключению, что в части текста после 30 псалма слово *нѣтна* сознательно вытеснялось. На наш взгляд, такой вывод не поддается верификации, следовательно, в нем мало толку. Лучше говорить о сосуществовании обоих слов в тексте СПс. В итоге Львов убежден, что *ръснота* попало в текст СПс в Моравии: „В целом не вызывает сомнения тот факт, что слово *ръснота* могло быть включено в Син. пс. в Моравии, так как это слово употребляется в ряде памятников только моравско-паннонского происхождения“²⁹⁴. Отметим, что с лингвистической точки зрения сочетание „моравско-паннонский“ некорректно, поэтому существование памятников моравско-паннонского происхождения сомнительно. Слабость данного заключения еще и в том, что автор пренебрегает своим собственным требованием „обязательного учета данных живых славянских языков“. Невозможность исполнить это требование приводит к необходимости заменить его ссылкой на памятники моравско-паннонского происхождения. Я. Гутянова пишет, что корень *ръсн-* считается великоморавско-паннонским²⁹⁵. Если вторая часть словосочетания оправдана ввиду наличия слов с этим корнем в словенском языке, относимому к южнославянской группе, то первая не имеет под собой почвы, так как в западнославянских языках, в том числе чешском и словацком, этот корень не сохранился. Относительно употребления *ръснота* в болгарском Карпинском евангелии XIII в. Я. Гутянова пишет, что данное слово вряд ли попало в евангельский текст на Балканах.

Львов отметил употребление слов *ръснота*, *ръснотнвнѣ*, *ръснотнвнѣзѣн*, *ръснѣзѣн*, *ръснотвѣзѣн*, в ряде древнерусских рукописей, но, поскольку они извлечены из церковных книг, их нельзя признать древнерусскими или восточнославянскими. Автор в случае бесспорно прав, но в то же время он не

²⁹³ Львов 1966: 136.

²⁹⁴ Львов 1966: 137.

²⁹⁵ Huťanová 1998: 95.

обратил внимания на то, что эти „церковные книги“ являются древнеболгарскими по происхождению, и не задался вопросом, каким образом в *Ефремовской кормчей* (ЕК) и *Поучениях* Ефрема Сирина попали такие слова, как *ръснота*, *ръснотнвзгн*, *ръсновагъгн*²⁹⁶. Употребление не только слова *ръснота*, но и его производных в переводах древнеболгарского происхождения, говорит о том, что мнение о первичности *нетнна* в первых переводах необходимо пересмотреть. По мнению П. Скока, корень слова праславянский, сохранился только в словенском²⁹⁷. В. В. Нимчук предполагает, что слова с корнем *ръсн-* в IX–X вв. функционировали только в северо-западной части южнославянского ареала и вошли они в узус „старославянского“ языка в Паннонии²⁹⁸. На наш взгляд, однако, на *ръснота* следует смотреть как на архаизм ДЯ в первых переводах, впоследствии вытесняемый постепенно словом *нетнна*. Языковая периферия сохраняет архаизмы, а солунские говоры являются периферией как по отношению к древнеболгарской, так и по отношению ко всей славянской языковой территорией. Вряд ли случайно то, что слова с данным корнем сохранились в словенском языке, который тоже является периферийным по отношению к остальным славянским языкам.

Обобщая сказанное, можно заключить, что представление о лексических моравизмах основано на идее возможной правки первых переводов в Моравии, чья локализация традиционно относится к территории Чехии и Словакии. Достоверных данных о редакционной сверке текстов в Моравии нет. Их нет и в книге Львова. В вводной части Львов коротко резюмирует наблюдения прежних авторов относительно лексического варьирования в древнейших текстах, констатируя, что такие изменения могли быть введены в те или иные рукописи редакторами или правщиками, сверявшими наличный текст. Львов не исключает также возможность сознательной замены одного слова другим с целью, как писал в свое время А. Х. Востоков, „быть понятным для народа, среди коего писали“. Однако выяснение подобных изменений требует сравнительно-исторического изучения древних памятников с обязательным учетом данных живых славянских языков. Мысль Востокова Львов находит в общем правильной и допускает возможность того, что лексические замены произведены позже на территории Моравии или Паннонии, уточняя, что такое допущение требует специальных разысканий²⁹⁹. Вопреки некоторым сомнениям относительно *Бесед* Григория Великого, плодотворными, по мнению Львова, оказались работы А. И. Соболевского, который „выявил“ круг западнославянских памятников, чья лексика не согласуется с „южнославянским“ словарем. Наблюдения других

---

²⁹⁶ Срезневский III: 222, 223.

²⁹⁷ Skok III: 131.

²⁹⁸ Нимчук 1988: 201.

²⁹⁹ Львов 1966: 6–7.

авторов над текстологией апракоса и тетра, видимо, убедили Львова, что евангелие-тетр несомненно было составлено в Моравии, где происходила деятельность первых славянских просветителей, которые могли подготовить учеников из местного населения к переводческой работе. Автор задается вопросом, не присобляли ли переводчики и редакторы Моравии язык церковных книг к особенностям местной речи. Несмотря на вопрос, для Львова проблема западнославянизмов в „старославянских“ текстах существует, и ее необходимо разрешить³⁰⁰. Редактирование первых переводов для Львова является несомненным: „Наличие значительного количества лексических вариантов в памятниках, передающих одно и то же греческое слово, надо полагать, в какой-то степени объясняется приспособлением текста церковных книг к языку той славянской страны, где так или иначе проводилась переводческая и редакторская работа. К таким странам прежде всего по имеющимся данным относятся Моравия и восточная Болгария. В результате пересмотра текстов первоначального перевода апракоса и псалтыри в Моравии, а затем в восточной Болгарии несомненно во многом нарушилась специфика языка первичного перевода“³⁰¹. Таково убеждение большинства исследователей, и, судя по всему, в этом убежден и сам Львов.

Никто практически не рассматривает проблему южной локализации Великой Моравии. Так, „бесспорный“ до сих пор моравизм папежь в связи с проблемой локализации Великой Моравии теряет право на свое моравское (в традиционном понимании) происхождение. Слово восходит к древнебаварскому *râpes* (< д.-в.-н. *bâbes* < нар.-лат. *pâpex*). М. Фасмер считает, что в Моравию (в традиционном понимании) и Паннонию оно распространилось благодаря деятельности баварских миссионеров³⁰²; подобное мнение разделяет и П. Скок, для которого отнесение данного слова к незафиксированному лат. **rarpese* лишь лингвистическая комбинация³⁰³. Папежь отмечено в АЕ, *Енинском апостоле* и КЛ³⁰⁴. В связи с южнославянской локализацией Великой Моравии данное слово нельзя рассматривать как след западнославянского языкового влияния на ДЯ. Справедливо мнение В. В. Нимчука, что нет никаких лингвистических критериев, которые указывали на усвоение данного слова „старославянским“ языком именно в Моравии или именно в Паннонии³⁰⁵. В раннем переводе ХГА папежь употребляется наравне с папа, но это не позволяет допускать, что перевод хроники был осуществлен где-то на территории Чехии или Словакии.

³⁰⁰ Львов 1966: 13–14.

³⁰¹ Львов 1966: 15–16.

³⁰² Фасмер III: 200–201.

³⁰³ Skok III: 9, *pop*.

³⁰⁴ СС: 442.

³⁰⁵ Нимчук 1988: 192.

*Суффикс -ьstvij- и префикс ву-:
проблема двух морфологических моравизмов*

Перед тем как перейти к основному изложению, необходимо вкратце затронуть проблему двух морфологических моравизмов, имеющих прямое отношение к лексическим моравизмам, – суффикса *-ьstvij-* и префикса *ву-*.

Поскольку указанный суффикс используется активно в современном чешском языке, то многие авторы априорно решили, что и в эпоху становления славянской письменности слова с этим суффиксом являются словами моравского происхождения³⁰⁶. Для того, чтобы это рассуждение было истинным, требуется еще одна небольшая деталь – суффикс должен быть праславянского происхождения, утвердившийся в западнославянском языковом ареале и отсутствующий в южнославянском, в частности в болгарском, ареале. Однако, по меткому выражению О. Н. Трубачева, ничего подобного в природе не наблюдается. Большинство исследователей склоняется к мысли, что слова на *-ьствнѣ* образовались под влиянием слов на *-ьство*; сам суффикс *-ьstvij-* представляет собой контаминацию суффиксов *-ьstv-* и *-ij-*³⁰⁷. Нет оснований возводить суффикс *-ьstvij-* к праславянскому периоду. В этом плане существенно то, что очень мало слов с суффиксом *-ьstv-* можно отнести к праславянскому. Так, например, в ЭССЯ (словарь дошел почти до конца буквы *О*) можно насчитать не более 30 слов с этим суффиксом (**bogatъstvo*, **bratrъstvo*, **bratъstvo*, **bujъstvo*, **čarodějъstvo*, **čuvъstvo*, **debelъstvo*, **dětъstvo*, **děvъstvo*, **družъstvo*, **kovarъstvo*, **l'udъstvo*, **lqkavъstvo*, **l'garъstvo*, **materinъstvo*, **mъnožъstvo*, **narodъstvo*, **nasilъstvo*, **nasledъstvo*, **obyjъstvo*, **obžerъstvo*, **ojъstvo*, **olkomъstvo*, **orbъstvo*, **orl'ničъstvo*, **orzbojъstvo*). Принадлежность некоторых слов к праславянскому весьма сомнительна: например, **čarodějъstvo* при отсутствии **dějъstvo*; **debelъstvo* скорее всего окказиональное образование в ДЯ. Спорность отнесения отдельных слов к праславянскому отмечена и самим О. Н. Трубачевым; например, **kovarъstvo* – „книжный характер распространения в ряде славянских языков весьма вероятен“³⁰⁸; **lqkavъstvo* – „возможно межславянское заимствование и распространение, восходящее к ст.-сл.“³⁰⁹; **narodъstvo* – „древность проблематична“³¹⁰; **nasilъstvo* – „образование поздней эпохи праславянского“³¹¹; **nasledъstvo* –

³⁰⁶ Ср. например, высказывание А. Вайана: „суффикс *-ьствнѣ*, вероятно, восходит к первоначальной западной традиции, так что собственно старославянским суффиксом является *-ьство*“; Вайан 1952: 231.

³⁰⁷ Meillett II: 307.

³⁰⁸ ЭССЯ 12: 9–10.

³⁰⁹ ЭССЯ 16: 145.

³¹⁰ ЭССЯ 23: 6.

³¹¹ ЭССЯ 23: 47.

„образование относительно позднее“³¹²; о слове **bratъstvo* сказано, что это славянская словообразовательная инновация, сравнительно с и.-е. архаизмом **bratъja*³¹³; **ojъstvo* также сомнительно, так как оно зафиксировано единственно в ДЯ³¹⁴. Приблизительно та же картина наблюдается и в SP³¹⁵, авторы не включили в словообразовательный очерк праславянского языка как суффикс *-ъstv-*, так и *-ъstvij-*; например, **bogatъstvo*, **čarodějъstvo*, **debelъstvo* не включены в SP при наличии **dějъstvo*. Авторы SP, однако, поступают не совсем корректно, включая в статьи слов на *-ъstv-* чешские слова на *-stvi-* без соответствующего комментария, внушая таким образом праславянский характер этих слов; (см., например, *bratъstvo* : *bratъstvo*³¹⁶). Сам материал чешского языка свидетельствует в некоторых случаях о позднем происхождении слов на *-stvi-*; ср. чеш. *dětinství*, но ст.-чеш. *dětinstvo*, *dětinství*³¹⁷; чеш. арх. *děvictvo*, *děvičstvo* (: *děvictví*)³¹⁸; или чеш. *družstvo*³¹⁹.

Иными словами, суффикс *-ъstv-* был представлен в немногих словах праславянской эпохи. Своей словообразовательной активности он обязан первым славянским письменным памятникам („en vieux slave pour la formation de mots nouveaux“)³²⁰. Суффикс *-ъstvij-* не является праславянским по происхождению, а является результатом деятельности первых переводчиков.

В ДЯ выделяется четыре типа значений у слов на *-ъство* и *-ъствнѣ*, причем семантика суффикса *-ъство* более разнообразна, чем семантика *-ъствнѣ*, но в то же время покрывает последнюю³²¹. Это семантическое покрытие при отсутствии стилистических различий³²² объясняет слабое присутствие суффикса *-ъствнѣ* в болгарском языке, который явно предпочитает *-ъство*. Что касается чешского языка, то в его истории и в современном состоянии слова с суффиксом *-stvi* обычно являются словами абстрактных значений, названиями свойств, профессий, занятий и др., тогда как суффикс *-stvo* характерен для слов с собирательным значением³²³. На наш взгляд, данное семантическое разграничение позволило новому суффиксу *-stvi* утвердиться в языке, но это еще раз подчеркивает книжный характер суффикса в чешском языке.

³¹² ЭССЯ 23: 56.

³¹³ ЭССЯ 3: 8.

³¹⁴ ЭССЯ 32: 39.

³¹⁵ SP 1–3.

³¹⁶ SP 1: 365.

³¹⁷ SP 3: 169.

³¹⁸ SP 3: 196–197, *děvъstvo*.

³¹⁹ SP 4: 286–287.

³²⁰ Meillet II: 307.

³²¹ Цейтлин 1977: 155–156, 159; Цейтлин 1986а: 187.

³²² Цейтлин 1977: 144.

³²³ Цейтлин 1977: 160.

Важным моментом является выделение Р. М. Цейтлин четырех этапов в истории употребления слов с формантами *-ъство* и *-ъствнѣ*³²⁴. Для *первого* этапа сказано: „язык первых др.-болг. переводов (с преобладающим или исключительным употреблением слов на *-ъство*“; т.е. не исключается возможность употребления слов на *-ъствнѣ* в доморавский период древнеболгарской письменности. Такую возможность, действительно, нельзя исключить, поскольку суффикс *-ъствнѣ* не является праславянским, а скорее всего – результат словотворческих исканий первых переводчиков, которые, как известно, не были носителями „моравского“ языка. Впоследствии Р. М. Цейтлин уточнила свою позицию относительно доморавского периода: „слова на *-ъствнѣ* единичны“³²⁵. Если для *второго* (моравского) этапа характерно более широкое употребление слов на *-ъствнѣ* параллельно с нарастающим числом слов на *-ъство*, то эту констатацию нельзя отрывать от *третьего* этапа, для которого Р. М. Цейтлин сделала очень существенное наблюдение: употребление слов на *-ъствнѣ* в *Клоцовом сборнике* (КСб) и особенно в *Енинском апостоле* не всегда можно определить как архаизм, начинается новая тенденция, получившая развитие в церковнославянских памятниках западнославянского и восточнославянского ареалов, а именно, – в *четвертом* этапе в них увеличивается число слов на *-ъствнѣ* сравнительно с древне- и среднеболгарскими памятниками, и слова эти специфически книжные. Впоследствии для восточнославянского ареала сделано уточнение, что увеличение слов на *-ъствнѣ* произошло лишь отчасти³²⁶. Архаичный характер некоторых евангельских слов на *-ъствнѣ*, о котором говорит Р. М. Цейтлин, следует понимать в рамках исторического периода IX–XI вв. и в рамках текстологических разысканий В. Ягича и других авторов, пытавшихся установить первичность того или иного чтения при переводе библейских книг. Излагая чужие мнения о развитии евангельского текста, Р. М. Цейтлин пишет: „Лексемы на *-ъствнѣ* – результат моравского влияния“³²⁷; но это скорее пересказ мнения Л. Мошинского³²⁸, чем собственное мнение Р. М. Цейтлин, которое вошло бы в противоречие с выделенными четырьмя этапами развития слов на *-ъствнѣ*. Специфически книжный характер суффикса *-ъствнѣ* позволяет говорить о косвенном древнеболгарском влиянии через посредство древнерусской письменности на чешский язык, а не наоборот, как это принято в литературе. Следует оговориться, что это влияние нужно ограничить самым появлением суффикса *-ъствнѣ* в чешском языке и наиболее древним пластом слов с этим суффиксом в чешском

³²⁴ Цейтлин 1977: 161; Цейтлин 1986а: 190.

³²⁵ Цейтлин 1986а: 190.

³²⁶ Цейтлин 1986а: 190.

³²⁷ Цейтлин 1977: 160.

³²⁸ Moszyński 1958: 27–29.

языке. По подсчетам Р. М. Цейтлин, картина распространения обоих суффиксов в славянских языках такова: в болгарском – 50 слов на *-ствие*, 1010 на *-ство*³²⁹, в русском – 64 слова на *-ствие*, 1107 на *-ство*³³⁰, в чешском – 62 слова на *-stvo*, 32 на *-tvo*, 440 на *-ství*, 200 на *-tví* (*-ctví*)³³¹.

В заключение данного небольшого экскурса необходимо сделать вывод, что слова на *-ьствнѣ* являются органической частью ДЯ; говорить о каком-либо моравском влиянии здесь не приходится. Более того, слова на *-ьствнѣ* в древнерусских рукописях увеличиваются за счет древнеболгарской традиции, и тенденция эта наблюдается уже в *Остромировом евангелии* (ОЕ)³³². Активизация данной модели в чешском более позднее явление; вполне возможно, что распространение данной модели в чешском языке следует связать с влиянием древнерусской традиции.

Принято считать, что те 5 глаголов на *вз-* в классических древнеболгарских памятниках (СПс, КСб³³³), являются следом моравской миссии (в традиционном понимании)³³⁴, хотя отдельные авторы среди морфологических моравизмов не выделяют особо префикс *вз-*³³⁵. Необходимо обратить внимание на наличие форм глаголов *взнтн* и *взходнтн* в сербском (т.е. южнославянском) списке 1263 г. *Шестоднева* Иоанна Экзарха Болгарского: *н̄поуѣтнѣшн на стврѣжѣннѣ. възшѣшн же надъ землю* 83b15–19, греч. *нет*³³⁶ (в русском списке: *поуѣтнѣшн, на оутверженнѣ, възшѣдшн же на землю* 82b2–3³³⁷) – „когато лозата се издигне над земята“³³⁸ („когда лоза поднимется (т.е. прорастет) над землей“³³⁹); *дрюгымь всь съвратъ всего възходе. ѡвльбѣтъ н̄ заходе слце* 123d14–17, греч. *нет*³⁴⁰ (в русском списке: *дрюгымь, въ весь съвратъ, всего възхода, н̄ захода ѡвлѣтъ слнце* 114a8–9³⁴¹) – „чрез своя изгрев и залез слънцето показва...“ („своим восходом и заходом солнце показывает...“)³⁴². В первом случае Р. Айцетмюллер восстанавливает форму *въшъдъшн*, во втором – *въсходъ*.

³²⁹ ОРСБЕ: 139–140, 169–178.

³³⁰ ОСРЯ.

³³¹ Slavičková 1975; Цейтлин 1977: 161; 1986a: 190.

³³² Цейтлин 1977: 161.

³³³ СС: 160; SJS I: 356, 358.

³³⁴ Еще Миклошич в своем словаре пишет, что *вз-* чужд „старославянскому“ языку (Miklosich: 114); см. также: Нуѣановá 1998: 69.

³³⁵ Младенова 1999: 109.

³³⁶ Бодянский, Попов 1879: 77b; Aitzetmüller III: 95.

³³⁷ Баранкова, Мильков 2001: 406.

³³⁸ Йоан Екзарх: 114.

³³⁹ Ср.: „Когда она вышла из земли и поднялась вверх“; Баранкова, Мильков 2001: 710.

³⁴⁰ Бодянский, Попов 1879: 113d; Aitzetmüller IV: 111.

³⁴¹ Баранкова, Мильков 2001: 446.

³⁴² Йоан Екзарх: 150.

По этому поводу Э. Благова и Ж. Икономова пишут: „В словарном запасе Иоанна Экзарха находятся и слова, которые, как правило, считаются западнославянизмами... Полагаем, что эти западнославянизмы нельзя объяснить собственно западнославянским влиянием на язык Иоанна Экзарха. Они являются скорее определенной формой реализации стремления Иоанна Экзарха к обогащению старославянской лексики, прежде всего путем нового словообразования с помощью самых разнообразных суффиксов и приставок, в том числе и таких, которые, хотя общепонятны, все-таки были чужды языку области, в которой он жил“³⁴³. Речь идет как раз о глаголах *взыти* и *взыходити* в *Шестодневе*, а также о словах с суффиксом *-ьствнѣ* (*сѣщьствнѣ*, *нѣтьствнѣ*). Слова на *-ьствнѣ* вообще следует исключить из состава „западнославянских“ (или „моравских“) лексем. И потом, авторы не пояснили, откуда были известны Иоанну Экзарху эти „общепонятные“ и в то же время „чуждые“ его языку префиксы. Единичными примерами трудно обогатить язык, особенно с использованием элементов, чуждых речи автора.

Возможно, обе формы на *взы-* в *Шестодневе* восходят к глаголам на *взс-*, т.е. перед нами либо смешение глаголических букв *ѡ* (с) и *ѡ* (н) (*взын- > взы-*), либо – неясно написанное кириллическое *с*, принятое за *и*. Во втором примере контекст отдает предпочтение исходному чтению в виде *взсходѣ*. Первый контекст допускает глагол на *взы-*. Все же, наверное, нельзя исключить возможность того, что эти формы на *взы-* реликт, архаизм южнославянской языковой периферии. Во всяком случае, сам факт их присутствия в южнославянской рукописи заставляет задуматься.

Еще Добровский в письме № 213 от 17 ноября 1826 г. указал Копитару на то, что в южнославянских языках есть случаи употребления *взы-* (вм. *нз-*)³⁴⁴: „Es freut mich ungemein, dass Sie endlich mit den kostbaren Fragmenten, die Ihrer und nahe verwandten Mundarten gewiss angehören, ans Licht treten wollen, ehe noch die Russen sie mit ihrer Brühe begiessen. Eben wollte auch ich Proben (die ältesten) von slaw. Mundarten geben. Allein Sie haben einen nähern Beruf auf die Erklärung dieser Stücke als ich. Hier soll ich von Ihnem lernen; da Sie mir aber auch etwas zutrauen, will ich mein Schärfflein gern beytragen. Wir Böhmen dürfen keinen Anspruch darauf machen, ungeachtet der scheinbaren Bohemismen: *uvignam* etc. Ich bitte zu bedenken, dass *wy* im

³⁴³ Благова, Икономова 1995: 287.

³⁴⁴ Ягич 1910: 132: „Из переписки с Копитаром мы обязаны вывести заключение, что после Востокова никто не сделал столько для объяснения этих отрывков [Фрейзингенских отрывков, – Р.С.], как Добровский, гораздо больше чем Копитар, которому он сначала предоставлял первенствующую роль. Тут блестяще оправдалась большая начитанность Добровского в древнеславянских текстах. Так, он указал на случаи употребления префикса *взы-* (вм. *нз-*) у южных славян (Письма 564)“.

ganzen Norden üblich ist, nicht bloß bey den Böhmen. So wie wir Spuren von *iz* (in der Zusammensetzung) haben, so gibt es auch Spuren in Süden von *wy*; z. B. in glagolitischen Büchern: *vihititi se*, *eripi*, (aber häufiger *voshititi*), *vikrikni erumpe*, Gal. *vikazale* (dual.), *visvetiti* declarare in Oratione. Levacovich nennt die Druckerey *vitiskalnica*. Also war *wy* ehemals auch unter südl. Slawen üblich“³⁴⁵.

Еди́ничное употре́бление *взѣхѡдѣти* отмечено и в тексте, который безоговорочно относится к чешским церковнославянским памятникам, – *Беседах на Евангелие* папы Григория Двоеслова: *нъ цѣрь снѣве ... на цѣрствнѣ възѣхѡдѣть* – *ad regnum proficiunt* Bes 10, 45bα2³⁴⁶. Однако в *Беседах*, сохранившихся в русских списках, глагол может принадлежать переводу, но может быть заменой на русской почве.

На глаголов на *взѣ-* в классических древнеболгарских памятниках вполне можно смотреть как на след периферии южнославянского языкового ареала, где по всей видимости протекала миссия святых братьев. Влияние со стороны чешского или словацкого языков можно исключить ввиду их территориальной отдаленности. Относительно древнеболгарских переводов, сохранившихся преимущественно в русских списках ситуация осложняется, так как *взѣ-* характерный элемент русского словообразования. В этих случаях необходимо внимательно анализировать отдельные примеры, чтобы ответить на вопрос, являются ли формы на *взѣ-* принадлежностью перевода или же они – результат переписки текста с заменой префикса *нз-*. Последнее более вероятно из-за реликтового характера *взѣ-* в южнославянском ареале.

³⁴⁵ Ягич I: 564.

³⁴⁶ SJS I: 361.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ „МОРАВИЗМЫ“ В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПОРЫ

Проблема лексических моравизмов связана с происхождением таких текстов, как *Анонимная гомилия* (АГ) в КСб, ЗСЛ, *Номоканон* (НМ)¹. АГ, как известно, фрагментарный текст. Проблема происхождения ЗСЛ сводится к двум основным гипотезам: согласно первой, текст был составлен во время моравской миссии Кирилла и Мефодия самим Мефодием²; согласно второй, текст был составлен в Болгарии в период 866–869 гг.³ М. Андреев и В. Ганев, как и их предшественники, находят прямую связь между составлением ЗСЛ и ответами папы Николая I на запросы князя Бориса I⁴. М. Н. Тихомиров выдвинул третью возможность: „Что статьи о покаянных мерах являются дополнительным к основному тексту Закона Судного людем, показывает и то обстоятельство, что далеко не все главы Закона снабжены эпитимийными постановлениями... Таким образом, возникает мысль, что Закон Судный людем первоначально составлял произведение без постановлений об эпитимиях, которое впоследствии могло быть дополнено покаянными правилами... если гражданская часть Закона носит черты болгарского происхождения, то его покаянные распоряжения отличаются западными чертами, как на это указывал еще Н. С. Суворов, а теперь И. Вашица“⁵.

Как известно, глава 15 ЖМ сообщает о том, что Мефодий кроме Библии перевел еще и *Номоканон*, какого состава, однако, неясно. Славянское церковное право знает как Синагогу (*Συναγωγή*) Иоанна III Схоластика (*Устюжская кормчая* XIII–XIV вв., № 230, РГБ, собрания Н. П. Румянцева; *Иоасафовская кормчая* – начала XVI в., РГБ), так и Синтагму (*Σύνταγμα κανονικόν*) Иоанна IV Постника (ЕК XII в., № 227, Синодального собрания, ГИМ)⁶.

В последнее время проблеме моравизмов в АГ, ЗСЛ и НМ специальное внимание уделяет К. А. Максимович⁷, причем выделены несколько групп моравизмов. Более того, сделана попытка по-новому определить само понятие „моравизм“, которое следует „понимать не столько в узко-геогра-

¹ Литературная традиция об этих текстах достаточно обширна: Смедовски 1985: 80–82; Андреев 1985: 711–717; Добрев 1995.

² Schmid 1953; Vašica 1951; 1955; 1956; 1958; 1971a.

³ Андреев 1958; 1964; Ганев 1959.

⁴ Андреев 1985; Дечев 1922.

⁵ Тихомиров 1961a: 24–25.

⁶ Добрев 1995: 828.

⁷ Максимович 2005.

фическом смысле, сколько в более широком ареально-лингвистическом смысле – как обозначение локальных (юго)западнославянских лексических диалектизмов, в том числе заимствований из латыни⁸. Учитывая, что мы не знаем, где, собственно, находилась Моравия, расширение „узко-географического“ смысла на более „широкий ареально-лингвистический“ делает очертания термина „моравизм“ совсем расплывчатыми и произвольными. Зачисление латинизмов в „моравизмы“ также страдает произволом, поскольку пренебрегает историей культурных контактов южных славян. Рассмотрим для начала *первую* группу слов К. А. Максимовича.

ВЕЩННННЦА встречается дважды в ЗСЛ⁹: (1) *Нмѣнъ жаночѣ свою ѿпримѣшаа сѧ рабѣ. ѧвляюще сѧ (вар. ѧвляющнн сѧ) вѣщннннцн. снѡ достонтъ ѿ княза земан тон. да въз нночѣ землю продаддѣть ю (гл. 4)*¹⁰; (2) *всюдѣ велнмъ всѧ. вѣщннннцѣ людскыиѣ (вар. вѣщннннцн лѡдскыиѣ, вѣщннннцѣ людѣскыиѣ) въз велнкын соудѣ (вар. сѣсоудѣ) бнн нмать всоуджати. да сего дѣла не достонтъ вѣнновати сѧ ннкого же (гл. 30а)*¹¹.

К. А. Максимович¹² определил значение слова как ‘неправедное деяние’, приводя к (1) текст из Эклоги (титул XVII, 21) *διαγινωσκομένου τοῦ πράγματος*, что означает ‘когда об этом деле станет известно’. В АГ КСб встречается близкое, но не тождественное, как думает Максимович, слово: (3) *нз і позьрашталѧ нхъ кзназа таковьсѧ вѣштнннцѧ 2а23–24* (греч. нет)¹³. В СС значение слова определено, как ‘бесчинство’, причем в иллюстрации в скобках сделано уточнение (! вм. *вѣштннннцѧ*)¹⁴. К. А. Максимович приводит еще один пример из НМ: (4) *О Максимѣ Коуникѣ н възвзшихъ|ъ| на нь вѣщннннцѣхъ въз Константннѣ градѣ – Περὶ Μαξίμου τοῦ Κωνικοῦ καὶ τῆς κατ’ αὐτὸν ἀταξίας*¹⁵.

По мнению Максимовича, „термин *вѣщннннца*, встретившийся только в памятниках моравского происхождения, может на этом основании считаться моравизмом“¹⁶.

Словари современного болгарского языка дают слово *безчинница* ж. со значением лица¹⁷. Необходимо уточнить значения приведенных выше при-

⁸ Максимович 2004а: 68.

⁹ К. А. Максимович пользуется изданием Й. Вашицы (Vašica 1971а или ММ 4, 147–198); мы же будем использовать издание М. Н. Тихомирова и Л. В. Милова (см.: ЗСЛ (К)), ссылаясь преимущественно на Новгородский список 1280 г. с вариантами других списков без специальных указаний.

¹⁰ ЗСЛ (К): 36.

¹¹ ЗСЛ (К): 40.

¹² Максимович 2005: 122.

¹³ Dostál 1959: 54.

¹⁴ СС: 83.

¹⁵ Максимович 2005: 122.

¹⁶ Максимович 2005: 122.

¹⁷ Геров I: 37; Младенов, Балан 1951: 134; РБЕ I: 544.

меров. В болгарском языке существует модель *без – корень – ица* с непредметным значением; ее можно рассматривать как префиксально-суффиксальную модель или как суффиксальную от именной основы, осложненной префиксом *без-*; ср. болг. *без-дум-ица* ‘без слов, без речи’, *без-път-ица* ‘безвыходное состояние’, *без-ред-ица* ‘беспорядок’, *без-сън-ица* ‘бессоница’¹⁸. Особенно показательно *без-дел-ица* ‘безделие’ у Й. Йовкова¹⁹, ср. рус. *безделица* с предметным значением. Встречаются и слова с осложненным корнем, что говорит об их более позднем происхождении: *безвкусица*, *безизходница*, *безработица*, *безсмыслица*. В то же время слова с префиксом *без-* и с суффиксом *-ница* (из *-нница*) имеют значение лица, как правило, сопровождающееся отрицательными коннотациями: *безбожница*, *безверница*, *безграмотница*, *безделница*, *бездетница*, *бездомница*, *безработница* и др. Модель *без – корень – ица* с непредметным значением показывает, что чтение *вештница* в АГ КСБ имеет право на существование, и его необязательно исправлять на *вештнница*, которое должно обозначать лицо. В НМ форму *вештнница* *въхъ* (*ἄταξίας*) следует понимать в смысле ‘бесчинства’, но такое чтение, скорее всего, является более поздним искажением слова *вештница*, которое пока фиксировано единственно в АГ.

В. Ганев возражал Й. Вашице, что данное слово в ЗСЛ имеет значение лица и что (1) нельзя считать буквальным переводом греч. *διαγινωσκομένου τοῦ πράγματος*²⁰, таким же образом подошел В. Ганев и к (2)²¹. В (1) *вештнница* значение лица ‘беспутная’ выводится из словообразовательной структуры слова, ведь именно рабыню наказывают, а не ‘мужа, имеющего жену’; дательный самостоятельный *вештница* *са* *вештница* в таком случае не является буквальным переводом греческой фразы. То же самое можно сказать и в отношении (2): *вештница* *людскъ* (*вештница* *лѣскъ*, *вештница* *людскъ*) подлежат Божиему суду. Безобразия и злодеяния тоже подлежат суду, но тут же в тексте следует не допустить *вештница* *са* *никого* же, что говорит скорее в пользу значения лица, причем (2) предполагает им. ед. м. р. *вештница* ‘греховодник, безобразник’. В пользу предложенного толкования говорит прежде всего словообразовательная структура – слова с суффиксом *-ница* (кроме значения лица) могут иметь значение предметное и значение места, но не абстрактное значение. Абстрактное толкование (1) и (2) проходит через обязательную реконструкцию текста, т.е. необходимо восстановить формы *вештница* (дат. ед.) для (1) и *вештница* *людскъ* (вин. мн.) для (2). Относительно (1) некоторые поздние списки дают такие разночтения, как *вештница*, *вештница*,

¹⁸ Младенов, Балан 1951: 122, 129, 131.

¹⁹ РБЕ I: 471.

²⁰ Vašica 1951: 162, примеч. 35.

²¹ Ганев 1959: 155, 227, 586 (болгарский перевод).

вещинницы²². Разночтение вещьнинцы теоретически допускает возможность того, что в начальном тексте ЗСЛ читалось вещьнинца ‘бесчинство’, переосмысленное впоследствии как слово со значением лица. Относительно (2) можно привести еще такие разночтения, как вещьнинцы, вещьнинкы, вещьнинникн, вещьнинкы²³, указывающие, что данное слово во многих списках ЗСЛ понималось как слово со значением лица. Нельзя сказать, читалось ли в (2) когда-то вещьнинца; предполагаемое сочетание вещьнинца людскыа с некоторой натяжкой можно вывести из чтения вещьнинцыа людскыа.

Самым существенным в данном случае является то, что при любом толковании текста ЗСЛ слова вещьнинца, вещьнинцыа, вещьнинкыа явно болгарского происхождения ввиду консонантной диссимиляции на стыке морфем, в результате которой получилась аффриката -шт- (-щ-)²⁴. Между тем К. А. Максимович зачислил вещьнинцыа в группу слов, неизвестных болгарскому языку. И здесь снова упираемся в абсурдную идею В. Ф. Мареша и А. С. Львова: моравизмы, которые звучат не „по-моравски“. Как уже было отмечено, таким образом всю лексику классических древнеболгарских памятников можно объявить моравской по происхождению.

Слову ВРЪМА К. А. Максимович приписал значение ‘грех, преступное деяние’²⁵ в таком контексте: (5) въ время игда фарїєвн възпроснша хѧ ба нашего. аще достонѧ на всакъ грѣхъ ѿпоушатн женоу свою (Мф. 19:3) (гл. 30а)²⁶. В Иосафовской кормчей XVI в. в. на всакъ грѣхъ читается на всако время. Последнее чтение К. А. Максимович принимает безоговорочно первичным. Сходный контекст читается и в АГ: (6) нашемоу іє хоу възпрошеноу възвѣзшо. аште є лъзѣ поушатн женѧ своѧ. на всѣво врѣма 2b7–8 (греч. нет)²⁷. К. А. Максимович со ссылкой на Й. Вашицу указывает на греч. ἔργον ‘преступление, злодеяние’. Чтобы отождествить семантику слов врѣма и ἔργον, Максимович ссылается на идею кривизны в грѣхъ и на этимологию врѣма, связанную с корнем *vert-/vort- ‘вертеть’, т.е. *vrĕmĕ* ‘то, что скручено, свито; то, что отклоняется (от должного); ‘грех’²⁸; последнее – собственное толкование Максимовичем слова врѣма. Совершенно неправ Максимович в попытке приписать подобные аналогичные наблюдения Р. М. Цейтлин²⁹. В своих исследованиях славянской лексики, связанной с идеей кривизны и греха, Р. М. Цейтлин рассматривала группы с корнями -грѣх-, -прав-, -крив-,

²² ЗСЛ (К): 72, примеч. 5.

²³ ЗСЛ (П): 102, примеч. 34.

²⁴ Граматика 1991: 132.

²⁵ Максимович 2005: 122.

²⁶ ЗСЛ (К): 40.

²⁷ Dostál 1959: 55.

²⁸ Максимович 2005: 122.

²⁹ Цейтлин 1988: 384.

-лжк-, -прам-, -прост-, -чист-, -цѣл-; в эти анализы было включено слово *врѣмѣ*, но никак не *врѣма*³⁰. Это, во-первых. Во-вторых, сам Максимович указал на то, что „в данном значении [*врѣма* ‘грех’, – Р.С.] слово отсутствует во всех словарях современных славянских языков“³¹. На этом основании *врѣма* ‘грех’ объявлено моравским „архаичным семантическим регионализмом“³². Заметим, что, если автором славянского НМ является Мефодий, как повествует глава 15 ЖМ, то данное словоупотребление спокойно можно отнести к болгарским архаичным семантическим регионализмам, поскольку с уверенностью можно считать, что Мефодий владел архаичным солунским болгарским диалектом, а в какой степени ему удалось овладеть „моравским“ диалектом мы не знаем. В-третьих, и это самое главное: незачем отождествлять слово *врѣма* со словом *грѣхъ* или с греч. *ἥρων*. Словосочетание на *всѣмъ врѣмѣ* известно из классических древнеболгарских памятников в смысле ‘по временам, время от времени’ (И. 5:4) и ‘всегда, навсегда’ (Пс. 9:26)³². Еще А. Вайан предполагал, что при переводе Евангелия от Матфея (19:3) фраза на *всѣмъ врѣмѣ* связана с греч. *κατὰ πάντα καιρόν* вместо *κατὰ πάντα αἰτίαν*³³. Текст *аще достонть на всѣмъ время ѿпоуцати женоу свою* в одном из списков ЗСЛ надо понимать в смысле ‘следует ли отпускать свою жену навсегда’. Именно так рассматривает А. Достал и цитату из АГ: *Zda lze propouštěti svou ženu v kterémkoli čase (v stsl. přesně: v každě době)*³⁴. Это довольно позднее чтение в ЗСЛ вряд ли следует считать первичным, поскольку отсюда с необходимостью вытекает поправка последующих списков по греческому тексту, так как непонятно, каким образом переписчик мог бы заменить *врѣма* на *грѣхъ* в соответствии с *ἥρων*. В одном из списках ЗСЛ в данном контексте вместо *грѣхъ* читается даже *д(є)нь*, но зачеркнуто³⁵.

ВЪСЖДЪ ‘причастие’. С легкой руки Р. Нахтигала данное слово безоговорочно считается моравско-паннонским термином³⁶. Р. Нахтигал связал происхождение *въсждъ* с д.-в.-н. *wizzōd* ‘евхаристия, причастие’. В виде *въсждъ* слово отмечено в КЛ, с *оу* на месте *ж* – в хорватском глаголическом миссале XII–XIII в.³⁷ В КЛ отмечено 1 раз и производное *въсждьнъ*. В ЖМ и в ЗСЛ исследователи реконструируют форму *въсоудъ*. Приведем примеры из ЖМ и ЗСЛ: (7) *Да боудеть отълоученъ. нъ тѣкъмо въ соу даны цркве донде*

³⁰ Цейтлин 1996: 155, 200–201.

³¹ Максимович 2005: 122.

³² СС: 125.

³³ Dostál 1959: 136, примеч. 8; правда, среди греческих списков Евангелия не отмечено такое разночтение.

³⁴ Dostál 1959: 137.

³⁵ ЗСЛ (К): 84, примеч. 19.

³⁶ Nahtigal 1936: 7; см. также: Van Vijk 1937–1938: 231–232.

³⁷ SJS I: 350; СС: 158.

са исправнѣть³⁸; (8) $\bar{z}$ · лѣ да стонѣ внеоудоу (вар. внѣоуду) вна храма... а ·в· лѣ владѣтн в црквь... н послушатн лнтоуѣгна (вар. лнтоуѣгна)... а ·z· ѣ лѣто всю да стоатн. не взнматн же. нз коѣавше. $\bar{z}$ · лѣ вз всмое же лѣ всю всю прннматн достонѣ же не ѣстн хлебз нхъ толнко н водз седмь лѣ (гл. 4)³⁹.

Пример (7) находится в рамках несохранившейся буллы Адриана II, о которой уже была речь. Текст неоднократно подвергался реконструкции. Миклошич восстановил текст так: да не воудеть отзлоуѣнз, нз тзкзмо вз соудз данз. Как видно, слово *взсѣдз* здесь отсутствует, добавлена частица *не*, которой нет в тексте. Восстановка Миклошича признана неубедительной. Согласно П. А. Лаврову, текст в рукописи гласит: Да воудеть отзлоуѣнз нз тзкзмо взсоуда нз цркве⁴⁰. В издании текста, однако, Лавров использовал реконструкцию Шахматова⁴¹: да воудеть отзлоуѣнз. не тзкзмо взсоуда, нз н цркве. В цитированной заметке Шахматов сомневается в том, что *взсѣдз* восходит к лат. *communio* и высказывает гипотезу, что слово восходит к греч. *ἔγκρισις*, предполагая существование греческих вариантов буллы Адриана II и Мисала. В комментариях к заметке Шахматова Ягич отмечает, что по существу Шахматов производит *взсѣдз* от *сѣдз* и *вз*. Автор склонен принять возможную связь между *взсѣдз* и *ἔγκρισις*, но сомневается в существовании греческих вариантов буллы Адриана II и Мисала⁴². Можно согласиться с Ягичем, так как булла не сохранилась даже в латинском варианте, и ее существование вообще спорно.

Относительно (7) Й. Вашица предложил чтение: не тзкзмо взсоуда н нз н цркве⁴³. Авторы издания Успенского Сборника считают, что *соу* недописанное слово *соудз*⁴⁴. В таком случае форма мн. ч. *данз* лишена смысла, так как в предложении употреблено ед. ч. *воудеть*, *исправнѣть*; лишь в следующем предложении появляется мн. ч.: *тн во соутъ...* Реконструкция, предложенная Й. Вашицей, вполне правдоподобна. Разночтения к (8) в других списках не существенны, лишь в Егоровском списке особой редакции (собр. Егорова, № 254 РГБ, конца XVI – начала XVII в.) обнаруживается существенное разночтение: ... вз всмое лѣто всю да прннматн⁴⁵. Й. Вашица предложил такую реконструкцию: а $\bar{z}$ -е лѣто всю стоатн, взсоуда же не взнматн, вз всмое же лѣто взсоудз прннматн⁴⁶. К. А. Максимович привел эту

³⁸ УС: 106в9–11, с. 194.

³⁹ ЗСЛ (К): 36.

⁴⁰ Лавров 1930: 74, примеч. 8–9.

⁴¹ Šachmatov 1905: 141.

⁴² Jagić 1905: 141–142.

⁴³ Vašica 1951: 163.

⁴⁴ УС: 700, *соудъ*₂.

⁴⁵ ЗСЛ (П): 166.

⁴⁶ Vašica 1951: 164.

реконструкцию да еще сослался на свою книгу⁴⁷. В. Ганев возражал против такой реконструкции, но почему-то считал, что Й. Вашица восстанавливает *въсѡудъ* из чтения *въѣ оудѡу*⁴⁸, что не отвечает действительности. Несмотря на то, что текст испорчен, можно и в этом случае принять реконструкцию Й. Вашицы, так как в чтениях *да стоѡтн*, *да прннматн* инфинитив явно стоит не на своем месте после союза *да*. Получается, что единственным основанием для зачисления данного слова в моравизмы являются КЛ, которых, однако, нельзя отнести ко времени моравский миссии, как это обычно делают. О том, что термин *въсѡдъ* рассматривают преимущественно как доказательство моравского происхождения ЗСЛ писала М. Цибранска⁴⁹.

Вернемся к этимологии слова. Этимологию Р. Нахтигала принял и М. Фасмер⁵⁰. Сравнительно недавно В. Ф. Мареш предложил новую этимологию из нар.-лат. *usandum* ‘причастие’⁵¹, его поддержал Й. Схакен⁵². Славянскую этимологию предложил Ш. Ондруш⁵³. Автор считает, что *въсѡдъ* ‘*communio*’ происходит от глагола *vsaditi* с вторичной назализацией и с первоначальным значением ‘*vsadenie hostie do úst*’ (‘вложение просфоры в рот’) подобно *vľitie* ‘*vľiatie vína do úst*’ (‘вливание вина в рот’). Ондруш раскритиковал Схакена, считая связь *въсѡдъ* с *ἐπιούσιος* полностью ошибочной как с фонетико-морфологической, так и с семантической и общепилологической точек зрения⁵⁴. Надо сказать, что этимология Ондруша тоже оставляет желать лучшего: она неубедительна ни с фонетической, ни с морфологической точки зрения, а семантическое объяснение годится только на создание комического эффекта, что, кстати, подметил Г. Шрамм, сделавший краткий обзор всех этимологий *въсѡдъ*⁵⁵. Все этимологии недостаточны. Этимология Нахтигала проблематична в фонетическом отношении, так как *ō* в д.-в.-н. *wizzōd* ‘*communio*’ не может дать *ѡ*. Недостаток этимологии Мареша в том, что *въсѡдъ* возводится к незафиксированному лат. *usandum*. Шрамм, со своей стороны, отмечает двусмысленность *въсѡдъ* в текстах как одно слово и как словосочетание (*въ сѡдъ*). Автор связывает *въсѡдъ* с *wizzōd* в обязательном порядке, но подчеркивает, что древнее немецкое слово должно было быть услышано святыми братьями (Кириллом и Мефодием) как [vʊsūd], что кроме ‘причастие’ означает еще и ‘в суд’; после этого святые братья в качестве письменной нормы навязали неправильную

⁴⁷ Максимович 2005: 123, со ссылкой на: Максимович 2004а: 90.

⁴⁸ Ганев 1959: 155, 227.

⁴⁹ Цибранска 1996: 35.

⁵⁰ Фасмер I: 354.

⁵¹ Mareš 1984: 125–131.

⁵² Schaecken 1988: 87–101.

⁵³ Ondruš 1984: 36–42; Ондруш 1986: 49; Ondruš 1991.

⁵⁴ Ondruš 1991: 382–383.

⁵⁵ Schramm 2007: 69–71.

этимологическую форму *въсѣдъ*⁵⁶. Что услышали и чего не услышали святые братья, мы не знаем, но, таким образом, круг замыкается, и перед нами возникает странное объединение мнений Шахматова и Нахтигала (правда, Шрамм заметку Шахматова не упоминает). В. В. Нимчук отметив, что П. Скок также предполагал отглагольное происхождение слова⁵⁷, возводит его к глаголу *въсѣднѣ сѧ* ‘быть принятым, включенным в состав чего-л.’⁵⁸ (*въсѣднѣ сѧ* – ἐγκρίνεται; в других списках *wsѣднѣ сѧ*) в ХГА, возвращаясь тем самым к идее Шахматова. Параллельными в семантическом развитии пары *въсѣднѣ сѧ* – *въсѣдъ* являются слова *прнѣщати сѧ*, *прнѣщении* и *прнѣщениѣ*, приведено также словен. *usoda* ‘доля, участь, судьба’. В. В. Нимчук относит *въсѣдъ* к южнославянским паннонским элементам „старославянского языка“⁵⁹. Несмотря на привлекательность такого объяснения, его нельзя так просто принять, так как *въсѣднѣ сѧ* исключительно редкий глагол – до XV в., кроме как в древнеболгарском переводе ХГА, нигде не отмечен⁶⁰; возможно, это буквальный перевод греческого глагола. Правда, такая форма показывает, что идея Шахматова не лишена своих оснований.

Каково бы ни было действительное происхождение *въсѣдъ*, важно то, что оно отсутствует в современных словарях чешского и словацкого языков, его нет и в этимологическом словаре В. Махека⁶¹. При таком положении дел слова Р. Нахтигала („*da je bil stari izraz za communio izven Moravske i Panonije nepoznan*“⁶²) звучат неубедительно, особенно в связи с локализацией Великой Моравии. Слово появилось в тот момент, когда у славян не было устоявшейся христианской терминологии; возможно, стоит подумать об объединении гипотез Нахтигала и Шахматова (контаминация *wizǝd* и *въсѣдъ*). Во всяком случае связь его с западнославянскими языками ничем не подтверждается. Отсутствие *въсѣдъ* в западнославянских языках показывает, что слово не вышло за пределы письменного языка. Оно не оставило следа и в других славянских языках, его присутствие в КЛ (которых Ондруш смело датирует IX веком) не доказывает его „моравский“ характер. *Въсѣдъ* не может служить доказательством моравского происхождения ЗСЛ и других текстов, где оно употреблено. Более того, можно утверждать, что данное слово вообще не имеет никакого отношения к чешскому и сло-

⁵⁶ Schramm 2007: 146–147.

⁵⁷ Skok III: 356, *sud*.

⁵⁸ СлРЯ 3: 159; СДЯ (II: 224) дает толкование ‘быть признаным’, которое допустимо, но менее точно.

⁵⁹ Нимчук 1988: 197–198.

⁶⁰ *Въсѣднѣ* ‘вынести приговор, осудить’ зафиксировано только еще в Псковской судной грамоте XV в. по сп. XVI в. (Срезневский I: 427; СлРЯ 3: 159); пример из Огласительных поучений Феодора Студита по сп. XVII в. неясен.

⁶¹ Machek 1968.

⁶² Nahtigal 1936: 7.

вацкому языкам. Считать его „паннонизмом“, как это делает Нимчук, тоже нет оснований: Нимчук ссылается на географию родственных *въсѣдъ* слов, возводя в то же время само слово к глаголу, известному только из древнеболгарского перевода ХГА. Если же Нимчук, следуя русской традиции, относит перевод ХГА к древнерусской книжности, то его гипотеза тем более лишена смысла, не говоря уж о лингвистической неясности самого термина *паннонизм*.

ДОГОННТИ ‘понудить, побудить’. К. А. Максимович приводит пример из НМ: (9) *аще ли нѣ нужна потреба догоннѣти нѣти, се да створнѣти смотреннѣи нѣ волю старѣвнѣшаго града областнѣ тоѣ еписпа – εἰ δὲ ἀναγκαιὰ καλοῖη χρεῖα*⁶³. Со ссылкой на Й. Вашицу Максимович данное слово в таком употреблении считает моравизмом. Кроме того, слово в сходном употреблении встретилось в поучениях новгородского епископа Моисея⁶⁴. По мнению Максимовича, примеры из поучений епископа Моисея не опровергают, а скорее подтверждают западнославянский характер употребления *догоннѣти* в смысле ‘понудить, побудить’. При этом подчеркивается „полное отсутствие болгарских, македонских (и вообще южнославянских) параллелей“⁶⁵. Максимович указал на болг. диал. *доганям*⁶⁶, которое истолковано словом ‘докарвам’. Авторы БЕР не дали дополнительных уточнений семантики *доганям*. Кроме основного значения ‘привозить, приводить’ болг. *докарвам* имеет и переносное значение ‘приводить (к чему-либо), доводить (до чего-либо)’⁶⁷. В таком случае основным значением *доганям* является ‘приводить (гонкой)’; существенно то, что в этом слове отсутствует значение ‘достигать, догонять’, которое обычно для современного болг. *догоня*. Иными словами, в болг. диал. *доганям* содержится сходное значение *догоннѣти*. Более того, производный глагол в болгарском языке имеет подобное употребление: *гони ме* ‘побуждает меня, вынуждает меня’⁶⁸. Но и это не все, в болгарском языке есть глагол, в котором сохранился корневой *ъ*, – *гъна* ‘вынуждать, заставлять’, *нагъна* ‘то же самое’⁶⁹. Как видно, для древней эпохи достаточных оснований считать *догоннѣти* в НМ исключительной особенностью моравского диалекта нет.

КЪЗМЕТЬ. По мнению К. А. Максимовича, данное слово в ЗСЛ означает ‘знатный дружинник, военачальник’⁷⁰. Приведем контекст: (10) *аще*

⁶³ Максимович 2005: 122; см. также: Срезневский III: доп. 91.

⁶⁴ СДЯ III: 33.

⁶⁵ Максимович 2005: 123.

⁶⁶ БЕР I: 405.

⁶⁷ Бернштейн: 125.

⁶⁸ РБЕ III: 286.

⁶⁹ БЕР I: 302; Георгиев 1958: 27–28.

⁷⁰ Максимович 2005: 123.

лн вѣрѣцѣнѣ ѿ вѣрѣн ѿ тѣхъ дързючѣше. нлї кметнѣн. нлн прѣстѣхъ люднн. подвѣгѣн н храборѣство сдѣлаѣше. вѣрѣтанн сѣ князь нлн воевода в то время. ѿ реченаго оурока княжа да подаѣтъ ѿко н лѣпо (гл. 3)⁷¹. Форма кметн читается только в Устюжском списке ЗСЛ (с. 48), а в Чудовском списке находим кметнѣн (с. 71). В этом же контексте читается даже слово кметнѣнѣ⁷². К. А. Максимович объявил данное слово моравизмом на основании отсутствия у него значения ‘воин, дружинник’ в болгарском языке со ссылкой на другую свою статью⁷³. Заметим, что такого значения нет ни в одном современном славянском языке, что не помешало Максимовичу объявить его даже исконным. Несмотря на некоторую спорность этимологии слова, оно является общеславянским⁷⁴. Значение ‘воин, дружинник’ фиксируется лишь по отношению к древнерусскому языку⁷⁵. Это значение попало даже в серьезные этимологические словари⁷⁶. На протяжении двух столетий отождествление слова кзметъ с воином имеет устойчивую традицию в русской научной литературе, и эта традиция восходит к попыткам истолкования чтения кзмети в *Слове о полку Игореве*⁷⁷. Подробно о ложных дефинициях слова кзметъ в русских словарях написал И. Г. Добродомов⁷⁸. Значение ‘витязь’ приписано слову кзметъ и в древнеболгарском переводе *Хроники* Иоанна Малалы: (11) влоуднвшю съ волаарнномъ кзметомъ (συγκλητικῶν)⁷⁹, ведь συγκλητικός означает ‘сенаторский’ или ‘сенатор’. И. Г. Добродомов указал на то, что отдельные авторы присвоили данному слову даже значение ‘профессиональный воин’. Автор заметил, что „на этой ложной дефиниции построена вся статья К. А. Максимовича⁸⁰, где проводится ошибочная мысль Л. Гавликовой (1989) о приходе этого слова на Русь вместе с „Законом судным людям“, якобы переведенным в Моравии Мефодием“. Автор предлагает другую этимологию: из латинизма кзметѣа ‘хозяйство’ в результате редеривации и считает основным значением ‘хозяин, крестьянин’. Слово кзметнѣнѣ, встречающееся в большинстве списках ЗСЛ тоже истолковано в смысле ‘воин, витязь’⁸¹. К этому добавим, что кзметнѣнѣ является образованием от кзметъ с патронимическим суффиксом -иѣнѣ в его болгарской огласовке -нѣнѣ. Как писал В. Ганев, точно определить место и

⁷¹ ЗСЛ (К): 36.

⁷² Срезневский I: 1390.

⁷³ Максимович 2004б: 109–123.

⁷⁴ БЕР II: 494–495; ЭССЯ 13: 196–198.

⁷⁵ Срезневский I: 1390; СДЯ IV: 352.

⁷⁶ Фасмер II: 261; БЕР II: 494; ЭССЯ 13: 197.

⁷⁷ О том, что собой представляет *Слово о полку Игореве* см.: Станков 2005а.

⁷⁸ Добродомов 2005.

⁷⁹ Срезневский I: 1390.

⁸⁰ Максимович 2004б.

⁸¹ СДЯ II: 352.

функции кметн в Болгарии IX в. ввиду отсутствия более подробных данных нельзя. Автор обращает внимание также на противопоставление этого слова „простым людям“, что свидетельствует об их более высоком общественном статусе⁸². Это сближает слово кзметъ, кзметнць с его болгарским значением ‘сельский староста’, в современном болгарском языке ‘мэр’. Вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет об очередном ложном моравизме.

КЖПЕТРА ‘кума, ятровь’: (12) Нже коупетроу свою понметъ женѣ себе. по законуу людьскомуу носъ нма вѣтъма оуръзѣють н разлочѣатн ѣа. а по цркъвномуу законуу разлочѣатн ѣа н въ постѣ (гл. 7)⁸³. Греческий текст, цитированный К. А. Максимовичем и SJS, не связан с славянским: τὴν ἐκ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος γενομένην αὐτῷ σύντεκνον⁸⁴. Слово происходит от народно-латинского *compatre(m)* < *compater*⁸⁵. Далее Максимович пишет: „ярчайший культурный моравизм, сохранившийся только в памятниках западнославянского происхождения, в том числе в Мефодиевской гомилии Клоцова сборника“⁸⁶.

Данная глава ЗСЛ связана с проблемой духовного родства и инцеста⁸⁷. В форме кжпетра переход краткого латинского *ā* в *e* объясняется особенностями народной латыни юго-восточных римских провинций и на Балканах⁸⁸. По мнению М. Цибранской, кжпетра „балканская“ или „паннонская“ форма, западнославянским словом является кзмотра ‘кума’. О запрещении заключения брака между лицами, связанными узами духовного родства, писал Борису I папа Николай I: „Si ergo inter eos non contrahitur matrimonium, quos adoptio lungit, quanto potius a carnali oportet inter se contubernio cessare, quos per caeleste sacramentum regeneratio sancti Spiritus vincit? – Если, следовательно, нельзя заключать брак между теми, кто связаны узами усыновления, то насколько более следует избегать плотского сожительства меж собой тем, кто возрождением Св. Духа связаны узами небесного таинства?“⁸⁹, II, 30–33⁸⁹.

Слово кжпетра из народной латыни в южнославянском языковом ареале в IX–X веках было архаизмом; глоссы к этому слову в ЖМ появились скорее всего на русской почве; в ряде списков ЗСЛ слово появляется в искаженном виде. Вряд ли данное слово является моравизмом, особенно если учесть, что этот „ярчайший культурный моравизм“ отсутствует в чешском и словацком языках.

⁸² Ганев 1959: 209–210.

⁸³ ЗСЛ (К): 37.

⁸⁴ Максимович 2005: 123; SJS II: 98.

⁸⁵ Skok II: 232.

⁸⁶ Максимович 2005: 123–124.

⁸⁷ Подробнее в: Цибранска-Костова 2007.

⁸⁸ Цибранска-Костова 2007.

⁸⁹ Дечев 1922: 10, 11.

МЫША ‘литургия’. Примеры из ЖМ: (13) съ стгоу мзшено рекзше съ слоужьбою⁹⁰; (14) да на мзшн...⁹¹; (15) да не поють мзша рекзше слоужьбы⁹²; (16) стго петра мзшн⁹³.

К. А. Максимович пишет, что слово в славянской книжности считается бесспорным моравизмом⁹⁴. Еще приведены примеры из НМ и КЛ и сказано, что „термин НМ мыша имеет продолжения только в западнославянских языках и сербохорватском – следовательно, он может считаться древним юго-западным регионализмом“⁹⁵.

Сочетание „древний юго-западный регионализм“ свидетельствует о том, что Максимович довольно свободно оперирует лингвогеографией. Кроме того, не все авторы считают слово мыша бесспорным моравизмом. В болгарских диалектах сохранилось слово *мъшѣлник* ‘обманщик, мошенник’, которое является производным от *мышель*, *мъшѣлъ*, зафиксированное в *Слепченском апостоле* XII в. и восходящее к лат. *misellus*⁹⁶. (О семантическом развитии др.-болг. *мышель*, *мъшѣлъ*, см. указанную работу М. Рачевой.) Сопоставление *мышель*, *мъшѣлъ* с другим латинизмом *мыша* М. Рачева считает существенным. В обоих словах произошел переход лат. *i* в *ь*; кроме того, в обоих словах в южнославянском языковом ареале слабый *ь* перешел в *ъ*, ср. *маша* в сербо-хорватском и болг. диал. *мъшѣлник*, в чешском – *tše*; ср. также сложные слова *мъшелонмыць* и *мъшелонскатељ* в разных списках Апостола⁹⁷, которых нет оснований считать моравизмами. Мыша в ЖМ не может быть моравизмом и по той причине, что лат. *missa* не было неизвестной величиной для болгар в середине 60-х годов IX в.; ср. в ответах папы Николая I на запросы Бориса I: „Similiter et de codice at faciendas *missas* asserimus – то же самое утверждаем также относительно книги для совершения *литургии* (службы)“ LXXVII⁹⁸; „id est ad ecclesias ire, orationes peragere, peccantibus indulgere, *missarum* solemnii interesse – т.е. ходить в церковь, творить молитву, участвовать в *литургийном* торжестве“ XXXV, 9–10⁹⁹. Этимология слова также не предполагает в обязательном порядке некое моравское влияние на ДЯ. М. Фасмер полагает, что слово заимствовано из древневерхненемецкого или непосредственно из латинского¹⁰⁰.

⁹⁰ УС: 1066, 8–9, с. 194.

⁹¹ УС: 1066, 23, с. 194.

⁹² УС: 107а, 17–18, с. 195.

⁹³ УС: 107в, 15, с. 196.

⁹⁴ Максимович 2005: 124 со ссылкой на: Schmid 1922: 110–111; Цибранска-Костова 2000.

⁹⁵ Максимович 2005: 125.

⁹⁶ Рачева 1986: 20.

⁹⁷ SJS II: 245–246.

⁹⁸ Дечев 1922: 82, 83.

⁹⁹ Дечев 1922: 44, 45.

¹⁰⁰ Фасмер III: 22.

Другие авторы считают, что оно восходит к более позднему романскому варианту, в котором первоначальная латинская гемината палатализовалась. В. Бочек отвергает идею о существовании палатального романского согласного и предполагает отдельную субституцию удвоенного или неудвоенного согласного (rom./lat. *ss* > sl. *š*, rom./lat. *s* > sl. *s*); палатальный согласный, возможно, связан с германским посредством при заимствовании¹⁰¹. П. Скок возражает против немецкого посредничества, высказывает предположение о проникновении термина в южнославянские земли непосредственно из Аквилеи. Кроме того, слово было известно балканской латыни, о чем свидетельствуют алб. *meshe* и ср.-греч. *μίσσα*¹⁰². Для В. В. Нимчука мыша – не безупречный моравизм (богемизм)¹⁰³. Данное слово не может быть моравизмом и по причине серьезных сомнений в существовании славянского богослужения в Моравии, откуда следует, что ЖМ возникло в Болгарии¹⁰⁴.

НЕРАДЪНЪИН ‘беспечный, беззаботный; небрежный’: (17) невѣста-женаго любадѣянна не радънѣи – ὡς τῆς ἀναμενομένης πορνεία αἰρετώτερα¹⁰⁵. У К. А. Максимовича дано еще одно употребление слова в цитате из Галицкого четвероевангелия 1144 г. (Мф 10:15). Максимович указал на этимологию слова от *ne и **radъnъ(jь)*¹⁰⁶, на разные гипотезы, связанные с распределением корневого вокализма в славянских языках, отметил также, что в древних памятниках употребление слов с разным корневым вокализмом (-*rod-*, -*rad-*) свободно варьирует, и сделал вывод, что, так как не радънъин не представлено в древних болгарских памятниках и диалектах, его можно считать достаточно надежным моравизмом¹⁰⁷. Утверждения Максимовича, как это часто бывает, неточны. Прежде всего, само употребление не радънъин в НМ можно считать болгарским употреблением, поскольку Мефодий, предполагаемый автор славянской версии НМ, безусловно владел болгарским солунским диалектом, а не моравским. В *Синайском Евхологии* (СЕ) зафиксировано наречие не радъно ‘беспечно, небрежно’, глаголы не радънтн, не родънтн встречаются в основных классических древнеболгарских памятниках¹⁰⁸. В *Симеоновом сборнике* (ССб) зафиксирован девербатив не ражденне ‘беспечность, беззаботность; небрежность’: (18) ѿтъ своѣа лѣностн. ѿ не ражденна л. 44г 2–3¹⁰⁹. Как видно, глагол есть, девербатив есть, наре-

¹⁰¹ Boček 2010. Там же и литература вопроса.

¹⁰² Skok II: 430–431.

¹⁰³ Нимчук 1988: 193–194.

¹⁰⁴ Jovčeva 2014.

¹⁰⁵ Срезневский II: 420; см. также: Максимович 2005: 125.

¹⁰⁶ ЭССЯ 24: 222.

¹⁰⁷ Максимович 2005: 125–126.

¹⁰⁸ СС: 374–375.

¹⁰⁹ ССб I: 284; ССб II: 104; здесь В. Вылчанов ошибочно объединил не ражденне с не рожденне ‘свойство нерожденности (о Боге-Отце)’.

чие есть, следовательно, *нерадънън* известно ДЯ; утверждать же обратное с лингвистической точки зрения несерьезно. В современном болгарском языке в основном употребляется глагол *радея* ‘радеть’, *радя, радим* ‘работать, трудиться’¹¹⁰, которые семантически близки к словам, употребительным в сербском и хорватском языках. К. А. Максимовича ничуть не смущает тот факт, что слово с корневым вокализмом *a* отсутствует в чешском языке и что чеш. *nerodný* семантически не связано с *нерадънън* ‘беспечный, беззаботный; небрежный’. Вместо всего этого Максимович говорит о какой-то „юго-западной диалектной периферии“, которая включает в себя чешский, словацкий, словенский, сербский и хорватский языки. Это что-то новое в области славянской лингвогеографии. Разрывать болгарскую и сербо-хорватскую диалектную зону методологически неправильно, поскольку именно эти языки формируют основу южнославянского языкового ареала. В нашем случае это видно по тому, что именно в болгарском и сербском и хорватском языках корень *-рад-* имеет сходную семантику. К сожалению, лишний раз приходится констатировать, что К. А. Максимович плохо ориентируется в области словообразования, семантики и лингвогеографии.

НЕСТЕРА ‘племянница, дочь сестры’. К. А. Максимович привел пример из НМ: (19) *аще кто помнеть сестреницъ ли дъщерьшу ли нестера да не боудеть сѣнникъ – ó dúo áðελφάς áγαρόμενος ἢ áðελφιδῆν οὐ δύναται εἶναι κληρικός*¹¹¹.

Нельзя не заметить, что славянский текст не является точной копией греческого, поэтому соположение *нестера* с *ἀδελφιδῆ* необязательно, поскольку и *дъщерьшн* (явно болгарского происхождения) соответствует как греч. *ἀδελφιδῆ*, так и *ἀνεψιά* ‘племянница, двоюродная сестра’¹¹². Далее К. А. Максимович утверждает, что *дъщерьшн* означает ‘племянница, дочь брата’, а *нестера* ‘племянница, дочь сестры’, хотя, несмотря на всю информацию в статье, неясно, каким образом было установлено такое разграничение. Выходит, автор славянской версии НМ четко разграничивает дочь брата от дочери сестры. Но, поскольку *дъщерьшн* слово явно болгарское, то спокойно можно сделать вывод, что и *нестера* было употребительно в ДЯ и необязательно считать его моравизмом, тем более, что современный чешский язык не сохранил данное слово в виде апеллятива (Максимович привел только антропонимы *Nestera, Nesterjka*). О. Н. Трубачев тоже включил русские антропонимы *Нестор, Нестер, Нестеров* в статью **nestera*¹¹³. Правда, М. Фасмер считает, что *Нестор* перешло в *Нестер* в результате

¹¹⁰ БЕР VI: 145–146.

¹¹¹ Максимович 2005: 126.

¹¹² Срезневский I: 763.

¹¹³ ЭССЯ 25: 18.

ских списках *Пролога*¹²⁵, в *Станиславовом Прологе* 1330 г.¹²⁶ оно отмечено 11 раз, например: (22) Тъь стын ѿвѣтхнѣ и аганнь. ѿтнн ѿго 253а7¹²⁷.

Возникает вопрос, что это за западнославянский диалектизм, который имеет такое употребление в древнеболгарской и древнерусской письменности с IX по XIV в.? Наличие слова в древнеболгарских рукописях и текстах, по происхождению являющихся древнеболгарскими, не позволяет считать данное слово моравизмом. В отношении *нестѣра* Максимович отделил сербо-хорватскую языковую территорию от болгарской, а в отношении *ѿтнн* проделал ту же операцию с русским и украинским языками. Несмотря на некоторую проблематичность украинского слова *нетий*¹²⁸, нельзя просто так исключить возможность того, что в древности оно было известно всему восточнославянскому ареалу, тем более, что оно употреблено в договоре 945 г. русских с греками. С. П. Обнорский писал, что договор русских с греками 912 г. скорее всего был переведен с греческого болгариним, а договор 945 г. – древнерусским книжником, который смешал русскую и болгарскую книжную стихию¹²⁹. С Обнорским можно и поспорить, но независимо от того, кто, болгарин или русский, употребил это слово в договоре 945 г., его нельзя считать моравизмом. Следуя же логике К. А. Максимовича, можно сделать вывод, что договор 945 г. писан моравиним.

ПРНТЪКНЖТН (23): Аще не прнтъкнете послушѣхъ ѿкоже и законъ бнн велнть. прнпнати тоуже казнь чанте. юже на друуга глѣте (гл. 2)¹³⁰. Разночтения: ткнете, тькнете, прнткнет са, не прнтъкнетъ¹³¹.

К. А. Максимович определил значение слова как ‘доказать’ и со ссылкой на В. Прохазку¹³², пишет: „Согласно его выводам, термин *прнтъкнжтн* обозначал в мораво-паннонском юридическом языке ‘неопровержимо доказать (причастность к преступлению)’, т.е. фактически ‘застать на месте преступления (кражи и т.п.)’. Автор обосновывает свою точку зрения примерами из Христинопольского апостола, где данный глагол употребляется в значении ‘доказать’¹³³.

В. Прохазка действительно ссылается на примеры из названного Апостола: (24) нн прнтъкнжтн не могуць о ннхъже нзынѣ на ма глѣть – *παρὰστῆσαι* (Деян. 24:13); (25) прнтъкнжтн внизи – *ἀποδείξει* (Деян. 25:7)¹³⁴.

¹²⁵ СДЯ V: 377.

¹²⁶ Трайкова 2002: 90.

¹²⁷ СтПр: 271.

¹²⁸ Только М. Фасмер приводит это слово.

¹²⁹ Обнорский 1960: 119–120.

¹³⁰ ЗСЛ (К): 35.

¹³¹ ЗСЛ (К): 69, примеч. 11; 90.

¹³² Proházka 1957: 337–340.

¹³³ Максимович 2005: 130.

¹³⁴ Максимович 2005: 130; Proházka 1957: 337.

Однако В. Прохазка нигде не говорит о „мораво-паннонизме“ в отношении глагола *прѣтъкнѣти*, который для него везде остается „церковнославянским“. Значение ‘доказать’ в контексте ЗСЛ обосновано Прохазкой и Максимовичем на тексте книги Деяния апостольские, где слово можно толковать в этом смысле. В (23) глагол не может означать ‘доказать’, иначе фразу *аще не прѣтъкнете послушѣхъ* пришлось бы перевести „если не докажете свидетелей“, что звучит не очень убедительно. Этимология слова связана с глаголами *ткать, ткнуть, тыкать*. В данном случае глагол может обозначать буквально ‘столкнуть (впритык)’, т.е. каждая сторона в процессе должна представить своих свидетелей, поэтому в начале главы сказано: (26) *Въ всакоу прю и клеветоу и шепты, достонѣ князю и соудни не послушатн безъ свѣдѣтель многъ*. Несколько смущает падеж формы *послушѣхъ* (местн. мн.), вместо ожидаемого вин. мн. Видимо, это древний беспредложный локатив при глаголе с приставкой *прѣ-*, являющийся характерной особенностью ДЯ¹³⁵ (у Миклошича в этом же контексте читается *о послушѣхъ*¹³⁶). И. И. Срезневский приводит тот же контекст по другому памятнику: (27) *аще не прѣткнѣтъ съ послушѣхы, но тако же и законъ Божїи оучѣтъ, ту же казнъ прїимѣтъ съдїи, нже по криву съднѣтъ, еже на друга безъ послуха глаголютъ*¹³⁷.

В (25) глагол может означать ‘доказать’, но это слишком современное толкование слова, скорее его следует понимать в смысле ‘показать, выявить’. К. А. Максимович заключает: „совпадение словоупотребления ЗСЛ и Христинопольского апостола при полном отсутствии аналогов в болгарских памятниках может служить важным лингвистическим аргументом в пользу общего авторства обоих текстов“¹³⁸. Т.е. автором ЗСЛ и славянского перевода Апостола является Мефодий. Как было показано, в ЗСЛ глагол может иметь совсем другое значение, если, конечно, текст не искажен. Что касается аналогов в болгарских памятниках, то К. А. Максимовича придется несколько разочаровать, поскольку в ССб употребляется глагол несов. вида *прѣтъкати* в смысле ‘приводить в доказательство’ или ‘приводить в качестве примера, образца’: (28) *о звѣздахъ же прѣтъчѣтъ на оучьшенї прѣмѣненїи на коньць вѣкъ боудѣштенї новыхъ вѣкъ 142a19–22*¹³⁹; (29) *нже тѣлеснзньхъ възстаннїи отзмештѣтъ са, еже дньсь не н съ мзножъ въ породѣ прѣтъчѣтъ, глаше тако кромѣ тѣлесъ дша възпрїемлютъ отънна, 212г8–15*¹⁴⁰.

К. А. Максимович пишет, что значение ‘доказать’ в чешском языке не сохранилось. По нашему мнению, это значение не сохранилось по той при-

¹³⁵ Граматика 1991: 463–464; Вайан 1952: 213.

¹³⁶ Miklosich: 685.

¹³⁷ Срезневский II: 1481.

¹³⁸ Максимович 2005: 131.

¹³⁹ ССб I: 477.

¹⁴⁰ ССб I: 618.

чине, что его там никогда не было. Данное слово не может быть „моравизмом“. Зато в болгарском языке близкое значение обнаруживается в глаголе того же корня, но с другим префиксом: *изтъкна* ‘подчеркнуть, выделить’; ср. такие значения у *прнтъча* ‘сравнение’, ‘пример, образец’, ‘образ, символ’. Относительно „лингвистических совпадений“ заметим, что в АГ читается слово *къмотра*, в ЗСЛ *кжпетра*.

СТРНЖЬННКЪ ‘священник, монах’, НМ: (30) *Аще кто лъжаѣ писанъа кнжнѣа ѡко стѣ въ цркви ѣтеть на съблзнь стрнжннкомъ н людьмь да нзвержеть сѧ (тоу κληροῦ)*¹⁴¹.

Слово встречается еще в ЖМ, 1076, 11, 15¹⁴². К. А. Максимович процитировал еще Заповеди святых отец (ЗСО) по сербскому списку пенитенциала: (31) *Аще кто лъжна писанна кнжна ѡко светѣа ѣтеть въ цркви, въ съблзнь льдѣмь н стрнжннкомъ да нзвержет' се*¹⁴³.

Идентичность текстов (30) и (31) очевидна. ЗСО включены в СЕ, латинский текст еще не открыт, но предполагают, что это пространный пенитенциал, принесенный в Болгарию в 866 г. папскими легатами¹⁴⁴; ср.: „*Iudicium poenitentiae, quod postulatis, episcopi nostri, quos in patriam vestram misimus, in scriptis secum utique deferent; aut certe episcopus, qui in vobis ordinabitur, hoc cum oportuerit, exhibebit...* – Юридический пенитенциал, которого вы требуете, принесут вам непременно наши епископы вместе с книгами, которые мы выслали в ваше отечество; или по крайней мере епископ, который будет рукоположен у вас, предоставить его вам, когда надобно будет“¹⁴⁵ LXXV, 1–4¹⁴⁵.

К. А. Максимович утверждает, что слово *стрнжннкн* описывает характерный признак внешности католического священника и что термин отсутствует в словенском, сербо-хорватском, болгарском, польском и русском. *Стрнжннкъ* мотивировано глаголом *стрнцн* ‘постригать (в монахи)’¹⁴⁶, поэтому данное слово не может описывать внешность именно католического священника. То, что современные болгарский и русский языки, например, предпочитают глаголы с префиксом *по-* (болг. *пострижа* (*се*) ‘постричь(ся) (в монахи)’, *постригвам* (*се*) ‘постригать(ся) (в монахи)’), не имеет существенного значения, поскольку и в самом чешском языке данное слово (*střížník*) известно лишь как техническое приспособление.

К. А. Максимович утверждает, что в старочешском *střížstvo* ‘чародейство’ реконструируется древняя семантика ‘священнодействия’ (т.е. ‘свя-

¹⁴¹ Максимович 2005: 131.

¹⁴² УС: 195.

¹⁴³ Максимович 2005: 131.

¹⁴⁴ Добрев 1995: 381.

¹⁴⁵ Дечев 1922: 82, 83.

¹⁴⁶ СС: 629.

щенство' перешло в 'чародейство' в сельской диалектной среде)¹⁴⁷. Допущение Максимовича совершенно произвольно и ставит телегу впереди коня. С древних времен среди многих народов и племен известна вера в магическую силу волос (ср. хотя бы русские и болгарские народные сказки, библейского Самсона и т.д. и т.п.). Христианский обычай стричь волосы при крещении и принятии монашества в любом случае является вторичным наслоением на древние обычаи. Ср., например, обычай у болгар стричь и заплетать особым способом волосы мальчикам крестным отцом с целью „настричь“ мужское потомство¹⁴⁸. Поэтому незачем в старочешском слове искать какую-то древнюю семантику 'священнодействия', развившуюся в значение 'чародейство'; очевидно, что слово сохранило именно свою древнюю семантику. И это слово нельзя причислить к моравизмам.

На этом заканчивается *первая* группа „моравизмов“ ЗСЛ и НМ, которые, по мнению К. А. Максимовича, не известны болгарской книжности и диалектам¹⁴⁹. В подходе К. А. Максимовича отсутствует ясная логическая и методологическая система, „семантические толкования и реконструкции“ граничат с произволом; то же самое можно сказать и о его лингвогеографических представлениях; одним словом, данный подход – чистая эклектика. Особенно это заметно в отношении сербо-хорватской языковой территории, которая, когда это на руку Максимовичу, оказывается то частью выдуманного им „юго-западного славянского“ ареала, то – южнославянского ареала.

Вторую группу, по определению Максимовича, составляют „моравизмы ЗСЛ и НМ, отмеченные в болгарских письменных памятниках, но не в диалектах“¹⁵⁰. Первым в данной группе оказалось слово ВЛАЦЬ 'собственный', встретившееся в НМ¹⁵¹ в Устюжской кормчей: (32) ѡко не достонть възнматн ѡсо црквиънѡхъ лн себе влаца творити (в Иоасафовской кормчей – влагалнца) (σφετερίζεσθαι 'присваивать')¹⁵². Как отмечает К. А. Максимович, слово – производное от *vold-tь > vlastь 'владение, обладание'. С одной стороны, слово является архаичным регионализмом, а с другой, – его древние фиксации отмечены только в памятниках „западного“ происхождения (*Беседах на Евангелие* Григория Великого)¹⁵³. В пользу „моравского“ характера данного слова приведены ст.-чеш. *vlašćie, vlastie* 'собственный'. Заметим, что К. А. Максимович привел старочешские слова

¹⁴⁷ Максимович 2005: 131.

¹⁴⁸ Геров III: 224, *настригвам, настригнувам*; IV: 226, *постригвам*; V: 269, *стрижа*.

¹⁴⁹ Максимович 2005: 121–131.

¹⁵⁰ Максимович 2005: 132.

¹⁵¹ Текст НМ цитируем по изданию Й. Вашицы: Nomokanon. – ММ 4: 205–363.

¹⁵² ММ 4: 260; Максимович 2005: 132.

¹⁵³ SJS I: 201; Максимович 2005: 132.

по двуязычному словарю Ф. Котта¹⁵⁴, к тому же они не являются точным соответствием *влаць*, в котором явно прослеживается древнеболгарский фонетический элемент – [št] из *stj. Чешский вариант *vlaštie*, видимо, является дальнейшим, более поздним, развитием аффрикаты [šč]. Семантика корня **vold-* достаточно широка, и от значения ‘владение, обладание’ до значений ‘собственный’, ‘собственность’ рукой подать. В болгарских диалектах достаточно слов с корнем *влад-*, выражающих значения ‘собственный’, ‘собственность’: *владалец* ‘владелец; собственник’, *владало* ‘крепостной акт’, *владане* ‘(недвижимое) имущество; земельное угодье’, *владовище* ‘(недвижимое) имущество; земельное угодье’¹⁵⁵.

И фонетика, и семантика слова *влаць* не позволяют считать его морализмом. Об этом свидетельствует и приводимое К. А. Максимовичем производное *влацьствни* ‘свойство’ в болгарском переводе толкований на литургию, приписываемых патриарху Герману I (715–730): (33) Тронцю стою по оупостасемъ срѣвъ лицемъ нераздѣльно на влацьствни[а] (в греч. ἀσύγχυτον αἰδιότητα ‘вечную неслиянность’)¹⁵⁶. На основании суффикса *-ьstvij-*, со ссылкой на А. Вайана¹⁵⁷, К. А. Максимович усмотрел в слове *влацьствни* западное влияние на преславскую книжность.

ЗЛАЪСТН: (34) Приложн сѧ двѣци нарѣнѣн за мочѣ аще н въ волю двѣци злаъзъзъ воудеть носъ да оурѣжетъ н мочѣ¹⁵⁸. К. А. Максимович определил значение глагола как ‘совершить (дерзость), осмелиться (на что-л.)’, указав на отсутствие точного греческого соответствия¹⁵⁹. Со ссылкой на Ф. Котта¹⁶⁰ приведено чеш. *zalézt(i)* разг. ‘придраться, взъесться (на кого-л.)’, якобы наиболее близкое к идее ‘дерзости’. Данное толкование неверно, потому что оно игнорирует контекст; выходит, текст следует перевести так: ‘совершил (дерзость) в волю (или „по воле“) девицы’ (глагол *осмелиться* вообще не вписывается сюда). Другое толкование *злаъстн* дает СДЯ¹⁶¹ – ‘вступить в половые отношения’¹⁶². Более точное объяснение контексту дает И. И. Срезневский¹⁶³ – ‘хотя бы и по воле девицы имел с нею совокупление’. Такой перевод дает и В. Ганев¹⁶⁴. Авторы СДЯ в случае просто

¹⁵⁴ Kott IV: 733.

¹⁵⁵ БЕР I: 160, *владя*.

¹⁵⁶ Максимович 2005: 132.

¹⁵⁷ Вайан 1952: 231.

¹⁵⁸ ЗСЛ (К): гл. 11 (13), 37.

¹⁵⁹ Максимович 2005: 133.

¹⁶⁰ Kott V: 135.

¹⁶¹ СДЯ III: 324.

¹⁶² Глагол *приложитн сѧ* в данном контексте, согласно И. И. Срезневскому (II: 1425), означает как раз ‘совокупиться, войти в плотскую связь’; этого мнения придерживаются и авторы СДЯ (VIII: 486).

¹⁶³ Срезневский I: 927.

¹⁶⁴ Ганев 1959: 370.

повторили толкование другого словаря¹⁶⁵. Это единственное подобное употребление *ꙗꙗѣстн*, известное из письменных памятников. Идея К. А. Максимова о дерзости не увязывается ни семантически, ни синтаксически; какая-то дерзость, если все совершается по воле (или с согласием) девицы; синтаксическая неувязка связана с префиксом *ꙗꙗ-* в глаголе, после которого следует предлог *въ* с вин. падежом. Хотя на базе одного контекста это и рискованно, но, может быть, заслуживает внимания фигуративное толкование словосочетания *ꙗꙗѣстн въ воꙗѣ* в смысле ‘вкрасться, втереться в доверие’; ср. болг. *влизам (някому) под кожата* ‘втираться в доверие (к кому-л.)’, ‘подчинять (кого-л.) своей воле’; ср. еще болг. *зализвам* ‘влизам в, под нещю’ – ‘залезать под что’¹⁶⁶. В одном контексте нет необходимости в двух глаголах (*ꙗꙗѣстн ꙗꙗ, ꙗꙗѣстн*), выражающих одну и ту же семантику (сокоупления). Слово нельзя считать „моравизмом“.

КОМЪКАТН ‘причащать(ся)’: (35) потому же да *комкъѣтъ* (τῆς προσφορᾶς ἐφαπτέσθωσαν) (НМ)¹⁶⁷. К. А. Максимович привел мнение В. Ягича¹⁶⁸, согласно которому *комъкатн* (лат. < communicate) ‘причащаться’ заимствовано в Моравии из языка немецких проповедников. К мнению В. Ягича К. А. Максимович присоединил еще мнение М. Фасмера, которое, однако, не покрывается с мнением Ягича: „через язык церкви из лат. *communicāre* ‘причащать’¹⁶⁹. Далее приведены болгарские диалектные варианты *комъкатн*¹⁷⁰, после чего следует такое высказывание: „Примечательно, что у западных славян данный термин не отмечается ни в современном, ни в старом языке – как и латинизм *ꙗꙗꙗѣтъ*, термин *komkati* отсутствует в исторических и этимологических словарях польского и чешского языков... Итак, на примере термина *комъкатн* хорошо видно, что моравизмы, связанные с христианским культом, могут быть *географически* широко распространены в южнославянских языках и диалектах, оставаясь при этом *генетически* связанными с западнославянским ареалом“¹⁷¹. По традиции в состав „моравизмов“ включила *комъканнѣ, комъкатн* и Я. Гутянова. Автор приводит мнения разных ученых вместе с болгарскими диалектными данными, отказываясь по существу от вынесения окончательного приговора этим „моравизмам“¹⁷². Между тем лат. *communicare* не было неизвестной вели-

¹⁶⁵ СлРЯ 5: 231.

¹⁶⁶ Геров III: 88.

¹⁶⁷ ММ 4: 347; Максимович 2005: 133.

¹⁶⁸ Jagić 1913: 203.

¹⁶⁹ Фасмер II: 303.

¹⁷⁰ Заметим, что Максимович противоречит самому себе, так как рассматриваемая группа „моравизмов“ включает слова письменных болгарских памятников, но неизвестные болгарским диалектам.

¹⁷¹ Максимович 2005: 34.

¹⁷² Huťanová 1988: 82–83.

чиной в Болгарии в первые годы после принятия христианства; ср. Ответы папы Николая I на запросы Бориса I: „Corpori et sanguine Dominico quotidie in quadragesima maiori si deberetis *communicare* consulitis“, IX, 1–2 – „Вы спрашиваете, необходимо ли ежедневно в Великую четырехдесятницу приобщаться (причащаться) тела и крови Господней“¹⁷³.

На примере *комъкатн* видно, что „моравизмы“ – это просто миф, в создании которого порой принимали участие и крупные фигуры (В. Ягич) палеославистики, ибо абсурдно утверждение, что слово, не оставившее следа в западнославянских языках, является *генетически* связанным с западнославянским ареалом; более того, слово перешагнуло в другой ареал и получило там широкое (даже диалектное) распространение.

КРНЖМА, КРНЗМА ‘миро’: (36) ѡко подѡбаетъ просвѣщаніемъиъ по крѣпннн помазатн крнжмоу небесъскоу (*χρίσθαι χρίσματι ἐπουρανίῳ*) (НМ)¹⁷⁴. К. А. Максимович указал на греческое происхождение слова через латинское посредство (*c(h)risma*) со ссылкой на Ф. Миклошича¹⁷⁵. М. Фасмер считает, что слово восходит к д.-в.-н. *chrismo*, которое из лат. *chrisma*¹⁷⁶. На основании отсутствия *крнжма* в болгарских диалектах, оно может считаться древним моравизмом, проникшим в преславскую книжность¹⁷⁷. В случае необходимо отметить употребление варианта *крнжмо* в древнеболгарском переводе ХГА: (37) ѡтъ во мѣдоносна н вноносна (добрѡвонна S) страна та добръиъ весьма нмошн коупръ н мюроваланъ. рекше крнжмо желѡуднзн, н впавалъсама 181,19–21 – ἔστι γὰρ μελιτοφόρος καὶ ἀρωματοφόρος ἢ χώρα πάνυ φέρουσα κύπρον καὶ μυροβάλανον καὶ ὀποβάλανον Б. 258,16–18 (М. 186,28–29)¹⁷⁸. Важно, что *крнжмо* читается в текстовой глоссе¹⁷⁹. Отметим, что про-

¹⁷³ Дечев 1922: 20, 21.

¹⁷⁴ ММ 4: 323; Максимович 2005: 135.

¹⁷⁵ Miklosich 1886: 141.

¹⁷⁶ Фасмер II: 376.

¹⁷⁷ Максимович 2005: 136.

¹⁷⁸ Здесь и далее славянский текст Хроники цитируется по изданию В. М. Истрина (Истрин I); первое число обозначает номер страницы в издании, последующие числа – номера строк. В круглых скобках приводятся варианты по другим спискам ХГА, при этом сохраняется обозначение списков в издании В. М. Истрина; S – означает сумму всех списков. Некоторые существенные разночтения указаны по изданию В. А. Матвееко и Л. И. Щеголевой (I/1–2); отдельные разночтения приводятся и по списку E² (краткие сведения о древнерусских списках с их обозначениями, которые использованы и в настоящей работе, см. в: Матвееко, Щеголева I/1: 32–38; Станков 2008б: 47–48; более подробные сведения см. в: Анисимова 2009). Греческий текст цитируется по изданию К. де Боора (Boog I–II) с указанием страницы и строки и сопровождается буквой Б.; текст продолжения цитируется по Ватиканскому списку № 153 (Истрин II: 3–65) и сопровождается буквой В.; те небольшие отрывки славянского текста, соответствующие Венскому списку № 40, цитируются по изданию Истрина (II: 69–73) и сопровождаются сокращением Вен.; сравнения с изданием Э. Г. фон Муральта сопровождаются буквой М.

¹⁷⁹ К. А. Максимович указал на пример из ХГА, но для него это только факт древнерусской книжности.

исхождение *крнѣма*, *крнѣма* необязательно связывать с д.-в.-н. *chrismo*: они могут прямо восходить к лат. *chrisma*; ср. Ответы папы Николая I на запросы Бориса I: „Graecos dicere, perhibetis, quod in illorum patria chrisma oriatur...“, XCIV, 1–2 – „Вы говорите, что греки утверждают, что миро рождается в их отечестве...“¹⁸⁰. Возможно и прямое заимствование из греческого, так как формы на *-о* (ср. *крнѣмо*) иногда появляются в болгарском при заимствовании из греческого: ср. *миризма* и *меризмо*¹⁸¹. Относительно [ž] вместо [z] незачем обращаться к слову *крнѣж*, как это делает К. А. Максимович, а можно указать на чередование *з* и *ж* при заимствовании греческих слов болгарским; ср. *миризливи* и *мирижливи* (от *мириз*)¹⁸²; об этом свидетельствуют также варианты *хрнѣма*, *хрнѣма*¹⁸³. В некоторых северных греческих говорах наблюдается переход [z] в [ž], что находит отражение при заимствовании соответствующих слов болгарским¹⁸⁴. Приведенные данные позволяют считать, что текстовая глосса в ХГА (37) была сделана болгарским переводчиком, а это, со своей стороны, означает, что *крнѣмо* было в определенной степени употребительным в эпоху перевода *Хроники* (по крайней мере в письменном языке). Слова *хрнѣма*, *хрнѣма* – прямые заимствования из греческого, варианты *крнѣма*, *крнѣма* – появились, возможно, в ДЯ под влиянием латинского, вариант *крнѣмо* вполне мог возникнуть на болгарской почве – его необязательно связывать с чеш. *křižmo* ‘освященное миро’ или с д.-в.-н. *chrismo*, тем более что в ХГА *крнѣмо* означает вообще благовонную мазь.

МАЛЪЖЕНА ‘супруги’: (38) **О** малженоу. Неразлучно ѿ ба малженомъ житиѣ творащю спсоу нашему боу гоу... нъ зане ѿ неприѣзди ненавнѣнїиѣ впадаютъ. межн малженома клеветъ дѣла... Тѣмъ же в чнсло нарѣчающе закономъ вѣщн. нх же дѣла разлучаѣта са малжена¹⁸⁵. К. А. Максимович привел греческие слова, которые приблизительно являются соответствием *малъжена*: ἡ συμβίωσις ‘совместная жизнь’, τὰ συνοικέσια¹⁸⁶. Западный (или моравский) характер слова доказывается его отсутствием в южнославянских языках и наличием чеш. *manžel*, *manželka* (с метатезой согласных, как полагает К. А. Максимович¹⁸⁷).

О слове *малъжена* существует довольно значительная литература, с которой К. А. Максимович, видимо, не знаком, поскольку им приведены толь-

¹⁸⁰ Дечев 1922: 94, 95.

¹⁸¹ БЕР IV: 115.

¹⁸² БЕР IV: 115.

¹⁸³ Срезневский III: 1403.

¹⁸⁴ Дзидзилис 1990: 54.

¹⁸⁵ ЗСЛ (К): гл. 30а (33), 39–40.

¹⁸⁶ Максимович 2005: 136.

¹⁸⁷ Максимович 2004а: 94; 2005: 136.

ко мнения М. Фасмера¹⁸⁸, О. Н. Трубачева¹⁸⁹, В. Махека¹⁹⁰. Между тем эта литература заслуживает нашего внимания. Традиционно, следуя Ф. Миклошичу, слово малъжена объясняется как частичная калька с д.-в.-н. *mâlwîp* или *mâlkona* ‘супруга’; т.е. первую часть славянского сложения объясняют из д.-в.-н. *mahal*, *mâl* ‘concio, pactio, foedus nuptiarum’, а вторую – как перевод нем. *-wîp* или *-kona* ‘жена’. А. Вайан предложил исходную форму **mǫžьžena*, которую исследователи, как правило, не принимают по фонетическим соображениям. П. Скок высказал мнение, что формы *manžen*, *manžel*, возможно, указывают на сложение типа *dvandva*, в котором первая часть связана со словом *muž* < *mǫžь*¹⁹¹. В. Махек¹⁹² предложил реконструкцию малъжена из **maldo-ženstvo*, что большинством авторов признается неудачным по многим причинам.

В. Георгиев поддержал идею А. Вайана и П. Скока о сложении типа *dvandva*, но предложил другое фонетическое объяснение первой части. Автор отмечает, что, если принять традиционную этимологию, то полученное малъжена должно означать ‘супруга’, а не ‘супруги, супружеская чета’, как это наблюдается в древнеболгарских текстах. Форма малъжена объясняется из **manьžena* дистантной диссимиляцией, причем в др.-польск. *manženka* и сохранилось в обеих позициях, в то время как в чеш. и словц. *manžel*, др.-польск. *manžel* диссимиляции подверглось второе *n*. Малъжена не сохранилось в болгарском языке, так как было вытеснено словом *сѣпрѣжъ*. В языках, где установилось *сѣпрѣжъ* (болг., серб., рус.)¹⁹³, малъжена исчезло, и наоборот, в языках, где сохранилось малъжена (хорв., чеш., словц., в.-луж.) отсутствует *сѣпрѣжъ*¹⁹⁴. Этимологию В. Георгиева поддержал Е. Хемп с небольшой коррекцией, касающейся и.-е. соответствия первой части реконструируемого **manьžena*¹⁹⁵.

В 1990 г. одновременно вышли 17 выпуск ЭССЯ (где включена статья **malьžena*) и статья В. Шаура¹⁹⁶. О. Н. Трубачев, не давая окончательного ответа, видимо, склоняется к традиционной этимологии и высказывает сомнения относительно реконструкций А. Вайана, В. Георгиева, Е. Хемпа и

¹⁸⁸ Фасмер II: 562.

¹⁸⁹ ЭССЯ 17: 178–179.

¹⁹⁰ Machek 1968: 351.

¹⁹¹ Skok II: 364.

¹⁹² Machek 1968: 351.

¹⁹³ В. Георгиев отмечает, что в русских диалектах встречается *малженки*, *малжонки*. Учитывая, что ареал их распространения охватывает южные и западные диалекты (Даль II: 282; СРНГ 17: 326), не исключено польское влияние. Любопытно рус. диал. *малъжены* ‘красные пятна, прыщи (чаще на лице)’ (СРНГ 17: 343).

¹⁹⁴ Георгиев 1986: 424–246.

¹⁹⁵ Хемп 1987: 305–306.

¹⁹⁶ Шаур 1990.

В. Махека. Необходимо все же заметить, что О. Н. Трубочев никак не обосновывает свои сомнения относительно сложения типа *dvandva*.

Рассмотрим статью В. Шаура, состоящую из 13 параграфов. В §1 В. Шаур приводит текстовой и лингвистический материал распространения и употребления *малъжен* и его вариантов в славянском ареале, упуская из виду хорватский язык. §§2, 3 и 4 посвящены критике этимологии Ф. Миклошича¹⁹⁷, А. Вайана, В. Георгиева и В. Махека. Слабым местом в этимологии Вайана-Георгиева-Хемпа В. Шаур считает то обстоятельство, что все три автора исходят из **mān-žen-*, в то время как до XV в. встречаются только *малъжен-/malžen-*; формы на *man-* более новые и встречаются только в чешском и лужицком (Шаур не объяснил, почему эти формы являются более поздними, и ничего не сказал о др.-польск. *manženka*, указанное В. Георгиевым). В §5 В. Шаур со ссылкой на Ф. Энгельса (*Der Ursprung der Familie des Privateigenhums und des Staats*) пытается доказать, что слово *малъжен* не могло существовать до крещения славян, поскольку в древнейшие доисторические времена у них не существовало моногамной семьи. В качестве дополнительного аргумента Шаур использует сообщение *Повести временных лет* (ПВЛ) под 980 г., что у князя Владимира было 5 жен и 800 наложниц (последнее – явная параллель с библейским Соломоном). В §6 В. Шаур пытается дать объяснение первой части сложения. Для этой цели автор комментирует известие ПВЛ под 945 г., согласно которому древляне предложили Ольге „руку и сердце“ (понмем жену его Вольгу за князь малъ... пондн за князь нашъ за малъ). Вслед за О. Тьорквист В. Шаур считает, что за *малъ* должно означать юридическую формулу, а не личное имя, как обычно считают. В §7 „выясняется“, что эта формула должна означать ‘долговечный брак’ или ‘брак навсегда’. Сразу заметим, что весь параграф основан на одних догадках и никоим образом не заслуживает доверия. К тому же нельзя не отметить непоследовательность автора: ведь у славян до крещения не было моногамной семьи, а тут вдруг (до официального крещения восточных славян) появляется даже юридическая формула, регламентирующая моногамный брак¹⁹⁸. При этом цитируются сведения ПВЛ о брачных обычаях славянских племен (точнее, наличие таковых у одних племен и их отсутствие у других). В §8 В. Шаур пытается объяснить, почему с 945 г. до около 1100 г. (время написания ПВЛ) сочетание *за малъ* стало непонятным. Параграф также неубедителен ввиду того, что непонятность древнерусского контекста для древнерусских же авторов объясняется на фоне материала чуть ли не из всех славянских языков. Гораздо проще понимать здесь не личное имя или юридическую формулу, а прил. *малъ* ‘младший’ или ‘моло-

¹⁹⁷ Миклошич 1886: 182.

¹⁹⁸ Известия о возможном принятии христианства княгиней Ольгой в случае не в счет.

дой'; ср. рус. *малый* 'парень, подросток' и явно вторичное 'человек, мужчина' (*славный малый*); ср. еще *кнѣзь* еще *малъ* *ваше* Новг. I летописи¹⁹⁹. Конструкция *за князь нашъ за малъ* не противоречит русскому синтаксису. В §9 Шаур отвергает возможность скандинавского происхождения „термина“ *за малъ*. Автор считает, что этот „термин“ проник в Древнюю Русь через ДЯ в эпоху христианизации²⁰⁰, поскольку *малъ* присутствует в др.-болг. *малъжена*. По мнению В. Шаура, маловероятно также праславянское происхождение *малъжена* в ДЯ, так как свои слова, как правило, ясны и несут в себе сознание об их происхождении. Поскольку сознание отсутствует, слово декомпозируется и появляется *за малъ*. В §10 В. Шаур пытается опровергнуть мнение В. Георгиева о распространении *сѣпрѣжъ* 'супруги' в славянских языках (см. выше). Автор делает упор на то, что в классических древнеболгарских памятниках слово фиксировано только в значении 'парная упряжка'. Значение 'супруги' якобы развилось на русской почве в Минях 1095–1097 гг., следовательно, включает В. Шаур *малъжена* и *сѣпрѣжъ* не являются синонимами в ДЯ. Присутствие *сѣпрѣжъ* 'супруги' в Минее 1097 г. достаточно красноречиво само по себе, и утверждение будто бы ДЯ данное слово в этом значении не было известно является грубейшей спекуляцией, лишенной каких бы то ни было оснований. В подтверждение можно привести причастие *сѣпрѣженъ* 'женатый' (от *сѣпрѣжнѣ*) в XIII Словах Григория Богослова: (39) *Колнка межда сѣпрѣженънхъ къ хлакънмъ* л. 180а–b (*ὄσον τὸ μέσον τῶν ἐν συζυγίαις πρὸς τοὺς ἀγάμους*)²⁰¹. В §11 В. Шаур соглашается с Р. М. Цейтлин²⁰², что первая часть сложения *малъ-* является моравизмом. Затем В. Шаур подвергает критике этимологию Ф. Миклошича, находя в ней фонетические несоответствия. Непонятно, каким образом лишь половина слова может быть моравизмом, ведь первая часть слова в самостоятельном виде не употребляется (объяснения Шаура относительно *малъ* в ПВЛ неубедительны). В §12 В. Шаур предлагает свою этимологию: *малъ* связано с д.-в.-н. *māl* 'удобный, важный, решительный момент'; фраза *женити сѣ за малъ* в ПВЛ должна означать 'жениться в самый важный момент жизни, долговечно и без возможности отмены этого акта'²⁰³. Отсюда *малъжена* – это 'люди, женившиеся *за малъ*'. Затем следует допущение существования глагола **malъženiti se*, который „лишь случайно“ ока-

¹⁹⁹ Срезневский II: 107.

²⁰⁰ Еще раз Шаур проявляет непоследовательность, так как христианизация Руси происходила в последней четверти X в., и 945 год не может иметь отношения к данному „термину“. В таком случае вряд ли следует искать объяснение утраты понятности на Руси *за малъ* с 945 по 1100 г.

²⁰¹ Согрус; Срезневский III: 1369.

²⁰² Цейтлин 1986б: 111.

²⁰³ Иными словами, самый важный момент в жизни оказывается юридической формулой!

зался незафиксированным. Отсюда *малъжена* – девербатив от **malъženi se*. Очень „простое“ и, главное, очень „логичное“ объяснение. В §13 В. Шаур подводит итоги и заключает, что, если его гипотеза верна, то можно легко понять, почему **malъžena* сохранилось только в западнославянских языках. В языках, потерявших контакты с Моравией, а позднее и с Чехией, слово рано осталось без этимологического объяснения, оно стало неудобным церковным и юридическим термином. Интересно, каким образом современные чехи чувствуют этимологию *малъжена*, если наименее удачную этимологию предложил В. Махек. Такую оценку следует дать и гипотезе В. Шаура, который явно переоценивает роль Моравии, а заодно и Чехии в развитии славянских языков.

Из изложенного видно, что *малъжена* трудное слово. Мнения ученых можно сгруппировать вокруг двух этимологий (гипотезу Махека можно сразу элиминировать): 1) полукалька; 2) древнее сложение типа *dvandva*. К сожалению, ни одну из них нельзя признать удовлетворительной, т.е. в каждой из них имеются слабые стороны. Этимология В. Шаура относится к идее полукальки, но ее нельзя принять, так как она основана на большом количестве допущений, которые не подлежат верификации (порой они просто переходят в свободное сочинительство). Слабым местом являются как семантическая („самый важный момент жизни“, получивший юридический статус), так и словообразовательная сторона, зависящая всецело от незафиксированного **malъženi se*. С другой стороны, В. Шаур выявил слабые стороны этимологии Ф. Миклошича, сделав лишь одно существенное замечание (правда без обосновки) в адрес этимологии Вайана-Георгиева-Хемпа²⁰⁴ – зависимость от форм типа *tan-*. Все же представляется, что идея сложения типа *dvandva* не лишена оснований. Правда, О. Н. Трубачев говорит о вторичности и позднем характере значения ‘муж, супруг’²⁰⁵, однако нельзя требовать, как это делает Шаур, чтобы *малъжена* (< *tanъžena*) и в доисторическую эпоху обозначало ‘супруги’; слово могло означать ‘мужчина и женщина’, так же как *вратъсестра* означает ‘брат и сестра’ в ОЕ; ср. болг. *мъж* ‘мужчина; супруг’, *жена* ‘женщина; супруга’, сохранившие свою исходную семантику, тогда как в остальных славянских языках развились вторичные образования типа рус. *мужчина*, *женщина* для обозначения лица соответствующего пола после того, как исходные *муж*, *жена* стали употребляться только в значениях ‘супруг’, ‘супруга’. В поддержку сложения типа *dvandva* приведем и тот факт, что в южнославянских языках (болгарском и сербском) слово *човек* ‘человек, мужчина’ употребляется и

²⁰⁴ Семантические замечания (§3) в адрес данной этимологии выглядят неубедительными.

²⁰⁵ Трубачев 1959: 104.

в значении ‘муж, супруг’²⁰⁶, что может иметь отношение к первой части реконструкции Вайана–Георгиева–Хемпа.

Какова бы ни была действительная этимология *малъжена*, налицо достаточно оснований считать слово праславянским. Трудно, однако, согласиться с О. Н. Трубачевым, что к праславянскому следует отнести и **malъženstvo*²⁰⁷. Выше уже было сказано о слабой продуктивности *-stv-* в доисторическую эпоху; продуктивность суффикса резко возросла уже в эпоху историческую. Поэтому слово не получило широкого распространения и по всей видимости является книжным образованием (в ЭССЯ О. Н. Трубачев даже не привел рус. *малженство*, указанное В. И. Далем²⁰⁸).

Относительно „моравского“ статуса *малъжена* в древнеболгарской письменности можно сказать следующее: если верна этимология полукальки, то нельзя не признать странным присутствие данного слова в древнеболгарской письменности, т.е. оно проникло туда в результате языковой интерференции, причем ученики Кирилла и Мефодия ввели в юридическое употребление слово, совершенно непонятное для болгарской аудитории. При такой этимологии еще более странным оказывается книжное образование *малъженьство* ‘брак’ в древнеболгарском переводе *XIII Слов* Григория Богослова (*Малъженьствоу ї хлачьвь – γάμος καὶ ἀγαμία*)²⁰⁹. Если и можно, с некоторой натяжкой, допустить влияние межъязыковой интерференции в книжном тексте, каким является перевод *Слов* Григория, то трудно допустить эту интерференцию в юридическом тексте, каким является ЗСЛ. В случае любопытно обратить внимание на гапакс *хлачьва* ‘безбрачие’ (от *хлакъ* ‘холостой’); оба слова, по-видимому, не оставили следа в славянских языках²¹⁰. Мотивирующее *хлакъ* известно по трем памятникам исключительно книжного толка²¹¹.

Относительно слов *малъжена*, *олътарь*, попъ К. А. Максимович сделал робкую попытку²¹² возразить, используя не совсем корректные методы. Так, о слове *малъжена* К. А. Максимович пишет: „... Р. Станков отстаивает отвергаемую авторитетными учеными этимологию В. Георгиева и Е. Хемпа, согласно которой ф. **malъžena* происходит из гипотетического праславянского *dvandva *tanъžena* с дистантной диссимиляцией первого *n* в *l* (при этом надежные рефлексy с *tan-* отмечены только в ф. ж. р. *tanъženka* – очевидно, под влиянием чеш. *tanъželka*). Отсутствие этого

²⁰⁶ Трубачев 1959: 104.

²⁰⁷ ЭССЯ 17: 180.

²⁰⁸ Даль II: 292.

²⁰⁹ Corpus: л. 196d; Срезневский III: 1370.

²¹⁰ ЭССЯ 8: 61–62.

²¹¹ Срезневский III: 1369, 1383.

²¹² Остальные слова, рассмотренные в Станков 2006б, остались без комментария.

слова в болгарском языке (диалектах) автор объясняет тем, что оно, якобы, было вытеснено словом *сѣпрѣгъ*... Однако ст.-слав. *сѣпрѣгъ* должно было бы дать болг. *сѣпрѣгъ*, в то время как мы находим в болгарском *сѣпруг* – очевидный русизм XIX в. Кроме того, будь слово *malžena общеславянским (а это прямо следует из гипотезы Р. Станкова), оно обязательно сохранилось бы хотя бы в одном болгарском, македонском или сербохорватском диалекте²¹³. Слово *малжѣна* было подвергнуто нами детальному анализу²¹⁴, в результате которого было высказано следующее заключение: „Из изложенного видно, что *малжѣна* трудное слово...“ (см. чуть выше).

Замечание К. А. Максимовича относительно *сѣпрѣгъ* звучит по меньшей мере странно: то ли автор отрицает древнеболгарский характер данного слова, то ли он пытается внушить, что слово появилось в ДЯ под влиянием русского языка. В болгарском языке известны варианты *сѣпрѣг* и *сѣпруг* в значении ‘упряжка из двух волов’²¹⁵. Н. Геров приводит их в виде *сѣ’пругъ* ‘любой из двух волов в упряжке’ и *сѣпрѣгъ* ‘супруг’, ‘упряжка из двух волов’²¹⁶. Ударение в слове *сѣ’пругъ* вместе с его семантикой показывают, что это болгарское слово; возможно, что и в данном случае надо говорить о дублетах типа *гнѣсьнъ*, *гноуьсьнъ*, *нѣжда*, *ноужда* (С. Младенов так не считает, но в его словаре не представлена вариативность *сѣпрѣгъ* в болгарском языке²¹⁷.) В то же время Н. Геров отдельно приводит *сѣпру’гъ*, *сѣпру’га*, чье ударение свидетельствует о возможном влиянии русского языка XIX в. Это возможное влияние не имеет никакого отношения к функционированию др.-болг. *сѣпрѣгъ*, которое вполне могло вытеснить в письменном языке архаическое *малжѣна*. Требование К. А. Максимовича наличия следов *малжѣна* в современных языках южнославянской группы вовсе не обязательно. Праславянский характер для отдельных слов иногда реконструируется на базе их наличия в одной из трех основных групп современных славянских языков. Фиксация *малжѣна* в ДЯ (Рыльских глаголических листках²¹⁸) и есть тот след, который дает возможность считать, что слово было общеславянского распространения. Любопытна проблема греческого соответствия *малжѣна* в *Паренесисе* Ефрема Сирина; его не приводят *Slovník jazyka staroslověnského* и *Старославянский словарь*, нет его и в издании Рыльских листков И. Гошева, лишь в словаре к изданию в конце (с. 109) автор ука-

²¹³ Максимович 2008: 112, примеч. 11.

²¹⁴ Анализ впервые изложен в: Станков 2006б: 268–273.

²¹⁵ СтБР II: 860–861.

²¹⁶ Геров V: 300–301.

²¹⁷ Младенов 1941: 623.

²¹⁸ Гошев 1956: 30, 82, 109; чтение *малжѣнома* восстанавливается на основании поздних списков *Паренесиса* Ефрема Сирина (болгарского 1353 г., 297 (151) НБКМ, и сербского, № 298 (93) НБКМ; Цонев 1910: 205–218, 218–233). См. также: SJS II: 183; CC: 322.

зывает на *ἀνδρόγυνα*; *ἀνδρόγυνα* в значении ‘супружеская пара’ отмечено в словаре Лампе²¹⁹ со ссылкой на Ефрема Сирина. Г. Бойковский и Р. Айтцетмюллер издали *Паренесис* Ефрема Сирина в 5-ти томах²²⁰ параллельно по двум рукописям: собр. Погодина № 71, РНБ и Лесновскому списку 1353 г.; греческий текст, из-за отсутствия нового критического издания²²¹, приводится по изданию Иосифа Ассемани²²². Слово *малъжена* читается в 99 слове Ефрема Сирина: (40) тогда раззлѣхнѣ сѧ лютѣ отъ себе малъжена, ꙗже съхраннѣта ложа не осквернѣна (Пог. 71) – тогда лютѣ вѣдѣеть, ꙗга раззлѣхнѣта сѧ малъженнаа, иже не съхранншѣ ложа несквернѣнаго (Лесновский список 1353 г.) – Τότε διαχωρισθήσονται ἐλεεινῶς ἀνδρόγυνα τὰ μὴ φυλάζαντα τὴν κοίτην ἀμίαντον²²³. Ближе к греческому тексту – Рыльские листки и Лесновский список. Эта близость позволяет с большой долей вероятности считать именно *ἀνδρόγυνα* соответствием *малъжена*. В ХГА встречается *малъжена*, переводящее то же греческое слово: (41) клатвы приложнша тѣма малъженома 429,1–2 – ὄρκοις ἔβαλλον ἐκεῖνο τὸ ἀνδρόγυνον Б. 657,13²²⁴. Данное греческое соответствие, на наш взгляд, косвенно поддерживает этимологию слав. *малъжена* как сложение типа *dvandva*.

МЪДЪЛОСТЬ ‘медленность, леность, нерасторопность’: (42) да аще в невѣдѣнье нли в млтѣ, взгнѣтнвшю огнь се вѣдѣеть, бес тощѣтѣ згорѣвшѣго да творнѣть²²⁵. Цитируем текст по Варсонофьевскому списку (гл. 17), так как в Новгородском читается *мѣсть*; в други списках читается то же сокращение, получившее раскрытие в виде *мнлость* в некоторых списках ЗСЛ. Текст испорчен, слово *мъд(ь)лость* восстанавливается из чтения при помощи греч. *ῥαθυμία* ‘праздность, леность, беззаботность, беспечность’. Возможно, такое искажение связано с транслитерацией глаголической рукописи ввиду графического сходства букв **ѣ** (д) и **ѣ** (л). К. А. Максимович еще раз прибегнул к лингвистическому новшеству А. М. Молдована – ‘севернославянский ареал’. В связи со словом *мъдлость* этот ареал включает следующие языки: чешский, словацкий, украинский, польский и русский²²⁶. Приведены еще и слова южнославянского ареала – словен. *mêdel*, хорв. *madal* без

²¹⁹ Lampe: 130.

²²⁰ Bojkovsky, Aitzetmüller I–V.

²²¹ Bojkovsky, Aitzetmüller I: XVI.

²²² Assemani 1747.

²²³ Bojkovsky, Aitzetmüller IV: 446–447; ср. Гошев 1956: 30, 82, 109.

²²⁴ Слово отмечено еще раз в ХГА, но переводит греч. *συζυγία*: *малъжены н влоудница* 175,17 – *συζυγίας καὶ ἐταιρείς* Б. 248,21. В Житии Еутихия по списку Московской Синодальной библиотеки XVI в. также отмечено *малъжена (ἀνδρόγυνον)* (Срезневский II: 105); ср. также *малъженъин (ἀνδρόγυνα)* в Хождении Богородицы по мукам по списку Троице-Сергиевской Лавры XII в. (там же).

²²⁵ ЗСЛ (К): гл. 15, 43.

²²⁶ Максимович 2004а: 94.

комментариев²²⁷. „Моравский“ характер слова *мъдълостъ* доказывается его отсутствием в болгарских и сербских диалектах (заметим вскользь, что в данном случае К. А. Максимович присоединяет сербский язык к южнославянскому ареалу, в других случаях он оказывается включенным в западнославянский ареал). Между тем, несмотря на то, что в языке болгарских авторов XIX в. слово *медлено* появилось, вероятно, под влиянием русского языка²²⁸, оно оставило след в болгарских диалектах²²⁹. Данные показывают, что слово является праславянским, а не „севернославянским“ (см. слова с корнем **тъd-*²³⁰). По Максимовичу, *мъдълостъ* в ЗСЛ означает ‘небрежность, нерасторопность’. Однако употребление слов с корнем *мъд-* (*мъд-*) в древних текстах связано с семантикой медлительности, лености²³¹. Поэтому толкование ‘нерасторопность’ более подходит к случаю, чем ‘небрежение’. Так или иначе, но такая семантика не характерна для чешского языка: ср. ст.-чеш. *mdliti* ‘ослаблять, лишать сил’, чеш. *mdlost* ‘слабость, вялость’²³² и слова *мъдълъин*, *мъдълънѣ*, *мъдълънъин*, *мъдълостъ* в *Учительном евангелии* Константина Болгарского, *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского, ОЕ, *XIII Слов* Григория Богослова (л. 250а)²³³. Мнение К. А. Максимовича²³⁴, что *мъдълостъ* в качестве моравизма проникло в некоторые болгарские и сербские памятники, не увязывается с семантикой чеш. *mdlost* ‘слабость, вялость’, а также и с семантикой других чешских слов того же корня.

По поводу разночтений *мъдълънѣ* и *мъдълънѣ* в разных списках *Шестоднева* Иоанна Экзарха Болгарского К. А. Максимович высказал мнение, что первичным является *мъдълънѣ*, а *мъдълънѣ* вторичное чтение в русском списке *Шестоднева*²³⁵. Необходимо уточнить, что речь идет о наречиях на -ѣ, которые в гораздо большей степени характерны для болгарского языка, нежели для русского. Этимологически оба наречия относятся к одному и тому же корню с разными ступенями чередования²³⁶. На основании этого можно считать, что первичным в *Шестодневе* было чтение *мъдълънѣ*, поскольку в истории болгарского языка это слово несет на себе отпечаток архаичности, оно постепенно исчезло из языка, оставив реликтовый след, вытесненное

²²⁷ Максимович 2004а: 95; Максимович 2005: 137.

²²⁸ БЕР IV: 712.

²²⁹ СтБР I: 873, со ссылкой на Диалектный архив при Институте болгарского языка в Софии. Необходимо уточнить, что речь идет о свадебном ритуале: *невестата върви медленно* (регион Охрида, Струги, Кукуша).

²³⁰ ЭССЯ 20: 207–211.

²³¹ СС: 338, Срезневский II: 224; СДЯ V: 87–88.

²³² ЭССЯ 20: 207–209; Gebauer II: 327.

²³³ Соргус; Срезневский II: 224.

²³⁴ Максимович 2004а: 95.

²³⁵ Максимович 2004а: 95.

²³⁶ Фасмер II: 590.

как раз словом с корнем *муд-*. В этой связи чтение *мудьнѣ* можно считать вторичным в *Шестодневе*. О моравизме в данном случае и речи быть не может. Не включает это слово в группу моравизмов и Я. Гутянова²³⁷.

Далее в списке К. А. Максимовича идет слово *непрнаѣнь*, о котором нами написана отдельная статья²³⁸, дополненная и представленная здесь как самостоятельный раздел.

ОЛЪТАРЬ ‘алтарь’: (43) Вѣлазѣн вѣ олтарѣ вѣ днѣ нлн в ношѣ. ꙗ ѿтеро что ѿ стѣхъ съсодѣз лн портѣ. лн всакоѣ вещь възметь. да продѣмѣтъ, а еже вѣнѣоудѣ олтарѣ ѿ цркве възметь что да тепеть са²³⁹. Слово известно всем славянским языкам. Считают, что это позднее праславянское заимствование. Весь вопрос в том, из какого языка. М. Фасмер первоначально считал, что источником явилось греч. *ἄλτάρι(ον)*, затем остановился на лат. *altāre*²⁴⁰. В. Махек²⁴¹ предполагает заимствование из древневерхненемецкого. Опираясь на этимологию В. Махека, к „моравизмам“ отнесла *олътарь* и Я. Гутянова²⁴². БЕР²⁴³ присоединяется к идее германского посредства, но все же допускает и возможность заимствования прямо из латыни. Авторы БЕР отвергают греческое посредство²⁴⁴ и считают, что слово заимствовано румынским языком из ДЯ. М. Младенова (со ссылкой на М. Басая и М. Я. Шатковско-го²⁴⁵) допускает, что *олътарь* появилось на Балканах в соседстве с романскими диалектами или что слово является моравским заимствованием из древневерхненемецкого²⁴⁶. К. А. Максимович лишь указал на то, что слово позднее праславянское заимствование из латыни и что отдельные авторы предполагают германское посредство. Аргументом „моравского“ происхождения явилась лишь ссылка на автореферат Я. Гутяновой²⁴⁷. В предыдущей работе того же автора сказано, что „ничто не мешает считать *олътарь* заимствованием начала-середины IX в.“²⁴⁸. Неясно, в чем заключается над-ежный „моравский“ характер данного слова.

²³⁷ Huřanová 1998.

²³⁸ Станков 2006в.

²³⁹ ЗСЛ (К): гл. 28 (30), 39.

²⁴⁰ Фасмер I: 72.

²⁴¹ Machek 1968: 414.

²⁴² Гутянова 1986: 23; Huřanová 1998: 93.

²⁴³ БЕР IV: 864.

²⁴⁴ Отметим все же греческое посредство в некоторых регионах Болгарии (юго-восток): *ἄλτάρι* ‘алтарь’ > *алтар* > *латар > *лантар* (с неясным появлением *н*) (БЕР III: 308; Дзидзилис 1990: 65). Заметим еще, что в болгарском языке проникло определенное количество слов из греческого с окончанием *-ари(он)*, например, *кримастър* < *κρημαστάρι* (БЕР III: 12), *властър*, *ластър* < *βλαστάρι(он)* (БЕР I: 163) и др.

²⁴⁵ Basaj, Siatkowski 1971.

²⁴⁶ Младенова 1988: 13.

²⁴⁷ Максимович 2005: 138.

²⁴⁸ Максимович 2004а: 96.

Дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд. Как указала А. В. Десницкая, „вопрос о древнейшем слое латинских заимствований в балакано-славянских языках имеет исторический аспект общеславянского значения“²⁴⁹. Речь идет о группе слов латинского происхождения (реалиях), представленных, помимо южнославянских, и в других славянских языках (например, болг. *баня*, *млин*, *кошуля*, *оцет*, *бивола*, *череша*, *коледа*, *русáлия* ‘неделя перед троицей’ (ср. *ῥουσάλια* ‘троица’ < *rosālia* ‘праздник роз’), *грѣк* < *graecus*, *кум* < *compater*, *погáча*, *погáниц* ‘язычник’²⁵⁰). „Естественно полагать, – пишет Десницкая, – что заимствование этих слов, связанных со сферами римской материальной и духовной культуры, произошло в эпоху, когда еще сохранялись контакты южных славян с остальным славянским миром“²⁵¹. „Вероятно, – продолжает автор, – соответствующие понятия и их обозначения были усвоены во времена первых встреч со средиземноморской культурой на северных рубежах Восточной Римской империи. Это могло произойти еще до переселения южных славян на земли империи, датируемого концом VI – началом VII в.“²⁵².

В этом плане интересны сведения Прокопия Кесарийского (*История войн*, гл. IV, 35), что к византийскому полководцу Нарсесу (ок. 478–568) явился некий слуга одного анта, выдававший себя за полководца Хилвудия и говоривший по-латыни²⁵³. В примечании 109 (с. 231) составители Свода отмечают, что это важное свидетельство языковой ситуации к северу от Дуная: антский юноша говорит по-латыни (при том, что, например, византийский стратиг армянин Гилак не знал ни слова по-латыни или по-гречески)²⁵⁴. Прокопий Кесарийский (*История войн*, гл. IV, 11) указывает также, что иногда анты нападали на Фракию и брали в плен ромеев²⁵⁵, среди них наверняка были такие, для которых родным был латинский, а не греческий язык.

А. В. Десницкая не включила в вышеуказанную группу слово *altāre*, которое проникло к середине I тысячелетия в албанский язык²⁵⁶, но имеет две формы: *lter* (более ранняя) и *altar* (более поздняя) из итальянского или из церковной латыни, как полагает Л. В. Шарапова²⁵⁷. На наш взгляд, лат. *altāre* вполне заслуживает включения в вышеуказанную группу, тем

²⁴⁹ Десницкая 1987: 32.

²⁵⁰ Десницкая 1987: 32–33.

²⁵¹ Десницкая 1987: 33.

²⁵² Десницкая 1987: 33–34.

²⁵³ Свод I: 184–187.

²⁵⁴ Правда, в примеч. 110 (сс. 231–232) отмечается возможность литературных реминисценций в рассказе о Псевдо-Хилвудии.

²⁵⁵ Свод I: 180–181.

²⁵⁶ Десницкая 1987: 14.

²⁵⁷ Шарапова 1987: 162, примеч. 55.

более что А. В. Десницкая высказывает еще такие соображения: „В связи с вопросом о раннеисторических культурных и языковых связях с балканским ареалом мне уже приходилось писать о том, что через балканскую многоязычную и, в частности, через южнославянскую среду передавались на север и северо-восток ассимилированные ею культурные и языковые влияния средиземноморского юга“²⁵⁸. Моравское влияние в случае со словом *олътарь* следует исключить. Многие авторы переоценивают роль древневерхнемецкого в формировании церковной терминологии и напросто пренебрегают влиянием балканской латыни на южнославянские языки.

О слове *олътарь* К. А. Максимович пишет так: „Р. Станков, вопреки мнению большинства специалистов, полагает, что слав. *олътарь заимствовано из „балканской латыни“ в болгарский в очень раннее время... К сожалению, он не уточняет хронологию – ведь если это заимствование имело место до VII в. (что отрицается всеми исследователями), то в это время болгарского языка еще не было, если же это произошло в VII или VIII в., после переселения славян на Балканы, то следовало бы указать, о какой „балканской латыни“ идет речь. Нам уже приходилось писать о том, что термин-фантом „балканская латынь“ используется некорректно и явно нуждается в уточнении“²⁵⁹...“²⁶⁰.

Достаточно взглянуть на данные, приведенные в нашей работе²⁶¹, дабы убедиться в том, что вывод о влиянии латыни на балканские языки сделан в соответствии с исследованиями специалистов. Существует немало работ, посвященных латинскому языку на Балканском полуострове²⁶². Термин „балканская латынь“ в смысле народная латынь на Балканах употребляется в научной литературе и, следовательно, он вполне реален, т.е. не является „фантомом“. И это видно на примере тех слов, заимствованных балканскими языками из латинского. Возьмем общеславянское **ban'a*, проникшее в славянские языки из народной латыни. О нем О. Н. Трубочев пишет: „Праслав. **ban'a*, будучи заимствовано южными славянами в знач. ‘*balneum*’, прежде всего беспрепятственно распространилось у вост. славян в том же знач. ‘*balneum*’“²⁶³. „К числу элементов южноевропейской лексики, – пишет Десницкая, – проникших в восточнославянскую языковую среду через древнебалканский ареал могут быть отнесены слова, источники заимствования которых определяются как народная латынь, например: русск. *комо-*

²⁵⁸ Десницкая 1987: 34.

²⁵⁹ Самоссылка на: Максимович 2005: 120.

²⁶⁰ Максимович 2008: 115, примеч. 15.

²⁶¹ Станков 2006б: 275–277.

²⁶² Десницкая 1987; см. также: Десницкая 1976; 1978а; 1978б. Кроме работ А. В. Десницкой можно указать еще на: Бояджиев 1990; Сухачев 1987.

²⁶³ ЭССЯ 1: 152.

ра, баня, конопля, черешня, дыня, мята, мост ‘виноградное сусло’, млин (обл.) ‘мельница’, скудель (обл.) ‘глина, глиняный сосуд’, кошуля (обл.) ‘овчинный тулуп’...²⁶⁴ Балканская народная латынь оказала влияние и на формирование древнерусской обрядовой терминологии²⁶⁵.

Эти примеры снимают вопрос о хронологии, на которую сделал ставку К. А. Максимович. Все же добавим, что славянские племена, чьи диалекты легли в основу современного болгарского языка, стали переселяться на Балканы еще в конце V – начале VI в., а не после VII в., как полагает К. А. Максимович. Вовсе не обязательно, чтобы слово *олътарь* существовало в виде *алътарь*²⁶⁶. О бесполезности данной спекуляции говорят такие слова, как *алъднн*, *алъканнн*, *алъкатн* вместе с формой *алътарь*²⁶⁷ (в болгарском сохранилось и диал. *алтар*²⁶⁸).

Если К. А. Максимович имеет претензии к содержанию термина „балканская латынь“, то слово *фантом* вряд ли лучшее средство выражения этих претензий. Коль скоро речь зашла о фантомах, нельзя пройти мимо того, что в последней своей работе К. А. Максимович сделал очередное научное открытие: влияние западнославянских языков испытала на себе даже „жемчужина“ древнерусской культуры *Слово о полку Игореве*. Не составляет особого труда убедиться в том, что текст *Слова* действительно является фантомом²⁶⁹. Неудивительно, что автор всеми средствами отрицает влияние латыни на балканские языки, ведь в таком случае его новый „критерий“ V_4 просто теряет смысл (см. об этом ниже). К тому же **olътарь*, по мнению О. Н. Трубочева, относится к ранним заимствованиям и возводится даже к праславянскому периоду²⁷⁰.

ПОГАНЬСКЪЗН ‘языческий’: (44) всако село в нем же требъзи възивають нлн прѣсагъзи поганьскъзи да ѿддають въ бнн храмъ. со всѣмъ нмѣньемъ еанко имочуть га та в томъ сель²⁷¹. В качестве соответствия К. А. Максимович приводит лат. *paganus superstitionis*²⁷². Приведены также данные из всех славянских, в том числе болгарского, языков. Тем не менее с удивлением можно прочитать следующее: „поганский, которого нет в живых южнославянских языках и диалектах“; „в болгарском языке термин **погански* отсутствует (вместо него используется прил. *езически*), а производные от **poganъ* немногочисленны“; „отсутствие в болгарском слова *поганский* может свидетельствовать о

²⁶⁴ Десницкая 1978а: 45.

²⁶⁵ Десницкая 1978а: 45–51.

²⁶⁶ Максимович 2008: 115.

²⁶⁷ SJS I: 27–27.

²⁶⁸ СтБР II: 78–79.

²⁶⁹ Станков 2005а.

²⁷⁰ ЭССЯ 32: 81.

²⁷¹ ЗСЛ (К): гл. 1, 35.

²⁷² Максимович 2005: 138.

его исконно западном характере. Наличие термина в преславской *Супрасельской рукописи* объясняется характерными для данного сборника и ряда других восточноболгарских текстов следами западного (мораво-паннонского) книжного влияния²⁷³. Прежде всего отметим, что утверждение К. А. Максимовича об отсутствии слова *погански* в живом болгарском языке не отвечает действительности. Прочитируем полюбившийся К. А. Максимовичу *Болгарско-русский словарь* С. Б. Бернштейна: *погански* ‘поганный, языческий; иноверческий’ (с. 455); см. еще РСБКЕ²⁷⁴, словарь Герова²⁷⁵. Во-вторых, те производные от основы *поган-*, указанные К. А. Максимовичем, не появились на пустом месте в болгарском языке²⁷⁶. Неверно также утверждение, что производных от *поган-* мало²⁷⁷; производных довольно много и они распространены по всей территории Болгарии. В-третьих, именно это объясняет присутствие слов с основой *поган-* в основном корпусе классических древнеболгарских текстов²⁷⁸. Вспомним также знаменитое выражение Черноризца Храбра о славянах – *поганинъ сѣще*. И в-четвертых, еще раз обратим внимание на работу А. В. Десницкой о распространении латинизмов в славянских языках (см. выше), среди этих латинизмов включено и производное болг. *поганец* ‘язычник’. Справедливо мнение В. В. Нимчука, что слово гораздо древнее возникновения первых славянских переводов, поэтому его нельзя связывать с моравской или паннонской языковой средой²⁷⁹. Моравское влияние на древнеболгарскую письменность в очередной раз оказывается фикцией.

ПОПЪЗ ‘священник’: (45) *Ннкъзн же прнѣвѣгѣющаго въ цркъвь нѣужено нъ вещь прнѣвѣгѣзн ѣвлаетъ поповн*²⁸⁰; у Максимовича: *ннкъзн же прнѣвѣгѣющаго въ цркъвь нѣужено не извлаетъ, нъ вещь прнѣвѣгѣзн да ѣвлаетъ поповн (τῷ ἱερεῖ)*²⁸¹. Мнение о западном (паннонском) характере *попъз* зиждется на этимологии: из д.-в.н. *pfaffo* < лат. *papa* < греч. *πάπας*; распространение слова в славянских языках объясняется его тесной связью с христианским культом²⁸². Этимология слова из д.-в.н., однако, проблематична. М. Фасмер первоначально считал, что слово заимствовано непосредственно из греч. *παπᾶς*, затем, ввиду распространения его в западнославянских языках, изменил свою пози-

²⁷³ Максимович 2005: 138, 139, 140.

²⁷⁴ РСБКЕ II: 537.

²⁷⁵ Геров III: 69.

²⁷⁶ Болг. *поганец* ‘нехристианин, язычник’ для Максимовича равным счетом ничего не означает (Максимович 2005: 139).

²⁷⁷ БЕР V: 416–417, *поган*¹.

²⁷⁸ СС: 457–458.

²⁷⁹ Нимчук 1988: 193.

²⁸⁰ ЗСЛ (К): гл. 16 (18), 38.

²⁸¹ Максимович 2005: 140.

²⁸² Максимович 2005: 140.

цию, возводя слав. *pop* к д.-в.-н. *pfaffo* ‘священник’²⁸³. БЕР²⁸⁴ приводит обе этимологии, не давая окончательного ответа: 1) из греч. *παπ(π)ᾱς*, вероятно, родственного *πάπ(π)ος* ‘дед’; 2) из д.-в.-н. *pfaffo*. М. Младенова считает, что из греч. *παπάς* вполне могло получиться *popъ* с заменой *α* в *ο* и развитием *-ας* в *-ъ*²⁸⁵. Грецизмом в болгарском языке считает *pop* и Х. Дзидзилис, который тоже приводит греческое слово в виде *παπάς*²⁸⁶. Греческие словари²⁸⁷ приводят слово только в виде *πάπας*, причем это основной вариант, а Лампе в скобках приводит *παπᾱς*, *πάππας*. Из этого основного варианта в болгарском тоже может получиться *popъ*, ср. переход *ά* в *ο* в болгарском: *δράκος* > *дрок*²⁸⁸, *στάμνα* > *стомна* и др.²⁸⁹ И, наконец, весьма существенное замечание. Говоря о распространении *popъ* в западнославянских языках, М. Фасмер не учел семантику и стилистику данного слова, а они достойны нашего внимания. В современном чешском языке слово *pop* означает ‘православный священник’ и ‘священник (вообще)’, причем более общее значение считается презрительным и устаревшим²⁹⁰. При этом заметим, что деление на значения является условной лексикографской процедурой, так как делимость семантики слова нельзя считать теоретически доказанной²⁹¹. По нашему мнению, в случае нельзя отделять священника (вообще) от православного священника в чеш. *pop*, чья стилистика, основанная на отношениях между католиками и православными, показывает, что слово проникло в чешский язык из ДЯ, возможно, не прямо, а через посредство другого языка. О таком движении слова указывает и его отнесенность к православному священнику, чего никак нельзя связать с д.-в.-н. *pfaffo* ‘священник’. На эту деталь обратил внимание и В. Гешев²⁹². Предположение же, что слово, презрительно обозначающее священника (православного) вошло в ДЯ из „моравского“ или „паннонского“ и стало нейтральным обозначением служителей Церкви, нельзя считать убедительным.

Возражения К. А. Максимовича по поводу слова *popъ* заключаются в следующем: „Р. Станков, вопреки мнению авторитетных специалистов, принимает греческую этимологию слав. < нар. греч. *πάπ(π)ας* или *παπ(π)ᾱς* ‘священник’... Однако автор упускает из виду наличие *a*-основы у греческого слова, которое должно было дать в славянском *pora, но

²⁸³ Фасмер III: 326–327.

²⁸⁴ БЕР V: 521–522.

²⁸⁵ Младенова 1988: 9–10.

²⁸⁶ Дзидзилис 1990: 14, 41.

²⁸⁷ Liddell, Scott 1301–1302: Lampe, 1006.

²⁸⁸ Примечательно отпадение греческого окончания в болгарском.

²⁸⁹ Дзидзилис 1990: 14.

²⁹⁰ SSJČ IV: 277.

²⁹¹ Трубачев 1976; 1980.

²⁹² Гешев 2003: 39.

никак не *porъ*. Кроме того, допуская заимствование из греческого в болгарский, Р. Станков вынужден постулировать последующий переход этого слова из болгарского в западнославянские языки (видимо, также в сербохорватский и венгерский?)²⁹³. Наличие *a*-основы у греческого слова существенного значения не имеет, поскольку она оформляет морфологический показатель. Заимствующий язык вполне может оформить заимствованное слово в соответствии со своими основными морфологическими показателями и не обязан следовать в этом отношении за первоисточником. Ср. болг. *майстор* ‘мастер’, *мастор* ‘то же самое’, которые связываются с греч. *μάστωρ*, *μάστορος*, *μάστορας*²⁹⁴; Х. Дзидзилис выводит болг. *майстор* прямо из *μάστορας*²⁹⁵. Кроме того, *попъ* может восходить как к *πάππας*, так и к форме *πάππος* ‘дед’; болгарские заимствования в случае регулярно опускают суффикс *-ос*; ср. болг. почтительное обращение (или фамильярное, по оценке М. Младеновой) к священнику *дядо поп(е)*, весьма похожее на *figura etimologica*. Данное почтительное обращение к священнику никак не увязывается с пейоративной стилистикой слова *por* в чешском языке, о чем мы уже писали. Что касается авторитетных специалистов, заметим, что сам М. Фасмер (подразумеваемый Максимовичем) колебался в отношении этого слова, первоначально считая, что оно является заимствованием из греческого языка. Ставка М. Фасмера на нем. *pfaffo* не убедительна именно из-за пейоративной стилистики слова *por* в чешском языке, которая как раз указывает на обратный путь движения: с юга на северо-запад. Неправдоподобность заимствования *попъ* в болгарском из западнославянских языков очень хорошо обосновала М. Младенова²⁹⁶.

Далее следуют три слова **ПОСТНТН СА**, **ПОСТЪ**, **ПОЦЕННІЕ** (хотя в ЗСЛ встречается только *постъ*), которым К. А. Максимович приписывает значения ‘каяться’, ‘покаяние’. Ничто, однако, не указывает на значение ‘покаяние’ для *постъ*; например, (46) *Бладоуцнѣмоу чернцѣ по закону людьскому носъ кѣмоу оуръвзѣють. а по црквиномуу законуу. постъ еи лѣ*²⁹⁷. Все остальные случаи употребления *постъ* подобного рода. Значение *постъ* в случае может быть только ‘воздержание от пищи’, независимо от того является ли это соблюдением дней поста, согласно регламенту Церкви, или же наложением поста в виде церковного наказания. М. Фасмер считает, что **post* было заимствовано из д.-в.-н. *fasto* ‘пост’, скорее... моравско-паннонскими славянами, чем южными из балканогерм. языков²⁹⁸. Глагольные формы

²⁹³ Максимович 2008: 116, примеч. 17.

²⁹⁴ БЕР III: 617, 682.

²⁹⁵ Дзидзилис 1990: 37.

²⁹⁶ Младенова 1999: 116–117.

²⁹⁷ ЗСЛ (К): гл. 5 (7), 37.

²⁹⁸ Фасмер III: 341.

возводятся к д.-в.-н. *fastên*. Со ссылкой на М. Фасмера К. А. Максимович утверждает, что „по Фасмеру, термин вошел в обиход славян в Моравии, по Миклошичу – в Паннонии“²⁹⁹. БЕР³⁰⁰ предполагает праславянское происхождение слова *postm*, которое родственно д.-в.-н. *fasto*, а также нем. *fest* ‘крепкий, сильный’, *Festung* ‘крепость’. К. А. Максимович (без аргументации) считает эту этимологию неприемлемой, и, не зная, что БЕР использует другую систему записи реконструируемых праславянских форм, поставил знак вопроса (?) к **pastъ*. Затем К. А. Максимович указывает, что специально западным считается значение ‘покаяние’, хотя само слово *postъ* может считаться моравизмом. Значение ‘покаяние’ якобы словарями не указано. Словари, действительно, не фиксируют такого значения по той причине, что его просто нет в языке. Его нет и в старочешском языке, но который сослался К. А. Максимович; ср. *postiti se... ‘zachovávat půst jako pokání’*³⁰¹, т.е. ‘соблюдать пост как покаяние’. В случае можно говорить о неправильной записи значения слова, более точной была бы запись ‘*zachovávat půst (jako rokání)*’, т.е. семантику слова не следует расширять за счет пояснительного „как покаяние“, которое в значение слова не входит. Понятно, почему словари не фиксируют значение ‘покаяние’ для слова *postъ*, так как основными значениями были и остаются ‘воздержание от пищи’ и ‘время для соблюдения поста’. Менее убедительным (хотя и возможным) представляется значение ‘аскетический образ жизни, подвижничество’ для слова *пощеннѣ*³⁰², поскольку следовало бы ожидать подобное значение и для слова *postъ*, которое, однако, отсутствует³⁰³. Данное значение выделяется на основе греч. *ἄσκησις*, которое до своего христианского значения означало ‘упражнение, тренировка (атлетов, борцов)’. В этом плане этимология БЕР выглядит не столь уж невероятной. Слабость этимологии М. Фасмера заключается в том, что она не объясняет распространение слова по всей славянской языковой территории. В который раз переоценивается роль древневерхненемецкого в формировании церковной терминологии славянства; при этом рассчитывается в основном на говоры (моравские и паннонские), которые в эпоху становления христианства среди славян не имели письменной фиксации.

К. А. Максимович утверждает, что *пощеннѣ* в ЕК XII в. означает ‘покаяние’. Ничего подобного: (47) Бѣдавѣцн... въ пощеннѣхъ же чѣсто жнѣтн. нмочѣтъ (*νηστείαις*) 2516³⁰⁴; (48) Аще кѣто отъ мочѣтъ мѣннмааго радн пощеннѣ рнзочѣ

²⁹⁹ Максимович 2005: 141.

³⁰⁰ БЕР V: 543–545.

³⁰¹ SS III: 815–816.

³⁰² СДЯ VII: 418–419.

³⁰³ СДЯ VII: 312–313.

³⁰⁴ СДЯ VII: 418.

принимать... да боудеть проклатъ (ἄσκησιν) 88a–b³⁰⁵; (49) Нже еѣпъ... въ днѣнъ праздникъ не вкушаша мѣсѣ и вина, скарѣдоуѣ, а не пощенна радн да нзвѣржетъ сѧ Апл. 53³⁰⁶ (ср. 53 апостольское правило: Εἴ τις ἐπίσκοπος... ἐν ταῖς ἡμέραις τῶν ἑορτῶν οὐ μεταλαμβάνει κρεῶν καὶ οἴνου, βδελυσσόμενος καὶ οὐ δ' ἄσκησιν, καθαιρείσθω...³⁰⁷ – „Аще кто, епископ... во дни праздников не вкушает мяса и вина, гнушаяся, а не ради подвига воздержания: да будет извержен“).

Относительно (47) и (49) словари для слова пощенни определяют значение ‘воздержание от пищи, пост’, а в (48) выделяют значение ‘аскетический образ жизни, подвижничество’. Отнесение слова постъ и его производных к моравизмам неосновательно.

ПОТЬПЪГА, ПОДЪПЪГА ‘отпущенная, разведенная жена’: (50) Аще кто въздоуѣ помнетъ или подъпъгоуѣ (потъпъгоуѣ) ли равоу ли сводынницу, также да не боудеть никъинже щенникъ (ἐκβεβλημένην) (НМ)³⁰⁸. Со ссылкой на Ф. Миклошича³⁰⁹ и О. Н. Трубачева³¹⁰ К. А. Максимович выбрал в качестве исходной форму потъпъга, в которой первая часть должна означать ‘муж, господин’ (др.-инд. *pātis* ‘хозяин, супруг’), а вторая **bĕg-* – ‘(у)бегать’ (к тому же такая форма ассоциируется со ст.-чеш. *podběha* и ст.-польск. *poćbiega*). Между тем, как указывает М. Фасмер, колебания в орфографии затрудняют этимологию данного слова. В *potъbĕga выделяется *potъ (др.-инд. *pātis* ‘господин’), а вторая часть относится к *pĕgъ (*neguij*) с вторичным происхождением **bĕg-*; первоначальное значение реконструируется как ‘запятнавшая мужа’. Другие авторы исходят из формы *po-тьрĕ-ga, сравнивая укр. *nominaха* ‘потаскуха; бродяжка’, словен. *poteráča* ‘то же’, *poterénka* ‘то же’, *potépati se* ‘бродяжничать’³¹¹. А. С. Львов пишет, что данному слову с его различными написаниями уделено много внимания, о его составе и значении высказаны самые разные предположения, вплоть до фантастических. Автор отказывается взять отношение по этому вопросу, но все же считает, что оно сравнительно рано подверглось порче, возможно, в результате контаминации со словом *po-ter-ica* или *po-ter-iga* (словен. *poteriga*, укр. *nominaха*, *nominaка* ‘бродяжка’, ‘потаскушка’)³¹². По мнению Львова, в поздних списках церковнославянской литературы подъпъга и поуштенница воспринимались как слова с идентичным значением, автор также

³⁰⁵ СДЯ VII: 418.

³⁰⁶ Срезневский II: 1337.

³⁰⁷ PG 137: coll. 145.

³⁰⁸ ММ 4: 298; Максимович 2005: 141.

³⁰⁹ Miklosich 1886: 260.

³¹⁰ Трубачев 1959: 181–182, 185.

³¹¹ Фасмер III: 299.

³¹² Львов 1966: 215–216, 217.

допускает, что у славян с древних пор могли существовать эти два термина для обозначения понятия ‘разведенная’.

К. А. Максимович указал на то, что слово встречается в древнейших евангелиях, но при этом пытается внушить, что в поздних болгарских списках евангелия XIII в. оно заменяется словом *поущенница*, *отпоущенница*³¹³, что неточно. В классических древнеболгарских рукописях распределение таково: *подъпъга* (Мф. 5:32) – ЗЕ, МЕ; *подъвъга* (Мф. 19:9) – МЕ, АЕ; *потъпъга* – КСб 2b12³¹⁴. Вариант *подъвъга* (Мф. 19:9) встречается и в Ватиканском палимпсесте X в.³¹⁵ Как видно, апракосы предпочитают *подъвъга*, а тетры – *подъпъга*. В виде *подъпъга* слово встретилось дважды (Мф. 5:32; 19:9) и в среднеболгарском тетре XIII в. – *Банишском евангелии* (8а; 36б)³¹⁶; *подъпъга* (Мф. 5:32) читается и в ПНЧ³¹⁷. Такое расхождение весьма примечательно, если учесть, что перевод апракоса относится к периоду до моравской миссии, а перевод тетров – к периоду моравской. В задачи настоящего исследования не входит вопрос об уточнении времени и места перевода славянского тетра, но даже принимая такое распределение, нельзя не заметить, что апракосы дают форму идентичную со ст.-чеш. *podběha*, а тетры – форму отличную от старочешской. В этой связи понятны этимологические потуги К. А. Максимовича³¹⁸ объяснить вторичность *потъпъга* из *потъвъга* в результате прогрессивной ассимиляции по глухости/звонкости после падения редуцированных. Объяснение крайне неудачное, учитывая, что для славянских языков (в особенности для болгарского) в принципе характерна регрессивная ассимиляция³¹⁹, т.е. гораздо более возможен переход *потъвъга* в *подъвъга* (сам Максимович предположил такой переход для чеш. *podběha*)³²⁰, но этого недостаточно, чтобы объяснить формы на -пъга. Более древним, по нашему мнению, является вариант -пъга, поскольку объяснить -въга в -пъга фонетически трудно, переход -пъга в -въга можно объяснить народной этимологизацией; подобное мнение высказывает и В. Ягич: слово *подъпъга* не поддавалось объяснению, поэтому его по народной этимологии стали писать *подъвъга* или *отъвъга*³²¹; трудно сказать, хороша ли гипотеза А. С. Львова о контаминации двух слов, отраженной в орфографии. Сов-

³¹³ Максимович 2005: 141–142.

³¹⁴ SJS III: 220; CC: 491.

³¹⁵ BE: 48, 4, с. 73.

³¹⁶ BE: 89,16; 146,3.

³¹⁷ СДЯ VII: 366. О „русских“ ПНЧ говорить не приходится, см.: Станков 2002а.

³¹⁸ Максимович 2005: 142.

³¹⁹ Объяснение К. А. Максимовича допускает, что, например, в болг. *лодка* следует ожидать произношение [лѳдга] вместо обычного [лѳтка].

³²⁰ Отметим, что В. В. Иванов и В. Н. Топоров предполагали двойное произношение: *potъ-běga и *podъ-běga (Иванов, Топоров 1963: 140; цитировано по: Львов 1966: 216–217).

³²¹ Jagić 1913: 380–381.

ременное чеш. *podběha* ‘проститутка, легкодоступная женщина’ считается устаревшим словом³²². Несколько отличается ситуация в XIX в.: ср. *podběha* ‘žena pro cizoložství propuštěd’, на Моравě *posud* = *nevěstka* (проститутка)³²³, в VII томе (с. 282) Ф. Котт сравнивает *podběha* с *podběhnouti*. Нельзя не заметить, что значение слова „на Мораве“ отличается от значения слова в древних текстах. Отсутствие континуантов в южно- и восточнославянских языках в случае ничего не доказывает, учитывая распределение вариантов по памятникам. Присутствие данного слова в древнеболгарских текстах следует рассматривать как архаизм праславянского периода.

ПРННОСЪ: (51) възлхвоующе-н ходѣщен по обзычю поганьскоу... е лѣтъ да покають по степенемъ оуставьнымъ ·Г· лѣта въ прнпаданнн, а ·В· лѣт вес прнносѣ (Οἱ καταμαντευόμενοι καὶ ταῖς συνηθείαις τῶν ἔθνῶν ἐξαχολουθοῦντες... χωρὶς προσφορᾶς) (НМ)³²⁴; относительно данного примера указано: *spes. de communionē eucharistica*³²⁵. Обычно слово *прнносѣ* означает ‘дар, жертва, приношение’, ‘прибыль, доход’³²⁶. В случае очевидно, что *прнносѣ* является структурной и семантической калькой греч. *προσφορά*: (52) *просфору* во сѣ речеть елньскы прнносѣ, *Богословие* Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха Болгарского³²⁷. На соответствие *προσφορά* и *прнносѣ* указывает и М. Цибранска³²⁸. Не заметив этой детали, К. А. Максимович ссылается на А. С. Львова³²⁹ и на употребление слова в КЛ, но ведь в них слово означает ‘дар, жертва, приношение’, ‘прибыль, доход’, т.е. это употребление нельзя связать со значением слова в (51). Еще более странной выглядит ссылка на слов. *prinōs* ‘sacrificium’ и на сербо-хорв. *prinōs* в целях доказательства моравско-паннонского происхождения этого „термина“, ведь болг. *принос* заимствовано в румынском со значением ‘жертва, жертвоприношение’³³⁰. Исключая (51) и (52), семантика *прнносѣ* довольно прозрачна, и какое-либо из его значений трудно определить специфическим для какого-либо одного славянского языка, как это пытается сделать К. А. Максимович в отношении значения ‘дар, жертва, жертвоприношение’, при том, что, как было отмечено, это значение не может служить доказательством моравского происхождения слова в (51). Однако как раз о (51) и (52) можно сказать, что их семантика специфически древнеболгарская, поскольку речь идет о калькировании греч. *προσφορά*.

³²² SSJČ IV: 166.

³²³ Kott II: 627.

³²⁴ ММ 4: 334; Максимович 2005: 142.

³²⁵ SJS III: 294; у Максимовича – ‘евхаристия, св. Причастие’.

³²⁶ SJS III: 294; СС: 508.

³²⁷ Срезневский II: 1438.

³²⁸ Цибранска-Костова 2000: 100.

³²⁹ Львов 1968: 336.

³³⁰ БЕР IV: 690, *нося*.

СТЪЛАЗЬ ‘монета’: (53) Блѹдѣн чюжю рѣвоу да подѣаеть. л̄. стълазѣ гноу рѣв³³¹; (54) да дасть двѣцн за срамъ лнтроу злата. срѣвѣ о. н. в. стълазѣ³³²; (55) г. стълаза³³³. В *Мериле праведном* вместо стълазѣ читается пѣназь³³⁴. Стълазѣ заимствовано из герм. *skillings*, более древним вариантом считается стълазѣ, перешедший позднее в скълазѣ³³⁵. К. А. Максимович не привел никаких аргументов в пользу моравского происхождения слова в древнеболгарской письменности³³⁶. Стълазѣ оставило следы в польском, украинском, но не в чешском языке³³⁷. Слово пѣназь (*pěnědzь) также является германским заимствованием (*pfenning*)³³⁸, сохранилось в болг. *пенез* ‘мелкая старая монета’, *пéнез*, *пенеш* и др.³³⁹ Если германское заимствование пѣназь оставило следы в болгарском, нет оснований считать стълазѣ моравизмом в ДЯ.

Можно констатировать, что и *вторая* группа лексем в построении К. А. Максимовича не содержит моравизмов. И в данном случае наблюдается переоценивание роли древневерхненемецкого в формировании христианской терминологии славянских языков, весьма заметное порой и у серьезных авторов, которые пренебрегают не только историей болгарского языка, но и языковой ситуацией на Балканах периода Великого переселения народов и до середины IX в.³⁴⁰ Многие палеослависты пренебрегают трудами специалистов, работающих в области балкано-романских языковых контактов, чье значение для истории славянских языков, видимо, недооценивается. К сожалению, и в начале XXI столетия приходится вспоминать знаменитые, произнесенные с горькой усмешкой, слова Эйнштейна о том, что в XX веке легче разбить ядро атома нежели людское предубеждение.

Третью группу исследования К. А. Максимовича³⁴¹ составляет лишь одно слово, которое по идее автора является термином, имеющимся в болгарских диалектах, но не в памятниках.

ОУВАРОВАТИ ‘сберечь, сохранить’: (56) аще лн не възмогла боудеть оуваровати поуцъзинѣ н ско(у)доути потръвнъихъ н оумреть роженое, то да мнла боудеть м(а)ти (εἰ δὲ οὐκ ἠδυνήθη περιστεῖλαι, καὶ δι' ἐρημίαν καὶ ἀπορίαν τῶν ἀναγκαίων διεφθάρη τὸ γεννηθέν, συγγνωστὴ ἡ μήτηρ) (НМ, 336,25–337,1).

³³¹ ЗСЛ (К): гл. 5 (6), 36.

³³² ЗСЛ (К): гл. 8 (10), 37.

³³³ ЗСЛ (К): гл. 19 (21), 38.

³³⁴ ЗСЛ (К): 60, 61, 63.

³³⁵ Фасмер III: 642; IV: 508.

³³⁶ Максимович 2004а: 97; 2005: 143.

³³⁷ Machek 1968: 608.

³³⁸ Фасмер III: 233–234.

³³⁹ БЕР V: 151–152.

³⁴⁰ Гешев 2003: 39.

³⁴¹ Максимович 2005.

Во-первых, К. А. Максимович делает упор на употребление слов *варовати са* ‘беречься; *savege*’, *варовьно* ‘*caute*’, *варовьнзын* ‘*cautus*’ только в древнейших „западных“ памятниках – *Беседах* Григория Великого и *Житии* св. Бенедикта³⁴².

Во-вторых, К. А. Максимович цитирует мнение болгарского этимологического словаря³⁴³, что слово *варам* ‘беречь’ проникло в болгарские диалекты из сербского языка, а „его поздний и вторичный характер в болгарском доказывается не только полным отсутствием в древних памятниках и семантическими инновациями, но и неразвитостью системы дериватов“³⁴⁴.

Первое утверждение Максимовича не отвечает действительности, И. И. Срезневский приводит *варовати* ‘сохранить, защитить’ из Толковой Псалтири XII в. (48:12) и *варовати са* ‘*savege*, беречься’ из Златоструя XII в.: (57) Тамо (на небе) *варовуѣтъ дѣла*; (58) *Варовуѣще са н блюдоуѣще свою жнзнь проваднмъ*³⁴⁵. И. И. Срезневский включил и слово *варъ* ‘стороженье’, но без указания текста³⁴⁶.

Более того, К. А. Максимович ссылается и на *Lexicon* Ф. Миклошича³⁴⁷, но проходит мимо *варовати са* того же источника³⁴⁸, где очерчен довольно широкий ареал употребления однокоренных слов: болгарский, сербский, хорватский и даже венгерский, на что справедливо обратила внимание М. Цибранска³⁴⁹; к тому же Миклошич указывает и на валашско-болгарские грамоты. Фиксация слова в старочешском, на которую делает ставку Максимович, особого значения не имеет, так как слово, очевидно, было известно ДЯ.

Второе утверждение К. А. Максимовича связано с происхождением данного слова. Этимология славянских слов с корнем *вар-* заслуживает специального внимания. Й. Заимов считает, что болг. *варам*, *варвам* проникли в болгарский из сербского (*varati*, *varovati*), а последние восходят к нем. *wahren*³⁵⁰; при этом автор сослался на книгу Е. Шнеевейса³⁵¹. Сам Е. Шнеевейс отмечает, что сербские и хорватские глаголы *varati*, *varovati*, *vardati* восходят к нем. *wahren* (с.-в.-н. *warn*, д.-в.-н. *bewarōn*, д.-в.-н. *wara*). При этом Шнеевейс указывает на источники XV в., фиксирующие сербские

³⁴² Максимович 2005: 144; Miklosich: 1032; SJS I: 166; IV: 588–589.

³⁴³ БЕР I: 119.

³⁴⁴ Максимович 2005: 144.

³⁴⁵ Срезневский I: 229.

³⁴⁶ Срезневский I: 230.

³⁴⁷ Miklosich: 1032.

³⁴⁸ Miklosich: 56.

³⁴⁹ Цибранска-Костова 2000: 63.

³⁵⁰ БЕР I: 119.

³⁵¹ Schneeweis 1960: 123.

и хорватские глаголы; т.е. для автора эти формы возникли поздно; более ранние славянские источники, цитированные выше, ему, видимо, были неизвестны. Далее в работе Е. Шнеевейса указано, что серб. и хорв. *vardati* связано с итал. *guardia*, которое от д.-в.-н. *warten*.

Серб. и хорв. *vardati* этимологически связано с такими болг. словами: *várda*¹ междом. ‘берегись’, *várda*² ‘стража’, *várďa* ‘стеречь’. *Várda*¹ возводится к греч. βάρδα < итал. венец. *varda* ‘смотри, берегись’ (морская команда); *várda*² – к греч. βάρδια ‘стража, караул’ < итал. *vardia* < нем. *warda*; *várďa* – к серб. и хорв. *vardati*, *vardam* от итал. *guardare*³⁵². Л. Ванков считает, что славянские слова с корнем *vard-*, *vard-*, известные также греческому и турецкому языкам, восходят не прямо к немецкому, а распространились в балканских языках через посредство итальянского (точнее, через венецианский диалект³⁵³. Можно согласиться с мнением Л. Ванкова, что болг. *várda*¹ и *várda*² восходят к итальянскому через посредство греческого. Мнение Й. Заимова, что глагол *várďa* заимствован из сербского, неприемлемо ввиду мягкости глагольной основы, заканчивающейся на -*ǎ*³⁵⁴. *Várďa* попадает в группу современного болгарского II спряжения на -*и*- (2 л. ед. наст. *вардиши*), а исторически соотносимо с древнеболгарским IV спряжением – *ходнши*, *внднши* (*ходнѣти*, *вндѣти*). Глаголы типа *ходнѣти*, *вндѣти* в 1 л. ед. наст. депалатализировались, т.е. потеряли группу *жд*, из *dj; при этом мягкость согласного *д* сохранилась в восточноболгарских говорах (литературные формы *хóďa* [хóď’ъ], *вúďa* [вúď’ъ]), а в западноболгарских – *хóďa* [хóďъ], *вúďa* [вúďъ]; при этом в западноболгарских говорах возможны и формы по III спряжению, возникшему из древнеболгарского атематического спряжения, – *ходим*, *ходам*, *видим*, *видам*. Процесс депалатализации с утратой мягкости *д* отмечен еще в XIII в. в Добрейшовом евангелии (*въсходѣ*, *прнходѣ* 1 л. ед. наст.)³⁵⁵. Если бы *várďa* заимствовано из сербского языка, как полагает Й. Заимов, то следовало бы ожидать твердое окончание основы глагола и наличие (наряду с *вардим* 1 л. ед. наст.) формы *вардам*; формы *вардим* (запад) и *варďa* (восток) показывают распространение на всей территории Болгарии. Скорее всего глагольная форма *várďa* является поздним самостоятельным образованием в болгарском языке от заимствованных *várda*¹ и *várda*². Об этом свидетельствует и наличие производных: *вардач*, *вардар*³⁵⁶,

³⁵² БЕР I: 119–120.

³⁵³ Ванков 1959: 231–232.

³⁵⁴ Эту мягкость отражают не все словари: Геров I: 107, *вардѣ*, однако у Герова это касается и других глаголов: ср. *пазѣ* при современной орфографии *пазя*.

³⁵⁵ Мирчев 1978: 209.

³⁵⁶ Твердость глагольной основы в словах *вардач*, *вардар* зависит от суффиксов со значением лица -*ач*, -*ар*.

завардя, завардвам, извардя, извардвам, овардя, овардвам, увардя, увардвам. Более особое место занимает *вардиянин*³⁵⁷, *варди́анин*, *варди́янин*³⁵⁸, определяемое, обычно, как простонародное слово. Большинство слов с формантом *-ѣн-инъ*, *-jan-inъ*, отличающемся большой продуктивностью в славянских языках, оттопонимические и этнонимические названия. В некоторых случаях слова, образованные по этой модели могут указывать не на территориальное происхождение или принадлежность к месту, а на связи с сословием, группой людей, предприятием, занятием, характерным действием (последний тип соотносим с глаголами)³⁵⁹. Семантика слова *вардиянин* на стыке занятия и действия ('человек, который охраняет кого-нибудь, что-нибудь'), т.е. его можно соотнести с греч. *βάρδια* 'стража, караул' или с глаголом *в́ардя* со словообразовательным продлением основы.

Выяснив этимологию слов с корнем *вард-*, вернемся к рассматриваемому слову с корнем *вар-*. К. А. Максимович, упоминая этимологию слов с корнем *вар-*, сослался на П. Скока, обходя, однако, стороной некоторые очень существенные детали.

Прежде всего, П. Скок рассматривает глагольные производные от *var* 'внимание, осторожность, осмотрительность' (XVI в.). Корень встречается во всех славянских (за исключением восточнославянских) языках. Учитывая такое распространение, П. Скок относит *var* со знаком вопроса к праславянскому от франкского *waron* 'aufmerken, beachten'³⁶⁰. Употребление слов с корнем *вар-*, как показано выше, в древнейших славянских письменных памятниках делает гипотезу П. Скока весьма вероятной.

Само слово *вар*, известно болгарскому языку в сложении *воловар* 'пастух, пасущий и стерегущий волов' и в ряде производных от последнего: *воловарка*, *воловарче*, *воловарски*, *воловарицина*, *воловарница*, *воловарник*, *воловарище*. Й. Заимов включил *воловар* в группу производных от *вол*, полагая, видимо, что слово образовано посредством суффикса деятеля *-ар*³⁶¹. Та же самая ошибка допущена и в работе М. Тетовской-Троевой, несмотря на то, что сама автор отметила присоединение суффикса *-ар* к именным и глагольным основам³⁶²; ср. *говед-ар* (< *говед-о*), *гъб-ар* (< *гъб-а*), *коз-ар* (< *коз-а*), *крав-ар* (< *крав-а*), *овч-ар* (< *овц-а*), *каруц-ар* (< *каруц-а*), *хлеб-ар* (< *хляб*); *бръсн-ар* (< *бръсн-а*), *зид-ар* (< *зид-ам*), *ле-яр* (< *ле-я*), *пекар* (< *пек-а*), *печат-ар* (< *печат-ам*), *пъд-ар* (< *пъд-я*). Следуя логике Й. Заимова и М. Тетовской-Троевой, пришлось бы заключить, что суффикс *-ар*

³⁵⁷ БЕР I: 120.

³⁵⁸ Тетовска-Троева 1988: 113.

³⁵⁹ Трубачев 1982: 12.

³⁶⁰ Skok III: 565–566.

³⁶¹ БЕР I: 174.

³⁶² Тетовска-Троева 1988: 86.

в болг. *воловар* присоединился не к корневой именной основе, а к основе, восходящей к форме род. мн. (*волово-*). Такое мнение, как ни странно, высказал С. Б. Бернштейн, который при этом правильно указал на то, что суффикс примыкает непосредственно к корню основы: „Примеры типа *volovar’ь* свидетельствуют, что суффикс *-ar’ь* мог следовать и после основообразующего элемента (ср. *volou-ar’ь*). Данная структура до сих пор хорошо представлена в болгарском и македонском языках (ср. *воловар*, ...). Иначе в словенском (*volár*), в сербохорватском (*vòlār*)“³⁶³.

Может быть мнение С. Б. Бернштейна основано на работе Е. А. Захаревич, где сказано, что производящая основа *волово-* – результат чередования в основах на **й-*³⁶⁴. Нельзя не заметить, однако, что слово *воловар* оказалось единственным примером данного „типа“, другого такого слова нет и в обратном словаре болгарского языка³⁶⁵. Иными словами, у нас достаточно веских оснований считать это мнение ошибочным, потому что существование такой словообразовательной модели другими примерами не подтверждается. Тем не менее преодолеть данное ошибочное мнение будет, наверное, нелегко, поскольку большинство авторов упорно продолжает считать, что *воловар* является суффиксальным образованием с суффиксом *-ar*³⁶⁶. С точки зрения словообразования естественной является форма *вол-ар*. Семантика этого слова в сербском и хорватском языках, совпадает с семантикой болг. *воловар*³⁶⁷. Этим языкам известно и слово *волòвар*³⁶⁸, которое, судя по данным словарей, менее употребительно, чем *вòлар*. Болг. *воловар* является сложением от *вол* и *вар* с соединительным гласным *о*, на что, кстати, указывал еще И. И. Срезневский³⁶⁹. К тому же это не единственное сложение с первым компонентом *вол-* в болгарском языке: *волово̀дица* ‘период течки у коровы’, *волово̀дец* ‘растение’³⁷⁰. На древность этой модели указывает и среднеболгарское *воложерный* ‘голодный, нуждающийся’ (ἡ βούβρωστις) в болгарском переводе *Хроники* Константина Манассии³⁷¹; ср. также *вологлават* (βουχέφαλος)³⁷².

Во время дискуссии на симпозиуме в 2007 г. была высказана мысль, что *воловар* пример неоднозначный, так как *о* может быть звуком, появляющимся перед **и-*основой (долгой и краткой); в качестве примеров были

³⁶³ Бернштейн 1974: 219.

³⁶⁴ Захаревич 1959: 133, примеч. 42.

³⁶⁵ ОРСБЕ: 507.

³⁶⁶ СРСБКЕ: 66; на с. 5 указано, что словник не включает сложных слов.

³⁶⁷ РСКНЈ II: 769; РСКЈ I: 414.

³⁶⁸ РСКНЈ II: 772.

³⁶⁹ Срезневский I: 229; *вароватн*.

³⁷⁰ БЕР I: 174.

³⁷¹ ХКМ: 170, 276.

³⁷² Дювернуа I: 265.

приведены половнна и воукварь (< *bukъц-ar'ъ*). Сразу видно, что воукварь некорретный пример, так как *ъ* не перешел в *о*. Более уместно было бы назвать слово азвоуквоыннкъ, но ни половнна, ни азвоуквоыннкъ имеют отношения к суффиксу *-ar'ъ*. К тому же в *О писменех* Черноризца Храбра зафиксировано слово воукварь 'книжник', лишний раз свидетельствующее, что суффикс *-ar'ъ* присоединяется к корневой основе (именной или глагольной): (59) *лице лн възпрѣншии словѣнскыа воуквара, гла кто вы писмена створиша ѣсть л. 104об, список 1348 г.*³⁷³; встречаются еще варианты: воукварѣа (1 раз), воукваре, вкваре, вкварѣа (1 раз); с XVI в. появляется и изменение падежного окончания: словѣнскѣи воукварей (вжкварей, воукварен, вкварей); списки XVII в. дают в основном форму род. мн. в значении вин. Форма воукварь более поздняя, так как именно за ней закрепилось новое окончание вин. падежа. За этой формой закрепилось и предметное значение: (60) *Три книги букварей, на польскомъ языкѣ*, текст 1680 г.³⁷⁴ Следует специально подчеркнуть, что и в воукварь, и в воукварь суффикс *-ar'ъ* присоединяется к корневой именной основе, в первом случае – воук-, во втором – воукв-; последнее связано с переразложением основы после утраты формы воукъи и установления формы воуква в качестве исходной (то же самое относится и к болг. *тикв-ар* после утраты старой формы *тъкъи*). Поэтому авторы SJS некорректно поставили на первое место вторичную форму воукварь³⁷⁵. Слова *волар* и *воукварь* показывают, что суффикс *-ar'ъ* присоединяется только к корневой основе. В слове *воловар*, *в* перед конечным сочетанием *-ар* не может принадлежать основе, восходящей к форме род. мн. слова *вол*. Если принять фонетическое объяснение формы *воловар*, то получится, что серб. *волар* и болг. *воловар* – фонетические варианты одного слова, с чем, очевидно, нельзя согласиться. Впоследствии автор указанного фонетического объяснения формы *воловар* отказалась от него, так как, по ее мнению, *ъ* в словах старого *й-склонения не может выясниться в *о* перед слогом с *а*. (Заметим вскользь, что такое выяснение зафиксировано в болгарских говорах; ср. диал. *бъчева*, *бачова*, *бъчова* 'бочка' при литературном *бъчва*; от *бъчова* имеется позднее производное с турецким суффиксом *-лък* *бъчоварлък* 'бондарное ремесло'³⁷⁶, предполагающее промежуточную форму *бъчовар* 'бондарь', в которой *-ар* присоединяется к именной основе *бъчов-*, также как и в литературном варианте *бъчв-ар*.) Взамен фонетического объяснения было предложено морфологическое: *-ов-* – формант *-ои* *й-основ. Принято считать, что формант *-ов-* восходит к старым *й-основам и используется для образования при-

³⁷³ Куев 1967: 190.

³⁷⁴ СлРЯ 1: 351.

³⁷⁵ SJS I: 148.

³⁷⁶ БЕР I: 105.

лагательных со значением принадлежности или ‘относящийся к тому, что названо мотивирующим словом’³⁷⁷, хотя в более ранней своей работе Мейе высказал мнение, что отыменной формант *-ovъ* (**medovъ* < **medъ*) является специализацией старого форманта, представленного в отместоименных и отадъективных образованиях типа *istovъ*, *surovъ*, *takovъ*³⁷⁸. Так или иначе, но суффикс *-ar’ъ* присоединяется только к отыменным и отглагольным, но не к отадъективным основам³⁷⁹. Поэтому от существительного старых **й-основ* **medъ* односложное имя деятеля формируется в виде **medarъ*³⁸⁰, но не в виде **medovarъ* (в сербском и хорватском зафиксировано *medovar* ‘медовар’, но это уже именное сложение на базе глагольного словосочетания **medъ variti*³⁸¹). Ясно, что *воловар* сложное слово.

Высказывая мнение, что болг. *váram*, *várвам* заимствовано из сербского языка, Й. Заимов просто сослался на книгу Е. Шнеевейса, который допустил, на наш взгляд, методологическую ошибку, изучая проблему германских заимствований в сербском и хорватском языках изолированно от остальных южнославянских языков. Следуя такому подходу, вслед за Заимовым и Шнеевейсом, можно сделать допущение, что глаголы в чешском и словацком языках заимствованы из сербского и хорватского. На самом деле древний глагол *варовати* в современном болгарском перешел в разряд III спряжения (*váram*, *várвам*); ср., например, *káram* ‘гнать, погонять; вынуждать’, в словообразовательном гнезде которого можно встретить такие формы как *прекарувам* (*се*), *прикарувам*, *скарувам*³⁸² (формы с суффиксом *-ув-* в болгарском восходят к более древним с суффиксом *-ов-*). Короче говоря, древние глаголы *варовати*, *оуваровати* нельзя признать моравизмами.

БОЛЬ (м. р.) ‘больной’: (61) ѡко достонть волемиъ приемолюцимиъ просвъщенне и потомъ нцѣлѣвъшиимъ нзочнѣти сѧ върѣ (“Οτι δεῖ τοὺς ἐν νόσῳ παραλαμβάνοντας τὸ φῶτισμα καὶ εἶτα ἀναστάντας ἐκμαθάνειν τὴν πίστιν”) (НМ, 323,14–17).

Данное слово образует самостоятельную (четвертую) группу в исследовании К. А. Максимовича под названием „паннонизмы“. В комментариях к этому слову отмечено, что „термин“ хорошо документирован древнеболгарскими памятниками, возникшими в рамках Преславской (восточноболгарской) книжной школы; слово вообще достаточно широко распространено в древних славянских рукописях³⁸³. Специально подчеркнута, что отсут-

³⁷⁷ Мейе 1951: 275; Brodowska-Honowska 1960: 26–29; Граматика 1991: 219–220.

³⁷⁸ Meillet II: 369.

³⁷⁹ SP 2: 21–23.

³⁸⁰ ЭССЯ 18: 43; БЕР III: 707–708.

³⁸¹ ЭССЯ 18: 56.

³⁸² БЕР II: 235–236.

³⁸³ СС: 98–99; СтБР I: 109–110; Срезневский I: 146.

ствует надежная фиксация в западноболгарской (охридской) книжности, западноболгарских диалектах и македонском языке³⁸⁴. Исходя из интерпретации О. Н. Трубачева, К. А. Максимович считает, что архаичная форма ж. р. сохранилась в южнославянских языках (болгарском, македонском, западносербских диалектах) и в русском; в западнославянских же языках произошло почти повсеместное более позднее обобщение формы м. р., которое проходило параллельно с переходом в значение ‘больной’; обобщение формы м. р. произошло также в хорватском и частично в словенском (м. р. *glavobol’* ‘головная боль’)³⁸⁵.

Далее следует изумительная по своему остроумию лингвогеографическая гипотеза о праславянском **bol’ь* м. р. ‘больной’, демонстрирующая компетентность и знания своего автора в области славянских языков³⁸⁶. Прежде чем вкратце изложить эту гипотезу, необходимо специально отметить, что (со ссылкой на словари³⁸⁷) К. А. Максимович утверждает, что значение ‘больной человек’ отмечено только в двух периферийных болгарских диалектах: *банатском* (сев.-болг.) (sic!) и *странджанском* (Бургас, вост.-болг.)³⁸⁸.

Гипотеза Максимовича изобилует серией неточных и неверных утверждений: 1) **bol’ь* м. р. ‘больной’ представлено в болгарском ареале только в восточнoболгарских (преславских) памятниках и только в двух периферийных диалектах – *банатском* (север) (sic!) и *бургасском* (восток); 2) производящее **bol’ь* м. р. не является общеполгарским, так как известно только в *банатском* (sic!) диалекте; 3) **bol’ь* м. р. ‘больной’ занимает в основном западнославянский ареал; 4) в болгарском языке сложилась ‘парадоксальная’ ситуация – на диалектной периферии, консервирующей, обычно, древние формы, сохранился не архаизм **bol’ь* ж. р. ‘боль’, а сохранилась инновация **bol’ь* м. р. ‘больной’; 5) сохранение в болгарских и русских (периферийных) диалектах праславянской инновации **bol’ь* м. р. ‘больной’ лучше объяснять языковыми контактами, но не внутренним развитием: т.е. **bol’ь* м. р. ‘больной’ в болгарском могло сохраниться, если данная инновация произошла вне болгарской территории, – ‘в результате неких этнических перемещений новообразование **bol’ь* м. р. ‘больной’ попало на север и восток Болгарии’³⁸⁹.

Затем К. А. Максимович протянул условную линию между бургасской, преславской и банатской областей, продолжил ее на Запад и через терри-

³⁸⁴ Максимович 2005: 145.

³⁸⁵ Максимович 2005: 145–146.

³⁸⁶ Максимович 2005: 146–148.

³⁸⁷ БЕР I: 64; ЭССЯ 2: 191–192.

³⁸⁸ Максимович 2005: 144–145.

³⁸⁹ Максимович 2005: 146–147.

торию Восточной Сербии довел ее до территории Паннонии (населенной славянами в VIII–IX вв.). В результате „термин“ **bol'ь* м. р. ‘больной’ лег на условной линии, соединяющей Паннонию и Восточную Болгарию.

Продолжать дальше нет смысла. В заключение сказано, что „термин *боль* в значении ‘больной’ нельзя считать болгаризмом [имеется в виду древнерусская письменная традиция, – Р.С.], хотя он и встречается в периферийных болгарских диалектах“; „термин“ – определен как „паннонизм“³⁹⁰.

Прежде всего, уточним некоторые детали. В указанной гипотезе несколько раз сделан упор на сохранение **bol'ь* ‘больной’ в банатском диалекте со ссылкой на словари. Оба цитированных словаря, однако, указывают на город Банско³⁹¹. Банско – зимний курортный город, расположенный в юго-западной Болгарии (точнее, в Пиринской Македонии) и входит в совсем другую диалектную зону болгарской языковой территории, а именно, – в юго-западную. Уже один этот факт со всей очевидностью рушит карточное построение К. А. Максимовича. Неверно утверждение 1), что *воль* ‘больной’ отмечено только в преславских древнеболгарских памятниках, так как СЕ (где слово фиксировано 8 раз против двух употреблений в СР) не входит в группу восточноболгарских рукописей: авторы, работавшие над преславской редакцией богослужебных книг, не включают его в эту группу³⁹². Неверно также утверждение 2), что **bol'ь* не является общепаннонским: ср. *боль* и *боль* м. ‘больной, больная’, ‘боль’³⁹³, которое встречается и в творчестве отдельных болгарских авторов конца XIX – начала XX в.³⁹⁴; ср. также такие сложные слова, как *главобол* м. р. ‘головная боль’, *гърлобол* м. р. ‘боль в горле’, *зъбобол* м. р. ‘зубная боль’, *очебол* м. р. ‘глазная боль’³⁹⁵, *сърцебол* м. р. ‘боль в сердце’; диал. *ръкобол* м. р. ‘сверхурочное жалованье’³⁹⁶.

Вернемся к О. Н. Трубачеву, чью гипотезу К. А. Максимович несколько искажил: „Первонач. функция сущ-ного **bol'ь* – имя действия; функция названия лица, персонификация (‘боль’ → ‘больной человек’) вторична, и ее появлению сопутствовал, видимо, переход из категории ж. р. в м. р. Наиболее первоначально поэтому состояние, представленное в ю.-слав. (ср. выше

³⁹⁰ Максимович 2005: 148.

³⁹¹ См. также: Добрев 1987: 70; Мъжлекова 1990: 35.

³⁹² Славова 1985: 161–173.

³⁹³ Геров I: 62.

³⁹⁴ Мъжлекова 1990: 35.

³⁹⁵ Данное слово возводится О. Н. Трубачевым к праславянскому периоду: **oĉebolъ* (ЭССЯ 32: 11–12). Слово представлено только болгарским материалом. Это означает, что древнерусские рукописи, в которых оно (*очеволь*, *очньоль*) встречается, содержат тексты, возникшие в Болгарии (Срезневский III: 844; СлРЯ 14: 94).

³⁹⁶ БЕР I: 64.

болг. диал. примеры³⁹⁷). Более позднее состояние наблюдается в зап.-слав., где почти повсеместно обобщен м. р.; исключения – чеш. диал. и серболуж. формы ж. р. В свете изложенного вполне возможно, что преобладание форм м. р. в укр. и блр. – результат зап.-слав. (польск.) влияния³⁹⁸.

Видно, что переход из категории ж. р. в м. р. начался в южнославянских языках в праславянскую эпоху, что в какой-то степени имеет отношение к таким словам, как *приаънъ* м. р. ‘друг’ и *неприяънъ* ‘недруг, враг; дьявол’³⁹⁹. Более того, обобщение формы м. р. почти завершено в болгарском языке, о чем свидетельствуют приведенные выше данные; от более древней формы ж. р. **bol’ь* появилось суффиксальное образование тоже ж. р. *болка* ‘боль’. О каких бы то ни было этнических перемещениях, приведших к „сохранению“ слова **bol’ь* м. р. в болгарском языке, и речи быть не может. Болъ ‘больной’ в НМ не может быть „паннонизмом“, его присутствие в древнерусских рукописях указывает на прямую связь именно с древнеболгарской, а не с какой-нибудь иной письменной традицией (см. хотя бы тексты в словаре И. И. Срезневского⁴⁰⁰).

В словаре И. И. Срезневского есть такой пример из Псалтири XIV в.: (62) *Въ волаѡхъ нашнѡхъ не оставн насѡ.* К. А. Максимович правильно заметил, что *въ волаѡхъ* предполагает исходную форму ж. р. *вола* ‘боль’, но в то же время, со ссылкой на другие работы по истории русского языка⁴⁰¹, не исключает и форму ж. (м.) р. *воль* ввиду перехода именных основ в **а*-склонение в русских памятниках со второй половины XIII в.⁴⁰² Речь идет об унификации флексий в дат., местн. и тв. падежах по **а*-склонению. Примеры А. И. Соболевского⁴⁰³ в том же направлении, но автор приводит слова **о*-, **jo*-склонения; это относится и к другим работам по истории русского языка, цитированным К. А. Максимовичем. Слово *воль* ж. или м. р., однако, слово **ї*-склонения, а судьба слов этого склонения в русском и болгарском не совпадает. Как указывает Г. А. Хабургаев, слова ж. р. типа *кость*, *крепость* не принимали участия в процессе унификации флексий дат. и местн. падежей

³⁹⁷ Среди которых есть и формы ж. р. **bol’ь* ‘боль’, отмеченные как „македонские“ в словаре.

³⁹⁸ ЭССЯ 2: 192.

³⁹⁹ Станков 2006в. В этой работе (с. 77) были высказаны сомнения относительно персонификации значения ‘друг’ у слова *прияънъ*. Такая персонификация могла иметь место, но она должна быть очень древней ввиду отсутствия следов перехода из категории ж. р. в м. р. (**prijazn’ь* ж. ‘приятель’ → **prijazn’ь* м. ‘приятель’ → ‘друг’), как у слова **bol’ь*.

⁴⁰⁰ Срезневский I: 146.

⁴⁰¹ Соболевский 1907: 222; Борковский, Кузнецов 1963: 196; Иорданиди, Крысько 2000: 244.

⁴⁰² Максимович 2005: 148.

⁴⁰³ К. А. Максимович указывает на работу А. И. Соболевского от 1884 г., на самом деле – ссылка на *Лекции по истории русского языка* (Соболевский 1907).

вплоть до нового времени; до XVII в., по существу, такие слова не зафиксированы с *-ям* и *-ях* в дат. и местн.; к тому же в современных периферийных русских говорах (запад и юго-запад от Москвы) продолжают удерживаться окончания *-ём*, *-ёх*, отражающие древние окончания *ī-основ: *-ьмь* > *-ем* > *-[ʰo]м*, *-ьхъ* > *-еχ* > *-[ʰo]х*⁴⁰⁴. Об этом писали и В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, на чью работу сослался К. А. Максимович: „В говорах (в частности южно-великорусских, именно – на западе их, а также в некоторых белорусских и украинских) представлены формы дат. и местн. (предл.) п. с окончанием *-ом*, *-ох*, восходящие к формам старого склонения с основой на *-ī* (*o* < *e* < *ь* перед твердыми согласными в сильном положении), например: *лошадём*, *гостём*, *костём*; на *лошадёх*, в *гостёх*, в *санёх*“⁴⁰⁵.

В болгарском языке слова ж. р. *ī-основ изменили свои окончания им. падежа под влиянием *a-основ: некоторые посредством суффикса *-ьк-а* (*мъшь* – *мишка*, *воль* – *болка*, *въшь* – *вѣшка*); в некоторых юго-западных говорах древнее окончание перешло в *-а*: *пѣсна* (пѣсьнь), *мисла* (мѣсль)⁴⁰⁶, *бол'а*, *боль* (воль)⁴⁰⁷. К. Мирчев приводит форму *хѣтростамн* из Копитаровской триоди⁴⁰⁸. В свете сказанного *въ воляхъ* в (62) отражает болгарскую форму ж. р. *воля*.

Группа гапаксов начинается словом **ВЪЗДЪШЕННІЕ**: (63) о *сзгрѣшающихъ въ различныхъ грѣсѣхъ и претърпаще въ мѣтвѣ исповѣданнѣ и покаяннѣ и въздъшениѣ*⁴⁰⁹ отъ *злѣ* свршено твораче по *сзгрѣшеннѣ* време *покаяннѣ* (Περὶ τοῦ τοὺς ἑξαμαρτάνοντας ἐν διαφόροις πταίσμασι, καὶ προσκαρτεροῦντας τῇ προσευχῇ τῆς ἐξομολογήσεως καὶ μετανοίας, καὶ τὴν ἀποστροφὴν τῶν κακῶν τελείαν ποιουμένων) (НМ, 331,2–6).

Данное слово является гапаксом, встречающееся во втором правиле Лаодикийского собора, которое гласит: „Впадающих в различные согрешения, и пребывающих в молитве, исповедании и покаянии, и от злых дел совершенно обращающихся, после того как по мере согрешения дано им время покаяния ради милосердия и благодати Божией, вводите в общение“⁴⁰. Й. Вашица пытался связать его с чеш. *zdešeníje* exřigemen ‘искупление, избавление’⁴¹⁰. К. А. Максимович высказался за локальный мораво-паннонский окказионализм. и определил значение слова как ‘отвращение’ в соответствии с греч. ἀποστροφή⁴¹¹, что сомнительно, поскольку греч. слово по

⁴⁰⁴ Горшкова, Хабургаев 1981: 194–195; см. также с. 198 о тв. падеже.

⁴⁰⁵ Борковский, Кузнецов 1963: 197.

⁴⁰⁶ Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 100; Харалампиев 2001: 98.

⁴⁰⁷ ЭССЯ 2: 192; Мъжлекова 1990: 35.

⁴⁰⁸ Мирчев 1978: 171.

⁴⁰⁹ Соггeximus e соггupto о въздъшении U, н въздъшениа J; примеч. Й. Вашицы; U – Устюжская кормчая; J – Иоасафовская кормчая.

⁴¹⁰ Vašica 1971b: 224, примеч. 72 (ММ 4).

⁴¹¹ Максимович 2005: 149.

своей структуре и семантике не покрывается с *vъздъшениѣ*. М. Цибранска, сравнивая девербатив с могивирующим глаголом *vъздъшѣнѣти* ‘вдохнуть’ (в переносном смысле ‘освободиться от чего-нибудь’), толкует *vъздъшениѣ* в смысле ‘уклонение, отказ (от зла)’⁴¹². Автор считает, что в данном случае речь идет о персональном переводческом решении Мефодия. Необходимо все же отметить, что слово образовано с префиксом *vъз-* (в чешском – *vz-*, *vze-*, *z-*). Слово *zdešeníje*, на которое указывает Й. Вашица, судя по его семантике, могло восходить и к словообразовательной модели с *iz-* (в чешском довольно часто *z-*; при этом *z-* в чешском переплетается и с префиксом *sz-*)⁴¹³. Ввиду недостатка данных высказывать определенное мнение о *vъздъшениѣ* затруднительно. Толкование М. Цибранской приемлемо, но не удовлетворяет полностью, так как не покрывается в смысловом отношении с греческим текстом; в этом плане является ли слово *vъздъшениѣ* переводческим решением Мефодия остается в сфере догадок. В конце концов, речь может идти и о простой порче текста; на эту мысль наводит чтение о *vъздъшениѣ* в Устюжской кормчей, напоминающее заголовок.

НСТННА: (64) аще которзиѣ клерикъ ли людинъ от стъна църкве възмелеть ли свѣщю, ли масло, да отлоуѣнтъ и патерницею да възвратнтъ съ нетнною (Εἰ τις κληρικὸς ἢ λαϊκὸς ἀπὸ τῆς ἀγίας ἐκκλησίας ἀφέληται κηρὸν ἢ ἔλαιον, ἀφοριζέσθω, καὶ τὸ ἐπίπεμπτον προστιθέτω, μεθ’ οὗ ἔλαβεν) (НМ, 349,19–350,4). Слово читается в 72 правиле святых апостолов, которое гласит: „Аще кто из причта, или мирянин, из святыя церкви похитит воск, или елей: да будет отлучен от общения церковного, и пятерицею да приложит к тому, что взял“.

В этом правиле упоминается особо о присвоении воска и елей кем-либо из церкви. Еще во времена Апостолов воск и елей употреблялись для освещения мест, в которых совершалось богослужение (Деян. 20:7, 8). Воск и елей приносились как дар церкви, при этом они становились не только ее собственностью, но и священным предметом уже потому, что были принесены в церковь. Совершивший кражу, строго наказывается отлучением от церковного общения, причем обязан вернуть присвоенное в пятикратном размере.

Й. Вашица толкует *нетнна* в специальном юридическом значении ‘вещь, удостоверяющая истинность чего-либо – предмет спора; corpus delicti’⁴¹⁴. Впоследствии, как считает К. А. Максимович, в чешском языке развилось значение ‘первоначальный капитал, сумма без учета процентов’⁴¹⁵. На осно-

⁴¹² Цибранска-Костова 2000: 50–51.

⁴¹³ Ляпунов 1929: 754–765.

⁴¹⁴ Vašica 1971b: 225–226 и примеч. 76 (ММ 4); Максимович 2005: 149.

⁴¹⁵ Максимович 2005: 149 – со ссылкой на: Kott VI, 527.

вании этого К. А. Максимович заключает, что серб. и хорв. *истина*, польск. *iścizna* ‘капитал, деньги’ и др.-рус. и ст.-рус. *нѣтна* с близкими значениями заимствованы из чешского языка⁴¹⁶. Заметим, что среди древнерусских текстов, в которых встречается *нѣтна* в подобном значении, оказался и *Лобковский пролог* XIII в.⁴¹⁷ Это не единственный текст, где встречается это слово. П. Олтяну приводит пример, идентичный примеру в НМ из рукописи № 661 Библиотеки Румынской Академии: **(65)** *аще кто възметъ отъ цркве свѣщѣхъ или нѣно что, да отвѣтитъ ся отъ црквы и паторницеж да отвратитъ съ нѣтныжъ л. 318*⁴¹⁸. М. Цибранска приводит еще два примера из сербских рукописях. Первый из них указан еще В. Ягичем: **(66)** *петорницею да платитъ съ нѣтнюю*. Второй – из Требника XV в. (№ 962 НБКМ⁴¹⁹): **(67)** *да отвѣтитъ се н вторницею да възвратитъ с нѣтнюю*⁴²⁰.

В подобном значении (‘основной капитал’) слово известно и в словенском языке⁴²¹. Широкое распространение „денежного“ значения слова *jьstina в славянском языковом ареале ставит под сомнение влияние чешского языка. К тому же есть сомнения, можно ли толковать *нѣтна* в **(64)**, **(65)**, **(66)**, **(67)** в том плане, в котором это делает Й. Вашица, а вслед за ним и К. А. Максимович, определивший значение слова как (‘спорное) имущество’⁴²².

Толкование Вашицы и Максимовича указывает на денотат, оно не является чисто языковой семантизацией. Можно привести мысли В. О. Ключевского по поводу происхождения слова *истец*: „Тяжущиеся носили название *истцов*; истцы – это обе стороны, между которыми идет тяжба. Это слово, всего вероятнее надо производить не от „искать“, а от древнерусского „исто“. „Исто“ – любопытное слово в истории нашего языка; я не умею объяснить этимологически происхождение значения этого слова, с каким оно является, например, в Святославовом сборнике XI в.: „исто“ – во множ. „истеса“ – почки, а также *testicula*, потом „исто“ – капитал, позже – истина; отсюда *истовый*, или *истинный* – настоящий, коренной капитал; „да увемы *истовааго бога*“ – в Святославовом сборнике 1073 г.; „Дух истинный“ (τὸ πνεῦμα τῆς ἀληθείας) – „Дух истовый“. Итак, „исто“ – капитал, *истец* – владелец капитала, а потом – человек имеющий притязание на известный капитал, следовательно, как тот, кто отстаивает капитал, подвергшийся спору со стороны, так и тот, кто ищет этого капитала; отсюда выражение „обой

⁴¹⁶ Максимович 2005: 149–150.

⁴¹⁷ СДЯ IV: 172.

⁴¹⁸ Олтяну 1991: 24.

⁴¹⁹ Народна библиотека „Св. Кирил и Методий“, София.

⁴²⁰ Цибранска-Костова 2000: 104–105.

⁴²¹ ЭССЯ 8: 242.

⁴²² Максимович 2005: 149.

истцы⁴²³. В. О. Ключевский правильно уловил родственную связь между *истец* и *истый*⁴²⁴. Свою идею развития предметного значения **jьstina* предлагает Т. И. Вендина: „Истина понималась средневековым человеком как подлинная настоящая суть вещей. Это, по-видимому, и создало предпосылки для развития у нас значений, относящихся к сугубо практической, экономической сфере жизнедеятельности человека (нѣтна ‘основной капитал, подлинное имущество’..., ‘подлинное, действительное количество товара денег’// ‘стоимость чего-либо’...)“⁴²⁵.

С этим все-таки трудно согласиться. Наиболее удачной этимологией **jьstьjь* признана этимология В. Н. Топорова, слово означает ‘тот самый, именно тот’, от него образовано **jьstina*⁴²⁶. Исходя из этимологии, нѣтна в (64), (65), (66), (67) можно толковать в смысле ‘то (же) самое’ (ср. греч. μὲθ’ οὗ ἔλαβεν ‘с тем, что взял’), т.е. провинившийся должен заплатить за нанесенный ущерб стоимость украденного, но в пятикратном размере (таков смысл самого 72 правила святых апостолов). Языковое значение слова здесь, как и в остальных случаях, связано с операцией отождествления. Отождествление присутствует и в том случае, когда речь идет о спорном предмете, имуществе; с этим связано и то, что обе стороны в судебном разбирательстве называются *истцами*. Поэтому, в противовес В. О. Ключевскому, *истец* это, прежде всего, человек, притязающий на что-нибудь, а затем уж владелец чего-нибудь. Появление „денежного“ значения не имеет ничего общего с деньгами, поскольку до появления денег в собственном смысле их функцию исполняли разные другие предметы. В контексте сказанного привлекает внимание значение ‘стоимость чего-либо’, которое можно выразить по-другому: ‘соответствие одного товара другому товару’ или ‘денежное соответствие товару’, что опять восходит к операции отождествления, отраженной в исходном значении мотивирующего **jьstьjь* ‘тот (же) самый, именно тот’ и мотивированного **jьstina* ‘то (же) самое, именно то’. Основное современное значение **jьstina* (‘то, что существует в действительности, отражает действительность’) снова нельзя оторвать от того, что познавательные процессы являются результатом все той же операции отождествления (A≡A). Таким образом, выясняется, что скорее всего „абстрактное“ и „предметные“ значения **jьstina* развивались параллельно. В рассматриваемых контекстах (64, 65, 66, 67) предметность в значении нѣтна, на которой настаивают другие авторы, может присутствовать лишь синкретически⁴²⁷. Нет оснований, считать данное словоупотребление моравизмом.

⁴²³ Ключевский 2003: 205–206.

⁴²⁴ Фасмер II: 142, 144.

⁴²⁵ Вендина 2006: 56.

⁴²⁶ ЭССЯ 8: 242, 246.

⁴²⁷ О семантическом синкретизме в языке см.: Трубачев 1976; 1980.

НАГЛЪСТВО: (68) ѿко не достонть еписпоу стра(ть)ю наглъства дѣвннмоу възкорѣ отлоуѣати (сѧ) раздражающнхъ лн внти кого върна съгрѣшыша (Περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἐπίσκοπον ὑπὸ πάθους ὀξύχολίας κινούμενον ἐτοιμῶς ἀφορίζειν τοὺς παροξύνοντας ἢ τύπτειν τινὰ τῶν πιστῶν ἀμαρτήσαντα) (НМ 250,19); (69) ѿко не достонть еписпоу наглъ(ства) (Περὶ τοῦ μὴ δεῖν ἐπίσκοπον ὑπὸ πάθους ὀξύχολίας...) (НМ 282,20–22).

Й. Вашица считает слово моравизмом, М. Цибранска как будто не возражает против этого⁴²⁸. К. А. Максимович утверждает, что по данным словарей „термин“ наглъство „является гапаксом славянской книжности“ и вместе с этим – „севернославянским“ словом⁴²⁹.

Во-первых, неясно, почему слово является гапаксом, когда и сам Максимович указал (кроме НМ) на *Слова* Григория Богослова XIV в. и старопечатный *Пролог* 1643 г. Во-вторых, неясно, почему слово должно быть отнесено к „севернославянскому“ ареалу, если оно встречается в НМ, *Словах* Григория Богослова и *Прологе*, т.е. – в текстах, которые никоим образом не могли возникнуть в Древней Руси. В-третьих, в семантику слова необходимо внести небольшое уточнение (Максимович определил значение как ‘гнев, гневливость’; последнее указывает на склонность к проявлению действия). Наглъство – производное от *nagľьjь ‘неожиданный, опрометчивый’⁴³⁰, имеющего продолжения во всех славянских языках; в семантике *nagľьjь преобладает идея поспешности, быстроты, резкости⁴³¹. Эта идея присутствует и в греч. ὀξύχολία ‘вспыльчивость’ (ср. еще ὀξύχειρία ‘быстрота руки’, ὀξυλαβέω ‘быстро хватать’, ὀξυλαβής ‘тот, кто быстро хватает’, ὀξυμάθεια ‘быстрота при учении’, ὀξυμαθής ‘тот, кто быстро учится, усваивает знания’ и др.). Поэтому, исходя из *nagľьjь ‘неожиданный, опрометчивый’, более уместно определить значение наглъство как ‘вспыльчивость’, так как в этом определении присутствует и идея быстроты, поспешности, резкости, а еще более точное определение – ‘вспышка гнева’, так как в слове *вспыльчивость* тоже присутствует идея склонности к проявлению действия. Приведем и остальные контексты: (70) вонть (!) же... наоумъ елексенскын... ревннтелѧ бѧ. н ѿмщяюща съ гѧростью протнвныѧ. н толнцѣмъ сдѣѧвѧша. наглъства множествомъ ѿко нн второму остатн на злѣи мщенью (ἀποτομίας) 116а⁴³²; (71) Н во время ѡбо ѡтѣшннѧ бл҃гость показовати, во время же наглъства ревнность являти⁴³³. Для (70) дано определение ‘строгость, суровость’, видимо, на основе греч. ἀποτομία ‘строгость, суровость’, а для (71) – ‘вспыльчивость, гнев’.

⁴²⁸ Цибранска-Костова 2000: 54.

⁴²⁹ Максимович 2005: 150.

⁴³⁰ ЭССЯ 22: 38.

⁴³¹ ЭССЯ 22: 33–37.

⁴³² СДЯ V: 134.

⁴³³ СлРЯ 10: 49.

В общем не видно никаких оснований зачислять данное слово как в „моравизмы“, так и в „севернославянизмы“. В подтверждение можно привести наглаго ‘стремительно’, ‘опрометчиво’, наглаго ‘опрометчивый’, наглаго ‘опрометчивый’ из других памятников (*Паримейники*, *Слепченский апостол*)⁴³⁴.

Следующий пример связан с реконструкцией текста: (72) аще ли въ кое время обратитъ сѧ лжущѧ, не достоятъ же ни въ единому прю приимати послушъ нже боудуть къгда обличени лжущѧ и престоупающе законъ бни, или житие скотское нмощѧ, или нже въ себе непобѣднѧ, на приагъ ѡнмоуть⁴³⁵.

Во всех списках краткой редакции ЗСЛ читается непобѣднѧ или непобѣднѧ, включительно и в Устюжской кормчей, чей список лег в основу издания Й. Вашицы. К. А. Максимович восстанавливает данное чтение по Пушкинскому списку полной редакции ЗСЛ⁴³⁶ в виде **О СЕБѢ НЕБѢДНѢ** (с толкованием ‘невменяемый’). Для большей ясности приведем контекст и по спискам полной редакции ЗСЛ. Пушкинский список XIV в.: (73) **О том же Не достоятъ** потомъ, ни въ единому прю, тѣхъ слышъ приимати, нже когда обличаютъ сѧ лжущѧ, престоупающе законъ бни или житие нмѣюще скотское, или же въ себе не бѣднѧ, на прю ѡнмоуть сѧ л. 25об–26⁴³⁷. Археографический список XV в.: (74) аще кога въ кое время обличаютъ сѧ лжущѧ. Аще боудуть вѣ, послушѧ, или боудеть на единомъ нзмѣна какова, то и другыи не послушъ, тако вѣ лжущѧ престоупающе законъ бни, или зажитие (вар. житие) нмѣюще скотское, или нже въ себѣ невѣднѧ (вар. невѣдѧ) нашу ѡнмоуть сѧ л. 292об–293⁴³⁸. Карамзинский список летописного извода сводной редакции конца XV в.: (75) аще ли в кое время обратютъ сѧ лжущѧ. Не достоятъ же потомъ ни въ единому прю тѣхъ послушѧ приимати, нже боудуть, когда обличени лжущѧ, и престоупающе законъ бни, или зажитие нмѣюще, недоволенн же въ себѣ, невѣднѧ (вар. невѣднѧ) нашу на прю ѡнмоуть сѧ **Аще боудуть два послушѧ, или боудеть на единомъ нзмѣна, то и другыи не послушъ тако вѣ лжущѧ, или житие скотское нмощѧ, или же въ себѣ непобѣднѧ на приагъ ѡнмоуть сѧ л. 160–160об⁴³⁹. Троицкий IV список Троицкого извода сводной редакции начала XV в.: (76) аще ли в кое время обратютъ сѧ лжущѧ, не достоятъ же потомъ ни въ единому прю тѣхъ послушѧ приимати нже боудуть, когда обличени лжущѧ, и престоупающе законъ бни, или зажитие нмѣюще недоволенн нже въ себѣ невѣднѧ нашу на прю ѡнмоуть сѧ. Аще боудуть два послушѧ, или боудеть на единомъ нзмѣна то и другыи не**

⁴³⁴ SJS II: 285.

⁴³⁵ ЗСЛ (К): 49; цитата по Устюжской кормчей.

⁴³⁶ Максимович 2005: 150–151.

⁴³⁷ ЗСЛ (П): 35, снимок рукописи на с. 182–183.

⁴³⁸ ЗСЛ (П): 60, снимок рукописи на с. 219–220.

⁴³⁹ ЗСЛ (П): 90, снимок рукописи на с. 250–251.

послоуѣ. како ѡба ажочуше. нан жнтне скотско нмочуше. нан же ѡ собѣ непобѣднми
на прна ѡнмѣ са л. 7–7об⁴⁴⁰.

Данное словосочетание читается в главе 7а, чье возведение к архетипу ЗСЛ является спорным. Об этом писал и сам К. А. Максимович: „Так, гл. 7а О послоуѣхъ не имеет соответствия в *Эклоге*, но возвращается к вопросу о свидетелях, который уже был затронут в гл. 2. Возможно, глава интерполирована в текст после создания основной части ЗСЛ“⁴⁴¹.

Кроме того, оригинал 2 и 7а глав не обнаружен – „возможно, их автором был сам составитель ЗСЛ, либо они были интерполированы позднейшим редактором“⁴⁴². Об отношении между краткой и пространной редакций ЗСЛ М. Н. Тихомиров писал: „... сравнение текстов Закона Судного людем в краткой и пространной редакциях неизбежно приводит к мысли о зависимости пространной редакции Закона от краткой. На это в свое время указывал Н. С. Суворов, по мнению которого, пространная редакция Закона Судного людем является русским произведением, основанным на извлечении и переработке статей, взятых из различных источников“⁴⁴³.

Восстановить первоначальное чтение не просто. Переведем текст по Устюжской кормчей, обозначая спорное место многоточием: „Если когда-нибудь будут пойманы лгущими (букв. „будут обнаружены лгущими“). Не следует ни в едином споре принимать свидетелей, которые когда-то были изблечены лгущими и преступающими закон Божий, или же имеющими скотский образ жизни, или же сами по себе..., к присяге не допускаются“. К. А. Максимович предлагает толкование ‘невменяемый’, но такое понимание не подходит по смыслу: речь идет о свидетелях, которые были когда-то изблечены во лжи. Более подходящими кажутся варианты, в которых чередуются корни вѣд- и внд-, позволяющие приблизительно понимать текст в том смысле, что данные свидетели ничего не знают и ничего не видели (ср. *сзвѣдѣтель* ‘свидетель, очевидец’ (букв. ‘тот, кто знает что-н. совместно с кем-н.’ от которого путем переосмысления возникло современное *свидетель*). При этом, однако, форма страд. прич. наст. выглядит довольно странно. Остановливая свое внимание на чтениях не вѣднми или непобѣднми, последних следует признать испорченными. Наиболее подходящим по смыслу является глагол вѣднти ‘принуждать’: не вѣднми ‘не принуждаемые (к клятве)’. Праслав. **bĕditi* – деноминативное производное от **bĕda*⁴⁴⁴. О семантике **bĕda* О. Н. Трубачев писал: „Знач. ‘принуждать’

⁴⁴⁰ ЗСЛ (П): 123.

⁴⁴¹ Максимович 2004а: 27 (со ссылкой на: Андреев 1959: 5, примеч. 4); см. также: Максимович 2005: 151.

⁴⁴² Максимович 2004а: 27.

⁴⁴³ Тихомиров 1961б: 13.

⁴⁴⁴ ЭССЯ 2: 56–57.

легло, с другой стороны, в основу перечисленных выше и.-е. имен, обозначающих клятву, присягу (т.е. ‘клятва-принуждение’), а затем – союз, договорное объединение⁴⁴⁵.

В плане предложенной реконструкции небезынтересно указать на болг. глагол *бедя* (от *вѣднѣн*) ‘клеветать, возводить на кого-н. напраслину; обвинять’. В таком случае *НѢ БѢДНМН* следует понимать как ‘не обвиняемые’. Заполняя лакуну, получается такой вариант чтения текста: ‘сами по себе не обвиняемые, [они] к присяге не допускаются’. Предложенная реконструкция дает возможность объяснить остальные чтения: а) замена *в* на *в* (*невѣднмн*), затем – *невднмн*; б) переосмысление – *неповѣднмн*; в) опущение *ѣ* – *вднмн*. Мнение К. А. Максимовича, что правильной формой является чтение *вднмн*, неубедительно, потому что основным значением глагола *вѣдѣн* было и остается ‘бодрствовать, бдеть’. В любом случае (независимо от того верна ли предложенная реконструкция) непонятно, на каком основании данное словосочетание включено в группу ‘моравизмов’; кстати, в самом исследовании по этому поводу К. А. Максимович ничего определенного не сказал.

ПРНСНОВБЛАТН ‘приманивать’: (77) *Прнсноуѣблѣа чюжего раба н крѣна юго н не ѣвѣт творѣ. повнненѣ естъ того своего гноу. прнетронтн дрюугаго таковаго раба. датн цѣноу юго* (ЗСЛ, гл. 30)⁴⁴⁶; в Варсонофьевском списке – *прнсноблѣа*⁴⁴⁷; в греч. *ὑπονοθεύων*⁴⁴⁸.

Данное слово включено в группу ‘моравизмов’ на основании того, что производящее *снубити* ‘сводничать, сватать’ надежно засвидетельствовано в западнославянских языках; вместе с этим приведены и болг. диал. (Родопы) производные *девеснопове*, *девоснопове* ‘сваты’, *снобник* ‘сват’⁴⁴⁹. Присоединим к ним еще *девосноб*, *девоснобник*, *девоснобница*⁴⁵⁰, *снобя* ‘посредничать, сватать’, *снобник* ‘посредник, сват’, *снобница* ‘посредница, сваха’⁴⁵¹. К. А. Максимович, однако, не указал на то, что производящее *сноуѣнѣн* ‘сводничать’ надежно засвидетельствовано в ССб и ЖАЮ, т.е. – в памятниках, связанных с древней болгарской книжностью: (78) *нже блѣудьнница снѣвѣтъ* 78в 10–11⁴⁵²; *ἀγοράζοντες*⁴⁵³; (79) *нже снѣвѣтъ на блѣудъ* 3313 (*τοὺς προξενητάς τῆς πορνείας*)⁴⁵⁴.

⁴⁴⁵ ЭССЯ 2: 55.

⁴⁴⁶ ЗСЛ (К): 39, Новгород. список; в Устюжском – то же (с. 53).

⁴⁴⁷ ЗСЛ (К): 45.

⁴⁴⁸ Максимович 2005: 151.

⁴⁴⁹ Максимович 2005: 151.

⁴⁵⁰ БЕР I: 330, *дева*.

⁴⁵¹ Геров V: 214.

⁴⁵² ССб I: 352.

⁴⁵³ Срезневский III: 454.

⁴⁵⁴ Молдован 2000: 316, 546.

Попытки А. М. Молдована доказать древнерусское происхождение перевода ЖАЮ следует признать несостоятельными⁴⁵⁵. Это доказывается и данным словом, которого нет, например, в словаре В. И. Даля. М. Фасмер приводит только русско-церковнославянские лексемы⁴⁵⁶. На базе данного слова можно высказать предположение, что перевод ЖАЮ был сделан в Моравии, а ССб был составлен в Моравии. Заметим, что у праслав. *snubiti наблюдается вторичная назализация⁴⁵⁷, засвидетельствованная в ССб (78). И это слово также нельзя включить в группу „моравизмов“.

На этом материал, представленный в данной работе К. А. Максимовича, исчерпан⁴⁵⁸. Далее в восьми пунктах сформулированы выводы. Рассмотрим их вкратце.

1) На основании своего анализа К. А. Максимович считает, что подтвердилось мнение А. И. Соболевского и Й. Вашицы о западнославянском происхождении ЗСЛ, НМ и Анонимной гомилии. Наш анализ показывает, что аргументы в пользу такого вывода неубедительны и западнославянское происхождение означенных текстов нельзя считать доказанным.

2) Второй пункт процитируем полностью, так как он имеет прямое отношение к проблематике, над которой и автор этих строк работал немало: „Методология локализации славянских переводов на основе лексических (лексико-семантических) критериев, разработанная для древнерусских переводов XI–XIII вв. (А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Н. А. Мещерский, А. М. Молдован, А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе), доказала свою эффективность и применительно к мораво-паннонским переводам IX в.“⁴⁵⁹.

Несостоятельность методологии данных авторов комментирована нами не раз⁴⁶⁰, несостоятельность очевидна и при анализе лексического материала, относимого к „моравизмам“. Тем не менее, недавно наш анализ и наши выводы⁴⁶¹ подверглись довольно странной критике со стороны Й. Райнхарта⁴⁶².

Странность заключается в том, что Райнхарт просто-напросто процитировал имена всех тех авторов, чьи методы и выводы не раз подвергались анализу и критике в наших исследованиях, как будто „ошибочность“ наших заключений самоочевидна при одном упоминании имен А. И. Собо-

⁴⁵⁵ См.: Станков 2002б.

⁴⁵⁶ Фасмер III: 701.

⁴⁵⁷ Фасмер III: 701.

⁴⁵⁸ В одной из последних своих работ К. А. Максимович (2006) попытался к „моравизмам“ добавить и союз толн; главным доказательством моравского происхождения союза является обстоятельство его нахождения в „западнославянских“ памятниках.

⁴⁵⁹ Максимович 2005: 151.

⁴⁶⁰ Станков 1991; 1994б; 2002а; 2002б; 2003а; 2003б; 2004а; 2004б; 2004в.

⁴⁶¹ Речь идет о статье: Станков 2004б.

⁴⁶² Reinhart 2005: 290–291.

левского, В. М. Истрина, А. М. Молдована, А. А. Пичхадзе, К. А. Максимо-вича. Все же Райнхарт решился продемонстрировать эту „ошибочность“ на основе двух примеров. Первый связан со словом жьньчюгъ (в современном русском – *жемчуг*). Райнхарт (со ссылкой на Н. А. Баскакова) пытается внушить, что слово вошло в русский язык едва ли не прямо из китайского через посредство неизвестных тюркских языков. Все же сказано, что, может быть, И. Г. Добродомов прав, допуская посредство языка волжских болгар или какого-то другого неизвестного тюркского языка. Какое значение может иметь тот факт, что слово, в более древней своей форме жьньчюгъ, встречается в *Златоструе* по древнерусскому списку XII в.? Может быть Райнхарт установил, что *Златоструй* древнерусский текст? Если же считать, что в списке *Златоструя* сделана русская замена, то ее надо доказать и объяснить. Перед нами отрицание реально зафиксированного языкового факта и поиски неизвестных тюркских языков. Отрицание реального факта дошло до того, что Райнхарт проводит разграничение между языком „волжских“ и языком „дунайских“ болгар, хотя если между ними и существуют различия, то установить их весьма не просто; гораздо более существенно то, что между ними нельзя отрицать родственной связи. К тому же жьньчюгъ не является единственным словом языка дунайских болгар в *Златоструе*; ср. кълъгъ ‘нахлебник, прихлебатель’, *παράσιτος* л Па, 22, л. IVb, 21–22⁴⁶³. Можно привести еще тьма *μυρίον* л IIIb, 21–22, л. IVb, 21–22⁴⁶⁴.

Второй пример связан со словом крьста ‘гроб’, чье происхождение в славянских языках является дискуссионным (отдельные авторы считают его балтизмом⁴⁶⁵), – точнее, с его производным крьстнца ‘гроб’. По словам Райнхарта, в нашей статье утверждается, что крьстнца восходит к болг. диал. *кръстица* ‘ящик, сундук’, между тем как речь идет о том, что болгарское диалектное слово является реликтом древнего крьстнца ‘гроб’. Если Райнхарт не видит связи между крьстнца ‘гроб’ и диал. *кръстица* ‘ящик, сундук’, которое никак не может восходить к болг. *кръст* ‘крест’, то не наша в том вина; к тому же крьстнца не может быть финским заимствованием, как считает Райнхарт, поскольку является славянским образованием с суффиксом -нц-а. На фоне сказанного еще более странно звучит заключительное обвинение Райнхарта в „филологическом шовинизме“ („*phillologischem Chauvinismus*“).

⁴⁶³ Ильинский 1929: 8, 13, 61. Сравнивая кълъгъ с поздним рус. коуль ‘раб, слуга’, А. Минчева выделяет в нем суффикс -уг- (Minčeva 1983: 180–181). М. Фасмер связывает коуль ‘раб, слуга’ с тюркскими народами к востоку от Каспия (Фасмер II: 408); само слово фиксировано в начале XVII в. (СлРЯ 8: 113). О слове кълъгъ см. также: Rusek 1987: 238; Делева 1996. О суффиксе -уг- в др.-болг. тълъгъгъ см.: Русек, Рачева 1980.

⁴⁶⁴ Ильинский 1929: 11, 13, 61; Согрус.

⁴⁶⁵ Взаимодействие: 175; см. также: Станков 2002б: 19; 2004б: 464–468.

3) Третий вывод связан с возможностью реконструировать „культурный диалект Моравии (Паннонии)“: „Анализ региональной лексики ЗСЛ и НМ подтвердил факт, установленный на материале ранних славянских заимствований в венгерский язык, что славянский культурный диалект Моравии (Паннонии) содержал западнославянские элементы. С другой стороны, наличие южнославянских реликтов в среднесловацком говоре и схождения словенского и сербохорватского с западнославянскими языками позволяет предполагать, что паннонский диалект носил смешанный характер, сочетая в себе южно- и западнославянские черты... Ввиду того, что в лексике НМ выявляются отдельные паннонизмы, представляется плодотворным рассматривать ЗСЛ и НМ в качестве важнейших (и древнейших) письменных источников для реконструкции некоторых лексических (и в перспективе, возможно, и грамматических) черт позднепраславянского паннонского диалекта“⁴⁶⁶.

4) Четвертый вывод сформулирован таким образом как будто „культурный диалект Моравии (Паннонии)“ уже восстановлен: „Исследование полностью подтвердило тяготение старосербской (хорватской, словенской) книжности к западнославянскому языковому ареалу – прежде всего в отношении религиозно-культурной (культурной) лексики. Многочисленные изолексы, объединяющие сербско-хорватско-словенские памятники с западнославянскими (чешскими, богемскими), доказывают, что в раннеписьменную эпоху (IX–X вв.) сербохорватские и словенские диалекты в отношении культурной лексики объединялись с диалектами западнославянской группы (ср. п. 3)...“⁴⁶⁷.

В этом проявляется стремление отделить определенные тексты от реально существовавшей древнеболгарской традиции и присоединить их к так называемой „моравской“ традиции, чье существование на протяжении целого столетия зиждется на довольно шатких положениях и чей объем сильно преувеличивается. В докторской диссертации К. А. Максимовича эти тексты уже получили этикетку „Паннонские юридические памятники“⁴⁶⁸. Подобные интеллектуальные изощрения демонстрируют тенденциозную направленность, доходящую до полного пренебрежения здравым смыслом. Последнее находит свое наиболее яркое выражение в заключительных словах 4-го пункта: „Следовательно, древнейший культурный наддиалект западных и юго-западных славян и возникший на его основе [курсив наш, – Р.С.] в конце IX в. славянский книжный язык в лексическом отношении можно считать мораво-паннонским, если отвлечься от нескольких грецизмов, вошедших в него в период византийской миссии Константина

⁴⁶⁶ Максимович 2005: 151–152.

⁴⁶⁷ Максимович 2005: 152.

⁴⁶⁸ Максимович 2007.

и Мефодия...⁴⁶⁹. В конце статьи сказано, что первый славянский перевод евангелия „сделан у западных славян“, к нему (на основе слова прѣтъкънѣтън ‘доказать’, о котором мы уже писали) присоединен и Апостол⁴⁷⁰. (Заметим вскользь, что этих несколько грецизмов в классических древнеболгарских памятниках, по данным Р. М. Цейтлин, 1778 единиц из 9616; т.е. каждое пятое или шестое слово в памятниках древнейшего периода – грецизм⁴⁷¹.)

По сути дела данный тезис Максимовича является новой попыткой привести в чувство небезызвестную „паннонскую“ теорию: Кирилл и Мефодий осуществили первые переводы на мораво-паннонском диалекте! Далее К. А. Максимович сослался на мнение Н. Ван-Вейка⁴⁷², согласно которому древнейший книжный язык славян следует называть не „древнеболгарским“, а „древнецерковнославянским“, чтобы неоправданно не относить к болгарским немалое число текстов западного происхождения⁴⁷³. Это вновь возвращает нас к дискуссии конца 80-х годов XX в. о диалектной основе первого литературно-письменного языка славян⁴⁷⁴. В таком случае полезно вспомнить мнение А. Лескина: „Der Gebrauch der Namen „altslovenisch“ (lingua palaeoslovenica) und „pannonisch-slovenisch“ (lingua panthonico-slovenica) ist jetzt im Verschwinden; entweder braucht man das über die Heimat der Sprache nichts aussagende „kirchenslavisch“ und „altkirchenslavisch“ oder nennt sie „altbulgarisch“. Diese Beseichnung hat insofern keine historische Berechtigung, als die Sprache zur Zeit ihrer ersten Aufzeichnung im 9. Jahrh. von den sie Redenden nicht bulgarisch genannt wurde. Der Name *Bulgaren* ist überhaupt ursprünglich nicht der eines slavischen Stammes, sondern eines türkischen Volkes, das um 680 die in Mösien, zwischen Donau und Balkan, sitzenden einzelnen Slavenstämme unterwarf, einen Staat schuf und allmählich in den Unterworfenen aufging, während diese unter dem Namen der Eroberer als „Bulgaren“ in der Geschichte weiterleben. Wer also die Bezeichnung „altbulgarisch“ anwendet, will damit sagen, daß er das *Altkirchenslavische zu derjenigen Gruppe slavischer Mundarten rechnet, die heute wegen bestimmter, ihnen allein eigentümlicher Züge unter dem Namen „bulgarisch“ zusammengefaßt werden.* Da die Zugehörigkeit des Altkirchenslavischen zu dieser Gruppe kaum noch von irgendeinem Slavisten bezweifelt wird; erscheint der Name „altbulgarisch“, weil er jenes Verhältnis deutlich ausdrückt, als der zweckmäßigste“⁴⁷⁵.

5) В пятом пункте высказано утверждение, что проанализированная „западнославянская“ лексика распространилась посредством христианства

⁴⁶⁹ Максимович 2005: 152.

⁴⁷⁰ Максимович 2005: 154.

⁴⁷¹ Цейтлин 1977: 27; 1986а: 36.

⁴⁷² Ван-Вейк 1957: 19–20.

⁴⁷³ Максимович 2005: 153, примеч. 36.

⁴⁷⁴ Цейтлин 1987; Дунков, Станков 1988.

⁴⁷⁵ Leskien 1919: XI–XII.

и стала частью диалектного и книжного вокабуляра славянских народов⁴⁷⁶. Здесь полезно вспомнить отдельные весьма экзотические гипотезы о распространении христианства на Руси. Так, признавая роль древнеболгарской письменности в развитии христианской культуры на Руси, М. Г. Попруженко все же полагает, что христианство широко распространилось на Руси непосредственно из Моравии еще во времена Кирилла и Мефодия: „Русско-то население, което от най-древни времена заема Карпатските склонове, е трябвало без съмнение, да изпита непосредственото въздействие от апостолската дейност на светите братя. Населението от тези местности е било най-добрият проводник на християнската просвета в Приднепровска Русия и в околностите на Киев въ времето след смъртта на Методия, а може би още през време на неговия живот (до 885 г.). Определяйки така в общи черти географското положение, ние можем да кажем, че става дума за движение на проповедническата дейност на св. Кирила и Методия или на техните ученици в посока от южната част на Чехословашко към изток, към Русия, към Киев... Преосвещеният Димитрий, който заемаше архиепископска катедра в една от западноруските епархии, доказа, че проповедта на светите братя чрез техните ученици е достигнала до споменатите западни покрайнини на Русия; той също така сочеше на вещественни паметници – храмове, кули и крайпътни кръстове с икони в чест на св. Кирила, на св. Димитрия Солунски, който е бил особено почитан от св. св. Кирила и Методия, и др.“⁴⁷⁷

По этому поводу В. Николаев справедливо заметил: „Големият руски учен грешил обаче, когато смята че християнството дошло в Киевска Русия от Чехия, по простата причина, че през княз-Борисовото време, както впрочем още при Омуртага и Пресияна, България е граничела с Киевската руска държава⁴⁷⁸. Българската северозападна граница е стигала до най-северния завои на Тиса⁴⁷⁹ ... Така щото, отбелязаният от проф. Попруженко култ към св. св. Кирил и Методи и към св. Димитър Солунски в земите на Подкарпатска Русия е дошъл очевидно не направо от Чехия в Киевска Русия, а от българския Преслав“⁴⁸⁰.

б) Шестой пункт связан с влиянием „западного (мораво-паннонского) культурного диалекта“ на восточноболгарскую книжность. Прделанный нами анализ говорит о другом: наличие „западнотславянской“ лексики в древнейших памятниках болгарской письменности ничем практически не подтверждается. В этом пункте говорится о возможном влиянии даже на болгарский бытовой язык. Если вернуться к анализу слова *воль*, то сразу станет ясно, о каком „паннонском“ влиянии может быть речь.

⁴⁷⁶ Максимович 2005: 153.

⁴⁷⁷ Попруженко 1939: 27.

⁴⁷⁸ Необходимо уточнить, что еще рано говорить о Киевском государстве во времена Омуртага и Пресияна (первая половина IX в.).

⁴⁷⁹ См. карты в: Niederle I (Les Slaves de l'est et du sud au X-e siècle); История II: 140.

⁴⁸⁰ Николаев 1949: 14.

7) Седьмой пункт связан со средствами *верификации* и *фальсификации* западных (мораво-паннонских) лексем в древнеславянском книжном вокабуляре⁴⁸¹. Нельзя не заметить, что методология К. А. Максимовича вместе с практическими результатами его исследования направлены в гораздо большей степени в сторону фальсификации, нежели в сторону верификации „мораво-паннонизмов“ в древней славянской книжности. Правда, процесс фальсификации начался задолго до К. А. Максимовича.

Все это показывает, сколь шатки основания при определении „западно-славянского“ происхождения отдельных памятников. Это тем более важно, что восьмой, и последний, вывод К. А. Максимовича включает два основных условия для локализации древнейших памятников на западе славянства:

8) „наличие в тексте языковых западнославянизмов (прежде всего латинизмов и новых германизмов)“; „отсутствие в тексте языковых болгаризмов (лексем, отмеченных только в надежно локализованных болгарских памятниках и диалектах)“.⁴⁸² Основные положения рассмотренной студии К. А. Максимович повторил и в своей докторской диссертации⁴⁸³. Тенденциозность авторов, „восстанавливающих“ солидную по объему „моравскую письменную традицию“, видна невооруженным глазом: их не смущает, например, такой факт, как полное отсутствие графитти!⁴⁸⁴ Тенденциозность наблюдается также и в исключительно качественном и надежном в лексикографическом отношении *Slovník’ e jazyka staroslověnského*: прежде всего, как видно из заглавия искажено название первого письменного языка славян, но это еще полбеда. По сути дела это словарь Кирилло-Мефодиевской миссии в Моравии (в традиционном понимании): из 78 текстов, представленных в словаре, на долю „Кирило-Мефодиевских“ приходится 55, на долю эпохи царя Симеона всего лишь 5, русско-славянскими определены 3 небольших текста, 14 текстов являются богемско-славянскими; лишь тексты в КСб отнесены и к Кирилло-Мефодиевской миссии, и к эпохе Симеона⁴⁸⁵. Такая картина вряд ли отвечает действительности, особенно если учесть, что СР (эпоха Симеона) дает примерно половину лексических единиц всего словарного состава словаря, не говоря уж о довольно произвольном отнесении определенных текстов ко времени Кирилло-Мефодиевской миссии. К тому же Фрейзингенские молитвы, написанные латиницей, вряд ли имеют право на включение в словарь⁴⁸⁶.

⁴⁸¹ Максимович 2005: 153–154.

⁴⁸² Максимович 1979: 154.

⁴⁸³ Максимович 2007.

⁴⁸⁴ См. хотя бы: Младенова 1999.

⁴⁸⁵ SJS I: LXXI–LXXIII.

⁴⁸⁶ Другие словари их закономерно не включают в состав источников.

Усовершенствование методики выявления „моравизмов“

В русской научной литературе, начиная с А. И. Соболевского, намечается тенденция „исследования“ „западнославянского“ влияния, помимо ДЯ и древнеболгарской письменности, на древнерусскую письменность, соответственно на древнерусский язык. В последнее время, как было показано, активно „исследует“ это „влияние“ К. А. Максимович⁴⁸⁷, разница лишь в том, что последний допускает возможность „южнославянского книжного посредства“. Нельзя не заметить, что методика исследования К. А. Максимовича из года в год совершенствуется, обогащая, таким образом, науку все новыми и новыми тонкостями филологического анализа. Не отличается в этом отношении и одна из последних работ указанного автора⁴⁸⁸. В ней ученый освежил критерии выявления западославянских лексем (моравизмов). Для наглядности обозначим первую классификацию буквой А, а вторую – буквой В, и приведем все это параллельно:

Классификация А

- 1) „употребление [„старославянских“ лексем, – Р.С.] в болгаро-македонских (охридских) памятниках“;
- 2) „генетическая связь с Великой Моравией или Паннонией (на основании данных исторической лексикологии, диалектологии, синхронной лексикологии)“;
- 3) „отсутствие генетической связи с южнославянскими языками, прежде всего с современным болгарским и македонским“;
- 4) „употребление в памятниках чехо-моравского происхождения“⁴⁸⁹.

Классификация В

- 1) „генетическая связь лексем с западославянскими языками и западославянскими элементами словенского и сербохорватского – в первую очередь это касается германизмов (кроме ранних заимствований из готского), а также латинизмов, заимствованных в славянский как непосредственно из западной церковной латыни, так и через посредство романских диалектов или древневерхненемецкого языка“;
- 2) „отсутствие *верифицируемой* генетической связи с болгарским и македонским“;
- 3) „раннее заимствование в венгерский язык (для отдельных лексем)“;
- 4) „преимущественное употребление в древнейших памятниках мораво-паннонского происхождения“⁴⁹⁰.

⁴⁸⁷ Максимович 2004а; 2005 и др; детальный разбор этих работ сделан выше, а также в: Станков 2006а; 2006б; 2006в; 2008.

⁴⁸⁸ Максимович 2008.

⁴⁸⁹ Максимович 2004а: 87.

⁴⁹⁰ Максимович 2008: 104.

В новой классификации для критерия A_1 не оказалось места, A_2 теперь превратился в B_1 , A_3 – в B_2 , появился новый критерий B_3 , а A_4 остался без изменения ($\equiv B_4$), если не считать то, что „чехо-моравские“ памятники теперь уже стали „мораво-паннонскими“. Как видно, два из критериев классификации А (A_1 , A_4) и один из классификации В (B_4) не являются лингвистическими, а текстологическими, т.е. они не имеют особой доказательной силы, когда речь идет о явлениях лингвистического порядка. К тому же, A_4 и B_4 представляют порочный логический круг: на основании „чехо-моравских“ или „мораво-паннонских“ памятников доказывают существование „моравизмов“, „моравизмы“ же обосновывают наличие памятников „чехо-моравского“ или „мораво-паннонского“ происхождения. По аналогии с литературоведением определяется даже „западнославянский канон“⁴⁹¹. B_1 по сравнению с A_2 оброс дополнительной фразеологией, вызывающей немало вопросов. Если в A_2 идет речь только о генетической связи с Моравией и Паннонией, то в B_1 база расширена до западославянских языков вообще и „западославянских элементов“ словенского, сербского и хорватского языков. Присутствие языков южнославянской группы обесмысливает весь „критерий“. Попытка спасти положение путем каких-то „западославянских“ элементов не убеждает, поскольку наличие общих элементов можно возвести к эпохе праславянской, а это, со своей стороны, не дает преимущества западославянским языкам по отношению к происхождению того или иного элемента. Если есть „западная церковная латынь“, то, видимо, должна существовать еще и „восточная церковная латынь“. Хотелось бы знать, в чем проявляются особенности этих разновидностей церковной латыни. Неясно также, о каких „романских диалектах“ идет речь, если сам Максимович считает, что термин „балканская латынь“ является „фантомом“⁴⁹². Из предыдущих наших работ, посвященных проблеме „моравизмов“, видно, что Максимович полностью пренебрегает критерием A_3 , поэтому в его новой модификации (B_2) появилось страдательное причастие *верифицируемый*. Задача этого новшества, видимо, заключается в том, чтобы каким-то образом обессилить факт наличия того или иного слова в болгарском языке и его диалектов. Критерий B_3 также выглядит весьма странно: что означает здесь „раннее“ заимствование, из какого языка должно быть это заимствование – неясно.

На основании критериев классификации А К. А. Максимович „установил“, что можно говорить о двух типах „моравизмов“: 1) „моравизмы (западославянские диалектизмы), не вышедшие за пределы западославянских памятников, в том числе переводов с латыни“; 2) „моравизмы, проник-

⁴⁹¹ Максимович 2008: 105.

⁴⁹² Максимович 2008: 115, примеч. 15.

шие в болгаро-преславскую и древнерусскую книжность⁴⁹³. *Первый* тип „моравизмов“ связан с текстологическим критерием A_4 , о котором было уже сказано, что он в логическом отношении представляет собой порочный круг. *Второй* тип „моравизмов“ также связан с текстологическим критерием (A_1), причем автор использует довольно странный термин „болгаро-преславская книжность“. Непонятно, что под этим понимать: то ли болгарская книжность каким-то образом отлична от преславской (о чем говорит написание через дефис), то ли имеется в виду именно болгарская преславская книжность. Логическую неувязку можно найти и в этой „типизации“: „моравизм“ выделяется на основании его текстологической фиксации в памятниках западноболгарского (охридского) происхождения, затем, оказывается, тот же самый „моравизм“ может быть текстологически зафиксирован и в памятниках восточноболгарской (преславской) книжности. Возникает вопрос, на каком основании при выделении „моравизмов“ отдается предпочтение только памятникам западноболгарского происхождения?

Классификация В заканчивается следующим обобщением: „Как станет ясно из дальнейшего изложения, эти критерии каждый в отдельности не являются абсолютно строгими и дают гарантированный результат только при условии их комплексного применения“⁴⁹⁴. Выясняется, что ни один из критериев не в состоянии дать положительный результат, но все они, вместе взятые, дают такой результат. Если каждый критерий в отдельности ни на что не годен, то каким образом их совокупность на что-либо годится. Иными словами, К. А. Максимович пытается нас убедить в том, что $0 + 0$ или $0 \times 0 \neq 0$. Как видно, в случае вряд ли можно говорить о строгой последовательности и упорядоченности. Не надо думать также, что в теоретическом отношении подвергнутая анализу „методика“ сильно отличается от методов исследования других авторов. Так, Й. Вашица и В. Ф. Мареш пренебрегали болгарским языковым материалом, а А. С. Львов его плохо знал. В этом плане можно заметить, что по сравнению с ними К. А. Максимович вынужден гораздо чаще заглядывать в болгарские словари, но интерпретация его оставляет желать лучшего. До сих пор К. А. Максимович занимался в основном лексикой, теперь в состав западнославянских элементов попал и „словообразовательный богемизм“ – суффикс *-stvij-*⁴⁹⁵. Однако это чисто декларативное включение, автор никак не комментировал историю возникновения этого суффикса, несмотря на то, что наша работа ему известна⁴⁹⁶.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры. Сначала отметим слова, о которых уже было писано в предыдущих наших работах, представленные

⁴⁹³ Максимович 2004а: 89.

⁴⁹⁴ Максимович 2008: 104.

⁴⁹⁵ Максимович 2008: 103.

⁴⁹⁶ Станков 2006б.

также в предыдущем разделе: догонити в значении ‘заставить, понудить’, кзметь, нетни, притзкнжтн в значении ‘доказать’⁴⁹⁷; комзкатн, комзканне, малзжена ‘супруги’, олзтарь, попз, пьназь, стьлазь⁴⁹⁸; непрназь ‘дьявол’⁴⁹⁹; боль⁵⁰⁰. Догонити и притзкнжтн по интерпретации К. А. Максимовича являются семантическими „моравизмами“ (это относится и к слову непрназь). В обеих классификациях критериев выявления „моравизмов“ К. А. Максимович ничего об этом не сказал. Добавим еще несколько случаев употребления слов вароватн са и пьназь⁵⁰¹.

О слове ВЕЛЬМН ‘очень, весьма’ сделаны противоречивые высказывания: то оно „в славянском книжном языке древний западнославянский диалектизм, противостоящий южнославянизму зьло“, то „на основании только материала памятников определить праславянский диалектный характер этого слова весьма затруднительно...⁵⁰². Основным аргументом включения данного слова в группу моравизмов является его присутствие в чешском и словацком. Ни о каком западнославянском диалектизме речи быть не может. Формы типа больмн, больма ‘больше’, вельмн, весьма ‘вообще’⁵⁰³ – старый тв. п. мн. или дв. ч. от больн, вельн, вьсь⁵⁰⁴. Лишь В. Махек возводит вельмн к праславянскому периоду⁵⁰⁵, но это вовсе не означает, что слово является „западнославянским диалектизмом“, поскольку другие наречные образования того же типа не употребляются в чешском и словацком языках⁵⁰⁶. Неверно утверждение К. А. Максимовича, что слово не оставило следов в южнославянских языках: ср. *veoti* в сербском и хорватском⁵⁰⁷; болг. *вѣльне, вѣлно* ‘очень, весьма’ выводятся как раз из вельмн – старое окончание заменено на более употребительные наречные показатели⁵⁰⁸. Далее К. А. Максимович высказал предположение, что весьма, возможно, русское слово⁵⁰⁹. Книжный характер данного слова в современном русском языке исключает верность такого предположения. К тому же слово известно бол-

⁴⁹⁷ Станков 2006а.

⁴⁹⁸ Станков 2006б.

⁴⁹⁹ Станков 2006в.

⁵⁰⁰ Станков 2008а.

⁵⁰¹ О вароватн са более подробно см. выше; анализ этого слова представлен также и в: Станков 2008а. Эти слова несколько раз читаются в валашско-болгарских грамотах: вароватн са – 4 (№ 216), 22 (№ 5), 23 (№ 6), 26 (9) (Милетич 1896: 48, 56, 59, 146); пьназь – 33 (№ 167), 85 (№ 107), 109 (№ 471) (Милетич 1896: 62, 83, 93, 150).

⁵⁰² Максимович 2008: 107.

⁵⁰³ SJS I: 135, 177–178; 370.

⁵⁰⁴ Фасмер I: 289–290, Skok I: 187, *bǫljǫ*.

⁵⁰⁵ Machek 1968: 682–683, *veliky*.

⁵⁰⁶ Их нет в SJSČ и SSJ.

⁵⁰⁷ PCKHJ II: 57, *ведма* вар. *велми*; Skok III: 573.

⁵⁰⁸ Младенов 1941: 62; БЕР I: 132.

⁵⁰⁹ Максимович 2008: 108, примеч. 9.

гарскому языку: *весма* ‘совсем, весьма, очень’, причем с пометой *народное*⁵¹⁰; известно и сербскому и хорватскому языкам⁵¹¹.

Сам того не замечая, К. А. Максимович все время расширяет периметр западнославянских элементов в ДЯ. Оказывается, таковыми могут являться даже греческие слова, при всем при том, что прямых контактов между западными славянами и греками никогда не было. Так, *днѣкъ* (*днѣкъ*) ‘дьякон’, по словам К. А. Максимовича, заимствование из греческого бытового сокращения *διάκος*. Из-за невозможности утверждать, что слово прямым образом проникло в западнославянские языки, автор предполагает, что „термин *днѣкъ* попал в древнеславянский язык паннонской редакции непосредственно из греческого“ и что это „могло произойти только во время кирилло-мефодиевской миссии“⁵¹². Доказательством служат „западнославянские“ памятники. Продолжения *днѣкъ* имеются в сербском, хорватском, чешском, словацком, украинском и русском, но только не в болгарском. Рус. *дьяк* может восходить и к болгарским переводам с греческого, в остальных славянских языках, исключая болгарского, *днѣкъ* – „культурный термин, прямо восходящий к мефодиевскому времени“. Заметим, что *днѣкъ* имеет продолжения в болгарском языке: *дьяк* устар. ‘школьник’ (район Преслава), *гяк* ‘дьякон’ (Банско), *гяци(те)* ‘школа’ (Банско)⁵¹³; при этом слово распространено и в качестве фамильного имени, встречается и в топонимике Болгарии. Наличие *днѣкъ* в ДЯ не может иметь книжный и, следовательно, западнославянский характер, как пытается внушить К. А. Максимович. „Бытовой“ характер *διάκος* сразу показывает, в каком славянском языке это слово проникло впервые. В одном только можно согласиться с Максимовичем, рус. *дьяк* действительно восходит к древнеболгарским переводам с греческого, а не к ср.-греч. *διάκος*, как утверждает М. Фасмер⁵¹⁴.

Далее в списке „моравизмов“ следует *НЗННЦА*, которое известно из трех памятников:

(80) *Многамъ же рѣчьмъ прогоненамъ* (вар. *проглаголенамъ*) *и не могоущемъ протнѣв емъ ѿвѣщавати, рече король нзннца: Не троужанте моего Мефодна, оуже во са кесть тако и при пещи оупотнѣз, ЖМ* (гл. 9) по Успенскому списку, л. 107; – болгарский перевод: „Като изприказваха много думи и не можаха да му възразят, кралят рече изпод вежди: „Не измъчвайте моя Методий, защото се е изпотил като при пещ“⁵¹⁵;

⁵¹⁰ Дювернуа I: 218.

⁵¹¹ РСКН I: 547; РСК I: 359.

⁵¹² Максимович 2008: 108–109.

⁵¹³ БЕР I: 472.

⁵¹⁴ Фасмер I: 560.

⁵¹⁵ Климент Охридски III: 199, 200.

(81) ѿσνφδ τζκνϋ вндѣвнне ꙗтровѣ. н нзѣнца възнрл дѣвнчѣ ꙗтровѣ
сѣмотрѣше – Τὸν Ἰωσήφ ἔνυξεν ἡ δεῖξις τῆς κοιλίας, καὶ λοξῶ τῶ ὀφθαλμῶ
τῆς παρθένου κοιλίαν ἐστάθμιζε, CP 240,3–5⁵¹⁶;

(82) ѿвѣща нзѣнца вѣнма кѣ Арсенью⁵¹⁷ – ἀπεκρίθη βλοσυρῶ τῶ βλέμματι
πρὸς Ἀρσένιον⁵¹⁸.

К. А. Максимович полагает, что слово имеет соответствие только в чешском языке, и приводит ст.-чеш. *znice* ‘искоса, уклончиво’; наличие слова в „древнерусской“ ХГА автор объясняет западнославянским влиянием через болгарское книжное посредство⁵¹⁹. Во-первых, старочешский язык это еще не чешский, следовательно, утверждение, что нзѣнца имеет соответствие в чешском неверно. Во-вторых, автор нам предлагает „чудесное“ объяснение наличия слова нзѣнца в переводе ХГА: такое редкое слово, которое не имеет параллелей ни в современном чешском, ни в современном болгарском (по мнению Максимовича), проникает в древнеболгарскую книжность (сохраняя ту же степень редкости), откуда начитанный древнерусский переводчик узнал его и, главное, понял его значение (каким образом – непонятно); слово так полюбили древнерусскому книжнику, что он почел за нужное употребить его, сотворив, таким образом, гапакс в оригинальной и переводной древнерусской книжности (ЖМ не в счет, поскольку оно „паннонского“ происхождения).

Особо необходимо коснуться значения данного слова, определяемого обычно как ‘украдкой’⁵²⁰. По поводу (80) О. Н. Трубачев сделал весьма любопытное высказывание: „В переводах текста ЖМ, гл. IX ... царит полная неясность насчет того, как сказал король: „сказал король сквозь губы“⁵²¹; в английском переводе „король сказал уклончиво (deviously)“; в немецком – „глядя снизу вверх“. Трудно себе представить короля глядящим снизу вверх, но место, действительно, спорное, и решить этот спор можно только на чехо-моравском материале, причем выбирать можно лишь между вариантами „сказал король, возражая“ или „сказал король уклончиво“, что согласуется с контекстом (король нашел нужным прервать спор разъяренных немецких епископов с утомленным Мефодием) и с великоморавским языковым фоном, куда относится либо чеш. диал. (кладск.) *znikati* ‘возражать’, либо ст.-чеш. *znice* ‘искоса, уклончиво’⁵²². (Заметим, что „чехо-моравский“ материал и „великоморавский“ языковой

⁵¹⁶ Супр. I: 499.

⁵¹⁷ Истрин I: 379,24.

⁵¹⁸ Воог II: 571,20–21.

⁵¹⁹ Максимович 2008, 109.

⁵²⁰ СС: 257; SJS 13: 755.

⁵²¹ Русский перевод, см.: Сказания: 98.

⁵²² Трубачев 1987: 35.

фон плохо согласуются с концепцией самого О. Н. Трубачева о местонахождении Великой Моравии.) О. Н. Трубачеву трудно себе представить короля⁵²³, глядящего снизу вверх, но именно немецкий перевод вместе с болгарским (*изпод вежди* ‘исподлобья, из-под бровей’) наиболее адекватно отражают ситуацию, чей контекст О. Н. Трубачев несколько исказил. Ведь король обратился к епископам, сделав иронический, переходящий в сарказм, выпад в адрес Мефодия. Как известно, Мефодий не остался в долгу, рассказав анекдот о некоем вспотевшем философе, который на вопрос, отчего он вспотел, ответил, что препирался с невеждами. Взгляд снизу вверх может выражать самые разнообразные эмоции: иронию, сомнение, подозрение, страх, угрозу. Поэтому вариант „сказал ему, возражая“, предложенный Трубачевым, отпадает. К тому же, он не согласуется с предшествующей фразой: *н не могоучемъ протнвъ емъ ѿвѣщавати*. Значение *нзнциа* в (80) можно определить в смысле ‘(глядя) украдкой, снизу вверх’, оно близко к значению слова в (81) и (82), где идея взгляда выражена дополнительными лексическими элементами. В этом плане любопытно употребление *нзнциа* в (82), где оно должно включать в себя еще элемент угрозы (*βλοσυρός* ‘страшный, ужасный, грозный’). Теперь о соответствиях. В свете сказанного ст.-чеш. *znice*, если понимать его как ‘искоса (о взгляде)’ можно рассматривать в качестве параллели *нзнциа*; второе наречие ‘уклончиво’ уводит нас несколько в сторону. В болгарском языке есть немало глаголов и наречий, сходных по смыслу с *нзнциа*. Например, *изничам* ‘смотреть, наблюдать, спрятавшись за чем-н.’, *изнычам* (Банат) ‘смотреть через что-н.; подглядывать’, *вничам* ‘всматриваться’, *подничам* ‘смотреть исподлобья; подглядывать нахально’⁵²⁴, *заничам* ‘всматриваться, присматриваться’, *надничам* ‘заглядывать, подглядывать’⁵²⁵; см. также: *никна*², *никна*³, *ницам*¹, *ницам*² ⁵²⁶. Сходные глаголы можно найти в украинском и белорусском: укр. диал. *никати* ‘подглядывать, смотреть; искать, высматривать’, блр. диал. *нікаць* ‘заглядывать’; укр. *никнути* ‘заглянуть’, блр. *нікнуць* ‘заглянуть’⁵²⁷. Справедливо мнение О. Н. Трубачева о том, что традиция различения двух независимых глаголов *nikati, также как и двух независимых глаголов **niknōti*⁵²⁸, не имеет серьезных оснований; оба глагола входят в одно словообразовательное гнездо с корнем *nik-* ‘низ’, а семантические различия вторичны и определяются соответствующим пре-

⁵²³ Комментируя этот эпизод *Жития Мефодия*, О. Н. Трубачев пишет, что речь, конечно, идет не о короле в смысле ‘монарх’; ЭССЯ 11: 87.

⁵²⁴ БЕР IV: 660, *нича*².

⁵²⁵ Геров II: 97; III, 148.

⁵²⁶ БЕР IV: 644–645, 645–647, 658–659.

⁵²⁷ ЭССЯ 25: 114–115, *nikati, *niknōti.

⁵²⁸ Например, Фасмер III: 74–75.

фиксами⁵²⁹; сюда же примыкает и **ničati I*⁵³⁰. Необходимо отметить также болг. нареч. *ницом* ‘вниз, ниц, потупив глаза’ (застывший тв. п. от **ničь*)⁵³¹, а также *ником* (застывший тв. п. от **nikь*)⁵³². Нзннца сочетание нз с ннцъ в род. п. с первоначальным значением ‘снизу вверх, из-под’. Частое соседство с глаголами „зрения“ привело к тому, что за самим корнем (*ник-*, *ниц-*, *нич-*) закрепилась семантика взгляда, но это всегда какой-то особый взгляд, взгляд со стороны, украдкой и т.д. Этот результат очень хорошо отражают приведенные выше болгарские слова. В эпоху древнеболгарскую это отражено в (80) и (82) в противовес (81), где присутствует глагол.

Чешский язык практически не различает префиксов *iz-* и *sv-*. Даже если, как считает Б. Ляпунов⁵³³, их можно разграничить семантически, фонетическое их неразличение показывает, что наречие в виде нзннца не может быть „моравизмом“⁵³⁴.

К. А. Максимович допускает, что западнославянизм *kor(o)lь* в форме *король* проник в книжные тексты из разговорно-бытового языка или деловой письменности (грамот); церковнославянизм *краль* фиксируется в русской книжности поздно – с XV в.⁵³⁵ Данное слово еще с XIX в. связывается с именем Карла Великого⁵³⁶. Весьма любопытную точку зрения высказал О. Н. Трубачев: 1) следы праслав. **korl’ь* ведут на запад к полабским славянам; 2) у южных и восточных славян продолжения **korl’ь* не имеют особенно глубокого народного характера (несмотря на популярность эпического героя Крали Марко среди южных славян); 3) **korl’ь* было уже терминологизировано в славянском и употреблялось о чужом монархе, государе или принце и оно наверняка читалось и в протографе ЖМ; 4) зыбкость значения апеллатива *король* делает понятным употребление в 16 гл. *Жития Мефодия* сочетания *королю оугърскомю*, которое должно обозначать какого-то венгерского воеводу; 5) правильной „старославянской“ формой могла быть *король* (*краль*, возможно, никогда не существовала в „старославянском“ языке), так как в ряде случаев метатеза плавных начиналась с полногласия; форма *король* не противоречит „старославянскому“ характеру языка ЖМ и не является поздней русской вставкой⁵³⁷.

Полабские славяне, действительно, находились в непосредственной близости к империи Карла Великого, но это еще не означает, что именно

⁵²⁹ ЭССЯ 25: 114–115.

⁵³⁰ ЭССЯ 25: 110.

⁵³¹ ЭССЯ 25: 109–110; БЕР IV: 659–660.

⁵³² БЕР IV: 648.

⁵³³ Ляпунов 1929: 762.

⁵³⁴ Уже в словаре Гебауэра форма *iz-* не представлена.

⁵³⁵ Максимович 2008: 111.

⁵³⁶ Фасмер II: 333–334; БЕР II: 712–713.

⁵³⁷ ЭССЯ 11: 82–89.

в их языке имя императора сделалось нарицательным. На возражения критиков, что у полабских славян не было королевской власти, О. Н. Трубачев ответил указанием на „зыбкость“ терминов *rex* и *βασιλεύς*. На наш взгляд, процесс распространения имени императора в качестве апеллатива на территории западного и южного славянства мог быть столь скоротечным, что говорить о „первенстве“, наверно, нет надобности. В связи с этим отметим, что в начале IX в. Болгария поддерживала отношения с империей франков в связи с конфликтами, возникшими после разгрома Аварского каганата. Эти отношения не прекращались и при Борисе I.

По поводу отсутствия народного характера **korl'ь* у южных славян все же позволим себе выразить некоторые сомнения, поскольку на территории Болгарии слово зафиксировано в ряде топонимов и фитонимов. Мнение о первенстве формы *король* любопытно, но не убеждает – южнославянский ареал знает исключительно вариант неполногласный, следов полногласия не обнаружено. Ранняя терминологизация **korl'ь* как-то плохо согласуется с зыбкостью его значения, о которой говорит О. Н. Трубачев. На фоне сказанного мнение Максимовича о том, что слово *король* проникло в книжные тексты из разговорно-бытового языка, выглядит по меньшей мере странным. Если данное слово относится к позднему праславянскому периоду, вовсе нет надобности, считать его западнославянизмом в древнерусском языке, хотя весьма вероятно, что среди восточных славян оно распространилось несколько позднее. Сомнительно также влияние древнеболгарской книжности, так как полногласный вариант показывает устойчивость в русском языке (ср. *град* – *город*, *глава* – *голова*).

Слово **КОШУЛА** связано с народной латынью (< *casula* ‘плащ с капюшоном’) и известно всем славянским языкам. К. А. Максимович утверждает, что слово заимствовано в словенском ареале, видимо, пытаясь внушить, что в остальных южнославянских языках оно проникло из словенского. В русские диалекты *кошуля* проникло в результате языковых контактов с западными славянами; на русской почве семантика слова трансформировалась в ‘сорочка, рубашка’, а значение ‘верхняя одежда на меху’ (со ссылкой на О. Н. Трубачева) наиболее архаично, поскольку семантически ближе всего к романскому образцу⁵³⁸.

Относительно *кошуля* мнения специалистов расходятся. Слово относится к праславянскому периоду. О. Н. Трубачев считает, что семантика рус. диал. *кошуля* ‘верхняя одежда’, ‘меховая одежда’ наиболее архаично как в силу наибольшей близости к образцу оригинала, так и в силу периферийного положения русских диалектов, обнаруживающих это значение⁵³⁹.

⁵³⁸ Максимович 2008: 111.

⁵³⁹ ЭССЯ 11: 192. Считают, что *кошуля* в значении ‘вид верхней одежды’ встречается в валахско-болгарских грамотах (БЕР II: 695–606). Однако единственный случай употребле-

Значение ‘рубашка’, ‘нижняя рубашка’ – семантическое новшество заимствованного слова уже в славянских диалектах и появилось оно в ходе внутриславянского перераспределения⁵⁴⁰. Нет никаких оснований полагать, как это сделал Максимович, что именно на русской почве имела место данная семантическая трансформация. Это означало бы, что в южнославянском и в западнославянском ареале значение ‘рубашка’ привилось из русских диалектов, что, во-первых, довольно странно, а во-вторых, входит в противоречие с его собственной теорией, согласно которой, слово было заимствовано в словенском ареале, а затем из западнославянского ареала попало в ареал восточнославянский, в частности, в русский.

Согласно другой этимологии, в болгарском языке *кошуля* восходит к балканской латыни (*casulla < *casula* ‘плащ с капюшоном’)⁵⁴¹, распространилось в остальных славянских языках через посредство богослужебной литературы⁵⁴². Мнение о влиянии богослужебной литературы на распространение *кошуля* среди славянских языков не подкрепляется данными древних памятников, где слово почти не встречается (К. А. Максимович отметил *кошульнъ* и *кошульнца*, пропустил *кошуля* в сербской рукописи XVII в.⁵⁴³).

Высказанное мнение о проникновении *кошуля* в русские диалекты из западнославянских языков ничем не доказывается, тем более, что если слово отнести к праславянскому периоду, то между восточными и западными славянами находились племена южных славян. В этом плане более обоснованным представляется мнение А. В. Десницкой в связи с вопросом о раннеисторических культурных и языковых контактах восточных славян с балканским ареалом писавшей, что через балканскую многоязычную и, в частности, через южнославянскую среду передавались на север и северо-восток культурные реалии средиземноморского юга⁵⁴⁴. Весьма показательным также слово *баня*, о котором было сказано выше.

По словам К. А. Максимова, **МНЛОСРЪДЪ**, будучи калькой с латинского, с его производными „относится к древнейшему вокабуляру церковнославянского языка“ (речь, конечно, о ДЯ, который в терминологии данного автора имеет множество обозначений); слово имеется также и в „церковнославянском языке русской редакции“; продолжения *мнлосръдъ*

ния данного слова, найденный в грамотах, изданных Л. Милетичем, не подтверждает этого: Н дал си цѣм свѣ н зрада, вас, токмо да встанем езе кошляю (Милетич 1896: 88). И в этом случае *кошуля* означает ‘рубашка’.

⁵⁴⁰ ЭССЯ 11: 193.

⁵⁴¹ Ареал распространения *кошуля* в болгарских диалектах см. у М. Младенова (1987; репринт в: Младенов 2008: 232, и карта № 46).

⁵⁴² БЕР II: 695–696.

⁵⁴³ Miklosich: 307.

⁵⁴⁴ Десницкая 1976; 1978а; 1978б: 161–172; 1987: 32–34.

имеются в чешском, польском, старосербском, сербском, и даже в македонском (*милосрден*), в болгарском же *милосърд* заимствовано из русского⁵⁴⁵ (последнее со ссылкой на БЕР⁵⁴⁶).

Принято считать, что *мнлосърдъ* – праславянская калька с латинского *misericors* или с древневерхнемецкого⁵⁴⁷. Я. Гутянова считает, что *мнлосърдъ* и его производные распространились на территории Великой Моравии и Паннонии во время миссии Кирилла и Мефодия⁵⁴⁸. Основания для такого вывода автор находит в употреблении *мнлосърдъ* в *Пражских глаголических отрывках*, *Беседах* папы Григория Великого, *Никодимовом евангелии* и др., а также – продолжения слова в старочешском, чешском, словацком и польском языках. Забегая вперед, заметим, что этот вывод еще не позволяет зачислить слово *мнлосърдъ* в моравизмы.

Сложение *мнлосърдъ*, видимо, нельзя рассматривать в отрыве от других подобных сложений в ДЯ: *жестосърдъ*, *тажькосърдъ*. В этом плане существенное значение приобретают наблюдения и выводы Р. М. Цейтлин: „Показательна относительно высокая употребительность *мнлосърдъ* в евангельских текстах, что в ряду его особенностей (прежде всего его структуры) свидетельствует об его архаичности“⁵⁴⁹, „*Мнлосърдъ* и его производные характерны в ДЯ прежде всего для языка евангельских текстов, относятся к архаизмам ДЯ“⁵⁵⁰. Архаичный по своей структуре второй компонент *-сърдъ* отмечен и в сложении *жестосърдъ* (причем в нем архаичен и первый компонент *-жест-*)⁵⁵¹. При этом (со ссылкой на А. Мейе⁵⁵²) Р. М. Цейтлин считает, что *жестосърдъ* и однокоренные с ним сложения вряд ли можно рассматривать как кальки с греческого. Относительно *жестосърднѣ* (*σκληροκαρδία*) Р. М. Цейтлин допускает возможное совпадение структуры славянского и греческого слова⁵⁵³ (в более ранней работе допускается и возможность калькирования с греческого, но в более поздней автор склоняется к идее совпадения именно в силу архаичности структуры славянского сложения). Сложение *тажькосърдъ* (*βαρυκαρδιος*) Р. М. Цейтлин относит к древнейшим бессуффиксальным сложениям на уровне ДЯ⁵⁵⁴, хотя вполне возможно, что данное слово является калькой с греческого.

⁵⁴⁵ Максимович 2008: 112, 113.

⁵⁴⁶ БЕР III: 795, 796.

⁵⁴⁷ Meillét II: 233; Фасмер II: 621; ЭССЯ 19: 42.

⁵⁴⁸ Huťanová 1988: 86: „... začlenit' lexému *мнлосърдъ* a od nej odvodené d'alšie lexémy medzi lexiku, ktorá sa rozšírila v staroslovenských pamiatkach na územi Veľ'kej Moravy a Panónie počas veľ'komoravsko-panónskeho obdobia činnosti Konštantna-Filozofa a Metoda”.

⁵⁴⁹ Цейтлин 1977: 252.

⁵⁵⁰ Цейтлин 1986a: 250.

⁵⁵¹ Цейтлин 1977: 236; 1986a: 235.

⁵⁵² Meillét II: 328, 367.

⁵⁵³ Цейтлин 1977: 236; 1986a: 236.

⁵⁵⁴ Цейтлин 1977: 280; 1986a: 279.

(84) нѣ превъзвѣающаѣа въ свонхѣ мѣстѣхъ – ἐνδημοῦνται ταῖς ἑαυτῶν πόλεσι⁵⁶¹.

Оба контекста связаны с 19 правилом Халкидонского собора, в (83) старьшнѣ мѣсто (а не просто мѣсто) означает ‘митрополия’; в (84) мѣсто употреблено в своем общем значении ‘место’, совершенно необязательно истолковывать его в смысле ‘город’, независимо от греч. πόλις, тем более, что греческое слово употребляется и в более общем смысле ‘страна’, что характерно и для слова мѣсто (χώρα). Поэтому авторы SJS не считают, что в этих контекстах мѣсто означает ‘город’⁵⁶². К этому можно добавить, что автор перевода НМ четко разграничивает мѣсто ‘место’ и градъ ‘город’: (85) въ ѡтерѣхъ мѣстѣхъ н градѣхъ – ἐν τισι τόποις καὶ πόλεσι⁵⁶³ (18 правило Никейского собора). По поводу значения ‘город’ у слова мѣсто интересно мнение О. Н. Трубочева: „Первонач. значение ‘locus’ сохранилось у южных и восточных славян, у западных славян с XIV в. развивается значение ‘urbs’ (< ‘поселение’ < ‘ограниченная часть пространства, определенная часть пространства, где может расположиться что-л.’) не без влияния нем. Ort, Stadt, сочетающих значения ‘locus’ и ‘urbs’. В чешском различаются долгой město ‘urbs’ и mĭsto ‘locus’. Значение ‘город’ в укр. и русск. – калька ср.-в.-нем. stat ‘город, место’, через посредство зап.-слав. языков. У южных и восточных славян в значении ‘город’ функционирует *gordъ (см.), которое у западных славян имеет более узкое значение ‘крепость, укрепление, замок’“⁵⁶⁴. Попытку К. А. Максимовича оспаривать данное мнение следует признать несерьезной. Это тем более очевидно, что сам автор высказывается лишь предположительно о наличии значения ‘город’ у мѣсто в кирилло-мефодиевскую эпоху⁵⁶⁵. Если у него нет уверенности в этом, то на каком основании он приписывает перевод НМ Мефодию.

Слово НЄПРНѦЗНЬ

В научной литературе со времен П. Й. Шафарика⁵⁶⁶ прочно укоренилось мнение о мораво-паннонском происхождении значения ‘дьявол’ у слова неприянь в молитве *Отче Наш*⁵⁶⁷. Многие авторы считают, что в этом

⁵⁶¹ Vašica 19716: 358; SJS II: 261 (в словаре несколько искажен греческий текст: ἐν ταῖς ἑαυτῶν πόλεσι).

⁵⁶² SJS II: 261.

⁵⁶³ Vašica 19716: 295; SJS II: 261.

⁵⁶⁴ ЭССЯ 18: 205.

⁵⁶⁵ Максимович 2008: 114.

⁵⁶⁶ Šafárik 1858: 37–38.

⁵⁶⁷ В молитве неприянь использовано при переводе ἀπὸ τοῦ πονηροῦ. В некоторых рукописях это выражение переведено сочетанием отъ лжквѣиго.

значении *неприя́знь* является калькой с д.-в.-н. *Unhold* ‘демон, нечистая сила’⁵⁶⁸. А. С. Львов писал:

„Надо полагать, что из-за непонятности мораванам данного слова [лжаквзин, – Р.С.] и заменили его другим словом *неприя́знь*, несомненно являющимся калькой с германского *Unhold*. Разумеется она, эта калька, не могла войти в старославянский язык ни в Македонии и ни в Болгарии. По этой причине слово *неприя́знь* следует рассматривать как законный (!) моравизм“⁵⁶⁹.

В пользу моравского происхождения слова *неприя́знь* высказался и Я. Станислав, который в поддержку этого привел слова *nepriaznik, nepraznik* ‘дьявол’ из словацких юридических документов XVII в., точнее – из протоколов процессов против ведьм⁵⁷⁰. „Ведьмы“ признавались в своих связях с нечистым, называя его при этом словами *nepraznik, nepriaznik, diabel, čert, prepasnik, priepasnik, prieapastnik*; один раз было употреблено слово *nepritel*:

„... Na Igaličkineg swadby sem take pritomna bola, a kdi nas *nepriaznik* napominal a geho sme nepočuwaly, tehdy nas hrozne trestal...“⁵⁷¹;

„Žena Rasška (!) vyznáva: že ge striga a že *diabel* pristupil kneg na brezinach babinských... a ukazal sa mi w parsume muzskem, gako mladenskem, a prisahala sem mu, že mu budem služity, a sľibowal mi, že budem miti mnoho penezы, y mel čzyneni ten že *nepritel* semnou... A nektera striga ma gedneho každeho Pana a nekteri *čert* ma y tri strigi... A mast, kterou se mastja strigi, sam *priepasnik* robil...“⁵⁷²;

„a zwiedol ma na Czertoweg hory špusobu meho; a kdy dokonal ten skutek tehdy poznala že ge *nepraznik*“⁵⁷³.

В старочешском *nepřiezn, nepřiezeň, nepřázeň*, в современном чешском, словацком и польском языках (*npřízeň, nepriazeň, nieprzyjaźń*) означают ‘неприя́знь’, ‘враждебность’, ‘злоба’⁵⁷⁴; таково значение слова *неприя́знь* в русском и других восточнославянских языках. Значение ‘дьявол’ у слова *něprijázen* неизвестно и современному словенскому языку⁵⁷⁵. Я. Гутянова⁵⁷⁶ соглашается с А. С. Львовым, который, возражая В. Ягичу, считал, что пер-

⁵⁶⁸ Или *unholdo* (Fasmer II: 213, Фасмер III: 64).

⁵⁶⁹ Львов 1965б: 268; см. также: Львов 1966: 198–201.

⁵⁷⁰ Stanislav 1956: 254–255; см. также: HSSJ II: 540.

⁵⁷¹ Stanislav 1956: 254.

⁵⁷² Stanislav 1956: 255.

⁵⁷³ Stanislav III: 294; цит. по: Huťanová 1998: 91.

⁵⁷⁴ Gebauer II: 595; SSJČ III: 336; SSSJ II: 346; SJP V: 177.

⁵⁷⁵ SSKJ III: 79.

⁵⁷⁶ Huťanová 1998: 91–92.

вые переводчики заменили в тексте евангелия первоначальное лжквзгн на непрназнь⁵⁷⁷.

Недавно было высказано предположение, что непрназнь ‘дьявол’ не является калькой с немецкого, а возникло по подобию латинского *inimicus* ‘противник, враг’, иногда переводящее греч. ὁ πονηρός и ὁ διάβολος:

„Другият момент засяга възможността слав. непрназнь да е възникнало по подобие на лат. *inimicus*. Едно отношение – *amicus, inimicus* непрназнь е много по-неутрално от отъждествяването в семантика и структура на (не)прназнь с прилагателното и субстантивираната му форма (*un*)hold“⁵⁷⁸.

В поддержку этого предположения А. Минчева приводит такое соображение: к V в. уже существовало отношение эквивалентности ὁ πονηρός – *inimicus*, которое позднее могло повлиять при образовании славянского обозначения дьявола сходного состава и структуры, возникшего „по народен път“⁵⁷⁹. К тому же *Unhold* встречается единственно в формуле отречения от Сатаны⁵⁸⁰.

Мысль А. Минчевой плодотворна, и для выяснения данной проблемы необходимо рассмотреть основные лексемы того же словообразовательного гнезда. Слова прназнь, прнатель связаны с глаголом прнати, прнаж ‘относиться доброжелательно, благоприятствовать’⁵⁸¹. В недавно вышедшей статье И. Христова сделала хороший анализ употребления непрназнь и его производных в древних славянских текстах; автор также высказала свои соображения против вероятного моравского происхождения рассматриваемого слова; основные возражения сводятся к тому, что ни значение, ни морфемный состав слова, ни его употребление дают основания предполагать, что оно является калькой; все же если слово является моравизмом, то оно вошло в язык письменности и в деловую речь⁵⁸². По неясной причине, однако, И. Христова считает, что непрназнь – девербатив от прнати, прнаж⁵⁸³. На самом деле, следуя правилу бинома Г. О. Винокура и абстрагируясь от возможных иноязычных влияний, непрназнь – производное от прназнь с отрицательной частицей не-⁵⁸⁴. Прназнь – образование от глагола прнати с

⁵⁷⁷ В. Ягич считал, что в Кирилло-Мефодиевском переводе молитвы *Отче наш* было употреблено слово непрназнь, замененное впоследствии на лжквзгн. А. С. Львов высказал противоположное мнение.

⁵⁷⁸ Минчева 2000: 101.

⁵⁷⁹ Минчева 2000: 101.

⁵⁸⁰ Минчева 2000: 100.

⁵⁸¹ Фасмер III: 369–370; БЕР V: 749–750.

⁵⁸² Христова 2005: 168, 169.

⁵⁸³ Ср.: „Нека сега анализираме етимологията и морфемния състав на думата непрназнь. Това е девербатив от глагола прнати, прнаж, който означава ‘благоразположен съм, благоприятен съм’“ (Христова 2005: 165).

⁵⁸⁴ А. Минчева считает, что такое предположение высказал О. Кронштейнер (Kronsteiner 1989: 101); ср.: „Може би, както смята О. Кронштейнер, думата е възникнала от славянското

суффиксом -знь. Суффикс -знь в основном служит для образования deverbativов ж.р., чье значение, как правило, непредметно⁵⁸⁵. В нашем случае существенно то, что слово *приаъзнь* имеет и значение ‘друг, приятель’⁵⁸⁶, зафиксированное как в текстах, гипотетически связанных с моравской миссией и чешской традицией, так и в текстах, возникших в эпоху Первого Болгарского царства. Приведем примеры:

(86) *нъведе сн нн ѣдного же нмѣа съвѣтника . ѣ приаъзньн*, СР 408,30 – 409,1⁵⁸⁷;

(87) *всн приаъзньн его* (omnes amici) Есф. 5:14 по списку XIV в.⁵⁸⁸; ср. в ОБ: *дрѣзньн ѣго*;

(88) *разочумѣваемъ паче ратити са приаъземъ нашнмъ* (εὔνοος) Григорий Назианзин XI, л. 175a⁵⁸⁹;

(89) *нсповѣда все по праву (радочу В) н к некому приаъзньн (пріаъзньноу Е другу Пр) своему (своем Б) 2685–2686 – τισι, οἷς προσέκειτο, τὸ πᾶν τῆς ἀληθείας ἐξηγήσατο 528* (ЖАЮ)⁵⁹⁰;

(90) *Како раздѣлан Олѣксандръ властн своимъ приаъземъ* Сбор. XV Моск. арх. м. и. д. (Обол. LXVI)⁵⁹¹;

(91) *поговѣн вса его приаъзньн н клнрнкн amicos VencNik*⁵⁹²;

(92) *такѡ до того себе [сна] приаъзньн твораше ita ut eum sibi amicum crederet* Ves⁵⁹³;

существително *приаъзнь* (с редки употреби и персонифицирано като „приятел“ и в мн. ч., както е в Паренесиса) върху лат. *inimicus* – ситуация, която повече се свързва с южнославянския ареал, където се проявява при христианизацията влиянието на латинския език, включително и старото и широко присъствие на балканския латински“ (Минчева 2000: 100). Ничего подобно у О. Кронштейнера нет: на с. 101 читается словарная статья *неприяъзнь*, а на с. 109, коментирруя термин „моравизм“, О. Кронштейнер отмечает, что *неприяъзнь* – калька (Lehnübersetzung) с *inimicus*.

⁵⁸⁵ Встречаются и исключения: например, *кузнь* ‘все кованое, сосуды, украшения’ (Варбот 1969: 88).

⁵⁸⁶ Встречается также производное с суффиксом -зньн для лица ж. р. *приаъзньнѣн* – ‘подруга’ (SJS III: 330–331).

⁵⁸⁷ Супр. II: 277–279; см. также: СС: 546. Авторы СтБР (I: 982) считают, что в случае следует читать *неприяъзньн*, и ссылаются на С. Северьянова. С. Северьянов, однако, лишь указал: читай *непр[и]аъзньн* τῆς πονηρίας (Северьянов 1904: 409, примеч. 1). Славянский текст дает более свободный перевод, поэтому нет необходимости соглашаться с Северьяновым; ср.: ‘не имея советника и друга’ в славянском тексте против ‘не имея советника в злобе (коварстве)’ в греческом.

⁵⁸⁸ Срезневский III: 1501.

⁵⁸⁹ Corpus; Срезневский II: 1501.

⁵⁹⁰ Молдован 2000. Число после славянского текста обозначает строку в издании А. М. Молдована, число после греческого текста – страницу в издании А. М. Молдована. У И. И. Срезневского: *Нсповѣда по праву н къ нъкоемъ приаъзньн своему* (в подл. нет) (Срезневский II: 1501). О проблеме перевода ЖАЮ см. Станков 2002б.

⁵⁹¹ Срезневский II: 1501.

⁵⁹² SJS III: 331.

⁵⁹³ SJS III: 331.

(93) нѣси прѣзнь црѣва non es amicus caesaris Nicod. 9 Novg.⁵⁹⁴

Удивительно, что А. С. Львов прошел мимо значения ‘друг’ у слова прѣзнь; автор рассматривает только значение ‘доброжелательство, благо-склонность’⁵⁹⁵. Слово непрѣзнь, переводящее греч. ὁ πονηρός, на основании наличия прѣзнь ‘друг’ следует толковать в смысле ‘недруг, враг’, т.е. как табуистическое обозначение дьявола. От глагола прѣзати образовано и другое слово со значением лица – прѣзатель, которое считается праславянским⁵⁹⁶. От прѣзатель ‘друг’ в свою очередь образовано непрѣзатель ‘недруг, враг’. Возникает вопрос, откуда для слова непрѣзнь появилась необходимость в семантической кальке с д.-в.-н. *Unhold* или с латинского *inimicus* при наличии праславянского слова прѣзатель, от которого легко образовывается непрѣзатель. Ведь, если пара прѣзнь – непрѣзнь соответствует парам *hold – unhold*⁵⁹⁷ и *amicus – inimicus*, то и пара прѣзатель – непрѣзатель точно так же может соответствовать указанным германским и латинским словам. Сам суффикс -знь как был, так и остался малопродуктивным. При переводе греч. ὁ πονηρός вполне можно было использовать и слово непрѣзатель ‘недруг, враг’⁵⁹⁸, поскольку и в других древних текстах для обозначения нечистой силы или дьявола часто использовались слова сходной семантики: врагъ, протнвннкъ. Приведем примеры:

(94) прѣскврнзньзньн во врагъ родоу ѿлѣьскоу – ἐχθρός τοῦ γένους τῶν ἀνθρώπων, СР 519,16⁵⁹⁹;

(95) Добро оубо ѿтъз на отъгъзнаннѣ протнвнннка н чнстотоу тѣла прѣжде сзпанна на ложн молнтн сѧ (ἐναντίος) ПА л. 46d⁶⁰⁰;

(96) оубо ѿлѣькз в шестын днѣ сззданъ бысть, ѧ протнвннкъ нзърече четвертын днѣ, *Историческая Палея* (ИП)⁶⁰¹ – ὁ γὰρ ἄνθρωπος τῆ ἕκτῃ ἡμέρᾳ ἐπλάσθη ὁ δὲ ἀντικείμενος ἐξέπεσεν τῆ τετάρτῃ ἡμέρᾳ⁶⁰²;

(97) Сззда же сѧ ѿлѣькз ѿ бл. н ѣвга ѿврѣеннца ѣмс. поставѣ ѧ (вар. ѧ) бѣ пнтатн раѧ. протнвннѣ оубо зѧвнсть прнѣмъ. ѿволкз сѧ вѣ змѣю. прѣнде глѧ ѣвѣ... ИП⁶⁰³– Πλάσθεις δὲ ὁ ἄνθρωπος παρὰ θεοῦ καὶ ἡ αὐτοῦ ὁμόζυγος Εὐὰ ἐτέθησαν παρὰ [τοῦ] θεοῦ τρυφᾶν τὸν μαρὰδεισον. ὁ δὲ ἀντικείμενος

⁵⁹⁴ SJS III: 331.

⁵⁹⁵ Львов 1966: 198.

⁵⁹⁶ Фасмер III: 369, БЕР V: 749.

⁵⁹⁷ Точнее, их субстантивированным вариантам.

⁵⁹⁸ Одна из словацких „ведьм“ употребила именно это слово (2).

⁵⁹⁹ Супр. II: 499.

⁶⁰⁰ Согрус; Срезневский II: 1595.

⁶⁰¹ Попов 1881: 2–3. Об *Исторической Палее* см. Станков 1994а.

⁶⁰² Васильев 1893: 189. В случае славянский и греческий тексты не покрываются полностью, но тем не менее протнвннкъ как табуистическое обозначение дьявола соответствует греч. ὁ ἀντικείμενος ‘противоположный’.

⁶⁰³ Попов 1881: 3–4.

φθὸν ὡς ληφθεῖς [καί] ἐνδυσάμενος τὸν ὄφιν ἤλθεν συντυ(γ)χάνων
τῇ Εὐα...⁶⁰⁴

Приведенные данные не позволяют согласиться с общепринятым мнением о происхождении значения ‘дьявол’ у слова *непрназнь* в славянской письменности. Во-первых, *непрназнь* в контексте молитвы *Отче Наш* следует толковать в смысле ‘недруг, враг’, т.е. как табуистическое обозначение того, кого нельзя назвать его именем собственным; точно так же табуистическим является и другое субстантивированное обозначение дьявола, встречающееся в молитве *Отче Наш*, – лжквзгн ‘злой, коварный’⁶⁰⁵; значение ‘дьявол’ у *непрназнь* следует рассматривать как вторичное. Ср. у Кирилла Иерусалимского:

(98) *непрназнь* же есть соупротивный бѣсѣзъ – ὁ πονηρὸς δὲ ὁ ἀντικείμενος δαίμων⁶⁰⁶.

Во-вторых, *непрназнь*, как уже было отмечено, – производное от *прназнь*. Если считать *непрназнь* ‘недруг, враг’ семантической калькой (неважно с какого языка), то возникает вопрос о значении лица ‘друг’ у слова *прназнь*, т.е. таким же образом и *прназнь* ‘друг’ следует считать семантической калькой, ибо невозможно, чтобы в паре *непрназнь* – *прназнь* значение ‘недруг’ у производного слова было бы калькой, а значение ‘друг’ у производящего – нет. Однако на каком основании следует говорить о семантической кальке⁶⁰⁷? Ведь в языке существовала пара *прнатеълъ* – *непрнатеълъ*, охватывающая значения ‘друг’, ‘недруг, враг’, к тому же суффикс *-знь* обычно дает слова ж. р., т.е. следовало бы ожидать, что значение лица будет связано с лица-

⁶⁰⁴ Васильев 1893: 189–190.

⁶⁰⁵ Существует еще возможность, толковать значение слова *непрназнь* в смысле ‘зло’ вообще. Известен латинский перевод ἀπὸ τοῦ πονηροῦ словом *malus* (Минчева 2000: 96). Еще Шафарик определял значение *непрназнь* как ‘*malus, diabolus*’. На эту возможность обращает внимание и И. Христова (Христова 2005: 166).

⁶⁰⁶ Минчева 2000: 96.

⁶⁰⁷ И. Виль высказала мысль, что нельзя говорить о структурном калькировании германской лексемы, а скорее следует предполагать существование праславянского термина **neprijaznъ* ‘злора, враждебность’, который под влиянием немецкого аналога получил новые религиозные коннотации (Wiehl 1974: 52–53; цитировано по: Максимович 2004а: 96). Можно согласиться с мыслью И. Виль, что в случае калькирование германского слова не имело места; однако влияние немецкого аналога на славянское слово никоим образом обосновано быть не может, и в случае И. Виль просто следует за традицией, пытающейся навязать слову *непрназнь* едва ли не в обязательном порядке какое-то иноязычное влияние. К. А. Максимович просто соглашается с И. Виль, заявляя, что „данная семантическая трансформация могла произойти, по понятным основаниям, только на западе славянского мира“ (Максимович 2004а: 96). Неясно, ни что это за „семантическая трансформация“, ни что это за „понятные основания“. Ссылка К. А. Максимовича на авторитетные этимологические словари М. Фасмера и П. Скока не решают проблему. Ничего нового по этому поводу не сказал К. А. Максимович и в другой своей работе (Максимович 2005: 137–138).

ми женского пола. Мнение И. Христовой, что значение, морфемный состав и употребление данного слова не дают оснований предполагать калькирование, вполне обосновано. Влияние латинского языка на структуру и семантику *непрназьнъ*, как считает А. Минчева, сомнительно, поскольку славянский языковой материал можно рассматривать как самодостаточный. Примечательно, что и *прназьнъ*, и *непрназьнъ* совмещают в себе семантику абстрактную и семантику значения лица мужского пола. Вряд ли такое сочетание можно отнести к исторической уже эпохе IX в. Скорее всего это остаток доисторической эпохи, когда слова по *ŷ-основам давали существительные как мужского, так и женского рода (*гость* – *кость*). Правда, в SP⁶⁰⁸ значение лица для суффикса *-зьнъ* не отмечено; тем больше оснований отнести данное исключение к эпохе доисторической. Впоследствии значение лица мужского пола постепенно стиралось; ср., например, ЖАЮ (89), где в списках редакции **Б** слово *прназьнъ* ‘друг’ воспринималось как относящееся к лицу женского пола или вообще как слово ж. р. с абстрактным значением. Мысль о „персонифицированом“ значении ‘друг’ у слова *прназьнъ* выглядит неубедительной⁶⁰⁹, поскольку в случае *прназьнъ* изолируется от *непрназьнъ* и других слов того же гнезда. Значение лица у слова *прназьнъ* не является простой персонификацией. Об этом свидетельствуют и попытки разграничивать абстрактную семантику слова *прназьнъ* от его значения лица: в НМ, составление и перевод которого обычно приписывается Мефодию, можно найти образование ср. р. *прназьнѣнѣ*, выражающее как раз абстрактное значение слова *прназьнъ* ‘доброжелательство, благосклонность’⁶¹⁰. Мысль о кальке отвергает и В. В. Нимчук, чья работа до недавнего времени по случайности оставалась вне нашего поля зрения. Автор также обращает внимание на то, что *прназьнъ* в древних текстах имеет и значение лица. Однако рассуждения и выводы Нимчука противоречивы и непоследовательны. Высказано предположение о том, что в „моравско-паннонском“ ареале рядом с *прназьнъ* ‘друг’ могло существовать и *непрназьнъ* ‘враг’; допускается еще возможность того, что под немецким влиянием проповедники христианства приписали новое значение уже существующему славянскому образованию, при этом не исключается и возможность независимого развития семантики славянского слова с указанием на ср.-в.-н. *holde* ‘друг’. В итоге, география древнего *прназьнъ* ‘друг’ и чеш. *přízeň* ‘родственник’ указывают на моравский ареал, его антоним *непрназьнъ* ‘враг’ → ‘дьявол’ (независимо от возможного немецкого влияния) относится к моравским элементам „старославянского“ языка⁶¹¹. Термин *моравско-паннонский* ареал с традиционным отнесением

⁶⁰⁸ SP I: 118–119.

⁶⁰⁹ Минчева 2000: 100.

⁶¹⁰ Цибранска-Костова 2000: 51.

⁶¹¹ Нимчук 1988: 196–197.

первой части к чешско-словацкой территории в лингвистическом смысле неправилен, так как охватывает районы славянских языков западнославянской и южнославянской группы. Как видно, Нимчук в одно и то же время допускает самодостаточность пары *приаѣнь* – *неприаѣнь* и немецкое влияние на значение второго члена данной пары; отметим также, что ср.-в.-н. *holde* ‘друг’ относится к более позднему периоду (вторая половина XI – середина XIV в.), когда пара *приаѣнь* – *неприаѣнь* уже существовала в ДЯ. Относить *неприаѣнь* к моравским элементам нет смысла, так как мотивирующее в семантическом плане слово *приаѣнь* ‘друг’ достаточно убедительно документировано в древнеболгарской книжности. Трудно согласиться с тем, что чеш. *přízeň* обладает значением лица. Нимчук ссылается на словарь Ф. Травничека⁶¹², которым не располагаем, указывая на собирательное значение ‘родня, родственники’, переделывая его впоследствии на ‘родственник’. Ни один словарь не дает для *přízeň* значение лица ‘родственник’. В словаре Котта есть ‘*přátelstvo, příbuzenstvo, příbuzní*’, в словаре П. Ваши и Ф. Травничека – ‘*příbuzní, příbuzenství*’, в SSJČ – ‘*příbuzenský vztah, poměr; příbuzenstvo, příbuzní*’⁶¹³; т.е. ‘дружба’, ‘родство’, ‘родственные связи, отношения’ и собир. ‘родня’. В чешско-болгарском словаре дан такой пример: *to je děvče z přízně – това момиче ни е роднина* („эта девочка приходится нам родственницей“)⁶¹⁴; такой перевод, конечно, допустим – он вполне адекватно передает смысл чешского выражения, но сочетание *z přízně* говорит о том, что слово не имеет значения лица – семантику данного выражения следует формулировать иначе: ‘эта девочка состоит в родстве с нами’, ‘эта девочка из (нашей) родни’ или ‘из (нашего) круга родственников’. Такое употребление чешского слова отличается от употребления *приаѣнь* в древних текстах, за которым прямо закреплено значение лица ‘друг, приятель’. Примеры из текстов, гипотетически относимых к моравской миссии и чешской традиции (91, 92, 93), извлечены из поздних сербских и русских списков.

Поскольку *неприаѣнь* ‘недруг, враг’ встречается в широко известном тексте молитвы *Отче Наш*, появилась необходимость в соответствующем образовании со значением лица м. р. Было упомянуто уже, что Я. Станислав указал на слова *nepriaznik, nepraznik* в словацких документах XVII в. Однако в древнеболгарском переводе ИП, переведенной с греческого в конце X или в начале XI в.⁶¹⁵, зафиксировано слово *неприаѣннкъ*, образованное при

⁶¹² Trávníček 1952: 1289.

⁶¹³ Kott II: 1120; Váša, Trávníček II: 1275; SSJČ IV: 681.

⁶¹⁴ ЧБР II: 349.

⁶¹⁵ Попытку оспорить датировку первого славянского перевода ИП сделал Й. Райнхарт (Reinhart 2007). По этому вопросу мы готовим отдельную статью.

помощи суффикса -нкъ; встречается еще вариант с суффиксом -ьникъ – неприаьникъ; пока что это единственное известное употребление:

(99) жена ѡубо ѡвѣщавши рече. ꙗко дрѣвѣз животнома не прикоснем сѧ, ꙗко да не ѡѣрмемь. ꙗже дрѣва прочѧѧ всѧкаѧ въ ѡблѧстн соѡ намъ. тѣмъ съвѣщевѧѧ. ꙗко неприаьженннъ (список А: тѣмъ ꙗко съвѣщевѧѧ неприаьженннъ; список Б: тѣмъ ꙗко совѣщевѧѧ неприаьженннъ) рече к ннмъ. ꙗко ꙗще коснега сѧ дрѣвѣз...⁶¹⁶ – ἡ δὲ γυνὴ ἀπεκρίνατο λέγουσα· ὅτι μόνον τοῦ ξύλου τῆς ζωῆς οὐχ ἀψόμεθα, τὰ δὲ ἄλλα πάντα ἐπ’ ἐξουσίας ἔχομεν. ὅθεν συμβουλευὼν ὁ ἀντικείμενος ἔφη πρὸς αὐτήν· [ὅτι] ἐὰν μόνον ἄψεσθε τοῦ ξύλου...⁶¹⁷

Примечательно, что одно и то же греч. слово с одним и тем же значением (ἀντικείμενος) в ИП в одном и том же контексте переведено двумя словами: протнвьникъ (96) и неприаьникъ (99); вариант неприаьникъ относительно более поздний, но, возможно, тоже весьма древний. В сокращенной русской редакции ИП слово неприаьникъ опущено⁶¹⁸. Ясно, что доказательство Я. Станислава в пользу моравского происхождения неприаьнъ ‘дьявол’ теряет силу.

Последняя работа К. А. Максимовича не добавила ничего нового в отношении данного слова по сравнению с предыдущими⁶¹⁹. Об употреблении неприаьнъ и его производных в древнеболгарской письменности хорошую статью, как уже было отмечено, написала И. Христова⁶²⁰. Некоторые дополнения сделаны автором в другой статье: 1) группа девербативов с суффиксом -ьнъ образует семантическое поле понятий, связанных с высшими силами и взаимоотношениями человека с ними; 2) неприаьнъ в значении ‘дьявол’ представляет собой персонификацию чувства⁶²¹. Как и в более ранней работе И. Христова считает, что неприаьнъ – девербатив от глагола приатн⁶²². На самом деле неприаьнъ образование от приатнъ с отрицательной частицей не⁶²³. Высказанные И. Христовой мнения не убеждают, поскольку сама идея семантического поля сильно скомпрометирована (об этом в свое время очень много писал О. Н. Трубачев⁶²⁴), данный суффикс характеризуется как средство для образования существительных, обозначающих результат глагольного действия⁶²⁵. Что касается персонификации, то она

⁶¹⁶ Попов 1881: 4.

⁶¹⁷ Васильев 1893: 190.

⁶¹⁸ Попов 1881, Сокращенная редакция: с. 3–4.

⁶¹⁹ Максимович 2008: 114.

⁶²⁰ Христова 2005.

⁶²¹ Христова-Шомова 2007: 145, 146.

⁶²² Христова-Шомова 2007: 144.

⁶²³ Станков 2006в: 73; см. также: ЭССЯ 24: 216.

⁶²⁴ См. хотя бы Трубачев 1976.

⁶²⁵ Варбот 1969: 88; Граматика 1991: 179; SP 1: 118–119; Ефимова 2006: 176–177. В работе В. С. Ефимовой при слове приатнъ не указано значение ‘друг, приятель’ (SJS III: 331; СС:

обычно приписывает человеческие характеристики, но не чувства, предметам, животным и природным стихиям. Как правило, считают, что значение 'дьявол' у *непрназнь* – семантическая калька с д.-в.-н. *unhold, unholdo* (о чем уже было сказано). Идеи семантической кальки придерживается и О. Н. Трубачев⁶²⁶.

Подводя итоги, необходимо отметить: 1) *непрназнь* – образование от *прназнь* с отрицательной частицей *не*; народный характер (А. Минчева) этого слова вполне допустим; 2) значение лица у мотивирующего слова *прназнь* – скорее всего архаизм, остаток доисторической эпохи; 3) первоначальное (табуистическое) значение лица у *непрназнь* – 'недруг, враг'; значение 'дьявол' – вторично; 4) аргументы В. Ягича и А. С. Львова в пользу первичности или вторичности *лжквзън* или *непрназнь* в первоначальных славянских переводах дискуссионны; в случае существенно то, что они не имеют отношения к происхождению и семантике слова *непрназнь*; 5) и, наконец, *непрназнь* 'недруг, враг' → 'дьявол', несмотря на его отсутствие в современном болгарском языке, нельзя считать моравизмом или паннонизмом в древнеболгарских текстах; в этом плане существенно также отсутствие значений 'недруг, враг', 'дьявол' в современном чешском, словацком и словенском языках; производные от *непрназнь* документированы в текстах древнеболгарской книжности.

---

516), которое имеет существенное значение для решения проблемы слова *непрназнь*.

⁶²⁶ ЭССЯ 24: 216.

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЕ ПАПЫ ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА И ЧЕШСКИЙ ИЗВОД „ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО“ ЯЗЫКА

Беседы на Евангелие папы Григория Двоеслова по древнерусскому списку XIII в. (собрания Погодина, № 70, РНБ), безоговорочно относятся к текстам западнославянского происхождения (известны еще: Уваровский список XV в. и Синодальный – XVII в.). Более того, это самый крупный представитель так называемого „чешского“ извода „церковнославянского“ языка. Памятник безусловно заслуживает специального исследования, но, к сожалению, не располагаем недавно вышедшим изданием памятника¹, поэтому здесь ограничимся лишь некоторыми наблюдениями над этим текстом. Впервые более серьезно на этот текст обратил внимание А. И. Соболевский, высказавшийся за западнославянское (чешское) происхождение славянского перевода.

Отправляясь на поиски церковнославянских текстов моравского происхождения, А. И. Соболевский пришел к заключению, что в Моравии ученики Кирилла и Мефодия, местные уроженцы, несомненно должны были использовать моравизмы. Эти моравизмы „должны были быть особенно многочисленны у переводивших с латинского языка, ввиду связи именно с этим языком моравской христианской терминологии. Поэтому искать церковно-славянские тексты моравского происхождения всего вернее между древними переводами с латинского“².

Именно на основе „моравизмов“ перевод *Бесед* причислен к памятникам моравского происхождения: „его немногочисленные, но несомненные западно-славянизмы (= моравизмы) вполне разрешают нам вопрос о его происхождении, снабжают нас богатым материалом и дают ключ к пониманию и оценке данных других переводов с латинского“³. Сей богатый материал касается только словаря памятника, он не принадлежит ни фонетике, ни морфологии, потому что, как считает автор, „фонетические особенности с чрезвычайной быстротою и легкостью изменялись переписчиками, и мы напрасно стали бы искать в языке „Бесед“ тех *з* и *ц* из *dj* и *tj*, того *дл* на месте ц.-сл. *д* и т.д., которые характеризовали и характеризуют язык мораван и которые, может быть, были во множестве употреблены переводчиком“⁴. С

---

¹ ЪVI–II.

² Соболевский 1900: 153.

³ Соболевский 1900: 154.

⁴ Соболевский 1900: 154.

последним утверждением Соболевского нельзя согласиться. Если бы орфография перевода во множестве случаев отражала особенности моравского или чешского произношения, то, несмотря на „быстроту“ и „легкость“ ее изменения под пером переписчиков, следы оригинала должны были сохраниться.

По мнению Соболевского, язык *Бесед* – „церковнославянский“ русско-го извода – богат архаизмами, особо это касается морфологии и синтаксиса. Автор отметил наличие форм простого аориста, форм 3 л. наст. без -тъ, беспредложного местного падежа, ѣ в значении ѡ. Отмечено также и смешение юсов, которое обычно считается среднеболгарской особенностью⁵. Особое внимание уделено влиянию греческого языка в переводе (звуковая форма собственных имен, присутствие грецизмов „без надобности“). Словарный состав отличается сложностью. Большая его часть – слова, которые находятся в кирилло-мефодиевском переводе евангелия, апостола и псалтири. Христианская терминология в общем тоже кирилло-мефодиевская. Меньшая часть – слова, которые либо вовсе не встречаются ни в кирилло-мефодиевских переводах, ни в текстах болгарского происхождения, или же встречающиеся в них, но с другими значениями. Как раз эта меньшая часть резко отличает *Беседы* от всех „церковнославянских“ текстов, так как целый ряд слов совпадает с современными западнославянскими, некоторые из них даже названы „специально-западно-славянскими“⁶. После всего этого Соболевский заключает:

„Все данные говорят за то, что перевод „Бесед“ сделан в стране, где столкнулись греческое и латинское влияния, где встретились церковно-славянский и западно-славянский языки, где церковно-славянский язык как язык церкви и литературы был хорошо известен и силен, где рядом с кирилло-мефодиевскою христианскою терминологию была какая-то другая. Такою странюю могла быть только Моравия времен мефодиевских и после-мефодиевских“⁷.

„Все словарные данные говорят за то, что перевод „Бесед“ сделан в стране, где столкнулись греческое и латинское влияния, где встретились церковно-славянский и западно-славянский языки, где церковно-славянский язык как язык церкви и литературы был хорошо известен и силен, где рядом с кирилло-мефодиевскою христианскою терминологию была какая-то другая“⁸.

⁵ Соболевский 1900: 155; Соболевский 1910б: 48–49.

⁶ Соболевский 1900: 156–158; Соболевский 1910б: 50–52.

⁷ Соболевский 1900: 159.

⁸ Соболевский 1910б: 52.

Как видно, в более ранней своей работе Соболевский местом происхождения перевода *Бесед* назвал Моравию, в более поздней – Чехию, причем сделано это довольно странным образом: чешское происхождение памятника присутствует только в заглавии работы „Словарный материал двух памятников чешского происхождения“⁹. Время осуществления перевода также неясно. И здесь Соболевского можно поймать в очередном противоречии. Так, в более ранней работе сказано, что „перевод Никодимова Евангелия сделан там же, где перевод *Бесед*, но или несколько раньше, или несколько позднее, чем этот последний“¹⁰. Выходит, переводы *Бесед* и Никодимова Евангелия сделаны в Моравии с некоторым расхождением во времени. В более поздней работе Соболевский утверждает, что „перевод Никодимова Евангелия сделан там же и тогда же, где и когда сделан перевод *Бесед*“¹¹. Иными словами, переводы сделаны в Чехии в одно и то же время. При этом аргументация автора в обеих работах одна и та же. Вспомним также, что Соболевский приписывал перевод КЛ и *Бесед* одному и тому же лицу. В Чермак пишет, что первоначально Соболевский рассматривал *Беседы* и Никодимова Евангелие как перевод одного лица¹², но это, видимо, недоразумение.

Вряд ли все это можно назвать серьезной обосновкой моравского или чешского происхождения *Бесед*, таковой просто нет: ни по отношению к языковым данным, ни по отношению к вопросу о столкновении греческого и латинского влияний. Поэтому в рецензии на труд Соболевского В. Ягич выразил основательные сомнения по поводу происхождения памятника, обратив внимание на то, что основной его словарный фонд южнославянский по своему характеру¹³. При этом далеко не все „западославянские“ лексемы, „доказывающие“ его происхождение, заслуживают право на такую характеристику. Приведем список этих слов по А. И. Соболевскому¹⁴: вароватн сѧ, варовьнъ – чешск. *varovati, varovný*, влѧць privatus – ст.-чешск. *vláščí, vьstьz* – чешск. *věstý*, вѧдѧвннѧ scientia – чешск. *vědění, гьнъz dysenteria* – чешск. *hryz, долѧ* – чешск. *dole*, законьннѧ sacerdos – ст.-чешск. и польск. *zakonnik* ‘монах’, нъволѧннѧ electus – ст.-чешск. *zvolenik* ‘ученик’, нъволѧнтн eligere – чешск. *zvoliti*, казѧтн praedicare – чешск. *kázati*, каѧннѧ paenitentia – чешск. *kání*, ключьнъ (ключьно convenienter, ключьно вѧть congruit) – чешск. *kličný*, мальчькъ – чешск. *malečko* ‘paululum’, молѧтвьннѧ oratorium – чешск.

⁹ Это расхождение отметил и Н. Н. Дурново, который высказывает мнение о Чехии X–XI вв. (Дурново 1929–1930: 833).

¹⁰ Соболевский 1900: 163.

¹¹ Соболевский 1910б: 54.

¹² Чермак 2008: 13–14.

¹³ Jagić 1902: 263–266. Мнение Ягича поддерживает Т. Крыстанов (Крыстанов 2010б).

¹⁴ Соболевский 1910б: 51.

modlitebnice, намятнѣннѣ haereditas – чешск. *náměstek*, печа суга – чешск. *péče*, рачнтн – чешск. *račiti*, распачатн сѧ desperare – чешск. *rozpáčitise*, рѣчь ges – польск. *rzecz*, снага studium, снажнѣннѣ stidiosus – чешск. *snaha, snažný*, стрѣчь struthio – чешск. *pstros*, польск. *struś*.

О словах вароватн, влащъ мы уже писали, В Ягич тоже не считает, что это моравизмы¹⁵. Вѣдѣннѣ – девербатив от вѣдѣтн ‘знать’. При широком употреблении глагола в древнюю эпоху, то, что девербатив употребителен в современном чешском языке, не имеет существенного значения, тем более что вѣдѣннѣ в подобном значении встречается и в древнеболгарских текстах – ССб и *Богословию Иоанна Дамаскина* в переводе Иоанна экзарха Болгарского: **(100)** мочдрость же ѣсть вѣдѣннѣ вѣжскыи хъ. ѣ члѣвѣскыи хъ вештнѣ л. 60в, 17–21¹⁶; **(101)** Вѣ ѣстьствѣ вѣсѣано нашѣмъ вѣдѣннѣ, ако ѣсть вѣ¹⁷.

Слово вѣстѣ встречается в болг. диал. сложениях *блѣговѣст* ‘праздник Благовещения’ (ср. также личное имя *Благовѣст*), *зловѣст* ‘плохая вѣсть’¹⁸. О слове грнѣзь в *Беседах* словари, к сожалению, ничего конкретного не сообщают. О словах долѣ, малѣчькѣ, рачнтн (при широком распространении болг. *доле, малечък, рача*) даже говорить не стоит. Законнѣнкѣ тоже не имеет права претендовать на какой-то исключительно западнославянский статус. В древних текстах известно в двух значениях: ‘знаток закона, учитель закона, законник’ и ‘священник’. Значение ‘священник’ фиксировано в памятниках ‘моравско-паннонского’ происхождения. Ф. Миклошич ставил возникновение самого слова в зависимость от д.-в.-н. *êwarto* ‘хранитель закона’, ‘священник’. В. В. Нимчук считает славянское слово автохтонным, которое, возможно, существовало в живом языке, возможно, является творением Кирилла и Мефодия для передачи греч. *νομιχός*. В то же время для значения ‘священник’ Нимчук допускает возможность верхненемецкого влияния в Моравии или в Паннонии вместе с трудностью установления первоначального ареала данного значения¹⁹. Так или иначе, но оба значения известны болгарскому языку, ср. болг. *законник* ‘тот, кто знает закон, кто учит Божьему закону’, достаточно красноречиво и сочетание *non-законник*: Постели ми шаренѣ одаж/И барай ми свѣщи и ламбады/Донеси ми поповы-законници (песня)²⁰.

Слова нѣзволеннѣнкѣ, нѣзволентн в *Беседах* означают ‘избранный’, ‘избрать’, ср. нѣзволентн ‘избрать’, нѣзволеннѣ ‘решение, выбор’ в древнеболгарских ру-

¹⁵ Jagić 1902: 265.

¹⁶ ССб I: 316.

¹⁷ Sadnik I: 46.

¹⁸ БЕР I: 137.

¹⁹ Нимчук 1988: 194–195.

²⁰ Геров II: 80.

кописях²¹. При этом нзволеникъ, возможно, не вышло за рамки книжных текстов, поэтому оно и сохранилось только в старочешском. При широкой гамме значений глагола казати вряд ли употребление в смысле praedicare следует считать древней особенностью чешского языка, несмотря на то, что в современном болгарском языке в данном смысле предпочтение отдано приставочному глаголу (*предскажа*), ср. также прѣждѣ казати²². Каяние ‘покаяние, раскаяние’ – образование от каяти са ‘каяться, раскаиваться’ и его присутствие в таком значении как в *Беседах* Григория Двоеслова, так и в СР не связано с особенностями чешского языка. В современном болгарском языке отдано предпочтение словам *покаяние, раскаяние*, слова *каене, каине* крайне редкие, но последнее показывает, что в древнем тексте при вариантивности лексической нормы они имели полное право на употребление.

Ключьнь в *Беседах* употреблено в значении ‘подходящий’, например: **(102)** ключьно кєть congruit²³. Подобное употребление наблюдается и в переводе *Жития Андрея Юродивого*: **(103)** се во немѹ кєть годно (в других списках ключьно *Тр, Б, В*) 3053–3054 (ἀρμόδιο γὰρ τοῦτῳ αὐτῷ)²⁴; **(104)** аще кєть тако немѹ годно (в других списках ключьно *Тр, Б, В*) на спєннє дшн̄ него 3069–3079 (Εἰ οὕτως ἐν τὸ συμφέρον τῆς ψυχῆς αὐτοῦ εἰς σωτηρίαν)²⁵.

Молитвѣница в *Беседах* означает ‘молитвенный дом, oratorium’. В современном болгарском языке *молитвеница* известна в говорах с предметным значением²⁶, но это не означает, что в ДЯ такое слово не могло иметь значения места, ср. молитвѣникъ ‘молитвенный дом, εὐκτήριον’ ПНЧ по списку XIV в.²⁷ Нельзя забывать, что функциональная нагрузка суффикса *-ic(a)* и его варианта *-nic(a)* различна в южнославянских, с одной стороны, и западнославянских и восточнославянских языках, с другой стороны: в южнославянских языках суффикс предпочитает значение места, на втором месте стоит значение предметности, в западнославянских и восточнославянских языках основным значением суффикса является значение предметности²⁸.

Слово намѣстнє в таком употреблении вряд ли следует признать исключительной особенностью чешского языка; ср. болг. *наместо* ‘вместо, взамен’, *наместя* ‘заступить, заместить’, *намествам* ‘заступать, замещать’, *наместница* ‘заступающая чье-либо место; вторая или третья жена’; любопытны также значения слова *наместник* ‘заступающий чье-либо место’,

²¹ СС: 250–251.

²² СС: 280.

²³ SJS II: 32.

²⁴ Молдован 2000: 304, 539.

²⁵ Молдован 2000: 304, 539.

²⁶ БЕР IV; 217.

²⁷ СДЯ V: 16.

²⁸ Вендина 1988a: 150.

‘домовой’, ‘жертва во здравие больного’²⁹. П. Скок высказал мнение, что слав. **naměstynikъ* – семантическая калька с нем. *Staahtalter*³⁰. А. С. Львов считает, что *naměstynikъ* совпадает с нем. *Staahtalter* ‘заместитель’, ‘пре-емник духовного лица, святого’. Немецкое слово, вероятная калька с лат. *locus tenens* или *loci servator*, известно с XIII в., но А. С. Львов полагает также, что в языке оно существовало намного раньше. Автор полагает, что *naměstynikъ* возникло в западнославянских краях, в Моравии, где немецкое духовенство распространяло христианство уже с начала IX в.; существенное значение имеет и словообразовательный момент: такие слова образуются от глагольной основы, а глагол **naměstiti* нигде не зафиксирован³¹. Эту этимологию восприняли и другие авторы³². С этим не согласен О. Н. Трубачев, который не исключает возможности образования с суффиксом *-ikъ* от не очень широко распространенного прилагательного. Более вероятным все же О. Н. Трубачев считает праславянское образование на основе достаточно употребительного словосочетания **na městě*. Существенно в случае то, что в разных концах славянского мира (в польском и болгарском) слово имеет значение ‘мифический дух, домовый’, которое, по мнению Трубачева, не может иметь ничего общего с предложенным в литературе калькированием³³. Еще один случай, когда роль немецкого и латинского языков преувеличена.

Несколько иначе обстоит дело со словом *рѣчь* в значении ‘вещь, дело, предмет’. Приведем два примера из *Beced*, где *рѣчь ѡвѣ* переводит лат. *res publica*: (105) *въспомановѣтъ роумьскѣтъ рѣчн ѡвѣ чѣтънѣ владѣющн н-юдѣн църь н назнаменуѣтъ сѧ готанае геипublica*; (106) *ѡко н въ роумьскѣтъ рѣчн ѡвѣ кѣдннѣ ввладѣи пншетъ сѧ in готана геипublica*³⁴. А. И. Соболевский сослался на польск. *rzecz*, поскольку в чешском слово *řeč* мало чем отличается по своей семантике от *реч* и *речь* в болгарском и русском. Такая ссылка не совсем корректна ввиду того, что польский язык меньше всего может иметь отношение к традициям Кирилла и Мефодия. Однако универсальный характер значений ‘слово’ и ‘вещь’ (*dicere* и *facere*)³⁵ не исключает возможности такого употребления в древнеболгарском памятнике. При этом нельзя не отметить, что форма *роумьскѣтъ* ‘римский’ болгарского происхождения (от *Роумъ* < *Ῥώμη*; переход *ó*, *ó* в *оу*, *у* в болгарском³⁶). Проблематичность

²⁹ Геров III: 189.

³⁰ Skok II: 438.

³¹ Львов 1979: 61–63.

³² БЕР IV: 485.

³³ ЭССЯ 22: 187–188.

³⁴ SJS III: 663.

³⁵ Чальков 1968.

³⁶ Дзидзилис 1990: 22–23.

этимологии формы Рнмъ не касается формы Роумъ, которая признана болгарской³⁷.

Снага, снажнъ в *Беседах* означают ‘стремление, усилие, усердие’, ‘усердный’³⁸. В болгарском *снага* означает ‘тело (сильное, красивое)’, в сербском – ‘сила’. Все же ср. снагота ‘стремительность’ в *Словах* Григория Богослова XI в.: **(107)** невъзможно есть. оубъжатн дръжавъзи н снаготъзи гнѣва его л. 308с, 4–9 (κράτος τῆς ὀργῆς αὐτοῦ καὶ τὸ τάχος)³⁹.

Как видно, список А. И. Соболевского пришлось сильно редуцировать, остались лишь печа суга – чешск. *pěče*, распачатн сѧ *desperare* – чешск. *rozpácitiše*, стръсъ struthio – чешск. *ptros*, польск. *struś*. Слова печа и распачатн сѧ, возможно, не принадлежат языку перевода, т.е. не являются первичными чтениями в *Беседах*. В Погодинском списке читается печю нмоути, но в Синодальном – печаль нмать⁴⁰. Сложнее обстоит дело с распачатн сѧ ‘сомневаться, смущаться, колебаться’ и девербативом распаченне ‘колебание, сомнение’ *dubium*: **(108)** нже распачатн сѧ юже ѡ нетннѣ явленнѣ моглъ бзи. аще вързи словесемъ ранзи не створнази бзиша *desperare* 37, 285аb 4 sq (расплачатн сѧ Uvar., расплакатн сѧ sic! Synod.)⁴¹. На основе чтения расплачатн сѧ восстанавливается слово расплащатн сѧ, таким же образом восстанавливается и слово расплащенне⁴². Вполне возможно, что первичными являются слова расплащатн сѧ, расплащенне; развитие чтений представляется следующим образом: расплащатн сѧ → расплачатн сѧ, откуда в одном списке появилось распачатн сѧ, а в другом – расплакатн сѧ; расплащенне → расплаченне → распаченне → распеченне (в других списках встречаются еще варианты размъшленне, сжмынѣнне). Расплащатн сѧ может означать ‘колебаться, сомневаться’, ср. глагол совершенного вида расплатитн διχοτομεῖν *secare*⁴³. Греческое слово означает ‘(раз)делить надвое’, откуда закономерно может появиться и значение ‘колебаться, сомневаться’, ср. болг. *двоумя се* ‘колебаться (в выборе)’, *раздвоявам се* ‘то же самое’. Ср. также съплатитн ‘сшить, соединить’ в *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского (также же ѡсмъ съплатнѣн бѧ, 18–19)⁴⁴. Предположение о первичности расплащатн сѧ дает возможность объяснить развитие других чтений, более поздний характер форм распачатн сѧ, распаченне можно объяснить тем, что девербатив (но с префиксом *рос-*, как и в чешском) известен украинскому языку, на что обратил внимание еще Ф. Миклошич; правда,

³⁷ Фасмер III: 483–484; БЕР VI: 258.

³⁸ SJS IV: 133.

³⁹ Corpus; греч. текст по: Срезневский III: 452.

⁴⁰ SJS III: 32.

⁴¹ SJS III: 608.

⁴² SJS III: 608–609.

⁴³ Miklosich: 787.

⁴⁴ Aitzetmüller I: 44; Miklosich: 944.

против распаятн сѧ в словаре автор поставил помету *glagolitisch*, но не объяснил ее⁴⁵. Слабым пунктом здесь является то, что формы распаятн сѧ и распаятнне восстанавливаются, в других подобных контекстах они, пока, неизвестны. Если допустить первичность чтений распаятн сѧ, распаятнне, то следует обратить внимание на этимологию слова. В. Махек связывает чеш. *ráčiti* с глаголом *opáčiti* (из *opak*) откуда отделилась форма *-ráčiti*⁴⁶; ср. болг. *разопáчам* (*се*), *разопáчам* (*се*), *разопачване*, *разопачане*, *разопача*, кроме обычного значения галгольных форм ‘искривлять(ся), портить(ся)’ выделяется и значение ‘кривить душой’⁴⁷.

О слове *στρογςς* необходимо отметить, что оно известно и греческому языку, ср. *στρουθεών* (*στρουθεώννας τρεῖς*)⁴⁸ в *Хронике* Феофана и *στρουθίον* (*ὡς στρουθίον ἐν ἐρήμῳ; στρουθίον οὕτως*) в сочинениях Оригена⁴⁹; последний использует также и сложение *στρουθιοκάμηλος* с тем же значением – *τοὺς στρουθιοκάμηλους*⁵⁰. При этом в болгарском возможен переход *θ > с*; ср. у Иоанна Экзарха *панъта та езни* (*πάντα τὰ ἔθνη*) в переводе *Богословия* Иоанна Дамаскина⁵¹, где *з* на месте *θ* в результате озвончения *с* перед назальным *н*⁵². Х. Дзидзилис считает, что и частица *са* (*с* вариантом *за*) для образования будущего времени восходит к греч. *θα* (от *θέλω* ‘хочу’; ср. болг. *ще* от *хотѣтън*, *хощѣ*); другие авторы полагают, что *са* возникла из *ше* в определенных фразах посредством ряда фонетических изменений, что, на наш взгляд, слишком сложно и менее убедительно⁵³.

После А. И. Соболевского проблемы лексики *Бесед* Григория Великого коснулся В. Ф. Мареш⁵⁴. До этого Мареш пытается обосновать чешское происхождение *Бесед*. Основные постановки Мареша выглядят так: а) чешский церковнославянский – это язык Пржемысловой Чехии от конца IX до конца XI в.; великоморавский церковнославянский сохранился в высшей степени в КЛ, а при изучении „старославянского“ нужно исходить из великоморавского извода; б) чешские литературные школы были в контакте с греко-византийским миром, все же они впитали в себя римско-латинскую образованность; в) бóльшая отдаленность чехов от „македонского“ ядра „старославянского“ выражается в большей специфике западнославянских языков именно в плане лексическом⁵⁵. Что собой представляет великомо-

⁴⁵ Miklosich: 787.

⁴⁶ Machek 1968: 425.

⁴⁷ Геров V: 40; см. также: БЕР IV: 894, *онак*.

⁴⁸ PG, vol. 108: col. 664B

⁴⁹ PG 13: col. 652A.

⁵⁰ PG 13: col. 652A.

⁵¹ Sadnik I: 26.

⁵² Дзидзилис 1990: 47.

⁵³ БЕР VI: 390–391, *са*⁶.

⁵⁴ Mareš 1963: 435–444.

⁵⁵ Mareš 1963: 417–418.

равский извод старославянского языка – неясно; неясно также, что собой представляет и чешский извод церковнославянского. При этом для Мареша старославянский и церковнославянский это одно и то же, по крайней мере между ними нет четкого разграничения (ср.: „великоморавский церковнославянский“ и „великоморавский извод старославянского“). В каких рукописях представлен чешский церковнославянский – неясно, так как КЛ сохраняют „великоморавский церковнославянский“, а причисление *Бесед* к чешскому церковнославянскому нуждается в доказательствах. Мысль, что чешские литературные школы были в контакте с греко-византийским миром, покоится единственно на презумпции, что *Беседы* – памятник чешского происхождения. Об этом Мареш даже написал небольшую статью, но там одни голословные утверждения⁵⁶. Специфика чешского извода в плане лексическом никоим образом не доказана.

Далее, исходя из метода сравнения и реконструкции, Мареш подчеркивает значение исследования чешского извода „церковнославянского“ и его текстов для истории чешского языка и литературы⁵⁷. При этих обстоятельствах особое значение для изучения чешского извода „церковнославянского“ имеют *Беседы*, переведенные в Чехии в XI в., вероятнее всего в той же литературной среде, что и Пражские листки, и сохранившиеся в русских списках, старший из которых является Погодинский список (№ 70) РНБ в Санкт-Петербурге⁵⁸. Как видно, чешское происхождение *Бесед* принимается за аксиому. Подробно разбирать сочинение Мареша не будем, постараемся продемонстрировать его метод и ход его рассуждений.

Автор коротко остановился на некоторых графических особенностях Погодинского списка. По его мнению, несмотря на то, что графика и орфография последовательно отражают русский церковнославянский кириллический стандарт, тут и там то и дело просвечивается графика чешского протографа⁵⁹. Прежде всего Мареш отмечает, что буква ѣ в списке имеет исключительно глаголическую стоимость [ja]. По мнению Соболевского⁶⁰, это свидетельство того, что *Беседы* прошли через болгарский список. Отметив это обстоятельство, Мареш заключает: „так *Беседы* не соприкасались с болгарским списком (ср. II, 4), в этом явлении нужно видеть просто след глаголицы“⁶¹. Как видно, Мареша не волнует тот факт, что глаголическое ▲ (ѣ) отражает болгарское фонетическое явление, он просто ссылается на пункт II.4 в своем исследовании. Даже если согласиться с тем, что это след

⁵⁶ Мареш 1963.

⁵⁷ Mareš 1963: 419.

⁵⁸ Mareš 1963: 420.

⁵⁹ Mareš 1963: 421.

⁶⁰ Соболевский 1910б: 49.

⁶¹ Mareš 1963: 421.

глаголицы, то совершенно неясно, почему данное явление должно отражать графику „чешского“ протографа, не забывая об обстоятельстве, что графика и орфография „последовательно отражают русский кириллический стандарт“? Гораздо более вероятно, что речь идет о ъ в. ѡ (см. ниже *zagrъlyatn*). В пункте II.4 речь идет о возможной мене юсов. Соболевский отметил два примера род. ед.: *въ прншьствнѣ лютаго сѣдню* *judicis* 3; *прѣдъ анцемь толь велнка сѣдню* 52⁶². К этим примерам Мареш добавил еще несколько, среди которых выделяется *na plusъ* (на *plуcъ*, = *plęsъ* – *пласъ*) 318ba8; ср. *пласатн*, *пласаннѣ*, *пласецъ*⁶³, *пласъ*⁶⁴, болг. *plęsha* ‘танцевать особый вид рученицы’ и др., *плеша* ж. ‘особый вид танца’⁶⁵. Комментарий Мареша: „Считаю это неправдоподобным: кроме этих случаев в рукописях нет *никаких* болгаризмов (о *ě* = *ja* см. здесь I.1). Рукописи, переписанные на Руси с болгарских образцов содержат гораздо более выразительных болгаризмов, особенно замена юсов вряд ли ограничивалась единственно словами с севернославянским третьим *ě* и малопонятными случаями, трудный контекст легко поддавался искажению; слово *plusъ*, т.е. *plęsъ* было переписчику незнакомым и неясным“⁶⁶. В примечании 23 на той же странице автор поясняет: „Слово это изолированное, у Миклошича его нет, у Срезневского только один пример из Ефрема Сирина XIV в. В старочешском *ples* хорошо документировано, например, дважды в Баварском сборнике; в *Besedaх* слово, вероятно, лексических богемизм“. Если в старочешском слово известно в виде *ples*, откуда в *Besedaх* появилась форма *plуcъ*? Таким образом выясняется, что сочинения Ефрема Сирина тоже переведены в Чехии, поскольку *пласъ* богемизм! Правда, Мареш не осмелился сделать такой вывод. Утверждение же, что *пласъ* было трудным и непонятным словом для русского переписчика (при наличии рус. *пляс*, *пляска*, *плясать*), мягко говоря, вызывает удивление. Как видно, Мареш так и не объяснил *plуcъ* в. *пласъ* в тексте, для него проще было объявить слово богемизмом. Заметим, что незначительное количество случаев мены юсов можно объяснить временем создания *Besed*. В XI в. по памятникам данное явление имеет все еще спорадический характер. Автор не объяснил и тех случаев, в которых ъ = ѡ, он просто указал на пункт II.4 своего исследования, а в II.4 указал на пункт I.1. В заключение пункта II.4 Мареш пишет о том, что прямые книжные связи между пржемысловом чешским княжеством и Киевской Русью не подлежат сомнению, а вот о культурном обмене между Чехией и Болгарией в период

⁶² Соболевский 1910б: 49.

⁶³ СС: 452.

⁶⁴ Срезневский II: 979.

⁶⁵ БЕР V: 348–349.

⁶⁶ Mareš 1963: 422.

X–XI вв. нет никаких сведений⁶⁷. Это просто говорит о том, что *Беседы* не были переведены в Чехии.

По словам Мареша, в чешском оба редуцированных обозначались преимущественно знаком *z*. Русский переписчик писал редуцированный согласный своему произношению, но в тех случаях, где что-то было ему непонятно, он ставил *z*: *дзлѣ* (< *dbl'e*) *ббба12*; также и в тех случаях, где у него не было обычного контроля своего произношения: *нн ѣдзнь же 38аа9* (в рус. только *-i*); первоначальное *плодз* по *трьпънню fructum per patientiam 77аа22* искажено в *плодъно тьрпънню*⁶⁸. Мареш не привел никаких свидетельств того, что в Чехии оба редуцированных писались только знаком *z*. Если автор имел в виду Пражские глаголические листки, где второй писец употребляет преимущественно *z*, то ввиду незначительного объема памятника, такое утверждение сомнительно. В чешском оба редуцированных в сильной позиции выяснялись в [e]⁶⁹, что предполагает предпочтение знака *ь*, хотя последнее не обязательно. В форме *ѣдзнь* спокойно можно усмотреть болгарскую особенность (ср. болг. *едън* ‘один’⁷⁰ и чеш. *jeden* < *jedъnъ*). Реконструкция *плодз* по *трьпънню* ничего не дает в отношении графики.

Последнюю графическую особенность *en* + согласный (-*ан*-) Мареш определяет как русизм в Пражских листках, нежели как богемизм в *Беседах*. В таком случае какое это имеет отношение к графическим богемизмам и предполагаемому чешскому протографу *Бесед*? Особо стоит слово *платнкостна*, -*ниѣ* (от греч. *πεντηκοστή*) и его производные, которые в памятниках имеют разнообразную орфографию: *платнкос-*, *пентнкос-*, *пънтътнкос-*, *платнкос-*, *петнкос-*, *пенднкос-*⁷¹. Формы *пентнкос-*, *пенднкос-* болгарские и отражают прямым образом греческую форму (во втором случае отражено более позднее греческое произношение группы *ντ* [nd], ср. болг. личные имена греческого происхождения Антон и Андон). Формы типа *платнкос-*, скорее всего, тоже болгарские, где *л* соответствует греч. *εν* (ср. случаи перехода *л* в *є*, что характерно для южнославянских языках). Формы типа *платнкос-* контаминация *платнкос-* и *пентнкос-*. Возможно, они русские. Вот и все случаи, в которых отражена графика чешского протографа.

Однако ни Мареш, ни Соболевский отметили такие слова, которые не согласовываются с их концепцией. Например, *тоагъ* ‘палка, посох’, *тоага* ‘то же’: **(109)** *ѣто же въ законѣ тоагъ. тьзкмо пастъзрьва стража наречет са quid lex per baculum... designat 22,147ba 12*; **(110)** *тоагы держаца в роукахъ. н*

⁶⁷ Mareš 1963: 422–423.

⁶⁸ Mareš 1963: 421.

⁶⁹ Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 46–47.

⁷⁰ ЭССЯ 6: 11.

⁷¹ SJS III: 531–532.

наднѣ тѣщаце са baculus 22,143bα 7sq⁷². Как известно, болг. *тояга* является одним из немногих слов болгарского происхождения в болгарском языке⁷³.

В *Беседах* встречаются и отдельные грецизмы, что позволило В. Ф. Марешу сделать вывод, что переводчик-чех владел и греческим языком⁷⁴. Например, дндаскальство ‘учительство’: (111) даръ дндаскальства censura magisterii⁷⁵. Почему в таком случае переводчик-чех не использовал якобы ‘моравский’ суффикс *-bstvij-*, а употребил суффикс *-bstv-*⁷⁶. О слове *продромъ* (πρόδρομος) В. Ф. Мареш отметил, что оно неизвестно древним славянским памятникам, как будто это может служить доказательством, что в тексте *Бесед* его употребил переводчик-чех. Мареш отметил, что в словаре Ф. Миклошича⁷⁷ слово зафиксировано как название церкви, и процитировал *Хрисовуль* Стефана Душана по изданию Дж. Даничича: (112) н пръвое цръкъв ѡ прилѣпъ прѡдрѡмъ съ вѣсьмн правннамн⁷⁸ (тот же самый текст имел в виду и Ф. Миклошич). Как видно, речь идет о церкви в городе Прилепе в Юго-Западной Болгарии. Город известен с X в. и играл определенную роль в истории Болгарии: упоминается, например, в *Хронике* Кедрина⁷⁹; согласно грамоте Василия II от 1019 г. входил в Битольскую епархию⁸⁰. В этом регионе, точнее в Слѣпче, имеется и монастырь Рождества Иоанна Предтечи, который, по сохранившимся документам, известен и с греческим именем *прѡдрѡмъ*⁸¹. Дж. Даничич отмечает, что и сербский король Милутин построил монастырь с таким названием⁸². Монастырь с таким именем имеется и в Битоле⁸³. Как название монастыря это слово встречается в словаре И. И. Срезневского из *Записок* Игнатия чернеца о путешествии митрополита Пимена в Царьград и Иерусалим⁸⁴. То, что *прѡдрѡмъ* используется в Константинополе, неудивительно, однако использование данного слова в Юго-Западной Болгарии и в Сербии как имя церквей и монастырей показывает, что оно было употребительно и в языке. Поэтому мысль Мареша, что *прѡдрѡмъ* употреблено в *Беседах*, вероятно, по стилистическим причинам, звучит крайне неубедительно.

⁷² SJS IV: 479.

⁷³ Младенов 1921: 228–231; 1941: 637.

⁷⁴ Мареш 1963: 247–250.

⁷⁵ SJS I: 480.

⁷⁶ См. об этом выше и Станков 2006б.

⁷⁷ Miklosich: 694.

⁷⁸ Мареш 1963: 247, примеч. 4.

⁷⁹ PG 122: col 193.

⁸⁰ Иванов 1931: 552; см. также: Снегаров I: 56.

⁸¹ Иванов 1931: 72.

⁸² Даничић II: 455.

⁸³ Иванов 1931: 479–481, 486.

⁸⁴ Срезневский II: 1524; СлРЯ 20: 123.

В контексте сказанного, гораздо более интересно то, что в *Беседах* встречаются слова с греческими окончаниями: *саръдннносъ*, *топазнвсъ*, *крн-жолнтосъ*, *верносъ*, *сафнросъ*, *каръвънъкоулосъ*, *змарагдоулосъ*. В. Ф. Мареш предпочел отделаться следующим замечанием: „можно предположить, что они проникли в язык *Бесед* из церковнославянского библейского перевода или, что их ввел вместо каких-то других форм не чешский переводчик, а русский переписчик“⁸⁵. Наличие таких форм в списке *Бесед* XIII в. не может быть связано с русским переписчиком, потому что в это время знание греческого языка на Руси не было распространено. Предположение о влиянии библейского перевода тоже малоубедительно. Присутствие таких окончаний в славянском тексте свидетельствует о районе, где славянский и греческий языки находились в тесном контакте, а таким районом, очевидно, не могла быть Чехия в XI в. Подобного рода орфография отмечена и в других памятниках древнеболгарской письменности⁸⁶. Переводчик-чех в таком случае оказывается не только специалистом в области греческого языка (ср. греческие окончания, от которых Мареш так легко отказался), но и в области болгарского или „языка дунайских болгар“ (тоагъ, тоага). Методология Мареша позволяет доказать, что практически все древнеболгарские тексты возникли в Моравии или в Чехии. Заключительные слова Мареша граничат с бредовыми фантазиями: „Если нам удалось показать, что переводчик *Бесед* владел *греческим* языком, это важное свидетельство не только о культурном уровне славяно-чешских книжников XI века, а также об их культурном кругозоре: основная черта великоморавской кирилло-мефодиевской традиции, а именно гармоническое сочетание латинско-римской и греко-византийской культур, была присуща письменности чешско-церковнославянской эпохи, хотя наверно в несколько изменившихся. В чешских центрах книжного образования переводились на церковнославянский язык латинские сочинения, книжники поддерживали отношения с хорватскими глаголитами, но одновременно и с Киевской Русью; и больше того: по крайней мере некоторые из них владели не только латинским языком, а также греческим, языком колыбели культуры византийского Востока“⁸⁷. В культурных центрах Чехии, оказывается, практически можно найти все цвета радуги, вот только какие это центры неизвестно. Обычно ссылаются на пресловутый Сазавский монастырь. Латинский язык, как правило, считается забронированной за западнославянскими языками территорией, теперь выясняется, что в Чехии хорошо знали по-гречески, и не просто знали, но даже переводили: „Вопрос о том, какой была роль греческого языка в

⁸⁵ Мареш 1963: 249.

⁸⁶ Славова 2001; Федер 2001; комментарий к работам Т. Славовой и У. Федера см. в: Станков 2003б: 276.

⁸⁷ Мареш 1963: 249–250.

становлении западнославянских литургической и литературной традиций остается все еще нерешенным. Весьма возможно, что не только в Великоморавском государстве, но и позднее в Чехии (как потом и в Польше) целый ряд текстов был переведен с греческого (а не с латинского)⁸⁸. Подобные ничем не подкрепленные утверждения мало полезны в научном отношении. Точно также Мареш не сумел доказать, что греческий язык присутствовал в культуре Чехии в ранний период ее существования. В своих рассуждениях, представляющих собой очередной набор голословных утверждений, Мареш исходит из посылки, что *Беседы* – западнославянский (чешский) перевод, но посылка сама нуждается в доказательстве. Поэтому Мареш не привел ни одного реального факта в пользу своей теории о присутствии греческого языка в древней чешской культуре.

Более того, некоторые лексические „моравизмы“ КЛ и *Бесед* возводятся Марешом к докирилло-мефодиевскому времени. Речь идет об *ннокость* в КЛ и *Беседax*, которому обычно приписывают значение лат. *peregrinatio* и толкуют как ‘странствование по чужбине’⁸⁹. *Ннокость* образование от *ннокъ* ‘тот, кто живет один, одиночка’⁹⁰. Слово *ннокъ* обычно этимологизируется как калька с греч. *μοναχός*⁹¹. В. Мареш естественно связывает происхождение *ннокость* с *ннокъ*, но при этом вынужден признать, что расхождение между этимологией (‘unicus’) и значением (‘peregrinatio’) трудно объяснить⁹². Автор обратил внимание на *ннокостьннкъ* в *Беседax*, соответствующее *pauper* в оригинале, толкуемое как ‘странствующий монах’. Это подтверждает, по его словам, догадку, что *ннокость* возникло под влиянием непосредственных контактов с ирландско-шотландским монашеством, так как последнее известно своим „кочевым“ образом жизни. Автор отмечает, что объяснение это ослабевает в некоторой степени, если учесть средневековое значение лат. *peregrinatio* ‘vita monastica’⁹³. Следует отметить, что *ннокостьннкъ* в *Беседax* имеет вариант *нноко странннкоу*⁹⁴. Этот вариант можно прочесть как недописанное словосочетание (*ннокоу странннкоу*) или как сложное слово с соединительным гласным *о* (*ннокостранннкоу*), в обоих случаях смысл остается один и тот же – ‘странствующий инок’. *Ннокостьнъ* в *Беседax* имеет вариант *ннцнн*, а *ннокостьство* (избыточное образование от *ннокость* с добавлением суффикса -ство) – *странъство* и *нноплеменьство*. Эти разночтения не комментированы Марешом, который в конце концов пришел к тому,

⁸⁸ Иванов 1989: 29.

⁸⁹ SJS I: 772; толкование основано на статье Мареша: Мареш 1964.

⁹⁰ СС: 261; SJS I: 773.

⁹¹ Фасмер II: 13; БЕР I: 80–81.

⁹² Mareš 1964: 10.

⁹³ Mareš 1964: 10.

⁹⁴ SJS I: 772.

что ннокость в КЛ и *Беседах* является отголоском докирилло-мефодиевского пребывания ирландско-шотланского монашества в чешских землях („našich zemich“)⁹⁵.

Ннокость в значении ‘одинокство, уединение’ встречается в Сборнике слов и поучений XII–XIII в. (№ 12 Троице-Сергиевой Лавры): (113) добра ксть ннокость. игда молнтн са подобаетъ боу, нво хъз се твораше. на горочъ възхода н мола са. 163 об⁹⁶. На первый взгляд между употреблением ннокость в КЛ и *Беседах* и Сборнике XII–XIII вв. серьезное различие, но его легко объяснить. Прежде чем сделать это, необходимо обратить внимание на деталь, о которой Мареш начисто забыл, а именно, – каким образом в чешской языковой среде, да еще в дописьменную эпоху, относимую к позднему праславянскому периоду, возникло производное ннокость, если в самом чешском языке не было (и нет данных, что оно вообще когда-нибудь в нем было) производящего ннокъ? В ЭССЯ, например, при *jьнокъ(jь) приводятся только данные южно- (ДЯ, болгарского, сербского, хорватского) и восточнославянских (древнерусского, русского) языков. Новый взгляд на происхождение ннокъ предлагает О. Н. Трубачев, который считает *jьнокъ(jь) исконным образованием от *jьнь с суффиксом -окъ и объясняет его связь с греческим μοναχός как вторичную⁹⁷. Значение ‘одинокий’ у слова ннокъ объясняет семантику ннокость в (113). Что касается употребления ннокость и его производных в КЛ и *Беседах*, то оно объясняется наличием сочетания ннокъ днвнн (μονιὸς ἄγριος) в Словах Григория Богослова⁹⁸; ср. также рус. диал. инок ‘разбойник’⁹⁹, сохранившееся на периферии русской языковой территории (Карелия), в котором можно усмотреть древний синкретизм идеи одиночества и идеи движения, странствования. Можно добавить, что ннокъин известно ДЯ (*XIII Слов* Григория Богослова, ЕК)¹⁰⁰. Со всей очевидностью следует, что ннокость не могло возникнуть в чешской языковой среде, да еще в докирилло-мефодиевскую эпоху¹⁰¹. Наоборот, слово появилось в письменную эпоху как окказиональное образование, не удержавшееся в языке. На окказиональный характер слова указывает другой окказионализм – ннокостьство (с избыточным суффиксом -ство), отмеченное только в

⁹⁵ Mareš 1964: 11.

⁹⁶ СДЯ IV: 158; указание листа, видимо, неточно, так как на сайте Лавры (<http://www.stsl.ru>) не удалось обнаружить цитированный контекст в указанном месте.

⁹⁷ ЭССЯ 8: 232–233.

⁹⁸ СДЯ II: 463, днвнн; СДЯ IV: 158, ннокъин.

⁹⁹ ЭССЯ 8: 232.

¹⁰⁰ Срезневский I: 1103–1104; СДЯ IV: 158.

¹⁰¹ И. Райнхарт, посвятивший специальное исследование лексики *Бесед*, особо ннокость не занимается, хотя статья Мареша об этом слове присутствует в его библиографии. Автор цитирует ннокость только в связи с теорией И. Хамма о поддельном происхождении КЛ (Reinhart 1980: 95).

Беседах. Если последнее появилось в чешской языковой среде, то следовало бы ожидать использование „чешского“ суффикса *-ьствнѣ*. Слово *ннюкъсть* и его производные хороший пример того, что текст КЛ и *Бесед* не могли возникнуть в чешской языковой среде. Но это еще пример того, как в науке можно создавать несуществующие культурные традиции. Осталось выяснить еще одну деталь. Сербскому и хорватскому языкам известны ряд производных слов того же гнезда: *инѡкос* ‘у кого малое число членов (семьи, дома)’; *инѡкосан* ‘у кого малое число членов (семьи, дома)’, ‘кто не является членом цеха или коллектива, самостоятельный’; ‘единичный’, ‘одинокий’; *инѡкосник* ‘тот, кто живет в одиночестве (без родственников)’, ‘кто не является членом цеха, самостоятельный производитель, кустарь’, ‘бедняк’; *инѡкосништво* ‘отдельный, отшельнический образ жизни’; *инѡкосност* ‘то же, что *инѡкосник* в первом значении’, ‘то же, что *инѡкоштина* или *инокоштина*’; *инѡкоство* ‘то же, что *инокоштина*’; *инѡкошност* ‘одиночество’; *инѡкоштина*, *инокоштина* ‘небольшая семейная общность, которая живет на общей земле и ведет общее хозяйство’, ‘отшельническая жизнь, одиночество’, ‘бедность’; *инѡковиштина*, *иноковштина* ‘то же, что *инокоштина* в первом значении’¹⁰². П. Скок приводит слово XVII в. *inokos(f)an* ‘одинокий; холостяк’¹⁰³. Есть и варианты без начального *и-* – *нѡкостан*, *нѡкоштина*.¹⁰⁴ На основании сербохорватского материала В. В. Нимчук сделал справедливый вывод, что *ннюкъсть* в КЛ и *Беседах* не является богемизмом, для него, однако, данное слово – характерный паннонизм¹⁰⁵.

Видно, что большинство указанных слов сербохорватского ареала вторичного происхождения, а само слово *ннюкъсть* не сохранилось, т.е. в основе всего гнезда здесь лежит пара прилагательных *инокос* – *инокос(т)ан*. Значения типа ‘одинокий’, ‘одиночество’, ‘отшельническая жизнь’ являются древними, но в то же время указывают и на связь с церковной традицией. Эта связь видна и в чередовании образований *инѡковиштина* и *инѡкоштина* (ср. *ѣноковати* ‘жить монашеской жизнью’). При неясном лингвистическом содержании термина *паннонизм* и при отсутствии прямых следов *ннюкъсть* вполне допустима мысль, что это последнее – книжное образование в КЛ и *Беседах*.

Посмотрим к каким выводам пришел Й. Райнхарт, посвятивший специальное исследование *Беседам*. По мнению Райнхарта, Соболевскому удалось на основе лексических соответствий доказать, что местом возникновения перевода *Бесед* является западнославянская область¹⁰⁶. Соболевский,

¹⁰² РСКНД VII: 758–759.

¹⁰³ Skok I: 720, *in*.

¹⁰⁴ РСНД III: 815.

¹⁰⁵ Нимчук 1988: 205–206.

¹⁰⁶ Reinhart 1980: 46.

как уже было показано выше, недостаточно хорошо знал южнославянский материал. В свое время Ягич показал, что выявленные в *Беседах* Соболевским „богемизмы“ на самом деле южнославянские слова, зафиксированные в словаре Даничича: вароватн сѧ, влаштѣ, вѣдѣвннѣ, долѣ, нзволнтн, казѧтн, казаннѣ, намѣстнѣ, понѣвѧже, рѧнтн, рѣчь, ‘tes’, снага, снажнѣ и др.¹⁰⁷

Как видно, вопрос о существовании „чешского“ извода „церковнославянского“ языка далеко не праздный вопрос. Самым непримиримым противником существования чешского извода был И. Хамм. По отношению к *Беседам* Хамм ссылается на Ягича в том плане, что основной лексический фонд памятника южнославянский, и справедливо упрекает Соболевского за его легкомысленное пренебрежение южнославянским материалом¹⁰⁸.

Со своей стороны, Райнхарт отвергает выводы Ягича и Хамма и присоединяется к Соболевскому, считая, что локализация *Бесед* в чешской языковой среде бесспорна¹⁰⁹. В основном Райнхарт ищет эксклюзивные/неэксклюзивные старочешские лексические изоглоссы¹¹⁰. При этом для автора особое значение приобретает наличие или отсутствие слова в южнославянских языках, особенно в хорватском „церковнославянском“. В результате были обнаружены „новые богемизмы“ в *Беседах*: зѧвестн, зѧгрѣзѧтн, зѧметѧтн, накластн ‘replere’, накоупнтн, обложнтн сѧ ‘dare se alicui’, обзхѣнтн, (о-)прометѧтн, остоуднтн сѧ, отоучьнѣтн, плѧть² ‘плот’, прѣслоушѧтн, прѣстннѣтн, прнѧтн ‘vehi’, распадатн сѧ, рѧштѣснѣтн, сѣгромаждѧтн, сѣгромаждѣннѣ, сѣжѣнтн, оуѧнца ‘vicus’¹¹¹.

Рассмотрим эти новые богемизмы. Для зѧвестн в *Беседах* выделяются значения ‘завести, отвести’ и ‘вести (в грех)’ или ‘seducere’. Второе значение Райнхарт классифицирует как богемизм, ссылаясь на чешские тексты конфессионального толка¹¹². Подобное употребление глагола отмечено и в Новгородской Кормчей 1280 г.: въ влоудѣ зѧведоучѣ¹¹³. Выделение такого значения в словарях неправомерно: смысл словосочетания приписывается одному только глаголу (погрешность, как ни странно, часто встречаемая). Глагол и в этих случаях означает ‘завести, отвести’, причем, независимо от того, что речь идет о грехе, действие глагола мыслится в прямом смысле. Как писал Лотман, перемещение в пространстве для средневекового человека есть передвижение по шкале религиозно-нравственных ценностей¹¹⁴.

¹⁰⁷ Jagić 1902: 265; Reinhart 1980: 47.

¹⁰⁸ Hamm 1978: 9; цитировано по: Reinhart 1980: 46.

¹⁰⁹ Reinhart 1980: 94.

¹¹⁰ Reinhart 1980: 50–81.

¹¹¹ Reinhart 1980: 81.

¹¹² Reinhart 1980: 80.

¹¹³ СДЯ III: 285.

¹¹⁴ См. наши размышления в этом направлении: Станков 1998; 2001 или 2008в.

Кроме того, Райнхарт не заметил, что в обоих случаях в *Besedax* глагол *завестн* употреблен в да-конструкции с отрицанием: да не *заведеть*, да не *заведеть*¹¹⁵. И если эта конструкция типична для болгарского языка (известна и другим южнославянским языкам), то она совершенно нетипична для чешского языка. Видно, вездесущие чешские книжники знали не только по-латыни, по-гречески, но не брезговали знаниями и в области других славянских языков. Вероятно, возразят, что речь идет о „церковнославянском“ языке, на котором „говорили“ книжники всех славянских стран. Такая аргументация шита белыми нитками.

Значение *згръзлатн* (грътанъ мзкънънънъ *згръзълвють* – guttur mentis strangulant) определено как ‘душить’¹¹⁶. В глагольной форме отмечена замена ъ буквой ѣ. В среднеболгарской рукописной традиции встречается ъ в м. ѣ и ѣ в м. ъ¹¹⁷. Райнхарт ссылается на Мареша, неуверительно определившего ѣ в м. ъ как след глаголического протографа *Besed*. Идея Мареша спорна, потому что это мы, в наше время, транскрибируем глаголический знак *▲* буквой ѣ кириллического алфавита. Райнхарт приводит ст.-чеш. *zahrđliti*, *zahrđlovati* по словарю Гебауэра, относительно нечешского вида глагола в *Besedax* автор снова ссылается на Мареша: *dl* → *l*, видите ли, адаптация к „церковнославянскому“ произношению. Аналогичную лексему Райнхарт видит в словен. *gṛliti* ‘душить’, а сербо-хорват. *zagrliti* ‘обнять’ объявляет вероятной калькой с немецкого¹¹⁸. Автор упустил из виду болг. *загърля/загърлям* ‘обнять/обнимать кого-л. вокруг шеи’¹¹⁹. Очевидно, что болгарский глагол спокойно можно употребить в смысле ‘задушить/душить’. Сочетая это с болгарской заменой ѣ в м. ъ, ясно, что *згръзлатн* в *Besedax* не может быть ни моравизмом, ни богемизмом. На наш взгляд, сербо-хорв. *загрлѣти* не может быть калькой с немецкого. Данный пример показателен в плане того, каким образом фабрикуются „моравизмы“ или „богемизмы“: отстраняется болгарский орфографический элемент (ѣ в м. ъ) нелепым объяснением, отсутствие моравского или чешского орфографического элемента (*dl* → *l*) объясняется стремлением подогнать текст под норму „церковнославянского“ произношения и „церковнославянской“ орфографии, полностью игнорируется существующее болгарское слово (*загърля/загърлям*), а родственное ему сербо-хорватское объявляется вероятной калькой с немецкого.

То же самое можно сказать и о паре *съгромаждѣннѣ*, *съгромаждатн*¹²⁰. Все, что говорит в пользу болгарского характера этих слов, игнорирова-

¹¹⁵ Reinhart 1980: 79.

¹¹⁶ SJS I: 634; Reinhart 1980: 77.

¹¹⁷ Мирчев 1978: 120–121; Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: 70; Харалампиев 2001: 67.

¹¹⁸ Reinhart 1980: 78.

¹¹⁹ Геров II: 60.

¹²⁰ SJS IV: 252; Reinhart 1980: 73–74.

но. Вместо этого автор видит некое семантическое сходство в *Беседах* и старочешских текстах, которое якобы предполагает высокую степень вероятности заимствования слов из старочешского. Даже наличие *съграмаднѣннѣ*, *съграмаждѣннѣ* в *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского, указанное Райнхартом, не смутило его в его рассуждениях. Во-первых, оба „богемизма“ содержат болгарский (не церковнославянский) элемент – жд. Получается, что *z* вместо жд, (<*dj) – моравизм, в то же время моравизмом (или богемизмом) может быть и слово с жд, т.е. моравизм может содержать в себе неморавский элемент (чешские формы с *žd* типа *hromážditi* более позднего происхождения и восходят к формам с *zd* (*hromázditi*)¹²¹. В одном из списков *Бесед* читается форма *съгромаженнѣ*, в которой наблюдается характерная для древнерусской письменности замена жд на ж. Следуя логике Мареша и Райнхарта, надо думать, что чешский переводчик подогнал свое слово под норму „церковнославянского“, а русский переписчик заменил жд на ж. Во-вторых, заслуживает внимания корневой вокализм. В *Беседах* зарегистрированы как формы с корневым о, так и формы с корневым а: *съгромаждаѣ* (в Уваровском списке – *съграмаждаѣннѣ*, в Синодальном – *съграмаждаѣ*). Исходное слово имеет два варианта: *gramada и **gromada*¹²². Вариант *gramada присущ только южнославянским языкам, *gromada встречается во всех славянских языках. Варианты с а в *Беседах* указывают на южнославянское происхождение. Могут возразить, что это проявление русского аканья, но, по нашему мнению, это маловероятно; ср. *громада* и *съгромажьшю* в Христинопольском апостоле, древнерусской рукописи XII в.¹²³ Более того, в южнославянских языках в варианте *gromada наблюдается созвучие с *gromъ и *grъmъ; ср. болг. *грѣмада* ‘куча, громада’, диал. *грѣмада* ‘большая куча’, серб. *grmada*, словен. *grmáda*¹²⁴. В *Беседах* одно место определено как неясное: (114) ѣко воура съгромаждаѣтъ н ѡгнь съжьжеть (в Уваровском списке – *съгоръзмаждаѣтъ*)¹²⁵ *tempestas examinat quos ignis exurat* 1, баа 13sq¹²⁶. Здесь вполне возможно созвучие корня со словом *гръмъ*, о чем свидетельствует орфография Уваровского списка, допускающая исходную форму в виде *съгръзмаждаѣтъ*. В-третьих, Райнхарт ссылается на отсутствие анализируемых слов в болгарском языке, но ведь они есть у Иоанна Экзарха, который очень бы удивился, узнав, что использовал в своем *Шестодневе* „бо-

¹²¹ Kott I: 497; ЭССЯ 7: 137, *gromaditi.

¹²² ЭССЯ 7: 103–104, 136–137. Справедливости ради отметим, что Райнхарт в то время не мог воспользоваться данными ЭССЯ.

¹²³ SJS I: 433; IV: 252, *съграмаднѣннѣ*.

¹²⁴ ЭССЯ 7: 136.

¹²⁵ Вариант не указан Райнхартом.

¹²⁶ SJS IV: 252.

гемизмы¹²⁷. Наличие мотивирующего грамада в древних текстах¹²⁷ также обесмысливает гипотезу Райнхарта.

Глагол *заметати* (*заметати мрежа на очловение*; *заметати мрежа во десночю*¹²⁸) определен как возможный диалектный богемизм¹²⁹. Непонятно, в чем здесь проявляется богемский диалектный характер слова, когда выражение, в котором оно употреблено в *Беседах*, и по сей день используется активно в болгарском языке – *замятам мрежа* ‘закидывать сеть’, если Райнхарт сомневается, то он может заглянуть в словарь современного болгарского языка¹³⁰.

Накладн встречается в СР и *Беседах* в значении ‘наложить’¹³¹: (115) *аще иеть ковъчегъ сърдъченънъ накладенъ добръ вола Ves 5,19ba1 (repleta)*; (116) *и нача пакъи тръзати хота врьма накладн скотоу своемуу (ἐπιφορτίζειν)* Супр. 41,5. С тем же значением слово отмечено и в Новгородской летописи¹³².

По мнению Райнхарта, между употреблением глагола в СР и *Беседах* семантически нет ничего общего. Относительно старочешского автор считает, что в нем значение глагола сдвинулось от действия ‘на поверхности’ в сторону действия ‘в закрытом сосуде’, отчего слово в *Беседах* следует рассматривать как богемизм (видимо, семантический)¹³³. Очевидно, что Райнхарт рассматривает *ковъчегъ* в (115) как ‘закрытый сосуд’, а определения вроде ‘наполнить’ или ‘naplniti, zaplniti’ – как отражающие семантический сдиг от поверхности к закрытому сосуду. С этим нельзя согласиться, никакого семантического сдвига или расширения значения и в помине нет. Независимо от того, совершается ли действие на поверхности или относится к какому-нибудь ограниченному пространству, при *накладн* речь идет о том, что происходит нагромождение чего-нибудь, т.е. одно накладывается на другое. Такое действие может осуществляться как на поверхности, так и по отношению к большим предметам (вроде бочки и ковчега), которые формируют определенное закрытое пространство. Такой подход отражает значение мотивирующего глагола в сочетании с префиксом *на-*. Поэтому авторы SJS не ‘заметили’ семантическую разницу между *накладн* в СР и *Беседах* и определили значение одним словом – ‘наложить’.

Накоупити ‘купить’ отмечено в *Беседах* и в *Рязанской Кормчей* 1284 г.¹³⁴, причем во втором тексте глагол синонимичен *коупити* в том же

¹²⁷ SJS I: 433.

¹²⁸ SJS I: 647.

¹²⁹ Reinhart 1980: 78–179.

¹³⁰ РБЕ V: 494.

¹³¹ SJS II: 295; Reinhart 1980: 50.

¹³² Срезневский II: 292; СДЯ V: 153.

¹³³ Reinhart 1980: 50–51.

¹³⁴ SJS II: 295; СДЯ V: 153.

самом контексте. Райнхарт отмечает колебание между *kúpiti* и *nakúpiti* в старочешском, вместе с тем автор ставит упор на то, что в чешском префикс *na-* не имеет значения накопления, распространенного в остальных славянских языках¹³⁵. Остается только предположить, что в переводе Кормчей книги участвовал чех.

ОБЛОЖНТИ СѦ ‘окружить, быть окруженным’: (117) *плътънъимн похотъмн обложнтъ сѦ se voluptatibus daret* Bes 39, 304bβ 13 sq¹³⁶. Райнхарт отметил подобие ст.-чеш. *obložiti se*, переводящее лат. *dare se alicui*. В то же время автор отметил подобное употребление для данного глагола и в памятниках, не имеющих связь с чешской традицией: Хиландарских листках, Христинопольском и Охридском апостолах и т.д.¹³⁷ К ним можно прибавить цитаты из Устюжской Кормчей и Слов Григория Богослова по списку XIV в.: (118) *смръть ѿго вѣщестнѣмъ вбложнтн, περιβάλλεσθαι* NomUst' 14a11¹³⁸; (119) *обложн сѦ плюю, περιέθετο* ГБ, л. 20г¹³⁹. Глагол относится к праславянскому периоду, имеет общеславянское распространение¹⁴⁰. Нет оснований считать, что в *Беседах* проявляется какое-то специфически чешское значение *обложнтн сѦ*¹⁴¹.

ОБЪХЪИТИТИ ‘захватить, завладеть’: (120) *грѣдѣтъ въ слѣдъ хотнн свонхъ. н не въхъитнтъ нхъ, non apprehendet eos* Bes 36, 271ba4¹⁴². Данный глагол исключительно редкий для письменных памятников Slavia Orthodoxa. В форме *охъитнтн* ‘охватить’ он зафиксирован в Пятикнижии (Ис. 4:4) по сербскому списку XVI в.¹⁴³; в Пятикнижии по древнерусскому списку XIV в. (№ 1 Троице-Сергиевой Лавры) в этом месте читается глагол *ѡтн*, л. 59d5–6¹⁴⁴. В русских текстах более позднего времени отмечены *охнтнтн* ‘привести в порядок, почистить’, *охнтно* ‘чисто, опрятно’, *охнтъ* (*воднтн охнтъ* – ‘приводить в порядок, очищать’)¹⁴⁵. Слово отсутствует в современном болгарском, но возводится к праславянскому периоду; в южно- и западнославянском ареалах распространен вариант префикса *ob-* (в западнославянских языках чередуются *ob-* и *o-*), в восточнославянском ареале – *o-*¹⁴⁶. О. Н. Трубачев допускает, что форма префикса *ob-* (**obъ-*?) резуль-

¹³⁵ Reinhart 1980: 51–52.

¹³⁶ SJS II: 478.

¹³⁷ Reinhart 1980: 52.

¹³⁸ SJS II: 478.

¹³⁹ СДЯ V: 504.

¹⁴⁰ ЭССЯ 28: 23–24.

¹⁴¹ См. также: БЕР IV: 749.

¹⁴² SJS II: 496.

¹⁴³ Miklosich: 546.

¹⁴⁴ <www.stsl.ru>.

¹⁴⁵ СлРЯ 14: 82.

¹⁴⁶ ЭССЯ 27: 92.

тат вторичного восстановления. Такое вторичное восстановление префикса предполагается еще для слов **obxold(j)ati*, **obxoliti (se)*, *obxovati, **obxvatiti (se)*, *obxvatъ, *obxvostati, **obxytriti*¹⁴⁷. На наш взгляд, есть основания считать, что чтение охѣтнтн (Ис. 4:4) в сербском списке *Пятикнижия* древнее чтения ѣтн в древнерусском списке, несмотря на то, что первый относится к XVI в., а второй – к XIV в. Иными словами, охѣтнтн – лексический архаизм в ДЯ (вряд ли можно предполагать, что перевод *Пятикнижия* выполнен за пределы Болгарии). Й. Райнхарт подчеркивает ст.-чеш. *obchytiti*¹⁴⁸, но *Беседы* сохранились только в древнерусских списках, где обѣхѣтнтн, неизвестное в этой форме и в этом значении восточнославянским языкам, может восходить к древнеболгарскому источнику.

ОПРОМѢТАТИ СѦ ‘опрокидываться’¹⁴⁹: (121) печальной мыслью опрометал сѦ въ, *secum sollicita et aestante mente versaret* Bes 26, 174aα2 (промететь сѦ Uvar 95bα18, прометал сѦ въ Synod 144b5)¹⁵⁰.

ПРОМѢТАТИ (СѦ) 1. ‘метаться’: (122) нѣкоторѣи мѣлѣщаѣ (!) пѣрю промететь, *tacita quastione pulsatur* Bes 25, 162aβ5sq (промететь Uvar 88bα2); 2. ‘размышлять’: (123) въ семь оумъмь... прометѣте, *haec in mente... versate* Bes 29, 195aβ6 (прометѣте Uvar 106bβ10, прометнте Synod 162b15sq); (124) въ земьнѣхъ всегда оумъ сн промететь, *terrena semper in animo versat* Bes 31, 212bα13 (впромететь Uvar 115aβ29); (125) въ себе с печальной мыслью промететь сѦ, *secum sollicita... mente versaret* Bes 26, Uvar 95bα18 (прометал сѦ въ Synod 144b5, опрометал сѦ въ Pogod. 174aα2)¹⁵¹.

Несмотря на то, что прометати не имеет точного эквивалента в старочешских текстах, Райнхарт относит это слово с большой вероятностью к „богемизмам“ в *Besedah*. По его мнению, прометати либо диалектная чешская форма, либо – что менее вероятно – гиперкорректная форма. При этом не исключается возможность того, что (о-)прометати (или ст.-чешск. *přiemietati*) является калькой с лат. *versati*¹⁵². Автор выказывает некое пренебрежение к форме опрометати, считая к тому же, что глагол зафиксирован (кроме *Бесед*) еще только в хорватском глаголическом списке Ветхого Завета XIV–XV вв. Между тем на эту форму стоит обратить внимание, так как она известна из Толкования на Евангелие Феофилакта Болгарского 1434 г. и древнеболгарского перевода *Жития Иоанна Златоуста*¹⁵³. В чем проявляется чешский диалектный характер прометати – неясно, тем более, что,

¹⁴⁷ ЭССЯ 27: 76, 77, 81, 85–88, 93.

¹⁴⁸ Reinhart 1980: 53.

¹⁴⁹ В SJS значение определено как ‘дергаться, подергиваться, метаться’.

¹⁵⁰ SJS II: 552; Reinhart 1980: 54.

¹⁵¹ SJS III: 359; Reinhart 1980: 54.

¹⁵² Reinhart 1980: 55–56.

¹⁵³ Срезневский II: 695–696; о древнеболгарском переводе Жития Иоанна Златоуста см.: Димитрова 2012: 8 и далее.

мѹ, прѣдъ цѣмъ, ѹнмь¹⁶³, покланѣти сѧ¹⁶⁴ и др.), способны управлять обоими падежами. *Остоудѣти сѧ* в (126) не может быть богемизмом и по другой причине: странно присутствие богемизма в болгарской целевой конструкции с союзом *да* и индикативом. В древнерусском и в западнославянских языках отсутствуют конструкции с подчинительным союзом *да*¹⁶⁵.

ОТЮЧЪНѢТИ ‘сделать(ся) тучным, отучнеть’: (128) *ѧкоже маслнѧ гоуѣмн нзгнетѧ ѿ комнѣ свонхъ ѿлоучнѣти сѧ. н вѣ ѡлѣнною масть ѡтоучнѣти, oliva... in olei liquore pinguescit* Bes 15, 77aβ13¹⁶⁶.

Райнхарт приводит старочешские глаголы *otučněti, otučniti*, уточняя, что соответствие им в других славянских языках не обнаруживается¹⁶⁷. Отметим *отючнѣти* в сербской рукописи¹⁶⁸, к тому же вряд ли можно согласиться с тем, что *тоучнѣти* в ССб по списку 1073 г. – глагол древнерусского языка (ѡште тоучнѣши пшѣтѣ пѣти л. 60б3–4)¹⁶⁹. Попытка Райнхарта доказать, что *отючнѣти* „богемизм“ на том основании, что глагол отражает некую специфически старочешскую словообразовательную структуру (Wortbildungsstruktur), представляется неудачной¹⁷⁰. Ср. древнеболгарский глагол *ослабѣти*¹⁷¹: *слабъ* → *слабѣти*¹⁷² → *ослабѣти*. Точно так же образован и глагол *отючнѣти*: *тоучъ* → *тоучнъ* → *тоучнѣти* → *отючнѣти*. Отсутствие промежуточного звена *тоучнѣти* ‘становиться жирным, тучным’ (в противовес каузативу *тоучнѣти* ‘делать жирным, тучным’) объясняется экстралингвистическими причинами. Согласно Райнхарту, в древнеболгарских памятниках только три аналогичных *отючнѣти* глагола: *вззѣсьнѣти*, *облнствѣнѣти*, *нспрачнѣти* (про *ослабѣти* ничего не сказано).

Автор, однако, ничего не сказал по поводу слова *маслнѧ* в (128), которого и в помине не было в чешском языке. М. Фасмер относит *маслина* к образованиям от *масло*¹⁷³. В принципе это так, но в случае Фасмер все же не прав по той простой причине, что данное слово обозначает реалию и не могло возникнуть в рамках русского языка из-за отсутствия данного растения на русскоязычной территории¹⁷⁴. Слово *маслнѧ*, которого О. Н. Трубачев

¹⁶³ SJS III: 124.

¹⁶⁴ Для данного глагола выделено только управление дат. падежом – *покланѣти сѧ* (кѣ) *комочу*, но среди примеров есть и такой из СЕ: *покланѣтъ ѡ до зѣмла прѣд, стѣм олѣтарѣм* (SJS III: 123).

¹⁶⁵ Минчева 1987: 117; Bauer 1966: 71, цитировано по работе А. Минчевой.

¹⁶⁶ SJS II: 587; Reinhart 1980: 57.

¹⁶⁷ Reinhart 1980: 57–58.

¹⁶⁸ Miklosich: 532.

¹⁶⁹ Срезневский III: 1041; ССб I: 315.

¹⁷⁰ Reinhart 1980: 58–59.

¹⁷¹ СС: 418; SJS II: 563.

¹⁷² Зафиксирован в ПА XI в. (Срезневский III: 404).

¹⁷³ Фасмер III: 578; Vasmer II: 102.

¹⁷⁴ См. также: Skok II: 382.

не включает в праславянский словарь (его нет в ЭССЯ), возникло на болгарской почве как калька с греч. *ἐλαία* от *масло* + *ина*, причем славянский суффикс соответствует греч. *-ία*¹⁷⁵. Так что *маслина* в русском языке – заимствование из ДЯ, а в чешском языке употребительно *oliva* (из латинского или итальянского). Очевидно, что *оуѣчынѣти* не может быть богемизмом, тем более в сочетании с болгарским словом *маслина*.

ПЛЪТЬ²: (129) *что же рѣкою скажутся са тѣзкоу ѣлѣчѣска рода плътью, Quis etenim per fluvium designatur, nisi humani generis fluxus?* Bes 26, 172ba3¹⁷⁶.

Райнхарт не определил значение слова в (129), приведены синонимы в *Беседах*, выявленные по латинскому слову: *fluxui* – *плотнѣньмь*, *in fluxu* – *въ вѣнльн*¹⁷⁷. Почему *въ вѣнльн* должно быть синонимом *плъть* в (129) неясно. Далее автор указывает на *плъть*² ‘плот’ ж. в одной из версий *Жития Св. Вацлава*, цитированное в SJS¹⁷⁸, с уточнением, что слово связано с глаголом *плотн*. Указано также, что Срезневский приводит форму м. р. *плотъ* (от *плестн*)¹⁷⁹. Автор уточняет еще, что форма *plet’* (вм. *plet*) для чешского языка¹⁸⁰ неправильная, цитирует примеры из старочешского словаря на *plet* и замечает, что слову *плъть*² ж. соответствует современное чешское *plt’* ‘плот’ ж.¹⁸¹ Далее высказано предположение, что южнославянским языкам данное слово неизвестно. В связи с родовым различием (чеш. *plt’* ж., рус. *плот* м.) Райнхарт считает, что в *Беседах* налицо искажение (*плътью* вм. *плъть*), отражающее непонимание древнерусского переписчика.

Во-первых, возникает вопрос, почему авторы SJS восстанавливают форму *плъть* и причисляют ее к ж. р.; ср.: (130) *кѣде възша древо налѣзлн плот оуѣчынѣти гатем VencNik*¹⁸². Очевидно авторы словаря ориентировались на чеш. *plt’*, но основания для подобной лематизации отсутствуют. Если авторы словаря имели в виду, что *плот* в (130) соответствует лат. *ratis* f., то с ними нельзя согласиться; ср. *плоты* м. – *ratibus* в Геннадьевской Библии 1499 г. (2 Паралип. 2: 16)¹⁸³. В Септуагинте это стих 15, где стоит слово *σχεδία ἡ* ‘плот’. Заметим также, что этимологи обычно разграничивают *плот*¹ (от *плести*) и *плот*² (от *плыть*)¹⁸⁴; правда, болг. *плот*² ‘столешница’ возводится к *плот*¹ ‘плетень, изгородь’. Во-вторых, Райнхарт не задался вопросом, почему в SJS в статье *плъть*² цитирован только пример из *Жития Св. Вацла-*

¹⁷⁵ БЕР III: 679.

¹⁷⁶ Reinhart 1980: 59.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ SJS III: 56.

¹⁷⁹ Срезневский II: 969.

¹⁸⁰ См. Фасмер III: 285, *плот* II.

¹⁸¹ Reinhart 1980: 60; см. также примеч. 25.

¹⁸² SJS III: 56.

¹⁸³ СлРЯ 15: 100.

¹⁸⁴ Фасмер III: 285; БЕР V: 362.

ва с пометой, что это единственное употребление. Иными словами, авторы SJS не считают, что в *Besedah*, употреблено слово *плъть* в значении 'плот'. Как видно, необходимо обратиться к проблеме значения *плъть* в (129), которую Райнхарт обошел стороной. Очевидно, что в *плъть* в (129) не может означать 'плот'. Не случайно в русском переводе это место звучит так: „Ибо кто означен через наводнение, если не поток рода человеческого“¹⁸⁵. Лат. *fluxus* 'течение, движение' можно перевести, как *поток*. Любопытно, однако, что прил. *fluxus* 'текучий, жидкий' имеет еще значение 'преходящий, тленный'. Вся 26 Беседа Григория Двоеслова посвящена комментарию Евангелия от Иоанна (20:19–31), в ней обсуждаются вопросы *тела* (плоти) и *духа* (Св. Духа); ср.: „Первый вопрос при этом Евангельском чтении в уме есть следующий: каким образом тело Господне по воскресении было тело истинным, когда оно могло входить к ученикам через запертые двери?“¹⁸⁶. Сказанное наводит на мысль, что *плъть* (129) не означает 'поток' (о значении 'плот' в связи с чеш. *plt'* и речи быть не может), а 'плоть (рода человеческого)'. Лат. *fluxus I* 'преходящий, тленный' вполне подходит для такого понимания данного контекста, оставляем в стороне вопрос о точности славянского перевода.

ПРЪСТНГНЖТН 'опередить, превзойти' и пръстнзатн 'опережать, превосходить': (131) *яко прѣстнгнеть въз. въз галлѣвъ, praecedet Bes 21, 134ba10 sq (Uvar 74ba11 – варѣть);*

(132) *того оубо стаго стефана. въз стѣн црѣквн. оусланнми своимн пръстнже, antecessit Bes 19, 95bβ21;*

(133) *тн. нже въз) трѣдѣ пръстнгоша, praecesserant Bes 19, 93aβ23 sq;*

(134) *лютоеть нго боаще сѧ прѣстнгнеть, praevenitus Bes 1, 6ba18 sq; (премнете Synod 5b15);*

(135) *древннн ѿцн. нже кз възнѣн жнзнн прнстнгоша (рго прѣ-) нз Bes 22, 147b2 (варнша нзи Uvar 80ba17);*

(136) *н възноу нже по възрѣ по насз прнходнтѣ. по възнростн добраго дѣла прѣстнзѣтъ нзи, antecedit Bes 19, 95bβ4 sq;*

(137) *сно же по ѡстннѣ (sic рго нстннѣ) славоу ѡстн гла. *яко ѡстн проча прѣстнзѣтъ, antecedit Bes 22, 142aa15 sq (провосходнт(ь) Uvar 78aa18)*¹⁸⁷.*

Райнхарт считает, что прѣстнгнжтн точный эквивалент др.-чеш. *přěstihnutí – přěstihati*. Автор даже высказывает предположение о возможном чешском происхождении глагола на том основании, что он хорошо документирован в старочешском, а в остальных славянских языках встречается изолированно в диалектах или вовсе отсутствует, в древнерусском

¹⁸⁵ Беседы: 110.

¹⁸⁶ Беседы: 106.

¹⁸⁷ SJS III: 487–488.

это гапакс, а в сербском „церковнославянском“ засвидетельствован в более позднее время¹⁸⁸. Уже последнее ставит под сомнение гипотезу Райнхарта, так как в противном случае необходимо прийти к заключению, что и в древнерусском и в сербском „церковнославянском“ глагол является заимствованием из старочешского, для чего у нас нет оснований. К тому же прѣстнѣжтн зафиксирован еще в *Юрьевском Прологе*¹⁸⁹, о чем Райнхарт не мог знать, когда писал свою студию о *Беседах*. Очевидно, что с гипотезой о чешском происхождении данного глагола согласиться нельзя. Нельзя обойти стороной и то, что Райнхарт никак не объяснил тот факт, что в *Беседах* оба глагола отражают особенности болгарского произношения. Так, в (136) и (137) форма прѣстнѣжтн (< прѣстнѣжтн) отражает упрощение аффрикаты *ǰǰ* (*s* → *ʒ*)¹⁹⁰; в западных и югозападных болгарских говорах до сих пор употребляется производящий для прѣстнѣжтн глагол в виде *стидзам* ‘достигать’ (< **sti(d)zāti*); более того, данная форма считается праславянским диалектизмом¹⁹¹; ср. также девербатив *прѣстиг* диал. ‘место, где прибывают или обгоняют кого’, свидетельствующий о том, что прѣстнѣжтн существовал в болгарском языке¹⁹². Нужно отметить еще форму прѣстнѣ в (132), где ж не может получиться из чеш. *prěstihnutí*, зато в болгарских говорах все еще можно услышать аористную форму *стиже* в противовес литературной *стигна*, ср. *диже* вм. *дигна* и т.д. К этому можно добавить, что производящие глаголы стнѣжтн ‘догнать’ и стнѣжтн ‘догонять’ достаточно хорошо документированы в южнославянских рукописях¹⁹³. Прѣстнѣжтн и прѣстнѣжтн обычные префиксальные образования, не получившие широкого распространения в ДЯ из-за конкуренции глаголов *варнтн*, *вариатн*, *прѣдъварнтн*, *прѣдъвариатн*¹⁹⁴. О конкуренции свидетельствуют примеры (131) и (135), где в Уваровском списке *Бесед* читается *варнтн*. Глагол *варнтн* практически не употребляется в современных славянских языках: его нет в русском¹⁹⁵, сохранилось диал. чеш. *vařiti*, в болгарском *варя се* ‘состязаться в беге’ – тоже диалектное слово¹⁹⁶. Зато в болгарском очень много производных (не

¹⁸⁸ Reinhart 1980: 65–66.

¹⁸⁹ СДЯ VIII: 291.

¹⁹⁰ Вайан 1952: 77.

¹⁹¹ БЕР VII: 456.

¹⁹² БЕР VII: 455, *стигам*.

¹⁹³ Miklosich: 883–884.

¹⁹⁴ СС: 108–109, 538; SJS I: 165–166, 168; III: 425; Срезневский I: 228–229, 230–231; II: 1633; Miklosich: 56, 57, 723; СтБР I: 140, 141; СтБР II: 482.

¹⁹⁵ Сложение *предварить*, указанное Фасмером, очевидное заимствование из древнеболгарского (Фасмер I: 275, *варить II*). Неясно, можно ли связать с ним диал. *варить* 3 ‘беспорядочно двигаться в различных направлениях, шевелиться, копошиться (о людях)’ (СРНГ 4: 54).

¹⁹⁶ БЕР I: 121.

только глагольных) с этим корнем, которые активно используются в современном языке: *заваря, заваривам, завареник, завареница, изпреваря, изпреваривам, изпревара, надваря (се), надпреваривам (се), надпревара, преваря, преваривам, предваря, предваривам, сваря, сваривам* и др. Все это говорит о том, что в древнейших текстах варнтн связан исключительно с болгарской языковой территорией. Ввиду редкости прѣстннжтн можно предположить, что в (131) и (135) именно этот глагол отражает первичное чтение в переводе *Бесед*, а варнтн – вторичная замена, которая произошла на болгарской почве. Вероятность такой замены на чешской почве ничтожна (она имеет чисто теоретический характер), ею можно пренебречь.

ПРННАХАТН ‘приехать, прибыть’: (138) Нзъавленнѣ наше н мзи ѿ поганьскыиъхъ люднн прнахомъ гъ потвържяеть н прнзнряеть югда сѧ прнвестн н друцъиъ вьвца глеть, *Redemptionem nostram, qui ex gentili populi venimus, Dominus aspexerat cum se adducere et alios oves dicebat* Bes 14, 71bβ¹⁹⁷. Русский перевод: „Господь предвидел обращение нас, пришедших из языческого народа, когда говорил, что Он приведет и других овец“¹⁹⁸. По неясным причинам глагол отсутствует в SJS. Означает ли это, что авторы SJS восприняли форму прнахомъ как форму глагола прнхатн (с ѧ < ѧ на русской почве)¹⁹⁹, трудно сказать, так как данный контекст не отмечен в статье прнхатн.

Райнхарт восстанавливает инфинитив в виде прнхатн и относит данный глагол к „богемизмам“, отождествляя его с др.-чеш. *přijěti, přiedu*. Такая восстановление относится к глубокой древности, для праславянского периода актуальна более новая форма **jaxati/*jěxati*²⁰⁰. Но даже и в более древней форме глагол отражает южнославянское (в том числе болгарское) произношение: для южнославянских языках актуальна форма **jaxati*, для чешского – **jěxati/*jěti*; ср. также **jazditi/*jězditi*, где *ja*-формы распространены в южнославянском ареале, а *jě*-формы – в остальных регионах славянства²⁰¹; ср. прнахатн в словаре Миклошича²⁰².

В очередной раз „богемизм“ не отражает произношение чешского языка. Опять на горизонте маячит идея о подгонке слова под звучание „староцерковнославянского“ языка. Вряд ли стоит повторять, что такая „подгонка“ недоказуема.

РАСПАДАТН СА ‘разваливаться, распадаться’: (139) югоже роуцъ н ногъ вьдънзъмь трюцъзмь отвкашета. н распадахоу сѧ, *versi in vulneribus fuerant* Bes 36, 275aα15 sq;

¹⁹⁷ Reinhart 1980: 66.

¹⁹⁸ Беседы: 47.

¹⁹⁹ Ср. прнахъ 1л. ед. ἔλαβον, 2 Кор. 11:24 (SJS III: 334).

²⁰⁰ ЭССЯ 8: 169–171.

²⁰¹ ЭССЯ 8: 185.

²⁰² Miklosich: 690.

(140) градъѣ же маломощь. строгъѣ распадавъшю сѧ на поутнъ вбръѣте, leprosum quendam, quem densis vulneribus elephantinus morbus per membra foedaverat, invenit in via Bes 39, 313aα11 sq²⁰³.

В данном употреблении Райнхарт видит некое специализированное значение глагола распадатн сѧ и относит его к „медицинской терминологии“. Распадатн сѧ отмечен в „староцерковнославянском“, но Райнхарт подзревает, что „специализированное значение“ глагола свидетельствует о его заимствовании из старочешского. Специализация значения глагола в (139) и (140) чистая фикция – она просто не существует. Значение глагола в приведенных примерах то же самое, что в Евангелии (Мт 27:51) и толковой части Евгениевской псалтири:

(141) камене распадаше сѧ, αἱ πέτραι ἐσχίσθησαν Ac²⁰⁴;

(142) егда каменне распада сѧ, ὅταν αἱ πέτραι διερράγεσαν Eug 16aα.²⁰⁵

Поэтому авторы SJS поместили все примеры (139, 140, 141, 142) под одно и то же значение. Райнхарт считает, что употребление данного глагола в СР близко по смыслу к его употреблению в *Беседax*:

(143) н тѣло нмъ распадаше сѧ, τὰ σώματα αὐτῶν διερρήγνυντο Supr 76,22.

Цитата из СР в SJS также расположена в рамках одного значения. О том, что перед нами одно значение, а не два, как полагает Райнхарт, говорит и то, что в (142) и (143) распадатн сѧ переводит один и тот же греческий глагол – *διερρήγνυμι*, независимо от того, что в первом случае „распадается“ камень, а во втором – тело. Глагол распадатн сѧ в „медицинском“ смысле можно найти и в ХГА: (144) ѡко н червемъ възкнпѣтн н болъзньмн велнмн распадатн плътн нго 203,7–8 – ὥστε καὶ σκώληκας ἐκβράσαι καὶ ἐν ὀδύνας μεγίσταις καταπίπτειν αὐτοῦ τὰς σάρκας Б. 290,21–22. (О „влиянии“ чешского языка на перевод ХГА см. в следующем разделе.)

Нельзя не заметить, что и этот „богемизм“ отражает южнославянскую, точнее болгарскую, орфографию, т.е. звучит по-болгарски, а не по-чешски. Тот факт, что в SJS семантика глагола сформулирована в виде ‘разваливаться, распадаться’, а в СС – в виде ‘распадаться, раскалываться’, существенного значения не имеет. Прочие рассуждения Райнхарта, для которого распадатн сѧ „несомненный богемизм“, также несущественны.

И в этом случае в который раз сказывается роль терминологического обозначения первого литературного языка славян. Неправильный термин „староцерковнославянский“ заблуждает исследователей вроде Райнхарта, которым кажется, что этот язык вобрал в себя характеристики чуть ли не

²⁰³ SJS III: 607; Reinhart 1980: 67.

²⁰⁴ СС: 575; SJS III: 607.

²⁰⁵ SJS III: 607.

всех славянских языков, причем не только на орфографическом уровне, но и на остальных уровнях языка.

РАШТЄСНЖТН²⁰⁶: (145) оуста львова рашецъшю, ora leonum frangere Bes 7, 33aα13 (Uvar 23aβ2, Synod 30a21 sq²⁰⁷).

По мнению Райнхарта, заимствование из старочешского данного глагола происходит из факта, что в старочешских текстах есть много подобных или идентичных контекстов (приведено 4 примера из исторической грамматики Гебауэра)²⁰⁸. Фраза в (145) не восходит в точности к библейским текстам, в которых рассказывается история растерзания льва Давидом или Самсоном (I Цар. 17:35–36; Суд. 14:6; Евр. 11:33), поэтому Райнхарт предполагает, что в старочешской традиции этот рассказ был взят из какой-то хроники. Далее автор приводит соответствия из других славянских языков, среди которых и болг. *разчесвам/разчеснувам*, чье 2-е значение ‘расщеплять, раздирать’ как раз подходит для (145)²⁰⁹. Семантическая близость между глаголами в славянских языках (болг. *разчесвам*, слов. *razčesniti*, хорв. *razčesnivati*) не убедила Райнхарта, насколько можно понять, из-за недостатка в иллюстративном материале, в то время как большее количество старочешских примеров для него является доказательством. Автор также сравнивает *рашеснжтн* с *отъчеснжтн* ‘отсечь’ из *Гомилии на Благовещение*²¹⁰. Поскольку Райнхарт нигде собственно не определил значение *рашеснжтн*, остается предположить, что, по его мнению, оба глагола близки по значению. Близость между ними существует, но в данном случае они расходятся. В SJS значение *рашеснжтн* сформулировано как ‘рассечь, разрубить’, что, разумеется, неточно, так как речь идет не о рассечении льва, а о расщеплении львиной пасти, т.е. глагол в (145) означает ‘расщепить, разодрать’. Сходную семантику можно обнаружить у ст.-чеш. *rozčesnúti* и у чеш. *rozčesnouti*, но дело здесь не только в семантике. Форма *рашесъшю* в (145) отражает болгарскую орфографию и болгарское произношение (начальный слог *ра-* вместе с консонантной диссимиляцией на стыке проходного *z* с мягкой аффрикатой *č* (*ц < сч*)²¹¹). Очередной „богемизм“ написан и звучит по-болгарски.

СЪЖЖНТН ‘сузить’: (146) до мѣрзи. ѣднного лакте до върхоу сзюуженъ бѣ кзвъчегъ, angustatur Bes 38, 294aα15 (южокъ Synod 242a19);

²⁰⁶ У Соболевского *рашесхтн* (Соболевский 1910б: 75).

²⁰⁷ SJS III: 628; Reinhart 1980: 69.

²⁰⁸ Reinhart 1980: 69–70.

²⁰⁹ Геров V: 67. Райнхарт почему-то счел ненужным указать на словарь Герова. Более того, пример из словаря Герова цитирован им неточно, что лишает иллюстрацию смысла; ср.: I caricy-ty sestry byly razčesnŕti na dva komata вм. И царицины-ты сестры были разчеснжты всакоа на два комата.

²¹⁰ SJS II: 623; Reinhart 1980: 71.

²¹¹ Грамматика 1991: 132.

(147) тоу же възсотоу съклоннть сѧ. нъ тако рѣдѣци соуть съоузнти (рго -ть) сѧ, angustatur Ves 38, 294aa4 (съоузнтѣ sic! Uvar 158bβ22, соузат сѧ Synod 242a14)²¹².

Для Райнхарта съзнти бегемизм из-за его отсутствия в других „церковнославянских“ текстах. При этом автор отмечает, что в чешском, в отличие от „церковнославянского“ и русского, деноминативы от *nízky, úzky, blízky* образуются от сравнительной, а не от положительной степени. В чем же тогда проявляется чешский характер данного глагола? Чтобы избежать это затруднение, Райнхарт предполагает, что съзнти (съоузнти) уже было нормой для переводчика в „(старо)церковнославянском“ или же изменение произошло на русской почве под влиянием зафиксированной в XI в. в русском „церковнославянском“ простой формы (жзнти)²¹³. Дело осталось за малым: нужно только доказать, что до этого в *Беседах* стояла какая-то чешская форма данного глагола.

Термин „русский церковнославянский (язык)“, когда речь идет о древнерусских рукописях, естественно, подводит читателя, т.е. глагол жзнти отсутствовал в ДЯ, или, как сказал бы сам Райнхарт, в „староцерковнославянском“. На самом деле жзнти читается в Пуяятиной Минее XI в., и его связь с ДЯ более чем очевидна: (147) всѧ вражна жзнци шнротоѡ рѧзоумѣнна²¹⁴.

Уже это, вместе с наличием жзкзъ ‘узкий, тесный’ в древнеболгарских рукописях²¹⁵, достаточно для того, чтобы не согласиться с мнением, что съзнти в *Беседах* бегемизм. При этом Райнхарт не прав, утверждая, что глагол отсутствует в других текстах. Миклошич приводит съзнти из болгарского списка XV в. проповедей Иоанна Синайского²¹⁶, правда, без иллюстрации. В той же рукописи отмечена форма несовершенного вида съжжати ‘сжимать, выжимать’: (148) съжжѧема вода на възсотѡ възстнѣть. Миклошич привел еще одну цитату из средневековой болгарской рукописи, только не ясно из какой, потому что сокращение *pat.-bulg.* (что должно обозначать какой-то болгарский патерик) отсутствует: (149) хлѣбомъ да съжжѧеть сѧ н водоѡѡ. Относительно значения съжжати ‘сжимать’ можно указать на слово *тесный* ‘узкий’, связанное чередованием гласных с глаголом *тискать* ‘давить, жать, сжимать’ (болг. *стискама*)²¹⁷, где проявляется та же семантическая параллель ‘узкий’ – ‘сжимать’. И это слово не является бегемизмом в славянском переводе *Бесед*.

²¹² SJS IV: 368.

²¹³ Reinhart 1980: 76.

²¹⁴ Срезневский III: 1171.

²¹⁵ СС: 805.

²¹⁶ Miklosich: 967.

²¹⁷ Фасмер IV: 51, 62.

ОУЛНЦА ‘улица’: (150) по оуланцѣмъ н по стѣнамъ (рго стѣгнамъ) ѿго нцетѣ (рго нцетѣ), per vicos eum et plateas quaerat Bes 25, 158ba12 sq;

(151) разметано ѿсть каменни стѣина на главѣ всѣхъ оуланцѣ, omnium platearum Bes 17, 128ba8;

(152) н се въ скорѣ (въ) оуланцѣ тоѣ клѣтѣ прѣдъ двѣрми двѣ поущнхъ стѣста, in platea ante eiusdem cellulae ostium Bes 40, 325aa17, оуланцѣ Synod 270a2²¹⁸.

Как видно, оуланца в (150) переводит лат. *vicus* ‘деревня’, ‘улица, переулок’, а в (151) и (152) – грецизм *platea* ‘улица’, ‘внутренний двор’. Райнхарт считает, что в (150) оуланца является богемизмом, потому что переводит *vicus*, какой перевод имеется и в некоторых памятниках старочешского языка²¹⁹. Совершенно нелингвистический аргумент. Если оуланца в (150) богемизм, то чем является оуланца в (151) и (152)? Мнение Райнхарта можно было бы и обойти стороной, как несерьезное, если бы и другие авторы не поддавались подобному ничем не обоснованному внушению²²⁰. Сочетание по оуланцѣмъ н по стѣнамъ в (150) следует понимать как ‘по улицам и площадям’ (per vicos et plateas). Чуть выше то же латинское сочетание переведено по-другому:

(153) н сквозѣ всн. н стѣгны нцю ѿгоже лѣвнтѣ дша моѣ, per vicos et plateas quaeram Bes 25, 158aβ2 sq²²¹.

В этом случае *vicus* переведено словом *всь* ‘деревня’, здесь также уместен перевод ‘по улицам и площадям’, но переводчик остановил свой выбор на основном значении латинского слова. Райнхарт ничего не сказал о слове *стѣгна*, чье значение обычно определяется как ‘улица’²²², хотя в (150) и (153) оно должно означать ‘площадь’. Данное слово неизвестно чешскому или словацкому языкам²²³; ср. болг. *стѣгда* ‘рыночная площадь’, в этой форме уже в СР на месте греч. *πλατεῖα*. Рядом с ‘богемизмом’ стоит болгарское слово, неизвестное чешскому языку.

Любопытна позиция Райнхарта относительно глагола *прѣслушати* ‘ослушаться, не послушаться, не подчиниться’, зафиксированного также и в СР и других текстах²²⁴: (154) аште бога прѣслушашѣ, оубоко въ мѣцѣ кмъ (ἐὰν... παρακούσω) Супр. 367, 1–2; (155) ѿгоже заповѣднн прѣслушати н напзлантн невѣрѣгоуть cuius implere dicta renuunt Bes 40, 322aa 19. Для текстов, переведенных с греческого, происхождение *прѣслушати* определяет-

²¹⁸ SJS IV: 634; Reinhart 1980: 76.

²¹⁹ Reinhart 1980: 77.

²²⁰ См. Благова, Икономова 1993: 17.

²²¹ SJS IV: 194, *стѣгна*.

²²² SJS IV: 194.

²²³ Фасмер III: 763, *стогна*.

²²⁴ СС: 550; SJS III: 481.

ся как калька от *παρακοῦω*. В то же время автор находит семантическую параллель между старочешскими памятниками (*prěslyšěti* ‘vyslechnout, až do konce poslechnout’; ‘vyslechnout někoho’ и т.д.) и употреблением глагола в *Беседах*²²⁵. По мнению Райнхарта, *прѣслоушатн* в (155) следует понимать в смысле *послоушатн*: ‘заповеди которого послушать (выслушать) и исполнить не хотят’. И поскольку в славянских языках *прѣслоушатн* употребляется с вариациями на тему ‘послушать (до конца)’ или ‘выслушать’ и т.д., Райнхарт заключает, что данный глагол небезынтересен для сравнительной лексикологии славянских языков. Попутно автор устанавливает, что глагол *преслуша/преслушува* в ‘македонском’ заимствован либо из сербохорватского, либо из болгарского! (Вот, что на самом деле интересно для истории славянской сравнительной лексикологии.) Под конец предлагается ‘рабочая гипотеза’, согласно которой, хотя и с некоторыми оговорками, допускается возможность влияния старочешского на остальные славянские языки. Поиск лексических изоглосс здесь недостаточен ввиду того, что совершенно не ясны пути распространения возможного влияния старочешского языка. Так или иначе, но *прѣслоушатн* включен Райнхартом в список богемизмов на стр. 81. Но почему авторы SJS между употреблением глагола в СР и *Беседах* не видят никакой семантической разницы и считают, что в обоих случаях *прѣслоушатн* означает ‘не послушаться, не подчиниться’? Предложенное Райнхартом прочтение (155) возможно, но дело в том, что автор не обратил внимания на одну деталь: в латинском тексте две глагольные формы (*implere, genuunt*), а в славянском – целых три (*прѣслоушатн, напълантн, невѣрѣоуць*). В Уваровском и Синодальном списках *Бесед* *прѣслоушатн* отсутствует, т.е. чтение в Погодинском списке – поздняя контаминация двух вариантов. Или, если сказать это по-другому, предложенное Райнхартом понимание *прѣслоушатн* в (155) (даже если согласиться с ним) не может относиться к переводу *Бесед*, а является более поздним и не может быть связано с чешской языковой средой. Поэтому и в этом случае можно считать, что глагол означает ‘ослушаться, не послушаться, не подчиниться’. Более того, это ведет к прямо противоположным выводам. Отсутствие значения ‘ослушаться, не послушаться, не подчиниться’ у др.-чеш. *prěslyšěti* говорит в пользу того, что *Беседы* не были переведены в Чехии. Ср. также девербатив *прѣслоушаннѣ* ‘ослушание, непослушание, неповиновение’ (*паракоу́*) в СР, *Охридском апостоле* и *Житии св. Бенедикта* в сербском списке XIV в. Последний памятник относится к чешским ‘церковнославянским’ памятникам, но это очень сомнительно. От греч. *παρακοῦή* Иоанн Экзарх образовал *прѣслоуѣха* ‘ослушание, неповиновение’: (156) н воудеть *послоушьланвѣ оцоу еже подобьно намѣ. н ѿ насѣ прналъствомъ нашоу преслоухоу цѣла – хай*

²²⁵ Reinhart 1980: 61–62.

γίνεται ὑπήκοος τῷ πατρὶ τῷ καθ' ἡμᾶς καὶ ἐξ ἡμῶν προσλήμματι τὴν ἡμετέραν παρακοὴν ἰώμενος, *Богословие Иоанна Дамаскина*²²⁶. Все три слова (прѣслоушати, прѣслоушание, прѣслоуха) возникли в рамках ДЯ под влиянием греческого. Глагол, возможно, оставил след и в современном болгарском языке, ср. болг. *преслушвам/преслушам* ‘перестать слушать, не слушать’²²⁷; правда, допустима и независимая от греческого версия происхождения этого значения в связи с тем, что *пре-* указывает на ограничение или прекращение действия, выраженного корнем слова. В словаре Герова это значение дано как второе. Ввиду его неупотребительности в болгарском, возможно, это архаизм. Выясняется, что „рабочая гипотеза“ Райнхарта основана на ложном прочтении текста.

Впоследствии Райнхарт нашел еще один богемизм, предлагая конъектуру *сѣньдъ* на *сѣть* ‘folia; листья’ в следующем контексте: (157) *смотрнмъ нзѣна кде во вномъ малѣмъ зернѣ тантъ сѧ крѣпость древа жесточѣство корзи сластн н вона велнѣство н вбнани ин плодъ сѣдн зеленѣствнѧ* Bes 26, Rogod 174bβ11–18 (*сѣньдн, зеленѣство лнствнѧ* Uvar 96aα23–24); в двух других рукописях, одна из которых содержит Великие Четыи Минеи за месяц март, можно прочитать варианты: *сѣдн зеленѣствнѧ* Q I 1202/195r24; *сѣдн зеленѣствнѧ* ВМЧ 267c27²²⁸. Оригинальный текст: Consideremus nunc ubi in ill parvo grano seminis latet fortitudo ligni, asperitas corticis, saporis odorisque magnitudo, ubertas fructuum, viriditas foliorum²²⁹. Русский перевод: „Обсудим, где скрывается в этом малом зерне семени прочность дерева, жесткость коры, множество запаха и благовония, обилие плодов, зелень листьев“²³⁰.

Форма *сѣдн*, по мнению Райнхарта, переводит лат. *foliorum* оригинала, и ее легко реконструировать как *сѣть* ‘листья’; т.е. перед нами собирательное существительное ж. р. В Уваровском списке читается вставочный *ъ*, который сближает данную форму со словом *сѣньдъ* ‘пища, корм, еда’. Высказано предположение, что слово *сѣть* было непонятным для кого-то из переписчиков, так как в Уваровском списке читается его синоним *лнствнѧ*. Далее автор приводит соответствия *сѣть* из разных славянских языков, среди которых преобладают западнославянские языки. Слово *сѣть* следует включить в критическое издание *Бесед* и во второе издание „староцерковнославянского“ словаря²³¹.

С конъектурой Райнхарта нельзя согласиться. Для начала отметим простой факт, что Райнхарт никак не объяснил, каким образом *т* реконструируемого им слова стало *д*. (Разумеется, можно предположить исходную

²²⁶ Sadnik II: 144.

²²⁷ Геров IV: 377.

²²⁸ Reinhart 2001: 443.

²²⁹ PL 76: 1204A; Reinhart 2001: 443.

²³⁰ Беседы: 111.

²³¹ Reinhart 2001: 443–444.

глаголическую рукопись, где буква *oo* неправильно была прочитана как *ъ*, но другие данные не подтверждают такую реконструкцию.) Уже это ставит под сомнение всю гипотезу, так как во всех списках стоит форма слова *сѣдѣ* ‘пища, корм, еда’, и неясно, каким образом кто-то из последующих переписчиков мог узнать в ней слово *сѣть* ‘листья’, чтобы добавить его синоним *лнствнѣ*, тем более, что, как указывает сам автор, семантика слова в западнославянских языках отличается от его семантики в остальных славянских языках.

Гипотеза Райнхарта страдает и в отношении синтаксиса всего предложения, где им. сочетается с род. падежом: *крѣпость древа, жесточѣство корзы, сластн н вонн велнѣство, вбнлнѣ ... плодѣ* (род. мн.). Сочетание *сѣдн зеленѣствнѣ* („листьев зелени“, если принять гипотезу Райнхарта) синтаксически неправильно (два род. падежа) и лишено смысла в данном контексте. Именно в Уваровском списке и содержится первоначальное чтение перевода: *зеленѣство лнствнѣ*. Оно в точности соответствует лат. *viriditas foliozum* („зелень листьев“). По всей вероятности, форма *зеленѣствнѣ* является контаминацией форм *зеленѣство* и *лнствнѣ* (то ли в результате неправильного прочтения, то ли вследствие наличия дырки в рукописи). Труднее объяснить присутствие формы *сѣдн*. Однако и здесь нам может помочь Уваровский список, где после *сѣдн* стоит точка, т.е. слово относится к предыдущему сочетанию *вбнлнѣ ... плодѣ* „обилие плодов“. По неясным причинам, кто-то добавил *сѣдѣ* ‘пища, корм, еда’. Реконструкция текста выглядит так: *вбнлнѣ ... плодѣ. зеленѣство лнствнѣ > вбнлнѣ ... плодѣ сѣдн. зеленѣство лнствнѣ > вбнлнѣ ... плодѣ сѣдн зеленѣствнѣ*. Нет надобности продолжать, поскольку дальнейшие рассуждения на эту тему будут чисто спекулятивными. Важно констатировать, что формы *сѣдн*, *сѣдн* являются формами слова *сѣдѣ*, а не *сѣть*, как полагает Райнхарт, чья гипотеза неубедительна и в отношении чешского языка, так как в старочешском зафиксирована только форма м. р. *snět*, а реконструируемая им форма ж. р. *snět* известна лишь из современного чешского словаря; последнее допускает возможность того, что во времена, когда были переведены *Беседы*, форма ж. р. еще не существовала.

Проделанный анализ показывает, что доказательства в пользу чешского происхождения перевода *Бесед* не выдерживают серьезной критики. Перевод сделан в Болгарии, скорее всего, в то время, когда все еще ощущалось некоторое влияние латинской традиции. Как известно, князь Борис в первые годы после крещения Болгарии лавировал между Константинополем и Римом в целях добиться самостоятельности для Болгарской церкви. Отдельные авторы связывают перевод *Бесед* с деятельностью Иоанна Экзарха Болгарского²³².

²³² Кръстанов 2010а; 2010б.

* * *

Заканчивая данный раздел, отметим, что практика вырывания текстов из древнеболгарской традиции продолжается и в наши дни. Так, недавно М. Вепржек посвятил статью молитве Григория Великого из древнерусского сборника Ярославского Спасо-Преображенского монастыря XIII в.²³³ А. И. Соболевский в 1905 г. опубликовал восемь молитв из разных сборников, высказав мысль, что лексические особенности этих молитв роднят их с *Беседами* Григория Великого²³⁴. М. Вепржек разделяет это мнение. Среди лексем, указывающих на западнославянское происхождение как *Бесед*, так и одной из упомянутых молитв, оказалось и слово нздръшѣннѣ²³⁵. До сих пор слово было известно из Киевских листков: **(158)** да... рѣшотивнаѣ нздръшѣннѣ объмемъ redemptione 2a 19; **(159)** нъ нздръшѣнне вѣчьное присно намъ вѣди (sed indulgentia tuae praeveniat semper affectus) 5b 9²³⁶. Значение слова определено как 'искупление'. Такое толкование нуждается в уточнении. Более точное толкование – 'избавление, спасение'; ср. нздръшѣнне вѣчьное в **(159)**. В том же самом словаре нздръшѣнтель в *Беседах* определено как 'искупитель' по отношению к Христу, что допустимо, но более точным определением все же является 'избавитель, спаситель': **(160)** нздръшѣнтель нашъ redemptor noster 8, 25 бѣ 21sq; нздръшѣнтель нашъ Redemptor noster 4, 15бѣ 3 sq²³⁷. Ср. нзбавнтель 'избавитель, спаситель' в *Беседах* с уточнением spec. de Christo: **(161)** нзбавнтелл нашего дръугаа вѣьда alia Redemptoris nostri sententia 7, 28 ба 7 sq²³⁸. Приведем контекст из третьей молитвы публикации А. И. Соболевского: **(162)** да нзръшѣнне подасн вѣьмъ грѣхомъ монмъ²³⁹. В комментариях к этому месту А. И. Соболевский отметил: ср. в *Беседах* нздръшѣнтель redemptor²⁴⁰, а Мареш – „A Bohemism? нздръшѣнне (Lat. indulgentia) occurs in Kiev Fragments and in Ostrov Song (Old Czech)“²⁴¹. Старочешский текст, указанный Марешом, представляет разказ о сотворении мира и относится ко второй половине XIII в.²⁴², в нем слово должно быть книжного происхождения. Данное слово (нздръшѣннѣ – девербатив от

²³³ Вепржек 2007.

²³⁴ Соболевский 1905: 67.

²³⁵ Вепржек 2007: 2.

²³⁶ SJS I: 742.

²³⁷ SJS I: 742.

²³⁸ SJS I: 718.

²³⁹ Соболевский 1905: 75; см. также: Mareš 1979: 77.

²⁴⁰ Соболевский 1905: 75, примеч. 4.

²⁴¹ Mareš 1979: 77, примеч. у.

²⁴² Gebauer I: XXI.

нздрѣшнтн) отражает специфическое юго-западное болгарское диалектное явление – эпентетическое смычно-взрывное [d]²⁴³. Оно неизвестно чешскому и словацкому языкам. Что касается мотивирующего слова (нзрѣшнтн, нздрѣшнтн), то О. Н. Трубачев специально отметил его древнеболгарское происхождение²⁴⁴. Данное явление встречается и в текстах более позднего времени, но в них его следует расценивать как лексикализацию или как стремление писцов подражать древним образцам (ср., например, рздрѣшн в *Житии Стефана Пермского* Епифания Премудрого²⁴⁵); в текстах раннего периода славянской письменности оно имеет фонетический характер. Иными словами, в виде нздрѣшнѣннѣ слово не может быть богемизмом и служить доказательством чешского происхождения *Бесед* или какого-нибудь другого текста. Вряд ли и в виде нзрѣшнѣннѣ оно может исполнять ту же самую функцию, поскольку мотивирующий глагол (нзрѣшнтн, нздрѣшнтн) древнеболгарского, как указал Трубачев, происхождения.

А. И. Соболевский издал молитву Григория Великого²⁴⁶ по двум спискам: 1) Молитвослов или Часослов Ярославского Спасо-Преображенского монастыря второй половины XIII в. (Ярославский музей-заповедник, № 15481²⁴⁷); 2) по молдавскому списку XV в. (ГИМ, собр. Ундольского, № 1274). Оба списка почти полностью совпадают, за небольшими расхождениями. М. Вепржек относит перевод молитвы Григория Великого с латыни к XI столетию в Чехии²⁴⁸. М. Вепржек, однако, ничего не сказал о втором, молдавском, списке Молитвы, а он достоин нашего внимания. Список выдержан в болгарской орфографии, наблюдаются отдельные особенности среднеболгарского периода: л вместо ж в 1 л. ед. наст., ж вм. л в причастных формах, написание -жа вместо -жж. Вряд ли можно сомневаться в том, что молдавский список связан с болгарской традицией, т.е. восходит к среднеболгарской рукописи. М. Вепржек ничего не сказал о том, каким образом предполагаемый чешский перевод XI в. перекочевал из Чехии в Болгарию. Более того, у нас есть основания допускать, что и древнерусский список второй половины XIII в. (ЯМЗ 15481) восходит к среднеболгарской традиции. Так в конце молитвы читается: **(163)** тѣве са мнлз дѣва; ср. в молдав-

²⁴³ Шклифов 1979: 35 (= Трудове по българска диалектология, кн. 11); Шклифов 1973: 47; см. также: Граматика 1991: 83–84; Хабургаев 1986: 63.

²⁴⁴ ЭССЯ 9: 67; В. В. Нимчук относит нздрѣшнѣннѣ к паннонизмам без обосновки (Німчук 1988: 204).

²⁴⁵ Прохоров 1995: 118.

²⁴⁶ Соболевский 1905: 68–70, 70–72.

²⁴⁷ Сводный каталог 1984: 320–322, № 387.

²⁴⁸ Вепржек 2007: 10.

ском списке: (164) тебе са мнль дѣѣ²⁴⁹. А. И. Соболевский прокомментировал написание дѣѣ как описку, но на самом деле речь идет о мене юсов: дѣѣ из дѣѣ (< дѣѣ). Приведем параллельно несколько примеров, из которых видно, что в молдавском списке наблюдается л вместо ж в 1 л. ед. наст.: (165) тебе молю гн н к тебѣ възпню *против* тебе са мла гн н тебѣ възпн²⁵⁰; (166) прошю н молю тебе гн *против* прошж н мла тебе²⁵¹; (167) тебе хвалю н тебе велнчаю *против* тебе хвала н тебе велнчаж²⁵². В. Ф. Мареш прокомментировал мену л ↔ ж как особенность молдавского извода „церковнославянского“ языка („in Moldavian CS the letter л is frequently used instead of ж and vice versa“)²⁵³, ничего не сказав, что эта графическая особенность восходит к фонетическому и орфографическому явлению среднеболгарской традиции. Здесь необходимо подчеркнуть, что молдавская традиция связана именно со среднеболгарской. Учитывая наличие болгарской традиции *Молитвы* Григория Великого вместе с тем, что древнерусский список связан со среднеболгарской традицией, можно предположить, что данная молитва в Чехии никогда и не существовала.

Лишний раз можно убедиться в том, сколь шатки основания при определении „западославянского“ происхождения отдельных памятников. По этому поводу справедливо мнение И. Добрева: „самозаблуда е, че в края на IX в. и през X в. в земите на чехи и словаци са възникнали т.нар. „моравски произведения“. Техният списък дължим на А. И. Соболевский“²⁵⁴. „Возникновение“ из ничего памятников чешского извода „церковнославянского“ языка продолжается и по сей день. Вряд ли этому процессу в ближайшем будущем будет положен конец. История эксклюзивных изоглосс Райнхарта имеет свое продолжение. Буквально на днях новый текст был объявлен куском деятельности пресловутого Сазавского монастыря. Речь идет о *Слове на въздвижение честного и животворящего креста*²⁵⁵. Как и следовало ожидать, доказательством служат несколько „богемизмов“²⁵⁶. Плохо ориентируясь в вопросах лексики, С. А. Иванов обратился за помощью к Райнхарту, который в частном письме от 11 ав-

²⁴⁹ Соболевский 1905: 70, 72.

²⁵⁰ Соболевский 1905: 68, 71.

²⁵¹ Соболевский 1905: 69, 71.

²⁵² Соболевский 1905: 69, 71.

²⁵³ Mareš 1979: 73, примеч. п.

²⁵⁴ Добрев 2007: 353.

²⁵⁵ Ivanov 2012.

²⁵⁶ Ivanov 2012: 206: “Slavonic translations from Latin are a tiny fraction of all translated Slavonic literature, and nearly all of them were made in Bohemian Sázava monastery in the 2nd half of the 11th century. Several Bohemisms in our text corroborate this hypothesis”.

густа 2011 г. разъяснил ему свою теорию эксклюзивных изоглосс, связанную с наблюдениями над лексикой *Бесед*²⁵⁷. Спокойно можно закончить данный раздел словами из киноиндустрии: *to be continued* или *продолжение следует*.

---

²⁵⁷ Ivanov 2012: 206, примеч. 7: “A certain number of lexemes to my mind are very relevant, because they are exclusive isoglosses: *ml̆va* ‘turba’, *poniženije* ‘damnatio’ and *snaž-* (*snažь* ‘strenuus’, *pr̆snažij* ‘antiquus’). *Мльва* ‘turba’ is attested only in the Gospel Homilies of Gregory the Great. It must be also loan formation (*trubare* > *turba/ml̆viti* > *ml̆va*; the original direction of the Latin and Slavonic derivation is irrelevant here). It could have been made a second time independently of course, but this is not very probable. *Poniženije* – or rather the verb(s) from which it was derived – in the meaning at issue is an exclusive isogloss of Czech CS texts (*ponižati* is attested in the Gospel Homilies of Gregory the Great and in the second Vita of St. Wenceslaus; apart from them also in the Viennese or Jagić glosses, a mixture of Old Czech and Czech CS; *poniziti* in the same CS texts). *Snaga*, *snažьно*, *snažьнъ* (and **nasnažьнъ*, if the reconstruction in the dictionary is correct) in the meaning ‘studium; studiosus’ is confined to Czech CS texts (the Gospel Homilies, as well as the first and second Vita of St. Wenceslaus; apart from that, they have Old Czech lexemes in the same meaning beside them; in other meanings the word *snaga* is extant also in other Slavic languages). The word *pr̆snažij* in your text has a somewhat unexpected meaning, but it might be a free translation”. (Заметим, что Райнхарту неизвестна статья Цейтлин о слове *мльва*, подробный анализ см. в следующем разделе при слове *оумльвнтн*.)

ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЙ ПЕРЕВОД ХРОНИКИ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА И „ЧЕШСКОЕ“ ВЛИЯНИЕ

Проблема моравизмов включает и вопрос о происхождении раннего славянского перевода ХГА. В свое время этот вопрос вызвал полемику среди ученых. Особое место в этой полемике занимает П. А. Лавров, который наряду с другими особенностями перевода указал на ряд таких, которые, по его мнению, отражают влияние чешского языка на перевод ХГА¹.

Прежде всего следует обратить внимание на суффикс *-ствнѣ*, о котором мы уже писали². Вот что пишет по этому поводу П. А. Лавров: „Влиянием чешского языка объясняется то обилие существительных с окончанием *-ствнѣ* вместо *-ство*, которым отличается перевод Георгия Амартола. Встречаются с этим окончанием существительные и в церковнослав. яз., но их число не велико“ (с. 472). Далее автор пытается объяснить появление слов на *-ствнѣ* в древних памятниках: „А потому для русского было бы странно внести такую массу слов с окончанием *-ствнѣ*, для которого и в церковнославянском яз. он не мог найти много примеров. Иначе это в чешском языке, где таких слов огромное количество и где менее рядом с ними находим существ. с окончанием на *-ство*, причем значение дублетов иногда различается. В древнем яз[ыке] чаще окончание на *-stvo*, чем в новом, в котором *-stvi* преобладает. Быть может, слова на *-ствнѣ* были в значительном употреблении уже в начале славянской письменности в Моравии и отсюда перенесены были и на Балканский полуостров“ (с. 472–473).

Такое объяснение страдает по меньшей мере двумя недостатками. Во-первых, Лавров запросто экстраполирует современную ситуацию назад во времени, не считаясь ни с особенностями самого суффикса *-ствнѣ*, ни со временем его возникновения. Во-вторых, в теории автора заметно противоречие: с одной стороны, в старочешском языке чаще употребляются слова на *-stvo* сравнительно с современным языком, с другой, – слова на *-ствнѣ* (> *-stvi*) были в „значительном употреблении“ уже в период Моравской миссии.

Для того, чтобы слова на *-ствнѣ* перекочевали бы из Моравии на Балканский полуостров, необходимо одно очень важное условие: они должны были существовать (хотя бы часть из них) в праславянском языке. Но как мы уже видели, слов на *-ствнѣ* в праславянском языке вовсе не было. Даже

---

¹ Лавров 1925–1926: 471–480. Далее ссылки на эту работу даны в тексте в круглых скобках с указанием на страницу.

² См. выше и Станков 2006б: 262–265.

слова на -ство были в нем редкостью. Суффикс -ствнѣ – книжный суффикс, составленный из -ство и -нѣ. Появился он в период осуществления первых переводов на ДЯ, еще до начала Моравской миссии. Ситуация в старочешском языке, на которую обратил внимание Лавров, как раз подтверждает нашу теорию: большое распространение в чешском языке слова на -ství получили впоследствии, т.е. они не были столь характерны для периода Моравской миссии. Поэтому относить суффикс -ствнѣ к „моравизмам“, оказавшим влияние на ДЯ, нет смысла. Наоборот, это ДЯ дал начальный толчок развития этой словообразовательной модели в чешском языке (возможно, через древнерусское посредство). Это тем более очевидно, что сам Лавров далее пишет: „что многие слова составлены переводчиком искусственно и могут принадлежать единственно ему, в этом нельзя сомневаться“ (с. 473). Критика П. А. Лаврова в адрес В. М. Истрина, считавшего, что переводчику ХГА нравилось производство имен существительных на -ствнѣ³, не убеждает. Именно это и объясняет, почему данная словообразовательная модель не привилась болгарскому языку.

Среди признаков чешского влияния П. А. Лавров отмечает некоторые этнические названия с суффиксом -ѣнѣ/-ѣнѣ, в которых появляется ш на месте с:

(168) Пѣлопоннѣз того рѣ^н нарѣнн быша пѣлопоннѣнѣ 37,26–27 – ἀφ' ἧς καὶ Πελοποννήσιοι Б. 18,4–5;

(169) Wpъфевезъ (Wpъфевезъ Э⁴) Фракнѣнѣнѣнѣ 113,25 – Ὀρφεύς ὁ Ὀραξί Б. 147,6–7;

(170) самотевѣнѣнѣнѣнѣ (самовѣтѣнѣнѣнѣнѣ ПбСл)⁵ 322,5 – Σαμωσατεύς, Б. 470,11;

(171) ѿ Фракнѣнѣнѣнѣнѣнѣ 361,23 – παρὰ Ὀρακῶν Б. 542,17;

(172) Тѣлмнѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ словѣшлѣшн 361,25–26 – Τελμησεῶν ἀκούεις; Б. 542,20–21;

(173) Тнверѣн Ракнѣнѣнѣнѣнѣнѣнѣ 427,18 – Τιβέριος ὁ Ὀραξί Б. 656,13.

По мнению П. А. Лаврова, эти формы стоят в связи с греческими типа *Ορακῆσιοι*. При этом автор отмечает, что в словаре Котта⁶ нет указаний ни

³ Истрин II: 245.

⁴ Матвеевко, Щеголева I/2: 76, примеч. 17 к с. 225.

⁵ Вм. ожидаемого сам(с)тѣвѣнѣнѣнѣнѣнѣ. Матвеевко и Щеголева считают, что здесь произошла „порча порчи, метатеза после утраты слога [с, – Р.С.] в Тр“ (Матвеевко, Щеголева I/2: 208, примеч. 11 к с. 490). Авторы исходят из посылки о наибольшей близости Тр к „первооригиналу“ перевода. На наш взгляд, Тр не является списком, наиболее близким к протографу древнерусских списков ХГА (Станков 2010–2011), поэтому вопрос где и когда затерялся слог сѣ остается без определенного ответа, тем более, что „порча порчи“ отмечена только в двух других списках.

⁶ Kott I–VII.

на пълнопншанъ, ни на фракншаннъ, но эти формы должны быть образованы так же, как *Rakušan* от *Rakous*⁷.

Указанные формы связаны также с суффиксами -ъне/-ъне и -ннъ. Как известно, свистящие согласные [с] и [з] перед *j* изменялись в [ш'] [ж']⁸. Поэтому появление буквы ш в рассматриваемых формах необязательно связывать с чешским языком. Это, во-первых. Во-вторых, из приведенных выше примеров только в (168) и (172) мы видим греческие формы (Πελοπονήσιοι, Τελμησέων), от которых могли возникнуть славянские формы типа пълнопншанъ, фракншаннъ. Это говорит о том, что рассматриваемые формы, возникшие под влиянием греческого языка в сочетании с суффиксами -ъне/-ъне и -ннъ⁹, должны были обладать некоторой активностью в языке переводчика (если, конечно, они являются результатом его деятельности), а именно, – при том, что в оригинале нет формы Θρακῆσιοι, переводчик знал эту форму помимо греческого текста ХГА. Сомнительно, что это возможно в речи переводчика чеха в X в.

Проблема осложняется еще и тем, что с не всегда переходит в ш перед суффиксом -ъне/-ъне, например:

(174) Каракъсъ Сиракоуцаннъ 62,27–63,1 – Κόραξ ὁ Ὑρακούσιος Б. 62,19–20;

(175) Фережанъ и Гергестанъ 111,22 – Φερεζαῖος καὶ Γεργεσαῖος Б. 143,7–8;

(176) Ночтинъ Фраксаннъ 411,4 – Ἰουστῖνος ὁ Ὑραξ Б. 626,4.

Много раз в переводе встречаются формы перъне/перъне, перънъ/перънъ (Πέρσαι) и перъннъ/перъннъ (Πέρσης) в русской орфографии через л (оставляем форму перн/перъ в стороне)¹⁰.

Прежде чем сделать обобщение, приведем еще один пример, где указанная „чешская“ особенность соседствует с болгарской огласовкой собственных имен:

(177) да ѡ мнроу глѣтн съ Блъгаръи в Несембринетъмь градъ прежде Ненембрна нарнцаемъ ѡ Фрака, бо вселнвша его, Врню (врнн ПСЛ), нъ ѡ коѣ Фракншанъ граднмь глѣмъмь (глѣ S), лочее же Несембрнанынн (!) нменуемо 561,8–11 – τὰ εἰς εἰρήνην συλλαλῆσαι, τοῖς Βουλγάροις ἐν Μεσημβρία, τὸ πρὶν μὲν Μενεμβρία καλουμένη ἀπὸ Μέννου Θρακός, τοῦ ταύτην οἰκήσαντος, καὶ Βρία, τὸ παρὰ

⁷ Лавров 1925–1926: 472.

⁸ Селищев I: 208; Вайан 1952: 74; Граматика 1991: 120.

⁹ На сочетание данного суффикса, главным образом, с основами греческого происхождения обращает внимание и В. С. Ефимова (Ефимова 2006: 94).

¹⁰ Перъне (-ъи) (25 раз): 34,1; 34,6; 35,3; 35,8; 36,4; 36,10; 36,12; 42,13; 42,20; 45,25; 58,29; 69,25; 73,4; 82,23 (2); 160,22; 160,26; 165,21; 298,8; 339,26; 362,22; 363,16; 365,21; 404,19; перъннъ (10 раз): 38,1; 190,12; 298,12; 362,30; 363,4 (2); 400,13; 400,15; 400,17; 517,23. Пару раз встретились „оболгаренные“ формы: пръсане – 434,27; пръсаннъ – 419,11; 518,11; 518,15.

τισι Θρακῶν πόλισμα λεγόμενον, πρὸς δὲ τὸ εὐφραδέστερον Μεσημβρία νῦν ὀνομάζεται В. 55,25–28.

Прежде всего форму Несеврнанынн в издании следует разделить на Несеврна (Μεσημβρία) и нынн (νῦν). Автор издания объединил обе формы, видимо, считая, что в случае имело место переосмысление их в форму слова ж. р. со значением лица типа воґзынн. Первоначально здесь, несомненно, стояло наречие нзынѣ. Форма нынн может иметь фонетическое объяснение на русской почве (если, конечно, это не описка), так как в новгородских грамотах XIV в. мена букв ѣ и н представлена достаточно широко. Присутствует она и в севернорусских текстах конца XIV и XV–XVI вв.¹¹ Морфологическое переосмысление, если вообще можно говорить о таком, произошло впоследствии. В (177) болгарской особенностью является начальное н вместо μ и в вместо β в Несемврнѣстѣмь, Ненемврна, Несеврна. При этом греч. Βρία передано через в, согласно византийскому произношению, тогда как в полном названии города переводчик сохраняет в, согласно местному (болгарскому) произношению, ср. болг. *Несебър*.

Итак, у нас есть 42 случая сохранения с против 7 случаев с ш; при этом написания через букву с разбросаны по всему тексту ХГА, включая и те места, где отмечены те 7 случаев появления буквы ш. Как объяснить формы с ш? Объяснение, предложенное П. А. Лавровым, никуда не годится.

В свое время Ф. Миклошич отмечал, что в древних переводах очень часто удерживались греческие формы, например: *κολασσαεῖς* – коллсанн, коллсанн, *ἐφέσιοι* – ѳфеснн, *φιλιππήσιοι* – фнлнпнннн, фнлнпннсен. Древнеболгарские формы (по терминологии Миклошича „старословенские“) были бы здесь *колашане*, *ѳфешане*, *фнлнпнлане*¹². Форма *ѳфешане*, наряду с *ѳфешане*, действительно, встречается¹³.

Как уже было сказано выше, рассматриваемые формы связаны с суффиксом *-ѣне/-ѣане*. Ученые отметили колебание вариантов данного суффикса в зависимости от предшествующих звуков: *-ѣн-*, *-ѣан-*, *-ан-* (А. Вайан¹⁴); по фонетическим причинам вариант *-ѣан-* возобладавал над вариантом *-ѣн-* (В. Кипарский¹⁵).

В итоге, в колебании форм с с и ш в переводе ХГА, скорее всего, следует видеть колебание в развитии самого суффикса, нежели влияние со стороны чешского языка. Как раз вариант *-ѣан-* может вызвать переход с в ш. Надо также отметить, что указанная словообразовательная модель ха-

¹¹ Горшкова, Хабургаев 1981: 91; там же основные исследования по данному вопросу. Подобное явление наблюдается и в псковских грамотах, там же: 93.

¹² Миклошич 1889: 19.

¹³ Miklosich: 1160.

¹⁴ Vaillant II/1: 188–189; 216–217; 308–311; IV: 337–338; цитировано по: Трубачев 1982: 5.

¹⁵ Kiparsky 1975: 187; см. также: Трубачев 1982: 5.

рактизуется возрастающей продуктивностью; несмотря на ее доказанное индоевропейское происхождение, эта модель представлена исключительно славянскими новообразованиями¹⁶.

Рассматриваемые формы нельзя считать результатом влияния чешского языка и по той причине, что порой они соседствуют с болгарскими языковыми особенностями, как это было указано относительно (177). По поводу (177) можно добавить еще и то, что чуть ниже, в том же контексте, имя шурина болгарского царя Симеона (по-гречески Γεώργιος ὁ Ὑορσοῦβουλις, В. 55,29–30) передано через Γεωργίν *Сърсоувила* (561,13), где присутствует слово болгарского происхождения *вила*¹⁷. В близком окружении (174), в том же контексте, можно отметить форму простого аориста: Γραμοτου во Фнннкане *вврѣтоу* (< *вврѣтѣ*) 62,26 – *γράμματα μὲν γὰρ Φοίνικες ἐφεῦρον* В. 62,17–18. Форма Фнннкане лишний раз указывает на колебания при образовании слов с суффиксом -ъне/-ъне (здесь можно было бы ожидать вариант фнннъне). Если принять объяснение Лаврова, придется возвращаться к абсурдной идее о „международном“ переводческом коллективе.

На этом можно было бы поставить точку, но П. А. Лавров развивает свою мысль о влиянии чешского языка следующим образом: „в соответствии переходу с в ш находим два примера с ж в м. *z*“¹⁸. Непонятно, какое отношение это может иметь к чешскому языку. Тем не менее приведем эти примеры:

(178) *ѡко н вѣ нѣ всѣ ѡлннн* (ѣдннн S) *н скоуфнѣжествоуѡтъ* (скоуфнѣжествоуѡтъ S) 72,19–20 – *ὡς καὶ ἡμῖν πάντες Ἕλληνες σκυθίζουσιν* В. 79,11–12; в E²: *ѣдннн скѣфѣжествоуѡтъ* 49v17–18¹⁹;

(179) *Анаксагоръ ѡкладжнннъ* 144,18 – *Ἀναξαγόρας ὁ Κλαζομένος* В. 198,17–18.

Чтение *ѣдннн* в (178), возможно, связано с транслитерацией от глаголического списка: либо в самом списке (с которого переписывался текст) буква ѡ (л) была спутана с буквой ѡ (д), либо переписчик неправильно прочитал глаголическую букву ѡ (л)²⁰.

Относительно (179) необходимо заметить, что в издании В. М. Истрина допущена серьезная неточность, которую повторили также В. Матвеевко и Л. Щеголева²¹. Текст следовало бы издать следующим образом: *Анаксагоръ ѡ Кладжнннъ* (вообще лучше не ставить прописные буквы, когда их нет в

¹⁶ Трубачев 1982: 10–11.

¹⁷ Фасмер I: 259; БЕР I: 63, *боил*; I: 66, *болярин*; Делева 1996: 181; Славова 2010: 15–20.

¹⁸ Лавров 1925–1926: 472.

¹⁹ В списке С *скоуфнѣже-* (над же написано ше); см.: Матвеевко, Щеголева I/2: 48, примеч. 3 к с. 172.

²⁰ Об этом мы уже писали: Станков 2010–2011: 46.

²¹ Матвеевко, Щеголева I/1: 266.

рукописи, см. Тр 93в6²²). Буква *w* соответствует греческому артиклю *ὀ*. Это не единственный случай в истории древнеболгарской письменности. Так, Д. Кенанов отметил 7 случаев сохранения артикля в древнеболгарском переводе *Надгробного слова Василию Великому* Григория Богослова²³. У нас уже была возможность отметить, что в переводе ХГА встречаются отдельные греческие слова (чаще всего это служебные слова), которые остались непереуведенными. Оставляя без внимания эту особенность перевода ХГА, В. М. Истрин произвел на свет новое собственное имя *Аптокроумль* (вместо *απτο κροумль*; *απτο < αὔτων*)²⁴, вызвавшее некоторое недоумение у отдельных исследователей, в частности у С. Франклина и А. А. Пичхадзе²⁵ (речь идет о болгарском хане Круме). Более того, ошибка издателя привела этих авторов к неверным заключениям.

Оба примера, по-видимому, следует объяснить фонетическими причинами. В (178), ввиду невозможности перевода, при образовании славянско-го соответствия от греч. *σχιθίζω* (‘по-скифски брить голову’) получается накопление свистящих *z* и *s*. В случае имело место облегчение произношения за счет диссимилятивного перехода *z* в *ж*; возможен также переход *z* в *ж* под влиянием суффиксального *ря*, но ввиду того, что перевод ХГА был осуществлен во второй половине X в. (после 963 г.) диссимиляция более вероятна. Впоследствии чтение было переосмыслено, буква *ж* была заменена на *ш*, и получилась форма глагола *шьствъватн*. В (179) *z* перед суффиксальным *j* перешло в *ж*; ср. форму *фереженъзи* в (175), где нет такого перехода, так как после *z* (из *ζ*) стоит буква *ε*, передающая дифтонг *αι*, и лишь после этого присоединен суффикс *-ъан-*.

И в этом случае нет оснований видеть следы влияния чешского языка на перевод ХГА. Любопытно, что в самом греческом языке наблюдается переход *σ* в [š] и *ζ* в [ž] перед гласными переднего ряда, откуда в некоторых болгарских заимствованиях из греческого на месте исконных *σ* и *ζ* находим *ш* и *ж*²⁶. Предполагать влияние со стороны живого греческого языка гораздо более уместно, нежели говорить о влиянии со стороны чешского языка. Возрастающая продуктивность суффикса *-ъне/-ъне* приводила к тому, что суффикс, присоединяясь к разным основам, оказывался в соседство со звуками, вызывающими определенные фонетические изменения. Такое объяснение более логично и последовательно на фоне колебания вариантов данного суффикса в зависимости от предшествующих звуков.

²² Рукопись доступна на сайте: <<http://www.stsl.ru>>.

²³ Кенанов 2002: 31–32, 41.

²⁴ Еще П. А. Лавров обратил внимание на то, что греч. *υ* передается звуком [п] в болгарском (Лавров 1925–1926: 467). См. также: Станков 2003б: 276; 2004а: 58–59.

²⁵ Франклин 1988: 330; Пичхадзе 2002: 234.

²⁶ Дзидзилис 1990: 52–53, 54.

значено буквой: $\overline{\text{д}}$, междз десатомѧ (в Тихонравовском, Шибановском, Плигинском³⁸); в Троицком – межн³⁹.

В Московском списке оборот заменен буквами: (182) $\overline{\text{ѡ}}$ сн̑ сѣть, $\overline{\text{кд}}$, $\overline{\text{пѡбѣна}}$ гречьскимь писменемь⁴⁰; то же самое, но с добавлением сѣть* сн̑ находим в Соловецком 913⁴¹.

В древнейшем Лаврентьевском списке 1348 г. этот текст отсутствует, отсутствует он и в списках, связанных с ним общей текстологической традицией. В большинстве списков трактата Черноризца Храбра интересующий нас текст читается в редактированном виде: (183) сн̑ сѣть $\overline{\text{пѡбѣна}}$ гречскн̑ писменемь (Кириллобелозерский список XVI в.⁴²); то же самое читается в списках Лукашевича, Андриевского и ряде других списков⁴³.

В критическом издании сказания А. Джамбелуки-Коссовой текст реконструирован так: (184) Н ѡт сн̑х сѣть $\overline{\text{кд}}$, подовна гръчьскимь писменом⁴⁴. Отсутствует какой бы то ни было комментарий вариантов данного текста. А. Джамбелука-Коссова выделяет три основных разветвления в текстологической традиции сказания Храбра – α , β , γ ; группа γ распадается на подгруппы⁴⁵. К группе α относится Лаврентьевский список, в котором есть лакуна, к группе β относятся списки Московский и Соловецкий 913, где читается $\overline{\text{кд}}$, к группе γ относится большинство сохранившихся списков. Что касается Молдавского или Хиландарского 481 списка, то он является editio variorum (т.е. книжник пользовался несколькими другими списками, восходящими к разным текстологическим традициям)⁴⁶.

Итак, согласно реконструкции А. Джамбелуки-Коссовой, чтение в Московском списке (182) древнее чтения в Молдавском или Хиландарском списке (181). Не оспаривая стемму автора, скажем, что с этим положением никак нельзя согласиться (вообще странно, что автор критического издания совершенно игнорировала данное расхождение в списках), так как оборот четъзири (четъзире) междоу десатѡма древнее в текстологическом отношении обычного числового обозначения в виде $\overline{\text{кд}}$. Трудно поверить в то, что произошла обратная замена. Списки, в которых читается комбинированное написание $\overline{\text{д}}$, междз десатомѧ, указывают на путь развития чтения: впоследствии сочетание междоу десатѡма было заменено буквенным обозначением

³⁸ Куев 1967: 247, 266, 317.

³⁹ Куев 1967: 224.

⁴⁰ Куев 1967: 193.

⁴¹ Куев 1967: 327.

⁴² Куев 1967: 232.

⁴³ Куев 1967: 229, 243.

⁴⁴ Джамбелука-Коссова, Дограмаджиева 1980: 121.

⁴⁵ Джамбелука-Коссова, Дограмаджиева 1980: 23 и сл.; стемма изображена на с. 74.

⁴⁶ Джамбелука-Коссова, Дограмаджиева 1980: 33 и сл.

к̄. В Погодинском 1297 находим любопытную контаминацию: (185) ѿ с̄н соӯ к̄ чѣтыре мѣоӯ дма̄. пѣв̄на греческн̄ писмена̄⁴⁷. В этом списке XVII в. заметна морфологическая инновация писмена̄ и отражено непонимание древнего оборота.

В реконструкции А. Джамбелуки-Коссовой данного места заметно еще одно противоречие: списки Московский и Чудовский 269 отнесены к го-могенной традиции⁴⁸, но один из них сохраняет древний оборот, другой отражает переделку текста.

Итак, рассматриваемый способ числообозначения был известен ДЯ, так как, по всей вероятности, он принадлежит авторскому тексту Черно-ризца Храбра. Это подтверждается наличием оборота и в других текстах, восходящих к древнеболгарской письменной традиции:

(186) н самъ же д̄ межю десѣтъма̄. ст҃ѹхна̄. хоше̄тъ всѣа мѣнѣтн̄ (хд̄) ЕК⁴⁹;

(187) а аврама межю двѣма десѣтъма̄ .д̄-го старѣвшннство̄ оубѣства прослав-лена (т.е. 21-й; τὸν εἰκοστὸν) Слова Григория Богослова XIV в.⁵⁰;

(188) ѿ а̄дѣма д̄о авраама лѣтъ •ѣГ̄ н •Т̄ н •К̄ н •Д̄• родъ же с перво-зданымъ а̄дѣмомъ •ка̄• межн десѣтъма̄. авраамъ бы̄ 73621–25, Палея 1406 г.⁵¹

Й. Иванов⁵² указал на то, что оборот отмечен в Александрии первой редакции (по определению В. М. Истрина): (189) ѿ двѣма межн десѣтѣма д̄нн̄⁵³.

Примеры такого рода есть и в словарях И. И. Срезневского и Ф. Миклошича⁵⁴. По вопросу о происхождении данного оборота нет единого мнения. О. Бодянский писал: „форма эта, уцелевшая лишь в Чешском, встречается и в самом Церковнославянском, по моим наблюдениям, только в таких его памятниках, которые, всеми своими свойствами, указываю на переписку их с Глагольского письма“⁵⁵. И Бодянский, и Е. Ф. Карский⁵⁶ представляли себе „формулу“ данного обозначения в виде: (X+I+X), (X+I+I+X) и т.д. А. Е. Супрун высказал предположение, что, возможно, чехословацкий ареал был родиной этой модели. Присутствие ее в древнерусских источниках ав-

⁴⁷ Куев 1967: 284.

⁴⁸ Джамбелука-Коссова, Дограмаджиева 1980: 25.

⁴⁹ СДЯ IV: 521.

⁵⁰ СДЯ IV: 521.

⁵¹ См. № 38 на сайте Троице-Сергиевой Лавры: <<http://www.stsl.ru>>; в СДЯ (IV: 519–520) указано, что вместо к̄ а̄ должно быть •к̄ н̄ •а̄•, т.е. до Авраама было 20 родов, а сам он уже принадлежит 21-му. О Толковой Палее см.: Славова 2002; Станков 2010.

⁵² Иванов 1931: 443–444, примеч. 9.

⁵³ Истрин 1893: Приложение, 79.

⁵⁴ Срезневский II: 124, междоӯ, 125–126, межн, 126, межюӯ; Miklosich: 159–160, десѣтъ.

⁵⁵ Бодянский 1885: 57.

⁵⁶ Карский 1979: 217–218.

тор объясняет древнеболгарским (старославянским, по его терминологии) влиянием⁵⁷. Правда, Супрун не объяснил, откуда взялась эта модель в ДЯ, что ставит под сомнение верность его гипотезы. Ведь могло быть как раз наоборот. Краткий обзор по вопросу сделал О. Ф. Жолобов. Автор отвергает объяснение Бодянского и Карского и как будто склоняется к идее М. Басая⁵⁸, что такой счетный прием восходит к счету часов от захода солнца, существовавшему на христианском Западе в Средние века: „Кажется более вероятным, что данная схема отражает **устойчивую структуру** считаемых объектов – например, таких важных, как 24-часовой суточный цикл, который и сейчас делится на две части – дневную и ночную“⁵⁹. С этим трудно согласиться, так как славянская система была десятичной⁶⁰, а это не увязывается с 24-часовым суточным циклом. В этом отношении ценную, на наш взгляд, догадку высказал А. Е. Супрун, связавший данную модель „с использованием подсчетов (счетных досок, счетов, системы записи и т.д.)“⁶¹.

Самые старшие примеры в чешском языке относятся к XV в. и отражают дальнейшее фонетическое преобразование данной модели: *dwa mezitczietma, cztyrmezydczyetma, cztyrzimezydczietma, cztirzimezidcyetma* и т.д. (примеры из Оломоуцкой Библии 1417 г., Бенатской Библии 1506 г., Братской Библии 1579–1593 гг.)⁶². Необходимо заметить, что форма *межу* или *межоу* в древнерусских рукописях может восходить только к *между* или *междоу* и расходится в звуковом отношении с чешской *mezi*. Форма *межн* (местн. пад. от **media*⁶³), скорее всего, является заменой *между/междоу* на русской почве. Конечно, можно предположить существование древнеболгарской формы *междн*, но такое предположение не подтверждается ни древними памятниками, ни данными современного болгарского языка. В любом случае нельзя согласиться с Лавровым, который в очередной раз перенес современное состояние назад в историю.

Далее Лавров приводит слова, которые в ХГА, по его мнению, следует отнести за счет влияния чешского языка. Первым в его списке оказалось слово *весе́дньникъ* (автор предлагает сравнить его с чеш. *besednik*) (с. 474):

(190) Днмостефень ѣдннѣ ѿ *весе́дньникъ* Взоуалентнновѣ н кѣ Оуалентовѣ весе́дѣ срнстатн сѣ Васнлью н варварьствоватн (варварьствовавшн S) 366,22–24 – *Δημοσθένους ἐνὸς τῶν ὀψοποιούντων τῷ Οὐάλεντι ἐν τῇ πρὸς Οὐάλεντα συντυχίᾳ καταδραμόντος Βασιλείου βαρβαρίσαντος* Б. 551,20–22.

⁵⁷ Супрун 1969: 47–48.

⁵⁸ Basaj 1974: 160; цитировано по: Жолобов 2010: 74.

⁵⁹ Жолобов 1974: 74.

⁶⁰ Супрун 1969: 43–44.

⁶¹ Супрун 1969: 48.

⁶² Gebauer 1960: III, 354; Gebauer II: 230–231, *desět*. Автор разделяет теорию Бодянского. Ту же информацию можно почерпнуть и в электронном словаре (VW: *desět, mecitma*).

⁶³ Фасмер II: 592.

Сначала необходимо сделать текстологическое замечание: чтение в S (варварствовавш) является первичным, так как соответствует греческому тексту (*βαρβαρίσαντος*)⁶⁴. В очередной раз Tr не дает первичного чтения⁶⁵.

Слово *вєсъдѣннкъ* образование от *вєсъда*, *вєсъдоватн*, которые широко употребительны в ДЯ⁶⁶, само слово не зафиксировано в классических древнеболгарских памятниках, но присутствует в текстах, восходящих к древнеболгарской эпохе – в переводе *Хроники* Иоанна Малалы, в *Златоструе*, в *Словах* Григория Богослова по списку XIV в.⁶⁷ Образование слов с формантом *-ннкъ* является наиболее продуктивной моделью древнеболгарской эпохи⁶⁸. Нет никаких оснований считать, что *вєсъдѣннкъ* в переводе ХГА вышло из под пера переводчика-чеха.

Влияние чешского языка сомнительно и по другой причине. Согласно комментарию И. И. Срезневского в статье *вєсъдѣннкъ*, переводчик ХГА не понял подлинника. Ученый указал на сущ. *ὀψοποιός* ‘(искусный) повар, кулинар’. На самом деле, однако, *вєсъдѣннкъ* в ХГА соответствует причастию от *ὀψοποιέω* ‘приготавливать тонкие яства’. Приведем перевод (190) на русский язык, где *вєсъдѣннкъ* передано словом *спутник*: „Когда Демосфен, один из спутников Валентовых, в беседе с Валентом напал на Василия и говорил по-варварски“⁶⁹. В комментариях к этому месту авторы перевода отметили: „*ѡ* *вєсъдѣннкъ* в греч. „поваров“: *τῶν ὀψοποιούντων*“⁷⁰. Но глагол *ὀψοποιέω* употребляется и в другом смысле, а именно, – ‘изысканно оформлять слово, речь’⁷¹. Поэтому мнение И. И. Срезневского нельзя принять, а перевод *вєсъдѣннкъ* словом *спутник* – неточен, тем более что и *συντυχία* в данном контексте употреблено в значении ‘беседа, разговор’⁷², что, кстати, отражено и в переводе В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголевой. Как видно, переводчик в случае точно уловил смысл греческого текста. Вряд ли в Чехии во второй половине X в. (если вообще можно говорить о Чехии в это время) понимали тонкости греческого языка.

Далее П. А. Лавров включает в свой список два сложных слова с первым компонентом *вєлє-* (*вєль-*): *вєлєхвала* и *вєлєдоушь*. Автор приводит чеш. *velehvalný* из словаря Котта и чеш. *velduchý, veleduch* и делает такое замечание: „В памятниках *вєль* и *вєлє* встречается в древнейших, в русских его нет и все такие слова перешли к нам через югослав[янскую] письменность. Но

⁶⁴ Матвеевко, Щеголева I/2: 237, примеч. 15 к с. 563.

⁶⁵ Более подробно об этом: Станков 2010–2011.

⁶⁶ СС: 83; СтБР I: 69–70.

⁶⁷ Срезневский I: 85; СДЯ I: 159.

⁶⁸ Цейтлин 1977: 95–96; 1986а: 149–150.

⁶⁹ Матвеевко, Щеголева 2000: 294.

⁷⁰ Матвеевко, Щеголева 2000: 468.

⁷¹ Liddell, Scott: 1283.

⁷² Lampe: 1343.

любопытно, что у чехов очень велико и до сих пор число слов в сложении с *vel-* или *vele-*“ (с. 474).

Заметим, что чешские слова, указанные Лавровым, не совпадают как формально, так и семантически со словами в ХГА: (191) *ieže na bǎ veleχvalady n neŕtvyǎ (neŕtnǎ ПСп) iavъ oblanŭn 330,5 – κατὰ τοῦ θεοῦ μεγαλαυχίαν διήλεγξεν* Б. 483,13–14. Велеχвала в соответствии с греч. *μεγαλαυχία* должно означать ‘похвальба, хвастовство, самонадеянность’ или, как у Срезневского⁷³, ‘гордыня, тщеславие’, тогда как чеш. *velehvalný* содержит положительный оценочный момент и означает ‘достойный, заслуживающий похвалы’ (*sehr lobenswert*)⁷⁴. Ср. еще велеχваленине, также переводящее греч. *μεγαλαυχία*, и не отмеченное Лавровым:

(192) *аще кто възгордыть (възгордынт сѧ S)⁷⁵ велеχваленинемъ 80,16 – ὁ δὲ τις ἐξαρθεῖς ὑπὸ μεγαλαυχίας* Б. 86,4–5;

(193) *таковаѧ оубо Маѡнмыѧноу (макснмыѧнъ СпУвЧ) велеχвалениню мьзда 330,18–19 – τοιαῦτα τοίνυν τῆς Μαξιμίνου μεγαλαυχίας τὰ ἐπίχειρα* Б. 484,14.

Вельдоушь отличается от велеχвала и велеχваленине тем, что оценочное значение у него положительное – ‘великодушный; очень терпеливый’: (194) *соѡъ (сеѡъ Ув⁷⁶) хранаше. вельдоушь бо быти прилагаше, не горда, крѣпка, не ѧра, мѧтва, не работѡлѣпнаго, кроткомау, дрънаго 393,22–24 – ἑαυτὸν φυλάττοντα. μεγαλόψυχον μὲν γὰρ εἶναι προσήκει, οὐχ ὑπερήφανον, ἀνδρείον, οὐ θρασύν, ἐπεικῆν, οὐ δουλοπρεπῆ, μετριόφρονα* Б. 595,7–10.

Греч. *μεγαλόψυχος* переводится еще словами *вельтрѣпѣнвѧз* и *трѣпѣнвѧз*:

(195) *ѧко н вельтрѣпѣнвое его ѧлколюбне црѣ Романъ покажа 566,22–23 – ὅτε καὶ τὸ μεγαλόψυχον αὐτοῦ καὶ φιλόανθρωπον ὁ βασιλεὺς Ρωμανὸς ἐπεδείξατο* В. 60,19–20;

(196) *такъ вѣ велерѣчнвѧн⁷⁷ терпѣнвѧз же н добль (добрѣз УвЧЕ⁷⁸) 47,21 – οὕτως ἦν μεγαλόφρων μεγαλόψυχός τε καὶ γενναῖος* Б. 34,11–12.

Любопытен перевод В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголевой к (196): ‘красноречивый, и стойкий и доблестный’⁷⁹. В комментариях авторы перевода представили общий смысл трех греческих определений (*μεγαλόφρων, μεγαλόψυχος, γενναῖος*) в виде ‘высокий умом и душой, возвышенный, благородный’. При этом *велерѣчнвѧн* (*μεγαλόφρων*) они считают неточностью

⁷³ Срезневский I: 234.

⁷⁴ Kott VII: 1012; SSIČ VII: 43.

⁷⁵ Верное чтение дают списки группы S; см. также: Матвеевко, Щеголева I/1: 181; I/2: 54, примеч. 11 к с. 181.

⁷⁶ Матвеевко, Щеголева I/2: 259, примеч. 19 к с. 601; у Истрина не отмечено.

⁷⁷ У Истрина: *велерѣчнвѧз* и *терпѣнвѧз*. Исправление сделано в соответствии с изданием: Матвеевко, Щеголева I/1: 140; I/2: 33, примеч. 6 к с. 140.

⁷⁸ Матвеевко, Щеголева I/2: 33, примеч. 7 к с. 140.

⁷⁹ Матвеевко, Щеголева 2000: 52.

перевода⁸⁰. С этим можно и поспорить, так как речь идет об Александре Великом, который, как известно, скромностью не отличался. Поэтому определение *велеѣрѣнѣнѣн* ‘хвастливый, кичливый’ вполне подходит к Александру. Действительно, греч. *μεγαλόφων* обычно толкуется в положительном плане, как ‘уверенный в себе, мужественный’, ‘великодушный, благородный’, однако, другие слова этого гнезда содержат в себе нюанс отрицательной оценочности: *μεγαλοφρόνως* ‘высокомерно, надменно’, *μεγαλοφρονέω* ‘быть высокомерным, гордым’; ср. также *μεγαλοφροσύνη*, которое в ед. ч. означает ‘величие духа, душевное благородство’, а во мн. – ‘высокомерие, надменность’. Несколько сложнее обстоит дело с парой *μεγαλόψυχος* ‘возвышенного образа мыслей’, ‘великодушный’ – *τρѣпѣлѣнѣвѣ*. Авторы перевода считают, что *τρѣпѣлѣнѣвѣ* следует понимать в смысле ‘терпеливый (душою)’, но в то же время в переводе они употребили слово *стойкий*, так как Александр отличался стойкостью, но никак не терпением в христианском понимании этого слова. Предположение, что *τρѣпѣлѣнѣвѣ* есть свободный перевод, не лишено смысла, но и с ним трудно согласиться, так как в ХГА *μεγαλόψυχος* в (195) переведено словом *вельѣрѣпѣлѣнѣнѣнѣ*, а по памятникам *τρѣпѣлѣнѣвѣ* переводит греческое сложение *μακρόθυμος*⁸¹; ср. *терпѣлѣнѣвносецѣ* ‘великодушный, терпеливый’⁸², указанное В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголевой.

Разные слова, переводящие одно и то же греческое слово, можно объяснить работой более чем одного переводчика, хотя в случае со словами *велехвала* и *велехвалѣнѣнѣнѣ* это сомнительно, так как (191) и (193) находятся очень близко друг к другу. Даже если мы имеем дело с несколькими переводчиками, что не исключено, вряд ли стоит возвращаться к идее о многонациональном совете переводчиков.

Чешские слова *veleduch* ‘гений’, *velduchý* ‘гениальный’⁸³ расходятся с *вельдѣоушь* в ХГА. По наблюдениям Р. М. Цейтлин в древнеболгарских памятниках отмечено 11 сложных слов на *веле-*, *вель-*, *велѣнѣ-*, обладающих рядом общих особенностей, как например: все они кальки греческих сложных на *μεγαλο-* или перевод семантически соответствующих слов греческих оригиналов⁸⁴. Большинство этих слов (за исключением *велѣнѣндѣдѣ*, *вельможѣ* и *вельмѣжѣ* мн.) выступает как стилистическое средство с повышенной эмоционально-экспрессивной характеристикой обозначаемого понятия⁸⁵. Эти слова, употребленные суммарно 28 раз, зафиксированы только в трех памятни-

⁸⁰ Матвеевко, Щеголева 2000: 358.

⁸¹ СС: 704.

⁸² Дьяченко 1900: 715.

⁸³ Kott IV, 605; в дополнениях (VII: 1012) приведено *veledušný* *ὑπέρθυμος* с указанием на имя одного из собирателей словаря – Fr. Lerař.

⁸⁴ Цейтлин 1977: 226; 1986а: 228.

⁸⁵ Цейтлин 1975: 188; 1977: 226; 1986а: 228.

ках: СП (вельрѣвнѣвѣ, вельлѣвѣпота, вельрѣвѣватн), СЕ (вельрѣвѣватн, велнненменьнѣ, велннѣадѣ, вельлѣвѣпѣ), СР (вельгласьнѣ, вельддрованнѣ, вельлѣвѣпѣ, вельвозмож мн., вельмѣдроватн).

В переводе ХГА 18 слов на веле-⁸⁶ и 4 на вель-, употребленные суммарно 56 раз, из которых 27 употреблений приходится на одно слово вельвозмож: вельлѣвѣпота 129,19 (μεγαλοπρέπεια); вельлѣвѣпѣ 27,13 (σεμνοπρεπής); вельлѣвѣпно 538,9; 568,10 (μεγαλοπρεπώς); вельлѣвѣпнѣ 559,13 (μεγαλοπρεπής); вельмѣдрнѣ 166,2 (μεγαλοφροσύνη); вельмѣдроватн сѣ 224,19 (μεγαλοφρόνως); 330,7 (ἐναβρύνομαι); вельмѣдрнѣ 227,12 (σεμνείον); вельмѣдрнѣ 231,7 (σεμνείον); вельмѣдрнѣ 231,8 (σεμνός); 558,15 (μεγαλόφρων); вельрѣвѣватн 491,28 (μεγαλαυχέω); вельрѣвѣвнѣ 47,21 (μεγαλόφρων); 73,24 (μεγαλαυχών); 395,10 (τραχύς); вельрѣвѣннѣ 27,5 (ύψηγορία); вельрѣвѣвѣватн 159,9; 202,7; 493,4 (μεγαλορημονέω); вельрѣвѣвнѣ 427,21 (греч. нет)⁸⁷; вельхвала 330,5 (μεγαλαυχία); вельхвалнтн сѣ 498,27 (μεγαλαυχέω); вельхвалнннѣ 80,16; 330,18 (μεγαλαυχία); вельаденннѣ 121,23 (γαστριμαργία); вельдоушь 393,22 (μεγαλόψυχος); вельрѣвѣвнѣ 566,23 (μεγαλόψυχος); вельаднѣннѣ 249,14 (γαστριμαργίος) и вельвозмож.

Важно, что уже в ДЯ раннего периода выделяется данный тип сложения, что особенно заметно в тех случаях, когда в греческом соответствии отсутствует компонент *μεγαλο-*. Данная модель, на наш взгляд, имеет книжное происхождение и возникла под влиянием греческих слов на *μεγαλο-*, но впоследствии слова этой модели стали переводить и другие греческие слова, соответствующие смыслу первого компонента *веле-*, *вель-*.

⁸⁶ Не включаем в данную группу *велеадннѣ*, так как нет уверенности в том, что слово присутствовало в переводе ХГА. В своем словнике Истрин указывает на два употребления данного слова: 158,3 (*ἀδφαγία*) и 237,3 (*ἀκρασία*) (Истрин III: 5, 9). Относительно второго употребления Истрин проявил непоследовательность и на основе варианта *веле дѣвннѣ* в S (*веле дѣвннѣ E²*) восстановил чтение *велна дннннѣ* 237,3 (*τῆς ἀκρασίας*). Матвеевко и Щеголева справедливо не видят поддержки этой гипотезы на смысловом уровне и считают исходным вариант *велнадннѣ* (ТрЭ), сравнивая его со словом *мьногопнтнннѣ* (250,19), которое также переводит греч. *ἀκρασία* ‘отсутствие силы, слабость’, ‘невоздержанность, отсутствие самоконтроля’ (Матвеевко, Щеголева 2000: 420). Восстановка Истрина неубедительна и по другой причине: в словосочетании *велна днннннѣ* нет согласования. В то же время присутствие буквы *н* (*i*) после *вел-* во всех известных списках не дает оснований восстанавливать слово *велеадннѣ*, более убедительной выглядит реконструкция чтения в виде *велна ѣднннѣ*; это относится и к другому употреблению слова: *велеадннѣ* (*вельадннѣ* П, у Истрина неточно – *велеадннѣ*; *велна ѣднннѣ* СпЧ, *вельа ѣдннѣ* Ун, *велѣа ѣдннѣ E²*) 158,3. Как видно, в обоих контекстах первоначально стояло словосочетание *велннѣ ѣднннѣ*, чтение в П свидетельствует о гаплографии. Данное словосочетание в качестве разночтения наблюдается и при слове *велеаднннѣ* (*веле ѣднннѣ* УвЧ, *-ѣ E²*) 121,23 (*γαστριμαργία*). Кроме того, *велеадннѣ*, неизвестно древним текстам, отмечено только в СлРЯ (2: 61) и СДЯ (I:381) со ссылкой на ХГА (237,3), неизвестна также вторая часть сложения *ѣдннѣ*, есть только *ѣднннѣ* (СС: 792; SJS IV: 934), слово *противояднѣ* поздняя калька с немецкого (Фасмер III: 383).

⁸⁷ См.: М. 551,24 и далее. В издании де Боора этот текст отсутствует.

Слова данной модели встречаются и в других памятниках, восходящих к древнеболгарскому периоду. Как видно, в ХГА в два раза больше слов (соответственно словоупотреблений в два раза больше), чем в классических древнеболгарских памятниках, т.е. эта модель характерна для переводчика (или переводчиков). Нет оснований считать эти слова результатом „моравского“ (или чешского, как получается, согласно Лаврову) влияния на перевод ХГА. В самом чешском языке многие слова из этой группы имеют книжный характер⁸⁸. Ср. также устаревшие книжные болгарские слова: *велегласен, велегласно, веледушен, веледушие, велелепен, велемошен, велемошно, велемудрие, велемудър, велемъдрие, велемъдро, велемъдрост, велемъдър, велеок, велеречив, велеречивост, велеречие, велеславен, велехвален*⁸⁹.

Затем П. А. Лавров остановил свое внимание на прилагательных *врановъ, въиковъ*, заметив, что в одной только Псалтири у Гебауэра очень много слов на *-ову́* (с. 474). Автор привел несколько чешских слов на *-ову́*, среди которых преобладают образования от животных, но есть и такие, как: *bohový* ‘deorum’, *hospodinový* ‘domini’, *chrámový* ‘templi’. В общем идея Лаврова остается загадкой, так как прилагательные на *-овъ* характерны для большинства славянских языков (взять хотя бы болгарские и русские фамильные имена). Тем не менее приведем контексты:

(197) птѣнцѣмъ *враннѣмъ* (*враномъ* Сп, *вранымъ* Ув, *врановы* Ч) ... птѣнцѣмъ *враннѣмъ* (*враннымъ* Ув, *врановы* Ч) 179,22–24 – *τοῖς νεοσσοῖς τῶν χοράων...* τὸς νεοσσοὺς τῶν χοράων Б. 255,18–20; E² – птѣнцѣ *враннѣ* ... птѣнцѣмъ *враннѣмъ* 123v21–23;

(198) нынѣ чюднвшен сѧ (днвнше^с Сп) крѣтъгане смртн *въиковѣ* 338,4 – *νῦν θαυμάσαντες χριστιανοὶ τὸν θάνατον τοῦ ταύρου* Б. 497,16.

В случае важно определить первичное чтение. Текст (197) – цитата из Псалтири (146:9), в другой рукописи читается в виде: (199) птѣнцѣмъ *врановомъ* *тоῖς νεοσσοῖς τῶν χοράων*⁹⁰. Текст не изменился и в среднеболгарских списках Псалтири⁹¹. В сходном с ХГА виде цитата из Псалтири известна из сербской рукописи XIII в.⁹² Возникает, однако, вопрос, чем является форма *враннѣмъ* – формой дат. собирательного существительного *враннѣ* в функции мн. ч. или дат. мн. прилагательного *враннѣ*? Ф. Миклошич выделяет прилагательное *враннѣ*, то же самое сделали и авторы СДЯ⁹³. Прилагательное *враннѣ* читается и в списках Кормчей: (200) *мѧсо же н гнпнѣ нлн враннѣ*, Рязанская Кормчая⁹⁴.

⁸⁸ Kott IV: 603 и след.; Kott VII: 1011–1012; SJSČ VII: 42–45.

⁸⁹ РБЕ II: 84–86.

⁹⁰ SJS I: 220.

⁹¹ НП II: 691 (л. 24163–4); ТП II: л. 243.

⁹² Миклошич: 75, *враннѣ*.

⁹³ СДЯ I: 482.

⁹⁴ СДЯ I: 482; то же самое в сербской Кормчей Михановича (Miklosich: 75, *враннѣ*).

В противовес Миклошичу и авторам СДЯ в цитате из Псалтири (146:9) следует выделить сущ. ср. *враннѣ* (ср. рус. *воронье*), иначе в дат. мн. следовало бы ожидать окончание *-нмъ*; ср. Е² (197), где сначала употреблена форма *враніѣ*, потом – *враніиѣмъ*. В сочетании *птенцѣмъ враннѣмъ* реализуется характерный балканизм ДЯ – приименной дат. принадлежности⁹⁵. Ту же особенность находим и в списке Сп, только в нем уже читается форма дат. мн. сущ. *вранъ* ‘ворон’. Списки Ув и Ч отражают дальнейшее развитие контекста и замену существительного на прилагательное. Эта поздняя замена, возможно, связана с влиянием отредактированного текста Псалтири; ср. Псалтирь XV в., Острожскую и Елизаветинскую Библии: (201) *птенцѣмъ врановѣ*⁹⁶ 188v13–14⁹⁶; *птенцѣ врановѣ*⁹⁷; *птенцѣмъ врановымъ*⁹⁸. Слово *враннѣ* принадлежит переводу ХГА, и это, по-видимому, архаизм ввиду того, что в болгарском сохранилось только *вранъ* ‘ворон’. Чтение в Ч, как было отмечено, не имеет отношения к переводу ХГА. Это, разумеется, не означает, что прилагательные на *-овъ* от названий животных не присущи ДЯ; ср. *кнтовъ* в Минее 1096 г. и *Словах* Григория Богослова XI в.⁹⁹; *львовъ* в Минее 1096 г.¹⁰⁰, ССб¹⁰¹ и ИП¹⁰²: (202) *въ лъвъ лвовъ*¹⁰³ – *ἐν τῷ κρανίῳ τοῦ λέοντος*¹⁰⁴. Можно привести еще *гаврановъ* из *Бесед* папы Григория.¹⁰⁵ Могут возразить, что *гаврановъ* чешское слово, поскольку в чешском сохранился древний вариант слова *hávran*, тогда как в болгарском употребителен новый вариант – *гарван*; ср., однако, трехкратное употребление *гавранъ* в среднеболгарском переводе *Хроники* Константина Манассии¹⁰⁶ наряду с болг. диал. *гавран*, отразившееся в топонимике Северной Греции¹⁰⁷. Иными словами, не видно причин в формах *взиковъ*, *врановъ* и др. подобного рода видеть влияние чешского языка на перевод ХГА.

ВЪРІЖТНТН СА (ВЪРЖТНТН СА) ‘пасть, упасть; обрушиться’: (203) *бѣ же тогда н троуцъ страшенъ въ Фракинѣтън странѣ н пропасть землн велна н страшна, яко многомъ всѣ н црквамъ с мочжн възрютншѣ* 560,17–19 – *ἐγένετο δὲ*

⁹⁵ Граматика 1991: 462–463.

⁹⁶ Псалтирь № 3 (2006) Троице-Сергиевой Лавры; <<http://www.stsl.ru>>.

⁹⁷ ОБ.

⁹⁸ ЕБ.

⁹⁹ Срезневский I: 1210.

¹⁰⁰ Срезневский II: 64.

¹⁰¹ ССб II: 85.

¹⁰² В нашем словнике к Исторической Палее (Станков 1994а: 267) слово *львовъ* по недомолу пропущено.

¹⁰³ Попов 1881: 128.

¹⁰⁴ Васильев 1893: 268.

¹⁰⁵ Срезневский I: 506.

¹⁰⁶ ХКМ: 286.

¹⁰⁷ БЕР I: 221, 230.

τὸ τηνικαῦτα καὶ σεισμὸς φοβερός ἐν τῷ τῶν Θρακησίων θέματι καὶ χάσμα γῆς μέγα καὶ καταπληκτικόν, ὥστε πολλὰ χωρία καὶ ἐκκλησίας αὐτάνδρους καταποθῆναι В. 54,38–55,2.

П. А. Лавров привел чеш. *vřítiti se* ‘обрушиваться, обваливаться’¹⁰⁸ (с. 474), как будто этим сразу объясняется чешское влияние на перевод ХГА. Ф. Миклошич приводит четыре формы данного глагола: *vzřoutniti sa* (из *Кормчей Михановича* и *Сказания о Борисе и Глебе*)¹⁰⁹, *vzřoutniti sa* (из ХГА и ССб)¹¹⁰, *vzřkštati sa* (из СР)¹¹¹ и *vzřkštiti sa* (из среднеболгарского Патерика XIII в.)¹¹². При этом Миклошич указывает на возможную дублетность форм с *ř* и *ou* в корне, а М. Фасмер связывает рус. диал. *врютить с рух, рушить*¹¹³. Чешское слово можно объяснить только переходом [ju] в [i] (например, *klíč* ‘ключ’). Учитывая чередование *ř* и *ou* в корне, следует обратить внимание на болг. *рѹтя* ‘разрушать’, ‘сбивать с ног’¹¹⁴, *срѹтя* ‘разрушить’, ‘сбить с ног’, *порутен* ‘разрушенный’. Форма *vzřoutniti sa* может иметь в ХГА и ССб двоякое происхождение: простая замена *řk* на *ou* или *ř* → *ou* → *ю* (ср. рус. *союз* из *съжь*). Пример из *Кормчей Михановича* также подтверждает связь *vzřoutniti sa* с ДЯ: (204) да не върѹтнѣ се въ пропасть¹¹⁵. В (204) греческий инфинитив *ὠθεῖσθαι* переведен да-конструкцией¹¹⁶.

ГЪДОВАБЛЪ ‘шелк’: (205) *εξουδъзι златъзѣ н гъдоваблъ* (ГЪДОВАБЪ S) 145,14–15 – *σκεῦη χρυσᾶ καὶ ἱματισμὸν* В. 200,8.

ГЪДОВАБЛЪНЪИИ (ГЪДОВАПЛЪНЪИИ) ‘шелковый’: (206) свнты расточены ѿ *годоваблѣ* (*годоваплѣ* ПБУВЧ) глѣмаго *ѡкъсѣю* (*ѡкъсѣю* E²) 428,4–5 – греч. нет (Б. 656; М. 553) (у Срезневского: ѿ *годовапла* глаголемаго *ѡкъсѣю*¹¹⁷);

(207) *Вардѣ въз проелепъзъ входащѹ емоу въз скарамантѣн, рекше драуга гъдоваблѣ* 511,21–22 – *Βάρδα ἐν τῇ προελεύσει μετὰ σκαραμαγγίου εἰσερχομένου* В. 11,14–15 (то же самое в E²л. 363v21–22; у Срезневского: *Въ скарамангнн, рекше драга гъдоваплѣ*¹¹⁸).

П. А. Лавров указал на чеш. *hedváb* (с. 474), но этим дело не исчерпывается. Данное слово очень редкое, известно из ХГА¹¹⁹, Минеи Миханови-

¹⁰⁸ Kott IV: 831.

¹⁰⁹ Miklosich: 101; Срезневский I: 401.

¹¹⁰ Miklosich: 101; Срезневский I: 401; см. также: ССб II: 36, *vzřoutniti sa* вл. *vzřkštiti sa* или *vzřkštiti sa*.

¹¹¹ Miklosich: 102; У Миклошича неточно указаны координаты чтения (23,14), на самом деле глагол читается в другом месте – 32,1 (Супр. I, 83; СС, 150).

¹¹² Miklosich: 101, *vzřoutniti sa*.

¹¹³ Фасмер I: 362.

¹¹⁴ БЕР VI: 354.

¹¹⁵ Miklosich: 101.

¹¹⁶ Более подробно об этом: Минчева 1987: 74 и след.

¹¹⁷ Срезневский I: 536.

¹¹⁸ Срезневский I: 536.

¹¹⁹ Срезневский I: 536; СДЯ I: 406.

ча¹²⁰; производное от него гѣдовабльнѣн, гѣдовапльнѣн в Поучениях Ефрема Сирина по списку XIV в.¹²¹ А. И. Соболевский приводит прил. гѣовабьнѣ и сущ. гѣовабнѣца из среднеболгарского Жития Иоанна Милостивого по списку 1398 г.¹²²

По мнению О. Н. Трубачева, *gъdovabjь, несомненно, праславянское заимствование из германских языков, возможно, из готского¹²³. Сомнения О. Н. Трубачева связаны с отсутствием южнославянских соответствий. Южнославянские соответствия зафиксированы в средневековых текстах. Скорее в восточнославянских языках нет соответствий, например, в русском (укр. и блрус. слова заимствованы из польского¹²⁴, а польское из чешского). Из этого следует, что гъдовабь и его производные в ХГА и Поучениях Ефрема Сирина книжные (древнеболгарские) слова, неизвестные живому древнерусскому языку. Это подтверждается тем, что в отдельных списках ХГА указанные слова являются в искаженном виде, т.е. древнерусским переписчикам они были непонятны и неизвестны, ср. гъдовабь в (205), гъдоваблѣ в (207). Последнее весьма показательно, так как искажение читается в глоссе. Согласно Истрину, большинство глосс сделано переводчиком ХГА. С этим можно согласиться, нужно лишь уточнить, что переводчик этот был нерусского происхождения. В (207) наблюдается еще одна болгарская особенность: п в греческом дифтонге eu (προελεψъ – προελεύσει)¹²⁵.

Чеш. *hedváb* или *hedbáv* формально не соответствуют гъдовабь и его производным в ХГА. Среднеболгарские гѣовабьнѣ и гѣовабнѣца показывают, что по крайней мере до конца среднеболгарского периода гъдовабь использовалось в книжном языке.

ГЛАВАТЬЦЬ ‘человек с большой головой (в случае как прозвище)’: (208) протопопъ полатнаго, ГЛАВАТЦА глѣма 547,7 – πρωτοπαπ (!), τοῦ παλατίου, τοῦ Κεφαλαῖ λεγομένου В. 43,19–20 (πρωτοπαπᾶ М. 806,19);

(209) главоу велнкоу нмын, глѣваѡцца нарѣ 506,11–12 – κεφαλὴν μεγάλην ἔχοντα, Κεφαλαῖν ἐπώνομασε В. 6,9–10.

В (209) оригинальная форма глѣвацьца искажена переписчиком. Это обстоятельство отмечено Лавровым, который из него сделал заключение, что глѣвацьць (заодно с ним и врдѣвацьць) было незнакомо русскому переписчику из живого языка, т.е. его там не было. Автор ссылается на словарь Котта, где *Hlavatec* фиксировано и как личное имя вместе с *hlavatec* ‘лен с головками’¹²⁶. Далее Лавров пишет: „У Бернолака *hlavat* ‘человек с боль-

¹²⁰ Miklosich: 134.

¹²¹ Срезневский I: 536.

¹²² Sobolevskij 1912: 478.

¹²³ ЭССЯ 7: 189–190.

¹²⁴ Фасмер I: 426.

¹²⁵ Станков 2003б: 276; 2004а: 59.

¹²⁶ Kott I: 428; VI: 300.

шой головой’, откуда с суф. *-ьць* и образовано главатець, как целый ряд др. слов, напр. женатець“ (сс. 474–475). Для Лаврова важно также то, что брадатъць и женатъць (может быть, главатъць)¹²⁷ нет в словаре Н. Герова.

Модель образования прилагательных с суффиксом *-атъ* известна ДЯ, откуда болгарский язык унаследовал группу слов, как: *брадат* ‘борода-тый’, *власат* ‘волосатый’, диал. ‘очень волосатый’, *гърбат* ‘горбатый’, *зъбат* ‘зубастый’, ‘зубчатый’, *космат* ‘(очень) волосатый’, *крилат* ‘крылатый’, *окат* ‘тот, у кого есть глаза’, ‘тот, кто хорошо видит и понимает’, *опашат* ‘с (большим) хвостом’, *рогат* ‘рогатый’, *устат* ‘с большим ртом; говорливый, злоязычный’, *хвъркат* ‘тот, кто может лететь’, ‘очень быстрый’, *чепат* ‘суковатый’, ‘с трудным характером’. Суффикс *-атъ* означает ‘имеющий то, что выражает мотивирующая основа’¹²⁸. В некоторых случаях суффикс привносит нюанс большой степени проявления того, что выражено мотивирующей основой. Классические древнеболгарские памятники знают все лишь 5 таких прилагательных: *вогатъ*, *крлатъ*, *сжкатъ*, *осжкатъ*, *шестокрлатъ*¹²⁹. К ним можно добавить *брадатъин* (из *Пролога*¹³⁰ и *Хроники* Константина Манассии¹³¹), *гладатъин* ‘жесткий, твердый; жестокий’ (из *Пролога*¹³²), *гръватъин* (из ЖАЮ¹³³), *голънатъин* (*голенатъин*) ‘имеющий хорошую голень’ (из *Хроники* Иоанна Малалы¹³⁴), *дъгатъин* ‘пестрый’ – *одеждъ дъгатъа* (2 Цар. 13:19)¹³⁵, *женатъин* (из ЕК, *Новгородской Кормчей*, *Пролога* и ССБ¹³⁶), *косматъин* (из *Новгородской Кормчей* и *Александрии*¹³⁷), *оустатъин* ‘говорливый, злоязычный’ (из *Псалтири* с толкованиями XII вв.¹³⁸), *оустънатъин* ‘губастый’ от *оустъна* ‘губа’ (ср. болг. *устна* ‘губа’) (из ЖАЮ¹³⁹).

¹²⁷ Лавров высказался не совсем ясно, трудно понять, что он имеет в виду: то ли речь идет о паре слов *брадатъць* и *женатъць*, то ли о *брадатъць* и *главатъць*, или же о *брадатъць* и чеш. *bohatec*.

¹²⁸ Граматика 1991: 213.

¹²⁹ Граматика 1991: 213.

¹³⁰ Срезневский I: 164.

¹³¹ ХКМ: 174, 267.

¹³² Станков 1997. В недавно вышедшем издании *Пролога* (СРП I: 617) в комментариях к тексту цитирована наша статья, но цитирована так, как будто мы придерживаемся традиционного взгляда на *гладатъин* как перевод названия племени влемиев, ассоциированного с греч. βλεμμα ‘вгляд’, мн. ‘глаза’. По этому поводу нами написана отдельная статья (Станков 2014).

¹³³ Молдован 2000: 1187, с. 694. О несостоятельности гипотезы древнерусского происхождения перевода Жития см. Станков 2002б.

¹³⁴ Срезневский I: 547.

¹³⁵ Срезневский I: 741, *дъгатъин*.

¹³⁶ Срезневский I: 857; СДЯ III: 245; ССБ II: 56.

¹³⁷ Срезневский I: 1295.

¹³⁸ Срезневский III: 1281.

¹³⁹ Срезневский III: 1294; Молдован 2000: 440, 2918; с. 753.

В современном болгарском языке нет слова *глават* (по крайней мере словари его не фиксируют), вероятно его вытеснило слово *главест* ‘имеющий большую голову, форму головы’; в болгарском сожительствуют и другие параллельные образования на *-ат* и *-ест*: *гърбат* ‘горбатый’ – *гърбест* ‘то же’, *зъбат* ‘зубастый’, ‘зубчатый’ – *зъбест* ‘то же’, *космат* ‘(очень) волосатый’ – *космест* ‘то же’. О наличии главатъ в ДЯ свидетельствует образованное от него слово главатница ‘купол храмины?’ (из *Златоструя*¹⁴⁰), которое позволяет восстановить отсутствующее звено в словообразовательной цепи¹⁴¹.

В ХГА главатъць просто калькирует греч. *ὁ κεφαλᾶς* ‘человек с большой головой’¹⁴². В случае его можно рассматривать и как окказиональное образование, так как оно связано с переводом прозвища. При наличии словообразовательной модели на *-атъ* в языке любой древнеболгарский переводчик X в. перевел бы греч. *ὁ κεφαλᾶς* словом главатъць, возможностей здесь не так уж много. Это подтверждается еще и тем, что модель прил. на *-атъ* + суф. *-ыць* известна ДЯ, ср. женатъць ‘женатый мужчина’, ‘мирянин’ (из сербской рукописи XIV в., содержащей ПА и разные гомилии, и Учительного евангелия Константина Преславского¹⁴³).

Обратимся к словам брадатъць и женатъць в ХГА. Первое употреблено дважды, второе – один раз: (210) н велмн дѣлы раста брадатець 224,6 – καὶ βελτίστοις ἔργοις κομῶν ὁ γεννάδας Б. 322,13;

(211) По Констѣ же црѣтѣова Константинъ, снъ его, брадатець лѣт. 462,18 – Μετὰ δὲ Κώνσταν ἐβασίλευσε Κωνσταντῖνος υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ἰζ̄ Б. 725,13–14 (υἱὸς αὐτοῦ ὁ πωγωνάτος V.);

(212) н на женатець възложена 236,20 – καὶ ὑπογυναίους τεθεῖσθαι Б. 340,20.

В (210) брадатъць употреблено по ошибке: *γεννάδας* ‘благородный’ спутано с *γενειάς* ‘борода’¹⁴⁴. В (211) перевод соответствует Венскому списку 40 (V.), брадатъць переводит *ὁ πωγωνάτος*. Речь идет о Константине IV Погонате, во время правления которого возникло Болгарское государство. В чешском *bradatec* известно в значении ‘подбородок’¹⁴⁵. В (212) женатъць переводит прилагательное *ὑπογύναιος* ‘женатый’¹⁴⁶, в Учительном евангелии женатъць соответствует прилагательному *βιωτικός*. Чешскому языку женатъць неизвестно.

¹⁴⁰ Срезневский I: 514; Miklosich: 127.

¹⁴¹ Об этом более подробно см. Цейтлин 1986б.

¹⁴² Sophocles: 662.

¹⁴³ Miklosich: 194; Срезневский I: 857.

¹⁴⁴ См. перевод и комментарий этого места: Матвеевко, Щеголева 2000: 186–187, 415.

¹⁴⁵ Kott I: 69.

¹⁴⁶ Sophocles: 1118.

И в этом случае не видно каких бы то ни было оснований говорить о чешском влиянии в связи со словами брадатыць, главатыць, женатыць.

ГЛАГОЛЪ ‘слово, речь, язык’: (213) съ конн свонмн, ѡбщн конѣ, ншнмъ глѣмъ повознымъ, ндеже кождо (къжо П) нарлаженъ ѡкорокы пресѣкаа (пресѣкаа ПЕ²) 536,3–5 – ἵπποις αὐτῶν, τοὺς δημοσίους ἵππους τοὺς ἐν ἑκάστῳ σταθμῶν ἀγκυλοκοπῶν В. 33,7–8.

В данном употреблении значение глаголз можно определить как ‘язык’, хотя нельзя исключить возможность значения ‘слово’. В древнеболгарских памятниках слово широко употребительно, но преимущественно в значении ‘слово, речь’¹⁴⁷. П. А. Лавров считает, что в смысле ‘язык’ глаголз является особенностью чешского языка. Автор ссылается на чеш. *hlahol* ‘řeč, hlas, mluvení, jazyk’, подчеркивая, что все эти значения сопровождаются большим числом примеров в старочешском словаре Гебауэра¹⁴⁸. Лавров цитирует также *Besedy* папы Григория (по его определению, памятник моравского происхождения): (214) нсѣ латнньскынмъ глѣмъ мѣтъ нсправнт сѣ. Выражения типа *českým hlaholem*, *slovenským hlaholem*, *latinským hlaholem* у чехов имеют всеобщий характер, они отсутствуют в других славянских языках (с. 475).

Этимология слова связана со звукоподражанием¹⁴⁹, что наводит на мысль о некоторой „первичности“ смысла ‘речь’ по отношению к ‘слово’ и ‘язык’. В современном болгарском языке *глагол* употребляется только в лингвистическом смысле, но в диалектах на территории Македонии употребляется в значении ‘разговор, речь’, на территории Болгарии известны формы *глагоул* ‘речь’, *глагор* ‘тембр, голос’¹⁵⁰. В современном чешском *hlahol* ‘шум, гам, пение’, значение ‘речь’ определено как устаревшее¹⁵¹. В русском язык *глагол* заимствовано из ДЯ¹⁵², поэтому ЭССЯ не приводит русских соответствий, хотя слово проникло в русские говоры¹⁵³.

Можно считать, что в основном семантика глаголз связана со звуком, речью, смысловые оттенки ‘слово’, ‘язык’, видимо, не выходят за рамки книжного употребления, включительно и в чешском языке. Глаголз ‘язык’ известно и древнеболгарской традиции из XVI Слов Григория Богослова:

¹⁴⁷ СС: 170; SJS I: 399; СтБР I: 343.

¹⁴⁸ Gebauer I: 419–420.

¹⁴⁹ ЭССЯ 6: 205.

¹⁵⁰ Там же. В этом плане мысль авторов БЕР (I: 245), что в современном болгарском языке *глагол* заимствовано из русского, нуждается в уточнении: лучше говорить о заимствовании только грамматического значения слова.

¹⁵¹ ЭССЯ 6: 205; значения ‘речь, язык’, ‘слово’ как устаревшие приводятся и в SSJĀ (II: 34).

¹⁵² Фасмер I: 409.

¹⁵³ СРНГ 6: 177, *глагол*, *глаголать*, *глаголить*.

(215) то кекропъзъ бы. нмын егупетъскын глѣзъ навъчычѣ н елнньскын¹⁵⁴. О происхождении *Бесед* папы Григория, как уже было показано, можно и поспорить.

Глаголъ в (213) употреблено в глоссе и относится к *повозьнън*, которым поясняется греч. *δημήσιος*, переведенное словом *овьщнн*. Если глаголъ в смысле ‘язык’ характерно для чешского языка, как считает Лавров, то и слово *повозьнън* также должно принадлежать чешскому языку. Любопытно, что сразу вслед за глоссой читается слово *вкорокы*, определенное В. М. Истриным как русизм¹⁵⁵. Каким образом совмещается „чешская“ глосса с русским словом? Вот как это получается у П. А. Лаврова: „... выражение глаголъ, которое в этой глоссе, как выше нами указано, принадлежит чешскому языку, как равным образом в чешском языке есть и *povozný*, лишает безусловной доказательности слово *окорокы*. В чеш. яз. есть глагол *o(b)kročiti* ‘сесть верхом’ и наречия *o(b)kročto, -ně, o(b)krokem* ‘верхом, раздвинувши ноги’, а потому *окорокы* может быть рассматриваемо, как замена чешской формы русской, относящаяся к произведенной русским редактором обработке первоначального текста перевода Георгия Амартола. В фразу, полностью написанную западным славянином, вставлена русская форма“ (с. 675).

В современном болгарском употребляется глагол *возя* ‘возить, везти’, ‘ездить, ехать’ и образования от него с префиксом *пре-*: *превоз* ‘перевоз, перевозка; транспорт’, *превозен* ‘перевозный, транспортный’. В древних текстах есть *возьнъкъ*, *повозьнъкъ* ‘возница, возничий’ (ЖАЮ¹⁵⁶), *возьнъца* в валашко-болгарских грамотах¹⁵⁷.

Как видно, глоссу вполне мог сделать болгарский переводчик. Теперь о слове *вкорокы*. Заметим сразу, что чешские параллели Лаврова связаны со словом *krok*, чье основное значение ‘шаг’¹⁵⁸, и не имеют практически ничего общего со смыслом *вкорокы* в (213), точнее, их связь с указанным словом весьма отдаленная. В греческом тексте Хроники стоит *ἀχιλλοχοπέτῳ* ‘перерезывать ахиллесово сухожилие’¹⁵⁹. Этому греческому сложению соответствует сочетание *вкорокы пресъвккал* (*пресъвккал*), т.е. *вкорокы* связано с нижней частью ноги. В русском языке *окорок* означает ‘бедро с ягодицей, ляжка с

¹⁵⁴ СДЯ II: 325.

¹⁵⁵ Истрин II: 302.

¹⁵⁶ Станков 2002б: 17, 81–82. Среди болгарских соответствий *возьнъкъ* нами было указано болг. *возник* ‘большая бочка, объемом в 400–800 л.’ (БЕР I: 171). Семантику этого слова объясняет другое диалектное, близкое по образованию, слово, приведенное С. Б. Бернштейном в его болгарско-русском словаре (Бернштейн: 69), а именно, *возилница* ‘большая бочка для перевозки вина’. Предметные значения у суффикса *-нъкъ* более позднего происхождения. В свое время Истрин относил и Житие Андрея Юродивого к безусловным русским переводам (Истрин II: 297).

¹⁵⁷ Miklosich: 71.

¹⁵⁸ Kott I: 823–824; SSJĀ II: 446.

¹⁵⁹ Liddell, Scott: 10; Lampe: 20; Sophocles: 69.

мясом одной половины таза¹⁶⁰, диал. *кóрок* ‘окорок’ и ‘бедро’¹⁶¹. Значения русского слова не соответствуют смыслу греч. *ἀγκυλοκοπέω*; ср. также русский текст 1537 г.: *Пятеро хлѣбовъ да окорокъ мяса*¹⁶². В то же время болг. *крак*, означающее преимущественно ‘нога’, имеет и такие значения, относящиеся к нижней части ноги – ‘паголенок, голенище’, ‘размер ступни’¹⁶³; ср. также *кракъ* ‘голень’ в *Синайском патерике* XI в.¹⁶⁴ Пример из *Синайского патерика* (вместе со значением болг. *крак* ‘размер ступни’) очень важен, так как приближает нас к смыслу *вкорокы* и *ἀγκυλοκοπέω* в (213). Заметим еще, что в ЭССЯ нет чешского соответствия праслав. **korkъ*/**korka* при наличии польск. *krok* ‘шаг’¹⁶⁵.

Таким образом, выясняется, что ни чех, ни русский могли употребить *вкорокы* в том смысле, в котором оно зафиксировано в (213). Теперь об исходной форме слова: это либо *окракъ*, либо *кракъ*. Форма *окрак* неизвестна болгарскому языку. Ф. Миклошич приводит *okrak* ‘*pes suillus*’, зафиксированное в середине XIX в. на территории современной Хорватии¹⁶⁶; ср. близкое по смыслу и территориальному распространению словен. *kráka* ‘нога свиньи, окорок’¹⁶⁷.

В таком случае уместно предположить, что *w* в *вкорокы* является предлогом в сочетании с вин. падежом, а *корокы* – переделка болг. *кракъ* на русский лад. Для предлога *o* выделяется нюанс ‘при указании на предмет, с которым что-л. сталкивается при движении’ или *cum verbum tangendi*¹⁶⁸. Ср. такие примеры:

(216) еда когда прѣтѣкнешн о камень ногѣ твоѣж СПс (90:12)¹⁶⁹;

(217) аште та кто зложштѣ о деснѣж ланнтѣж СР 411,9 – Ἐὰν τις σε ῥαπίσῃ εἰς τὴν δεξιὰν σιαγόνα¹⁷⁰;

(218) w что прѣтѣкалтѣ сѧ Паримейник¹⁷¹.

В реконструированном виде текст должен выглядеть так: *w* *кракы* *прѣсъкал*. Правда, возможна и просто переделка *кракъ* на *окорокъ*.

¹⁶⁰ Даль II: 688.

¹⁶¹ СРНГ 14: 359.

¹⁶² Срезневский II: 647.

¹⁶³ Геров II: 409; значение ‘размер ступни’ и по сей день очень употребительно в болгарском.

¹⁶⁴ Срезневский I: 1312.

¹⁶⁵ ЭССЯ 11: 77–80.

¹⁶⁶ Miklosich: 308.

¹⁶⁷ ЭССЯ 11: 77.

¹⁶⁸ СС: 387; SJS II: 456.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Супр. II: 283.

¹⁷¹ SJS II: 456.

ДОБРОПНСЬЦЬ ‘тот, кто пишет красиво (в прямом и переносном смысле), каллиграф’: (219) снъ ѿго нже н добропнсець (добропнсець Ув¹⁷²) 398,23 – υἱὸς αὐτοῦ ὁ καὶ καλλιγράφος Б. 604,8–9;

(220) добропнсець нѣкѣн блгчрннвз въ Александрѣнн 432,3 – Καλλιγράφος δέ τις εὐλαβῆς ἐν Ἀλεξανδρείᾳ Б. 663,17;

(221) добропнсець тъ напнса н назнамена 432,6 – ὅπερ σημειωσάμενος ὁ καλλιγράφος Б. 663,21;

(222) множанше же добропнсецн, нетолковати вѣтвьныхъ кннгъ ѿмоу створи 311,14–15 – πλείους δὲ καλλιγράφους ἐρμηνεύσαι τὰς θείας γραφὰς αὐτὸν πεποίηκεν Б. 454,22–23.

П. А. Лавров просто указал на *dobropisec* в словаре Котта (с. 475), но слово означает ‘тот, кто пишет правильно; Rechtschreiber’¹⁷³. Чешское слово расходится по значению со словом в ХГА, являющимся калькой с греческого, это, во-первых. Во-вторых, слова на добро- обычно совпадают в своих значениях со словами на благо-. В-третьих, модель сложения на добро- сложилась в ДЯ и слова данного типа могли образовываться вне зависимости от греческого языка. В-четвертых, слова на добро- сравнительно с композитами на благо- более новый лексический пласт в языке древнеболгарских памятников: так, в *Шестодневе* Иоанна Экзарха сложения на добро- преобладают над сложениями на благо-¹⁷⁴. Р. М. Цейтлин отметила большее число слов на *dobro-* сравнительно со словами на *blaho-* в старочешском словаре Гебауэра¹⁷⁵, но из этого можно сделать вывод, что не только в ДЯ, но и в самом старочешском слова на добро- более новый лексический пласт. Какое отношение, однако, может иметь чеш. *dobropisec* к переводу ХГА совершенно непонятно, если учесть то обстоятельство, что модель сложений на добро- не только хорошо представлена в ДЯ, но и сложилась именно в нем самом. Замечание Лаврова о добропнсець в ХГА непродуманно и несерьезно. В переводе ХГА довольно много сложений на добро-¹⁷⁶, означает ли это, что все они чешского происхождения?

Теперь о форме добропнсець Уваровского списка в (219), в которой выделяется суффикс -нць. В древнеболгарских памятниках зафиксировано всего два слова с таким формантом: любодѣнць (СР), ѡловѣкоуѡвнць (*Маринское евангелие*). По мнению Р. М. Цейтлин, любодѣнць новообразование, в котором формант -ць является избыточным и наслаивается на вторую часть древнего типа сложений на -дѣн¹⁷⁷. Все это вписывается в общую карти-

¹⁷² Матвеевко, Щеголева I/2: 254, примеч. 22 к с. 608.

¹⁷³ Kott I: 255.

¹⁷⁴ Цейтлин 1977: 234–235; 1986а: 235.

¹⁷⁵ Gebauer I: 59, 270–275.

¹⁷⁶ Истрин III: 229–230.

¹⁷⁷ Цейтлин 1977: 116.

ну, характеризующуюся наращиванием новых продуктивных формантов на форманты того же значения¹⁷⁸. Иными словами, в указанных сложениях есть суффикс -ьць, суффикса -нць нет. Это можно отнести к другим сложениям, представленным в памятниках древнеболгарского происхождения: водолънць, жестовънць, чародънць (ССб), братоуьнць, господоуьнць (ПА), прѣлюводънць (ОЕ, ЕК) и др., в которых выделение суффикса -нць проблематично. Но в словах братаннць, пѣснопннць (ИП), довропннць (ХГА) четко выделяется суффикс -нць¹⁷⁹. Считают, что праславянский суффикс *-icъ* служит преимущественно для образования деминутивов, и только в виде исключения посредством его образуются субстантивы от прилагательных (*ljubimicъ* < *ljubimъ*, *pitomicъ* < *pitomъ*)¹⁸⁰. Слова типа братаннць ‘сын брата’ первоначально имели деминутивное значение, ср. агннць ‘ягненок’, кораб(л)нць ‘кораблик, лодка’¹⁸¹. Сложные слова типа довропннць, пѣснопннць, возможно, следует признать новообразованиями, не вышедшими за пределы книжного языка. При этом трудно сказать, является ли довропннць в (219) первоначальным чтением.

ДОБРОРѢУНІЕ ‘красноречие’: (223) Ноуѣтна же тогда, мѣнѣ, Арьяньскаго ѣрѣвнѣства (ѣрѣвнѣства S) баловѣства н неуѣтъа, нхъже тагаше сл, соуѣно иѣе жнвоу моуѣоу иѣа, доврорѣуѣимѣ (ДоброРѢУНЕ СПУВЧ) прнлежаче на (прѣлѣчена ПСЛУН, прѣлѣчена E²) сна с радостью ѡкры ... 374,22–375,1 – Ἰουστίνα δὲ τότε ἡ μήτηρ αὐτοῦ τῆς τῶν Ἀρειανῶν αἰρέσεως τὰ φάρμακα τῆς ἀσεβείας, ἃ περίοντος τοῦ ἀνδρὸς ἔκρυπτεν, εὐμαρῶς ἀπατηθέντι τῷ υἱῷ μετὰ θάρσους ἀπεκάλυψεν Б. 564,10–13.

Во-первых, чеш. *dobrořečiti*, указанное Лавровым (с. 475) глагол, тогда как в ХГА употреблено существительное, которое, кстати, не зафиксировано в словаре Котта. Во-вторых, *dobrořečiti* означает ‘благословлять’¹⁸², что не увязывается с доврорѣуѣимѣ в ХГА. В-третьих, доврорѣуѣимѣ свободный перевод греч. εὐμαρῶς ‘с легкостью, без труда’. В (223) перевод не следует буквально за греческим тестом: прнлежаче на Тр не соответствует греч. ἀπατηθέντι, ему соответствует чтение в ПСЛУН прѣлѣчена, сочетание с радостью не соответствует греч. μετὰ θάρσους ‘с дерзостью’. В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева дают такой перевод: ‘Тогда Юстина, мать его, с радостью открыла склонному к добрым речам сыну нечестивую отраву арианского

¹⁷⁸ Цейтлин 1977: 286; 1986а: 287–288.

¹⁷⁹ Видимо, из-за редкости употребления данный суффикс не попал в список словообразовательных средств древнеболгарского языка в недавно вышедших монографиях, посвященных этой проблематике (Ефимова 2006: 3-ья глава; 2011: 54–90).

¹⁸⁰ SP I: 97.

¹⁸¹ Срезневский I: 6, 1283, 1285. Уменьшительное значение указано только при форме кораблнць.

¹⁸² Kott I: 255.

еретичества, которое скрывала при жизни мужа *своего*¹⁸³. В комментариях авторы цитированного перевода предположили, что с радостью порча из первоначального с дръзостью. По-иному обстоит дело с сочетанием доброрѣчьимъ прѣвльцена или доброрѣчьимъ прилежаще, которое соответствует греч. εὐμαρῶς ἀπατηθέντι ‘легко обманутому’. Добро- соотносимо с εὐ-, относительно второго слова славянского текста были предложены две гипотезы: 1) в Тр произошла порча первичного прѣвльцена; 2) чтение в Тр первично и появилось оно в результате смешения ἀπατηθέντι (от ἀπατάω ‘обманывать’) с ἐπιτεθέντι (от ἐπιτίθημι ‘класть, ставить’). При этом форма прилежаще относится к подлежащему Ноуѣстна¹⁸⁴.

Вторую гипотезу просто следует отбросить как несостоятельную. Если чтение Тр первично, то откуда взялось чтение прѣвльцена в других списках, точно переводящее именно греч. ἀπατηθέντι. Придется предполагать последующую редакцию перевода ХГА по греческому тексту, что, как было показано¹⁸⁵, крайне невероятно. Неясно также, каким образом прилежаще (вм. ожидаемой формы ж. р. прилежащн, что отмечено самими авторами) может относиться к подлежащему Ноуѣстна, когда за ним следует на, повисающее в воздухе. Это на очевидно остаток чтения прѣвльцена. Перевод „склонному к добрым речам“ никак не увязывается ни с греческим текстом, ни с доброрѣчьимъ прѣвльцена ‘красноречием обманутому’. В (223) заметно еще одно несоответствие: снѧ (род. ед.) при греч. τῷ υἱῷ (дат. ед.); к тому же глагол отъкръжитн, относящийся к нему тоже требует дательного падежа. Либо текст испорчен, либо сложная греческая фраза запутала переводчика. Во всяком случае чешское влияние здесь исключено.

ДОУНТАТН ‘прочитать’: (224) н ты которымъ [норово]¹⁸⁶ нменн тому наоуѣченъ кен. ѿ нного лн слышалъ кен нлн доунталъ кен 337,22–23 – καὶ σὺ ποίῳ τρόπῳ τὸ ὄνομα τοῦτο μεμάθηκας; ἄρα παρὰ τίνος ἀκούσας ἢ ἀναγνοῦς; Б. 496,19–21.

П. А. Лавров (сс. 475–476) ссылается на *dočisti se, dočitati se* в словарях Гебауэра и Котта¹⁸⁷. В болгарском *дочета* ‘докончить чтение чего-л.’. Ср., однако, *доуѣстн* сѧ ‘узнать из чтения, прочитать’ в *Беседе на богомилов* Козьмы Пресвитера: (225) Аще лн в которыхъ кннгахъ доуѣч сѧ кен¹⁸⁸. Сам Лавров отметил *доуѣстн* сѧ у Козьмы, но оставил это без комментария. Употребление *доуѣстн* сѧ в смысле ‘узнать из чтения, прочитать’ у Козьмы снимает вопрос о чешском влиянии относительно *доунтатн* в ХГА, иначе выходит, что *Беседу на богомилов* писал некий вездесущий чех.

¹⁸³ Матвееенко, Щеголева 2000: 301.

¹⁸⁴ Матвееенко, Щеголева 2000: 471.

¹⁸⁵ Станков 2010–2011: 39–44.

¹⁸⁶ Слово читается в списке С; см.: Матвееенко, Щеголева I/2: 217, примеч. 27 к с. 513.

¹⁸⁷ Gebauer I: 281; Kott I: 259.

¹⁸⁸ Давидов 1976: 90.

ΖΑΝΔΕΝΝΙΕ ‘заход’: (226) $\overline{\text{прѣ}} \overline{\text{слнчьнаго}} \overline{\text{ζανδενниа}}$ (ζαχοδα SE²Кб, ζαχο-женна С) 231,16 – $\overline{\text{πρὸ}} \overline{\text{ἡλίου}} \overline{\text{δύσεως}}$ Б. 333,12.

Лавров приводит чеш. *zajdení*¹⁸⁹ с тем же значением вместе с *zajiti*, *západ*. (с. 476). Ζανδενниε отмечено в словарях только из ХГА¹⁹⁰. Во-первых, сомнительно, что ζανδενниε в Тр отражает перевод, так как в ХГА в таком значении дважды употреблено слово ζαπαδъ и один раз ζαχοδъ:

(227) $\overline{\text{ῶ}} \overline{\text{взестока}} \overline{\text{слнчьнаго}}$ даже н до $\overline{\text{ζαπα}} \overline{\text{δ}}$ 273,14 – $\overline{\text{ἀπὸ}} \overline{\text{ἀνατολῶν}} \overline{\text{ἡλίου}}$ καὶ $\overline{\text{ἕως}} \overline{\text{δυσμῶν}}$ Б. 394,26–27;

(228) $\overline{\text{ῶ}} \overline{\text{взестока}} \overline{\text{слнчьнаго}}$ н до $\overline{\text{ζαπαδα}}$ 290,20 – $\overline{\text{ἀπὸ}} \overline{\text{ἀνατολῶν}} \overline{\text{ἡλίου}}$ καὶ $\overline{\text{μέχρι}} \overline{\text{δυσμῶν}}$ Б. 422,12;

(229) $\overline{\text{преже}} \overline{\text{слнчьнаго}} \overline{\text{ζαχοδα}}$ 262,20 – $\overline{\text{πρὸ}} \overline{\text{ἡλίου}} \overline{\text{δύσεως}}$ Б. 379,24.

При этом словосочетание $\overline{\text{слнчьнаго}} \overline{\text{ζαχοδα}}$ в (226) и (229) соответствует одному и тому же греческому выражению: $\overline{\text{πρὸ}} \overline{\text{ἡλίου}} \overline{\text{δύσεως}}$. В (226) первично чтение ζαχοδα, вариант в Тр более поздняя замена, чтение в С – исправление первичного чтения. Но и в таком случае ζανδενниε нельзя связать с чешским языком. Слово образовано от зантн ‘зайти (о солнце)’ (КСб, СР)¹⁹¹, точнее от аористной формы занде. Ср. болг. *слънцето зайде* ‘солнце зашло’, а также *зайда* ‘заходить’, диал. *зайд* ‘закат; запад’¹⁹². Замена ζαχοδъ на ζανδενниε произошла на болгарской почве. Тот факт, что в чешском языке существует *zajdení* никакого отношения к переводу ХГА не имеет.

ΖΑΣΤЖПЪ ‘боевой строй; отряд’: (230) н $\overline{\text{раздѣлнвъ}}$ $\overline{\text{слоны}}$ на $\overline{\text{ζαστοупы}}$ 203,18 – $\overline{\text{καὶ}} \overline{\text{διελὼν}}$ $\overline{\text{τοὺς}} \overline{\text{ἐλεφάντας}}$ εἰς $\overline{\text{τὰς}} \overline{\text{φάλαγγας}}$ Б. 291,13;

(231) н $\overline{\text{ζαστοупы}}$ $\overline{\text{протнвныхъ}}$ $\overline{\text{свъзпрожномъ}}$ н $\overline{\text{сзбраномъ}}$ $\overline{\text{разроушн}}$ ($\overline{\text{ραζρвшн}}$ E²) 391,27–28 – $\overline{\text{καὶ}} \overline{\text{τὰ}} \overline{\text{τάγματα}}$ $\overline{\text{τῶν}}$ $\overline{\text{πολεμίων}}$ $\overline{\text{συνεζευγμένα}}$ καὶ $\overline{\text{συγκεκροτημένα}}$ $\overline{\text{διέρρηξε}}$ Б. 591,23–592,2;

(232) $\overline{\text{ζαστοупы}}$ $\overline{\text{раздравъ}}$ 392,1 – $\overline{\text{τὰς}} \overline{\text{τάξεις}}$ $\overline{\text{διασχίσας}}$ Б. 592,2–3;

(233) н $\overline{\text{вонскимн}}$ $\overline{\text{ζαστοупы}}$ $\overline{\text{повѣдн}}$ 523,1 – $\overline{\text{καὶ}} \overline{\text{πολεμικαῖς}}$ $\overline{\text{παρατάξεις}}$ $\overline{\text{τροπωσάμενος}}$ В. 21,7.

Один раз $\overline{\text{ζασтжпъ}}$ употреблено в значении ‘процессия’: (234) $\overline{\text{сътворн}}$ же Романъ $\overline{\text{црь}}$ $\overline{\text{въ}}$ $\overline{\text{трнвоцналін}}$ $\overline{\text{ζασтоупы}}$ 553,11 – $\overline{\text{Ἐποίησε}}$ $\overline{\text{δὲ}}$ $\overline{\text{Ῥωμανὸς}}$ $\overline{\text{ὁ}}$ $\overline{\text{βασιλεὺς}}$ $\overline{\text{ἐν}}$ $\overline{\text{τῷ}}$ $\overline{\text{τριβουναλίῳ}}$ $\overline{\text{πρόκενσον}}$ В. 48,23.

П. Лавров сослался на Псалтирь, где *zástup* встречается в смысле ‘отряд войска’ (с. 476). В современном чешском языке слово в этом значении (уже устаревшим) известно¹⁹³, в болгарском – нет (ср. диал. *зástъп* ‘след животного в замерзшей, засохшей грязи’¹⁹⁴).

¹⁸⁹ Kott V: 87.

¹⁹⁰ СДЯ III: СлРЯ 5: 203–204.

¹⁹¹ СС: 226–227; SJS I: 638.

¹⁹² БЕР I: 589–590.

¹⁹³ Kott V: 278–279; SSSJ VIII: 181.

¹⁹⁴ БЕР VII: 524, *стъпвам*.

В древних текстах *застѣпъ* употребляется в значениях ‘защита, заступничество, помощь’, ‘заступник, защитник’, ср. также *застѣпатн/застѣпнтн* ‘защищать/защитить, приходиться/прийти на помощь’¹⁹⁵. В хорватском глаголическом бревиарии в библейской цитате (Иов 1:17) *застѣпъ* означает, скорее, ‘отряд’, нежели ‘толпа’, как указано в SJS. Значения ‘защита’, ‘защитник’ для *застѣпъ*, на наш взгляд, вторичные (производные). Они связаны с семантикой глаголов *застѣпатн/застѣпнтн* – ‘наступать друг на друга, идти друг за другом’, откуда – ‘идти боевым строем’, затем ‘боевой строй’, ‘отряд’ у *застѣпъ*. Ср. *застѣпъ* в летописи: (235) *Оу҃грн же исполншася на заступы... Алчюпа же пригна къ .д.мѹ заступѹ л. 91*¹⁹⁶.

В СДЯ определено как ‘заслон (о военном отряде)’, у И. И. Срезневского – ‘отряд войска’¹⁹⁷, а Г. Дьяченко считает, что это воинские отряды, стоящие один за другим¹⁹⁸. В современном русском языке *заступ* известно только в значении ‘защита’ (оставляем в стороне значение ‘вид лопаты’)¹⁹⁹. Означает ли это, что русскую летопись писал чех? Судя по употреблению *застѣпъ* в ХГА, можно заключить, что в X в. древняя семантика слова все еще была в ходу наряду со значением ‘защита, помощь’, которые преобладают в текстах профессионального толка. Семантика слов данного гнезда в церковных текстах древнейшей поры сохранилась в болгарском языке, ср. *застѣпник* ‘заступник, защитник’, *застѣпя* ‘защитить’ (вместе с более древним ‘наступить, заступить’), *застѣпям* ‘защищать’²⁰⁰.

ЗВѢРЬНЬНИЦА ‘название острова’ (*Θηριούσα*): (236) Самофракію вѣз Оу҃ракію Роу҃чнѹ Островъ, прежде (прѣже П²⁰¹) *Звѣрненцоу* (звѣрненниця П²⁰², звѣрненниця Е²), зане звѣрн (звѣрн ПЕ²)²⁰³ исполнь 535,9–10 – *Σαμοθράκην δὲ ἐν Θράκη Χερσονήσων, τὴν πρότερον Θηριούσαν διὰ τὸ θηρίων πεπληρωθεῖαι* В. 32,18–19.

П. А. Лавров приводит чеш. *zvěřinice* ‘зоологический сад’ и топонимы *Zvernice, Zverník* (с. 476)²⁰⁴. Очевидно, что перевод в (236) буквально следует за греческим текстом, так что чешские топонимы никакого отношения к ХГА не имеют. Каким еще словом можно перевести греч. *Θηριούσα*? Чешское слово не является точным соответствием слову в ХГА, образованному с суффиксом *-ьница* со значением места. Суффикс очень характерен для

¹⁹⁵ СС: 232; SJS I: 659; СДЯ III: 347.

¹⁹⁶ ПСРЛ I: 271.

¹⁹⁷ Срезневский I: 950.

¹⁹⁸ Дьяченко 1900: 986.

¹⁹⁹ Даль I: 663; СРНГ 11: 71.

²⁰⁰ Геров II: 124.

²⁰¹ Разночтение не указано Истриным в издании.

²⁰² Разночтение не указано Истриным в издании.

²⁰³ Разночтение в П не указано Истриным в издании.

²⁰⁴ Kott V: 715, *Zvěřinice, zvěřinice*.

болгарского языка в этом значении; ср. *звѣрница* ‘зоологический сад, место для диких зверей’²⁰⁵. Важно отметить орфографию в списках П и Е², сохранившую древнее написание слова через *z* и отражающую аффрикату [дз]; ср. болг. диал. *дзвер* ‘зверь’²⁰⁶.

Любопытно слово *звѣрннѣцъ* в ХГА: (237) *Нѣаковецъ, съ црѣмь въ звѣрннѣцѣ* (звѣрннѣцѣ Е²) ловаы твора 519,14 – *Ἰακωβίτζης, τῷ βασιλεῖ ἐν τῷ Φιλοπατίῳ συγκυνηγῶν* В. 17,32–18,1. Значение слова определено как ‘охотничье угорье’²⁰⁷. И. И. Срезневский приводит сравнения *Zwirenz* – зверинец в лесу Стубнице на Рюгена и *Zwirniz* – в Задней Померании близ Полцина²⁰⁸. В ХГА речь идет о Филопатие – дворце в окрестностях Константинополя; ср. болг. устар. *зверинец*²⁰⁹ и топоним *Звѣринец*²¹⁰.

ЗЕМЬЦЪ ‘местный, туземный житель’: (238) нво Персале Магогъ ѿ *земьць* нарнчють 34,6 – *οἱ γὰρ Πέρσαι Μαγῶν ὑπὸ τῶν ἐγγυρίων προσαγορεύονται* Б. 11,10–11.

П. А. Лавров сослался на чеш. *zemes* с тем же значением в словаре Котта (с. 476)²¹¹.

Ср., однако, *земьць* ‘местный, туземный житель’ в *Иудейской войне* Иосифа Флавия и в *Палее* 1406 г., а также и сложное слово *тоземьць* в южнославянских рукописях²¹². Следуя за Лавровым, все эти тексты надо объявить чешским по происхождению. Чешское влияние и в этом случае оказывается иллюзией, поскольку на территории юго-западной Болгарии прилаг. *земски* означает ‘здешний, местный’. Надобно отметить также глагол *нарнчатн* в (238) с характерной болгарской особенностью в спряжении – формы с *ч*. Формы на *ч* (*нарнчѣж* и т.д.) фигурируют в СР и в других памятниках, среди которых и *Беседы* Григория Двоеслова²¹³. В самом чешском языке глагол неупотребителен (современные словари не включают его в свой состав, нет его и в словаре Гебауэра). В словаре Ф. Котта *naricati* определено как устаревшее и приравнивается к *narikati*²¹⁴. Это наводит на мысль, что формы с *ч* глагола *нарнчатн* нетипичны для чешского языка. Поэтому и связь *Бесед* Григория Двоеслова с чешской традицией весьма сомнительна.

НЗНГБЪИТН ‘погибнуть’: (239) повѣженъ въ н мнози ѿ [Г]рекъ *нзнебыша* 520,18–19 – *ἤττηθη καὶ πολλοὺς τῶν Ῥωμαίων ἀπέβαλε* В. 19,2–3;

²⁰⁵ ПРОДД: 157.

²⁰⁶ См. *звѣрь* (СС: 235; SJS I: 667); *звяр* (БЕР I: 625).

²⁰⁷ СлРЯ 5: 350.

²⁰⁸ Срезневский I: 966.

²⁰⁹ БЕР I: 625, *звяр*.

²¹⁰ СтБР I: 538, *звѣрь*, со ссылкой на книгу В. Пианки (Пжанка 1970).

²¹¹ Kott V: 449.

²¹² Срезневский I: 976; СДЯ III: 379; Miklosich: 994.

²¹³ SJS II: 308.

²¹⁴ Kott II: 64.

(240) ѿ болезни (болезни ПСЛУН) творѣн (творѣх н S), нзневѣща (нзнемогша С²¹⁵) в собѣ ѿ ннхъ смръть (смрътн ПСЛУВУНЧ) прннмаша (прннмше S) 319,24 – τῆς νόσου ποιήσαντες ἀπεγέροντο εἰς αὐτοὺς τὸν ἐκείνων θάνατον ἐπισπασάμενοι. Б. 466,13–15.

П. А. Лавров указал на чеш. *znebyti* ‘потерять’ и укр. *з небути* ‘то же’ (с. 476). Здесь внимания заслуживает словообразовательная модель: глагольное образование с предлогом нз и отрицательной частицей не. Эта модель известна праславянскому языку, но представлена она всего в двух словах: *jъz neapa/*jъz neapu (болг. диал. *изнаáпец* ‘внезапно, неожиданно’, нзнезапѣ ‘внезапно’, нзнезапа, нзнезапоу и др.); *jъz nenada, *jъz nenady (болг. *изненаáда* ‘нечаянность, сюрприз’ и др.)²¹⁶. В древнейших памятниках зафиксировано всего несколько слов данного типа, причем все они глаголы: нзневзгитн, нзнемоцн, нзнемогатн/нзнемагатн²¹⁷, нзневъртн са. Эти слова, за исключением нзневзгитн, сохранились в болгарском языке и активно употребляются. Активирование данной модели в ДЯ могло начаться с появления глагола нзнемоцн, возникшего, вероятно, как калька с греч. ἐξασθενέω: (241) нзнеможъ въ ннхъ ѡзгыци нхъ СПс 63:9²¹⁸ – καὶ ἐξήσθηθησαν ἐπ’ αὐτοὺς αἱ γλώσσαι αὐτῶν²¹⁹. В дальнейшем эта модель не получила широкого распространения, чего нельзя сказать о чешском языке²²⁰. Поскольку данная модель слабо представлена в праславянском, то ее дальнейшее развитие в чешском языке надо связать с более поздним периодом в истории чешского языка. Поэтому вряд ли нзневзгитн в ХГА имеет прямое отношение к чеш. *znebyti*. Ср. нзневзгитн ‘потерять, лишиться’ в Лаврентьевской летописи²²¹. Следует ли и в этом случае искать следы чешского влияния? Как уже было отмечено, чешский язык практически не различает префиксов нз- (*iz-*) и сз- (*s-*)²²². Фонетическое и соответственно орфографическое их неразличение показывает, что формы на нз- нельзя связывать с влиянием чешского языка, так как уже в словаре Гебауэра приставка *iz-* не представлена.

НЗННЦА ‘снизу вверх, из-под’: (242) ѿвѣща нзннца ѡнма къ Арсе-ню, гла 379,24 – ἀπεκρίθη βλοσυρῶ τῷ βλέμματι πρὸς Ἀρσένιον λέγων. Б. 571,20–21.

П. А. Лавров сослался на чеш. *hleděti z nice* да на ЖМ, памятник „моравского“ происхождения (с. 476). Это слово уже было комментировано выше²²³.

²¹⁵ Матвеевко, Щеголева I/2: 207, примеч. 9 к с. 487.

²¹⁶ ЭССЯ 9: 9.

²¹⁷ Нзнеможенне – очевидный девербатив.

²¹⁸ СтБР I: 624.

²¹⁹ SEPTUAGINTA: Psalmi, p. 64.

²²⁰ Kott V: 585–591.

²²¹ Срезневский I: 1070; СДЯ IV: 48.

²²² Ляпунов 1929: 762.

²²³ См. также: Станков 2012в.

НЗ НΗΖΟΥ ‘снизу’: (243) бездѣна во сн нз нηζου̅ скροψισаше сλ 56,6 – ἄβυσσος γὰρ ἡ μὲν κάτωθεν ἀνερρήγνυτο Б.49,17;

(244) не нз нηζου̅ нмаше наγαλєствна всλ 289,14 – οὐχὶ κάτωθεν εἶχε τὰς ἀρχὰς ἀπάσας Б. 420,17–18;

(245) [нз нηζє] сѣдланиць сѣрѣляюще 412,15 – κάτωθεν τοῦ καθίσματος τοξεύοντες Б. 628,22–23;

(246) како нз нηζου̅ ср̄це въздвнзаеть 448,1–2 – πῶς κάτωθεν τὴν καρδίαν ἀνακινεῖ; Б. 695,7.

П. А. Лавров сослался на чеш. *z niza do výsosti* в словаре Котта (с. 476). Прежде всего, следует отметить, что во всех случаях речь идет о сочетании предлога нз с наречием нηζου̅. В. М. Истрин представляет это сочетание в издании как одно слово, видимо, на основании того, что во всех случаях ему соответствует греческое наречие κάτωθεν²²⁴. Греч. κάτωθεν переводится также сочетанием по долου̅, которое Истрин тоже передает как одно слово, но смысл всей фразы говорит о том, что перед нами все же сочетание: (247) створнша оубо по долου̅ подзвлагомъ зтокъз 43,1–2 – καὶ ἐποίησαν, γὰρ φησιν, κάτωθεν τοῦ ὑποδύτου λώματα Б. 26,18–19. (Ср. перевод: „По подолу нижней одежды...“²²⁵).

Во-вторых, чешское наречное сочетание представляет собой комбинацию предлога с род. падежом *niz*, что не соответствует сочетанию в переводе ХГА. К тому же, как уже было сказано, чешский язык практически не различает *iz-* и *sv-*, т.е. в сочетании *z niza* вполне возможно присутствие предлога *sv*, ср. рус. *снизу*. В-третьих, в ДЯ параллельно существовали два наречия долου̅ и нηζου̅, из них в болгарском осталось только *dolu*. Не видно причин, из-за которых нз нηζου̅ следует считать результатом влияния чешского языка на перевод ХГА.

ΚΟΚΟΤΩ ‘петух (также и в смысле прозвища)’: (248) не оубонте сλ ῥ̄змнаго κοκοτα Δουκєа 544,3 – μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τοῦ πυροῦ πετεινοῦ τοῦ Δουκόс. В. 40,31–32;

(249) Βаснлна Κοκοτα глємаго 570,28 – Βασιλείω, τῷ Πετεινῶ λεγομένω В. 64,15–16;

(250) Βаснлна глємаго Κοκοτα 571,5–6 – Βασίλειον, ὃ ἐπὶ κλην Πετεινόс. В. 64,23.

П. А. Лавров сослался на большое число примеров с *kokot* в словаре Гебауэра (с. 476). Праслав. **kokotъ* имеет звукоподражательную основу²²⁶ и, несомненно, было известно ДЯ, ср. праславянские образования от той же звукоподражательной основы **kokošъ* и **kokošьka*, сохранившиеся в

²²⁴ Miklosich: 450; СДЯ V: 404. В указанных словарях сочетание приведено при слове нηζє. См. также нηζου̅, существующее как самостоятельная наречная единица (СС: 379).

²²⁵ Матвеевко, Щеголева 2000: 48.

²²⁶ Фасмер II: 283; ЭССЯ 10: 117–118.

болгарском языке²²⁷. Ср. также производные от *kokotъ в болгарском языке, топонимы *Κοκοτί* и *Κακοταρι* в Северной Греции вместе с новогреч. *κόκοτος*²²⁸. Поэтому у *kokotъ* ‘петух’ в переводе ХГА никоим образом не связано с влиянием чешского языка.

КРА ‘кусок, обломок; льдина’: (251) *τακομοу ледоу на многы кры* (кран Сп, дьнн УвЧ) *ραζδροψινвшоу сλ ιαко горы 479,1 – τοιούτου πάγουσ εις πλείστα και όροφανή τμημάτα διαιρεθέντοσ* Б. 759,1–2;

(252) *ѡ велнкѣ же корѣ тѣх̣* (которѣ Сп) *двѣ кры (корѣ Сп, крѣ УвЧ) ѡрѣгшн сλ 479,7 – ἐκ δὲ τῶν μεγάλων ἐκεῖνων τμημάτων δύο προσραγέντων* Б. 759,8–9;

(253) *та кра раскрошн̣ (тѣ сокрѣшнш̣ Сп) на трин 479,10 – ὅπερ οὖν τμημα διαιρεθὲν εἰς τρία* Б759,12.

П. А. Лавров указал на то, что слово встречается не только в древнерусских, но и в старочешских памятниках (с. 476)²²⁹. Все три примера связаны одним контекстом: лед разбился на льдины, подобные горам (251), от больших льдин отделились две льдины (252), одна из которых разбилась на три куска (253). Кра восходит к праслав. *ъkral/**ъkro*, в котором О. Н. Трубачев, в противовес другим авторам²³⁰, объединяет три значения: ‘икра рыба’, ‘икра ноги’, ‘глыба (льда)’²³¹, считая, что все они вместе со значением ‘печень’ генетически едины. Болгарский язык сохранил *икра* ‘икра рыба’, ‘икра ноги’, значение ‘глыба; льдина’ отсутствует²³². Кра, как уже было сказано, известно древнерусскому и чешскому языкам. Было ли оно известно в этом значении ДЯ, трудно сказать. С другой стороны, у нас есть основания полагать, что кра не было первоначальным чтением в переводе ХГА. В этом отношении показательно сочетание *корѣ тѣх̣* в (252), которое точно переводит *ἐκεῖνων τμημάτων*, причем в отличие от греческого текста указательное местоимение в переводе стоит в характерной для ДЯ постпозиции. Данное чтение в Сп испорчено на *которѣ*, но в то же время Сп сохраняет правильное чтение *корѣ* (дв. ч.) при *кры* в Ун и *крѣ* в УвЧ. Вариант *кры* в (252) более поздний. Это ставит под сомнение первичность *кра* и в остальных случаях. Можно предположить, что первоначально в переводе стояло слово *кора*, замененное на *кра* на русской почве. Это тем более вероятно и по той причине, что греч. *τμημα* означает ‘отрезанная часть, отрезок, кусок’, а само слово *кора* связано с и.-е. корнем **ker-* или *(*s*)*ker-* со значением ‘резать, отделять’²³³. Среди значений болг. *кора* можно отметить ‘твердый,

²²⁷ ЭССЯ 10: 116–117.

²²⁸ БЕР II: 539.

²²⁹ См. также: Срезневский I: 1310.

²³⁰ Фасмер II: 125–126.

²³¹ ЭССЯ 8: 217–220.

²³² БЕР II: 63.

²³³ БЕР II: 625–626; ЭССЯ 11: 44–45.

отвердевший слой, чего-л.; корка'. Это же значение известно и русскому языку; ср. болг. и рус. *ледена кора, ледяная кора*. Слово *кора* вполне уместно в данном контексте.

КРАІАТН 'резать': (254) потомъ же ѿ рамоу крадатн ременне 433,8 – καὶ μετὰ τοῦτο ἐκ τῶν ὤμων ἀκρωτηριάζεσθαι λώρους Б. 666,8–9.

П. А. Лавров указывает на чеш. *krájeti* 'кроить', укр. *краяти*, словц. *krájat* 'резать' (с. 476). Праслав. **krajati* образование от **krojiti* с продлением корневого гласного²³⁴. Глагол известен южнославянскому ареалу, и у нас нет оснований исключать его из состава древнеболгарского словаря, несмотря на то, что в современном болгарском используются только формы с *o* в корне (*кроя*), ср. *крантн* в Новгородской минее 1096 г. за октябрь²³⁵. Нельзя не отметить форму *крадатн* в (254), в которой наблюдается характерная для позднего ДЯ утрата *j* в интервокальной позиции²³⁶.

КРНЖМО 'миро': (255) мнороваланъз (мн̄оровалаванъ E², мн̄оровалааланъ C²³⁷), реще крнжymo желоуднъз 181,20–21 – μυροβάλανον Б. 258,18.

П. А. Лавров привел *křižmo* из словаря Гебауэра (с. 476). Об этом слове уже было сказано выше.

КРОТЪУЕННІЕ 'умеренность' и НЕКРОТЪУЕННІЕ 'неумеренность': (256) но ѡбою сею злоу томнтн некротъеннїе н съподобна бытн, нн на горъдыню преклоннтн сѧ нн на раволѣпъствїе повнноватн сѧ. на влагоиѣ (влъгына S) нво сзмѣрена (сзмѣренъ S) бытн подобаетъ, на гърына же высока. паѣе овн во нсповѣдають, добродѣтелиѣ (добродѣтелиѧ S) нетъ кротъуенне 394,14–18 – ἀλλ' ἀμφοτέρων τῶν κακῶν τούτων κολλάζειν τὴν ἀμετρίαν, καὶ ἐλεύθερον εἶναι μῆτε εἰς αὐθάδειαν ἀποκλίνοντα μῆτε εἰς δουλοπρέπειαν καταπίπτοντα. πρὸς μὲν γὰρ χρηστοὺς ταπεινὸν ὑπάρχειν χρῆ, πρὸς δὲ θρασεῖς ὑψηλόν. ἐπεὶπερ οἱ μὲν ἀρετὴν εἶναι τὴν ἐπέικειαν ἡγοῦνται Б. 596,9–14.

Лавров обратил внимание только на слово *кротъуеннїе*, игнорировав отрицательное образование. Было указано также на сравнительную степень *krotčejī* от *krotce* вместе с тем, что *кротъцѣ* отмечено в СР (с. 476). В самом чешском языке нет слова *кротъуеннїе*, а сравнительная степень *кротъчѧй*, *кротъчѣн* встречается в той же СР²³⁸. На наш взгляд, замечание Лаврова в случае некорректно: *кротъуеннїе* и *некротъуеннїе* книжные образования, и их вовсе незачем связывать с чешским языком. Оба слова отмечены только в СДЯ из ХГА²³⁹.

²³⁴ ЭССЯ 12: 86–87; см. также **krajiti* (с. 88), **krojiti* (сс. 180–182).

²³⁵ СлРЯ 8: 7–8.

²³⁶ Грамматика 1991: 537.

²³⁷ Матвеевко, Щеголева I/2: 113, примеч. 12 к с. 313.

²³⁸ СС: 295; *кротъкъ*; Miklosich: 313, *кротъкъ*.

²³⁹ СДЯ IV: 304; V: 292.

ЛЮТЬ ‘непогода, ненастье’: (257) каковомоу нѣкоемоу подобаетъ быти хоташемоу **лють** толнкоу приати н толнкоу воуру 394,7–8 – *ὁποῖόν τινα εἶναι χρὴ τὸν μέλλοντα χειμῶνα τοσοῦτον ἀνθεξείν καὶ τοιαύτην ζάλην* Б. 595,21–596,1.

Лавров ссылается на *lut, lut'* в словаре Гебауэра (с. 476), но **лють** в (257) связано с непогодой, бедствием, а чешские слова означают ‘внезапность, стремительность, жестокость’²⁴⁰. Слова с корнем **лют-**, обозначающие плохую погоду (холод, жару) характерны для южно- и восточнославянского ареалов, в меньшей мере для западнославянских языков, по крайней мере для чешского языка²⁴¹. **Лють** встречается еще и в переводе ПНЧ²⁴², означает ли это, что и в этом тексте отразилось влияние чешского языка?

МЪННШЬННЦА ‘монастырь’: (258) ннцнмъ ннтателннца н странньмъ погребателннца (страннопогребателннца S-Сп) н мнншннца, рекше манастырь 402,14–15 – *πτωχοτροφεία καὶ ξενῶνας καὶ ξενοτάφια καὶ μοναστήρια* Б. 610,19–20.

Лавров считает, что **мънншьннца** образовано от чеш. *mnišni* (с. 476). Однако Лавров упустил из виду то обстоятельство, что в древних текстах зафиксировано только прилагательное **мънншьскъ**²⁴³. В словаре Гебауэра только *mnišsky*²⁴⁴, а в словаре Котта *mnišni* поясняется словом *mnišský*, а *mnišský – co mnichum přisluši*²⁴⁵. Это показывает общеупотребительность варианта *mnišský* и исключительную редкость варианта *mnišni*, возникновение которого во времени остается неясным (он отсутствует в словаре современного чешского языка²⁴⁶). Все это говорит о том, что **мънншьннца** могло быть образовано прямо от основы **мъннш-** при помощи суффикса **-ннца** со значением места. В ДЯ для образования слов со значением ‘вместилище, помещение’ (мы бы сказали ‘ограниченное пространство’) активно используются два форманта: **-нца** и **-ннца**²⁴⁷. Гипотеза об образовании **мънншьннца** от основы **мъннш-** подтверждается тем, что в ЕК, переведенной по общему мнению в Болгарии, зафиксирован вариант **мънншнца** ‘монастырь’. Неправ, на наш взгляд, И. И. Срезневский, считающий (видимо, на основании **мънншнца** ‘монахиня’ в *Прологе*), что это переводческая ошибка²⁴⁸. Суффикс **-нца** активно используется в ДЯ как для образования имен со зна-

²⁴⁰ Gebauer II: 293.

²⁴¹ ЭССЯ 15: 231–236, *l'уть(ь)*, 237, *l'уть*. См. также: БЕР III: 581–584, *лют*; ср. также **χειμών** ‘зима’, ‘буря, непогода, ненастье’, ‘бедствие, несчастье’.

²⁴² СДЯ I: 488.

²⁴³ СС: 335; SJS II: 237; Срезневский II: 160; Miklosich: 374; СДЯ IV: 553–554.

²⁴⁴ Gebauer II: 385.

²⁴⁵ Kott I: 1048.

²⁴⁶ В SСJČ (III: 108) только *mnišský*.

²⁴⁷ Ефимова 2006: 100–101.

²⁴⁸ Срезневский II: 159.

чением лица, так и для образования слов со значением места: ср. в (258) пнтательннца ‘приют (для нищих)’ и пнтательннца со значением лица в Минее 1096 г. Страньнопогребательннца ‘кладбище для чужестранцев’ и погребательннца ‘кладбище’, ввиду отсутствия погребательнъ, образованы посредством форманта -ьннца. По наблюдениям Т. И. Вендиной, суффикс *-nic(a)* со значением места при образовании *nomina loci* практически используется во всех славянских языках²⁴⁹, все же в восточно- и западнославянских языках он функционирует главным образом как суффикс предметности, тогда как в южнославянских языках – как суффикс места²⁵⁰. Действительно, суффикс *-ница* со значением места присутствует во многих словах современного болгарского языка. Современное состояние является результатом активного использования данного суффикса с древних времен. Что касается глоссы, то ее мог сделать как болгарский переводчик, так и русский переписчик. Если это глосса переводчика, то она сделана во избежание возможной путаницы, так как слова на -ьннца (так же как и слова на -нца) могут обозначать лица женского пола и ограниченные пространства, вместилища, помещения. Если это глосса переписчика, то она сделана с целью пояснить редкое и необычное слово. Пока *мънншьннца* достоверно известно только из ХГА. Правда, Ф. Миклошич²⁵¹ приводит это слово из Хронографа под № 453 в Описании А. Х. Востокова²⁵² без каких-либо подробных данных; так как в указанном Хронографе есть выписки из ХГА, то возможно, что *мънншьннца* и в этом случае цитируется только из ХГА.

МЖКАРЬ: (259) ище же аще не бы кто *можкаръ* сего гърда соѹца мнаше, ни пакы ли *можкаръ* бы 393,20–21 – οὐ τοίνυν εἰ μὴ τις εἶη *κόλαξ* τοῦτου ἀλαζόνα εἶναι νομιστέον, οὐδ’ αὖ πάλιν εἰ *κόλαξ* εἶη Б 595,4–6;

(260) ни гордоу быти ни *можкарю* 394,14 – μήτε ἀλαζονικὸν εἶναι μήτε *κόλακα* Б. 596,8–9;

(261) н *можкареве* мон н велможа мон нскахоу (нзыкахоу ПбСлУн) мене 186,8–9 – καὶ οἱ *τύραννοί* μου καὶ οἱ μεγιστάνες μου ἐζήτουν με Б. 266,16–17.

Лавров ссылается на чеш. *mukař* ‘мучитель’ в словарях Гебауэра и Котта (с. 476). В указанных словарях *mukař* представлено всего одним примером из Жития св. Екатерины XV в.²⁵³ В чешском языке есть еще слово *toukař* или *mukař* ‘мукомол’²⁵⁴, возводимое к праславянскому **mōkar’b*, образованное от **mōka I* ‘мука’²⁵⁵. По всей видимости чеш. *mukař* ‘мучи-

²⁴⁹ Вендина 1988б: 165.

²⁵⁰ Вендина 1988а: 150.

²⁵¹ Miklosich: 374.

²⁵² Востоков 1842: 725–735.

²⁵³ Gebauer II: 417; Kott I: 1085.

²⁵⁴ Kott I: 1070, 1085.

²⁵⁵ ЭССЯ 20: 135–136, 138.

тель' окказиональное образование позднего происхождения и не связано со словом мѣкаръ в переводе ХГА. В современном чешском *troukař* только 'торговец мукой'²⁵⁶. Мѣкаръ в ХГА переводит греч. *κόλαξ* 'льстец' и *τύραννος* 'властелин, повелитель', 'узурпатор, тиран'. Исходя из значения мотивирующей основы, мѣкаръ должно означать 'мучитель', поэтому перевод греч. *τύραννος* этим словом особого удивления не вызывает: в ХГА ему соответствуют еще слова мѣнтель (202,4) и томнтель (199,24); ср. также мѣнтель – *τύραννος* в классических древнеболгарских памятниках²⁵⁷. И все же перевод в (261) необычен. В. А. Матвееко и Л. И. Щеголева так перевели это место: „И правители мои и вельможи мои искали меня“²⁵⁸. В случае авторы воспользовались одним из значений греч. *τύραννος*, славянское слово вряд ли может означать 'правитель', хотя в болгарском сохранилось диал. *мѣка* 'товар, скот, собственность, богатство', 'деньги или блага, полученные в результате экономической деятельности'²⁵⁹. От этих значений могло появиться название деятеля со значением 'правитель, управляющий', но данных для того, чтобы связать мѣкаръ в ХГА с диал. *мѣка*, недостаточно. Несколько странно выглядит перевод греч. *κόλαξ* 'льстец' словом мѣкаръ в (259) и (260), этому же греческому слову соответствует еще и мѣнтель (394,1). Видимо, правы В. А. Матвееко и Л. И. Щеголева, считающие, что сущ. *κόλαξ* принято за образование от глагола *κολάζω* 'наказывать, карать'²⁶⁰.

НАΠΟΒѢДѢТИ 'поведать, рассказать': (262) кто наповѣсть вамъ, яко вгнь горнѣтъ, и кто наповѣсть (нарѣтъ Сп) мѣсто вѣчно 303,4–5 – *τίς ἀναγγελεῖ ὑμῖν ὅτι πῦρ καίεται, καὶ τίς ἀπαγγελεῖ ὑμῖν τὸν τόπον τὸν αἰώνιον*; Б. 440, 22–23;

(263) нужадоху, да горѣсть едннѣ отроувъ наповѣдатель скровенѣ 265,18–19 – *ἠνάγκαζον πρὸς τὸ δράκα μίαν ἀλφίτου καταμηνῦσαι κεκρυμμένην*. Б. 384,3–4. В издании Истрина: отроувъна поведатель, так же и в издании В. А. Матвееко и Л. И. Щеголевой²⁶¹. Ср., однако, Е²: нждадоху, да горѣсть едннѣ наповѣдатель отроувъ скровенъ 179v2–3; И. И. Срезневский приводит вариант: нждадоху, да горѣсть едннѣ наповѣдатель ѿ рѣвь скровенѣ²⁶². В. М. Истрин считает, что в переводе использовано прилагательное отроувънъ (*ἀλφίτου*)²⁶³.

²⁵⁶ SSJČ III: 136.

²⁵⁷ СС: 344; SJS II: 373.

²⁵⁸ Матвееко, Щеголева 2000: 160.

²⁵⁹ БЕР IV: 381.

²⁶⁰ См. комментарий к слову *льстив* к с. 393 в издании Истрина (Матвееко, Щеголева 2000: 476), а также к *распутники* к с. 35 в издании Истрина (Матвееко, Щеголева 2000: 350).

²⁶¹ Матвееко, Щеголева I/1: 417; в своем переводе и в комментариях к нему авторы правильно выделили форму отроувъ (Матвееко, Щеголева 2000: 214, 429).

²⁶² Срезневский II: 309.

²⁶³ Истрин III: 280; видимо, по недосмотру слово отсутствует в греческо-славянском словнике.

П. А. Лавров приводит чеш. *narověděti* у Коменского, да еще какую-то поговорку (с. 476). Ср. отглагольные образования *наповъштаниѣ*, *наповъштѣниѣ* в ССб (233б18–19; 233б14–15; 20–21; 233в3–4)²⁶⁴. О влиянии чешского языка говорить не приходится, тем более что в (263) можно отметить характерную особенность болгарского языка: *да* + *наповѣдѣти* на месте греческого инфинитива *καταμηνύσαι*.

НАШЬСКЪИ ‘по-нашему’: (264) .ѡ. *сеДМНЦЪ*, рекше *неДѣлан* нашьскы 213,26 – о’ *ἐβδομάδες* Б. 306,14.

Слово *сеДМНЦА* глоссировано еще один раз, но без наречия *нашьскы*: (265) *сеДМНЦЪ* .ѣ. н *сеДМЦЪ* .ѣв. .ѣ. же н .ѡ. *сеДМНЦѣ*²⁶⁵, рекше *неДѣлан* 213,17–18 – *ἐβδομάδες* ζ’ *καὶ ἐβδομάδες* ξβ’ Б. 306,2.

Лавров пространно проанализировал данную глоссу (с. 477, 675–677). Автор приводит данные об употреблении слов от основы *naš-*, *naи-* в западно- (чешском и словацком) и южнославянских языках. По мнению Лаврова, в восточнославянских языках это гнездо не развито. Затем следует цитата из *XIII Слов* Григория Богослова, в которой *неДѣла* употреблено в двух значениях: ‘неделя’ и ‘воскресенье’ (л. 322с16–322д4)²⁶⁶. Для Лаврова это место очень важно, так как „представляет вставку переводчика славянина [почему не болгарина, ведь перевод сделан в Болгарии, – Р.С.], для которого, отсюда ясно, своим было именно это слово [*неДѣла* – Р.С.], а не книжное *сеДМНЦА*“ (с. 677). На основании этого Лавров делает вывод, что глосса в (264) могла быть сделана не только русским, как полагал Истрин, но и на славянском юге, даже больше: глосса, видите ли, могла быть сделана также и моравским славянином, поскольку в Житии Кирилла, памятнике моравского происхождения, по мнению автора, встречается слово *неДѣла* ‘неделя’. Следует указать на чеш. *sedmice*, определенное как церковное, после чего Лавров заключает: „опять-таки и моравский славянин мог сделать подобную глоссу, поясняя одно слово менее употребительное другим более употребительным“ (с. 677).

Прежде всего, коснемся употребительности обоих слов. В переводе ХГА слово *сеДМНЦА* использовано 29 раз, *неДѣла* – 43 раза; т.е. преимущество второго над первым не так уж велико. *СеДМНЦА* 6 раз употреблено в значении наречия ‘семикратно, семь раз’ (как правило, в этом смысле выступает форма тв. падежа *сеДМНЦѣѣ*, выделяемая как самостоятельное наречие), в остальных 23-х случаях слово означает ‘семерка (лет), семь (лет)’ и переводит греч. *ἐβδομάς* ‘семерка (лет)’. *НеДѣла* 14 раз означает

²⁶⁴ ССб I: 659–660; Corpus.

²⁶⁵ Истрин в примечании 19 указал, что слова же н .ѡ. *сеДМНЦѣ* отсутствуют в S; см. также: Матвеевко, Щеголева I/2: 133, примеч. 28 к с. 351; в этом нет ничего удивительного, так как в оригинале ξβ’ читается только раз, а в Tr – лишнее повторение.

²⁶⁶ Будилович 1875: 243; Corpus.

‘семь дней, неделя’ (ἑβδομάς), 14 раз – ‘воскресенье’ или ‘Господний день’ (ἡ κυριακή) и 15 раз – ‘семерка (лет)’ (ἑβδομάς). Приведем пару примеров:

(266) н мѣнн н нѣдн 33,14 – καὶ τοὺς μῆνας καὶ τὰς ἑβδομάδας Б. 10,7;

(267) стѣнѣ пасхѣу вѣрѣтънѣмъ в нѣдѣю взывающю... 102,26 – τὸ ἄγιον πάσχα εὐρίσκοντες εἰς κυριακὴν ἐπίπτον Б. 129,9–10;

(268) нѣдѣ оубо ꙗз. н нѣдѣ ꙗз. н в. ѡетыреста н .п. н .г. лѣ соѡ. нѣдѣ во не днѣвныа (днѣвныа ПбСлУВУНЧ) сдѣ глѣть нн мѣнына (мѣнына СЛУН), нъ нѣдѣ лѣтънына 285,10–12 – ἑβδομάδες οὖν ζ' καὶ ἑβδομάδες ξβ' υπὲρ ἔτη εἰσίν. ἑβδομάδας γὰρ οὐχ ἡμερῶν ἐνταῦθα λέγει οὐδὲ μηνῶν, ἀλλ' ἑβδομάδας ἐνιαυτῶν Б. 414,8–10.

Праслав. **neděl'a* возникло, вероятно, вопреки сомнениям М. Фасмера, как калька с греч. ἄπρακτος ἡμέρα ‘нерабочий день’. Первое значение – ‘праздничный (нерабочий) день’, значение ‘семерка (дней), семидневная неделя’ – вторично²⁶⁷. М. Фасмер полагает, что второе значение возникло под влиянием греч. τὰ σάββατα, поскольку суббота считалась символом недели²⁶⁸. Что касается третьего значения нѣдѣля в ХГА, то В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева полагают, что оно „изобретение автора Врем[енника], под влиянием греч., в котором отражено влияние древнееврейского: *шава* ‘семь’ как число использовалось для обозначения различных временных периодов и потому смешивались седмина-семидневка и седмина-семилетие“²⁶⁹. Те же авторы отчасти противоречат самим себе в комментариях к (264) и (265)²⁷⁰, так как неправильно перевели наречие нашсыкы: „70 седмин, то есть наших недель“²⁷¹, вместо „70 седмин, по-нашему недель“. Поэтому их вопрос, понимал ли прибавивший глоссу смысл пророчества Даниила (Дан. 9:26) лишен смысла, поскольку они сами отметили 3-е значение нѣдѣля как в комментарии к (268), так и в комментариях к (264) и (265).

Вернемся к вопросу о том, кто автор глоссы. Чешское наречие *našsky*, указанное Лавровым, не может иметь какого бы то ни было отношения к переводу ХГА, так как наречие нашсыкы документировано в ССб (5в11–13)²⁷²; ср. также болг. *по нашениски* ‘по-нашему’. Лавров не совсем прав утверждая, что данное гнездо не развито в восточнославянских языках. В. И. Даль приводит слова *нашский, нашинский, нашенец*²⁷³; ср. также *нашеский*²⁷⁴, *нашенский*²⁷⁵. В гнезде русских слов не хватает только наречия. Истрин и

²⁶⁷ ЭССЯ 24: 116–117.

²⁶⁸ Фасмер III: 57.

²⁶⁹ Матвеевко, Щеголева 2000: 437 – комментарий к тексту в (268).

²⁷⁰ Матвеевко, Щеголева 2000: 412–413.

²⁷¹ Матвеевко, Щеголева 2000: 180.

²⁷² ССб I: 206; Согрус; Срезневский II: 353.

²⁷³ Даль II: 514–515.

²⁷⁴ СРНГ 20: 296.

²⁷⁵ Кузнецов: 610.

Лавров считают, что глосса в (264) указывает на язык переводчика, разница в том, что для Истрина это древнерусский переводчик, что при отсутствии наречия *нашьскъ* в древнерусском языке сомнительно²⁷⁶, а для Лаврова – то ли болгарин, то ли чех. Оба автора относят *седмнца* к церковному языку, пройдя мимо того, что слово обычно для болгарского языка и не характерно для русского языка, например²⁷⁷. В SSIČ нет *sedmice*, слово в значении ‘die Woche’ отмечено только в словаре Котта со ссылкой на сравнительную грамматику Миклошича²⁷⁸.

Иными словами, само глоссируемое слово *седмнца* указывает на язык переводчика, т.е. – на ДЯ. Наречие *нашьскъ* вместе с инновацией *недѣля* ‘семерка (лет)’ говорят, на наш взгляд, в пользу предположения, что глоссу сделал переводчик (или один из переводчиков, поскольку текст Хроники очень большой) по той причине, что в данном контексте *седмнца* и *недѣля* оказались синонимами, т.е. в (264) допустимо было употребление обоих слов. Эти слова в болгарском языке синонимичны и в отношении значения ‘семь дней, неделя’, причем более употребительным является *седмица*²⁷⁹, *недѣля* в этом значении – преимущественно в диалектах и фольклорных текстах. Возможно, глоссы в (264) и (265) говорят в пользу синонимизации *седмнца* и *недѣля* относительно значения ‘семь дней, неделя’.

НЕСЪМЪЗИСЪЛЪНЪ ‘лишенный смысла, неразумный; бессмысленный’: (269) *подоваше соущи несмыслени* и *скотниовъбразни* *разоумѣти* 452,30 – *ἔδει γὰρ εἶδει τοὺς ὄντως ἄφρονας καὶ βοσκηματώδεις ἐπιγνώναι* Б. 705,6–7.

Причем тут чеш. *nesmyslný*, на которое ссылается Лавров (с. 477), совершенно непонятно; ср. *несъмыслънъ*, *несъмышлини* в классических древнеболгарских памятниках²⁸⁰, которые просто переводят греческие слова с *ἀ-privativum*. Как полагают авторы древнеболгарского словаря, вполне возможно, что *несъмыслънъ* калька с греч. *ἀνόητος*²⁸¹. Слово документировано в словарях болгарского языка: *несмислен* ‘бессознательный’, ‘необдуманый’, ‘несмысленный, неразумный’²⁸², видеть в нем влияние чешского языка в переводе ХГА просто нонсенс. Ср. также **nesъmyslъ(jь)*²⁸³.

НЕСТΟΥДНИЕ ‘бесстыдство’: (270) *да не нестодудья* *нмоуть прочен* 286,12–13 – *ἵνα μηδὲ ἀναισχυντεῖν ἔχωσι λοιπὸν* Б. 416,3 (*ἀναισχυντῶς* М. 310,25).

²⁷⁶ Наречие отмечено только в *Симеоновом сборнике* и переводе ХГА (Срезневский II: 353; СлРЯ 10: 323; СДЯ V: 221).

²⁷⁷ Станков 1994б: 80.

²⁷⁸ Kott III: 282; Miklosich II: 295. Миклошич, однако, указывает на *седмнца* только как на числительное.

²⁷⁹ Значение ‘семерка’ выражается тем же словом, но с другим ударением: *седмица*.

²⁸⁰ СС: 376; SJS II: 409.

²⁸¹ СтБР I: 992.

²⁸² Дювернуа II: 1399; Геров III: 267.

²⁸³ ЭССЯ 25: 31.

Лавров (с. 477) сослался на чешские слова того же словообразовательного гнезда *nestud*²⁸⁴, *nestuda*²⁸⁵ и *nestudný*. Указанные Лавровым слова относятся к праславянскому периоду²⁸⁶, а *нестоуднѣ* – скорее всего книжное образование, возникшее под влиянием другого книжного слова – *вестоуднѣ*. Славянская фраза буквально следует за греческой, *нестоуднѣ* переводит инфинитив *ἀναισχυντεῖν* в издании де Боора (у Муральта наречие), выполняющий в случае функцию дополнения, правда, при отсутствии члена *τό*. Ср. также *ἵνα μή* – да не в изъявительных предложениях с глаголом в форме изъявительного наклонения²⁸⁷. Слово *нестоуднѣ* так и не вышло за пределы книжного языка, несмотря на близкие по звучанию слова в живом языке.

НѢМЪУБСКЪ, переводящее греч. τῶν Φράγγων: (271) κλατὲς μνηρῶν πῶ̅ властнῶ̅ Немецкою принмъ съ всю Нтгалнею 472,5–6 – σπονδὰς εἰρηνικὰς εἰς τῆν τῶν Φράγγων ὑποταγὴν εἰσδεξάμενος σὺν πάσῃ τῇ Ἰταλίᾳ Б. 744,7–8.

Лавров ссылается на чеш. *němečský* и на *нѣмъубскъ* в житиях Мефодия (пространном и проложном) (с. 477). Слово считается праславянским, образованным от *нѣтьсь + *-ьскъ* (*нѣтьсььскъь)²⁸⁸. К этой форме относится и болг. *нѣмски* (с усеченной основой), которая возникла позднее: ср. *нѣмьскы языкъ* в Минее Михановича XVI в.²⁸⁹ Рукопись сербская, но форма *нѣмьскы*, очевидно, болгарская.

Далее в списке Лаврова следует слово *образъникъ*, о котором нами написана отдельная статья²⁹⁰.

ОКРНЛННѢ ‘крыло (архит.); навес, кровля’ (‘боковое крыло храма; крыльцо’?): (272) н сего възведъше кингъчнна на окрнлнн црквынѣмъ 261,21 – καὶ τοῦτον ἀνερέγκαντες οἱ γραμματεῖς ἐπὶ τὸ πετεύγιον τοῦ ἱεροῦ Б. 378,11–12.

Лавров (с. 477) ссылается на Ф. Миклошича, у которого приведено чеш. *okřídli*²⁹¹. В таком случае следовало бы ожидать форму *окрндлннѣ*, тем более, что группа *-dl-* восходит к праславянскому периоду и в чешском языке сохранилась до наших дней, при этом чешское слово не употребляется в смысле архитектурного строения²⁹². Рассматриваемое слово образование с суффиксом *-ннѣ* (*-nje*) от глагола *окрнлѣти* – *πετεροῦσθαι*²⁹³. Ср. *взскрнлнтн* ‘окрылять’ (*ἀναπτεροῦν*) и *взскрнлннѣ* ‘подол, край (одежды)’²⁹⁴. Считают, что

²⁸⁴ Gebauer II: 625; Kott II: 148.

²⁸⁵ Kott II: 148.

²⁸⁶ ЭССЯ 25: 23.

²⁸⁷ СС: 181–182; SJS I: 451. Более подробно: Минчева 1987: 106 и след.

²⁸⁸ ЭССЯ 25: 104–105.

²⁸⁹ Miklosich: 458.

²⁹⁰ Станков 20136.

²⁹¹ Miklosich: 499.

²⁹² Kott II: 357; SJS III: 540.

²⁹³ Miklosich: 499.

²⁹⁴ СС: 151.

въскрнлнѣ образовано с использованием суффикса *-ъje* и префикса *въz-* от *крнло*²⁹⁵, но это, на наш взгляд, неточно, так как противоречит правилу биннома Г. О. Винокура. Семантическая связь между *въскрнлнтн* ‘окрылить’ (т.е. снабдить крыльями) и *въскрнлнѣ* очевидна – речь идет о верхней одежде, подобной крыльям птиц. В нашем случае *окрнлнѣ* является буквальным переводом греч. *πτερύγιον*.

ОМРАУЪНЗИН (ОМРАУЄНЗИН?) ‘находящийся во мраке’: (273) н вацьшаго (въ вацьше(е) ППБУВУНЧ) желаня (въжеланіе S), принатъ (принатн S) *ѡмрауѣнзи* (*ѡмрауѣнѣн* СпУВЧ) *γρѣχъ* 72,6–7 – *ἀλλὰ μειζόνως ὀρεχθέντας, εἰσδέξασθαι μὲν τοῦ τύφου τὸ πάθος* Б. 78,17–18;

(274) таковаго ботворенна н блгодѣянна принатн боненавндѣмомъ н *ѡмрауѣномъ* (*ѡмрауѣнѣ* Кб²⁹⁶) 98,15–16 – *τοιαύτης θεουργίας καὶ εὐεργεσίας ἀπολαῦσαι τοὺς θεομισεῖς καὶ ἐμβροντήτους* Б. 122,1–2;

(275) *натъ въ ѡмрауѣнымн (ѡмрауѣнымн ПбУВЧ) Єφνηпы* 439,27 – *συσχεθεῖς ὑπὸ τῶν ζοφερῶν ἐκειῶν Αἰθιοπῶν* Б. 680,10–11.

Лавров приводит чеш. *omračny strach* ‘панический страх’ в словаре Котта, заканчивая такими словами свою мысль: „если слово *омрауѣнѣн* есть в нашей летописи, то оно в ней из церковного яз., как это видно из примеров у Срезневского“ (с. 477). Возникает вопрос, что такое церковный язык и откуда в нем взялось слово *омрауѣнѣн*? Следуя логике Лаврова, из чешского языка. *Омрауѣнѣн* производное с суффиксом *-ънъ* от *омракъ* ‘тьма, туча’ (слово с таким значением зафиксировано в древнеболгарском переводе ЖАЮ²⁹⁷). Здесь возможна связь с глаголами *омрауѣтн*, *омрауѣнтн*²⁹⁸, что проявляется в разночтениях к трем контекстам, где в *-ен-* можно видеть суффикс страдательного причастия. Это касается, прежде всего, (274): *ἐμβρόντητος* ‘обезумевший, одуревший’. В остальных случаях *-ен-*, скорее всего, результат прояснения слабого *ь* в сильной позиции, что характерно для болгарского языка, ср. болг. *мрачен* и рус. *мрачный*, или болг. *силен* и рус. *сильный* (но *силѣн*). Ср. *прнмрауѣнѣн*.

О слове *оръ* ‘жеребец’ нами написана отдельная статья²⁹⁹. О. Н. Трубачев считает происхождение данного слова неясным³⁰⁰. В ЭССЯ тот же автор определяет праслав. **оръ II* как трудное слово, допускающее две этимологии. Первая из них, наиболее удачная, по словам автора, возводит **оръ II*

²⁹⁵ Ефимова 2006: 139. В этом разделе цитированной книги приводятся и другие слова с суффиксом *-ъje*, отыменного образования по мнению автора, но многие из них являются спорными в этом отношении. Суффикс *-ъje* в основном функционирует в отглагольном словообразовании.

²⁹⁶ Матвеевко, Щеголева I/2: 65, примеч. 15 к с. 204.

²⁹⁷ Молдован 2000: строка 4184, с. 358; Срезневский II: 668.

²⁹⁸ СС: 411–412; SJS II: 542; Срезневский II: 668.

²⁹⁹ Станков 2012б.

³⁰⁰ Трубачев III: 333–334.

к **orati (se) I* ‘пахать’. Таким образом, **orь II* обозначает коня как пахотное животное и в этом плане становится тождественным **orь I* и **orь* ‘вспаха, пахота; ярмо’. Другая возможная интерпретация происхождения **orь II* связывает его с рус. диал. *оревина* ‘бык’, *оревнтъин* ‘похотливый’, *ореватн* ‘быть похотливым’. Германское происхождение **orь II* признается неудовлетворительным³⁰¹.

Признавая трудность этимологизации рассматриваемого слова, отметим все же, что материал ХГА и других древних памятников в большей степени поддерживает, на наш взгляд, вторую гипотезу происхождения **orь II*. В нашей статье была отмечена мысль А. Г. Преображенского о возможной связи *орать* ‘кричат, горланить’ и *оревина* ‘бык’. Был поставлен также вопрос о месте болгарского междометия *ор-ор-ор* (с его вариантами *ърь, урь*). В этом плане интересна этимологизация праслав. **komonь*, первоначально звукоподражательное обозначение ржущего коня, чье исходное значение ‘ржущий (конь)’ удобно для названия боевого коня³⁰². Появляется возможность связать воедино *орь, оревнтъин, ореватн, оревина* и междометие *ор-ор-ор*, отгоняющее коня. В таком случае все слова соотносятся с **orati II* ‘кричать, горланить’, тем более, что между **orati (se) I* ‘пахать’ и **orati II* не установлена какая-нибудь связь³⁰³. Нельзя забывать также, что скотоводство было слабо развито у древних восточных славян³⁰⁴, что делает связь *орь* с **orati (se) I* ‘пахать’ еще более слабой. Так или иначе, но в слове *орь* в переводе ХГА следует видеть архаизм праславянского периода.

ΟΧΟΔΖ: (276) η βροδλσχοу коневн в тннѣ оугразе, βοδεν бѣ въ ѡχѣ η в ведрοу 556,8–9 – διαπερών, τοῦ ἵππου αὐτοῦ ἐν τῇ ἰλίῃ ἐμπαγέντος, τιτρώσκεται κατὰ τῆς ἔδρας καὶ τοῦ μηροῦ В. 51,5–7;

(277) оумре, зане ырво ѡходомь не ндаше 154,25–26 – ἀπέθανε δυσεντερικῶς В. 215,10;

(278) оумретъ, занеже ѡмочу ырво ѡходомь не нсхожаше (нсхожаше Е², нсхождаше С³⁰⁵) 405,14–15 – ἀπέθανε δυσεντερικῶς В. 616,6;

(279) оумре (оумреть ПСЛУН), занеже ѡмочу ырво ѡходомь не нсхожаше (нсхожаше СЛУВУНЧЕ², нсхожаше С³⁰⁶) 406,13 – ἀπέθανε δυσεντερικῶς В. 617,18;

(280) по всемоу тѣлоу η по алицу, η в ѡходѣ беспрестанн стртн (стртъ ПБСЛУВУНЧ) 216,3–4 – τῆς ἐπιφανείας ὅλης καὶ κόλου συνεχεῖς ἀλγῆδόνες В. 310,6–7;

³⁰¹ ЭССЯ 32: 229–230.

³⁰² ЭССЯ 10: 177; Трубачев III: 330–331.

³⁰³ ЭССЯ 32: 106–109; 109–110.

³⁰⁴ Станков 2005б: 311–312.

³⁰⁵ Матвеевко, Щеголева I/2: 257, примеч. 18 к с. 618.

³⁰⁶ Матвеевко, Щеголева I/2: 258, примеч. 1 к с. 620.

(281) *WBALLNBHSH CA B KALLB H OYCTY ETO BZ YPEBO BHEДHSH H PACTPЗГHOYBHH, CKOPO HCHOдHHTЬ WXOдOMZ ETO 429,14–15 – eίς πηλὸν ἐγκυλισαμένη καὶ διὰ τοῦ στόματος αὐτοῦ πρὸς τὴν γαστέρα χωροῦσα καὶ ταύτην διαρρήξασα θάπτων ἐξέρχεται διὰ τῆς ἐδρας* Б. 658,13–16.

Значение слова определяется как ‘задний проход’. Лавров отметил его наличие в чешском и русском языках в этом значении (с. 476). В (277, 278, 279) выражение *YPEBO HMOY* не *HCXOЖДАШE* (*HдЯШE*) переводит греч. *δυσεντερικῶς*, а семантика *OXOДЗ* занимает промежуточное место между конкретным значением и значением отглагольного существительного, что отражено в переводе на русский язык этих текстов: (277) ‘умер из-за того, что (из) чрева у него отходом не шло’, (278) ‘умер, потому что у него чрево отходом не шло’, (279) ‘умер, так как у него чрево отходом не шло’³⁰⁷. Ср. перевод (280): ‘по всему телу и по лицу, и в выходе непрерывные боли’³⁰⁸. Учитывая то обстоятельство, что в древнеболгарских памятниках уже встречаются вперемешку формы типа *OXOД-* и *OTЗХОД-*³⁰⁹ (в праславянском оба варианта восстанавливаются в виде **otъход-*³¹⁰), можно сказать, что семантика *OXOДЗ* в (277, 278, 279) сближается с болг. *отходно място* ‘туалет’. Как раз в этих примерах дважды употреблен глагол *HCXOЖДАТИ*, ср. болг. *изхождам се* ‘испражняться’. В этих примерах заметна еще одна древнеболгарская (болгарская) особенность: дательный посессивный в сочетании *YPEBO HMOY*. И хотя слово *OXOДЗ* в этом виде и в этом значении отсутствует в современном болгарском языке, не видно причин исключать его из состава древнеболгарского лексикона. *OXOДЗ* в указанном значении известно еще из списка *Толковой Палеи* 1406 г. (л. 22а4; л. 69б10)³¹¹. Правда, о *Толковой Палеи* спорят относительно того, где и когда она возникла; на наш взгляд, мысль о русском происхождении этого памятника несостоятельна³¹².

ПАЗЪ ‘солея’ (повышенная часть пола в церкви перед алтарной частью): (282) *BJTBHНH CTOЛПOBE H ПАЗOBE HPEKOMHН, TAKO WЛTAPEBE ЦPKBHY ZAGRАЖAYOTЬ (PАЗPРAЖAYOTЬ ППБСП, PАЗДPРAЖAYOTЬ УВЧ) ЖPЗТВЕНЦOY 494,29–495,1 – οἱ τε θεῖοι κίονες καὶ αἱ σολῖαι καλούμεναι, ἃ τὸ σεβάσμιον τοῦ ἱεροῦ διατειχίζουσι θυσιαστήριον* Б. 787,1–2.

Лавров, указывая на данное слово, просто добавил ‘и в чеш[ском] яз[ыке]’ (с. 477). Слово известно большинству современных языков, за исключением болгарского, сербского и хорватского³¹³. В словаре

³⁰⁷ Матвеевко, Щеголева 2000: 136, 324, 325.

³⁰⁸ Матвеевко, Щеголева 2000: 181.

³⁰⁹ СС: 437–438; SJS II: 630.

³¹⁰ См.: **otъходiti*, **otъходъ*, **otъходьнъ* (*iv*) (ЭССЯ 37: 7–13).

³¹¹ Палея № 38 Троице-Сергиевой Лавры на сайте: <www.stsl.ru>; СДЯ VI: 320–321.

³¹² Станков 2010.

³¹³ Фасмер III: 189.

И. И. Срезневского дано только значение слова (желобовина, выдолбленная в бревне или доске для укрепления с другим бревном или доской) без примеров³¹⁴. Это значение закреплено за словом во всех славянских языках, где оно имеется (оставляем в стороне отдельные расхождения и нюансы). Употребление *пазъ* уникально по отношению к средневековым текстам (другого такого случая пока нет) и по отношению к языкам, сохранившим данное слово. Что касается чеш. *paz*, то Лавров допустил серьезную ошибку, так как В. Махек относит данное слово к заимствованиям из русского языка³¹⁵. Пусть сторонники древнерусского происхождения перевода ХГА подавят в себе радостные восклицания. В (282) отражена морфологическая особенность, позволяющая включить *пазъ* в древнеболгарский лексикон, а именно, – окончание *-ове* (из **й-основ*) для слов м. р.: *столпове*, *пазове*, *валтареве*. В современном болгарском языке это окончание распространяется на односложные слова м. р., ставшие односложными после выпадения редуцированных. К. Мирчев считает, что в редких случаях это окончание встречается при многосложных словах³¹⁶ (ср. выше *валтареве*), другие авторы говорят об обобщении окончания *-ове* для слов м. р.³¹⁷ Гораздо более существенно то, что с XII в. появляются новые формы мн. ч., основой которых является форма на *-ове*³¹⁸. Это говорит о том, что процесс распространения окончания *-ове* на слова м. р. других основ шел уже в позднюю древнеболгарскую эпоху. Для большей убедительности приведем примеры из ХГА: *въсьове* 67,29; 92,14; 306,1 (но *въсн* 92,13); *гръзнове* 195,3; *днове* 284,7; *слонове* 49,20; 299,16; *столпове* 194,2. Там, где окончание было мягким, появляется вариант *-еве*³¹⁹: *врачеве* 72,17; 145,2; *дъжеве* (вм. *дъждеве*) 65,19; *Кесареве* 205,3; *мочукареве* 186,9. Окончание *-ове* отмечено однажды и в иноязычной топонимике: *Троупове* 522,28 (*αι Τροπαί* В. 21,4). В современном чешском окончание *-ově* очень употребительно, но активно распространяется в именном склонении рядом с окончанием *-i* в период национального возрождения, т.е. в последнюю четверть XVIII в. и в начале XIX в. До этого окончание имело сильно архаическую окраску³²⁰.

И одно текстологическое замечание. В (282) первичным является чтение *разгражають* в ППБСП (с ж вм. жд на русской почве), так как слово буквально отражает структуру греч. *διατεχίζω* ‘перегораживать, отделять стеной’. Впоследствии ошибку переводчика (*разграждають* означает ‘разрушать

³¹⁴ Срезневский II: 862.

³¹⁵ Machek 1971: 439.

³¹⁶ Мирчев 1978: 163.

³¹⁷ Тотоманова 2009: 64–65.

³¹⁸ Мирчев 1978: 163.

³¹⁹ Это окончание и по сей день употребительно в болгарских говорах. Ср. литературное *ножове* ‘ножи’ и диал. (юго-запад) *ножеве*, *ключове* и *ключеве* и т.д. (Стойков 1993: 149).

³²⁰ Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: 142.

(какое-нибудь строение)’) исправили на *zagržadati* ‘перегораживать’, ср. болг. *разграждам* и *заграждам* с теми же значениями. *Razgržadati* в (282) из *zagržadati* не поддается объяснению.

ПАЖУНН ‘паучий’: (283) *яко красна* (красна ППБУВУНЧ) *паоуѣа* (паоуѣа СпУВЧ) *ткоуѣтъ* 52,26–27 – *ἀλλ’ ὄντως ἰστὸν ἀράχνης ὑφαίνουσιν* Б 43,6–7;

(284) *янца аспидова нзвергоша* и *красна паоуѣа* *ткоуѣтъ* 110,3 – *ὡὰ ἀσπίδων ἔρρηξαν καὶ ἰστὸν ἀράχνης ὑφαίνουσιν* Б. 140,23–24.

К данному слову Лавров добавил: „ср. в чеш. *panviči příže* у Котта, также у Бернолака“ (с. 477). Причем тут чешский язык, совершенно непонятно, когда речь идет о прилагательном от слова *пажкъ* (с заменой *ж* на *у* на русской почве)? Ср. *пажунна* и *пажунн* в древнеболгарских памятниках и в текстах, восходящих к древнеболгарской письменной традиции³²¹, ср. также болг. *паячина* и *паяжина* с их вариантами³²².

ПНСКОУПЪ ‘епископ’ и ПНСКОУПЪСТВОВАТИ ‘быть епископом’: (285) *поставити сѧ пнскоупоу* (епнскаѣп S-Сп) *въ странѣ на* 369,7 – *τῷ ἔθνει αὐτῆς χειροτονηθεὶ ἐπίσκοπος* Б. 555,8–9;

(286) *Ἰωάννου Ζαλοуφетому пнскоупъствоуѣоу* (епнскаѣпъствоуѣоу S-Сп, епнж Сп) 396,7–8 – *Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου ἐπισκοποῦντος* Б. 599,13.

Лавров считает, что *пнскоупъ* „переходило к южным славянам и нам, можно думать через посредство чешско-моравской среды“ (с. 477). Довольно странное мнение. В чешском языке есть только *biskup* ‘епископ’, заимствованное из немецкого³²³. Слово *пнскоупъ* имеет совершенно другую историю и никоим образом не связано с чешским языком. Лавров мог и не знать эту историю, но при наличии в чешском только *biskup* (явного германского заимствования, хотя и греческого происхождения), утверждение, что *пнскоупъ* чешско-моравское слово, не может не вызывать удивления. *Пнскоупъ* появилось в древнеболгарской книжности в результате непосредственных контактов между болгарским и греческим языками. Аферезис начального безударного греч. *ε-* известное явление (ср. *Αἰγύπτιος* – *гюптин*, *ἐπίσκοπος* > *πίσκοπος* > *пископ* и т.д.)³²⁴. Переход [o] > [u] – результат редукции, наблюдающейся как в болгарских, так и в северных говорах греческого языка³²⁵. В болгарском и поныне существуют варианты *пископ*, *пискуп* ‘епископ’, последний объясняется влиянием именно северногреческих говоров³²⁶. Кстати, о том, что форма

³²¹ СС: 444; SJS III: 24; Срезневский II: 890.

³²² БЕР V: 120–121; 122.

³²³ Machek 1971: 54; см. также: Фасмер I: 168, *бискуп*.

³²⁴ Дзидзилис 1990: 15–16.

³²⁵ Дзидзилис 1990: 29.

³²⁶ БЕР V: 261.

пнскоупъ связана с влиянием народного греческого языка писал еще А. Вайан³²⁷.

Тут полезно еще раз напомнить, что влияние греческого языка на ДЯ и древнеболгарскую книжность шло двумя путями: книжным и разговорным. Поэтому мысль об элитарности „круга активных носителей“ „старославянского“ языка (т.е. ДЯ)³²⁸ – слишком умозрительна, чтобы она отображала бы действительность и чтобы с ней можно было бы согласиться. Сие лишний раз показывает важность правильного определения первого литературного языка славян.

ПЛЮШТА мн. ‘легкие; внутренности’: (287) оустръвленъ по средь препонъ (полонъ ПСПУВЧ) и плюшь (ключъ ПСП, плечь ПБ) 178,21 – τοξευθεῖς ἀνά μέσον τοῦ θώρακος καὶ τοῦ πνεύμονος Б.254,2–3.

Лавров считает, что слово было непонятно переписчикам, что видно из разночтений ключъ, плечь. Автор отметил наличие данного слова в СР, *Шестодневе* Иоанна Экзарха Болгарского и други памятниках³²⁹, указал на языки, сохранившие его, подчеркнув отсутствие его в болгарском (с. 477–478). Выходит, Иоанн Экзарх и не подозревал, что употребил чешское или словацкое слово. Чешское и словацкие слова (*pluce* или *pluče, plíce, pluca*) формально не соответствуют варианту в ХГА. Очевидно для Лаврова расхождение в звуках ([с], [č]) мелочь, но как раз это указывает на то, что чешский язык тут ни при чем, а заодно демонстрирует и порочность такого подхода к проблеме выяснения происхождения перевода ХГА. Ведь в СР зафиксирована форма плюшта (шт < *tj), отражающая живое болгарское произношение того времени. В ХГА мы имеем дело с простой русификацией древнеболгарского плюшта или плюшта из *pljutja или *plutja³³⁰. Лишний пример того, что поздние списки ХГА восходят к позднему древнеболгарскому протографу через ранние древнерусские списки, заменявшие шт, щ (из *tj, *kt') на ѣ, жд (из *dj) на ж. Остается неясной форма ключъ в некоторых списках ХГА. В *Толковой Палее* 1406 г. на л. 31а17 находим форму ключамн, определенную первоначально как ‘струя (?)’³³¹, впоследствии толкование исправлено на мн. ‘легкие’³³².

ПОВОЗЪНЪИ ‘относящийся к вознице’. См. здесь (213) и комментарий к нему. Заметим, что тексты, фиксирующие *povozní, povozný*, на которые ссылается Лавров, относятся ко второй половине XVI в. (с. 478).

³²⁷ Вайан 1952: 65.

³²⁸ Ефимова 2006: 8.

³²⁹ СС: 452; SJS III: 60; Срезневский II: 978; Miklosich: 575.

³³⁰ Kott II: 588–589; Фасмер III: 290; Skok II: 690; Махек 1971: 460, *pluta*.

³³¹ СДЯ IV: 226.

³³² СДЯ V: 632.

ПОГОНЪ ‘погоня, преследование’: (288) Ημερίν, сна ουβѣдѣвъ, на на нде погономъ (погономъ E²) 535,24–25 – ὁ δὲ Ἰμέριος, ταῦτα διεγνώκως, πρὸς τὴν κατ’ αὐτῶν διανίσταται δίωξιν В. 32,34–35.

Лавров ссылается на чеш. м. р. *půhon* ‘поспешность’, на юридические термины *róhon*, *půhon* ‘вызов в суд’ вместе с упором на то, что в остальных языках подобные образования относятся к категории ж. р. (с. 478). У Миклошича³³³ дано чеш. *půhon* ‘jagdviev (т.е. охотничье угодье)’, ср. болг. *погон* ‘мера земной поверхности’. Слово *погонъ* отглагольное образование, относящееся к *погонити* так, как *гонъ* относится к *гонити*³³⁴. Древнее *гонъ* ‘погоня’ сохранилось в болгарском в выражении *гон да гони, лов да лови*³³⁵, ср. болг. *погна* ‘погнать(ся), начать преследовать’. При наличии *погонити* в СР, хотя и в несколько ином, но все же близком, значении (‘проследивать’ или ‘следить, разбирать’³³⁶), не видно причин считать *погонъ* чешским словом в переводе ХГА.

ПОПРЬСЬЦЬ ‘пояс, поясок, опояска’ (здесь как архитектурный орнамент): (289) η на λѣпотоу мѣданы оброчѣн прекова η мнози поперьци 339,22 – αἱ πρὸς διακόσμησιν καὶ εὐπρέπειαν αὐτοῦ χαλκαὶ ζῶναι καὶ οἱ πλείστοι λῶροι В. 501,1–2.

Данное слово, по-видимому, является гапаксом: словари цитируют только контекст из ХГА³³⁷. В СлРЯ его значение определено как ‘апсида’, что неточно, так как речь идет о колонне, столпе; греч. *λῶρος* означает ‘пояс, ремень’ и ‘свод, арка’³³⁸. Лавров отметил сравнение И. И. Срезневского со словом *пърн* (пърн), параллельно приведя чеш. *poprsí* (с. 478). И. И. Срезневский, может быть, имел в виду *пърн* как обозначение части городских укреплений Пскова, а не *пърн* (пърн) в смысле ‘грудь’, хотя это по всей вероятности два значения одного и того же слова³³⁹. Исходя из семантики *попрьсьць*, трудно допустить, что оно является образованием от чеш. *poprsí* ‘бюст, женская грудь’³⁴⁰, как полагает Лавров. В чешском слове элемент *po-* является избыточным, поскольку *пърн* означает именно ‘грудь’. Значение лица у суффикса *-ьць* реализуется как с глагольными, так и с адъективными основами³⁴¹. Гораздо реже суффикс *-ьць* сочетается с основами существительного, реализуя значение деминутивности, например, *дыакъ* –

³³³ Miklosich: 589.

³³⁴ Варбот 1969: 21, 32.

³³⁵ БЕР I: 263.

³³⁶ СС: 458; SJS III: 82.

³³⁷ Срезневский II: 1204; СДЯ VII: 207; СлРЯ 17: 82.

³³⁸ Liddell, Scott: 1069.

³³⁹ Фасмер III: 245.

³⁴⁰ У Котта значение слова определено как ‘бюст (скульптура)’ (Kott II, 760); еще он приводит значение ‘рубашка’ (Kott VII: 358).

³⁴¹ Цейтлин 1977: 107–116; 1986а: 156–163; Варбот 1969: 82.

дьячьць³⁴². Значение уменьшительности присутствует и в словах типа младеньць³⁴³. Возможно, и в побрьсьць значение суффикса деминутивное. В данном контексте, (289), побрьсьць сходно с поясць, сходство семантическое, но отчасти и структурное: по-брьсьць – по-ясць (< *po-jasъ), разница в том, что поясць отглагольное образование из **po-jasati*³⁴⁴. Среди родственных слов *jasati следует отметить лит. *juosmiū* ‘бедро, пояс’. Вопрос в том, как образовано слово: прысьн > прысьць или словосочетание по прысьмъ > побрьсьць. Ввиду отсутствия *прысьць первая возможность выглядит сомнительной. Вторая возможность предполагает большую частотность словосочетания, что трудно поддается верификации (ср. волъхъз н по прысьмъз выахъз св, ССб л. 239в14–15³⁴⁵, обычно в этом контексте используется предлог въ). Вряд ли побрьсьць может быть чешским образованием, так как для чешского языка деминутивы с -ць нетипичны³⁴⁶.

ПОСВѢТЪ ‘шестивие со светильниками’: (290) οφσρρѣте н сѣ свѣтлымъ (+свѣтѣ СпУвЧ) посѣвѣтѣ (посѣвѣтомъ Е²) 569,13–14 – ὑπήντησεν αὐτῷ μετὰ λαμπρᾶς φωταγωγίας В. 63,1;

(291) Болгарскомоу (воларскомоу Сп, воларскомоу УвЧ, влзгарскому Е²) ѣнноу всемоу предшествоующюу, н посѣвѣтѣ (посовѣтъ Е²) велню предидоущюу 569,18–19 – τῆς συγκλήτου πάσης προπορευομένης καὶ φωταγωγίας μεγίστης προαγωγύσης В. 63,6–7.

Лавров приводит устаревшее чеш. *posvět* ‘что служит для освещения; свет’³⁴⁷, указывает на словен. *posvet* ‘lucerna’ в словаре Миклошича³⁴⁸; далее: „У Срезневского³⁴⁹ пример еще из Ефремов. Кромчей и Устюж. грам., но в последней в выражении на посѣвѣтъ св. Богородици, значит в церковном употреблении“ (с. 478). Может быть, ЕК тоже перевел чех? Посѣвѣтъ в ЕК определено как ‘освещение’, а в СлРЯ – как ‘возжигание свечей, светильников’³⁵⁰. Последнее основано на греч. *λυχνοκαΐα* ‘возжигание светильников’ и на разночтении в Рязанской Кормчей, соответствующем греческому слову. Посѣвѣтъ отглагольное образование от посѣвѣтити, глагол известен из

³⁴² Станков 2005б: 321.

³⁴³ Цейтлин 1977: 111; 1986а: 163.

³⁴⁴ Фасмер III: 351.

³⁴⁵ ССб I: 672; Срезневский II: 1770.

³⁴⁶ Вендина 1988а: 203; для западнославянских языков деминутивные суффиксы с элементом -с- нетипичны, хотя отдельные слова среднего рода встречаются: *brdce* ‘холмик’, *slovce* устар. ‘слово, словечко’. Важно отметить, что вывод Вендиной основывается на диалектном материале. Указанные деминутивы с элементом -с- в чешском, возможно, результат иноязычного влияния.

³⁴⁷ Kott II: 802; Kott VII: 377.

³⁴⁸ Miklosich: 633.

³⁴⁹ Срезневский II: 1232.

³⁵⁰ СлРЯ 17: 156.

летописи и Минеи Михановича XVI в.³⁵¹ СлРЯ точнее определяет значение *посвѣтъъ*, в котором больше глагольной семантики, нежели в чеш. *posvět*. В ХГА *посвѣтъъ* переводит *φωταγωγία* ‘шествие со светильниками’. Не видно, каким образом чешское слово могло породить такое употребление. В болгарском нет *посвет*, но есть глаголы *посвѣтя*, *посвѣтна*, *посвѣтвам*.

ПРН СНЛЪ: (292) *моуѣъ прн снлѣ нарочѣ* 546,1 – *ἀνὴρ ἐπὶ ρώμῃ ὀνομαστότατος* В. 42,21.

Лавров пишет: „ср. то же выражение *při sile* у Котта³⁵² и у Бернолака“ (с. 478). Ну и что? ПРН СНЛЪ в ХГА просто буквальный перевод греч. *ἐπὶ ρώμῃ*; ср. ПРН с местн. падежом и *ἐπί*³⁵³, *ρώμῃ* ‘сила’.

ПРНГАСНТН (?) ‘притушить, потушить; ослабить, убавить’: (293) *не-домышленнѣ его нн прнглашѣно (!) вѣи* 158,8 – *ἡ ἀπόνοια οὐδὲ ἀπεσβέσθη* В. 220,20.

Во всех списках, видимо, читается *прнглашѣно*, в издании В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголевой также нет указаний на какие-либо варианты в других списках ХГА. Форма *прнгаснтн* восстанавливается на основании греч. *ἀπεσβέσθη* (от *ἀποσβέννυμι*)³⁵⁴.

Лавров ссылается на чеш. *přihasiti* ‘потушить’ вместе с указанием и на рус. *пригасить* в словаре Даля³⁵⁵ (с. 478). Однако у нас нет уверенности в том, что восстановление Истрина (*прнгаснтн*) верна: СДЯ выводит форму страд. прич. прош. *прнгашѣнъ*, которая возможна как от *прнгаснтн*, так и от *прнгашатн*. В ХГА глагол *прнгашатн* зафиксирован: (294) *прнгашашѣ* (*прогашашѣ* Сп, *прогашашѣ* УВУНЧ, *прнгошашѣ* С, *прнгадшѣ* Е²) *огнь* 389,19 – *ἐσβέννυτο τὸ πῦρ* В. 588,3. Правда, восстановление инфинитивной формы несколько спорно, так как в ДЯ имперфект мог образовываться, хотя и в редких случаях, от глаголов совершенного вида, т.е. теоретически здесь возможен инфинитив *прнгаснтн*. Все же восстановление Истрина, которой без сомнения воспользовался Лавров, скорее всего, неточна. Греч. *ἀποσβέννυμι* в (293) и *σβέννυμι* в (294) переведены еще глаголами *погаснтн* (559,4), *оугашатн* (66,9), *оугаснѣтн* (259,10; 424,19). При таком разнообразии приставок вполне естественно использование приставки *прн-* в переводе ХГА, и незачем в этом видеть влияние чешского языка, особенно если иметь в виду, что в переводе использован глагол *прнгашатн*, а не, скажем, *пшнхаснтн. Предполагая чешское влияние на язык перевода ХГА, следовало бы ожидать, что это влияние оставило бы следы и на орфографическом уровне. Ничего подобного, однако, не наблюдается. Все слова, на которые указывает Лавров,

³⁵¹ Срезневский II: 1232; Miklosich: 633.

³⁵² Kott III: 345; *při sile a zdraví býti*.

³⁵³ СС: 499; SJS III: 254–255.

³⁵⁴ Истрин II: 254.

³⁵⁵ Даль III: 419.

в чешском звучат по-другому и пишутся по-другому, чем их соответствия в переводе ХГА. Такое понимание Лаврова связано с представлениями о первом литературном языке славян и с терминологией его обозначения. К этому вопросу мы еще вернемся.

ПРНМОСТЪ ‘помост; лестница’, ‘пристань’: (295) οὗ πρηνμοστα οὗ Πηγίν-
наγο, οὗ κρασньв ю запоны шелковымн (шелковына СПУВ), οὗ τογο πρηνμοστα црва
лодна 562,3–5 – ἐν τῇ τῶν Πηγῶν ἀποβάθρα περικοσμήσας αὐτὴν ὑφάσματος
σηρικοῖς, παρ’ αὐτῇ τῇ ἀποβάθρα τοῦ βασιλικοῦ δρόμωνος В. 56,17–18;

(296) прншѣ къ прнмостоу, Семена вжндаше. егда талн ѿ обою странюу по-
ятн выша, н прнмостъ Блѣгаромъ негово испытавшемъ 558,19–21 – ἐν τῇ ...
ἀποβάθρα καταλαβὼν, τὸν Συμεὼν ἐξεδέχετο. ἐπεὶ δὲ ὄμηροι ἐξ ἀμφοτέρων
ἐλήφθησαν τῶν μερῶν, καὶ τὴν ἀποβάθραν οἱ Βούλγαροι διηρευνήσαντο
ἀκριβῶς В. 53,12–14;

(297) двѣ кры (корѣ Сп, крѣ УвЧ) ѿрѣгши сѧ прнрзнетѧ сѧ едина къ
прнмостоу Кросоуполскомоу 479,7–8 – δύο προσραγέντων, τὸ μὲν τῇ σκάλα τῆς
Χρυσοπόλεως В. 759,9–10;

(298) въ Козмндского брега (грова СПУВ), оустрон твердын прнмостъ в морн
557,26–27 – ἐν τῷ τοῦ Κοσμηδίου αἰγαλῶ, κατεσκευάσεν ὀχυρωτάτην ἐν τῇ
θαλάσση ἀπόβασιν В. 52,20–21.

Лавров указал на чеш. *přimostek*³⁵⁶, не обратив внимания на то, что в чешском нет *přimost* м. р.³⁵⁷ (с. 478), т.е. данное чешское слово может и не восходить к производящему слову м. р.; ср. *přimorek*, образованное скорее от слова ср. р. *přimoř*³⁵⁸. ПРНМОСТЪ переводит ἀποβάθρα, ἀποβάσις, σκάλη. В (295) и (296) слово должно означать ‘помост’, деревянное сооружение, где осенью 924 г. встретились Симеон и византийский император Роман Лакапин³⁵⁹. В (298) ПРНМОСТЪ, возможно, означает ‘пристань’, по определению Срезневского³⁶⁰, а в (297) – нечто вроде лестницы.

ПРНМРАУЪНЪИ ‘мрачный, темный’: (299) ѿблѧкъ прнмрауѧн на горѣ
Снвнѣтъѧн (сннанѣтъѧн ППБУВУНЧ³⁶¹) 96,12 – νεφέλη γυφώδης ἐπ’ ὄρους
Σινᾶ В. 118,24.

Лавров указывает на чеш. *přimrak* ‘сумрак’, *přimračiti* ‘темнеть’ (с. 477). Ср., однако, ПРНМРАКЪ в древних памятниках, среди которых и Слово Иоанна Экзарха Болгарского на Вознесение³⁶². Иоанн Экзарх и не подозревал, что

³⁵⁶ *Přimostek* ‘Nebenbrücke, Seitenbrücke’ (Котт II: 1055).

³⁵⁷ *Přimost* ж. ‘прямота’ восходит к прѣмъ. (там же).

³⁵⁸ Котт II: 1054.

³⁵⁹ Runciman 1930: 169–170; Рънсимап 1993: 135–136; Острогорски 1998: 354.

³⁶⁰ Срезневский II: 1431.

³⁶¹ Заметим, что Тр в очередной раз дает вторичное чтение. О текстологии перевода ХГА см.: Станков 2010–2011; Станков 2012а.

³⁶² СС: 507; SJS III: 289; Срезневский II: 1431–1432; СДЯ цитирует только *Огласительные поучения* Феодора Студита по сп. XIV в (VIII: 501).

употребил „чешское“ слово, которое известно еще из *Синайской* и *Болонской Псалтири*, а также и из Огласительных поучений Феодора Студита³⁶³, ср. болг. *примрак* ‘поздно вечером’, ‘сумерки’³⁶⁴. Прнмрѣчьнзйн образование от прнмрѣкъ с суффиксом -ьнз, известно только из ХГА³⁶⁵. В чешском есть редко употребительное прилагательное *přimračený*, отглагольное образование от *přimračiti*³⁶⁶.

ПРНПЛАКАТН ‘оплакать’: (300) тоу же ѿць прнплакѣвь (прнплавъ E²), рѣ 571,22 – οἷς ἐπιδακρύσας ὁ πατήρ ἔφη· В. 65,3.

Лавров приводит чеш. *příplakati, příplakávati* вместе с призывом сравнить болг. *приплакѣвам, приплакуѣвам* у Герова (с. 478). На болг. *priplaka* указал еще Миклошич³⁶⁷. И. И. Срезневский приводит прнплакатн и из ПА³⁶⁸. При наличии всех эти данных возникает вопрос, к чему все эти ссылки на какие-то чешские слова?

ПРНПОДОБЛАТН СѦ ‘уподобляться’: (301) н ѿпаѣлѣсама ѣако многымъ лн малымъ плодомъ н члѣкомъ желаньно подобно раю нмѣннѣмъ (нмѣннѣ S) прнподобѣлѣть 181,21–22 – καὶ ὁποβάλασαμον ὅτι πλεῖστον, ἥτις δι’ ὀλίγων καρπῶν καὶ ἀνθρώποις ἐπιθυμητῶν εὖ μάλα τῷ παραδείσῳ ποσῶς παρεικάζεται Б. 258,18–20.

Лавров приводит несколько чешских глаголов (*připodobiti, připodobati, připodobívati, připodobovati, připodobnití, připodobnovati*), которые употребляются с *se*, и читаются в древних чешских памятниках и у чешских писателей (с. 478). Автор отметил еще, что глагол зафиксирован у Миклошича³⁶⁹, а у Срезневского – нет³⁷⁰.

Лавров, однако, ничего не сказал о том, что у Миклошича прнподобѣлѣть цитировано из Михановичева Пролога XVI в. Наверно, и Пролог является результатом вездесущего чешского переводчика. Лавров мог также заметить (коль скоро он цитирует такое количество чешских глаголов, большинство которых, кстати, формально не совпадает с глаголом в ХГА, за исключением *připodobiti*), что Миклошич цитирует еще и прнподобѣлѣтъ сѦ из СР³⁷¹, отличающийся от прнподобѣлѣтъ сѦ только своим видом. Очевидно, что чешские глаголы отношения к переводу ХГА не имеют.

³⁶³ СДЯ VIII: 501.

³⁶⁴ Геров IV: 279; БЕР IV: 279, *мрак*.

³⁶⁵ Срезневский II: 1432; СДЯ VIII: 501.

³⁶⁶ SSIČ IV: 640.

³⁶⁷ Miklosich: 676.

³⁶⁸ Срезневский II: 1444.

³⁶⁹ Miklosich: 676.

³⁷⁰ В СДЯ (VIII: 549) прнподобѣлѣтъ сѦ только из ХГА.

³⁷¹ См. также: СС: 509; SJS III: 300–301.

ПРНРННЖТН СА ‘броситься’: (302) мало же Ѡ въз лоднахъ нъзыша (нъзыша П³⁷², Е²) н к рѣцѣ глѣмѣн Коули (нет ПСпУВЧ³⁷³, кѣли Е²) прнрнноушѣ (прнрнноуша са ПЕ²)³⁷⁴ 568,7–8 – ὀλίγοι δὲ μετὰ τῶν πλοίων περισωθέντες καὶ ἐν τῇ τῆς Κοίλης παραπεσόντες ἀκτῇ В. 61,31–32.

Лавров приводит чеш. *přirnouti se* в Евангелии от Марка (с. 478). Рассматриваемый глагол сравнительно редкий³⁷⁵. В СР можно отметить бесприставочный глагол рннжтн са с тем же значением³⁷⁶. Приставочные глаголы с прн- переводят греческие приставочные образования с *παρα-* (прнвѣстн – *παράγω*; прнготовитн – *παρασκευάζω*; прннматн – *παραλαμβάνω*; прнлежатн – *παραίχειμαι* и т. д.), предлог прн также переводит *παρά*³⁷⁷.

Обращает на себя внимание более свободный перевод греческого текста в (302): ἐν τῇ τῆς Κοίλης παραπεσόντες ἀκτῇ ‘в (реку) Келу крутым берегом упавших’ – к рѣцѣ глѣмѣн Коули прнрнноушѣ ‘к реке, называемой Кела, бросились’. Редкий случай, когда предлог къ переводит ἐν; ср. в СР: къ мрътвѣимъ прнчнтаѣтъ са – ἐν νεκροῖς λογίζεται 459,15–16³⁷⁸. Поэтому необязательно связывать в ХГА с чеш. *přirnouti se* ‘устремиться’ (*zuströmen*)³⁷⁹.

ПРНСКОУНТН ‘подскочить’: (303) престоупника нарицающе н ѣко к чюжден прнскоунвша женѣ н прѣлюбодѣнца 540,26–27 – ἐπιβάτην ἀποκαλοῦντες καὶ μοιχόν καὶ ἀλλοτρίᾳ ἐπιδημήσαντα γυναικί. В. 37,28–29. На наш взгляд, текст слегка искажен: *прѣстѣпника нарицающе н прѣлюбодѣнца ѣко къ чюжден прнскочнвша женѣ.

Лавров приводит чеш. *přiskočiti* вместе с указанием на то, что глагол зафиксирован и в СР³⁸⁰ (с. 478). Прнскоунтн известен также из других текстов, имеющих отношение к древнеболгарской письменности³⁸¹.

ПРНСѢКНВАТН ‘приколачивать, прибивать, пригвозждать’: (304) ѡвѣ (ѡвѣхъ Сп) распнахоу, нны же к землн прнсѣкнвахоу 567,28–29 – τοὺς μὲν ἀνεσταύρουσιν, τοὺς δὲ τῇ γῆ προσεπαττάλευον В. 61,20–21.

Лавров ссылается на чеш. *přisekati, přisekávati* (с. 479). Прнсѣкнватн по структуре и семантике совпадает с греч. *προσπατταλεύω* (-*πασσαλεύω*) ‘приколачивать, пригвозждать’. Специфическое значение прнсѣкнватн

³⁷² Разночтение не указано Истриным.

³⁷³ В издании Истрина нет указания на отсутствие названия реки в П.

³⁷⁴ Разночтение в П не отмечено в издании.

³⁷⁵ Срезневский II: 1451; Miklosich: 678; СЛРЯ 19: 26.

³⁷⁶ СС: 582; SJS III: 639.

³⁷⁷ СС: 499; SJS III: 254.

³⁷⁸ Супр. II: 379; SJS II: 87, къ.

³⁷⁹ Kott II: 1074.

³⁸⁰ СС: 510; SJS III: 304.

³⁸¹ Срезневский II: 1455; Miklosich: 679; СДЯ VIII: 560.

объясняется значением съкнѣти ‘ужалить’³⁸², съкнѣзѣти ‘способный жалить’. Приставочные глаголы с прн- переводят греческие образования с прос- (прнѣлѣжѣти сѣ, прнѣлѣжѣти сѣ – προσεγγίζω, προσέρχομαι; прнѣзѣжѣти, прнѣзѣжѣти – προσγιγνομαι; прнѣзѣжѣти, прнѣзѣжѣти – προσφεύγω и т.д.); предлог прн переводит πρὸς³⁸³. И в этом случае не видно оснований считать, что рассматриваемый глагол в ХГА имеет отношение к чешскому языку.

ПРНѢЖЗА ‘перевязь, повязка’: (305) н не бѣ (вѣ S) како (тако СПУВЧ) врачѣба (вальство S) прнлѣжѣти нн ѡлѣба нн прнѡѣзѣ (прнѡлѣзѣ Пб, прнѡлѣзѣ Кб³⁸⁴) 214,20–21 – οὐκ ἦν μάλαγμα ἐπιθεῖναι οὔτε ἔλαιον οὔτε καταδέσμους Б. 307,15–16.

Лавров приводит какие-то чешские слова (*přibuzný, přívuzný, přívuznost*³⁸⁵), которые вряд ли имеют прямое отношение к переводу ХГА, поскольку все они производные (с. 479). ПРНѢЖЗА структурно и семантически соответствует греч. *κατάδεσμος* ‘перевязь, повязка’; ср. жѣ в древнеболгарских памятниках³⁸⁶ (болг. диал. *вѣза*) вместе с приставочными образованиями на прн-, переводящими греческие образования на *κατα-* (прнѣзѣжѣти, прнѣзѣжѣти – *καταφεύγω*; прнѣзѣжѣти – *καταφυγή*; прнѣлѣжѣти – *καθέλκω* (*καθέλω*), *κατασύρω* и т.д.). Разночтение в Кб должно восходить к варианту прнѡлѣзѣ (ср. болг. диал. *вѣза* из *жѣ*). Первичным в (305) должно быть чтение вальство³⁸⁷.

ПРОПОУСТНѢТИ СѦ: (306) н-шедѣ на поле пропоустѣти сѣ на конн, конп-но спадѣ сѣ (падѣ сѣ S-Сп, пад, спадѣ Сп³⁸⁸) с конѡ, оумре 398,24–25 – καὶ ἐξελθὼν ἵππασθῆναι ἐν τῷ Κάμπῳ καὶ συμπεσὼν τῷ ἵππῳ ἐτελεύτησεν Б. 604,9–10.

Текст здесь, возможно, испорчен, что затрудняет точное определение значения слова. Ожидалась бы инфинитивная форма как перевод греческого пассивного аористного инфинитива *ἵππασθῆναι* (В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева предполагают *прнпоустѣти сѣ³⁸⁹). Вместо этого в тексте стоит аористная форма. При инфинитивной форме в тексте ее значение было бы ‘прокатиться’; ср. перевод на русский язык: „И вышел покататься

³⁸² SJS IV: 383 (Паримейник Григоровича); Срезневский III: 891.

³⁸³ СС: 499.

³⁸⁴ Матвеевко, Щеголева I/2: 134, примеч. 5 к с. 353.

³⁸⁵ Kott II: 1005–1006, 1119. Слова *přibuzný, přívuznost* определены как устаревшие и толкуются через *přibuzný* ‘родственный’ (*verwandt*), *přibuznost* ‘родство’.

³⁸⁶ СС: 805; SJS IV: 1012–1013; СтБР II: 1278–1279.

³⁸⁷ Станков 2003а: 380; так считают и В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева (I/2: 134, примеч. 4 к с. 353).

³⁸⁸ Матвеевко, Щеголева I/2: 254, примеч. 25 к с. 608; у Истрина отмечена только форма спадѣ.

³⁸⁹ Матвеевко, Щеголева I/2: 254, примеч. 24 к с. 608.

верхом на поле, <и> упав вместе с конем, умер³⁹⁰. Такое понимание не противоречит греч. *ἵππάζομαι* ‘ездить верхом’, ‘объезжать (на лошади)’. Аористная форма допускает толкование ‘помчался’, принятое И. И. Срезневским³⁹¹. Неясно также, какой глагол использован в переводе: *паѣтн са* или *сѣпаѣтн са* (оба со значением ‘пасть, упасть’). *Сѣпаѣтн са* структурно соответствует *συμπίπτω* ‘вместе падать’, но семантически расходится с греческим глаголом, ср. в СР: *сѣпадъшоу сѣ имоу сѣ коню* – *πεσεῖν* 221,28³⁹². Как видно, в *сѣпаѣтн са* отсутствует значение совместности, выраженное префиксом *сун-* (*сум-*) в греческом. Значение префикса передано наречием *коупно*, которое, однако, требует творительного падежа, а в тексте стоит родительный (с *коню*). Оба глагола древние и засвидетельствованы в классических древнеболгарских памятниках³⁹³, так что каждый из них возможен в указанном контексте. Несогласование (*сѣ коню* вм. *сѣ конюмь*), скорее всего, произошло при переводе под влиянием глагольных форм (*падъ са* или *сѣпадъ са*), требующих родительного падежа.

Лавров некорректно переставляет выражения в переводе, делает упор на *пропучѣтнн са ... на поле*, сравнивая это последнее с чеш. *propustiti se kudy, kam (mořem... propustiti se)*³⁹⁴ (с. 479). Заметим, что возвратная форма не употребительна в чешском языке. Лавров ссылается на единичную иллюстрацию словаря Котта. Между тем речь идет о другом сочетании – *пропучѣтнн са на конн (!)*, переводящее греч. *ἵππασθῆναι*, а слова на поле переводят *ἐν τῷ Κάμπῳ* и синтаксически относятся к глаголу *нзтнн* (*н-шедъ* – *καὶ ἐξελθῶν*). Видно, что чешский глагол не совпадает с глаголом в ХГА. При большой употребительности бесприставочного *пучѣтнн са*, от которого образовано много приставочных форм, встречающихся в древних текстах, можно и не связывать *пропучѣтнн са* в ХГА с чеш. *propustiti se*. Чтение *н-шедъ* результат гаплографии вм. *н шедъ*, это очередной пример ассимиляции по месту образования конечного [z] приставки *нз-*, характерной для ДЯ³⁹⁵.

ПЬСНІЄГЛАВЬЦЬ ‘человек с собачьей головой’: (307) *ацн же соу* (сѣ УВ³⁹⁶) *Югоуптаномъ пснѣглавцн* (*псѣглавцн* УВЧ³⁹⁷) *н змінноглавцн н веслнѣглавцн* (*веслѣглавцн* УВЧ³⁹⁸) 61,10–11 – *οἰοί εἰσιν οἱ παρ’ Αἰγυπτίοις κυνοκέφαλοι καὶ ὀφιοκέφαλοι καὶ ὄνοκέφαλοι* Б. 60,5–6.

³⁹⁰ Матвеевко, Щеголева 2000: 319.

³⁹¹ Срезневский II: 1559.

³⁹² Супр. I: 461; SJS IV: 320.

³⁹³ СС: 442, 664; SJS III: 17–18; IV: 320.

³⁹⁴ Kott II: 1167.

³⁹⁵ Граматика 1991: 125; см. также: Станков 2003б: 273.

³⁹⁶ Срезневский II: 1776, *пснѣглавьць*; в издании отсутствует.

³⁹⁷ На вариант в Ув указывает И. И. Срезневский, на вариант в Ч – В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева (I/2: 41, примеч. 27 к с. 158).

³⁹⁸ Срезневский II: 1775; Матвеевко, Щеголева I/2: 41, примеч. 28 к с. 158.

Лавров предлагает сравнить слово в ХГА с чеш. *psihlav, psihlavec* и *psohlavec* (с. 479). С тем же успехом можно указать на болг. *песоглав* и *песоглавец*. Последнее даже считается „народным“ (т.е. фольклорным словом)³⁹⁹. Слово образовано от *псын* и *глава* с соединительным гласным *е* и является простой калькой греч. *κυνοκέφαλος*. То же самое относится и к *змннноглавыць* и *ослннглавыць*, разница в том, что в первом использован соединительный гласный *о*. Ср. также сложное слово *пснаглавы* (сложение двух винительных форм *мн. ч.*) в Александрии: *вндѣхомъ же пснаглавы члкъ* (*вндѣхомъ же тоу н пснаглавы члкъ*)⁴⁰⁰ – *κυνοκεφάλους*⁴⁰¹.

Далее в поисках следов чешского влияния Лавров указал на три глагола с приставкой *раз-*: *РАЗМЪШЛНВАТИ*, *РАЗРАДНТИ*, *РАСЪКЪЗАТИ* (с. 479).

РАЗМЪШЛНВАТИ (РАЗМЪСЛНВАТИ) ‘обдумывать, размышлять’: (308) *доселъ (доколъ УвЧ) бо (себе УвЧ) размышлнвѣ хоташоу ти мысантн на ма 430,18–19 – ἕως ἄρτι γὰρ ὑπενόουν σε μέλλοντα νεωτερίζειν κατ’ ἐμοῦ В. 660,20–21.*

Истрин выразил колебание относительно исходной формы: при греч. *ὑπονοεῖν* стоит *размъслнвати*, а в славянском словнике – *размъшлнвати*⁴⁰². Образование от *размъслнтн* с суффиксом *-нвѣ* (*-ывѣ*), имеющим итеративное значение. Чеш. *rozmyšlívati*, на которое ссылается Лавров, формально (своим префиксом *roz-*) не соответствует глаголу в ХГА, поэтому его можно просто игнорировать, ведь чешское влияние в случае должно выразиться как раз в приставке (иначе как его можно выявить?). Заметим вскользь, что *роз-* не обязательно считать признаком влияния чешского или какого-либо другого языка, поскольку в СР встречаются отдельные случаи начального *ро-* (из **ort-*), объясненные как особенность некоторых болгарских говоров⁴⁰³.

РАЗРАДНТИ ‘расставить, распределить, организовать’: (309) *разраднвѣ полкъ ѿ каменна Телнца даже н до Халкндона 551,21–22 – διέστησε παρατάξεις ἀπὸ τῆς λιθίνης Δαμάλεως μέχρι Χαλκηδόνας В. 47,7–8.*

В чеш. *rozříditi*, указанное Лавровым, префикс формально не соответствует *раз-*; более того, в нем представлен другой корень: *радъ* (**rědъ*) должно дать в чешском *řád, říd-* – рефлекс корня **rěd-* (*рѣдъкъ*). В чешском есть *řád* и *řádití*⁴⁰⁴, но нет *rozřádati*. Видимо, Лаврова подвело то, что при *rozřediti* ‘делать редким’ (синоним *rozříditi*) дано и значение ‘spořádati’ (‘привести в порядок, организовать’) вместе с иллюстрацией *rozřediti vojsko*⁴⁰⁵. Все это

³⁹⁹ РСБКЕ II: 484.

⁴⁰⁰ Истрин 1893: 98, 232.

⁴⁰¹ Kroll 1926: 129; часть 3, глава 28, 12–15; см. также: Станков 1997: 65–66.

⁴⁰² Истрин III: 190, 311.

⁴⁰³ Георгиев 1978/1985; 1983/1985.

⁴⁰⁴ Kott III: 8–9, 11.

⁴⁰⁵ Kott III: 171.

говорит о смешении семантики корней *řid-* (*řed-*) и *řád-* в чешском, но каким образом это могло отразиться на *razpъdъntи* в (270) непонятно. *Разpъdъntи* структурно и семантически соответствует греч. *δίίστημι*.

РАСЪБЪКЪВАТН (**РАСЪБЪКНВАТН**) ‘разделять, рассекать’ (310) ннн во ро-
женоѣ (роженное Сл, роженое E²) на трн *расъбкывають* (*razъbъknваю* Сл, *расъбкываю*
E²) и нво нарнчють блго, дроугоѣ зло, нно же праведьно 325,2–3 – οἱ μὲν γὰρ τὸ
ἀγέννητον εἰς τρία τέμνουσι καὶ τὸ μὲν καλοῦσιν ἀγαθόν, τὸ δὲ κακόν, τὸ δὲ
δίκαιον Б. 475,8–10.

И в этом случае чеш. *rozsekávati*⁴⁰⁶ формально не соответствует *расъ-
кзиватн* или *расъкнватн*, ожидалось бы *rozsekъvati* или *rozsekivati*. Текст в
(310), возможно, искажен: рожденое в списках перевода соответствует греч.
τὸ ἀγέννητον ‘нерожденное’.

СНТННѢ или **СНТЬЦЬ** ‘тростник’: (311) ѡдѣ ѡго въ рогазньноу, *снтннемъ*
(*снтцемъ* S) нсплетеноу (сплетеноу C⁴⁰⁷) 41,23–24 – καὶ περιειλήσας *ψιάθιον*
θρύνον Б. 24,15–16.

Лавров приводит чеш. *síti*⁴⁰⁸, считая при этом, что остальные списки
ХГА исказили слово (с. 479). Видимо, Лавров имел в виду рус. *сумец* ‘лег-
кая хлопчатобумажная ткань’. Тут явное недоразумение, речь идет о деми-
нутиве *снтыць* или *снтыце* (от *снтъ* или *снто*). На второй вариант указывает
Срезневский⁴⁰⁹, но его реконструкция, скорее всего, неточна – славянские
языки не знают формы *снто* в этом значении. **Снтннѣ** собирательное от *снтъ
(*камъз* – *каменнѣ*; *лнстъ* – *лнстнѣ*, *дънь* – *дъннѣ*). Трудно сказать, какое чтение
первично, так как греч. *θρύνος* ‘тростниковый’ соответствует словосочет-
ание *снтннемъ* (*снтыцемъ*) нсплетеноу. Вероятность наклоняет весы в пользу
чтения большинства списков. Болгарский язык сохранил форму ж. р. *сѣма*
‘растение *Juncus*’ и производные от нее *сѣмка* ‘растение *Scirpus*’, ‘тонкий
тростник’⁴¹⁰. Выше уже было отмечено, что чешский язык не знает демину-
тивов на -ьць. **Снтннѣ** же использовано в переводе *Слов* Григория Богослова,
сделанного в Болгарии и сохранившегося в древнерусском списке XI в.⁴¹¹ В
любом случае говорить о чешском влиянии на язык перевода ХГА нельзя.
К тому же Миклошич указывает на *снтаp* в румынском языке⁴¹² (явное за-
имствование из болгарского), в котором угадывается производящее *снтъ.

СЛОУХАТѢЛЬ ‘слушатель’: (312) ты же гнѣвоу весь (всѣ E²) бѣ *слоухатель*
(*послвшникъ* S, *послвшнѣ* E²) 180,4 – σὺ δὲ τῆς ἀγανακτήσεως ὅλος γενόμενος
πειθήνιος Б. 256,5–6.

⁴⁰⁶ Kott III: 173.

⁴⁰⁷ Матвеевко, Щеголева I/2: 28, примеч. 26 к с. 130.

⁴⁰⁸ Kott III: 354, *sít*.

⁴⁰⁹ Срезневский III: 361.

⁴¹⁰ БЕР VI: 706.

⁴¹¹ *Сорpus*; Срезневский III: 360.

⁴¹² Miklosich: 841, *снтннѣ*.

Лавров приводит словац. *sluchatel* (с. 479)⁴¹³. Любопытно, что в обоих языках есть глагол *slouchati, sluchati*, а производное с суффиксом *-tel'ь* только в одном из них. С. Б. Бернштейн полагал, что уже в праславянскую эпоху шел активный процесс образования deverbatивов при помощи суффикса *-tel'ь*⁴¹⁴. Суффикс *-tel'ь* исключительно продуктивен в ДЯ⁴¹⁵. Нельзя исключить возможность того, что *слухатель* возникло как книжное слово в древнеболгарском языке, которое не вышло за рамки отдельных текстов. Ср. в ХГА *послухатан* ‘слушатель’ – отглагольное образование от *послухатн с непродуктивным суффиксом *-тан*⁴¹⁶: (313) гнѣвоу послухатан 238,17 – ὀργῆς ὑπήχοοι Б 343,11. *Послухатан* известно и из других древних текстов⁴¹⁷. Правда, существует вероятность отыменного происхождения *послухатан* (от *послухъ*⁴¹⁸), но при наличии *послуховатн*⁴¹⁹ и *слухатн* это представляется мало вероятным.

Необходимо обратить внимание на проблему первичности в (312). Большинство списков дает *послушыннкъ*. *Послухатан* и *слухатель* редкие слова. Возможно, оба принадлежат переводу ХГА, впоследствии второе было заменено на более употребительное *послушыннкъ*. Существует возможность того, что *слухатель* позднее вкрапление в Тр на русской почве, ср. *слухатн* ‘повиноваться, быть подвластным’ в Договорной грамоте литовско-русских князей с польским королем Казимиром и Мазовецкими князьями 1439 г.⁴²⁰ Косвенным подтверждением такой возможности является несохранившееся в болгарском языке *слышатель* ‘слушатель’ в Рыльских листках⁴²¹.

СТАРОСТЬСТВО/СТАРОСТЬВО: (314) *комоуждо свое колѣно н старостьство* (*староство* П, *старостнньство* Сп, *старѣвшинство* УвЧ⁴²²) мѣсто 58,22–23 – *ταῖς ἐκάστου φυλαῖς καὶ πατριάῖς τόποι* Б. 55,8–9.

Более древней должна быть гаплографическая форма *старостьво*. Трудно определить значение гапакса *старостьво*, так как славянский текст в случае не является точной копией греческого, и неясно, что собственно имел в виду переводчик. В оригинале *πατριά* ‘род, семейство, клан’ (во мн.), ср. также *τόποι* (мн.) – мѣсто (ед.). В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева дают перевод,

⁴¹³ Kott III: 453, где также указано, что *sluchatel* словацкое слово.

⁴¹⁴ Бернштейн 1972: 42.

⁴¹⁵ Цейтлин 1977: 96–107; 1986а: 150–1156; Ефимова 2006: 60–69.

⁴¹⁶ Цейтлин 1986а: 174.

⁴¹⁷ Срезневский II: 1287; Miklosich: 634; СДЯ VII: 248.

⁴¹⁸ Ж. Ж. Варбот колеблется относительно происхождения *позрхатан* (Варбот 1969: 91).

⁴¹⁹ СС: 482.

⁴²⁰ Срезневский III: 435.

⁴²¹ СС: 615.

⁴²² Е²Кб = Тр; Матвеевко, Щеголева I/2: 39, примеч. 18 к с. 155; в Е² (40г18) – *староство*, сверху добавлено *сть*.

следующий за греческим, а не за славянским текстом: „каждому, и коленам их, и родам определялись местности“⁴²³. Может быть переводчика подвело греч. *πατρία* ж. р. к *πάτριος* ‘отцовский, отчий’, ‘унаследованный от отцов’. И. И. Срезневский со знаком вопроса предположил ‘отчина’⁴²⁴. Само слово (по внутренней форме) должно означать ‘старшинство’, но в данном контексте такое значение представляется неуместным. Чеш. *starostvi*⁴²⁵, на которое указывает Лавров (с. 479), должно восходить к незафиксированному *старостътвни* и не имеет отношения к слову, употребленному в переводе ХГА, оказавшемуся, по всей видимости, окказиональным образованием.

СЪПЪРЪТН СА ‘вступить в спор; состязаться’: (315) *н съпрѣвъз са с ннмь Снмонъ w чюдотвореньн, н (S) wдолѣ Петръ, цѣльбы творѣ 253,4–5 – καὶ συμβαλὼν μετ’ αὐτοῦ Σίμων εἰς θαυματουργίας, ἐνίκησε Πέτρος ἰάσεις ποιῶν* Б. 365,11–13.

Лавров пишет: „и чеш. *seřiti se s kým*⁴²⁶; в Супр[асльской] рук[описи] и др. древн[их] пам[ятниках]“ (с. 479). Опять возникает вопрос, что это должно означать? Какое отношение имеет чеш. *seřiti se* ко всему этому? Следуя подходу Лаврова, необходимо сделать вывод, что СР и другие древние памятники⁴²⁷ писал чех. Между тем *съпърѣтн са* в ХГА структурно и семантически соответствует многозначному греч. *συμβάλλω*, которое здесь означает ‘вступать/вступить в единоборство’.

СЪРШЕНЬ⁴²⁸ ‘шершень’: (316) *заче оубо ѿлннн съзндаю (съзнжю S, съзндоую КБ⁴²⁹) не соуцаа wбразъи сършенемъ (шершенемъ ПБ, свершено КБ⁴³⁰) н wсамъ н строукоу (строукоу ЧКБ⁴³¹) 64,24–25 – ἐπειδὴ τοίνυν Ἕλληνας ἀναπλάπτουσι τὰς οὐχ ὑφ’εστῶσας μορφὰς, τρίτωνας καὶ σφίγγας καὶ κενταύρος Б. 65,19–20.*

Лавров приводит чеш. *sršeň* (с. 480). Заметно, что перевод не отражает оригинал: вместо о тритонах и сфинксах в нем говорится о шершнях и осах. Объяснение этому дали В. А. Матвеев и Л. И. Щеголева, чей комментарий приводим полностью: „*сършенемъ* н *wсамъ* на месте *τρίτωνας καὶ σφίγγας* „тритонов и сфинксов“. Толчком к содержат. сдвигу послужило второе слово этой пары: *Σφίγξ* („Сфинкс“ – миф. чудовище с головой женщины и туловищем львицы) очень похожее на *σφήξ* „оса“, насекомое; в но-

⁴²³ Матвеев, Щеголева 2000: 62.

⁴²⁴ Срезневский III: 498.

⁴²⁵ Kott III: 633.

⁴²⁶ Kott III: 309.

⁴²⁷ СС: 667; Срезневский III: 811.

⁴²⁸ У Срезневского *сършень* (III: 817). Исходя из праслав. *sršeňь (Фасмер IV: 432), исходной должна быть форма *сьршень*.

⁴²⁹ Матвеев, Щеголева I/2: 43, примеч. 48 к с. 162.

⁴³⁰ Матвеев, Щеголева I/2: 43, примеч. 49 к с. 162.

⁴³¹ Матвеев, Щеголева I/2: 43, примеч. 50 к с. 162.

вогреч. и „Сфинкс“ и „оса“ звучат одинаково: *σφίγγα* и *σφήγγα*. Первое слово пары *τρύτων* (миф. морское существо, сын Посейдона и Амфитриты, а также земноводное типа саламандра) оставлено без внимания и заменено на *сършень* – род большой осы, соответствующее тому же греч. *σφήξ* (Фасмер IV, 432). Так в слав. получилась синонимическая пара двух наименований одного жалящего насекомого-чудовища⁴³².

Все это говорит о том, что человек, переведивший Хронику, не просто знал по-гречески, а был знаком с живым произношением греческих слов, что в данном случае подвело его, и он дал искажающий оригинал перевод. Это никоим образом не может относиться к чеху, как полагает Лавров, или к русскому, как полагают Матвеевко и Щеголева, утверждающие, что перевод ХГА написан на языке их предков⁴³³. Лишнее подтверждение болгарского происхождения перевода ХГА. Что касается самого слова, то оно праславянского происхождения и в современном болгарском имеет облик *стършел* (диал. *стършен*, *стришен*, *цършел*, *цришел*)⁴³⁴.

Теперь о слове *стръкъз* (*строкъз*, *строукъз*), соответствующее греч. *κενταύρος* в (316). В. А. Матвеевко и Л. И. Щеголева перевели его словом *кентавр*⁴³⁵. Авторы исходили из словаря Срезневского, где *строкъз* определено как *центавр* (на основании греческого соответствия) без каких-либо дополнительных пояснений с единственной иллюстрацией из ХГА (316)⁴³⁶. Непонятно, на каком основании Матвеевко и Щеголева пишут следующее: „место отмечено в *Срезн.*: *строкъз* толкуется как „жалящее животное“, „центавръ“⁴³⁷. Ничего подобного в словаре Срезневского нет. Далее отмечено сходство *κενταύρος* и *κέντρον* ‘жало’, наличие в СР *жалло*, переводящее *κέντρον*. В заключение авторы пишут: „Слово *строукъз*, *строкъз* – по-видимому вост.-слав., оно отмечено (Барсовым) в сев.-великорус. говорах, отмечено в рус. языке XVII в. (Фасмер III, 781)“⁴³⁸.

Во-первых, исходной здесь должна быть форма *стръкъз* (или *стръкъз*), давшая вариант *строкъз* на русской почве, т.е. более древнее чтение дают списки ЧКб. Форма *строукъз* просто искажение при переписке текста под влиянием окончания дат. п. -*оу*, что можно определить как графическую антиципацию. Во-вторых, ссылаясь на русский перевод словаря Фасмера, авторы не обратили внимания на прибавление О. Н. Трубачева, в котором указаны болг. *църкълица* и болг. диал. *цтъркел* ‘овод’. Иными сло-

⁴³² Матвеевко, Щеголева 2000: 368.

⁴³³ Матвеевко, Щеголева 2000: 5.

⁴³⁴ Фасмер IV: 432; БЕР VII: 534–535.

⁴³⁵ Матвеевко, Щеголева 2000: 66.

⁴³⁶ Срезневский III: 557.

⁴³⁷ Матвеевко, Щеголева 2000: 368.

⁴³⁸ Матвеевко, Щеголева 2000: 368.

вами, мы можем восстановить древнеболгарскую форму *стръкъз* (стръкъз), получившую русскую огласовку в виде *строкъз*. Ср. сходное по написанию и звучанию древнеболгарское *стръкъз* (стръкъз) ‘аист’, ‘лебедь’⁴³⁹, изменившееся подобным образом (в современном болгарском *църк*, *църкел*, у Герова *църк*, *църкъл*, *църкел*, причем автор объединяет в одну словарную статью и насекомое и птицу⁴⁴⁰), которое в русских списках ИП читается как *стерковъз* (стръковъз, строковъз) и *строцн* (стръцн, строцы)⁴⁴¹. Так что говорить о каком-то восточнославянском слове в переводе ХГА не приходится.

В-третьих, перевод *стръкъз* словом *кентавр* неправилен, поскольку славянское слово должно означать нечто вроде овода или другого подобного насекомого. Таким образом, в переводе ХГА на месте *тритонов*, *сфинксов* и *кентавров* получился ряд из трех жалящих насекомых, что вполне последовательно. Чуть ранее в переводе находим: (317) *Нпокентавръз* 61,12 – ὁ Ἴπποκентаύρος Б. 60,8. Вообще, само утверждение, что *стръкъз* может означать ‘кентавр’, звучит странно.

СЗСТЖПНТН СА ‘сойтись, сомкнуться’: (318) *н соѡпостатомѡ сѡстѡупнѡшема са*, *мнози ѡ ѡбою странѡу падоша* 543,18–19 – *καὶ πολέμου συστάντος, πολλοὶ ἐξ ἄμοτέρων ἔπεσον τῶν μερῶν* В. 40,16–17;

(319) *сѡстѡупн са* (сѡвокъпнѡ S, совокоупнѡ са КБ⁴⁴², сѡвокъпнѡ са Е²) *полкомь сѡ Птолемѡѡмь, црмь Кѡроупетьскымь, н повѣдн* (повѣднѡз S) *н* (его S). *нзѡѡже* (нзѡѡгнѡз S) 200,12–13 – *συνάπτει μάχην πρὸς Πτολεμαῖον βασιλέα Αἰγύπτου καὶ τρέψας αὐτὸν εἰς φυγὴν* Б. 287,13–14;

(320) *сѡстѡупнѡше са* *Нюдѡѡне тѡѡахоу са* *на първоѡю* (първоѡю СПУВЧ) *жнѡнѡ възнѡтн поѡстошнѡ* (пѡстошнѡ S) *блѡгоѡлѡлѡше* (бѡ хѡлѡше ПСЛУВУНС⁴⁴³) 286,8–9 – *συστάντες οἱ Ἰουδαῖοι ἐσπούδαζον ἐπὶ τὴν προτέρα πολιτείαν ἐπανελεθεῖν οἱ μάταιοι θεομαχοῦντες* Б. 415,20–21;

(321) *н сѡстѡупнѡз* (сѡстѡпнѡз са Е², стѡупнѡ са П⁴⁴⁴, сѡстнннѡ са КБ⁴⁴⁵) *с Кюромь* 39,8 – *καὶ συμβαλὼν τῷ Κύρῳ* Б. 20,8–9.

⁴³⁹ СС: 532; SJS IV: 186.

⁴⁴⁰ Геров V: 598–599.

⁴⁴¹ Попов 1881: 63.

⁴⁴² Матвеевко, Щеголева I/2: 125, примеч. 12 к с. 36; авторы уточняют также чтение S: в издании Истрина сѡвокъпнѡтн.

⁴⁴³ Матвеевко и Щеголева уточняют, что чтение бѡ хѡлѡше соответствует греч. *θεομαχοῦντες* ‘с Богом борющиеся, богоборцы’, но при этом сделали замечание, что в Тр „стерты буквы“ (Матвеевко, Щеголева I/2: 186, примеч. 10 к с. 444). Тр доступен на сайте Троице-Сергиевой Лавры <www.stsl.ru>, на л. 181в15 (или 173в по другой пагинации) ясно читается блѡгоѡлѡлѡше. Лишний повод заметить, что Тр не является наиболее близким к первооригиналу перевода ХГА, как пытаются внушить и Истрин, и Матвеевко и Щеголева.

⁴⁴⁴ Истрин не отметил это разночтение П в издании.

⁴⁴⁵ Матвеевко, Щеголева I/2: 27, примеч. 6 к с. 126.

Лавров указывает на чеш. *sestupiti se* без каких-либо дополнительных комментариев (с. 479)⁴⁴⁶. Глагол известен как древнеболгарской письменности⁴⁴⁷, так и южнославянской традиции, представленной в списках XIII–XVI вв.⁴⁴⁸; большую употребительность слово демонстрирует и в древнерусской письменности, особенно в летописи⁴⁴⁹. Говорить о чешском влиянии здесь беспредметно, в противном случае необходимо доказать, что в южнославянские и в восточнославянский язык слово проникло из чешского, чего Лавров не сделал.

СЪСТЖПЪ ‘сражение’: (322) **сѣстоупъ** въ между Болгары и Греки 547,15 – *ὁ πόλεμος μεταξύ Βουλγάρων τε καὶ Ρωμαίων* В. 43,28;

(323) прѣрѣствовавъ Нѣасови прѣвѣи **сѣстоупъ** (*сѣстѣпи* ППбСПУНЧ) на Соурани (*асоурани* S) побѣдоу 183,4–5 – *προφετεύσας τῷ Ἰωᾶς τὴν προτέραν διὰ συμβόλων κατὰ Σύρων νίκην* Б. 261,8–9;

(324) до Г-го **сѣстоупа** побѣднѣ Соурани (*асоурани* S-СП) 183,7 – *ἕως τρίτης συμβολῆς νικῆσαι τοὺς Σύρους* Б. 261,12 (*ἕως τρις συμβαλεῖν καὶ νικῆσαι τοὺς Ἀσσυρίου* М. 188,19–20); (до третѣаго *сѣстѣпа* побѣднѣ *Асурани* УВ⁴⁵⁰);

(325) **лоднны сѣстоупъ** въ на Срацнны Нмернемь логофетомъ сѣ Данмантомъ (*дамнантѣ* СП, *дамнантомъ* УВЧ) 540,5–6 – *ναυμαχία* γέγονεν Ἰμερίου λογοθέτου μετὰ Δαμιανοῦ В. 37,5 (*γέγονε πόλεμος ναυμαχικὸς Ἰμερίου λογοθέτου μετὰ Δαμιανοῦ* М. 794,10–11);

(326) и **сѣстоупомъ** вывшюу 557,11 – *καὶ πολέμου* γεγονότος В. 52,4;

(327) и **сѣстоупомъ** вывшюу 560,21 – *καὶ συμβαλὼν μετ’ αὐτῶν πόλεμον* В. 55, 4–5.

Как и при предыдущем слове, Лавров просто привел чеш. *sestup* без комментариев (с. 479). Между **сѣстжпъ** ХГА и *sestup* существует различие: первое означает ‘столкновение, сражение’ и отражает семантику глагола, от которого оно образовано; второе означает ‘группа, военное отделение’⁴⁵¹. Чешский глагол *sestupiti se*, как было указано выше, означает ‘собирать (войско)’, откуда *sestup* ‘военное отделение, военная единица’. В ХГА **сѣстжпъ** переводит греч. *πόλεμος*, *σύμβολος*, *συμβολή*. В (325) перевод ближе к греческому тексту в М. с изменением порядка слов. Использование дательного самостоятельного в (326) и (327) демонстрирует большую степень употребительности **сѣстжпъ** ‘столкновение, сражение’, особенно если учесть, что во втором

⁴⁴⁶ О значении глагола см.: Kott III: 315, *sestupiti se* = *sestoupiti se* ‘собирать (числа; войско)’.

⁴⁴⁷ СС: 669; SJS IV: 341.

⁴⁴⁸ Miklosich: 956.

⁴⁴⁹ Срезневский III: 831–832.

⁴⁵⁰ Срезневский III: 833.

⁴⁵¹ Kott III: 315.

примере славянская фраза отличается заметно от греческой. И в этом случае мысль о чешском влиянии на перевод ХГА следует отвергнуть.

Следующий пример Лаврова связан со словом *сзвлакъ* (или *сзвлекъ*), употребленном в глоссе: (328) єдннѣ бѣланнѣ (нѣвкын бѣланнѣ S) оударн иго (н ПбСлУн, са Сп, нет ПУвЧ) въ главоу дръвѣомь, ннѣмн глѣмоѣ *сзвлакъ* (*сзвлекъ* S, совлекъ E²), нмѣже портъ бѣ нзвнвалѣ (нзвнвал E², нзвнвал Kб⁴⁵²) 262,5–6 – τис κναφεύς ἔδωκεν εἰς τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ μετὰ τοῦ ξύλου, ἐν ᾧ τὰ ἱμάτια ἐκπιέζει B. 379,2–3 (ἐκπιέζειν εἰώθασιν M. 280,20–21).

В. М. Истрин считает, что *сзвлакъ* означает ‘валек’ и сравнивает перевод данного контекста в ХГА и в *Хронике* Георгия Синкелла⁴⁵³. Любопытно, что в обеих хрониках греч. *γναφεύς* переведено словом *бѣланнѣннѣ* ‘валяльщик’ (‘мастер, чистивший белые одежды посредством валяльных головок’⁴⁵⁴), а *ἐκπιέζω* – глаголом *нзвнватн* ‘выжимать’. Мнение, что в *Хронике* Георгия Синкелла *бѣланнѣннѣ* означает ‘дерево, коим извивают одежду’, не отвечает действительности⁴⁵⁵.

Лавров приводит чеш. *svlak* ‘дерево, соединяющее два или большее число других, перекладина, балка’, болг. *сзвлак* ‘раст. вьюнок’ (с. 476). Автор считает, что правильной является форма *сзвлакъ*, очевидно по причине формального сходства с чешским словом, но с этим нельзя согласиться, так как в обоих вариантах корень один и тот же, и оба слова являются отглагольными образованиями от *сзвлачнтн* и *сзвльштн*⁴⁵⁶. В наших исследованиях уже было установлено, что Тр, вопреки Истрину и его последователям, не стоит ближе к первооригиналу перевода ХГА. Это заметно и в (328): н (αὐτοῦ) списков ПбСлУн очевидно древнее, чем иго Тр. Между тем в синонимичности *сзвлакъ* и *сзвлекъ* сомневаться нельзя. Сходство между ними можно продемонстрировать на примере болг. *сзвлак* ‘раст. *Convulvulus arvensis*’, *сзвльк* ‘то же’, *сзвлек* ‘то же’, *сѡвлак* ‘вьюнок’⁴⁵⁷; ср. также *svlak* v botan. ‘convulvulus’⁴⁵⁸.

Лавров не обратил внимания на то, что болг. *влак*¹ (от *влачнтн*) обладает сходными значениями с чеш. *svlak*: ‘передняя пара колес с длинными деревьями для стаскивания дров по крутому склону’, ‘борона из тонких веток’⁴⁵⁹; С. Б. Бернштейн переводит *влак* словом *волокуша*⁴⁶⁰. При глаголе *влека* (*влъштн*) в современном болгарском языке нет подобных образований

⁴⁵² Матвеевко, Щеголева I/2: 170, примеч. 21 к с. 413.

⁴⁵³ Истрин II: 210, примеч. 1.

⁴⁵⁴ Срезневский I: 217.

⁴⁵⁵ Ср. текст: нземъ етеръ бѣланнѣннѣ древо нмѣ нзвнвалѣтъ рнзы. оударн въ главоу правднвалѣ н тако оумре. 464a15–16 (Тотоманова 2008: 149, 216).

⁴⁵⁶ См. Варбот 1969: 21.

⁴⁵⁷ БЕР VII: 647–648; БЕР I: 161, *влак*¹; 165, *влека*.

⁴⁵⁸ Kott III: 809.

⁴⁵⁹ БЕР I: 161, *влак*¹.

⁴⁶⁰ Бернштейн: 65.

(болг. *влек* ‘сооружение для перевозки лыжников’, скорее всего, новообразование).

Синонимия *сзвлакъ* и *сзвлекъ* подтверждается и сходством семантики глаголов *сзвлачнтн*, *сзвлъштн*⁴⁶¹. Возможно, более древним в (328) является чтение *сзвлекъ*. На это указывает отсутствие в болгарском языке образований, подобных *влак*¹.

Лавров считает, что выражение *нмъже портъ въ нзвнвѣа* неточно, в соответствии с греческим текстом ожидалось бы на *немъ же*. Однако и в ХГА и в *Хронике* Георгия Синкелла, и в среднеболгарском Летовнике греч. *ἐν ᾧ* переведено относительным местоимением *нже*⁴⁶².

Лавров отметил также, что *нзвнвѣа* в значении ‘выжимать’ (*ἐκπιέζω* ‘выжимать, выдавливать’) до сих пор употребительно в болгарском⁴⁶³ и сербском языках, т.е. является выражением ‘югославянским’. Автор основательно возражает против толкования Истрина: ‘Нам кажется, что понимать слово *сзвлакъ* как ‘валец’, которым можно только бить, нельзя, не позволяет и значение глагола *извивать* и греч. текст, в котором идет речь о дереве, на котором выжимали платъе’ (с. 479). Можно сожалеть, что Лавров не задался вопросом, как при ‘югославянском’ *нзвнвѣа* ‘выжимать’ появилось чеш. *сзвлакъ*? Одно слово переведено чехом, а другое, стоящее рядом, – болгаринном. Лишний повод подчеркнуть нелепость мнения о средневековых интернациональных коллективах.

СБНН мн. ‘портик; крытая галерея’: (329) *στοασιου же црѣн на сѣнѣ, пакъ оуѣндѣ* (оуѣндѣвъз УвЧ) 531,29–532,1 – *ὡς εἶδεν αὐτὸν ὁ βασιλεὺς ἐν τῷ ἡλιακῷ ἐστηκῶς*, В. 29,23;

(330) *ншедши Зон на Воуколъньстѣ сѣнѣ* 549,12–13 – *ἐξελθοῦσα Ζωὴ ἐν τῷ Βουκολέοντος ἡλιακῷ* В. 45,9.

Лавров обращает внимание на то, что и в чешском языке данное слово употребляется в том же значении, как в русском (с. 480). В русском языке *сени* мн. обозначает нежилую часть дома, соединяющую жилое помещение с крыльцом или разделяющую две половины дома в деревенских избах и небольших городских домах⁴⁶⁴. Чеш. *síň* (др.-чеш. *sieň*, *seň*, др.-болг. *сѣнь*) слово ж. р. и означает: ‘площадка перед домом, передний двор’, ‘передняя, сени’, ‘зал’, ‘обходная галерея вокруг монастырского двора’, ‘комната’⁴⁶⁵. Греч. *ἡλιακός* или *ἡλιακόν*⁴⁶⁶ означает ‘балкон, терраса’⁴⁶⁷. Возникает во-

⁴⁶¹ СС: 640.

⁴⁶² Истрин II: 210, примеч. 1; см. также: Тотоманова 2008: 149 (л. 464a15–16).

⁴⁶³ Геров II: 186; *извивам* (2. ‘выжимать, выдавливать’).

⁴⁶⁴ БАС 13: 644–645; см. также: Даль IV: 389, *сѣнить*.

⁴⁶⁵ Kott III: 349.

⁴⁶⁶ У Истрина только *ἡλιακός* (III: 89).

⁴⁶⁷ Sophocles: 562.

с корнем *top-*, которые преобладают уже в классических древнеболгарских памятниках, формы с **ter-* для болгарского языка являются архаическими, чем и объясняется их слабое присутствие в древнейших болгарских рукописях.

ΟΥΛΟΜΖΚΖ ‘обломок, кусок’: (332) с ннмь ω ѳφουδѣ ѳυλομοκζ пладь въз взиcотου λ пладь въз шнрннѳу (шнрѳоту S-Пб) 43,17 – συνήν δὲ τῷ ἐφοῦδ περιτμήμα σπιθαμῆς μὲν τὸ μήκος καὶ σπιθαμῆς τὸ εὖρος Б. 27,14–16;

(333) верже на главоу него жена ѳυломоκζ жерновѳин н скроушн лѳвѳ него (ѳмS-Ун) 114,27–28 – ἔρριψε γυνή κλάσμα μύλου ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ συνέτριψε τὸ κρανίον αὐτοῦ Б. 149,11–12.

Ўуломзкз отглагольное образование от ѳуломнтн, глагол зафиксирован в разных древних текстах⁴⁷⁸. В (333) цитирована Книга Судей Израилевых (9:53); в рукописи XIV в. (№ 2 Троице-Сергиевой Лавры) читается нзломѳк (л. 83rб)⁴⁷⁹, в ОБ тоже, но в ЕБ – ѳлѳмзкз. В чешской Библии – *úlomek* ‘обломок, кусок’⁴⁸⁰, на которое ссылается Лавров (с. 480). Отсюда, конечно, не следует, что большинство библейских книг было переведено во время Моравской миссии, согласно 15-й главе Жития Мефодия. Может быть, следует говорить об опосредованном древнеболгарском влиянии на развитие текста чешской Библии⁴⁸¹. Любопытно, что ѳуломзкз читается в другой главе Судей (19:5) в ОБ: (334) ѳѳтверзѳн ѳѳце твоѳ ѳлѳмзкамн хлѳва – Στήρισον τὴν καρδίαν σου κλάσματι ἄρτου⁴⁸². В более раннем варианте Книги Судей слово отсутствует: (335) ѳѳтвердн ѳѳце сн хлѳвомь л. 104r2 (№ 2 Троице-Сергиевой Лавры). Ўуломзкз известно южнославянской письменности⁴⁸³, оно сохранилось в отдельных болгарских диалектах: *улѳмок*, *улѳмѳк* ‘кусочек хлеба, каравая’, *улѳмняк* ‘то же’⁴⁸⁴. Не видно оснований считать ѳуломзкз отражением чешского влияния на язык перевода ХГА.

ΟΥΛЮТАТН ‘?’: (336) на Нѳрлнмз же прншеѳѳ ннзѳпаѳѳ (ннзѳпаѳѳ S-Сп, E², Кб⁴⁸⁵) н ѳулютѳше (ѳѳкѳѳѳше S, E²) прѳмного, ѳѳѳ ѳѳраньнамн (ѳѳраньнымн ПбСпУвЕ², ѳѳраньнамн Кб⁴⁸⁶) ѳѳзѳамн н ѳѳлѳзньмн ѳѳражнѳѳшѳ н с ннмз ѳѳѳцнмз тѳмамз многимз (многамз ПСпУвЧ) 196,5–7 – τῇ δὲ Ἱερουσαλὴμ ἐπελθὼν καταβλήθη καὶ διόλωλε παμπληθεί, τοῦ θεοῦ θεηλάτοις αὐτὸν πληγαῖς καὶ σκηπτοῖς πατάξαντος καὶ τὰς σὺν αὐτῷ μυριάδας Б. 281,2–5.

⁴⁷⁸ SJS IV: 635; Miklosich: 1049; Срезневский III: 1198.

⁴⁷⁹ Рукопись доступна на сайте Лавры <www.stsl.ru>; см. также: Срезневский I: 1062 (у него нзломѳкз).

⁴⁸⁰ Kott IV: 351.

⁴⁸¹ Цейтлин 1987б.

⁴⁸² SEPTUAGINTA: 481.

⁴⁸³ Miklosich: 1049.

⁴⁸⁴ БЕР III: 467, *ломя*.

⁴⁸⁵ Матвеевко, Щеголева I/2: 122, примеч. 11 к с. 331.

⁴⁸⁶ Матвеевко, Щеголева I/2: 122, примеч. 13 к с. 331.

Лавров сослался на чеш. *úlitovati* ‘сожалеть’⁴⁸⁷, добавив такой комментарий: „в вариантах это слово, бывши переписчиком непонятным, заменено: докѹѹаше“ (с. 480).

Все не так просто. Во-первых, в чешском слове наблюдается переход [u] в [i], чего нет в ХГА. Уже это достаточно, чтобы определить высказывание Лаврова как некорректное, к тому же чешское слово должно соответствовать глаголу *оулютовати*, который встречается в переводе ХГА (см. ниже). Во-вторых, значение ‘сожалеть’ не подходит цитированному выше контексту, ср. перевод на русский язык: „Пойдя же на Иерусалим, был повержен и погиб ужасно, ведь Бог поразил ранами и язвами и болезнями <его> и многие тысячи бывших с ним“⁴⁸⁸. Перевод сделан в соответствии с греч. *διόλλυμι* ‘губить, уничтожать’. В-третьих, несмотря на то, что *докоуѹати* редкое слово в древних памятниках⁴⁸⁹, вполне допустима его первичность по отношению к *оулютати* в (336). Эта возможность выглядит еще более реальной на фоне первичности чтений *иузъпадѣ* (*καταβλήθη*) и *бѹраньным* в других списках в (336). Но и в этом случае значение глагола остается неясным. О. Н. Трубачев относит **dokučati/*dokučiti* к праславянскому периоду⁴⁹⁰. В большинстве языков, среди которых отсутствует болгарский, слово означает ‘досаждать, надоедать, докучать’, лишь сербо-хорв. *докучити* выделяется своей семантикой ‘схватить, понять’. В словарной статье указан и глагол из ХГА, но отсутствует определение значения: в качестве такового дано греческое соответствие *διόλλυμι*. СЛРЯ приводит *докоуѹати* ‘неотступно просить; надоедать’, ‘досаждать, беспокоить’, *докоуѹивати* ‘то же’, *докоуѹитнѣ* ‘допроситься, добиться усиленными просьбами’, *докоуѹитникъ* ‘тот, кто докучает, проситель’, *докоуѹитъин* ‘навязчивый, надоедливый’, ‘содержащий просьбу’ и др. из русских источников XVI–XVII вв.⁴⁹¹ Среди них выделяется *докоуѹитъинъ* ‘пресыщенный’ из Геннадиевской Библии 1499 г. Как видно, и это не помогает выяснить значение *докоуѹати* и *оулютати* в (336), при этом нельзя не отметить странного расхождения в формах: имперфект в переводе (*оулюташе/докѹаше*) и перфект в оригинале (*διόλωλε*). Скорее всего речь идет о переводческом недоразумении. Если принять первичность *докоуѹати* в (336), то слово следует рассматривать как архаизм, утратившийся впоследствии в болгарском языке. Такое допущение остается пока только на уровне гипотезы. В противном случае следует считать, что *докоуѹати* является заменой, имевшей место на русской почве.

⁴⁸⁷ Kott IV: 350.

⁴⁸⁸ Мматвеевко, Щеголева 2000: 167.

⁴⁸⁹ Срезневский I: 694 (иллюстрация как раз из ХГА); Miklosich: 170.

⁴⁹⁰ ЭССЯ 5: 59; SP (4: 51–52) считает **dokučiti* севернославянским словом и не отмечает сербское и хорватское *докучити*.

⁴⁹¹ СЛРЯ 4: 295.

ОУМЛЪВНТН ‘убедить, уговорить’: (341) многими же словесы Рουφνнз замысливъ, ρε: оумлзвълю азъ Амъбросъа 383,25–26 – ἐπεὶ δὲ πλείοσι λόγοις χρησάμενος ὁ Ρουφίνος πείθειν ὑπέσχετο τὸν Ἀμβρόσιον Б. 578,18–19.

И. И. Срезневский и Ф. Миклошич цитируют этот текст по Ув, отражающий болгарскую орфографию – оумлзвълю⁵⁰⁰. Лавров пишет: „у Срезневского в русских памятниках не встретилось, а змолвнтн из польского источника; ср. чеш. *umluviti* (с. 480)⁵⁰¹. Замечание Лаврова относительно русских памятников неточно: Срезневский приводит глагол из трех текстов русского происхождения – ‘условиться’ (Ипатьевская летопись), ‘соблазнить’ (Церковный устав Великого князя Ярослава XV в.) и со знаком вопроса из Договорной грамоты Дмитрия Ивановича 1389 г. В том же Церковном уставе отмечены еще слова оумлзвъннкъ ‘соблазнитель’ и оумлзвъць ‘то же’.

Производящий глагол млзвнтн известен из древних памятников, а его значение обычно формулируется как ‘шуметь, волноваться, бунтовать’⁵⁰². Хороший, исчерпывающий анализ млзва и млзвнтн сделала Р. М. Цейтлин⁵⁰³. Для др.-болг. отмечено значение ‘сильный шум, крик как выражение волнения, брожения, беспокойства, тревоги, смятения или недовольства’ (θόρυβος, ταραχή, ταραχος). Как особое значения для млзва выделено ‘колебание, неустойчивость’, метафорически как ‘сомнение’ (σάλος ‘колебание (почвы)’, ‘волнение (моря)»), СПс (54:23)⁵⁰⁴. В то же время автор высказала весьма интересную мысль: „Возможно, именно значение ‘колебание’ и является первичным древнейшим славянским значением слова млзва. В его основе – понятие внезапного движения, нарушающего покой как нормальное состояние природы и (переносно, метафорически), человека. И отсюда уже его вторичное значение – ‘шум’ как выражение такого движения“⁵⁰⁵. О. Н. Трубачев первичным считает значение ‘шуметь, громко разговаривать, громкий разговор’, хорошо сохранившееся в ДЯ и соотносимое еще с корнями **тъlm-*, **тъrm-*, **bъrm-*, свидетельствующее о его звукоподражательности, „элементарности“⁵⁰⁶. Жаль, что статья Р. М. Цейтлин осталась вне поля зрения главного редактора ЭССЯ.

Не ставя под сомнение звукоподражательный момент, хотелось бы остановиться на идее Р. М. Цейтлин о присутствии внезапного движения в слове млзва. Стоит обратить внимание на несколько слов, заменяющих друг друга в древних текстах, что свидетельствует об их синонимичности

⁵⁰⁰ Срезневский III: 1214; Miklosich: 1052.

⁵⁰¹ О значении чешского слова см.: Kott IV: 363–364.

⁵⁰² СС: 330; SJS II: 220–221.

⁵⁰³ Цейтлин 1985.

⁵⁰⁴ Цейтлин 1985: 14–15.

⁵⁰⁵ Цейтлин 1985: 15.

⁵⁰⁶ ЭССЯ 20: 226, *тъlva*.

или по крайней мере о большой близости их семантики. Это пары *млъва* – *паншть*, *млъвнтн* – *панштѣватн*, а также сочетание *вѣз* *млъвзы* и производное от него *вѣзмлъвнѣ*. Иллюстративный материал (в том числе и материал из ХГА) достаточно хорошо представлен в работе Р. М. Цейтлин, поэтому останавливаться на нем нет смысла. Важно отметить, что *паншть*, близкое по значению со словом *млъва*, варьируется часто с последним не только в древнеболгарских, но и в восточнославянских рукописях⁵⁰⁷. Для глагола *млъвнтн* Р. М. Цейтлин выделяет два значения: 1) ‘бунтовать, подстрекать (в сочетании с предлогом на)’ (*θоруβεῖν*); 2) ‘суетиться, беспокоиться, хлопотать (в его основе ‘двигаться в различных направлениях, снова туда-сюда’; ср. *млъва* ‘колебание’) (*περισπᾶσθαι*, *θоруβάζεσθαι*)⁵⁰⁸. Для первого значения указан пример, в котором наблюдается замена *млъвнтн* на *панштѣватн*, второе значение не иллюстрировано, хотя автор специально обращает внимание на то, что *млъвнтн* в ряде случаев в канонических текстах заменяется на *панштѣватн*⁵⁰⁹. Основа *паншть* и *панштѣватн* тоже звукоподражательного происхождения, но в этих словах очень ясно присутствует идея движения: ср. др.-болг. *плескатн*, болг. *плескам* (*пляскам*), *плесвам*, *плесна* и рус. *плескать*⁵¹⁰. Значение этих слов связано с ударом (руки) и шумом, получающимся в результате этого. *Паншть* относится к болг. *плискам*, в котором идея резкого движения выражена еще ярче: ‘с замахом, размахом выплескивать воду, которая издает шум’, ‘(о жидкости) плескаться’. Резкое движение присутствует и в форме сов. вида *плисна* (ср. рус. *выплеснуть*)⁵¹¹.

Представляется, что взаимозаменяемость *млъва*, *паншть*, *млъвнтн*, *панштѣватн* в древнеболгарских и восточнославянских рукописях позволяет с большей уверенностью говорить о присутствии понятия резкого, внезапного движения в семантике *млъва* и *млъвнтн* – деталь, на которую обратила внимание Р. М. Цейтлин. На фоне сказанного по-новому следует взглянуть на сочетание *вѣз* *млъвзы* и производное от него *вѣзмлъвнѣ*. Первое толкуется как ‘бесшумно, тихо’ (с оттенками ‘безмятежно, спокойно’, ‘безропотно, беспрекословно, покорно’), а второе – как ‘тишина, безмолвие, отсутствие шума’, ‘безропотность, беспрекословность’⁵¹². Слова *вѣзмлъвнѣ*, *вѣзмлъвнѣ* и *вѣзмлъвѣствнѣ* обычно переводят греч. *ἡσύχιος*, *ἡσυχία*, а также *συχή*, *ἔρεμία* и в связи с исихазмом были широко распространены в среднеболгарскую эпоху⁵¹³. Учитывая идею движения в *млъва*, *млъвнтн* (*паншть*,

⁵⁰⁷ Цейтлин 1985: 14.

⁵⁰⁸ Цейтлин 1985: 19.

⁵⁰⁹ Цейтлин 1985: 19.

⁵¹⁰ Фасмер III: 279; БЕР V: 387–389.

⁵¹¹ БЕР V: 353–354.

⁵¹² Цейтлин 1985: 17, 18.

⁵¹³ Цейтлин 1985: 18.

плнштѣватн) и практику исихазма с его ярко выраженным созерцательным моментом, заслуживает серьезного внимания допущение, что *вѣз* *мъзвѣ* и *вѣзмъзвнѣ* должны заключать в себе как понятие отсутствия шума, так и понятие отсутствия движения. Иными словами, в указанных лексемах (*мъзвѣ*, *мъзвнѣ*, *плнштѣ*, *плнштѣватн*), возникших на основе звукоподражания, синкретически сочетаются понятия движения и шума, т.е. *вѣзмъзвнѣ* это не просто ‘тишина, безмолвие, отсутствие шума’, а ‘тишина в сочетании с неподвижностью; отсутствие шума и движения’.

Вернемся к глаголу *оумъзвнѣ*. В среднеболгарской рукописи XII в., в Слепченском апостоле в 1-м Послании к Тимофею (5:21), зафиксировано, правда в испорченном виде, отглагольное существительное *оумъзвнѣннѣ*: (342) *да не съхранншн. вѣзъ вѣзъкоѡ вннъз. ннѣсо же творѣ по оумъзвнѣннѣ (!)* – *μηδὲν ποιῶν κατὰ πρόσκλησιν* (var. *πρόσκλησιν*) (в других Апостолах – по *оумоленнѣ*)⁵¹⁴. Комментарий в SJS гласит: *verisimiliter pro по оумъзвнѣннѣ*; следовало все же реконструировать чтение согласно нормам болгарской (*оумъзвнѣннѣ*), а не русской (!) орфографии – ведь рукопись болгарская. Слово *оумоленнѣ* в (342) толкуется как ‘уговоры’⁵¹⁵. В ОБ по *оумоленнѣ* (видимо связано с каким-нибудь древним списком Апостола), в ЕБ – по *оумклоеннѣ* (новый перевод греч. *πρόσκλησις* ‘прислонение’, ‘склонность’), в современном переводе – „по пристрастию“ (связано с греч. *πρόσκλησις* ‘вызов в суд’, ‘пристрастие’). Р. М. Цейтлин считает, что *оумъзвнѣннѣ* в (342) означает ‘уговоры, склонение на чью-либо сторону’, что оно далеко от древних *мъзвѣ* и *мъзвнѣ*, но в то же время допускает, что его можно „возводить и к древнему значению *мъзвѣ* ‘колебание, отклонение от нормального положения’ и к новому значению ‘разговоры’“⁵¹⁶. И, действительно, учитывая происхождение предлога/приставки *оу/оу-* (и.-е. *au-*), древнее значение которых возводится к др.-инд. *áva* ‘вниз, прочь, долой’⁵¹⁷, можно согласиться с Р. М. Цейтлин, что *оумъзвнѣннѣ* в Слепченском апостоле (и *оумъзвнѣ* в ХГА) имеют двойное истолкование: одно, связанное с уговорами, убеждением, а второе – с устранением колебания. Лишний повод заметить, что семантика слов очень часто имеет синкретический характер. Ср. также *оумъзвнѣннѣ* ‘соблазнитель’ (выше), в котором должна присутствовать идея колебания как отклонения от прямого пути, от правильного в религиозном смысле. Сама Р. М. Цейтлин много писала об этом⁵¹⁸. Идея движения должна присутствовать и в устойчивом выражении *носи се мъзвѣ* ‘ходит молва’, хотя многие, наверно, сочтут, что здесь имеет место метафора.

⁵¹⁴ SJS IV: 653, *оумъзвнѣннѣ*; Цейтлин 1985: 20.

⁵¹⁵ SJS IV: 645.

⁵¹⁶ Цейтлин 1985: 20.

⁵¹⁷ Фасмер IV: 142.

⁵¹⁸ Цейтлин 1996: 128–136.

В современном болгарском *млъвя* означает ‘говорить’, как и чеш. *mluviti*. Нет ничего удивительного в том, что в ХГА использован глагол *оумлъвѣти* в смысле ‘убедить, уговорить’, особенно на фоне *оумлъвѣнии* в Слепченском апостоле (в современном болгарском этому глаголу соответствует *уговоря*)⁵¹⁹.

Ко всему этому можно добавить, что Лавров не обратил внимания на болгарское правописание *оумлъвѣти* в Ув. В близком окружении рассматриваемого глагола (две строки выше) читается типично болгарская конструкция *да + личное местоим. + индикатив + отъ:* (343) *да та нъръшнтъ ѿ оуъзъ снхъ* 383,23 – *λύσαι σε τοῦ δεσμοῦ* Б. 578,16. В (343) показателен сам порядок слов, активно употребляющийся и по сей день в болгарском: *да те освободи от оковите*. Членная форма в *оковите* соответствует указательному местоимению *снхъ* в постпозиции, которое также используется в функции члена, но в диалектах.

Архаичный характер семантики *млъва* и *млъвѣти* в ДЯ позволяет еще раз усомниться в том, что *Беседы* папы Григория, в которых употреблен девербатив *млъвѣнии* ‘шум, возмущение’⁵²⁰, следует относить к некоей поздней чешской традиции, вопреки эксклюзивным изоглоссам Райнхарта. То же самое можно заметить и относительно *Жития св. Бенедикта*, известного по сербскому списку XIV в., где отмечено прилагательное *млъвѣнь* ‘шумный, тревожный’⁵²¹. Сербо-хорв. *tuva* ‘шум’, *tuviti* ‘шуметь, кричать’ считаются заимствованиями из „церковнославянского“ (т.е. ДЯ)⁵²².

ОУХАВЛѦТИ СѦ ‘уменьшаться, ущербляться (о луне)’: (344) *лоуѣнь (лоуѣна SE³, лѣна E²) ... растуѣци (растуѣца Кб⁵²³) н оухавлѣюци сѦ (оуховла Ч, оуховла Кб⁵²⁴)* 81,24–25 – *σελήνην... φθίνουσαν καὶ ἀπολήγουσαν* Б. 94, 6–7.

Слово на сегодняшний день является гапаксом: его цитируют Срезневский и Миклошич по Ув⁵²⁵. Лавров приводит чеш. *uchaběti* ‘ослабеть’, *uchabek* ‘ослабление’ (с. 480). В словаре Котта присутствуют еще глаголы *uchabiti*, *uchabnovati*, приравненные к *ochabiti* ‘ослабеть; делать слабым вялым’ (*schlaff, kraftlos machen*) (ср. *ochabnouti* ‘ослабеть, становиться вялым – *kraftlos werden*’), а также *uchabnovati*, *uchabnouti*, поставленные в один ряд с *uchaběti*⁵²⁶. *Оухавлѣти сѦ* итератив на *-jati* от незафиксированно-

⁵¹⁹ Ср. еще *уговор* ‘согласие’ (Геров V: 415).

⁵²⁰ SJS II: 221.

⁵²¹ SJS II: 221; ср. *млъвѣнии* ‘суета, беспорядочные хлопоты’ из ПА XI в. (Срезневский II: 201; СлРЯ 9: 240).

⁵²² ЭССЯ 20: 225, 227.

⁵²³ Матвеевко, Щеголева I/2: 54, примеч. 44 к с. 182.

⁵²⁴ Матвеевко, Щеголева I/2: 54, примеч. 45 к с. 182.

⁵²⁵ Срезневский III: 1328; Miklosich: 1079.

⁵²⁶ Kott IV: 313; Kott II: 338–339, *ochabiti*, *ochabnouti*.

го *оухавитн сѧ. В переводе ХГА есть еще один редкий итератив на *-jati* того же гнезда – охавлатн сѧ ‘остерегаться, воздерживаться’: (345) *ωχάβλαῶ ἡ σѧ γλτн разанчнѣхъ браннн* 112,24–25 – *ἐῶ δὲ λέγειν τοὺς διαφόρους πολέμους* Б. 145,6–7⁵²⁷. Данный глагол также гапакс, гораздо более употребителен охавитн сѧ, зафиксированный в ряде памятников, чье происхождение связано с древнеболгарской письменностью, а именно, – в ЖАЮ, ИП, *Александрии* и т.д.⁵²⁸ Срезневский приводит еще один пример в указанной словарной статье, но страдательное причастие охавленѣ Ув соотносимо как с охавлатн, так и с охавитн: (346) н свершнста (сотворнста S-Сп) созданин (зданин ППб-СлУнЧ) црквннн древлѣ *ωχάβληνѣ (охавленѣ Ув)* 193,3–4 – *καὶ... ἐτελείωσαν τὴν οἰκοδομήν τοῦ ναοῦ πρότερον ἀμεληθεῖσαν* Б. 276,20–21.

Оба глагола (охавлатн сѧ, оухавлатн сѧ), возможно, окказиональные образования, не вышедшие за пределы перевода ХГА, так как их нет ни в одном из славянских языков, есть только итератив на *-ati* **xabati (se)*⁵²⁹. Семантически оухавлатн сѧ не увязывается с чешскими глаголами, большинство которых является глаголами состояния, например, *sily uchably*. Даже в каузативах *ochabiti, uchabiti* ощущается семантика состояния: ‘делать слабым, вялым; лишать сил’. Оухавлатн сѧ семантически ближе к каузативу **xabiti (se)*⁵³⁰. И болг. *хабя*, и чеш. *chabiti* обладают значением ‘портить, губить’ (в болгарском еще – ‘тупить’, ‘делать впустую’, ‘тратить’), которое, на наш взгляд, лежит в основе семантики оухавлатн сѧ. Поэтому мысль о чешском влиянии и в этом случае неприемлема.

ХРЪТНЦА ‘борзая сука, хортица’: (347) сннде ндеже сѧ псн ценать оу хортнѣ вѣтн цена 542,1–2 – *ἐν τοῖς ὑπὸ κύνα καύματι κατῆλθε τῇ τῆς σφαίρας χρήσασθαι παιδιᾶ* В. 38,34.

Лавров приводит чеш. *hrtice* ‘самка борзого пса’ вместе с укр. *хортиця* ‘борзая сука’. Автор упрекает Истрина в том, что тот не указал на эти слова (с. 480). Со своей стороны, Истрин, следуя за Соболевским, относит данное слово к русизмам, аргументируя это так: ‘если мы встречаем в каком-либо памятнике ряд слов, которые должны быть признаны *русскими*, то мы должны не сомневаться в том, что они восходят к первооригиналу’⁵³¹. Хрѣтнца попала в эту группу по той причине, что (347) представляет собой свободный перевод греческого текста, при этом Истрин сравнивает его с названием острова Хортица на Днепре⁵³². Однако ни Истрин, ни его злополучный оппонент, Лавров, не указали на болг. *хъртица* ‘хортица’, производное от

⁵²⁷ См. также: Срезневский II: 836; Miklosich: 545.

⁵²⁸ Срезневский II: 835; СлРЯ 14: 80–81; см. также: Станков 1994а; 2002б.

⁵²⁹ ЭССЯ 8: 7–8.

⁵³⁰ ЭССЯ 8: 8–9.

⁵³¹ Истрин II: 295.

⁵³² Истрин II: 304.

хрът ‘хорт’, ср. также *хрътка* ‘хортица’⁵³³. Наглядный пример того, чего стоят рассуждения одного о „русизмах“, а другого о „богемизмах“.

В заключение можно сказать, что мысль П. А. Лаврова о влиянии чешского языка на перевод ХГА никоим образом не подтверждается. И если в его возражениях Истрину относительно древнерусского происхождения перевода ХГА есть толк, то весь рассмотренный раздел статьи Лаврова написан неубедительно и, на наш взгляд, наспех, он полон каких-то невнятных мыслей, намеков, ссылок. Ссылки на старочешский словарь и старочешские тексты сами по себе ничего не означают и ничего не доказывают. То же самое относится и к ссылкам на отдельные чешские слова. Автор не задался вопросом, каким образом чешский язык мог оказать влияние на перевод греческого текста, учитывая то обстоятельство, что чешская традиция не связана с византийской. Если Лавров имел в виду идею, что чешский язык оказал некое влияние на ДЯ в связи с пресловутой Моравской миссией в ее традиционном понимании, то он обязан был подкрепить ее более убедительными доводами. Судя по тексту, сам автор смотрит на это влияние как на нечто, что само собой разумеется. Но даже если принять эту идею (а ее, очевидно, принять нельзя), то из этого не следует, что в переводе ХГА принимал участие некий чех.

В этом плане полезно вспомнить слова Р. М. Цейтлин: „К таким все еще недостаточно изученным проблемам относится изучение влияния книжно-письменного языка, созданного Кириллом и Мефодием и их помощниками, на старочешский письменно-литературный язык, несмотря на то, что деятельность Кирилла и Мефодия связана прежде всего с Моравией [в традиционном смысле, – Р.С.]“⁵³⁴. Слабое изучение (вернее отсутствие изучения) влияния ДЯ языка на старочешскую письменность подчеркивали и другие авторы⁵³⁵. Правда, М. Младенова считает, что процесс проникновения древнеболгарских слов в язык старочешских памятников шел с затухающей интенсивностью. Существует и другая возможность: влияние древнеболгарского языка на старочешский, быть может, относится к более позднему времени, чем обычно принято считать. Это влияние, скорее всего, опосредованное, т.е. можно предполагать, что древнерусская традиция оказала влияние на старочешскую, а не наоборот, как полагал в свое время Соболевский. Над этой проблемой серьезно задуматься стоит.

---

⁵³³ Геров V: 511.

⁵³⁴ Цейтлин 1987б: 412.

⁵³⁵ Младенова 1999: 114–115.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В задачи настоящего исследования не входило установление происхождения таких текстов, как АГ, ЗСЛ, ЖМ, или *Besed* (ХГА здесь не в счет), но все же, подводя итоги, сделаем несколько существенных замечаний. Если о НМ есть кое-какие сведения об авторстве и месте перевода, то относительно АГ, ЗСЛ и ЖМ таких сведений нет. Попытки обнаружить „мефодиевский языковой узус“ в этих текстах нельзя признать обоснованными¹. С выявлением Corpus Methodiana Juridica связано немало проблем². Зачисление ЖМ в западнославянские тексты на шаткой основе моравизмов не убедительно, так как, учитывая время, необходимое для канонизации святого, появление ЖМ в Моравии, где бы она ни находилась, более чем сомнительно. Любопытным моментом в этом отношении является Служба Кириллу Философу, в кондаке и икосе которой говорится о распространении дела святых братьев на севере, на западе и на юге. Учитывая то обстоятельство, что центром для православных был Константинополь, то север (или северная земля) обозначает Болгарию, юг – часть Византии, где тоже жили славяне, запад (или западные земли) – Моравию и Паннонию. По мнению Р. Павловой, Служба была составлена, вероятно, в Болгарии, так как присутствие „севера“, „северной земли“ (т.е. Болгарии) делает маловероятным ее создание во время Моравской миссии³.

ЗСЛ также зачисляется в западнославянские тексты на шаткой основе моравизмов. Поиски исторических и юридических аргументов в пользу Моравии (хотя мы даже не знаем, где находилась эта Моравия) пренебрегают историческими и юридическими аргументами в пользу Болгарии. Косвенно о культурных контактах с Восточной Франкской империей свидетельствует *Проложное Житие Мефодия*, в котором можно прочесть такую фразу: *црѣвъ тѣгда грѣкомъ вѣснани. а вѣлгаромъ ѿ вѣл кнезь вѣрнѣ. н краль немечьскимъ людемъ*⁴. При этом нельзя не заметить, что авторы защищающие моравское происхождение ЗСЛ пренебрегают главным направлением движения рукописей: с юга на северо-восток, т.е. из Болгарии (позднее и из Сербии) в Киевскую и Московскую Русь. Если речь идет о контактах Киевской Руси с Чехией, то, скорее, влияние шло не в том направлении, в каком его видел

---

¹ Максимович 2004а: 120–121.

² Цибранска-Костова 2000: 16–27.

³ Павлова 2005: 204–205. Болгаризация культа Кирилла и Мефодия (Чешмеджиев 2001: 79–109) здесь не в счет.

⁴ Павлова 2005: 201.

Соболевский⁵. В итоге, НМ, ЗСЛ и АГ не могли возникнуть в западнославянской языковой среде.

Работы Соболевского, Мареша и Райнхарта не смогли доказать чешское происхождение перевода *Besed* Григория Двоеслова. Усилия на основе нескольких разбросанных листков и нескольких слов воссоздать корпус типа *Patrologia Graeca* или *Patrologia Latina* достойны похвалы, но вряд ли полезны в научном отношении.

Следующие соображения должны иметь решающее значение при изучении древних текстов:

(1) первоначальные шаги в области славянской письменности были сделаны вне Моравии, где бы она ни находилась (оставляем вопрос об объеме в стороне, поскольку он является дискуссионным);

(2) первые славянские тексты были созданы на древнеболгарском диалекте, вопреки всем научным и ненаучным спекуляциям на эту тему;

(3) этапы древнеболгарского письменного языка следуют непрерывную линию развития: результаты деятельности Кирилла и Мефодия естественно переходят в зрелый период ДЯ последней четверти IX столетия⁶; мысль о языковой интерференции⁷ вполне приемлема, но ввиду споров о местонахождении Моравии содержание термина „моравизм“ в этом случае следует отодвинуть в сторону южнославянского языкового ареала (на наш взгляд, вообще лучше отказаться от самого понятия „моравизм“);

(4) реалии, связанные с латинским языком, нельзя считать моравизмами ввиду влияния балканской латыни на южнославянские языки, а также и по той причине, что в Болгарии на протяжении несколько лет велась пропаганда папскими миссионерами; даже после включения Болгарии в зону церковного влияния Константинополя Римская курия еще некоторое время продолжала попытки оторвать Болгарию от православия;

(5) реалии, связанные с немецким культурным и языковым влиянием, тоже нельзя считать моравизмами; территория Болгарии IX столетия в несколько раз превышала территорию современной Болгарии; такие реалии могут быть связаны с культурными контактами между двумя государствами.

Во времена Каролингов и Бориса I Болгария имела непосредственную границу с немецким королевством⁸. Некоторые христианские термины могли быть заимствованы в ДЯ через германское посредство или прямо из

---

⁵ В одной из предыдущих наших работ было высказано мнение, отрицающее контакты Киевской Руси с Чехией, но автор имел в виду мысль Соболевского о влиянии чешской традиции на древнерусскую помимо древнеболгарской.

⁶ Дограмаджиева 1981: 55–62.

⁷ См.: Спасова 2005: 119, 133 примеч. 37.

⁸ Ризов 1917: 2.

балканской латыни⁹. И в этом нет ничего удивительного, потому что сразу после крещения Бориса I Болгария превратилась в ристалище для миссионеров всех толков и мастей¹⁰. Приведем две цитаты из ответов папы Николая I на запросы Бориса I: „asserentes, quod in patriam vestram multi ex diversis locis Christiani advenerint, qui prout voluntas eorum existit, multa et varia loquuntur, id est, Graeci, Armeni, et ex ceteris loci – утверждая, что в отечество ваше пришли из разных мест христиане, которые, как им хочется, рассказывают многие и разные вещи, т.е. греки, армяне и люди с других мест“ CVI, 3–6¹¹; „De his autem, quos in patriam vestram de diversis locis advenisse perhibetis varia et diversa docentes, multa vobis iam scripsimus – О тех, однако, кто, как вы говорите, пришли в отечество ваше из разных мест и учат [вас] разным и противоположным вещам, мы уже много вам писали“ CVI, 21–23¹². В 866 г. Борис I отправил посольство и в Рим, и к Людовику Немецкому с просьбой получить епископов и священников¹³. Правда, посольство Людовика приехало с опозданием и, увидев римских епископов, повернуло обратно.

Несмотря на то, что в настоящем исследовании не был analyzed материал, относящийся в полном объеме к проблеме лексических „моравизмов“, можно заключить, что слова, определяемые как „моравизмы“, таковыми не являются. Методика выявления таких лексических „моравизмов“ ставит перед собой совсем другие цели, которые лежат за пределами филологической науки. Само понятие лексической „моравизм“ в нынешнем понимании остается весьма спорным и вряд ли имеет право на существование.

Возникает вопрос, где же все-таки лежит корень зла? В целях дать ответ на этот вопрос, хотелось бы еще раз остановиться на проблеме переводной литературы в *Slavia Orthodoxa*, во многом зависящей от определения первого литературно-письменного языка славян, т.е. от терминологии¹⁴. Совсем недавно Д. М. Буланин сделал попытку внести „свежую“ струю в эту проблематику. Резюмируем основные положения Буланина:

(1) Поставив вопрос о „многолетних прениях“ вокруг существования восточнославянских переводов древнейшего периода, автор утверждает, что на твердую почву этот вопрос поставил А. И. Соболевский¹⁵;

⁹ Рацева 1986, 20.

¹⁰ История II: 216.

¹¹ Дечев 1922: 100, 101.

¹² Дечев 1922: 102, 103.

¹³ История II: 220.

¹⁴ Дунков, Станков 1988.

¹⁵ Соболевский 1910в. Буланин 2012: 19: „Впервые на твердую почву этот вопрос был поставлен знаменитой работой А. И. Соболевского, в которой он проводил мысль о ненадежности орфографического и морфологического критериев при дистрибуции переводных памятников между южными славянами и Киевом. Преобладающая часть памятников дошла

(2) Ф. Томсон¹⁶, подвергший критике указанную работу Соболевского, во многом прав, но в то же время ему не удалось исключить из состава возможных киевских переводов произведения, перечисленные в его статье¹⁷;

(3) Между А. И. Соболевским и Ф. Томсоном существует близость, заключающаяся в их общем „европоцентризме“¹⁸;

(4) Разразившаяся после выхода в свет студии „Made in Russia“ Ф. Томсона дискуссия оказалась неплодотворной, „поскольку никто не в силах доказать недоказуемое“, т.е. поиски лингвистических доказательств в полемике о переводах ничего не в состоянии доказать¹⁹;

(5) А. А. Алексеев, опровергший Ф. Томсона²⁰, продолжает, однако, придерживаться методологических установок времен Соболевского²¹;

в русских списках, элиминировавших фонетические и грамматические варваризмы из чужого антиграфа. Постулируя большую устойчивость словарного состава в переводных текстах, прибывших на Русь извне или создававшихся в ее пределах, ученый по лексическому критерию отнес из общего фонда к восточнославянским трудам домонгольского периода двадцать пять номеров“.

¹⁶ Thomson 1993.

¹⁷ Буланин 2012: 21: „Самое пикантное, что с данным резюме [Ф. Томсона, – Р.С.] трудно не согласиться: нельзя считать обоснованным киевское происхождение ни одного из семидесяти номеров, анализированных славистом из Бельгии. Как, впрочем, нельзя также зачислить их единым махом в категорию некиевских переводов“.

¹⁸ Буланин 2012: 20: „... Соболевский не был, однако же, защищен от свойственных этому поколению методологически несостоятельных пристрастий. Главные из которых суть европоцентризм и...“. Европоцентризм Ф. Томсона подразумевается и вытекает из дальнеших рассуждений автора: „полемика неизбежно обратилась к своим истокам – к европоцентризму Соболевского, значит, ведущие эту полемику продемонстрировали свое принципиальное единомыслие с атакуемым Томсоном“ (там же: 21).

¹⁹ Буланин 2012: 21: „Спешу заметить, что мое несогласие с лингвистами, углубившимися ныне в изучение старших славянских переводов, касается не их наблюдений над языковыми явлениями в собственном смысле (эти наблюдения бывают и оригинальны, и правильны), но общекультурных выводов. Совокупность находок по истории языка есть лишь набор фактов, нуждающихся в адекватной интерпретации. От одного до другого путь неблизкий. Вопреки довольно распространенному заблуждению, языковой материал не является независимым историческим источником, отделенным от среды его существования, а потому будто бы обладающим более высоким уровнем достоверности, чем другие проявления социальной природы человека. Умозаключения лингвиста неполноценны, если он не принимает во внимание историко-культурный контекст в целом, включая литературный, конфессиональный, этнографический и другие факторы“.

²⁰ См. Алексеев 1996.

²¹ Буланин 2012: 21–22: „У истоков той новой хронологически последней фазы в дискуссии о киевских переводах ... стоит подробный разбор и опровержение статьи Томсона, принадлежащая А. А. Алексееву. Не без ехидства высказавшись по поводу новомодного увлечения культурологией, автор почти демонстративно держится методологических установок времен Соболевского. Мысль о бинарной оппозиции южнославянских и киевских переводных произведений проходит через статью красной нитью: различать их по-прежнему предлагается по приблизительным критериям (редко по орфографии, особенно полногласию,

(6) Упомянув группу русских лингвистов²², Буланин сосредоточил свое внимание на работах А. А. Пичхадзе, чьи наблюдения порою остроумны и бесспорны, но ничего не в состоянии доказать²³.

Под конец Буланин, сознательно отказываясь от обсуждения фактов из истории языка (т.е. лингвистических данных), ограничивается лишь методологическими замечаниями:

(7а) Первое замечание относится к априорному стремлению найти в каком-то произведении любой ценой приметыв восточнославянского происхождения, „что провоцирует опасные и даже неправомерные операции“²⁴;

(7б) Второе замечание обращает внимание на то, что серьезные выводы о происхождении перевода возможны только после изучения его истории²⁵;

(7в) Третье замечание разграничивает три вещи: а) присутствие в переводе „восточнославянизмов“; б) работу над переводом „восточного славянина“; в) появление перевода в границах расселения восточных славян²⁶.

Прежде чем привести заключительные рассуждения и выводы Буланина, разберем указанные уже положения. По поводу (1) надо сказать, что пресловутая статья А. И. Соболевского подвергалась критике не только со стороны Ф. Томсона²⁷. Даже для своего времени статья Соболевского была

локальным грамматическим формам, больше по лексике и даже по отсутствию приметных южнославянизмов, но различать непременно и при любых обстоятельствах“.

²² Заметим, что в дискуссии участвовали не одни только русские лингвисты (см. Станков 2002а; 2002б; 2004а; 2004б), но игнорирование определенных фактов и авторов характерный „методологический“ прием русской медиевистики.

²³ Буланин 2012: 24: „Наблюдения Пичхадзе остроумны, иногда бесспорны ..., но существование разных переводческих школ все же не доказывают“.

²⁴ Буланин 2012: 24: „Априорное задание найти в каком-то произведении приметыв восточнославянского происхождения провоцирует опасные и даже неправомерные операции. Таков случай с „Историей Иудейской войны“ Иосифа Флавия, когда доказательством служит относительная частота употребления лексем независимо от содержания сопоставляемых текстов (количественные показатели, лишённые, по определению, классифицирующего потенциала), когда для сравнения привлекаются другие произведения из „восточнославянского“ круга переводов (то, что само нуждается в доказательствах); для обоснования восточнославянского генезиса знаменитых вставок постулируется, – мягко говоря, нетрадиционное, – близкое знакомство древнерусского книжника с античной мифологией. Те же мерки прилагаются к остальным переводам корпуса“.

²⁵ Буланин 2012: 25: „Серьезные выводы о происхождении текста возможны только после изучения его истории – на этом сходятся Томсон, Федер и Алексеев, да и любой здравомыслящий филолог к ним присоединится. Дополнительно релятивизируются выводы исследователя-лингвиста тем, что они получены при сравнении одних только элементов языка, абстрагированных от содержащего их текста, – его тематики, жанра, места отдельно взятого элемента в ближайшем контексте и в композиции всего произведения, сочетаемости этого произведения с соседними текстами (большинство номеров из „восточнославянского“ корпуса находятся в составе компиляций или, во всяком случае, в сборниках)“.

²⁶ Буланин 2012: 25.

²⁷ Станков 1989.

не просто слабой, а, прямо скажем, некомпетентной. Впрочем, Соболевский вообще отличается способностью делать категорические ни на чем не основанные выводы; достаточно напомнить его „откровения“ относительно родины КЛ, опубликованных, кстати, в том же самом труде под названием „Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии“. Говорить о „твердых“ основах, на которых Соболевский поставил вопрос о „восточнославянских“ переводах, не приходится. Буланин, в своей критике последователей Соболевского, вольно или невольно вступает в противоречие с самим собой. Ведь если основы Соболевского тверды, почему его последователи не в состоянии ничего доказать?!

Положение (2) – не единственный нонсенс в построении Буланина: с Томсоном можно согласиться, но он, видите ли, ничего в сущности не сумел доказать, т.е. с ним нельзя согласиться.

В (3) утверждается родство Соболевского и Томсона на почве „европоцентризма“. Что, собственно, следует понимать под этим словом, Буланин так и не объяснил. Не объяснил автор также, в чем заключается европоцентризм Соболевского и европоцентризм Томсона. Приходится выводить все это из общей массы рассуждений Буланина. Так, европоцентризм Томсона, скорее всего, заключается в его резко отрицательной оценке средневековой русской культуры. Европоцентризм Соболевского остается загадкой. Выскажем предположение, что дело касается комплекса культурной неполноценности, на почве которого Соболевский попытался доказать, что Киевская Русь была в культурном отношении ничуть не хуже Византии и Болгарии.

В (4) Буланин постулирует неполноценность лингвистических данных при решении спора о переводах (а как же быть с „твердой почвой“ Соболевского?). Единственное, с чем можно согласиться, это то, что лингвистические данные нуждаются в адекватной интерпретации. Именно лингвистика стоит на твердых методологических основаниях, чего нельзя сказать, например, о текстологии (впрочем, часть текстологических проблем разрешается при помощи лингвистики). И если советские и российские историки языка XX и XXI века не принимали (и продолжают не принимать) „во внимание историко-культурный контекст в целом“, то беда здесь не в лингвистике и лингвистических данных, поскольку именно они при адекватной интерпретации в состоянии разрешить спор о переводах в *Slavia Orthodoxa*. Проблема здесь заключается не в том, что исследователи обращаются к лингвистике, а в том, что одни факты переоцениваются, другие – недооцениваются, третьи же – и вовсе замалчиваются. Относительно последнего можно привести красноречивый пример: В. М. Истрин в своем издании славянского перевода ХГА и в своих исследованиях этого текста нигде не упомянул о том, что один из писцов Погодинского списка списывал с рукописи, сделанной с двуюсового антиграфа²⁸. Умолчала об этом и Т. В. Ани-

²⁸ Станков 2010–2011: 77–80; 2013а.

симова: в ее описании Погодинского списка об этом нет ни единого слова²⁹. Более того, есть авторы, которые идут даже на подделку лингвистических данных. Так, В. А. Матвеев и Л. И. Щеголева болгарскую форму переделали на русскую³⁰. Разумеется, что при таком отношении к лингвистическим данным, трудно решить спор о переводах. С другой стороны, однако, именно подобное отношение к лингвистическим данным отдельных русских авторов наглядно демонстрирует значение лингвистики в полемике о переводах. Буланин, не будучи лингвистом и называя себя текстологом, забыл очевидно про советскую традицию второй половины XX в. издавать ненаучные издания средневековых текстов, исключая возможность вести полноценные лингвистические наблюдения³¹. Одно из них касается как раз *Истории Иудейской войны* Иосифа Флавия.

В (5) Буланин утверждает, что Алексееву удалось опровергнуть Томсона. Каким образом это произошло – неясно. Основное противоречие в рассуждениях Буланина сохраняется и здесь. Несмотря на „твердый“ характер основ для решения вопроса о переводах, заложенных Соболевским, методологические установки последнего оказываются недостаточными для решения проблемы переводов.

В (6) сказано, что работы А. А. Пичхадзе не сумели доказать существование двух разных переводческих школ. С этим можно согласиться, потому что существовала лишь одна переводческая школа – болгарская. (Из этого положения Буланин сделал другой вывод, но об этом – ниже.)

С (7а) можно согласиться. Необходимо добавить, что привлечение свидетельств из текстов, относимых к древнеболгарскому кругу переводов, оправдано, потому что доказывать существование древнеболгарских переводов не приходится.

Относительно (7б) заметим, что Буланин упускает из виду то обстоятельство, что как раз лингвистические наблюдения во многом помогают изучить историю текста.

Относительно (7в) приведем еще цитату из статьи Буланина: „Наиболее примечательной чертой „восточнославянизмов“ – что признает и сама Пичхадзе – является их редкость в общей массе книжных памятников, откуда делается недоказанное и, как видно, недоказуемое заключение: „Случайно внесенный переписчиком русизм, как правило, устранялся при последующем копировании“³². А может быть, совсем наоборот: вносился не случайно, потому что как русизм никем не воспринимался?“³³.

²⁹ Анисимова 2009: 137.

³⁰ Станков 2010–2011: 77.

³¹ Мещерский 1958; Лебедева 1985.

³² Пичхадзе 2008: 18.

³³ Буланин 2012: 25.

Очевидно, что цитированное высказывание Пичхадзе содержит недоказуемое утверждение, но проблема опять-таки не в лингвистике, а в невнимательном к ней отношении, в неадекватной интерпретации. Произвольные спекуляции, пренебрегающие элементарным здравым смыслом, мало полезны в научных исследованиях. К ним можно отнести и риторический вопрос Буланина в только что приведенной цитате. Дело не в том, как воспринимается то или иное слово, а в случайном характере восточнославянских лексем в переводных текстах. Как раз случайный характер этих лексем показывает, что о „восточнославянских“ переводах говорить не приходится.

В чем суть всех этих рассуждений Буланина? В целях доказать существование восточнославянских переводов автор переходит на почву культурологии, объединяя концепции Д. С. Лихачева и Р. Пикио, которые якобы сходятся в том, что значительная часть письменной культуры славян имела наднациональный характер³⁴. Внесем некоторые коррективы. Концепция „литературы-посредницы“ была предложена Лихачевым на VI Международном съезде славистов в Праге в 1968 г., впоследствии она вошла почти без изменений в его монографию от 1973 г. Лихачев рассматривает древнеславянские литературы как систему, составленную из отдельных национальных литератур. Эти национальные литературы обладают общим фондом памятников, который и является „литературой-посредницей“³⁵. Более всего здесь озадачивает термин *литература-посредница*, который, как и большинство построений Лихачева, лишен логического основания: „Обычно под литературой-посредницей понимают национальную литературу, которая передает другой национальной литературе в своих переводах и обработках памятники третьей национальной литературы. Я предлагаю распространить этот термин и на те наднациональные литературы, которые существовали на священно-ученых языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите и пр. Эти литературы создавались сразу во многих странах, были общими достояниями этих стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество – не их побочная функция, а основная. Произведения, написанные на том или

---

³⁴ Лихачев 1973: 23–35 (= Лихачев I: 24–260); Пикио 1981 (= Пикио 1993: 137–171). Буланин 2012: 26: „Развиваемая первым концепция „литературы-посредницы“ и мысли второго по поводу начального этапа в судьбах *Slavia Orthodoxa*, хотя и разнятся в акцентах и деталях, справедливо сосредоточивают внимание на том, что значительная часть книжного багажа православных славян имела наднациональный статус... ядро „литературы-посредницы“ несомненно составляли переводы. Упомянутые ученые сходятся не только в определении, которые они выбирают для характеристики транснациональной письменности, но и в том, что конструирующее значение для ее возникновения имела книжная продукция X века – „золотой век“ болгарской литературы, ставший для *Slavia Orthodoxa* последующих столетий источником культурных парадигм“.

³⁵ Станчев 2002: 7.

ином из священных и ученых языков, входили в единый фонд памятников, объединяемых этими языками стран, и участвовали в создании литератур на национальных языках. Та же наднациональная единая литература-посредница существовала и у южных и восточных славян. Она обладала наднациональным церковнославянским языком, общим для всех южнославянских и восточнославянских литератур фондом памятников и единой литературной судьбой, единым литературным развитием³⁶.

Отметим два момента в этом высказывании. Во-первых, согласно Буланину, Лихачев определяет древнюю болгарскую литературу как посредницу между Византией и Русью, что, как видно, не так. Лихачев неправомерно переносит термин, относящийся к национальной литературе, на некую выдуманную им наднациональную литературу, не замечая, что слово *посредница* обесмысливает все его построение, так как совершенно не ясно, кто кому посредничает. Нарушается пространственно-временной континуум. Если произведения создавались одновременно в разных странах, то, естественно, не все созданные произведения будут известны одновременно во всех странах, поскольку в одних странах будут произведения, неизвестные другим странам, и наоборот. В таком случае где остается единая литературная судьба, единое литературное общение и развитие? Данное противоречие сохраняется и в дальнейших рассуждениях Лихачева: „В литературу-посредницу входила не вся переводная литература, поскольку отдельные переводы (их, впрочем, не так уж много) были известны только в одной из славянских стран. Вместе с тем в нее входили и отдельные памятники местных литератур, получившие распространение за пределами своего возникновения – в других славянских странах. Литература-посредница состоит в значительной части из переводной литературы и частично из сочинений, возникших на национальной почве³⁷. Постулируемая Лихачевым единая литературная судьба растворяется, коль скоро отдельные национальные („местные“) литературы вносили в „общий“ фонд свои произведения, оставшиеся неизвестными другим членам культурного сообщества. Напомним также, что переводные произведения не могли появляться везде сразу, потому что письменность появилась на Руси на целое столетие позже.

Во-вторых, литература-посредница – общий фонд памятников южных и восточных славян, в нее входят преимущественно переводные произведения, написанные на общем „церковнославянском языке“. Выясняется, что посредником между славянскими культурами здесь является не литература, а язык, который неправомерно называется „церковнославянским“, – именно этим термином пытаются узаконить „культурную кражу“ переводных текс-

---

³⁶ Лихачев 1968: 14–15.

³⁷ Лихачев 1968: 18.

тов. Кое-кому такое заключение может показаться крайним, но как назвать попытку вырвать отдельные переводы из состава древнеболгарской письменной традиции? В чем здесь проявляется „единая литературная судьба“ и „единое литературное общение“? По этому поводу необходимо напомнить другую работу Лихачева, о которой Буланин, видимо, позабыл. Переводная литература создается на общем „церковнославянском“ языке, но в то же время при необходимости определить состав древнерусских переводов Лихачев ссылается как раз на пресловутую статью Соболевского, да еще на „русизмы“ Истрина, позволившие ему „доказать“ русское происхождение раннего перевода ХГА³⁸. Лихачев, с одной стороны, пишет, что в создании славянской литературы-посредницы первостепенное значение имели болгары³⁹, но, с другой стороны, вырывает из состава древнеболгарской культуры, целый ряд переводных текстов, обескровливая тем самым именно ту письменную традицию, которой он сам приписывает ведущую роль.

Со своей стороны, Пиккио рассматривает славянские православные литературы как единую систему, которая не основывается на государственных или национальных принципах⁴⁰. В единой литературной системе древнеболгарской литературе Пиккио отводит роль *литературы-парадигмы*, обусловившей дальнейшее литературное развитие в землях православного славянства⁴¹.

Обсуждать более концепции Лихачева и Пиккио не будем. Противоречивый характер работ Лихачева очевиден, относительно Пиккио скажем, что переводные произведения не входят в состав литературы-парадигмы, их Пиккио и не упоминает, когда говорит об образцах. Совершенно ясно по какой причине: разве может перевод сам по себе быть литературной парадигмой? Содержание или отдельные идеи в переводном тексте могут послужить для создания литературного образца, но сам перевод остается переводом. На основе переводных хроник может возникнуть идея создания Хронографа, но перевод, скажем ХГА, остается только переводом ХГА.

Поэтому, когда речь идет о переводах, нет смысла ссылаться на Лихачева из-за некорректности и противоречивости его постановок, нет смысла ссылаться и на Пиккио, поскольку он исследует литературную традицию вне переводной книжности (в указанной статье Пиккио, на которую ссы-

³⁸ Лихачев 1983: IX глава.

³⁹ Лихачев 1968: 19.

⁴⁰ Станчев 2002: 7.

⁴¹ Пиккио 1993: 140: „... на нея може да се гледа като на *литература-парадигма*. Използвам термина парадигма в неговото етимологично значение, т.е., казано по друг начин, възприемам старата българска литература като корпус от парадигми, от езикови, идейни и формални образци. Тези първообразци, които до голяма степен са обусловили по-нататъшното развитие на цялата литературна дейност в земите на православното славянство, са били създадени в една извънредно сложна културна среда“. См. также: Пиккио 1993: 163–164.

ляется и Буланин, автор нигде не ставит вопрос о переводной книжности). Заметим еще, что надуманное сходство между Лихачевым и Пиккио, предложенное нам Буланиным, не отменяет вопроса о происхождении того или иного переводного или непереводного текста, так как это позволяет установить возникновение и развитие тех или иных процессов даже в наднациональной (если согласиться с таким определением) культурной общности, в которой должен быть центр (Болгария) и периферия (Русь). Когда отдельные авторы (вроде А. А. Турилова) пытаются обосновать некое восточнославянское влияние на южнославянскую письменность, то это, очевидно, вызвано нежеланием примириться с периферной ролью Киевской Руси и желанием доказать, что древнерусская литературная традиция непременно на кого-то оказывала влияние⁴². Если имена отдельных древнерусских святых стали известны на Балканах в XIII в., то это не связано непременно с каким-то влиянием древнерусской письменной культуры, а с процессами, развивавшимися здесь, на Балканах⁴³.

Вернемся к вопросу, почему потребовалось Буланину объединять Лихачева и Пиккио. Такое объединение позволяет Буланину говорить об „однородности основной массы текстов, накопленных в разных концах славянского мира“. Таким образом все сваливается в одну кучу. Проведя эту операцию, Буланин еще раз подчеркивает недостаточность лингвистических наблюдений: „Коль скоро наблюдения над языком не способны представить непротиворечивую историю текста, соответствующие факты никогда не уложатся ровно под однозначное толкование. Следовательно, там, где ратующие за обособление компактной группы восточнославянских переводов ставят знак „плюс“, Томсон – не совсем, увы, бесосновательно – вновь поставит „минус“, и такое колебание маятника будет продолжаться бесконечно“. Не разумнее ли признать очевидное: „восточнославянский“ корпус переводов не подлежит восстановлению на необходимом уровне точности, потому что создатели его продуцировали тексты по рецептам [разве можно продуцировать перевод по рецепту? – Р.С.], изготовленным предыдущими поколениями книжников, прежде всего теми, что творили в „золотой век“ болгарской литературы. Не подлежит восстановлению не потому, что носителям восточнославянского языкового узуса в принципе заказано было ратовать над переводами, но потому, что новоприбылые памятники никак не отличались от прежде бывших“⁴⁴.

Изюминка в построении Буланина, и очередной его логический нонсенс. Лингвистика не в состоянии выявить „восточнославянский корпус“

---

⁴² Ср.: Тихомиров 1947: 162; см. также: Станков 2005б.

⁴³ Павлова 2008: 15; Гюзелев 2011.

⁴⁴ Буланин 2012: 27–28.

переводов, потому что он не отличается ничем от древнеболгарского корпуса, чье существование (к великому сожалению Буланина, да и не только его) неоспоримо. Упрекая своих коллег в том, что они ищут доказательства существования „восточнославянского корпуса“ переводов, Буланин постулирует существование этого корпуса а priori, поскольку оно недоказуемо при помощи лингвистического анализа. Откуда в таком случае известно о существовании „восточнославянского“ корпуса? Ведь если какой-нибудь феномен не имеет отличительных признаков, кто докажет его существование? Как раз по этой причине Соболевский и его последователи пытаются присвоить этому корпусу отличительные признаки. Им это не удается, что подметил и сам Буланин, не по причине неполноценности лингвистических наблюдений, а по причине того, что русизмы (с учетом и историко-культурного контекста) в переводных текстах всегда могут быть вторичного происхождения. Как мы видим, Буланин пытается „научно“ обосновать кражу культурных ценностей, так как любой переводной текст, несохранившийся в болгарской рукописной традиции, можно запросто включить (как, впрочем, и делается уже на протяжении последних 100 с лишним лет) в состав корпуса „восточнославянских“ переводов из-за невозможности различения „южнославянских“ и „восточнославянских“ переводов.

В очередной раз можно заключить, что все упирается в проблему определения первого письменного языка славян, точнее – в отказе называть его на основании его этнической принадлежности. Введение сомнительной терминологии в научный оборот преследует совсем другие цели. Яркий тому пример как раз обозначение первого литературного языка славян – ДЯ; ср.: *старославянский*, *staroslověnský*, *старословенски*, *церковнославянский*, *Altkirchenslavische*, *Old Church Slavonic*, *первый литературно-письменный язык славян* (Е. М. Верещагин), *славянский книжный и древнеславянский язык* (у Максимовича⁴⁵) и т.п. вплоть до странных словосочетаний, лишенных ясного лингвистического смысла, вроде „болгаро-преславский язык“⁴⁶ или „местный язык (в его старославянском моравском варианте)“⁴⁷.

На эту тему по инициативе ученых Болгарской АН и АН СССР даже было проведено *Рабочее совещание болгарских и советских ученых по проблемам научного сотрудничества и по некоторым спорным вопросам изучения памятников славянской письменности IX–XI вв.*, которое состоялось 24–26 сентября 1985 г. в Софии. В работе совещания приняло участие 21 ученый с болгарской стороны и 10 ученых с советской стороны. Среди документов сохранился такой под названием „О состоянии научной разработ-

⁴⁵ Автором последнего термина является Н. И. Толстой; см.: Толстой 1961; 1988: 34–52.

⁴⁶ Максимович 2005: 128.

⁴⁷ Гавлик 1985: 99.

ки вопросов, затронутых в письме Президента Болгарской Академии наук, академика А. Балевского – Президенту Академии наук СССР, академику А. П. Александрову“, „автором“ этого документа являются *Отделение литературы и языка АН СССР* и *Отделение истории АН СССР*⁴⁸. Среди всего прочего в этом тексте можно прочесть такие строки: „Итак, по мнению некоторых болгарских лингвистов, Европа пользовалась тремя классическими языками – греческим, латинским и староболгарским, а не старославянским (древнеславянским), притом, в формировании последнего всем другим народам и языкам, кроме болгар и болгарского языка, отводится пассивная роль“ (с. 7 документа)⁴⁹. Далее: „Все сказанное до сих пор имеет непосредственное отношение к вопросу о филологической характеристике Изборника Святослава 1073 г. *Определяя старославянский и церковнославянский (древнеславянский) язык, т.е. общий литературный язык славян, как древнеболгарский в течение всего периода его существования, нетрудно сделать еще один шаг и объявить почти всю литературу на этом языке или значительную ее часть древнеболгарской*. Так происходит с древнерусским памятником Изборник Святослава 1073 г., который в Болгарии некоторыми филологами без всяких оговорок объявляется болгарским“ (с. 8–9 документа)⁵⁰. В словах, выделенных курсивом, сконцентрирована вся суть проблемы – как говорится, *на воре шапка горит*. ССб (Изборник 1073 г.) принадлежит древнеболгарской традиции, поскольку он возник в Болгарии при царе Симеоне. С другой стороны, сборник принадлежит и древнерусской культуре, поскольку переписывался на Руси и был частью древнерусской письменной традиции. В таком плане обе стороны сошлись во мнениях в ходе совещания по вопросу о ССб. Было также достигнуто согласие по вопросу о том, что народная основа первого славянского литературного языка, т.е. языка Кирилло-Мефодиевских переводов, был солунский диалект болгарского языка IX в. На совещании, однако, (и в этом нет ничего удивительного) не было достигнуто согласие по вопросу о содержании термина *старославянский язык*. Болгарская сторона настаивала на том, что он идентичен термину *древнеболгарский (старобългарски)*, советская сторона отстаивала точку зрения, что *старославянский язык* обладал более широкой функцией, чем термин *древнеболгарский*, поэтому от него не следует отказываться⁵¹. Полтора года спустя вышел в свет сборник „Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому“ (Москва 1987), в котором можно прочесть весьма странные с лингвистической точки зрения мысли, которых постыдился бы любой мало-мальски грамотный

---

⁴⁸ Богданова 2013: 18.

⁴⁹ Богданова 2013: 19.

⁵⁰ Богданова 2013: 20; курсив наш.

⁵¹ Богданова 2013: 20–21, примеч. 8.

лингвист, и который явился своеобразной артподготовкой к решающему сражению, состоявшемуся 16 сентября 1988 г. на Съезде славистов в Софии. На послеобеденном заседании Е. М. Верещагин своим выступлением спровоцировал бурную дискуссию по вопросам терминологии, переходящую порой за рамки академического тона и длившуюся 3 часа (по нашим воспоминаниям), в которую были вовлечены ученые многих стран. Многие иностранные лингвисты признавали право на существование термина *древнеболгарский*, в то время как русская сторона настаивала на его полной непригодности. И хотя, на наш взгляд, „победа“ в этой словесной перепалке осталась за болгарской стороной, на практике ничего не изменилось – *verba volant*... В итоге, каждая сторона осталась при своем мнении, и на другой день жизнь вошла в свою обычную колею.

Как писал Борхес, „опускать *всегда* одно слово, прибегать к неподходящим метафорам и очевидным парафразам, может быть, самый надуманный способ указать на это слово“. Вряд ли можно надеяться, что ситуация изменится к лучшему в будущем.

СОКРАЩЕНИЯ

арх. – архаический
блр. – белорусский
болг. – болгарский
вин. (п.) – винительный падеж
вм. – вместо
вост.-болг. – восточноболгарский
вост.-слав. – восточнославянский
греч. – греческий
д.-в.-н. – древневерхненемецкий
дат. (п.) – дательный падеж
дв. (ч.) – двойственное число
диал. – диалектное
др.-болг. – древнеболгарский
ДЯ – древнеболгарский язык
ед. (ч.) – единственное число
ж. р. – женский род
зап.-слав. – западнославянский
и.-е. – индоевропейский
им. (п.) – именительный падеж
итал. – итальянский
л. – лист/лицо
лат. – латинский
м. р. – мужской род
местн. (п.) – местный падеж
мн. (ч.) – множественное число
нар.-лат. – народный латинский
наст. – настоящее время
несов. – несовершенный вид
польск. – польский
праслав. – праславянский
примеч. – примечание
род. (п.) – родительный падеж
рус./русск. – русский
сев.-болг. – северноболгарский
сев.-великорус. – северновеликорусский
серб. – сербский
сербо-луж. – серболужицкий

сербо-хорв. – сербохорватский
слов. – словацкий
словен. – словенский
см. – смотри
сов. – совершенный (вид)
ср. – сравни
ср.-в.-н./ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ср. р. – средний род
ст.-сл. – старославянский
ст.-чеш./ст.-чешск. – старочешский
сущ. – существительное
тв. (п.) – творительный падеж
укр. – украинский
хорв. – хорватский
чеш./чешск. – чешский
ю.-слав. – южнославянский

СОКРАЩЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ И ТЕКСТОВ

- АГ – Анонимная гомилия
АЕ – Ассеманиево евангелие
ЕК – Ефремовская кормчая
ЖАЮ – Житие Андрея Юродивого
ЖК – Житие Кирилла
ЖКО – Житие Климента Охридского
ЖМ – Житие Мефодия
ЖН (I и II) – Житие Наума Охридского
ЗЕ – Зографское евангелие
ЗСЛ – Закон судный людем
ИП – Историческая Палея
КЛ – Киевские листки
КСб – Клоцов сборник
МЕ – Мариинское евангелие
НМ – Номоканон
ОЕ – Остромирово евангелие
ПА – Пандекты Антиоха
ПНЧ – Пандекты Никона Черногорца
ПСКМ – Похвальное слово Кириллу и Мефодию
СЕ – Синайский евхологий
СПс – Синайская псалтирь
СР – Супрасльская рукопись
ССб – Симеонов сборник
ХГА – Хроника Георгия Амартола
- DAI – De administrando imperio

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

- БАС (Большой академический словарь): Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва–Ленинград, 1950–1965.
- БЕР: Български етимологичен речник. Т. 1–7. София, 1971–2011.
- Бернштейн: Бернштейн, С. Б. Болгарско-русский словарь. Москва, 1966.
- Геров: Геров, Н. Речник на българския език. Т. 1–6. Пловдив, 1895–1908.
- Давидов 1976: Давидов, А. Речник-индекс на Презвитер Козма. София, 1976.
- Даль: Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва, 1978–1980.
- Даничић: Даничић, Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Т. 1–3. У Биограду 1863–1864; репринт: Београд (без обозначения года).
- Делева 1996: Делева, А. Речник на прабългарските заемки в старобългарските паметници. – В: Прабългарски заемки в старобългарски език (механизми на езиковата адаптация). Дисертация. София (машинопись).
- Дьяченко 1900: Дьяченко, Г. Полный церковнославянский словарь. Москва, 1900.
- Дювернуа: Дювернуа, А. Словарь болгарского языка по памятникам народным и произведениям новейшей печати. Т. 1–2. Москва, 1889.
- Илчев 1969: Илчев, Ст. Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 1969.
- КМЕ I–IV: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1–4. София, 1985–2003.
- Ковачев 1987: Ковачев, Н. П. Честотен тълковен речник на личните имена у българите. София, 1987.
- Ковачев 1995: Ковачев, Н. П. Честотно-етимологичен речник на личните имена в съвременната българска антропонимия. Велико Търново, 1995.
- Кузнецов: Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург 2000.
- Младенов 1941: Младенов, Ст. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Младенов, Балан 1951: Младенов, Ст., А. Балан. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. 1 (А–К). София.
- ОРСБЕ: Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.
- ОСРЯ: Обратный словарь русского языка. Москва, 1974.
- РБЕ: Речник на българския език. Т. 1–12. София, 1977–2010.
- РРОДД: Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в. София, 1974.
- РСБКЕ: Речник на съвременния български книжовен език. Гл. ред. С. Романски. Т. 1–3. София, 1954–1958.
- РСКЈ: Речник српскохрватског књижевног језика. Т. 1–4. Нови Сад–Загреб, 1967–1976.
- РСКНЈ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. 1–14. Београд, 1959–1989.
- СДЯ: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–10. Москва, 1988–2013.
- СлРЯ: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып 1–26. Москва, 1974–2002.
- Срезневский: Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. Санкт-Петербург, 1893–1912.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 1–40, Москва–Ленинград/Ленинград/ Санкт-Петербург, 1965–2006.
- СРСБКЕ: Словообразователен речник на съвременния български книжовен език. Под ред. на Й. Пенчев. София, 1999.
- СС: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Э. Благовой, Р. Вечерки, Р. М. Цейтлин. Москва, 1994.

- СтБР: Старобългарски речник. Т. 1–2. София, 1999–2009.
- Фасмер: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. Москва, 1986–1987.
- ЧБР: Чешко-български речник в два тома. Под ред. на Светомир Иванчев. Т. 1–2. София, 2002.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–37. Москва, 1974–2011.
- Drummond, Perkins 1973: Drummond, D. A., G. Perkins. A short dictionary of Russian obscenities. Berkeley, 1973.
- Fasmer: Fasmer, M. Russisches ethymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1953–1958.
- Gebauer I–II: Gebauer, J. Slovník staročeský. D. 1–2 (A–N). Praha, 1970.
- HSSJ: Historický slovník slovenského jazyka. D. 1–2 Bratislava, 1992.
- Kott: Kott, F. Št. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–7. Praha, 1878–1893.
- Lampe: Lampe, G. W. H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1972.
- Liddell, Scott: Liddell, H. G., R. Scott. A Greek-English Lexicon. Revised and augmented by sir H. S. Jones, with a revised supplement. Oxford, 1996.
- Machek 1968: Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Machek 1971: Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Miklosich: Miklosich, Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Skok: Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. 1–4. Zagreb, 1971–1974.
- Slavičková 1975: Slavičková, E. Retrogradní morfematický slovník češtiny. Praha, 1975.
- SJP: Słownik języka polskiego. T. 1–11. Warszawa, 1958–1969.
- SJS: Slovník jazyka staroslověnského. D. 1–4. Praha, 1958–1997.
- Sophocles: Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. By E. A. Sophocles. New York, 1900.
- SP: Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk, 1974–2001.
- SS: Staročeský slovník. Hl. red. B. Havránek 1–. Praha, 1968 – .
- SSJ: Slovník slovenského jazyka. D. 1–6. Bratislava, 1959–1968.
- SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–8. Praha, 1989.
- SSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. T. 1–4. Ljubljana, 1970–1985.
- Trávníček 1952: Trávníček, F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Váša, P., Trávníček I–II: Váša, P., F. Trávníček. Slovník jazyka českého. D. 1–2, v Praze, 1937.

ЛИТЕРАТУРА

- АЕ: Асеманиево евангелие. Факсимилно издание. София, 1981.
- Алексеев 1996: Алексеев, А. А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона "Made in Russia"). – ТОДРЛ. Т. 49. Санкт-Петербург, 1996, 278–296.
- Андреев 1958: Андреев, М. Към въпроса за произхода и същността на Законъ соудный людъмъ. – Годишник на Софийския университет, юридически факултет. Т. 49, 1957, София, 1958, 1–60.
- Андреев 1959: Андреев, М. Является ли „Законъ соудный людъмъ“ древнеболгарским юридическим памятником?. – В: Славянский архив. Вып. 2. Москва, 1959, 3–22.
- Андреев 1964: Андреев, М. Нови проучвания и нови теории относно произхода на Законъ соудный людъмъ. – Годишник на Софийския университет, юридически факултет. Т. 55. София, 1964, 27–83.
- Андреев 1985: Андреев, М. Законъ соудный людъмъ. – В: КМЕ I, 711–717.
- Анисимова 2009: Анисимова, Т. В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. Москва, 2009.
- Антонин 1873: Антонин [Капустин]. Из записок синайского богомольца. 6. – Труды Киевской Духовной Академии. Т. 4, сентябрь, 324–400.
- Баранкова, Мильков 2001: Баранкова, Г. С., В. В. Мильков. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Санкт-Петербург, 2001.
- БЕ: Банишко евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. Подг. за печат Е. Дограмаджиева и Б. Райков. София, 1981.
- Бернштейн 1972: Бернштейн, С. Б. К истории славянского суффикса *-tel'ь*. – В: Русское и славянское языкознание. Москва, 1972, 36–42.
- Бернштейн 1974: Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. Москва, 1974.
- Беседы: Григорий Двоеслов. Сорок бесед на Евангелия. <http://www.azbyka.ru/otechnik/?Grigoriј_Dvoeslov/besedy-na-evangeliya>.
- Бильбасов 1868: Бильбасов, В. А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. Критика документов. Римские папы и славянские первоучители. Monumenta diplomatica. Часть первая. Санкт-Петербург, 1868.
- Благова, Икономова 1993: Благова, Э., Ж. Икономова. Лексические совпадения Бесед Григория Двоеслова и Второго Жития Вячеслава с лексикой Иоанна Экзарха. – Palaeobulgarica/Старобългаристика, XVII, 1993, № 3, 13–26.
- Благова, Икономова 1995: Благова, Е., Ж. Икономова. Лексика Бесед Григория Двоеслова и лексика Иоанна Экзарха. – В: Преславска книжовна школа. Т. 1. София, 1995, 283–289.
- Богданова 2013: Богданова, С. Аспекти на темата за старобългарската книжнина и руската ръкописна традиция в научното наследство на проф. Румяна Павлова. – Език и литература, 2013, № 1–2, 8–24.
- Богдановић 1978: Богдановић, Д. Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978.
- Бодянский 1885: Бодянский, О. М. О времени происхождения славянских письмен. Москва, 1885.
- Бодянский, Попов 1879: Бодянский, О. М., А. Н. Попов. Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года. – ЧОИДР, кн. 3. Москва, 1879.

- Божилев, Тотоманова, Билярски 2010: Божилев, Ив., А. Тотоманова, Ив. Билярски. Борилев Синодик. Издание и превод. София, 2010.
- Борковский, Кузнецов 1963: Борковский, В. И., П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1963.
- Бояджиев 1990: Бояджиев, Д. Проучване върху етно-езиковите отношения в Тракия и Мизия през Римската епоха. Автореферат на дисертация за получаване на научната степен „доктор на филологическите науки“. София, 1990.
- Будилович 1875: Будилович, А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. Санкт-Петербург, 1875.
- Буланин 2012: Буланин, Д. М. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах. – Русская литература, 2012, № 2, 3–30.
- Вавржинек 2012: Вавржинек, В. Спорът за църковната юрисдикция над България и съдбата на Кирило-Методиевата мисия във Велика Моравя. – Любословие, 2012, № 12, 8–17.
- Вайан 1952: Вайан, А. Руководство по старославянскому языку. Москва, 1952.
- Ван-Вейк 1957: Ван-Вейк, Н. История старославянского языка, Москва. (рус. перевод: Geschichte der altkirchenslavischen Sprache, von Nicolaus Van Wijk. Berlin und Leipzig, 1931).
- Ванков 1959: Ванков, Л. Към историята на италианските заемки в български. 1762–1860. – Годишник на Софийския университет, Филологически факултет. Т. 52, 2, 1956–1957, София, 1959, 203–312.
- Варбот 1969: Варбот, Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. Москва, 1969.
- Васильев 1893: Васильев, А. В. Anecdota graeco-byzantina (= Сборник памятников византийской литературы, т. 11), Москва, 1893.
- ВЕ: Ватиканско евангелие. Старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс Vat. Gr. 2502, Тр. Кръстанов, А.-М. Тотоманова, Ив. Добрев. София, 1996.
- Вендина 1988а: Вендина, Т. И. К словообразовательным особенностям южнославянских языков (в сравнении с другими славянскими языками). – В: ОЛА. Материалы и исследования. 1984. Москва, 1988, 130–158.
- Вендина 1988б: Вендина, Т. И. К вопросу о типологическом сходстве и различии славянских языков на уровне словообразования. – В: ОЛА. Материалы и исследования. 1984. Москва, 1988, 158–175.
- Вендина 2006: Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры (концепт Истина). – В: Ad Fontes Verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. Москва, 2006, 54–68.
- Взаимодействие: Взаимодействие лингвистических ареалов. Теория, методика и источники исследования. Ред. М. А. Бородина. Ленинград, 1980.
- Востоков 1842: Востоков, А. Х. Описание русских и словенских рукописей румянцевского музея. Санкт-Петербург, 1842.
- Гавлик 1976: Гавлик, Л. Моравская народность в эпоху раннего феодализма. – В: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. Москва, 1976, 156–185.
- Гавлик 1985: Гавлик, Л. Государство и держава моравян. – В: Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. Москва, 1985, 96–107.
- Ганев 1959: Ганев, В. Законъ съдѣный людемъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959.
- Георгиев 1958: Георгиев, В. Въпроси на българската етимология. София, 1958.
- Георгиев 1978/1985: Георгиев, В. Още един пример за промяна $(t)al/rt > (t)l/rot$ и $(t)l/rot$ в южнославянските езици. – Slavia, XLVII, 1978, 350–351 (= Георгиев 1985, 56–57).
- Георгиев 1983/1985: Георгиев, В. Още един пример за промяна $(t)al/rt > (t)l/rot$ и $(t)l/rot$ в българския език. – Български език, XXXIII, 1983, № 5, 399–400 (= Георгиев 1985: 57–59).
- Георгиев 1985: Георгиев, В. Проблеми на българския език. София, 1985.

- Георгиев 1986: Георгиев, В. Стб. *малъжина* ‘съпрузи’ – една старинна славянска дума. – Български език, XXXVI, 1986, № 5, 424–426.
- Гешев 2003: Гешев, В. Чужди ли са тевтонците (праславянски названия за категории население). – В: Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания. София, 2003, 35–44.
- Горшкова, Хабургаев 1981: Горшкова, К. В., Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. Москва, 1981.
- Гошев 1956: Гошев, И. Рилски глаголически листовце. София, 1956.
- Граматака 1991: Граматака на старобългарския език. София, 1991.
- Грунский 1904: Грунский, Н. К. Памятники и вопросы древне-славянской письменности. Юрьев, 1904.
- Гутянова 1986: Гутянова, Я. Моравизмы в лексике старославянских рукописей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1986.
- Гюзелев 2011: Гюзелев, В. Средновековният Търнов – духовна столица на славянската православна общност. – В: Търновска книжовна школа. Т. 9. Велико Търново, 2011, 9–14.
- Десницкая 1976: Десницкая, А. В. О некоторых вопросах балканистики в связи с изучением карпатского лингвистического ареала. – Вопросы языкознания, 1976, № 3, 35–46.
- Десницкая 1978а: Десницкая, А. В. О ранних балкано-восточнославянских лексических связях. – Вопросы языкознания, 1978, № 2, 42–51.
- Десницкая 1978б: Десницкая, А. В. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков. – В: Славянское языкознание. VIII Международный делегации. Доклады советской делегации. Москва, 1978, 145–172.
- Десницкая 1987: Десницкая, А. В. К изучению латинских элементов в лексике балканских языков. – В: *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале. Ленинград, 1987, 3–36.
- Дечев 1922: Отговорите на папа Николай I по допитванията на българите (направено от княз Борис I), ноември 866/*Responsa Nicolai papae I ad consulta Vulgarorum*, Anno 866, стъмки за издание и преведе Д. Дечев. София, 1992; репринт, София, 1998.
- Джамбелука-Коссова, Дограмаджиева 1980: Черноризец Храбър. О писменехъ. Критическо издание. Подготвила Алда Джамбелука-Коссова. Словоуказател. Изготвила Екатерина Дограмаджиева. София, 1980.
- Дзидзилис 1990: Дзидзилис, Х. Фонетични проблеми при етимологизуване на гръцките заемки в българския език. София, 1990.
- Димитрова 2012: Димитрова, А. Синтактична структура на преводната агиография. София, 2012.
- Добрев 1987: Добрев, И. Старинни народни думи. София, 1987 (= Библиотека „Родна реч омайна“, кн. 27).
- Добрев 1995: Добрев, И. Номоканон. – В: КМЕ II, 825–833.
- Добрев 2007: Добрев, И. Прозрения в българската старина. Linz, 2007 (*Altbulgarische Studien*, Bd. 7).
- Добродомов 2005: Добродомов, И. Г. Иллюзорная семантика в русских исторических словарях и ее последствия (на примере слова *къмлетъ*). – Древняя Русь, 2005, 3 (21), сентябрь, 74–75.
- Дограмаджиева 1981: Дограмаджиева, Е. Своеобразие этапов книжного староболгарского языка. – *Palaeobulgarica*/Старобългаристика, V, 1981, № 1, 55–62.
- Дунков, Станков 1988: Дунков, Д., Р. Станков. К вопросу об основных положениях становления и развития древнеболгарского литературно-письменного языка и его изводов. – *Palaeobulgarica*/Старобългаристика, XII, 1988, № 1, 9–28.
- Дурново 1929–1930: Дурново, Н. Академик Алексей Иванович Соболевский. – *Slavia*, VIII, 1929–1930, № 4, 831–839.

- Ефимова 2006: Ефимова, В. С. Старославянская словообразовательная морфемика. Москва, 2006.
- Ефимова 2011: Ефимова, В. С. Наименования лиц в старославянском языке. Москва, 2011.
- Жолобов 2010: Жолобов, О. Ф. Лекции по истории числительных (раннедревнерусский период). Ижевск, 2010.
- Заимов I-II: Заимов, Й. Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената. Т. 1. А-Й. Т. 2. К-Р. Велико Търново.
- Захаревич 1959: Захаревич, Е. А. Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке. – В: Вопросы грамматики современного болгарского литературного языка. Москва, 1959, 100–156.
- Златарски I/1: Златарски, В. История на българската държава през средните векове. Т. 1. Първо българско царство. Ч. I. Епоха на хуно-българското надмощие (679–852). София, 1918.
- Златарски 1925: Златарски, В. Н. Словенското житие на св. Наума от XVI век. – Списание на БАН, кн. XXX, Клон историко-филологичен и философско-обществен, 17, 1925, 1–28.
- ЗСЛ (К): Закон Судный людем. Краткой редакции, подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Москва, 1961.
- ЗСЛ (П): Закон Судный людем. Пространной и сводной редакции. Подг. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Москва, 1961.
- Иванов 1914: История славѣноболгарская, собрана и нареждена Паисиемъ иеромонахомъ в' лѣто 1762. Стѣмки за печать по първообраза Йор. Иванов. София, 1914.
- Иванов 1931: Иванов, Й. Български старини из Македония. София, 1931. Репринт под ред. на Б. Ангелов, Д. Ангелов. София, 1970.
- Иванов 1989: Иванов, Вяч. Вс. Латынь и славянские языки. Проблемы взаимодействия. – В: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. Москва, 1989, 25–35.
- Иванов, Топоров 1963: Иванов, В. В., В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. – В: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V съезде славистов. Москва, 1963.
- Иванова 1992: Иванова, К. Жития на Наум Охридски. – Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. София, 1992, 172–173.
- Иванова-Мирчева, Харалампиев 1999: Иванова-Мирчева, Д., И. Харалампиев. История на българския език. Велико Търново, 1999.
- Ильинский 1929: Ильинский, Г. А. Златоструй А. Ф. Бычкова XI века. София, 1929.
- Иорданиди, Крысько 2000: Иорданиди, С. И., В. Б. Крысько. Множественное число именного склонения. – В: Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 1. Москва, 2000.
- История II: История на България в XIV тома. Т. 2. Първа българска държава. София, 1981.
- Истрин: Истрин, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1. Текст. Петроград 1920. Т. 2. Греческий текст „Продолжения Амартола“. Исследование. Ленинград 1922. Т. 3. Греческо-славянский и славянско-греческий словари. Ленинград, 1930.
- Истрин 1893: Истрин, В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. Москва, 1893.
- Йоан Екзарх: Йоан Екзарх, Шестоднев. Превод от старобългарски, послеслов и коментар Николай Цв. Кочев. София, 1981.
- Карский 1979: Карский, Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Москва, 1979.
- Кенанов 2002: Кенанов, Д. Св. Григорий Богослов и житиеписания канон (Эпитафия на св. Василий Велики). – В: Кенанов, Д. Славянска метафрастика, с приложение на житие за св. Сава Сръбски. Пловдив – В. Търново, 2002, 31–49.
- Климент Охридски: Климент Охридски. Събрани съчинения. Т. 1–3. София, 1970–1977.

- Ключевский 2003: Ключевский, В. О. История России. Специальные курсы. Москва, 2003.
- Коледаров 1987: Коледаров, П. Съдбата на северозападните български предели през IX век. – В: Хиляда и сто години от смъртта на Методий. София, 1987, 165–175 (= Кирило-Методиевски студии, кн. 4).
- Кръстанов 2010а: Кръстанов, Тр. Кариера на св. Йоан Екзарх, архиепископ и патриарх на българската земя и на св. Климент, епископ Велички и Охридски чудотворец в Западна България. – Многообразие в единството, 2010, № 1, 76–88.
- Кръстанов 2010б: Кръстанов, Тр. „40 Беседи“ на папа Григорий Велики: преводи от латински на български език от IX в. или на чешко-църковнославянски от XI в.? – Многообразие в единството, 2010, № 2, 273–281.
- Кувев 1967: Кувев, К. Черноризец Храбър. София, 1967.
- Кувев 1986: Кувев, К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. 2-о изд. София, 1986.
- Лавров 1925–26: Лавров, П. А. Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. – *Slavia*, 1925–26, IV, 461–484; V, 657–683.
- Лавров 1930: Лавров, П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Ленинград, 1930.
- Лебедева 1985: Лебедева, И. Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Ленинград, 1985.
- Лихачев 1968: Лихачев, Д. С. Древнеславянские литературы как система. – В: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва, 1968, 5–48.
- Лихачев 1973: Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Ленинград, 1973.
- Лихачев 1983: Лихачев, Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Ленинград, 1983.
- Лихачев I–III: Лихачев, Д. С. Избранные работы в трех томах. Ленинград, 1987.
- Львов 1965а: Львов, А. С. О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности. – В: Проблемы современной филологии. Москва, 1965, 199–203.
- Львов 1965б: Львов, А. С. К вопросу о моравизмах в языке памятников старославянской письменности. – *Slavia*, XXXIV, 1965, 2, 263–272.
- Львов 1966: Львов, А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. Москва, 1966.
- Львов 1968: Львов, А. С. Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. – В: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага 1968. Доклады советской делегации. Москва, 1968, 316–338.
- Львов 1979: Львов, А. С. Из лексикологических наблюдений. – В: Этимология 1977. Москва, 1979, 60–65.
- Ляпунов 1896: Ляпунов, Б. М. Д-р Ватрослав Облак. – ИОРЯС, Т. 1, 1986, № 4, 928–951.
- Ляпунов 1929: Ляпунов, Б. Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков: приставка *из-*. – *Slavia*, VII, 1929, № 4, 754–765.
- Максимович 2004а: Максимович, К. А. Законъ Съдзынъ Людмыз: Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. Москва, 2004.
- Максимович 2004б: Максимович, К. А. Моравизмы в древнерусском книжном языке: ст.-сл. *къмьльть, др.-рус. кльть. – *Russian Linguistics*, 28, 2004, № 1, 109–123.
- Максимович 2005: Максимович, К. А. Региональные лексические архаизмы в моравских книжно-славянских памятниках IX в. – *Русский язык в научном освещении*, № 1 (9), Москва, 2005, 116–162.
- Максимович 2006: Максимович, К. А. К изучению региональных архаизмов старославян-

- ского языка: союз тѣм. – Русский язык в научном освещении, № 1 (11), Москва, 2006, 246–256.
- Максимович 2007: Максимович, К. А. Паннонские юридические памятники в древнерусской книжности. Автореферат докторской диссертации. Институт русского языка. Москва, 2007.
- Максимович 2008: Максимович, К. А. Западнославянское влияние на древнерусский книжно-письменный язык в XI–XIV вв. – В: XIV Международный съезд славистов. Письменность, литература и фольклор славянских народов. Доклады российской делегации. Москва, 2008, 102–125.
- Мареш 1961: Мареш, В. Ф. Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве. – Вопросы языкознания, X, 1961, № 2, 12–23.
- Мареш 1963: Мареш, В. Ф. Греческий язык в славянских культурных центрах Чехии XI века. – *Byzantinoslavica*, XXIV/2, 1963, 247–250.
- Матвеевко, Щеголева 2000: Матвеевко, В., Л. Щеголева. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. Москва, 2000.
- Матвеевко, Щеголева 1/1–2: Матвеевко, В., Л. Щеголева. Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. I/1–2. Москва, 2006.
- Мейе 1951: Мейе, А. Общеславянский язык. Москва, 1951.
- Мещерский 1958: Мещерский, Н. А. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Москва–Ленинград, 1958.
- Миклошич 1889: Миклошич, Ф. Сравнительная морфология славянских языков. Выпуск I. Язык старословенский. Москва, 1889.
- Милев 1966: Милев, А. Гръцките жития на Климент Охридски. Увод, текст, превод и обяснителни бележки. София, 1966.
- Милетич 1896: Милетич, Л., Дако-ромъните и тяхната славянска писменост. II. Нови влахобългарски грамоти от Брашов. – СбНУ, XIII, Научен отдел, София, 1896, 3–152.
- Минчева 1987: Минчева, А. Старобългарският език в светлината на балканистика. София, 1987.
- Минчева 1995: Минчева, А. Киевски листове. – В: КМЕ, II, 248–260.
- Минчева 1999: Минчева, А. **НЕДЪЛНА ЦВЪТЪННАЯ – ВРЪБЪННИЦА**. – Старобългарска литература, 31, 1999, 105–115.
- Минчева 2000: Минчева, А. Молитвата Отче наш в старобългарски превод на катехизите на Кирил Йерусалимски. – В: *Съкровище словеснои*. Studia slawistyczne ofiarowane profesowowi Jerzemu Ruskowi na 70. urodziny. Kraków, 2000, 95–104.
- Мирчев 1978: Мирчев, К. Историческа граматика на българския език. 3-о изд. София, 1978.
- Младенов 1921: Младенов, С. Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската реч. – ГСУ, Историко-филологически факултет, XVII, 1920–1921, София, 1921, 201–287.
- Младенов 1987: Младенов, М. Ареална характеристика на романски елементи в българските диалекти. – *Die slawischen Sprachen*, № 12, 1987, 75–122.
- Младенов 2008: Младенов, М. Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика (Лингвистично наследство). София, 2008.
- Младенова 1985: Младенова, М. Върху едно мнение относно положението на Методиевия диоцез. – Старобългарска литература, 17, 1985, 30–38.
- Младенова 1988: Младенова, М. Езиковият аспект от съществуването на Кирило-Методиевата традиция в Средновековна Чехия. – Годишник на Софийския университет, Факултет по славянски филологии, т. 78, 1, 1984, кн. 1 – Езикознание, София, 1988, 3–33.
- Младенова 1999: Младенова, М. Кирило-Методиева география и езикова история или западните славяни, Кирил и Методий и какво е (о)станало после. София, 1999.
- Младенова 2010–2011: Младенова, М. Преобръщане на парадигмите, или има ли мода в нау-

- ката. – Старобългарска литература, 43–44, 2010–2011, 16–35.
- Мокиенко, Никитина 2008: Мокиенко, В. М., Т. Г. Никитина. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. Москва, 2008.
- Молдован 2000: Молдован, А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. Москва, 2000.
- Муральт 1859: Georgii Monachi dicti Namartoli Chronicon. Греческий подлинник, подготовленный к изданию Э. Г. фон Муральтом. – Ученые записки Второго отделения Импер. Акад. наук, кн. 6, Санкт-Петербург, 1859.
- Мъжлекова 1990: Мъжлекова, М. Речник на старобългарски думи в днешните български говори. София, 1990.
- Николаев 1949: Николаев, В. Славянобългарският фактор в християнизацията на Киевска Русия. София, 1949.
- Никольский 1930: Никольский, Н. К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Ленинград, 1930.
- Німчук 1983: Німчук, В. В. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.
- Німчук 1988: Німчук, В. В. Лексика Київських глаголичних листків на фоні словникового складу найдавніших слов'янських пам'яток. – В: Слов'янське мовознавство. Х Міжнародний з'їзд славистів. Доповіді. Київ, 1988, 185–214.
- Новаковић 1912: Законски споменници српских држава Средњега века. Прикупио и уредио Стојан Новаковић. У Београду, 1912.
- НП: Норовская псалтирь. Среднеболгарская рукопись XIV века. Т. 1–2. София, 1988.
- ОБ: Острожская Библия. Фототипическое издание Библии 1581 г. Москва–Ленинград.
- Обнорский 1960: Обнорский, С. П. Язык договоров русских с греками. – В: Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку. Москва, 1960, 99–120.
- Олтяну 1991: Олтяну, П. Роль старых славянских и среднеболгарских Номоканонов в развитии славяно-румынской юридической литературы. – *Palaeobulgarica/Starobulgaristika*, XV, 1991, № 3, 18–35.
- Ондруш 1986: Ондруш, Ш. Из лексиката на Киевските листове. – *Palaeobulgarica/Starobulgaristika*, X, 1986, № 3, 49–53.
- Острогорски 1998: Острогорски, Г. История на византийската държава, София; болг. перевод: Ostrogorsky, G. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1963.
- Павлова 2005: Павлова, Р. Неотбелязани славянски творби в ръкописа Хлуд. 189. – Старобългарска литература, 33–34, 2005, 199–208.
- Павлова 2008: Павлова, Р. Восточнославянские святыя в южнославянской письменности XIII–XIV вв. (Pavlova, R. Ostslavische Heilige in südslavischen Kanontexten der Slavia Orthodoxa im 13.–14. Jahrhundert). Halle (Saale), 2008.
- Пенкова 1995: Пенкова, П. Моравизми. – В: КМЕ II, 719–722.
- Петров 1877: Петров, Н. И. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. 2. Киев, 1877.
- Пјанка 1970: Пјанка, Вл. Топонимастика на Охридско-Преспанскиот безен. Скопје, 1979.
- Пикио 1981: Пикио, Р. Мясото на старата българска литература в културата на средновековна Европа. – Литературна мисъл, XXV, 1981, № 8, 19–36.
- Пикио 1993: Пикио, Р. Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993.
- Пириватрић 1997: Пириватрић, С. Византијска тема Морава и “Моравије” Константина VII Порфиогенита. – Зборник радова Византолошког института, XXXVI, 1997, 173–201.
- Пичхадзе 2002: Пичхадзе, А. А. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. Москва, 2002, 232–249.
- Пичхадзе 2008: Пичхадзе, А. А. К группировке древнейших переводов с греческого, содер-

- жащих восточнославянские элементы в лексике. – ТОДРЛ, LIX, Санкт-Петербург, 2008, 18–35.
- Попов 1881: Попов, А. Н. Книга бытия небеси и земли (Палея Историческая) с приложением Сокращенной Палеи русской редакции. – ЧОИДР, кн. 1. Москва, 1881.
- Попруженко 1939: Попруженко, М. Г. България и Киевска Русь. – Родина, I, 1939, № 3, 25–31.
- Поулик 1987: Поулик, Й. Велика Моравия и Кирилло-Методиевска миссия. – В: Кирило-Методиевски студии, кн. IV. София, 1987, 111–120.
- Прохоров 1995: Святитель Стефан Пермский, ред. Г. М. Прохоров. Санкт-Петербург, 1995.
- ПСРЛ I: Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. Москва, 1962.
- Ризов 1917: Ризов, Д. Българите в техните исторически, етнографически и политически граници, *Königliche Hoflithographie, Hof-Buch und Steindruckerei Wilhelm Greve, Berlin* (заглавие и текст на българском, немецком, английском и французском языках), репринт. София, без обозначения года.
- Русек, Рачева 1980: Русек, Й., М. Рачева. К древнейшим заимствованиям тюркского происхождения в болгарском языке: тълъпъгъ ‘мешок из целой кожи’. – Балканско езиковедие, XXIII, 1980, № 1, 39–41.
- Рънсман 1993: Рънсман, С. История на Първото българско царство. София; болг. перевод: S. Runciman. *The History of the First Bulgarian Empire*. London, 1930.
- Санчук 1985: Санчук, Г. Э. Некоторые итоги и перспективы изучения Великой Моравии. – В: Велика Моравия, ее историческое и культурное значение. Москва, 1985, 6–28.
- Свод I: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. (I–VI вв.). Составители: Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. Москва, 1994.
- Сводный каталог 1984: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI–XIII вв. Москва, 1984.
- Северьянов 1904: Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. Т. 1. Санкт-Петербург, 1904.
- Селищев I–II: Селищев, А. М. Старославянский язык. Часть первая. Введение. Фонетика, Москва, 1951; Часть вторая. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. Москва, 1952.
- Сказания: Сказания о начале славянской письменности. Москва, 1981.
- Славова 1985: Славова, Т. Преславската редакция на старобългарските богослужебни книги. – В: Изследвания по Кирилometодиевистика. София, 1985, 161–173.
- Славова 2001: Славова, Т. Езикът на грешките в ранната славянска книжовна традиция. – В: Кирило-Методиевски студии, кн. 14, София, 2001, 22–31.
- Славова 2002: Славова, Т. Тълковната Палея в контекста на старобългарската книжнина. София, 2002.
- Славова 2010: Славова, Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.
- Смедовски 1985: Смедовски, С. Анонимна хомилия. – В: КМЕ I, 80–82.
- Снегаров: Снегаров, И. История на Охридската архиепископия. I. От основаването ѝ до завладяването на Балканския полуостров от турците. София, 1924. II. От падането ѝ под турците до нейното унищожение (1394–1767). София 1932; репринт: София, 1995.
- Соболевский 1884: Соболевский, А. И. Очерки по истории русского языка; репринт: Соболевский, А. И. Труды по истории русского языка. Москва, 2004.
- Соболевский 1900: Соболевский, А. Церковнославянские тексты моравского происхождения. – Русский филологический вестник. Т. 43, 1900, № 1–2, 150–217.
- Соболевский 1905: Соболевский, А. И. Несколько редких молитв из русского сборника XIII века. – ИОРЯС, X, 1905, № 4, 66–78.
- Соболевский 1907: Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4. Москва; репринт: Соболевский, А. И. Труды по истории русского языка. Москва, 2004.
- Соболевский 1910а: Соболевский, А. И. К хронологии древнейших церковнославянских па-

- мятников. – В: Соболевский, А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СБОРЯС. Т. 88, вып. 3, Санкт-Петербург, 1910, 92–116.
- Соболевский 1910б: Соболевский, А. И. Словарный материал двух древних памятников чешского происхождения. – В: Соболевский, А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СБОРЯС. Т. 88, вып. 3, Санкт-Петербург, 1910, 48–91.
- Соболевский 1910в: Соболевский, А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. – В: Соболевский, А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СБОРЯС. Т. 88, вып. 3, Санкт-Петербург, 1910, 162–176.
- Спасова 1996: Спасова, М. Към въпроса за първоначалния текст и авторството на Похвално слово за Кирил и Методий. – *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XX, 1996, № 3, 55–75.
- Спасова 2005: Спасова, М. Исторически и квазиисторически подход при тълкуването на сведенията за преводаческата дейност на славянските първоучители по време на моравско-панонската им мисия. – В: *Нъсть оученнкъ надъ оучителемъ своимъ*, Сборник в чест на проф. Иван Добрев. София, 2005, 106–104.
- СРП: Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. 1. Текст и комментарии. Издание подготовили Л. В. Прокопенко, В. Желязкова, В. Б. Крысько, О. П. Шевчук, И. М. Ладыженский. Москва, 2010.
- ССб I–II: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.), под общата ред. на акад. П. Динев. Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991. Т. 2. Речник-индекс. София, 1993.
- Станков 1989: Станков, Р. Проблемы исследования древнеболгарских переводных текстов, сохранившихся в инославянской рукописной традиции (На материале восточнославянских списков Исторической Палеи). – *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XIII, 1989, № 4, 91–99.
- Станков 1991: Станков, Р. Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой „охридской“ и „преславской“ лексики (На материале Исторической Палеи). – *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XV, 1991, № 4, 83–91.
- Станков 1994а: Станков, Р. Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994.
- Станков 1994б: Станков, Р. Славянский перевод Хроники Георгия Амартола в издании В. М. Истрина. – *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XVIII, 1994, № 1, 74–88.
- Станков 1997: Станков, Р. *Гладатые?*. – *Palaeobulgarica/Старобългаристика*, XXI, 1997, № 3, 60–69.
- Станков 1998: Станков, Р. Митологичното съзнание в културата на българското Средновековие. – *Език и литература*, LIII, 1998, № 5–6, 40–54.
- Станков 2001: Станков, Р. Митологичното съзнание и проблемите на лексикалната семантика на средновековните славянски ръкописи. – *Болгарская русистика*, 2001, № 2, 31–46.
- Станков 2002а: Станков, Р. К проблеме древнейших славянских переводов с греческого. – *Slavica Gandensia*, 29, 2002, 177–205.
- Станков 2002б: Станков, Р. Время и место древнейших славянских переводов (На материале славянского перевода Жития Андрея Юродивого). София, 2002.
- Станков 2003а: Станков, Р. Из наблюдений над лексикой древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Slavia Orthodoxa*. Език и култура. Сб. в чест на Р. Павлова. София, 2003, 380–389.
- Станков 2003б: Станков, Р. Из наблюдений над языком древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Славистиката в началото на XXI век. Традиции и очаквания*. София, 2003, 273–279.
- Станков 2004а: Станков, Р. К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола. – В: *Преславска книжовна школа*. Т. 7. Изследвания в памет на проф. Ив. Гълъбов. София/Шумен, 2004, 57–72.

- Станков 2004б: Станков, Р. Лексическият критерий и славянските преводи с греческото. – В: Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004, 455–475.
- Станков 2004в: Станков, Р. Из наблюденията върху лексиката на ранния славянски превод на Хрониката на Георги Амартол. – Црквене студии, 1, 2004, 197–203.
- Станков 2005а: Станков, Р. Слово о полку Игореве. Наблюдения и размисления на един скептик. София, 2005.
- Станков 2005б: Станков, Р. Так нареченото восточнославянско влияние на южнославянската писменост во XII–XIV вв. и проблемата на древните славянски преводи с греческото. – В: Преславска книжовна школа. Т. 8. Шумен, 2005, 304–327.
- Станков 2006а: Станков, Р. О лексическите моравизми во древните славянски ракописи. – В: Преславска книжовна школа. Т. 9. Шумен, 2006, 29–52.
- Станков 2006б: Станков, Р. О лексическите моравизми во древните славянски ракописи (2). – В: Българска филологска медиовистика. Сб. научни истражувања во чест на проф. И. Харалампиев. Велико Търново, 2006, 261–287;
- Станков 2006в: Станков, Р. Еште раз о непознавањето. – В: 60 години руска филологија во СУ. Сб. научни истражувања. София, 2006, 71–80.
- Станков 2008а: Станков, Р. О лексическите моравизми во древните славянски ракописи (3). – В: Преславска книжовна школа. Т. 10. Шумен, 2008, 40–71.
- Станков 2008б: Станков, Р. Древнеболгарскиот превод на Хрониката на Георги Амартол во древнеруската писмена традиција. – Старобългарска литература, 39–40, 2008, 45–103.
- Станков 2008в: Станков, Р. Митолошкото сознание и проблемите на лексикалната семантика на средновековните славянски ракописи. – В: Venia docendi. София, 2008, 73–96.
- Станков 2010: Станков, Р. Слово на палки во древната славянска писменост. – В: Яки вгъела люба дѣла. Юбилеен сборник во чест на Цв. Янакиева, П. Георгиев, В. Кулев. Шумен, 2010, 67–80.
- Станков 2010–2011: Станков, Р. Проблеми на текстологијата на древнеболгарскиот превод на Хрониката на Георги Амартол. – Старобългарска литература, 43–44, 2010–2011, 38–95.
- Станков 2012а: Станков, Р. Древнеболгарскиот превод на Хрониката на Георги Амартол и Хронографот по Великому изложенију. – Преславска книжовна школа. Т. 12. Шумен, 2012, 191–209.
- Станков 2012б: Станков, Р. Из набљуденија на лексиката на ранниот славянски превод на Хрониката на Георги Амартол: оръ ‘жеребец’. – В: Русистика: јазик, култура, превод. София, 2012, 441–447.
- Станков 2012в: Станков, Р. Судба на древнеболгарскиот ракописен текст во светот на моравизмот. – В: Старобългарската ракописна книга. Судба и мисија. Во памет на проф. Куйо М. Куев по случај на 100-годишнината од раѓањето му. Велико Търново, 2012, 74–106.
- Станков 2013а: Станков, Р. Из набљуденија на јазикот на древнеболгарскиот превод на Хрониката на Георги Амартол. В: Преславска книжовна школа. Т. 13. Шумен, 2013, 209–225.
- Станков 2013б: Станков, Р. Из набљуденија на лексиката на древнеболгарскиот превод на Хрониката на Георги Амартол: образънкъ, образъница. – В: ТРИАНТАФУЛЛО. Юбилеен сборник во чест на проф. д. фил. н. Христо Трендафилов. Шумен, 2013, 327–332.
- Станков 2014: Станков, Р. Еште раз о глзгътѣхъ. – В: Филологија и текстологија. Юбилеен сборник во чест на 70-годишнината на проф. Уиљам Федер. Шумен, 2014, 178–186.
- Станчев 2002: Станчев, К. Рикардо Пиккио, “Slavia Orthodoxa” и историјата на древнеруската литература. – В: Пиккио, Р. Историја на древнеруската литература. Москва, 2002, 5–8.
- Станчев 2008: Станчев, К. Incognita Cyrillomethodiana. – Старобългарска литература, 39–40, 2008, 16–29.
- Стойков 1993: Стойков, Ст. Българска диалектологија. 3 изд. под ред. на М. Младенов. София, 1993.
- Стойкова 1995: Стойкова, А. Първоучителот Методиј. София, 1995.

- СтПр: Станиславов (Лесновски) Пролог от 1330 г. Р. Павлова. Увод и научно разчитане на текста. В. Желязкова. научно разчитане на текста. Велико Търново, 1999.
- Супр.: Супрасълски или Ретков сборник, Й. Заимов, М. Капалдо. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Супрун 1969: Супрун, А. Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск, 1969.
- Сухачев 1987: Сухачев, Н. Л. Лексико-семантическая дифференциация балканороманского (на примере пастушеской терминологии). – В: *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале. Ленинград, 1987, 61–99.
- Тасева 1998: Тасева, Л. Българска топонимия от гръцки и сръбски средновековни документи. София, 1998.
- Татищев: Татищев, В. Н. История государства российского. Т. 1–7. Москва–Ленинград, 1962–1968.
- Тахиаос 2005: Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий просветители славян. Сергиев Посад, 2005.
- Теодоров-Балан 1934: Теодоров-Балан, А. Кирил и Методи. Т. 2. София, 1934 (Университетска библиотека № 146).
- Тетовска-Троева 1988: Тетовска-Троева, М. Отглаголни имена за лица в българските говори. *Nomina agentis*. София, 1988.
- Тихомиров 1947: Тихомиров, М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен. – В: *Славянский сборник*. Москва, 1947, 125–201.
- Тихомиров 1961а: Тихомиров, М. Н. Закон Судный людем краткой редакции в русских рукописях. – В: *Закон Судный людем. Краткой редакции, подгот. к печати* М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Москва, 1961, 7–26.
- Тихомиров 1961б: Тихомиров, М. Н. Пространные списки Закона Судного Людем. – В: *Закон Судный людем. Пространной и сводной редакции, подг. к печати* М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов. Москва, 1961, 5–27.
- Толстой 1961: Толстой, Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. – *Вопросы языкознания*, 1961, № 1, 52–66.
- Толстой 1988: Толстой, Н. И. История и структура славянских языков. Москва, 1988.
- Тотоманова 2008: Тотоманова, А.-М. Славянската версия на Хрониката на Георги Синкел. София, 2008 (Университетска библиотека № 474).
- Тотоманова 2009: Тотоманова, А.-М. Прегрупирането на склонението в българския език. – В: *Тотоманова, А.-М. Из историята на българския език. Сборник статии*. София, 2009, 59–74.
- ТП: Джурова, А. Томичов псалтир. Т. 1–2. София, 1990.
- Трайкова 2002: Трайкова, К. Лексиката на Станиславовиот пролог. Скопје, 2002.
- Трубачев 1959: Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Москва, 1959.
- Трубачев 1976: Трубачев, О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. – В: *Принципы и методы семантических исследований*. Москва, 1976, 147–179.
- Трубачев 1980: Трубачев, О. Н. Реконструкция слов и их значений. – *Вопросы языкознания*, 1980, № 3, 3–14.
- Трубачев 1982: Трубачев, О. Н. Из исследований по праславянскому словообразованию: генезис модели *-ĕnĩnъ, -janĩnъ*. – В: *Этимология 1980*. Москва, 1982, 3–15.
- Трубачев 1987: Трубачев, О. Н. Несколько лингвистических глосс к мораво-паннонским житиям. – В: *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*. Москва, 1987, 30–36.
- Трубачев 2002а: Трубачев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. Москва, 2002.
- Трубачев 2002б: Трубачев, О. Н. О работе XI Международного Съезда славистов (истори-

- ческое языкознание). – В: Трубачев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. Москва, 2002, 337–347.
- Трубачев I–IV: Трубачев, О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1–4. Москва, 2004–2009.
- УС: Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. Москва, 1971.
- Федер 2001: Федер, У. Диктуване и възпроизвеждане на църковно-славянски текстове. – В: Кирило-Методиевски студии, кн. 14, София, 2001, 32–39.
- Флоря 1988: Флоря, Б. Н. Кирилло-Методиевские традиции в развитии средневековой болгарской культуры. – В: X Международный съезд славистов. История, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации. Москва, 1988, 159–168.
- Флоря, Турилов, Иванов 2000: Флоря, Б. Н., А. А. Турилов, С. А. Иванов. Судьбы Кирилло-Методиевской традиции после Кирилла и Мефодия. Санкт-Петербург, 2000.
- Фонкич 1972: Фонкич, Б. О судьбе киевских глаголических листков. – Советское славяноведение, 1972, № 2, 82–83.
- Франклин 1988: Франклин, С. К. вопросу о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола на славянский язык. – ТОДРЛ, ХLI, 1988, 324–330.
- Хабургаев 1986: Хабургаев, Г. А. Старославянский язык. 2-е изд. Москва, 1986.
- Харалампиев 2001: Харалампиев, И. Историческа граматика на българския език. Велико Търново, 2001.
- Хемп 1987: Хемп, Е. *Малъжена и мжжъ*. – Български език, XXXVII, 1987, № 4, 305–307.
- ХКМ: Хроника Константина Манасии в среднеболгарском переводе. София, 1988.
- Христова 2005: Христова, И. Към въпроса за произхода и значението на думата *непрназнь*. – В: Acta Palaeoslavica, vol. 2, In honorem professoris Angelinae Minčeva. София, 2005, 161–171.
- Христова-Шомова 2007: Христова-Шомова, И. Славянската богословска терминология, въведена от Светите братя Кирил и Методий. – В: Известия на Научен център „Св. Дазий Доростолски“, книга II (В памет на проф. Славчо Иванов). Силистра, 2007, 133–148.
- Цейтлин 1971: Цейтлин, Р. М. Значение приадъективной приставки *при-* в языке старославянских памятников. – В: Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия проф. С. Б. Бернштейна. Москва, 1971, 92–100.
- Цейтлин 1975: Цейтлин, Р. М. Сложные слова на *вель-*, *веле-*, *велни-*, *велно-* в языке старославянских памятников. – В: Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. Москва, 1975, 184–190.
- Цейтлин 1977: Цейтлин, Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. Москва, 1977.
- Цейтлин 1985: Цейтлин, Р. М. К изучению лексико-семантических связей болгарского и русского языков X–XIV вв. (слова *говоръ*, *мгъва* (*мгъла*), *мгъвнтн* (*мгъвнтн*)). – В: Годешник на Софийския университет „Климент Охридски“. Факултет по славянски филологии. Т. 74. 1980, № 3, София, 1985, 5–27.
- Цейтлин 1986а: Цейтлин, Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.
- Цейтлин 1986б: Цейтлин, Р. М. Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи). – Български език, XXXVI, 1986, № 2, 110–120.
- Цейтлин 1987: Цейтлин, Р. М. О содержании термина „старославянский язык“. – Вопросы языкознания, XXXVI, 1987, № 4, 43–58.
- Цейтлин 1987б: Цейтлин, Р. М. О кирилло-методиевской традиции в древнечешской книжной лексике (По материалам Драждянского и Оломоуцкого евангелий). – В: Кирило-Методиевски студии, кн. 4. София, 1987, 412–422.
- Цейтлин 1988: Цейтлин, Р. М. Лексика славянских языков X–XI – XIV–XV вв. (результаты сопоставительного исследования). – В: Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София 1988. Доклады советской делегации. Москва, 1988, 369–388.

- Цейтлин 1996: Цейтлин, Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI – XIV/XV вв. Проблемы и методы. Москва, 1996.
- Цибранска 1996: Цибранска, М. Из славянската литургическа терминология. *Въсждъ*. – Български език, XLVI, 1996, № 5, 32–36.
- Цибранска-Костова 2000: Цибранска-Костова, М. Формиране и развитие на старобългарските лексикални норми в църковноюрдическата книжнина. София, 2000.
- Цибранска-Костова 2007: Цибранска-Костова, М. Категорията “духовно родство” в старобългарската книжнина (IX–X век). – В: Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век. София, 2007, 814–826 (Кирило-Методиевски студии, кн. 17).
- Цонев 1910: Цонев, Б. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека. София, 1910.
- Чальков 1968: Чальков, М. Един славянски семантичен архаизъм. – Български език, XVIII, 1968, № 2–3, 207–210.
- Чермак 2008: Чермак, В. Значение трудов А. И. Соболевского для чешской палеославистики. – ТОДРЛ, LIX, Санкт-Петербург, 2008, 11–17.
- Чешмеджиев 2001: Чешмеджиев, Д. Кирил и Методий в българската историческа памет през средните векове. София, 2001.
- Шарапова 1987: Шарапова, Л. В. Соотношение латинского элемента албанского и восточно-романских языков (имя существительное). – В: *Romano-Balkanica*. Вопросы адаптации латинского языкового элемента в Балканском ареале. Ленинград, 1987, 145–170.
- Шаур 1990: Шаур, В. За етимологията на старобълг. *малъжна*. – Български език, XL, 1990, № 6, 503–509.
- Шафарик: Шафарик, П. А. Славянские древности, перевод О. Бодянского. Т. 1/1–2; 2/1–2. Москва, 1847.
- Шиваров 1989: Шиваров, Н. Към въпроса за архиепископството на св. Методий. – В: Международен симпозиум. 1100 години от блажената кончина на св. Методий. Т. 1. София, 1989, 118–129.
- Шклифов 1973: Шклифов, Б. Костурският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1973 (Трудове по българска диалектология, кн. 8).
- Шклифов 1979: Шклифов, Б. Долнопреспанският говор. Принос към проучването на югозападните български говори. София, 1979 (Трудове по българска диалектология, кн. 11).
- Юхас 2000: Юхас, П. Кирил и Методий в българската Моравия. София, 2000.
- Ягич 1884: Ягич, В. (И. В.) Четыре критико-палеографические статьи. Приложение к отчету о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. С тремя литографическими таблицами. Санкт-Петербург, 1884.
- Ягич I–II: Ягич, В. (И. В.) Источники для истории славянской филологии. Т. 1. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. Санкт-Петербург, 1885 (СБОРЯС, Т. 39); Т. 2. Новые письма Добровского, Копитара и других югозападных славян. Санкт-Петербург, 1897 (СБОРЯС, Т. 62).
- Ягич 1910: Ягич, В. (И. В.) История славянской филологии. Санкт-Петербург, 1910 (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1).
- AF: *Sriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis Recusi. Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum orientalis*. Hannoverae, 1891.
- Aitzetmüller: Aitzetmüller, R. *Das Hexaemeron des Exarchen Johannes*. Bd. I–VII. Graz, 1958–1975.
- Assemani 1747: S. P. N. Ephraemi Syri opera omnia, quae extant graece, syriace, latinae, in sex tomos distributa. Opera et studio Josephi Assemani. Romae, 1747.
- Basaj 1974: Basaj, M. *Morfologia i składnia liczebnika w języku czeskim do końca XVI wieku*.

- Wrocław etc. 1974 (Monografie Slawistyczne 26).
- Basaj, Siatkowski 1971: Basaj, M., M. J. Siatkowski. Przegląd wyrazów, uważanych w literaturze naukowej za bohemizmy, cz. VIII, 1971. – Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. 10. 1971, 5–34.
- Bauer 1966: Bauer, J. K povaze vlivu cirkevni slovanštiny na staroruskou syntax. – Bulletin Ustavu ruského jazyka a literatury, 10, 1966, 67–72.
- Beranová 1980: Beranová, M. Zemědělství starých Slovanů. Praha, 1980.
- Birnbaum 1993: Birnbaum, H. The Location of the Moravian State – Revisited. – Byzantinoslavica LIV/2, 1993, 336–338.
- Blumberger 1824: Blumberger, F. Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch von Joseph Dobrowsky. Für die Abhandlungen der k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Prag 1823. – Jahrbücher der Literatur, 26, 1824, 211–235.
- Blumberger 1827: Blumberger, F. Mährische Legende von Cyrill und Method. Nach Handschriften herausgegeben, mit anderen Legenden vergleichen und erläutert von Joseph Dobrowsky, der Philosophie Doktor, mehrerer gelehrten Gesellschaften Mitglied. Für die Abhandlungen der k. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Prag 1826. – Jahrbücher der Literatur 37, 1827, 41–74.
- Boba 1967: Boba, I. The episcopacy of St. Methodius. – Slavic Review, XXVI, 1967, № 2, 85–93.
- Boba 1971: Boba, I. Moravia's history reconsidered. A reinterpretation of medieval sources. The Hague, 1971.
- Boba 1984: Boba, I. “Abodriti qui vulgo Praedenecenti Vocantur” or “Marvani Praedenecenti”? – Palaeobulgarica/Старобългаристика, VIII, 1984, № 2, 29–37.
- Boba 1985a: Boba, I. The episcopacy of St. Methodius. – Die slawischen Sprachen, Bd. 8, 1985, 21–33.
- Boba 1985b: Boba, I. The cathedral church of Sirmium and the grave of st. Methodius. – Die slawischen Sprachen, Bd. 8, 1985, 35–40.
- Boba 1985c: Boba, I. Constantine-Cyril, Moravia and Bulgaria in the Chronicle of the priest of Dioclea (comments on a controversial source). – Palaeobulgarica/Старобългаристика, IX, 1985, № 1, 59–72.
- Boba 1986: Boba, I. Novi pogled na povijest Moravie. Preispitivanje povijesnih izvora o Moravskoj, Rastislavu, Sventoplku i Sv. Braći Ćirilu i Metodu. Split, 1986.
- Boček 2010: Boček, V. K etymologii slovanského *mbša. – Slavia, 79, 2010, № 1, 15–20.
- Bojkovsky, Aitzetmüller I–V: Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers. 1. Band, Herausgegeben von G. Bojkovsky, Monumenta lingua slavicae, Tomus XX, Freiburg I. Br. 1984; 2. Band, Herausgegeben von G. Bojkovsky und R. Aitzetmüller, MLS, Tomus XXII (XX₂), Freiburg I. Br. 1986; 3. Band, Herausgegeben von G. Bojkovsky und R. Aitzetmüller, MLS, Tomus XXIV (XX₃), Freiburg I. Br. 1987; 4. Band, Herausgegeben von G. Bojkovsky und R. Aitzetmüller, MLS, Tomus XXVI (XX₄), Freiburg I. Br. 1988; 5. Band, Herausgegeben von R. Aitzetmüller, MLS, Tomus XXVIII (XX₅), Freiburg I. Br. 1990.
- Bonazza 2008: Bonazza, Sergio. Wie neu ist Imre Bobas neue Interpretation der Geschichte Mährens? – Die Welt der Salven, LIII, 2008, 161–173.
- Boor: de Boor, C. Georgii Monachi Chronicon. V. I–II. Lipsiae, 1904.
- Bowlus 1987: Bowlus, C. Imre Boba's Reconsiderations of Moravia's Early History and Arnulf of Carinthia's *Ostpolitik* (887–892). – Slavic Review, LXII/2, 1987, 552–574.
- Brodowska-Honowska 1960: Brodowska-Honowska, M. Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim, Kraków – Wrocław – Warszawa, 1960.
- Bury 1912: Bury, J. B. A History of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I (A.D. 802–867). London, 1912.
- Bury 1915: Bury, J. B. България през IX век и покръщането на славяните и българите. – Извес-

- тия на Историческото Дружество в София. Кн. IV, 1915, 105–179 (глава XI. Bulgaria, pp. 332–374; глава XII. The conversion of the Slavs and Bulgarians; pp. 375–401).
- Constantinus Porphyrogenitus: Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Constantinus Porphyrogenitus, vol. I. De ceremoniis aulae Byzantinae libri duo Graece et Latine, Bonnae 1829, vol. III. De thematibus et De administrando imperio. Bonnae, 1840.
- Curta 2009: Curta, F. The History and Archaeology of Great Moravia: an Introduction. – Early Medieval Europe, 17, 2009, № 3, 238–247.
- Dobrovský 1823: Dobrovský, J. Cyrill und Method, der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch. Prag, 1823.
- Dobrovský 1825: Dobrovský, J. Method Erzbischof von Mähren und Papstes Johann des VIII. Briefe. – Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst 12, 1825, 63–64.
- Dobrovský 1826: Dobrovský, J. Mährische Legende von Cyrill und Method. Nach Handschriften herausgegeben, mit anderen Legenden verglichen und erläutert. Prag, 1826.
- Dostál 1959: Dostál, A. Clozianus. Staroslověnský hlaholský sborník Trdentský a Innsbrucký. K vydání připravil Antonín Dostál. Praha, 1959.
- Dostál 1963: Dostál, A. Slovanský překlad byzantské kroniky Georgia Hamartola. – Slavia, XXXII, 1963, № 3, 375–384.
- Dvornik 1964: Dvornik, F. The Significance of the Missions of Cyril and Methodius. – Slavic Review, XXIII/2, 1964, 195–211.
- Eggers 1995: Eggers, M. Das “Großmährische Reich”: Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donaupraumes im 9. Jahrhundert. Stuttgart, 1995 (Monographien zur Geschichte des Mittelalters, 40).
- Eggers 2007: Eggers, M. Bulgarisch – “Großmährische” Interaktionen und die Kyrillo-Methodianische Mission. – In: Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век. София, 2007, 294–314 (Кирило-Методиевски студии, кн. 17).
- Gebauer 1960: Gebauer, J. Historická mluvnice jazyka českého. D. 1–3. Praha, 1960.
- Hamm 1978: Hamm, J. Dijalozi Grgura Velikoga u prijevodu iz godine 1513. Za tisak priredio, predgovor i uvodnu raspravu napisao Josip Hamm. – Stari pisci Hrvatski, Knjiga XXXVIII. Zagreb, 1978.
- Hamm 1979: Hamm, J. Das glagolitische Missal von Kiev. Wien, 1979.
- Hauptová 1986: Hauptová, Z. Staroslověnské legendy o Naumovi. – Slovo, 36, 1986, 77–86.
- Havlík 1993: Havlík, L. “Hě megalē Morabia” und “hě chōra Morabia”. – Byzantinoslavica LIV/1, 1993, 75–82.
- Horálek 1948: Horálek, K. K otázce lexikálních bohemismů v staroslověnských památkách. Slovanské studie. Vajsův sborník. Praha, 1948.
- Huťanová 1998: Huťanová, J. Lexika starých slovanských rukopisov. Bratislava, 1998.
- Ivanov 2012: Ivanov, S. A. A New Piece of Sázava Book Culture? – Slavia, 81, 2012, № 2, 205–215.
- Jagić 1874: Jagić, V. Opisi i izvodi iz nekoliko južno-slovenskih rukopisa. VIII. Krmčaja Iloviča godine 1262. IX. Sitna gradja za crkveno pravo. – Starine, 6, 1874, 60–111; 112–151.
- Jagić 1890: Jagić, V. Glagolitica. 2. Würdigung neuentdecker Fragmente: Mit 10 Taf. Wien, 1890 (Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historisch Classe, 38 Bd., 2 Abhadlung).
- Jagić 1898: Jagić, V. Einige Streitfragen. 1. Zur Provenienz der Kijever glagolitischen Blätter. – Archiv für slavische Philologie. Berlin, Bd 20, H.1/4, 1–13.
- Jagić 1902: Jagić, V. Рец. на: Соболевский, А. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава 1900 (SA. aus dem Warschauer Philologischer vестник). – Archiv für slavische Philologie. Bd. 24. Berlin, 1902, 263–268.
- Jagić 1905: J[agić], V. Комментарий к заметке А. А. Шахматова о термине въсѣдѣ. – Archiv für slavische Philologie. Bd 27, H.1, Berlin, 1905, 141–142.

- Jagić 1913: Jagić, V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2. Aufl. Berlin, 1913.
- Jovčeva 2014: Jovčeva M. Slavic Liturgy in Great Moravia and its hymnographic components. – In: The Cyril and Methodius Mission and Europe. 1150 Years Since the Arrival of the Thessaloniki Brothers in Great Moravia. Brno, 250–258.
- Kalhous 2008: Kalhous, D. K významu Sirmijské a apoštolské tradice při formování episkopální organizace na Moravě. – In: Východní Morava v 10. až 14. století. Brno, 2008, 43–52.
- Kalhous 2009: Kalhous, D. The Significance of the Sirmian and Apostolic Tradition in Shaping Moravian Episcopal Organization). – Early Medieval Europe, 17, 2009, № 3, 268–285.
- Kiparsky 1975: Kiparsky, V. Russische historische Grammatik. Bd. III. Heidelberg, 1975.
- Kopitar 1813: Kopitar, B. Zur kirchengeschichte Pannoniens und Bulgariens. – Wiener Allgemeine Literaturzeitung. Intelligenzblatt, 18. Juli, 1913, 137–139.
- Kos 1936: Kos, M. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum*. – Razprave Znanstvenega Društva v Ljubljani, vol. 11, Historični Odsek 3, Ljubljana, 1936. <<http://www.ff.uni-lj.si/zgodovin/CONVERSIO/Conversio.doc>>.
- Kroll 1926: *Historia Alexandri Magni (Pseudo-Callistenes)*. Vol. 1. *Recensio vetusta*, edidit Guilelmus Kroll. Berlin, 1926.
- Kronsteiner 1989: Kronsteiner, O. *Житие блаженнаго Мефодиа архиепископа моравьскаго*/Das Leben des hl. Method des Erzbischofs von Sirmium. – Die slawischen Sprachen. Bd. 18, 1989.
- Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986: Lamprecht, A., D. Šlosar, J. Bauer. *Historická mluvnice češtiny*. Praha, 1986.
- Legenda Christiani: *Legenda Christiani. Vita et passio sancti Ludmile ave eius*. Kristiánova Legenda. Život a umučení svatého Václava a jeho báby svaté Ludmily. Ludvíkovský J. Pragae/Praha, 1978.
- Leskien 1919: Leskien, A. *Grammatik der Altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*. Heidelberg, 1919.
- Lunt 1996: Lunt, H. G. Рец. на: Eggers, M. Das “Großmährische Reich”: Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donaupraumes im 9. Jahrhundert. (Monographien zur Geschichte des Mittelalters, 40). Stuttgart, Anton Hiersemann, 1995, Pp. IX, 525. – *Speculum*, 71, 1996, N 4, October, 945–948.
- MacRobert 1989: MacRobert, M. Рец. на: Schaeken, J. Die Kiever Blätter. *Studies in General Linguistics*, 9, Rodopi, Amsterdam 1987, X+272 pp. – *The Modern Language Review*, 84, 1989, № 1, 268–269.
- MM 4: *Magna Moraviae. Fontes historici*. D. 4. Brno, 1971.
- Mareš 1956: Mareš, F. V. *Нелѣпа цвѣтънага*. – *Slavia*, XXV, 1956, N 2, 258–259.
- Mareš 1963: Mareš, F. V. Česká redakce církevní slovanštiny v světle Besěd Řehorě Velikého (Dvojeslova). – *Slavia*, XXXII, 1963, N 3, 416–451.
- Mareš 1964: Mareš, F. V. Stopa předcyrilometodějských moravských misii iroskotských v česko-staroslověnské slovní zásobě?. – B: *Vznik a potky slovan*. Praha, 1964, 7–11.
- Mareš 1979: Mareš, F.V. *An Anthology of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin*. München, 1979 (= *Slavische Propyläen*, Bd. 127).
- Mareš 1984: Mareš, F. V. Das altkirchenslavische *въсѣдъ ‘communio, eucharistia’*. Das Romani-sche in den Ostalpen (= *Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse 442* hrsg. von D. Messner). Wien, 1984, 125–131.
- Meillét I–II: Meillét, A. *Études sur l’etymologie et le vocabulaire du vieux slave*. V. 1–2. Paris, 1902–1905.
- Miklosich 1847: Miklosich, Fr. *Vita Sancti Clementis*. Vienna, 1847.
- Miklosich II: Miklosich, Fr. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*. 2. *Stammbildungslehre*. Wien, 1875.
- Miklosich 1886: Miklosich, F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Minčeva 1983: Minčeva, A. *Lingustische Aspekte der Übersetzung von Simeons “Zlatostruj”*.

- Präliminarien. – In: Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa, Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistenkongreß, Herausgegeben von Hans-Bernd Harder und Hans Rothe. Köln–Wien, 171–183 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven, Bd. 18).
- Moravcsik, Jenkins 1949: Constantinus VII Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text ed. by G. Moravcsik. Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949.
- Moszyński 1958: Moszyński, L. Wpływ morawski w obocznych formach Kodeksu Zografskiego. – In: Z polskich studiów slawistycznych. Prace językoznawcze i etnogenetyczne na IV Międzynarodowy Kongres slawistów w Moskwie, Warszawa, 1958.
- Nahtigal 1936: Nahtigal, R. Starocerkvenoslovanske študije. – Razprave Znanstvenega Društva v Ljubljani 15, Filološko-lingvistični odsek 3. Ljubljana, 1936.
- Niederle: Niederle, Lubor. Manuel de l'antiquité slave. V. I–II. Paris, 1923–1926.
- Oblak 1896: Oblak, V. Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente. – Archiv für slavische Philologie. Bd. 18, Berlin, 1896, 106–112.
- Ondruš 1984: Ondruš, Š. Z lexiky Kyjevských listov: Въсѡдѣ. – Slavia slovaca, 19, 1984, 36–42.
- Ondruš 1991: Ondruš, Š. Ešte raz o genéze moravizmu-panonizmu въсѡдѣ. – Slavia, 60, 1991, N 4, 380–383.
- Ostrogorsky 1965: Ostrogorsky, G. The Bizantine Background of the Moravian Mission. – Dumbarton Oaks Papers, 19, 1965, 1–18.
- Pekař 1903: Pekař, J. Nejstarša kronika česka. Praha, 1903.
- PG: Migne, J.-P. Patrologiae graecae et latinae cursus completus. Seria Graeca, Paris.
- PL 76: Patrologia cursus completus, series latinae, accurate J.-P. Migne, tomus LXXVI, Sancti Gregorii Papae I cognomento Magnus, Opera omnia, tomus secundus. Parisiis, 1878.
- Proházka 1957: Proházka, V. K historickoprávnímu významu csl. прѣтъкъѡтѣ a jeho parafrázi z ruských pramenů. – Slavia, XXVI, 1957, N 3, 337–340.
- Račeva 1986: Račeva, M. The Bulgarian dialect word мѣшѣлник and some of the earliest latin borrowings in Bulgarian. – Балканско езикознание, XXIX, 1986, N 2, 19–21.
- Reinhart 1980: Reinhart, J. Methodisches zu den lexikalischen Bohemismen im Tschechisch-Kirchenslavischen am Beispiel der Homilien Gregors des Großen. – Wiener slavistisches Jahrbuch, 26, 1980, 46–102.
- Reinhart 1990: Reinhart, J. Рец. на: Otto Kronsteiner: Житие блаженнаго Методиа архиепископа моравьскаго. Das Leben des hl. Method, des Erzbischofs von Sirmium. Salzburg 1989, 202 S. (= Die slavischen Sprachen 18). – Wiener Slavistisches Jahrbuch, 36, 1990, 252–260.
- Reinhart 2001: Reinhart, J. Ein weiterer Bohemismus in den tschechisch-kirchenslavischen Homilien Gregors des Großen: sněť 'folia'. – Slavia, 70, 2001, N 3–4, 439–446.
- Reinhart 2005: Reinhart, J. Рец. на: Преводите през XIV столетие на Балканите. София 2004, 518 c. – Wiener slavistisches Jahrbuch, 51, 2005, 287–292.
- Reinhart 2007: Reinhart, J. Die älteste Bezeugung der historischen Paläa in Slavischer Übersetzung (Cod. Slav. Vindob. 158). – Прилози и грађа 2004, 45–75.
- Runciman 1930: Runciman, S. The History of the First Bulgarian Empire. London, 1930.
- Rusek 1987: Rusek, Jerzy. Protobulgarzy i ich rola w dziejach języka bulgarskiego. – Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 24, 1987, 231–244.
- ŘV I: Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na evangelia v českecirkveněslovanském překladu. Sancti Gregorii Magni, Romani pontificis, XL Homiliarum in Evangelia in versione bohemo-slavonica. Díl první. Homilie I–XXIV. K vydání připravil Václav Konzal. Praha, 2005. (Práce Slovanského ústavu AV ČR, svazek 20/I).
- ŘV II: Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na evangelia v českecirkveněslovanském překladu. Sancti Gregorii Magni, Romani pontificis, XL Homiliarum in Evangelia in versione bohemo-slavonica. Díl druhý. Homilie VXX–XL. K vydání připravil Václav Konzal za pomoci Františka Čajky. Praha, 2006. (Práce Slovanského ústavu AV ČR, svazek 20/II).
- Sadnik: Sadnik, L. Des Hl. Johannes von Damaskus, Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως,

- in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. I–IV. I. Wiesbaden 1967; II–IV Freiburg i. Br., 1981, 1983, 1984 (= Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris, Fontes et dissertationes. T. 5, t. 14 (V, 2), t. 16 (V, 3), t. 17 (V, 4)).
- Schaeken 1987: Schaeken, J. Die Kiever Blätter. Amsterdam, 1987 (= Studies in General Linguistics, 9).
- Schaeken 1988: Schaeken, J. Nochmals: aksl. вѣсѣдѣ, вѣсѣдѣнь. – Die Welt der Slaven, 33/1, 1988, 87–101.
- Schaeken 1993: Schaeken, J. Sprachwissenschaftliche Überlegungen zur geographischen Lage Alt-märens. – Byzantinoslavica, LIV/2, 1993, 325–335.
- Schmid 1922: Schmid, H. F. Die Nomokanonübersetzung des Methodius. Die Sprache des Johannes Sholasticus. Leipzig, 1922.
- Schmid 1953: Schmid, H. La legislazione bizantina e la pratica giudiziaria occidentale nel piu antico codice slavo. – In: Atti del Congresso internazionale di diritto romano e di storia del diritto, Verona. 27–29.IX.1948. Milano, 1953, 395–403.
- Schneeweis 1960: Schneeweis, E. Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in Kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960.
- Schramm 2007: Schramm, G. Slawisch im Gottesdienst. Kirchenwortschatz und neue Schriftsprachen auf dem Weg zu einem christlichen Südosteuropa. München, 2007.
- SEPTUAGINTA: Η ΠΑΛΑΙΑ ΔΙΑΘΗΚΗ ΚΑΤΑ ΤΟΥΣ Ο΄, ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΕΤΑΙΡΙΑ, ΑΘΗΝΑ/SEPTUAGINTA, Id est Vetus Testamentum graecae iuxta LXX interpretes, edidit Alfred Rahlfs, Duo volumina in uno, Deutsche Bibelgesellschaft.
- Sieklicki 1962: Sieklicki, J. Quidam Priwina. Z zagadnień kształtowania się państwowości morawskiej w IX wieku. – Slavia Occidentalis, 22, 1962, 115–145.
- Sobolevskij 1912: Sobolevskij, A. Рец. на: Старите германски елементи в славянските езици. От д-р Стефан Младенов (Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XXV). София 1910. – Archiv für slavische Philologie, Bd. 33, 1912, 473–482.
- Stanislav: Stanislav, J. Dejiny slovenského jazyka. D. 1–5. Bratislava, 1967.
- Stanislav 1956: Stanislav, J. Slovenské slovo *nepriaznik*, stsl. Nepriěznъ. diabolus. – Slavia, XXV, 1956, 254–257.
- Šachmatov 1905: Šachmatov, A. Der Ausdruck *въсѣдѣ* in altkirchenschlavischen Denkmälern. – Archiv für slavische Philologie. Bd. 27, H.1, Berlin, 1905, 141.
- Šafárik 1858: Šafárik, P. J. Über den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858.
- Thomson 1993: Thomson, F. “Made in Russia”. A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia. – In: Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Rußland 988–1988. Köln–Weimar–Wien, 1993, 295–354.
- Trapp 1974: Trapp, E. Die Vieten des hl. Naum von Ochrid. – Byzantinoslavica, XXXV, 1974, N 2, 161–185.
- Vaillant I–IV: Vaillant, A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 1–4. Lyon–Paris, 1950–1974.
- Vajs, Kurz: Evangeliarum Asemani. Codex Vaticanus 3. slavicus glagoliticus. Ediderunt J. Vajs, J. Kurz, I. Prolegomena, tabulae. II. Úvod, text v přepise cyrilském, poznámky textové, seznamy čtení. Edidit J. Kurz. Praga, 1955; Evangeliář Assemanův. Kodex Vatikánský 3. slovan-ský. D. II. vydal J. Kurz. Praha, 1955.
- Van Vijk 1937–1938: Van Vijk, N. Рец. на: R. Nahtigal, Starocerkvenoslovanske študie, Razprave Znanstvenega Društva v Ljubljani 15, Filološko-lingvistični odsek 3, Ljubljana 1936. – Slavia XIV, 1937–1938, № 3, 231–232.
- Vašica 1951: Vašica, J. Origine Curillo-Méthodienne du plus ancien code slave dit “Zakon sudnyi ljudem”. – Byzantinoslavica, XII, 1951, 154–174.
- Vašica 1955: Vašica, J. Metodějův překlad nomokanonu. – Slavia, XXIV, 1955, N 1, 9–41.
- Vašica 1956: Vašica, J. Anonymní homilie rukopisu Clozova po stránce právní. – Slavia, XXV, 1956, N 2, 221–233.

- Vašica 1958: Vašica, J. Jazyková povaha Zakona sudného ljudem. – *Slavia*, XXVII, 1958, N 4, 521–537.
- Vašica 1961: Vašica, J. K otázce původu Zakona sudného ljudem. – *Slavia*, XXX, 1961, N 1, 1–19.
- Vašica 1971a: Vašica, J. Законъ soudnyi ljudьmъ=Soudní zákoník pro lid. – In: *Magnae Moraviae Fontes Historici*. D. 4. Brno, 1971, 147–198.
- Vašica 1971b: Vašica, J. Nomokanon. – In: *Magnae Moraviae Fontes Historici*. D. 4. Brno, 1971, 205–363.
- Vavřínek 1963: Vavřínek, V. *Staroslovenské životy Konstantina a Metoděje*. Praha, 1963.
- Vavřínek 2010: Vavřínek, V. The Question of the Legendary Welegrad (Veligrad) as the Alleged Seat of the Moravian Archbishop Methodius. – *Slovo*, 60, 2010, 771–790.
- Vavřínek, Zástěrova 1982: Vavřínek, V., B. Zástěrova. Byzantium's Role in the Formation of Great Moravian Culture. – *Byzantinoslavica*, XLIII, 1982, N 2, 161–188.
- Večerka 1976: Večerka, R. Slavistický příspěvek k latinské legendě Kristiánové. – *Slavia*, XLV, N 2, 1976, 132–136.
- Veder 1988: Veder, W. Рец. на: Schaecken, J. *Die Kiever Blätter*. *Studies in General Linguistics*, 9, Rodopi, Amsterdam 1987, X+272 pp. – *The Slavonic and East European Review*, 66, 1988, N 2, 252–253.
- Vepřek 2007: Vepřek, Miroslav. *Církevněslovanská Modlitba sv. Řehoř a její původ v komparaci s latinskou předlohou*. – *Slavia*, 76, 2007, N 1, 1–11.
- Wiehl 1974: Wiehl, I. *Untersuchungen zum Wortschatz der Freisinger Denkmäler*. *Christliche Terminologie*. München, 1974.

Электронные источники

- ЕБ: Елизаветинская Библия 1751 г. <<http://come.to/sbible>; http://adventist.kz/bible_rus.htm>.
- Константин Багрянородный: Константин Багрянородный. Об управлении империей. Москва 1991 (серия „Древнейшие источники истории народов СССР“). <http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp.htm>.
- Сайт Троице-Сергиевой Лавры: <<http://www.stsl.ru>>.
- Фульдские анналы: Фульдские анналы. *Annales Fuldenses*. Предисловие <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/pred.phtml?id=7504>. Текст (Текст переведен по изданию: *Jahrbücher von Fulda/Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters (Teil III)*, Bd. 7. Berlin 1960). <http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm>.
- Corpus: Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century. Sofia–Trondheim. <http://rosa.hf.ntnu.no/hf/slavic_corpus>.
- VW: Vokabulář webový. Vokabulář webový. Webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny. – <<http://vokabular.ujc.cas.cz/>>.

ИНДЕКС СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- агннць – 224;
азвоуковьникъ – 120;
апто – 205;
алъднн – 107;
алъканнѣ – 107;
алъкатн – 107;
ашоуѣть – 62;
балнн – 62;
бальство – 62; 252;
безмлъвннѣ – 268; 269;
без млъвзы – 268; 269;
безмлъвьнъ – 268;
безмлъвьствннѣ – 268;
бернлосъ – 173;
бестоуѣдннѣ – 239;
бесѣда – 210;
бесѣдоватн – 210;
бесѣдьникъ – 209; 210;
бѣланльннкъ – 75;
бещнньннца – 74; 75; 76;
бнскоупъ – 62;
богатъ – 218;
богъинн – 203;
больн – 142;
больмн, больма – 142;
боль – 121; 124; 125; 137; 142;
болта – 124; 125;
брадатъин – 218;
брадатъць – 217; 218; 219; 220;
братаннць – 224;
братоубннць – 224;
братъсестра – 99;
боукаръ – 120;
боуква – 120;
боуқваръ – 120;
боуқы – 120;
бъдѣтн – 132;
бъиковъ – 214; 215;
бъіііа – 204;
бѣднтн – 131; 132;
бѣланльннкъ – 261;
варнтн – 187; 188;
вароватн (са) – 116; 119; 121; 142; 163;
164; 177;
варовьно – 116;
варовьнъ (-ъин) – 116; 163;
варъ – 116;
вариатн – 187;
велелѣпота – 213;
велелѣпъин – 213;
велелѣпъно – 213;
велелѣпънъ – 213;
велемѣдрннѣ – 213;
велемѣдроватн са – 213;
велемѣдръин – 213;
велемѣдрьно – 213;
велемѣдрьнъ – 213;
велерѣчеватн – 213;
велерѣчунъ (-ъин) – 211; 212; 213;
велерѣчуннѣ – 213;
велетръпѣланъ – 213;
велехвала – 210; 211; 212; 213;
велехвалнтн са – 213;
велехвалннннѣ – 211; 212; 213;
веледадннннѣ – 213;
веледадннѣ – 213;
вельннменьнъ – 213;
вельннѣадъ – 212; 213;
вельгласьнъ – 213;
вельдарованнннѣ – 213;
вельдоушь – 210; 211; 212; 213;
вельн – 142;
вельлѣпота – 213;
вельлѣпъ – 213;
вельмн – 142;
вельможа, вельмѣжа – 212; 213;
вельмѣдроватн – 213;
вельрѣчеватн – 213;
вельрѣчѣствоватн – 213;
вельтръпѣланъ (-ъин) – 211; 212; 213;

- ВЕЛЫАДЪЬНЪИ – 213;
 ВНАДЪЬТН – 117;
 ВЛАЧЪНТН – 261;
 ВЛАЩЬ – 91; 92; 163; 164; 177;
 ВЛАЩЬСТВЕНН – 92;
 ВЛЪШТН – 261;
 ВОДОЛЪЬНЦЬ – 224;
 ВОЗЪННКЪ – 221;
 ВОЗЪННЦА – 221;
 ВОЛОЖЕРЪИИ – 119;
 ВРАГЪ – 155;
 ВРАННН – 214;
 ВРАННН – 214, 215;
 ВРАНОВЪ – 214; 215;
 ВРАНЪ – 215;
 ВРЪМА – 76; 77;
 ВЪЗВЪСЪНЪТН – 184;
 ВЪЗДЪХНЖТН – 126;
 ВЪЗДЪШЕННН – 125; 126;
 ВЪРЪСННТН (СА) – 62;
 ВЪРЖШТАТН СА – 216;
 ВЪРЖТНТН СА (ВЪРЖТНТН СА) – 215; 216;
 ВЪСКРНЛНТН – 239; 240;
 ВЪСКРНЛНН – 239; 240;
 ВЪСЪДНТН СА – 80;
 ВЪСЪДЪ – 62; 77; 78; 79; 80; 81;
 ВЪСЪДЪЬНЪ – 77;
 ВЪШЬ – 125;
 ВЪИТН – 70;
 ВЪИХОДНТН – 70;
 ВЪСМОГЪИ, ВЪСМОГЪИИ – 59; 62;
 ВЪСЬ – 142;
 ВЪСЬ ‘деревня’ – 192;
 ВЪСЬМА – 142;
 ВЪЬКО – 62;
 ВЪДЪЬННН – 163; 164; 177;
 ВЪДЪЬТН – 164;
 ВЪРА – 77;
 ВЪСТЪ – 163; 164;
 ГАВРАНОВЪ – 215;
 ГАВРАНЪ – 215;
 ГДОВАВННЦА – 217;
 ГДОВАВЪНЪ – 217;
 ГЛАВА – 254;
 ГЛАВАТНЦА – 219;
 ГЛАВАТЪ – 219;
 ГЛАВАТЪЦЬ – 217; 218; 219; 220;
 ГЛАГОЛЪ – 220; 221;
 ГЛАЗАТЪИИ – 218;
 ГНЖСЪНЪ, ГНОУСЪНЪ – 101;
 ГОЛЪНАТЪИИ (ГОЛЕНАТЪИИ) – 218;
 ГОННТН – 246;
 ГОНЪ – 246;
 ГОСПОДА – 62;
 ГОСПОДОУВЪННЦЬ – 224;
 ГОСТЬ – 157;
 ГРАДЪ – 25;
 ГРАМАДА – 180;
 ГРНЪ – 163; 164;
 ГРОМАДА – 179;
 ГРЪБАТЪИИ – 218;
 ГРЪМЪ – 179;
 ГРЪХЪ – 76; 77;
 ГЪДОВАВАЛЪ – 216; 217;
 ГЪДОВАВАЛЪИИ/ГОДОВАВАЛЪИИ
 (ГЪДОВАПАЛЪИИ/ГОДОВАПАЛЪИИ) –
 216; 217;
 ДЕСАТЬ – 206; 207;
 ДНДАСКАЛЪСТВО – 172;
 ДННАКЪ (ДНЪКЪ, ДЫАКЪ) – 143; 246;
 ДОБРОПНСЦЬ – 223; 224;
 ДОБРОПНСЦЬ – 223;
 ДОБРОРЪЬУННН – 224;
 ДОГОННТН – 81; 142;
 ДОКОУЧАТН – 265;
 ДОКОУЧНВАТН – 265;
 ДОКОУЧНТНСА – 265;
 ДОКОУЧЪЛНВЪИИ – 265;
 ДОКОУЧЪННКЪ – 265;
 ДОКОУЧЪИИ – 265;
 ДОЛОУ – 230;
 ДОЛЪ – 163; 164; 177;
 ДОУЧНТН СА – 225;
 ДОУЧНТАТН – 225;
 ДРЪКОЛЬ – 62;
 ДЪНННН – 255;
 ДЪНЪ – 77; 255;
 ДЪНАЧЪЦЬ – 247;

- ДѢГАТЪИН – 218;
 етеръ – 61;
 женаТЪИН – 218;
 женатъць – 218; 219; 220;
 жестовъинць – 224;
 жестосръднѣ – 149;
 жестосръдъ – 149;
 жнвотъ – 62;
 жьньчюуъ – 134;
 сѣло – 142;
 свѣрь (звѣрь) – 228;
 звестн – 177; 178;
 заграждатн – 244;
 загрълатн – 170; 177; 178;
 занденнѣ – 226;
 зантн – 226;
 законьникъ – 62; 163; 164;
 залѣстн – 92; 93;
 замѣтатн – 177; 180;
 западъ – 226;
 застѣпатн – 227;
 застѣпнтн – 227;
 застѣпъ – 226; 227;
 заходъ – 226;
 звѣрннѣць – 228;
 звѣрьннѣца – 227;
 зѣмьць – 228;
 змаргдоулосъ – 173;
 змннннглавъць – 254;
 нже – 262;
 нзбавнтель – 196;
 нзвнватн – 261; 262;
 нзволеннкъ – 163; 164; 165;
 нзволнтн – 163; 164; 177;
 нзволеннѣ – 164;
 нздръшѣннѣ – 196; 197;
 нздръшнтель – 196;
 нздръшнтн – 197;
 нзнтн – 253;
 нзнѣвзтн – 228; 229;
 нзнѣвѣрнтн сѧ – 229;
 нзнѣзда – 229;
 нзнѣзлапю – 229;
 нзнѣзлапъ – 229;
 нзнѣмогатн, нзнѣмагатн – 229;
 нзнѣможеннѣ – 229;
 нзнѣмощн – 229;
 нзннца – 143; 144; 145; 146; 229;
 ннокостраньникъ – 174;
 ннокость – 55; 58; 174; 175; 176;
 ннокостъникъ – 174;
 ннокостънъ – 174;
 ннокостъство – 174; 175;
 ннокъ – 174; 175;
 ннокъ днвнн – 175;
 ннокъин – 175;
 нноплеменьство – 174;
 нповѣдѣтн (сѧ) – 183;
 нпрахнѣтн – 184;
 нстннѧ – 63; 64; 65; 126; 127; 128;
 нстнннъ – 63;
 нсхождатн – 242;
 казатн – 163; 165; 177;
 каменнѣ – 255;
 камъ – 255;
 каръвзнъкоулосъ – 173;
 капаннѣ – 163; 165; 177;
 капатн сѧ – 165;
 кнтвз – 215;
 ключънъ (ключъно, ключъно кѣсть) – 163;
 165;
 ковьчегъ – 180;
 кокотъ – 230; 231;
 комъканнѣ – 62; 93; 142;
 комъкатн – 62; 93; 94; 142;
 кора – 231; 232;
 корав(л)нць – 224;
 косматъин – 218;
 кость – 157;
 кошоульнѣца – 148;
 кошоульнъ – 148;
 кошоульѧ – 147; 148;
 кра – 231;
 крантн – 232;
 кракъ (окорокъ) – 222;
 краль, король – 146; 147;
 кралатн – 232;
 крнжма, крнзма – 94; 95;

- крнжмо – 95; 232;
 крнжолнтосъ – 173;
 крнжь – 95;
 крнлатъ – 218;
 крнло – 240;
 кротъкъ – 232;
 кротъць – 232;
 кротъченнѣ – 232;
 кроуьмль – 205;
 крьста – 134;
 крьстница – 134;
 коуль – 134;
 коуьпнтн – 180;
 коуьпно – 253;
 къльгъ – 134;
 къметнѣнць – 82;
 къметнць – 82; 83;
 къметъ – 81; 82; 83; 142;
 къмотра – 62; 83; 90;
 къпетра – 83; 90;
 лнетвнѣ – 194; 195;
 лнетнѣ – 255;
 лнетъ – 255;
 львовъ – 215;
 любадѣнць – 223;
 лють – 233;
 лѣквѣн – 152; 153; 156;
 малъ – 97; 98;
 малъжена – 62; 95; 96; 97; 98; 99; 100;
 101; 102; 142;
 малъженство – 100;
 малъчькъ – 163; 164;
 маснна – 184; 185;
 междн – 206;
 между (междю) – 206;
 мнлосръднѣ – 62;
 мнлосръдъ – 148; 149; 150;
 мнлостъ – 102;
 мнса – 61; 62;
 младеньць – 247;
 мльва – 199; 267; 268; 269;
 мльвнтн – 267; 268; 269;
 мльвлѣннѣ – 270;
 мльвънъ – 270;
 молнтвънница – 163; 165;
 моуьдѣнѣ – 103; 104;
 мъдѣлостъ – 102; 103;
 мъдѣльн – 103;
 мъдѣльнѣн – 103;
 мъдѣльнѣ – 103;
 мъннхъ – 62;
 мънншница – 233;
 мънншьнница – 233; 234;
 мънншьскъ – 233;
 мъногонтаннѣ – 213;
 мъшелонмьць – 84;
 мъшелонскатель – 84;
 мъисль – 125;
 мъшь – 125;
 мъшель, мъшелъ – 84;
 мъшѣ, мъша – 59; 62; 84; 85;
 мѣсто – 150; 151;
 мѣкаръ – 234; 235;
 мѣчнтель – 235;
 нагло – 130;
 наглодоушьнъ – 130;
 наглъ – 130;
 наглѣство – 129;
 накластн – 177; 180;
 накоуьпнтн – 177; 180;
 намѣстнѣ – 164; 165; 177;
 намѣстьннкъ – 166;
 наповѣдѣтн – 235;
 наповѣштаннѣ, наповѣштѣннѣ – 236;
 нарнцатн – 228;
 нашьскъ – 236; 237; 238;
 невѣднмъ (вм. не вѣднмъ) – 130; 131;
 132;
 недѣля – 236; 237; 238;
 недѣля цвѣтънаѣ – 59; 61; 62;
 некротъченнѣ – 232;
 неповѣднмъ – 131;
 непрназникъ – 158; 159;
 непрназнь – 62; 104; 124; 142; 151; 152;
 153; 154; 155; 156; 157; 158; 159;
 160;
 непрназньннкъ – 158; 159;
 непрнатель – 155;

- нераднѣти — 85;
 нерадънъин — 85; 86;
 нераждение — 85;
 нероднѣти — 85;
 неродьно — 85;
 нестера — 86; 87; 88;
 нестоудниѣ — 238; 239;
 несъзмъзисльнъ — 238;
 несъзмъзисльениѣ — 238;
 негнн — 87; 88; 142;
 ннзоу — 230;
 ннзъ — 230;
 ннць — 146;
 нъинъ — 203;
 нѣмьскы — 239;
 нѣмьчъскъ — 239;
 нѣжда, ноужда — 101;
 обнаниѣ (въ ѡбнальн) — 185;
 обланствьнѣти — 184;
 обложнѣти сѧ — 177; 181;
 образъникъ — 239;
 обзхъитнѣти — 177; 181; 182;
 окракъ (окорокъ) — 221; 222;
 окрнаниѣ — 239; 240;
 окрнлѣти — 239;
 олзтарѣ (алзтарь) — 62; 100; 104; 106;
 107; 142;
 омракъ — 240;
 омрачати — 240;
 омрачнѣти — 240;
 омрачънъин (омраченъин?) — 240;
 оплатъ — 59; 62;
 (о-)прометати (сѧ) — 177; 182;
 оревати — 241;
 оревнѣти — 241;
 оръ — 240; 241;
 ослабѣти — 184;
 ослигладвьць — 254;
 остоуднѣти (сѧ) — 177; 183;
 остоуждати — 183;
 оскатъ — 218;
 отвѣга — 113;
 отпоущенница — 113;
 отроуванъ — 235;
 отроуѣнѣти — 177; 184; 185;
 отъкръити — 225;
 отъчєснѣти — 190;
 охавнѣти (сѧ) — 271;
 охавлати (сѧ) — 271;
 охнѣти — 181;
 охнѣно — 181;
 охнѣть — 181;
 охъдъ — 241; 242;
 охъитнѣти — 181; 182;
 пазъ — 242; 243;
 панъта та ези — 168;
 папа — 66;
 папежь — 59; 62; 66;
 пасти сѧ — 253;
 паѣкъ — 244;
 паѣчнн — 244;
 печѧ — 164; 167;
 пнскоупъ — 244; 245;
 пнскоупѣствовати — 244;
 пнхательница — 234;
 пншта — 58;
 плескати — 268;
 пнштєвати — 268; 269;
 пнштѣть — 268; 269;
 плотъ — 185;
 плочѣти — 185;
 плочѣниѣ — 185;
 плочшта, плюшта — 245;
 плъть 'плоть' и 'плот' — 177; 185; 186;
 пласаниѣ — 170;
 пласати — 170;
 пласъ — 170;
 пласъць — 170;
 повозъникъ — 221;
 повозънъин — 221; 245;
 поганьскъин — 107;
 погаснѣти — 248;
 погоннѣти — 246;
 погонъ — 246;
 погребательница — 234;
 погребательнъ — 234;
 позорати — 256;
 покланѣти сѧ — 184;

- поклонити сѧ – 183;
 половина – 120;
 пониеваже – 177;
 попрьсьць – 246; 247;
 попъ – 100; 108; 109; 110; 142;
 посвѣтити – 247;
 посвѣтъ – 247; 248;
 послоухатан – 256;
 *послоухати – 256;
 послоуховати – 256;
 послоухъ – 256;
 послоушати – 193;
 послоушънникъ – 256;
 постити сѧ – 110;
 поствъ – 110; 111; 112;
 потъпѣга, подъпѣга – 112; 113;
 пощеніе – 110; 111;
 погасъ – 247;
 при снлъ – 248;
 приелнжати сѧ – 252;
 приелнжити сѧ – 252;
 приевъивати – 252;
 приевъити – 252;
 приевъгати – 252;
 приевъгнжати – 252;
 приевъжнще – 252;
 приевести – 251;
 приелъци – 252;
 пригасити – 248;
 пригашати – 248;
 приготовити – 251;
 приимати – 251;
 прилежати – 251;
 приложити сѧ – 93;
 приместъ – 249;
 примракъ – 249; 250;
 примрачьнъин – 240; 249; 250;
 приносъ – 114;
 приплакати – 250;
 приподобити сѧ – 250;
 приподоблати (сѧ) – 250;
 *припоустити сѧ – 252;
 приррижати сѧ – 251;
 прискоуити – 251;
 присноублати – 132;
 присѣкнвати – 251;
 притъкнжати – 88; 89; 136; 142;
 притъкати – 89;
 приѣстие – 80;
 приѣщати (сѧ) – 80;
 приѣщение – 80;
 приазиіе – 157;
 приазиіин – 154;
 приазиінь – 124; 153; 154; 155; 156; 157;
 158; 159; 160;
 приатель – 153; 155; 156;
 приати – 153; 155; 159; 177; 188;
 приахати – 188;
 приажа (привѣжа) – 252;
 приати – 188;
 продромъ – 172;
 пропоустити сѧ – 252; 253;
 протнѣнникъ – 155; 159;
 прьен – 246; 247;
 прьсьць – 247;
 прьѣдварити – 187;
 прьѣдварити – 187;
 прьлюводъвнць – 224;
 прьмъ – 249;
 прьслоуха – 193; 194;
 прьслоушание – 193; 194;
 прьслоушати – 177; 192; 193; 194;
 прьветнигнжати – 177; 186; 187;
 прьветншати – 186; 187;
 прьѣцнть – 59; 62;
 поустити сѧ – 253;
 поустенница – 112; 113;
 пьени – 254;
 пьениглавьць – 253;
 пьениглавзи – 254;
 пьнасъ – 115; 142;
 пьснопнснць – 224;
 пьснь – 125;
 пантикостниа, пантикостниѣ – 171;
 разграждати – 244;
 размъисанти – 254;
 размъишлнвати (размъислнвати) – 254;
 размъишленіе – 167;

- разра́днѣти – 254;
 распа́датн сѧ – 177; 188; 189;
 распа́чатн сѧ – 164; 167; 168;
 распа́ченнѣ – 167; 168;
 распече́еннѣ – 167;
 распла́катн сѧ – 167;
 распла́ченнѣ – 167;
 распла́тнѣти – 167;
 распла́чатн сѧ – 167;
 распла́щатн сѧ – 167; 168;
 распла́щеннѣ – 167; 168;
 расѣ́къзѣватн (расѣ́кънѣватн) – 255;
 ра́чнѣти – 62; 164; 177;
 ра́штеснѣжѣти (ра́щеснѣжѣти) – 177; 190;
 ра́щесѧти – 190;
 Рнмъ – 167;
 рннѣжѣти сѧ – 251;
 рованнѣ или рованнѧ (вин. мн.) – 59; 62;
 Роумъ – 166; 167;
 роумьскъзѣн – 166;
 рѣ́дъкъзѣ – 254;
 рѣ́сновѧтъзѣн – 64; 65;
 рѣ́снога – 62; 63; 64; 65;
 рѣ́сногнѣвнѣ – 64;
 рѣ́сногнѣвѣз (-зѣн) – 62; 65;
 рѣ́сногнѣвѣнъ (-зѣн) – 62; 63; 64;
 рѣ́снъзѣн – 64;
 рѣ́въ – 164; 166; 177;
 ра́дъ – 254;
 сѧрѣ́днѣнось – 173;
 сѧфнросѣ – 173;
 се́дмнѣца – 236; 238;
 снѣга – 255;
 снѣгнѣ (снѣтъць) – 255;
 снѣго – 255;
 *снѣтъ – 255;
 снѣтъ – 255;
 снѣтъце – 255;
 сѣ́злѧсь – 115;
 слѧвъ – 184;
 слѧвъѣти – 184;
 слоучѧтель – 255; 256;
 слоучѧти – 256;
 слѣ́шатѣль – 256;
 снага – 164; 167; 177;
 снажѣнъ – 164; 167; 177;
 снѣтъ – 194; 195;
 старосѣ́твнѣ – 257;
 старосѣ́тство/старосѣ́тво – 256;
 стнѣгнѣжѣти – 187;
 стнѣсѧти – 187;
 стѣ́рѧнѣнопогреватѣльнѣца – 234;
 стѣ́рѧнѣство – 174;
 стѣ́рѣжѣннѣкъ – 90;
 стѣ́рѣнѣн – 90;
 стѣ́роуѣзѣ – 164; 168;
 стѣ́ръкъзѣ (стѣ́роуѣкъзѣ, стѣ́роуѣкъзѣ) – 258; 259;
 стѣ́роуѣдѣнъ – 183;
 стѣ́роуѣдѣнѣ – 183;
 стѣ́роуѣдъ – 183;
 стѣ́гнѧ – 192;
 стѣ́лѧсь – 115; 142;
 сѣ́влѧкъзѣ (сѣ́влѧкъзѣ) – 261; 262;
 сѣ́влѧчѣнѣти – 261; 262;
 сѣ́влѧвъшѣти – 261; 262;
 сѣ́въѣдѣвъѣтель – 131;
 сѣ́гѣрама́днѣти – 179;
 сѣ́гѣрама́ждѣеннѣ – 179;
 сѣ́гѣрома́ждѧти – 177; 178;
 сѣ́гѣрома́ждѣеннѣ – 177; 178;
 сѣ́нѣвъдѣ – 194; 195;
 сѣ́пѧстнѣ сѧ – 253;
 сѣ́плѧтнѣти – 167;
 сѣ́пѣрѧжѣнъ – 98;
 сѣ́пѣрѧжѣнѣти – 98;
 сѣ́пѣръѣѣти сѧ – 257;
 сѣ́тѣжѣпнѣти сѧ – 259;
 сѣ́тѣжѣпѣ – 260;
 сѣ́жѧжѧти – 191;
 сѣ́жѣжѣти (сѣ́роуѣжѣти) – 177; 190; 191;
 сѣ́ршѣнѣ – 257;
 сѣ́слѧнѣвѣзѣн – 252;
 сѣ́кънѣжѣти – 252;
 сѣ́внн – 262; 263;
 сѣ́внѣ – 262; 263;
 сѣ́внѣннѣца – 263;
 сѣ́внѣнъ – 263;
 сѣ́жѧтъзѣ – 218;

- сѣмьѣннѣ – 167;
 сѣпрѣгъ – 96; 98; 101;
 тепланца – 263;
 терпѣлнеоносецъ – 212;
 тнмѣннѣ – 62;
 тнмѣно – 62;
 тлѣпзигъ – 134;
 тоземьць – 228;
 толан – 133;
 томнтель – 235;
 топазньць – 173;
 тоагъ, тоага – 171; 173;
 тръпѣанвъ – 211; 212;
 тоукъ – 184;
 тоуфънъ – 184;
 тоуфъннтн – 184;
 тоуфънѣтн – 184;
 тѣкѣзѣ – 120;
 тѣма – 134;
 тѣжѣкоерьдъ – 149;
 оувароватн – 115; 121;
 оугаснѣтн – 248;
 оугашатн – 248;
 оуланца (по оуланцамъ н по стѣгнамъ) –
 177; 192;
 оуломнтн – 264;
 оуломзкъ – 264;
 оулютатн – 264; 265; 266;
 оулютнтн – 266;
 оулютоватн – 265; 266;
 оумлѣвеннѣ – 269; 270;
 оумлѣвнтн – 199; 267; 269; 270;
 оумоленнѣ – 269;
 оумѣвеннѣ – 269;
 оумѣлвннкъ – 267; 269;
 оумѣлвѣць – 267;
 оустатъин – 218;
 оустѣна – 218;
 оустѣнатъин – 218;
 оутагнѣтн – 62;
 *оухабнтн сѣ – 271;
 оухаблатн сѣ – 270; 271;
 хлакъ – 100;
 хлауѣва – 100;
 хоуатанствоватн – 62;
 хоуатн – 117;
 хрнжма, хрнзма – 95;
 хрѣтнца – 271;
 цѣвѣтънаѣ недѣла – 59; 61; 62;
 центавръ – 258;
 чароуѣнць – 224;
 четъирн (четъире) между оу десатѣма – 207;
 чловѣкоуѣннѣць – 223;
 шестокрнлатъ – 218;
 шѣствоватн – 205;
 ѣдннѣ, ѣдннъ – 61; 62; 171;
 жѣа – 252;
 жѣнтн – 191;
 жѣзкъ – 191;
 ѣтн – 181; 182;

OLD BULGARIAN TRANSLATED LITERATURE AND THE PROBLEM OF LEXICAL MORAVISMS

(Summary)

In the basis of this book were layed a few articles that deals with kind of words which due to the almost centenary tradition are considered to be “moravian” (i.e. West Slavonic) by origin. The material was extended at the expense of observations over George Hamartolos’ *Chronicon*. The author intended to “expose” some contemporary scholars that made a new attempt to wide the vocabulary of “moravisms”, they even proposed a new concept of “moravisms”. On that unstable grounds many texts were attached to Moravian period of the Slavonic literature. At the beginning of this work the author assumed that small number of real moravisms exists. The analysis proposed here reveals that most of these words are considered “moravisms” erroneously. Futhermore, it was cleared up that there is no need of such kind of term as “moravism”.

An attention is payed to the problem of location of Magna Moravia because of debate that took place in the last thirty years of the 20th century. This debate together with the analysis of lexical “moravisms” make us to assent a new vision on the beginning of Slavonic literary tradition. Many commonly accepted opinions come from 19th century when Czech tradition struggles for emancipation from German political and cultural domination.

At the end of 19th century a new trend was born: ambition to appropriate somebody else’s cultutral tradition. In the 20th century this trend gatheres strength and there is no hope that it will ever come to the end. In the centre of this trend is translated literature in Slavia Orthodoxa. Around number of large translated texts there goes long lasted discussion about their origin. On focus is lexical criterion braught to use by A. I. Sobolevskij. The lexical criterion is directly related to the problem of lexical “moravisms”.

The analysis shows that texts like *Anonymous Homily* in Clozianus, *Zakon Sudnyj ljudem*, *Vita Methodii* and others could not be attached to Moravian period of the Slavonic literature. The existing of Czech recension of “Old Church Slavonic” is more then questionable. Neither *Sermons* on the Gospel by St. Gregory the Dialogist could be bind with 11th century Czech tradition, nor in the first translation of George Hamartolos’ *Chronicon* could traced any Czech language influence as P. A. Lavrov considered. Attempts to substantiate the existing of East Slavonic (Old Russian) corpus of translanted texts must be considered unsuccessful and groundless. The main problem is the wrong terminology related to the first written Slavonic language.

Ростислав Станков

ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ТЕКСТЫ
И ПРОБЛЕМА ЛЕКСИЧЕСКИХ МОРАВИЗМОВ

Българска
Първо издание

Редактор *Елка Миленкова*
Предпечат *Мая Попчева*

Формат 70/100x16
Печатни коли 20,0

Университетско издателство „Св. Климент Охридски“
www.press-su.com